

ИСТОРИЯ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

(с древнейших времен до 1800 г.)

ИБ ПНУС

486823

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1984

HISTOIRE GÉNÉRALE
DE L'AFRIQUE NOIRE

dès origines à 1800
Paris, 1970

Перевод с французского
Г. А. МАТВЕЕВОЙ, Е. Н. КАЛЬЩИКОВА

Ответственный редактор
и автор предисловия
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

Книга по истории Тропической Африки с древнейших времен до 1800 г. написана ведущими африканистами Франции, Англии и Бельгии. В работе широко использованы материалы археологических исследований, предпринятых после 1945 г., а также устной традиции и письменных источников. Исследуется историческое развитие Нубии, Сахары, Судана, зоны тропических лесов, восточноафриканского побережья, Южной Африки. Дано описание физико-географических особенностей континента.

И 0504000000-079 24—84
013(02)—84

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

БИБЛИОТЕКА
Ивановского
научного института
№ 486823

«История Тропической Африки» — отнюдь не первая попытка написать историю народов Африки. У нее уже были предшественники как в Германии, так и во Франции.

По-видимому, первым, кто задался целью написать историю Африки в целом, был известный немецкий этнограф Генрих Шурц. Автор многочисленных работ по этнологии, он принял участие в составлении «Истории человечества»¹, написав для этого издания все разделы, посвященные Африке. Г. Шурц собрал все известные к тому времени сообщения путешественников и миссионеров, исторические предания народов Тропической Африки. Он составил генеалогии и списки правителей государств Судана, Камеруна, Конго, Юго-Восточной Африки — словом, все, что было к тому времени известно об истории народов Тропической и Южной Африки, а также написал все разделы по истории стран Северной Африки в эпоху ислама. Как бы мы ни оценивали этот труд, несомненно одно: история народов Африки впервые была включена в рассмотрение истории всего человечества. Для того времени, т. е. для конца прошлого века, работа Г. Шурца представлялась новой и необычной. Народы Африканского материка еще со времен Гегеля признавались неисторическими, народами, у которых вообще не могло быть никакой истории. Несомненно, что почтенный труд Г. Шурца не может в наши дни удовлетворить нас ни по своему методу, ни по качеству собранного материала. Он не лишен наивностей и красот, свойственных историческим описаниям прошлого века, вроде сравнения истории Африки с тяжелым ночным сном: «спящего он успокаивает или тревожит... а проснувшийся скоро забывает о нем». И тем не менее работа Шурца — первая попытка написать историю Африки, в какой-то степени дать представление о прошлом ее народов.

Шурц писал свои работы в годы подъема великогерманского империализма с его колониальными устремлениями и сознанием превосходства белой расы, призванной якобы руководить всеми неевропейскими народами. Ученик и друг известного географа Фридриха Ратцеля, Шурц был типичным представителем германского шовинизма со всеми его чертами, характерными для тех лет — времени объединения немецких княжеств и создания Германской империи, победы ее над Францией, эпохи колониального раздела мира и создания колоний в Африке, Океании и на Дальнем Востоке.

Работа Шурца — свидетельство огромного трудолюбия ее автора, но и тогда она не соответствовала требованиям исторической науки. Вся история в изложении Г. Шурца сводилась к описанию событий, перечням имен без малейшей попытки выяснить причины упоминаемых им событий: войн и по-

ходов, возвышения и падения царств и империй. **Истории народов, установления каких-либо закономерностей их общественного развития, т. е. истории в нашем понимании этого слова, в работе Г. Шурца мы не найдем.**

Следующей по времени работой, где излагалась история Африки в целом, была книга известного лингвиста Дитриха Вестермана, написанная в 1939 г., но изданная только после окончания войны, в 1953 г.²

Труд Вестермана в теоретическом отношении мало чем отличался от работы Шурца. Все изложение истории Африки у Вестермана пронизано убеждением в пассивности, статичности и терпеливости «негрской расы», в течение веков находившейся в рабском состоянии.

История развития общественных отношений, проблемы возникновения классов, закономерности образования и развития государства в работе Вестермана начисто отсутствуют.

Весь характер и все содержание книги определялись взглядами, распространенными в среде историков и этнографов Германии начала XX в. В годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, в университетах Германии господствовали теории историков культурно-исторической школы, или, точнее сказать, культурно-исторического направления. Корни его восходили в конечном счете к работам Фр. Ратцеля, создателя особого ответвления в географической науке — антропогеографии — и автора огромного труда «Всеобщее народоведение», ученого, много занимавшегося проблемами связи исторических наук с географическими. Его учеником и последователем был не только уже упоминавшийся Г. Шурц, но и Франц Штульман, путешественник, спутник Эмина-паши в его странствиях в Африке, ботаник и зоолог, известный своими исследованиями по истории культуры народов Африки. В числе последователей Ратцеля были также Лео Фробениус и другие наиболее известные представители культурно-исторической школы: африканист Анкерман и историк Ф. Гребнер, позднее Г. Шпаннаус и Г. Бауман.

Работе Вестермана предшествовало небольшое исследование Шпаннауса об образовании государств в Африке. В ней Шпаннаус приходил к заключению, что в конечном счете все государства в Африке были созданы светложеными хамитами, кочевниками, обладающими «государственнообразующими способностями». Хотя в **Истории Вестермана** столь прямых выводов мы не находим, все его изложение сводится, по существу, к не высказанным прямо положениям такого же характера. В целом в это время исторические исследования обычно сводились к истории завоевания колоний и дележа Африканского материка империалистическими державами. Подобных работ было множество, и все они описывали героические подвиги завоевателей, побеждавших полчища дикарей. Конечно, нельзя полностью осуждать все работы по истории Африки того времени. Так, трехтомный труд Мориса Делафосса «Верхний Сенегал — Нигер»³ представляет исключение. В нем на основе изучения исторических хроник и местных традиций описана история народов и государств Западного Судана. Однако работа Делафосса ограничивалась всего лишь историей народов в пределах границ французских колониальных владений в этой части Африки.

После окончания первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции в России началось нарастание национально-освободительного движения в странах Африки. Соответственно возрос интерес к изучению истории ее народов. Незадолго до публикации «Истории Африки»,

написанной Д. Вестерманом, во Франции появилась книга Р. Корневена «История Африки с древности до наших дней»⁴. В ней автор попытался вкратце изложить историю всего Африканского континента, начиная с древнейших времен вплоть до наших дней. Книга эта отвечала потребностям времени, была свободна от предрассудков расистского характера, и неудивительно, что она выдержала несколько изданий. Р. Корневен, до того долгое время работавший в африканских колониях Франции, хорошо знал не только страны Западного Судана и Гвинейского побережья, но также и Северную Африку с ее мусульманской культурой. Вскоре после того он опубликовал весьма обстоятельные исследования по отдельным странам Африки: сначала историю Того, затем историю Дагомеи, а в 1960 г. «Историю народов Черной Африки»⁵. В этой книге мы находим историю всего Африканского материка с древнейших времен вплоть до появления металла, но затем автор ограничивается рассмотрением истории лишь «Черной Африки».

Не следует думать, что термин «Черная Африка» в понимании его французскими авторами имеет строго антропологическое значение. Казалось бы, он должен обозначать только народы негрской расы, но это не так. Французские африканисты к числу народов «Черной Африки» относят также бушменов и готтентотов — представителей отнюдь не чернокожей так называемой койсанской расы — и все народы северо-восточной части материка — Эфиопского нагорья и прилегающих к ней областей Сомалийского Рога, население которых антропологи причисляют к особой эфиопской расе, отличной от индо-средиземноморской. Противопоставление «Белой Африки» «Африке Черной» имеет, таким образом, не научное, а скорее бытовое, так сказать, обывательское значение, противопоставляя светложеное население стран всей Северной Африки — Магриба, Египта и Сахары — всем остальным обитателям Африканского материка, не только неграм, но и всем темнокожим народам. Авторы данной книги отнесли к их числу даже население Мадагаскара, причисляемое антропологами к южно-китайской расе. В известной степени здесь, может быть, сказались античная традиция. Греки противопоставляли светложеное население Северной Африки — ливийцев — всем остальным народам, жившим где-то в глубине материка в жарких странах, называя их темнокожими эфиопами, что по-гречески означало «люди с лицами, обожженными солнцем», т. е. людям не только чернокожим, но и вообще смуглым.

Исследования Р. Корневена были очень своевременны, и расширенная версия его первой «Истории Африки» также издавалась неоднократно. Вскоре неутомимый автор издал третий вариант, уже трехтомную «Историю Африки»⁶. Одновременно с Р. Корневеном опубликовал свои работы по истории Африки французский географ-марксист Ж. Сюре-Каналь. Это «Черная Африка. География, цивилизации, история»⁷, а затем «Черная Африка. Эпоха колониализма. 1900—1945»⁸. Однако в них он рассматривал историю только Западной Африки, точнее, по существу, историю бывших французских колониальных владений — Французской Западной и Французской Экваториальной Африки.

Таким образом, предлагаемая вниманию читателя «История Тропической Африки» имеет своих предшественников — не только немецких, но и французских ученых.

Книга составлена группой широко известных ученых. Группу эту возглавлял крупный историк, долго работавший в Африке и хорошо знакомый с ее

историей, Ю. Дешан — автор многих работ по истории Мадагаскара, Габона и других французских колоний.

Большинство авторов — французские ученые. В их числе Р. Мони — специалист по средневековой истории Западной Африки, историк и археолог, известный своими исследованиями по мореходству и истории эпохи географических открытий, участник многих археологических экспедиций на территории Западного Судана; Ж. Баланье — историк и социолог, занимавшийся историей Конго XV—XVII вв., автор многочисленных работ по социологии современной Африки; Ж. Иерно — известный специалист по антропологии Африки; лингвисты П. Александр и Ф. Лакруа — специалисты по языкам народов Западной Африки: языкам банту (в частности, языку булу) и языку фуль; историки Ж. Ломбар, изучавший этнографию и общественный строй народов бассейна р. Вольты (в частности, барба), и Ж. Леклан — египтолог, известный своими работами по истории Египта и Нубии, географ Ж. Соттер и др.

Кроме них в числе авторов двое бельгийцев — Я. Вансина и Ж. Маке, которые долгое время работали в бывшем Бельгийском Конго. Я. Вансина известен своими исследованиями по истории народов группы теке, в частности истории государств бакуба и бушонго, а также теоретическими работами о значении устной традиции как исторического источника для восстановления прошлого народов, не имеющих письменности. Ж. Маке много лет изучал народы Урунди и Руанды, описав основы их общественного строя. Он — автор общего очерка истории культуры народов Африки, переведенного на русский язык⁹. Очерки по Восточной и Южной Африке написаны английским историком Р. Оливером — издателем «Журнала африканской истории». Из англичан кроме него в этом издании принимали участие также В. Г. Рэндлз и Г. Б. Хантингфорд, известный многими работами по истории Северо-Восточной Африки, и другие специалисты.

«История Тропической Африки» состоит из трех частей. Первая часть содержит главы, охватывающие Тропическую Африку в целом. Здесь специалисты разных областей знакомят читателя с состоянием наших знаний по истории Африки и смежным проблемам и вопросам, стоящими перед исследователями в настоящее время. Не все главы этой части книги равноценны. Некоторые из них требуют теперь дополнений, другие — почти полного пересмотра: до такой степени изменились наши представления об истории Африки в результате исследований двух последних десятилетий. Это относится прежде всего к главе о доисторическом периоде Африки. Автору этой главы, историку Р. Мони, по-видимому, остались неизвестными работы лингвистов последнего времени, и все сказанное им о появлении в Африке хамитов, переселившихся из Азии, и о распространении расовых типов, равно как и представление о двух самостоятельных языковых семьях — семитской и хамитской, уже давно устарело.

Еще в начале 30-х годов нашего века известный французский языковед-семитолог М. Коэн доказал, что семито-хамитская семья языков состоит из четырех ветвей — семитской, кушитской, древнеегипетской и берберской — и нет решительно никаких оснований признавать хамитские языки чем-то единым, противостоящим семитским языкам¹⁰.

Устарели также сведения о палеолитических культурах Африки. Открытия последних лет, сделанные преимущественно на территории Южной Эфиопии, в западной части Кении, около оз. Рудольф, полностью изменили преж-

ние представления о древности предков человека, и теперь приходится датировать их намного более ранним временем. Палеоантропологические открытия, связанные с именами Арамбура, а также Луиса, Мери и их сына Роберта Лики, заставили признать, что родиной человечества (точнее сказать — далеких предков человека) была именно Африка¹¹. Более того, специалисты-археологи утверждают, что все основные завоевания культуры на начальных этапах развития человека были сделаны именно на Африканском материке¹².

Р. Мони же придерживается прежде широко распространенного среди археологов взгляда, что смена различных типов каменных орудий и техники их изготовления происходит обычно в результате миграций. Он предполагает, что развитие культуры аборигенного населения Африки было результатом появления из Азии миграционных волн хамитов — предков ливийцев, берберов и кушитов. Это представление давно устарело и отвергнуто современной наукой. Стремление объяснить все изменения переселениями чрезмерно упрощает историю развития культуры. В действительности в процессе трудовой деятельности сами охотники и собиратели постоянно совершенствовали свои орудия, постепенно овладевая новыми приемами их изготовления, приспособлявая их к выполнению новых задач. В свете новых открытий странно читать рассуждения о невозможности существования керамики в Африке эпохи эопалеолита. Теперь выяснилось, что неолит Сахеля в Западном Судане одновременен неолиту Ближнего Востока. Также устарели и предположения Мони о происхождении земледелия. Он придерживается взглядов на приоритет в этом отношении Ближнего Востока. Однако, по новейшим данным радиоуглеродного анализа, использование дикорастущих злаков в долине Нила оказывается на много тысячелетий древнее, чем в Передней Азии. Проблемы происхождения земледелия и скотоводства теперь не рассматривают в отрыве одно от другого, как это представлялось Мони, напротив, они взаимосвязаны. Приходится пересматривать и все прежние предположения о заимствовании народами Африки домашних пород скота и т. п., относясь с величайшей осторожностью к утверждениям о приоритете переднеазиатских культур.

Пересмотру подверглись также представления о неолитической революции: новые археологические находки в Западном Судане, в районе Сахеля и в долине Нила показали большую древность появления керамики, равно как и употребления в пищу дикорастущих злаковых растений¹³.

Необходимо отметить, что авторы отдельных глав данной книги порою противоречат друг другу. Так, очень важная для истории культуры народов Африки проблема происхождения обработки железа и его распространения изложена Р. Мони в главе о доисторическом периоде и Ж. Лекланом в главе об истории Нубии по-разному. Еще в 1909—1910 гг. при раскопках в Мероэ выяснилось, что некоторые храмы были воздвигнуты на холмах, состоящих из шлака, причем слои шлака достигали большой толщины. Пораженные этими находками, английские археологи назвали Мероэ «африканским Бирмингэмом». Это сравнение понравилось, и его многократно повторяли в популярных и даже специальных книгах. Такова же точка зрения и Ж. Леклана¹⁴, считающего Мероэ центром происхождения обработки железа, откуда оно распространилось по всей Африке. Мони же высказался по этому вопросу гораздо осторожнее и предположил возможность появления железа в Тропической Африке из Северной Африки. Исследования последних лет подтвердили справедливость точки зрения Мони. Действительно,

железо в Мероэ появилось только после вторжения в Египет ассирийцев и сначала встречалось очень редко и только в царских погребениях. Лишь много позднее железо вошло в обиход меронтов¹⁵. Таким образом, следует признать, что в Западный Судан техника обработки железа проникла из Северной Африки по караванным путям через Сахару. Предположение Леклана, будто бы правители Мероэ, изгнанные из своей страны, отправились в глубь Африки и перенесли с собой технологию выплавки металлов и что это отразилось в преданиях бушонго, — чистая фантазия¹⁶.

Следующая глава написана известным антропологом Иерно и представляет собой очень интересное исследование. Здесь читатель найдет ясное изложение весьма сложных вопросов современной антропологии. Автор показывает условность разного рода антропологических классификаций и обращает основное внимание на значение множества разнообразных факторов, определяющих различия в физическом типе.

Поскольку нет необходимости давать характеристику каждой из глав книги, достаточно лишь некоторых замечаний. Раздел, посвященный языкам Африки, написан лингвистом Ф. Лакруа, знатоком африканских языков; несмотря на краткость, глава эта дает представление о лингвистическом разнообразии и сложности языкового состава Африканского материка. Автор, ссылаясь на работы американского лингвиста Дж. Гринберга, считает возможным признать, что общее число языков Африки составляет примерно около 1200. В настоящее время их насчитывают уже около 2 тыс. В связи с этим следует заметить, что на основании чисто лингвистических данных точное число языков Африки установить невозможно. Различие между языком и диалектом определяется на основании не столько одних лишь языковых данных, сколько, пожалуй, прежде всего соображений историко-этнографического и даже политического характера. Так, порой близкородственные и взаимопонимаемые диалекты принято считать различными языками, например, языки зулу и коса. Иногда в административных интересах колониальные власти объединяли различные диалекты (даже при том, что взаимопонимание было затруднено) в один язык, как это было с диалектами этнической группы шона в Южной Родезии (ныне — Зимбабве). В период после получения независимости во многих странах Африки ведется очень интенсивная работа по описанию языков и выявляется удивительное многоязычие в некоторых, до того малозученных районах, как, например, в северных провинциях Нигерии, в Чаде и Камеруне, в южных районах Судана и прилегающих областях Южной Эфиопии. Так, за последние годы число известных нам языков чадской группы поразительно увеличилось: если прежде их насчитывалось всего лишь около 25—30, то теперь их число доходит до 200. Открываются не только новые языки, но и новые, до того неизвестные языковые семьи, например семья омотских языков, которую теперь некоторые лингвисты предлагают признать шестым подразделением афразийской (прежде называвшейся семито-хамитской) семьи (наряду с семитской, кушитской, берберской, чадской и древнеегипетской ее ветвями)¹⁷.

Несоответствие мнений авторов «Истории Тропической Африки» приводит ко многим неясностям. Так, термин «цивилизация» остался неопределенным, и каждый из авторов понимает его по-своему. Р. Оливер пишет о «цивилизации Межозерья», понимая под этим общие черты культуры народов этого района: сосуществование скотоводов и земледельцев, систему отношений *убухаке*

(отношения личной зависимости между скотоводами-тутси и земледельцами-хуту), определенный тип военной организации, устройство военных лагерей в пограничных областях и т. д. Ж. Маке пользуется термином «цивилизация», понимая его совершенно иначе: как тип культуры, сложившейся в условиях определенной природной среды. Таковы его «цивилизация лука» (т. е. охотников), «цивилизация рощистей» (т. е. лесных земледельцев), «цивилизация зернохранилищ» (т. е. земледельцев саванн) и т. д. Все это придает книге характер скорее сборника статей, чем единого целого.

Описывая общественный строй народов Африки, многие, если не все, авторы пользуются терминологией, сложившейся в средневековой феодальной Европе: так, некоторые авторы пишут о «сюзеренах» и «вассалах», о «крепостничестве», о «феодальных» отношениях и т. п. Нигде в книге мы не найдем ясного определения того, что такое «феодализм» в условиях Тропической Африки. Между тем все эти вопросы неоднократно разбирались в литературе, а на страницах английского «Journal of African History» прошла даже специальная дискуссия.

В книге мы не найдем также ясной постановки вопроса о происхождении государства, о причинах, вызвавших его появление, нет в ней ничего и о сложной проблеме — сложении общественных классов. Касаясь общественного строя народов Африки, Ж. Баландье, например, пишет о трех принципах, которые лежат в основе устройства традиционных обществ; эти принципы образованы категориями пола, возраста и родства. В зависимости от политических критериев он различает три главных типа.

Первый — родовые общества, в которых нет постоянно действующего аппарата власти.

Второй — общества, где политическая власть уже образовалась, так сказать, наполовину; здесь существуют системы возрастных классов; более развитая их форма представлена раннеполитическими образованиями, называемыми французскими авторами *chefferie*, а английскими — *chiefdom*. Этот термин очень трудно перевести на русский язык, иногда он переводится в нашей литературе как «потестарное общество». Термин этот весьма условен. По мнению Баландье, «союз таких обществ предвосхищает государство».

Наконец, третий тип представляют общества с государственным устройством. Вопрос о происхождении государства и классового общества — один из наиболее трудных. Трудность заключается прежде всего в отсутствии письменных источников. Использование устной традиции и чрезмерное к ней доверие часто приводило историков-африканистов к чисто фантастическим теориям, вроде упомянутой выше «государственнообразующей способности» кочевников, создававших якобы империи в Западном Судане, или к повторению чисто фольклорных мотивов о древнем герое-охотнике, пришедшем в страну со своими друзьями и основавшем государство. Подобные объяснения мы находим и в этой книге. Так, Р. Мони пишет, что Сундьята создал государство Мали, «так как обладал наряду с военным талантом также и магической силой». Наивность подобного рассуждения очевидна. Сказанное показывает, что историкам-африканистам, несомненно, необходимо еще много работать и глубоко изучать общества архаической формации, принципы, на которых основана вся их система управления, роль экономических отношений, способы ведения хозяйства, систему использования земель, продуктивность труда и т. д.¹⁸.

Разделы, посвященные истории отдельных регионов Африканского мате-

рика, также очень неравноценны. В некоторых из них история превращена в простое перечисление фактов, без какой бы то ни было попытки их осмысления. Они напоминают прагматические исторические сочинения прошлых веков, которые в основном представляли собой всего лишь перечни царей, сражений и войн. В этом отношении наименее удачными приходится признать разделы, посвященные Эфиопии, Сенегалу и Гамбии. В них мы находим лишь перечни событий без малейшей попытки выяснения общественных отношений, структуры общества. Перед нами лишь царские имена, смены династий, битвы и т. п. Тем не менее, сравнивая «Историю Тропической Африки» с работами ее предшественников, мы видим, что по существу расистские теории немецких историков Африки в ней преодолены. Ни в одной из глав книги нет и следа того примитивного расизма, который был характерен для ученых Германии до второй мировой войны.

Несомненный след влияния немецкой культурно-исторической школы проявился лишь в статье И. Персона об истории народов Западного Судана и Гвинеи. Палеонигриты — понятие, на котором он построил все свое изложение, — несомненное наследие немецкой науки. В конечном счете оно связано с предположением о первоначальном аборигенном населении Африканского материка — нигритах, которые будто бы получили все достижения культуры от пришедших из Азии разных волн народов: старых и новых банту, хамитов и семитов. По мнению немецких этнографов, из смешения всех этих волн и создавалась особая «культура нигритов» — эта «наиболее древняя черная цивилизация», которая оставила следы по всей Африке и лучше всего сохранилась в горных районах Судана на всем его протяжении от Сенегала до Нила. Представление о культуре палеонигритов дает работа Ж. Кл. Фрелиша «Горцы-палеонигриты», в которой автор намечает ее распространение¹⁹. Однако это всего лишь условная реконструкция, сделанная на основании произвольно подобранных черт, не подтверждаемая точными историческими данными²⁰. Горные районы действительно были убежищами, где в разное время укрывались племена различного происхождения. На основе смешения там создавались новые этнические объединения, новые народы. Физический тип палеонигритов различных районов не представляет единства, их языки, обычаи и верования, культы одержимости и т. п. свойственны только одним и неизвестны другим группам; одни занимаются выплавкой железа из руды, другие с ней незнакомы; словом, это не более чем осколки гетерогенного происхождения.

Несмотря на отмеченные недостатки, надо признать, что в «Истории Тропической Африки» при всех ее погрешностях мы находим множество новых сведений; история многих областей и стран изложена интересно и дает немало нового, многие разделы первой части дают хорошую сводку современных данных.

В подготовке перевода к изданию оказали большую помощь В. В. Матвеев, Ю. К. Поплинский и С. Б. Чернецов.

¹ История человечества. Всемирная история. Т. 3. Западная Азия и Африка. Русский перевод под редакцией В. В. Бартольда и Б. А. Тураева. СПб., 1903.

² D. Westermann. Geschichte Afrikas. Staatenbildungen südlich des Sahara. Köln, 1952.

³ M. Delafosse. Haut-Sénégal — Niger. Vol. 1—3. P., 1913.

⁴ R. Cornevin. Histoire de l'Afrique dès origines à nos jours. P., 1956.

⁵ R. Cornevin. Histoire des peuples de l'Afrique Noire. P., 1960 (3-е изд. 1963 г.).

⁶ R. Cornevin. Histoire de l'Afrique. T. I. Dès origines au XVI siècle. P., 1962; T. II. L'Afrique précoloniale du tournant du XVI au tournant du XX siècle. P., 1966.

⁷ J. Suret-Canale. Afrique Noire. Géographie. Civilisations. Histoire. P., 1958 (2-е изд. 1961 г., 3-е изд. 1968 г.). Русский перевод первого издания: Ж. Сюре-Каналь. Африка Западная и Центральная. М., 1961.

⁸ J. Suret-Canale. Afrique Noire. L'ère coloniale. 1900—1945. P., 1964.

⁹ Ж. Маке. Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974.

¹⁰ См.: M. Cohen. Essai Comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du Chamito-sémitique. P., 1947. См. также: Д. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике. — «Советская этнография». 1949, № 3, с. 156—170; И. М. Дьяконов. Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М., 1965.

¹¹ С палеоантропологическими работами последних лет читатели могут познакомиться по изданной в переводе на русский язык серии книг «Возникновение человека». Серия эта состоит из пяти выпусков, написанных различными авторами, где популярно изложены результаты новейших исследований в этой области. Специально о находках в Восточной Африке см. второй выпуск серии: М. Иди. Недостающее звено. М., 1977, а также упоминания в других выпусках.

¹² См. сводку последних данных: J. Desmond Clark. Africa in Prehistory: Peripheral or Paramount? — «Map». 1975, vol. 10, № 2, с. 175—198. См. также русский перевод книги этого автора: Д. Кларк. Доисторическая Африка. М., 1977.

¹³ Д. А. Ольдерогге. Предисловие. — А. Лот. В поисках фресок Тасилин-Адждера. Л., 1973. В предисловии указаны данные радиоуглеродного анализа находок в Африке и на Ближнем Востоке.

¹⁴ Ср. с. 31 и сл. (Мони) и с. 112 и сл. (Леклан).

¹⁵ Одно из новейших исследований, посвященных вопросам истории металлургии в Африке: H. Amborn. Die Bedeutung der Kulturen des Niltals für die Eisenproduktion im Subsaharischen Afrika. Wiesbaden, 1976. Там приводятся точные указания обо всех металлических предметах, найденных в Мероз, и об их датировке.

¹⁶ См. с. 123 и сл.

¹⁷ См. схему генеалогического древа омотской семьи: H. C. Fleming. M. L. Bender. Non Semitic Languages in Ethiopia. — Language in Ethiopia. Ed. by M. L. Bender, J. D. Bowen, R. L. Cooper, C. A. Ferguson. L., 1976, с. 47.

¹⁸ На русском языке этим вопросам посвящено немало работ. Среди них можно отметить, например, сборник статей «Становление классов и государства» (М., 1976).

¹⁹ T.-Cl. Froelich. Les montagnards paléonigritiques. P., 1968.

²⁰ См. очень основательную критику этой теории во французской литературе: P. Mercier. Paléonigritiques. — Dictionnaire des civilisations africaines. P., 1968.

Д. А. Ольдерогге

История, дополняя природу, наделяет нас еще тремя чувствами: чувством относительности, чувством эволюции и критическим чувством. Таковы помимо чар три значительных дара Клио, музы истории.

Возможно, наиболее щедрой в этом отношении является история Африки. Она открывает нам неизвестные народы и непривычный склад ума; она предлагает ни с чем не сравнимую панораму человеческих общностей, цивилизаций, потрясений и контрастов; она требует труда (при отсутствии установленной хронологии) для извлечения истины из хаоса мифов и удивительных предрасудков.

Эта работа находится еще в самой начальной стадии; здесь же будут представлены те результаты, которые были получены на сегодняшний день.

История — знание прошлого человечества — долгое время сохраняла до странности устаревшее и близорукое представление о самом человечестве. Во времена Боссюэ¹ «Всеобщую историю» ограничивали Израильским царством, греко-римским миром и «цивилизованной» Европой, и это было нормально. Но и в середине XX в., когда исследования путешественников и новые средства связи устранили прежние преграды, дав нам возможность быстрее чем за день добираться до других континентов, история, преподаваемая в школе, все еще ограничивалась чуть ли не морем Одиссея² и маленьким мысом Валери³. Сегодня же все люди являются нашими близкими соседями, если не братьями; получаемые от них известия достигают нас, и мы не можем от них уклониться. Чужестранцев больше не существует. Мировая история — это наша история. Европоцентризм не является больше нечем иным, как анахронизмом, который следует разрушить и с которым нужно бороться.

Европоцентризм — плод невежества, вековых привычек, умственной лени и выгодной спеси — надолго затормозил и искажил изучение истории Африки. В школьных программах французских учебных заведений Черная Африка появляется всего два раза и оба раза очень кратко: первый раз — в связи с Васко да Гамой и каравеллами, второй — в связи с Федербом⁴ и колонизацией. И оба раза в ней фигурируют экзотические декорации и грубые дикари.

Колониальная историческая наука имела характер агнографиче-

ческий, героический (только с одной стороны), патриотический и неизменно благотворно-цивилизаторский.

Что бы вы сказали об истории Франции, в которой первые роли играли бы римляне, англичане, испанцы и пруссаки? Чужеземцы — европейцы или арабы — далеко не отсутствуют в истории континента, но быть она должна прежде всего африканской.

На этом месте нас поразил бы справедливый гнев историков прежних времен. Для них история была немыслима без надписей и художественной литературы. Что касается Тропической Африки, то, если бы они когда-нибудь обратили на нее свой взгляд, она предстала бы перед ними белым листом бумаги, землей вне времени, в которой водятся какие-то племена, лишенные истории.

Позднее я узнал других учителей, загоревших под солнцем Африки, похудевших от тамошних лихорадок. Они говорили на разных африканских языках, жили среди африканских народов, проникли в их обычаи, присутствовали при совершении обрядов, записывали устные предания. Они умели дать объяснение этим преданиям и даже — с помощью арабских или европейских источников — разработать их хронологию. Таким образом, история рождалась вне среды историков — трудом администраторов, миссионеров, этнологов; рождалась этноистория, т. е. история, полученная новыми методами.

Между первым и вторым подходами нет противоречия. Анализ текстов и знание народов — этим приемом должна пользоваться история Африки. И, безусловно, не одной только Африки. История же династий и битв повсюду отжила свое время.

У самих африканских народов мы наблюдаем коренную перемену прежнего понятия истории и ее единства. Мифы о сотворении мира, культурные герои, устная традиция и генеалогии, обряды, правовые прецеденты служили объяснением действительности, связывая настоящее с прошедшим, являясь инструментом сплоченности и власти. История некоторых народов оказывалась богатой, тогда как прошлое других народов, казалось, отсутствовало.

В настоящее время границы, унаследованные от колониальной эпохи, объединяют народы, которые прежде были чужими друг другу. Теперь речь идет о том, чтобы перейти от традиционного, местного самосознания к осознанию принадлежности к крупным современным общностям. В этих трудных переменах, в этом мучительном и неизбежном изменении масштаба история должна сыграть свою роль. Желание жить сообща предполагает хотя бы минимум общего прошлого, сходных чувств и интересов.

Как бы то ни было, интерес к истории Африки уже пробудился, и не только у африканцев. В основном в Англии и во Франции, но также и в Соединенных Штатах и в других странах научные работники начали специализироваться в этой новой области. Это люди разных специальностей: историки, занимающиеся этнографией; этнографы, привлеченные историей; «африканисты» различных научных дисциплин. Мы имели удовольствие привлечь к сотрудничеству в этой книге лучших из них.

Само собой разумеется, что все эти специалисты озабочены только установлением истины, в противном случае они не были бы настоящими историками. Однако истину нелегко установить, так что если сейчас и достигнуты некоторые результаты, то поле для исследований все еще остается обширным. В отношении некоторых народов эти исследования еще не вышли из детского возраста (будем оптимистами!). Ян Вансина справедливо сравнивает историю Центральной Африки, обязанную ему множеством открытий, с сыром «Грюйер», в котором гораздо больше дыр, нежели самого сыра. Будущее заполнит эти пробелы, особенно если число историков (в частности, африканцев) возрастет раньше, чем будут забыты предания. Уже сейчас возможны обобщающие работы. Да облегчат такие работы, среди которых находится и этот том, будущие труды и да помогут они Африке занять свое законное место во всеобщей истории!

Но какой Африке?

Понятия континентов, если рассматривать населяющих их людей, кажутся наивными конструкциями. В этническом и историческом отношении существует по крайней мере три или четыре Азии. Арабский мир представляется чрезвычайно однородным целым от Марокко до Ирака. Все попытки написать историю Африки в целом по необходимости включали отдельные главы для «белой» и для «черной» Африки; Сахара была гораздо более серьезной преградой, чем Средиземное море. Помимо этого, история «белой» Африки, т. е. Египта и Магриба, хорошо известна. У нее свои специалисты, исследования которых не выходят за пределы Северной Африки.

Мы руководствовались в своем выборе реальностью как существования Сахары, так и еще не распаханной целины в истории: «Черная Африка», «Тропическая Африка» — это всего лишь приблизительные и отчасти неточные термины. Мавританцы в большинстве своем белые люди. Эфиопиды (эфиопы и кушиты) в своей совокупности отличаются особыми чертами. Мальгаша — это индонезийцы с большей или меньшей примесью африканской крови. В Южной Африке представлено значительное белое меньшинство, а сама она выходит далеко за пределы южного тропика.

Поэтому, хотя название нашего труда и отдает дань удобной привычке, критерием нашего выбора служит не расовый, а географический признак. Границей для нас является 22° северной широты, т. е. сердце Сахары, зона, наиболее враждебная человеческим контактам, граница двух миров, разнящихся с точки зрения климата, биологии и частично населения. Их изолированность друг от друга безусловно никогда не была полной, но начиная с последнего периода первобытной истории эта особенность постоянно определяла их отношения.

К этой «Черной Африке» мы присоединяем Мадагаскар и соседние архипелаги, поддерживавшие исторические связи с африканским побережьем.

Мы постараемся не упустить какие-либо черты этой весьма

своеобразной общности, для которой в то же время характерно чрезвычайное разнообразие, в частности не уступим сложившемуся в европейской науке обыкновению рассматривать исключительно государства, т. е. ту форму политической организации, к которой мы привыкли и которая представляет собой идеальные рамки для «истории сражений» и истории отдельных личностей. Правление вождей и «анархия» были в традиционной Африке явлением по крайней мере столь же распространенным, сколь и государства, но гораздо более гибким и самобытным. История тираний не должна заслонять собой историю свобод.

Определив границы работы, мы встречаемся с новым затруднением: как построить ее структурно?

Основные периоды европейской истории (античность, средневековье, новое время, новейшая история) почти не соответствуют реалиям Африки. В то же время региональные различия здесь столь велики, что для большинства периодов невозможно дать какое-либо общее название. Поэтому мы отказались от общих, претендующих на «значительность» названий, таких, как «Эпоха ислама» или «Период работорговли», которые оказываются неверными по отношению к наиболее значительным регионам Африки. Весьма распространенная ошибка европоцентризма заключалась в том, что он замечал существование лишь исламизированной полосы Судана или кромки побережья, которая поддерживала связи с европейцами. Это — наиболее известные Европе части континента, но они представляют собой всего лишь небольшие области. Составить серьезную основу для структуры книги может только хронология, и при том условии, что ее рамки будут достаточно широки, чтобы учесть экстремальные географические различия. В свою очередь, разделение на регионы не должно терять определенной гибкости.

Первая часть тома посвящена реалиям Черной Африки с точки зрения различных дисциплин, а также источникам по ее истории. Во второй части рассматривается сама история с древнейших времен до 1800 г. В изложении, касающемся отдельных регионов, иногда встречаются хронологические разрывы; в то же время некоторые явления, выходящие за пределы регионов, рассматриваются отдельно. Третья часть, гораздо более короткая, охватывает этот же период на островах Индийского океана.

Глава I

АФРИКА К ЮГУ ОТ САХАРЫ.
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

История Африки, как и история вообще, не может быть понята вне географии. Под «географией» понимается, во-первых, окружающая среда, а во-вторых, пространственные пределы и формы складывающихся обществ. Все это характерно для различных уровней, высший из которых совпадает со всем континентом, омываемым двумя океанами.

Особенности географии Африки чрезвычайно сильно и отчетливо проявляются в существующих типах природной среды. Из-за отсутствия горной цепи, подобной Кордильерам или Гималаям, Африке, безусловно, недостает главного контрастного элемента. Существующие горные гряды раздроблены на отдельные части. Но в целом материк, резко очерченный, является более континентальным, нежели любой другой; он менее других связан с океаном. В то же время он представляет собой наиболее совершенный образец деления тропической зоны на климатические широтные полосы, идущие параллельно экватору. Эти полосы охватывают весь диапазон осадков, начиная с засухи абсолютной пустыни на юге Сахары вплоть до десяти метров в год у г. Камерун.

Размах природных явлений не менее внушителен. Что касается рельефа, то, если не считать нескольких грандиозных осадочных «куэст»⁵, таких сбросовых уступов и впадин, как в Восточной Африке, не существует ни в одной точке земного шара. Лесной экваториальный массив — один из двух самых обширных в мире массивов, а река Конго уступает по мощности лишь Амазонке. Великие африканские озера не имеют себе равных в остальной тропической зоне мира, а затопляемые области в виде постоянных или сезонных болот достигают в Африке огромных размеров.

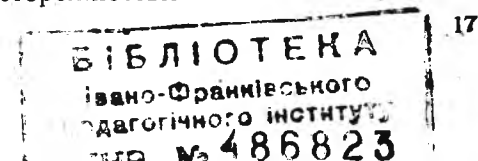
Не вызывает удивления, что древние африканские общества полностью зависели от подобных природных условий. Следует также учитывать изолированность названных обществ (этот фактор играет во многих районах большую роль и по сей день), обусловленную натуральным хозяйством, существование которого, в свою

очередь, вызвано отсутствием или нехваткой транспортных средств и большими незаселенными пространствами. Отношения «люди — среда» втискиваются в таких условиях в тесные рамки, которые делают их еще менее гибкими. Отсутствие излишков продовольствия даже при хорошем урожае и примитивные способы обработки почвы ставят множество африканских земледельцев в полную зависимость от непредвиденных годовых колебаний в уровне осадков или от паводков. В доколониальный период лишь редкие группы оказались способными регулировать обеспечение пищей, создавая запасы (как это делали диола в области Казаманс) или путем усиленной дополнительной работы.

Итак, на первый взгляд возможности адаптации сельских африканских обществ к подчас бедной или неуступчивой природе кажутся ограниченными. Люди имели возможность жить только ценой весьма изобретательных приспособлений, основывающихся на эмпирическом, но тонком знании возможностей среды. Дает ли это основание говорить лишь об экологической стороне проблемы, как это сейчас модно? Да, если придавать этому слову общее значение, требующее систематического изучения взаимоотношений человека с окружающей его средой. Нет, если возникает опасность потерять из виду два основных различия, существующие между человеком и остальными видами живых существ, распространеными на планете: 1) его способность оказывать на среду преобразующее действие в своих жизненных интересах; 2) тот факт, что, когда речь идет о новых зонах расселения, он может приспособиться к любой или почти к любой среде. Так, задача приспособления, стоявшая перед людьми, живущими по краю болот или сезонно затопляемых территорий, была решена весьма по-разному: обработкой земли после паводков, использованием болотного риса, устройством искусственных возвышений и т. д. Совокупность технических навыков, используемых группой людей, всегда отражает культурную специфику, которая проявляется в выборе того или иного возможного решения. И это вновь сфера истории.

Что бы мы ни рассматривали — количество осадков, наличие орошения или качество почв, история смешивает карты и опрокидывает схему, согласно которой самое многочисленное население сосредоточивается там, где природа более всего способствует существованию и производительному труду людей. Разница в плотности населения к югу от Сахары колеблется от одного до 400 жителей на 1 кв. км. Однако мы не наблюдаем столь же ярко выраженного различия ни в условиях жизни в различных районах, ни в их сельскохозяйственных возможностях. Впрочем, освоение многих районов Африки (во внутренних областях Сенегала, которые лишь частично обеспечены водой из глубинных скважин; в юго-восточной части Берега Слоновой Кости; в Центральном Того и т. д.) показывает, насколько мало внимания уделялось до сих пор территориям, имеющим большое сельскохозяйственное значение.

Итак, следует с большой осторожностью пользоваться такими

понятиями, как «благоприятная» или «неблагоприятная» среда. Не все просто в отношениях между природой и людьми в Африке. Но можно попробовать сгруппировать вокруг некоторых, наиболее характерных особенностей среды те основные факторы, которые воздействовали на историю и географию населения континента.

Наследие длительного прошлого. За исключением Атласских гор в Магрибе, Африка с геологической точки зрения — очень старый континент. От Сахары до Капской провинции простирается типичный материковый цоколь, древний щит. Уже на заре палеозойской эры, от 400 млн. до 500 млн. лет назад, составляющая его масса горных пород оказалась «спрессованной» в твердый остов. С этого времени один за другим следовали многочисленные циклы горообразования, между которыми располагались спокойные фазы, сопровождавшиеся эрозией. Размещение докембрийских горных пород растянулось на очень долгий период. Цокольные породы выходят на поверхность континента примерно на одну третью часть. В остальных местах они прикрыты различным по толщине слоем осадочных пород.

Эти последние относятся к двум видам. Если не считать выходов цоколя, вся внутренняя часть Африки является областью континентальных осадочных пород, в частности песчаников. Все эти породы имеют общее свойство: абсолютно спокойную тектонику, которая не нарушает, за исключением незначительного уклона, первоначальных условий отложения. Самые «твердые» песчаники потожгли начало плоскогорьям (Фута-Джаллон, Бандиагара) и «отвесным скалам» (Драконовы горы). С точки зрения условий жизни человека следует отметить бедность песчаных почв, которые часто низведены до чистого кремнезема. Впрочем, в различных районах этот недочет восполняется за счет элементов, поступающих от основных пород вулканического происхождения (долериты), вкрапленных в песчаники. Ощущается также нехватка минеральных элементов, дающих возможность промышленной эксплуатации; исключение составляют, правда, некоторые алмазные конгломераты (Касаи).

Моря, омывающие берега Африки, наводняли ее внутренние районы в течение геологических периодов лишь в отдельных местах и на короткое время. Масса отложений морского происхождения располагается поэтому строго по кромке континента, принимая форму прибрежных бассейнов. Самые значительные из них (Камерун, Сенегал, Нигерия) не удаляются от побережья больше чем на несколько сот километров. Детритовые слои чередуются здесь с известняками. Эти бассейны представляют интерес для человека благодаря наличию в них минеральных отложений, связанных с условиями образования осадочных пород: фосфатов (Сенегал), поташа (огромное месторождение в Холле, близ Пуэнт-Нуара, Конго) и особенно нефти. Нефть добывают в Габоне, однако наиболее значительные ее запасы находятся, по-видимому, в Восточной Нигерии.

Второй вид естественного наследия представляют собой афри-

канские пенеплены, самые древние из которых восходят, возможно, к юрскому и к меловому периодам. Они занимают значительное место в рельефе Тропической Африки, а для их формирования потребовались длительные периоды геологической стабильности. Впоследствии эти древние поверхности были вынесены на различные высоты, где находятся и поныне. Их общая особенность заключается в сильном изменении первоначального характера почв. В результате длительного формирования они сохранили лишь отдаленные связи с коренной породой: обедненные, с вымытыми растворимыми элементами, многие из них оказались сверх того и средоточием концентрации окисей металлов. Отсюда и пласты мелкого гравия, и ферралитические панцири, скрытые или выходящие на поверхность, во многих районах Тропической Африки: горизонтальные красноватые плиты типа *бове* в Гвинее, карнизы на вершинах столбовидных холмов, уступы на склонах долин. Такие панцири способны формироваться лишь в очень контрастном климате, где сухой сезон длится 5—7 месяцев. Однако вследствие климатических колебаний третичного и четвертичного периодов область их распространения вышла далеко за пределы той зоны, которая соответствует этим условиям в настоящее время; их отложения можно обнаружить как в лесных зарослях в Береге Слоновой Кости, так и к северу от Уагадугу, уже в сухом климате.

Не следует ли нам, наконец, и самого человека в Африке рассматривать как наследство древнейших эпох, почти как геологический феномен? Как известно, ни на одном другом континенте нет подобной последовательной смены костных останков и орудий, отмечающих с такой непрерывностью сменяющие друг друга этапы эволюции, начиная с первых гоминидов. *Homo habilis*, человек умелый, насчитывающий около 2 млн. лет, уводит начало рода человеческого в подлинно геологическое прошлое.

Географическая изолированность и ее последствия. В отличие от Европы, «спаянной» с Азией, и от Северной Африки — составной части Средиземноморья, Африка к югу от Сахары жила в изоляции. Эта относительная изоляция оказалась достаточной, чтобы придать географии континента особенности закрытого сосуда.

Основная особенность Африки заключается в наличии Сахары. На свете есть пустыни страшнее Сахары, но ни одна из них не растянулась так далеко в широтном направлении, а главное — не создала, подобно ей, столь непрерывной преграды между различными частями континента. Конечно, Сахара не представляет собой непреодолимое препятствие для человека. Ее можно пересечь и обогнуть. Историки установили наличие связей между Черной Африкой и Средиземноморьем в античные времена, но главным образом в период средневековья и в новое время. Караванные пути Западной и Центральной Сахары, вдоль которых протянулись оазисы и колодцы, затем Нил и, наконец, цепь влажных возвышенностей, берущих начало от побережья Красного моря, давали возможность перехода через пустыню. По этим путям осуществля-

лись переселения людей, торговля и культурные заимствования. Тем не менее на протяжении всей доступной нашим изысканиям истории Сахара всегда служила для них своеобразным фильтром как в количественном, так и в качественном отношении. Особенно строгий отбор происходил, как кажется, на западе: оловники здесь держали караванные маршруты под своим контролем.

Правда, известны периоды некоторого уменьшения Сахары, по крайней мере в ее западной и центральной частях. Доказательством нас недавно снабдили специалисты по четвертичному периоду и ботанике. Последний дождливый период в Сахаре начался, как полагают, примерно 15 тыс., а закончился всего 3 тыс. лет назад. В сердце нынешней пустыни средиземноморский лес, состоявший из дубов, сосен и кедров, сменился лесом из акаций тропического происхождения. Что же удивительного в том, что первобытные люди населяли изобиловавшую дичью Сахару, оставив после себя стоянки с множеством каменных орудий?

Восстановив свои границы, Сахара опять-таки не стала непреодолимой преградой: два океана давали возможность обогнуть ее. Бесспорно, море на востоке континента лучше и раньше остальных стало служить для передвижения людей. Режим чередования ветров наряду с господствующими муссонными ветрами из Азии облегчал на протяжении всего периода парусного мореплавания плавания из Аравии, с Персидского побережья, из Индии и Индонезии. Начиная с XIII в. морские связи стали интенсивными. Однако их воздействие на африканское население оказалось ограниченным: чужестранцы, обосновавшиеся на побережье Африки, занимались главным образом морской торговлей, их не интересовали сам континент и его население.

Примечательно, что кроме одной весьма спорной экспедиции (следствием которой стало появление знаменитого «Перипла» Ганнона) плавания по Атлантическому океану вдоль побережья Африки начались лишь в XV и XVI вв.⁶ Здесь пассаты постоянно дуют к югу, и поэтому арабские суда, которые в техническом отношении уступали европейским, могли возвращаться против ветра, лишь на веслах вдоль берега, на котором было невозможно пополнить запасы воды. Более того, сами европейские корабли вплоть до изобретения паровых машин постоянно сталкивались с проблемой экваториальных штилей по ту сторону Зеленого мыса⁷. Те суда, которые заходили в Гвинейский залив, возвращаясь в Европу, часто предпочитали «большой путь», делающий крюк на запад и проходящий на широте Бразилии, более прямому «малому пути». Таким образом, легче было добраться до Америки, чем плыть вдоль берегов Африки; впрочем, вплоть до XIX в. именно первой отдавалось предпочтение в качестве области европейской экспансии.

По сравнению с трудностями установления связи с остальным миром географические условия для передвижения внутри самой Африки к югу от Сахары были благоприятными: возвышенные места и пустыни, которые нетрудно обойти стороной; легкопрохо-

димые саванны и редколесье; судоходные реки, облегчающие преодоление единственного действительного препятствия — экваториального леса на Атлантическом побережье, который, впрочем, не простирается дальше Великих озер, так что его можно обойти с восточной стороны.

В этих условиях спецификой географического размещения населения Африки стали три черты: относительная внутренняя однородность, отдаленность от внешнего мира и известная замкнутость. Прежде всего негроидное население, господствующее на территории, которую оно некогда делило с другими расовыми группами, в частности с кавказоидами, в результате генетического дополнения выработало определенный антропологический тип. Благодаря определенным аномалиям в составе гемоглобина и морфологии кровяных телец он, возможно, лучше вооружен для борьбы против тропической малярии. Что касается африканского земледелия, бросается в глаза отсутствие в нем плуга, особенно если учесть близость средиземноморских цивилизаций. Исключение составляет единственная область — Эфиопия, густо заселенная людьми азиатского происхождения. Мотыга, как и железный топор, напротив, употребляются повсюду в Африке, кроме отдельных прилегающих к Сахаре районов. Иными словами, неолитическая стадия с применением исключительно палки-копалки и каменных орудий везде отошла в прошлое, что лишней раз свидетельствует об определенной культурной гомогенности. Еще до появления европейцев и арабов в Африке повсюду распространилось железо, проникнув туда, как полагают, через долину Нила⁸. Об автохтонности африканского земледелия говорит «набор» сельскохозяйственных культур. Правда, в области экваториального леса и прилегающих районах распространились растения, ввезенные из Азии (банан, таро, некоторые сорта ямса) или из Америки (маниока), а в Восточной Африке — из Южной Азии (некоторые сорта сорго, сезам, элевзина). Но в Западной Африке образовался крупный местный очаг доместикации, причем возделывающийся там рис даже в плане технических навыков ничем не обязан Азии⁹.

Наконец, нельзя оставить без внимания специфические черты африканских цивилизаций, связанные с развитием весьма схожих между собой государственных институтов в обществах, расположенных как к северу, так и к югу от экваториальных лесов. То, что некоторые историки стремятся вывести происхождение этих институтов из Египта эпохи фараонов, не уменьшает значения их широкого распространения во времени и в пространстве.

Прикрытая Сахарой, Тропическая Африка вплоть до колонизации жила на краю света и, как мы только что видели, развивалась до известной степени в изоляции. Последствия миграции, завоеваний, вообще внешних влияний отражались в ней с опозданием и очень часто в ослабленной форме. Защищенные от грубого давления, но в то же время лишены стимулирующего элемента, общества, существовавшие к югу от Сахары, оказались опасно хрупкими, в известной мере пассивными и неспособными к экспан-

сии. В отношениях с внешним миром Тропическая Африка получила больше, нежели дала. Это верно в отношении переселений, развития политических институтов и даже распространения идей, прежде всего ислама.

Следствия континентального положения. Африка — громадный континент. По ее осям непрерывно тянутся территории, удаленность которых от моря с одной и с другой стороны превышает по прямой 1,5 тыс. км. Различные препятствия — главным образом леса и возвышенности — приводят к растягиванию линий коммуникаций, берущих начало на побережье. Самолет покрывает из Дуалы в Мунду (на юго-западе Чада) расстояние в 870 км, на земле же по кратчайшему пути оно возрастает до 1581 км, а по р. Бенуэ — уже до 1991 км. От Лубумбаши до Лобито — ближайшего атлантического порта — 2107 км и около 1800 км до Бейры на Индийском океане. Некоторые маршруты протянулись от оз. Киву или от восточного берега оз. Чад более чем на 3 тыс. км.

Водные пути доступны лишь в отдельные сезоны, реки текут параллельно побережью (Нил, Луалаба), почти все они прерываются порогами, проникают во внутренние районы лишь на незначительные расстояния (Огове) или, наконец, отрезаны от океана либо крутым бьефом (Конго), либо мелководьем в дельте (Нигер).

В таких условиях обширные территории в сердце Тропической Африки вплоть до колониального захвата должны были полностью оставаться вне воздействия, идущего с побережья. И действительно, некоторые из них долго находились в более или менее полной изоляции. Лишь в XVIII в. установились, например, отношения между мусульманами на восточном побережье и государствами банту в Межозерье. До тех пор их разделяли засушливые степи внутренних районов Танганьики. В Центральной Африке, напротив, соль из Лоанго потреблялась некогда в центре лесной области. Что касается работорговли, то три ее потока, направляемые европейскими работорговцами, отрядами арабских работорговцев Египта в верховья Нила и работорговцами Занзибара, соединились в конце концов в XIX в. Благодаря притягательной силе товаров европейского или восточного происхождения возникла торговля между внутренними районами и побережьем, причем резко упала роль трансхарской торговли. Однако некоторые связи существовали и раньше. Различные способы облегчали доставку товаров или рабов на длинные расстояния: караваны носильщиков; поэтапная торговля (она практиковалась, в частности, в Габоне: товары передавались от племени к племени); пересылка товаров от рынка к рынку в рамках организованной торговой сети.

Уже с этого времени размеры обмена в общем, видимо, стремительно уменьшались по мере того, как удлинялись торговые пути. В отношении дорогостоящих товаров (золото, слоновая кость, фабричные изделия, высокие цены на которые определялись их нехваткой), а также рабов, двигавшихся своим ходом, проявлялась, видимо, та же тенденция. И сегодня шоссе и железная дорога недалеко от побережья теряют свою эффективность.

Самый тропический континент. Африка к югу от Сахары отличается еще одним характерным свойством: тропическим климатом. Это обстоятельство не могло не отразиться на особенностях географии и занятий ее населения.

Оставим в стороне упоминавшуюся уже взаимосвязь, которая существует, по-видимому, между жарким климатом и пигментацией кожи. Можно привести простой факт: трудно работать в сильную жару, особенно когда она сопровождается большей или меньшей влажностью воздуха. Действительно, часто связывают тропический климат с предполагаемым отсутствием трудолюбия. Однако в Африке дело, как кажется, не меняется как на возвышенностях, где нет убийственной жары, так и в других местах. Нельзя также сказать, чтобы рвение к работе усиливалось, когда особенно тяжелый сезон дождей уступает место сухому и более прохладному. Как сейчас установлено, действительно затраченное необходимое «рабочее время» меняется в зависимости не от температуры, неодинаковой в разные сезоны и в разных районах, а от других обстоятельств. Например, интенсивные сельскохозяйственные культуры требуют неизмеримо больше труда, нежели чисто экстенсивные культуры, существующие на землях, оставляемых на длительное время в залежи.

Особенно опасно заниматься сопоставлением климата и цивилизации. Справедливо ли то, как утверждает А. Тойнби, что развитые цивилизации могут возникнуть лишь в определенных естественных условиях? В действительности шансы развития данной цивилизации в весьма значительной степени зависят от ее связей с другими культурными системами, протянувшимися во времени и в пространстве. И здесь мы сталкиваемся с фактором географического положения. Единственно верный путь здесь — рассматривать природу не в общих связях со становлением человеческих обществ, а в той мере, в какой она благоприятствует или препятствует, с одной стороны, росту населения, а с другой — производству избыточного продукта.

Возникновение развитой культуры невозможно представить себе прежде всего без существования необходимой плотности населения. Поэтому наиболее интенсивные культурные очаги совпадают с зонами, которые некогда были густо заселены (это в первую очередь древний Бенин). Но такие очаги весьма немногочисленны. Плотность населения Тропической Африки в среднем не превышает 9—10 человек на 1 кв. км. Не объясняется ли эта цифра, значительно уступающая плотности населения в большинстве стран в зонах с умеренным климатом, нездоровыми природными условиями тропических областей? Африка особенно богата болезнетворными комплексами, связанными с жарой и количеством осадков: трипаносома человека (сонная болезнь), область распространения которой выходит далеко за пределы экваториального леса; желтая лихорадка; бильгарциоз кишечника и мочевого пузыря; различные виды риккетсиоза — некоторые из этих заболеваний, особенно в саванне, проявляются в очень опасной форме;

различные филяриатозы и в первую очередь онхоцеркоз, приводящий к самым тяжелым последствиям. Но главное — это малярия, вызываемая серповидным плазмодием и дающая в Африке больше смертных случаев, чем где-либо в другом месте, из-за многочисленных видов малярийных комаров, через которых эта болезнь передается в опасных масштабах и в самой различной среде. Заметим, что обилие тропических болезней отнюдь не заменяет в Африке обычных болезней, а лишь увеличивает их общее число.

Тем не менее из сказанного не создается впечатления, что в отношении смертности и ее влияния на состав населения сельская Африка находилась в столь уж неблагоприятных условиях по сравнению с европейскими деревнями прежних времен. В обоих случаях отмечается высокий уровень смертности, затрагивающий прежде всего малолетних детей и приводящий, несмотря на очень высокую рождаемость, к весьма скромному годовому приросту.

Было бы, пожалуй, слишком смело говорить, что способ, с помощью которого сложилось африканское население в его взаимосвязи с географической средой, лишен всякой специфики. Для плотности населения областей к югу от Сахары помимо ее низкой средней величины еще больше характерны контрасты между очень населенными очагами и разделяющими их территориями с весьма редким населением. Приведем некоторые примеры. В Руанде, в районе расселения кикуйю в Кении, на северном и западном берегах оз. Виктория (Буганда), среди бамилеке Камеруна, в Юго-Западной (йоруба) и Северо-Западной (хауса) Нигерии — повсюду плотность населения превышает 100 человек на 1 кв. км, а иногда бывает еще выше. Но на огромных пространствах плотность населения падает до пяти, а нередко и до двух человек на 1 кв. км.

В отличие от Европы, где опустошительные эпидемии вызывались передачей инфекции от человека к человеку и не были связаны с какими-то особыми природными условиями, в тропическом мире ведущую роль играют заболевания, имеющие корни в природной среде. При этом высокая плотность населения очень часто приводит к улучшению природных условий, что, в свою очередь, влечет за собой дальнейшее увеличение населения. Эту закономерность удалось точно установить в отношении сонной болезни: она передается ниже определенного порога плотности (40—50 жителей на 1 кв. км в сухих лесах Восточной Африки), и тогда обнаруживается тенденция к исчезновению населения. В то же время выше этого порога ничто не мешает росту населения вплоть до предельной цифры, совместимой с местной производительной системой. В общем, как видно, для африканской тропической среды характерны два типа равновесия между человеком и окружающей средой: на высоком и на низком уровнях плотности населения.

Остается сказать об излишках производства, которые можно использовать для обмена или оставить про запас. Отметим сначала, что традиционные способы земледелия не способны дать намного больше того количества продовольствия, которое требуется

для удовлетворения необходимого уровня потребления. Это обстоятельство еще и сегодня характерно для многих районов. В рамках традиционных систем хозяйства избыток человеческой энергии оставался часто неиспользованным по различным причинам, и среди них климатические условия тропиков играли, по-видимому, определенную роль.

Если судить о развитии с более широкой точки зрения, то в целом приходится отметить взаимообусловленность существования зон жаркого климата и экономической отсталости. В самой Африке наименее спорные факты «роста» отмечаются за пределами тропической зоны. С точки зрения современной науки отставание тропиков в основном объясняется не условиями окружающей среды, а тем обстоятельством, что замедленное хозяйственное развитие в тропических широтах было обусловлено сложными причинами исторического происхождения.

Вслед за этим три фактора способствовали сохранению или усилению отсталости зоны жаркого климата: прогрессирующее опережение тех стран, которые первыми встали на путь современного развития, географическая удаленность и, наконец, неприменимость технических навыков или орудий, разработанных в других широтах. Сахарский щит еще более усилил последствия удаленного расположения Тропической Африки. Между прочим, неприменимость чужих методов ведения хозяйства во многом объясняет неудачи в развитии современного африканского земледелия.

Две Африки. До сих пор речь шла об Африке к югу от Сахары как о едином целом. Тем не менее с точки зрения физической географии континент следует разделить на две довольно несхожие зоны: Западную и Центральную Африку и Восточную Африку.

В целом вся часть континента, обращенная к Атлантическому океану, т. е. более $\frac{2}{3}$ его площади, обнаруживает весьма простое строение: это громадные впадины верхнего Нигера, нижнего Нигера, оз. Чад, р. Конго, среднего Нила, Южной Африки. Их разделяют более или менее значительные возвышенности. Воды, которые стекают по их склонам, имеют тенденцию скапливаться в глубине впадин, образуя обширные зоны затопления, которые в зависимости от климата сохраняются там либо в течение одного сезона, либо круглый год. Таковы внутренняя дельта р. Нигер, разливы рек Логоне и Шари, болота в Бахр-эль-Газале, конголезские болота и т. д.

Эти пространства слишком громадны, чтобы традиционные общества могли полностью использовать их в создании своей хозяйственной системы. Известны лишь отдельные факты такого использования. Так, вдоль нескольких притоков по правому берегу р. Конго проходил некогда интенсивный торговый поток, направлявшийся к области болот в ее низовьях. Жителям зоны болот поставлялась маниока в обмен на продукты, характерные для затопляемой низменной области, в частности на сушеную рыбу. Жители Конголезской впадины пользовались своим положением на пере-

крестке водных путей для участия в проходившей по реке крупной торговле рабами и слоновой костью. Использование вод р. Нигер народами, населяющими его берега, и группами, обитающими в районах, примыкающих к реке с восточной и с западной стороны, происходит по-другому. В сезон летних дождей скотоводы фульбе со своими стадами рассеиваются здесь по пастбищам, которые покрываются на время травой и большими лужами. Несколько месяцев спустя, по мере того как эти пастбища высыхают, они собираются на освободившихся после спада воды богатых выгонах.

Народам, обитающим на берегах Нигера, чтобы выжить в экстремальных физических условиях, приходится приспосабливаться к ним самыми своеобразными способами. С одной стороны, поражает разнообразие способов земледелия «на воде»: марка и сонгаи на затопляемых Нигером землях выращивают рис; нуэры на Барх-эль-Газале и маса на Логоне сажают сорго на естественных островках, выступающих из паводковых вод; ликуба и ликуала, обитающие на Конго, разводят маниоку на вершинах искусственных громадных холмов, возведенных ценой неимоверного труда. Порою земледелием, скотоводством и рыболовством занимается одновременно одно и то же население. Иногда наблюдается своеобразное разделение труда между разными этническими группами (на Нигере бамбара и догоны заняты земледелием на суше, марка — на воде, бозо и сомоно ловят рыбу, фульбе главным образом пасут скот).

Народы западной и центральной части Африки демонстрируют не менее великолепные способы ведения сельского хозяйства, использующего любые неровности: плоскогорья, небольшие горные массивы с крутыми склонами, отвесные скалы, возвышающиеся над равниной. Для всех народов — от кабре в Северном Того до нуба в Дарфуре и от догонов, населяющих скалы Бандиагары, до кирди в Северном Камеруне — характерна поразительная плотность населения, ведущего интенсивное сельское хозяйство, в котором гораздо теснее обычного сочетаются скотоводство и земледелие.

Применяясь к местности, земледельцы тщательно террасируют склоны и различными способами, такими, как мощение ручьев, борются с эрозией почвы. Тем самым они создают более благоприятные условия для земледелия, нежели на равнине, ибо почвы на склонах плодороднее. Понятно, что подобное преимущество требует весьма неблагодарной, непрерывной работы. Горцы поселились в горах не по собственному выбору. Как говорится во многих легендах, они нашли в этом единственный выход, чтобы не погибнуть от рук врагов, которые преследовали их на равнинах.

Если в Западной Африке встречаются лишь отдельные возвышенности, то в Восточной Африке, напротив, они смыкаются в обширные системы, за счет которых значительно возрастает средняя высота этой части континента над уровнем моря. Почти непрерывная цепь возвышенностей соединяет подходы к Красному морю с подступами к Южной Африке.

На плоскогорьях Восточной Африки закрепились значительные группы пастухов, привлеченных, по-видимому, благоприятными условиями для разведения крупного рогатого скота. В Руанде и Бурунди, например, скотоводы-тутси навязали свое господство земледельцам-банту. Распространение скотоводства облегчалось благодаря протянувшимся вдоль Восточной Африки зонам сухого климата.

На возвышенностях возделывают культуры, часто отличные от культур равнинных земель. Так, народы, занимающие южную часть эфиопских плато, возделывают ложный банан — *энсете*. На оконечностях же Восточной Африки благодаря ярко выраженной разнице между сезонами появляются культуры умеренной зоны. На юге, например, басуто выращивают пшеницу на равнине как зимнюю культуру (чередую ее с сорго и кукурузой, которые растут летом), а в горах — как летнюю культуру. Часть их стад в сухой сезон поднимается в горы и пасется там на пастбищах. Вся северная половина эфиопских плато является областью возделывания злаковых и бобовых культур.

Основы зональной географии. Контраст между Восточной Африки и остальной материком с точки зрения физической географии объясняется не только геологическим строением и соответствующими особенностями рельефа местности. Он зависит также от распространения различных типов тропического климата с неодинаковым количеством осадков. На западе континента с регулярностью, равной которой нет, возможно, в целом мире, действует в широтном направлении «зональный» механизм. В районах, расположенных неподалеку от экватора, в Центральной Африке и в прибрежных областях Гвинейского залива с небольшими отклонениями к северу господствует более или менее постоянный дождливый климат, называемый экваториальным. Затем, по мере удаления от экватора в обе стороны в направлении тропиков, все более удлиняется сухой сезон. От экватора или от Атлантического побережья вплоть до Сахары с одной стороны и до Калахари — с другой происходит постепенное уменьшение как количества осадков, так и месяцев в году, когда они выпадают. Некоторые климатические зоны представляют собой исключение. На западном побережье от Казаманса до Либерии разрыв между общим чрезвычайно высоким количеством осадков (местами свыше 4 м, в два раза больше того, что получают экваториальные леса в Береге Слоновой Кости и в Габоне) и ограниченным числом дождливых месяцев (от пяти до семи в зависимости от широты) создает настоящий муссонный климат. Напротив, на территории, которая проходит от Восточной Ганы вплоть до нигерийской границы через Южный Бенин и Южное Того, низкая широтность проявляется лишь в годовом ритме дождей: здесь их годовое количество местами падает гораздо ниже одного метра.

Там, где сухой сезон длится не более трех или, как максимум, четыре месяца в году, распространен влажный густой лес экваториального типа. Этот лес занимает Атлантическое побережье от

Сьерра-Леоне до Ганы, затем после небольшого интервала (соответствующего относительно засушливой полосе Южного Того — Южного Бенина) он простирается непрерывно вплоть до Междоузья, пересекая Нигерию, Камерун, Габон, Конго и Заир. Местами в лесах встречаются травянистые прогалины: это «равнины» р. Огове, прибрежные саванны Берега Слоновой Кости, эзобе Конголезской котловины.

Остальная часть Западной и Центральной Африки представляет собой саванну, где в различных пропорциях сочетаются деревья или кустарники и травянистый покров. Сухой и дождливый сезоны распределяются здесь приблизительно равномерно. Саванны в некоторых местах переходят в настоящий сухой лес. В основном это относится к областям от Северной Анголы до Зимбабве. Другие разновидности африканской саванны располагаются в более сухих и в более влажных районах: это степь с колючими кустарниками и так называемая гвинейская саванна. Первая из них характерна для области Сахеля, получающей осадки в диапазоне от менее 5 до 700 мм в год; по мере увеличения засушливости почва там постепенно оголяется. Вторая разновидность отличается густыми и высокими травами и отсутствием или небольшим количеством деревьев. Правда, в эту «травянистую», или «кустарниковую», саванну, которая встречается, например, в Верхней Гвинее или в Республике Конго, нередко вклиниваются участки леса. В зависимости от их природы и расположения можно говорить о «галерейной саванне» или о чередовании «лес — саванна».

Ритмы в выпадении дождей и в характере растительности оказывают решающее влияние на жизнь людей. Можно по примеру Ж. Маке на законном основании противопоставлять «цивилизацию росчистей», характерную для экваториального леса, «цивилизации зернохранилищ» в саванне¹⁰. Термин «росчисть» точно отражает изоляцию групп, живущих в лесу, в замкнутых рамках такой естественной среды, которая, будучи «враждебной» людям не более других, в то же время препятствует установлению между ними связей.

Системы родства остаются главным основанием той социальной организации, которая редко поднимается над уровнем деревни или небольшой группы деревень. Эти деревни по мере надобности перемещаются с места на место, тогда как сами люди, выживание которых зависит от поддержки близких родственников, редко покидают их.

В саванне, напротив, всегда было легко передвигаться; деревенские ячейки там чаще закрепляются на одном месте либо из-за более высокой плотности населения, либо потому, что в этой гораздо менее однородной среде человеческие группы выбирают какие-то наиболее благоприятные места. В свою очередь, эта особенность не могла не способствовать развитию социальных структур.

Существование излишков продуктов земледелия обусловлено особенностями тропического климата с сухим сезоном и вызвано необходимостью делать запасы, растягивая потребление урожая

до следующего сезона дождей. Это свидетельствует о серьезной проблеме обеспечения необходимого уровня потребления в зоне с сезонными контрастами. В то же время это указывает на способность жителей саванны получать, хранить и перевозить излишки. Хотя продуктивность почвы, а также производительность труда человека выше во влажном климате, где к тому же возможно повременное распределение работ и даже повторение ежегодного сельскохозяйственного цикла, земледелие в саваннах можно считать более передовым. Это связано с набором возделываемых там сельскохозяйственных культур, к которым относятся прежде всего злаковые (сорго и метельчатое просо) и другие зерновые культуры. В зоне лесов же выращивают ямс, маниоку, кормовой банан и т. п. Чем объяснить это положение? Прежде всего земля обрабатывается в этих двух зонах совершенно по-разному. Не говоря об области распространения ямса (от восточной части Берега Слоновой Кости до Южного Камеруна), где необходима перекопка большого количества земли, лесные почвы используются лишь расчистки с помощью топора или мачете. Почвы же саванны — если их не устилают срубленными ветками и не покрывают золой, как это делается в Замбии (система *читимене*), — дают урожай только после тщательной обработки, чаще всего с помощью мотыги.

Как правило, лесные культуры имеют более гибкий календарь, чем календарь зерновых, что позволяет высаживать их в различных сочетаниях. Отличаясь хорошей урожайностью, они дают изобильную по массе пищу, но пониженной калорийности.

Тем обстоятельством, что земледельцы леса производят слишком водянистые, скоропортящиеся продукты, которые трудно перевозить, некоторые исследователи объясняли их неспособность создать общество с заметным разделением труда. Этот упрек справедлив лишь отчасти. Цивилизация городов йоруба выросла, если можно так сказать, на ямсе.

Как видно, противопоставление зерновых культур и корнеклубнеплодов в известной степени определяется зональными различиями. Вместе с тем между двумя типами земледелия не существует резкой границы. Влажной саванне, переходящей затем в лес, соответствует взаимное проникновение этих типов. Тамашские земледельческие системы характеризуются чрезвычайным богатством выращиваемых культур, где сорго и земляной орех соседствуют с ямсом, маниокой и даже бананом.

Прочие зональные различия касаются скотоводства. За исключением отдельных высокогорных областей, крупный рогатый скот разводят подальше от экваториального леса из-за мухи цеце. Предпочтение отдается при этом наименее влажной саванне, где скотоводство находится в руках либо скотоводов (мавры, фульбе, туареги, чернокожие арабы в Чаде и в Судане), либо земледельцев, для которых скот является как богатством, так и показателем престижа. Скотоводство с земледелием сочетают сереры в Сенегале, прибрежные рисоводы в Казамансе и в Гвинее-Бисау, боль-

шинство крестьян-горцев, группы кочевников и их прежние рабы, перешедшие к земледелию. Скотоводство распространено и на значительной части Сахары, где из-за нехватки влаги невозможно земледелие (за исключением оазисов или территорий вдоль больших рек). Однако подобное расширение «полезной» территории происходит в основном лишь благодаря смене сезонов. В сухой сезон скотоводы вынуждены откочевывать далеко на юг, в земледельческую зону, в поисках пастбищ и особенно воды.

Зональные различия в целом выражены гораздо четче к северу, нежели к югу от экватора: там более заметна тенденция к сухому климату, количество осадков уменьшается быстрее, разнообразие природных условий полнее используется цивилизациями. Частично по тем же причинам к северу от экватора был более заметным обмен между населением различных климатических зон. Долгое время в лесных зонах пользовалось повышенным спросом железо. Также на юг шло большое количество сушеной рыбы, поступавшей с крупных рек и из затопляемых зон саванны (внутренняя дельта р. Нигер, берега рек Логоне, Шари и оз. Чад). В противоположном направлении, на север, отправлялись колоссальные грузы орехов кола, собранных в лесах.

Однако в восточной части континента природные зоны уже нельзя выделять на основе широтного деления. Здесь следует учитывать факторы чисто местного значения. Прежде всего это рельеф. На горных плато и в горных массивах выпадает много осадков, тогда как долины типа Рифт-Валли довольно засушливы. Узкая полоса с большим количеством осадков тянется вдоль океанского побережья вплоть до границы Кении с Танзанией. Острова Занзибар и Пемба некогда были покрыты пышным экваториальным лесом (в то время как во внутренних районах, всего в нескольких десятках километров, господствует степь). Дождливая зона венчает северо-западную часть оз. Виктория: там, в области расселения баганда, наблюдается высокая плотность населения в противоположность областям, где по мере удаления от озера земледелие сменяется скотоводством.

Итак, Восточная Африка представляет собой один из весьма типичных регионов, где «размещение» людей в основном следует географическим факторам. В масштабе всего континента так же обстоит дело и в отношении климатических и растительных «зон». В частности, множество экологических ниш получили точные «ответы» со стороны поселившихся там людей; идет ли речь о достаточно высоко расположенных районах, спасающих от сильной жары, или о крутых склонах, обработка которых весьма сложна, или о больших пространствах, полузатопленных водой. Наконец, для Африки к югу от Сахары характерны некоторые общие физические особенности, о которых уже говорилось.

Тем не менее между констатацией этих фактов и объяснением расселения и экономической географии населения Африки естественной средой лежит непроходимая пропасть. Можно лишь сказать, что расселение африканских народов и их хозяйственные

системы, как правило, учитывают эти факторы. Таким образом, весьма распространенное понятие «приспособление к окружающей среде» следует понимать относительно, в смысле весьма отличном от того, который ему обычно дают натуралисты.

Глава 2

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

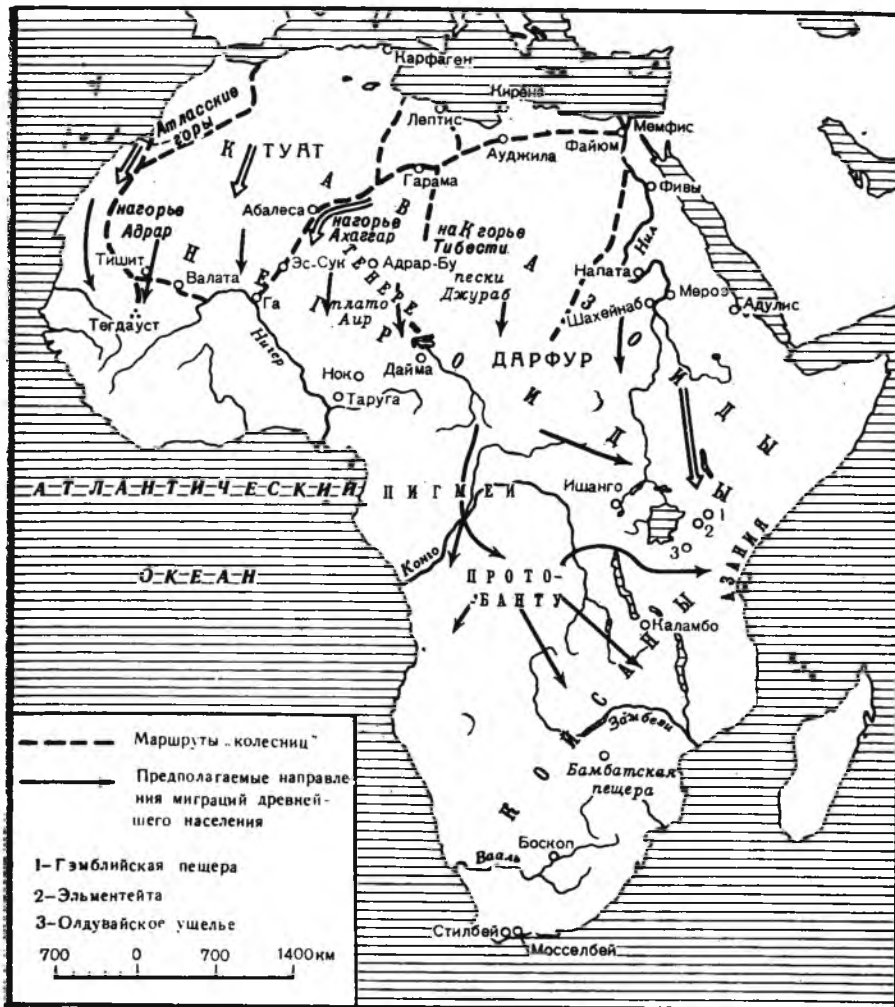
Происхождение человечества. Обнаружение ископаемых останков гоминоидов в вулканических слоях ущелья Олдувай в Танзании и на р. Омо в Эфиопии и их датировка калий-аргоновым методом позволили отодвинуть в далекое прошлое тот момент, когда человеческий род отделился от других приматов. Действительно, крупнейший современный специалист по прегоминидам Л. Лики, который, продолжая дело Дарта, Брума, Арамбура, Робинсона и других ученых, посвятил свою жизнь исследованию вопроса о происхождении человека, полагает, что момент отделения гоминоидных видов от прочих приматов следует датировать примерно 20 млн. лет назад. А приблизительно 2 млн. лет назад произошло еще одно расхождение, закончившееся образованием нескольких отличных друг от друга групп, одну из которых практически невозможно отличить от современного человека.

Австралопитеки, зинджантропы или парантропы, несмотря на прямохождение, не принадлежат к прародительской линии человечества. Они были извлечены на свет в ущелье Олдувай, где в слое толщиной 100 м располагаются ярусы аллювиальных наносов, датируемые временем с конца третичного периода до позднего палеолита. Здесь представлены в стратиграфической последовательности костные останки прегомининов и паратагомининов и их археологические культуры — от культуры обработанных галек до развитого ашеля и далее.

По-видимому, и те и другие располагали примитивными орудиями из кости и камня, но мы можем всего лишь определить последовательность событий: парантроп вымер (возможно, в этом в какой-то степени повинен предок человека), тогда как его соперник выжил, получив шансы стать нашим отдаленным предком.

Культура галек была открыта в других районах Африки, от Алжира до Южной Африки. Зона ее распространения протянулась через Эфиопию, Кению и Зимбабве, а недавно в Чаде был найден череп австралопитека. Таким образом подтверждается, что носители культуры галек населяли всю Африку. Но мы пока не знаем, им ли принадлежат костные останки, обнаруженные недавно на Яве.

Впрочем, для изучения этой страницы первобытной истории следует подождать результатов текущих исследований: данные уточняются из года в год по мере того, как происходят новые открытия и анализируется уже существующий материал. Действительно, вспомним, что только на основе недавних лабораторных

Африка в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.

исследований удалось определить, что знаменитый «Пилтдаунский человек» был подделкой и что совсем не так давно калий-аргоновый метод датировки вооружил нас абсолютной хронологией для начала четвертичного периода.

Уточним также мимоходом, что обнаружение галечных орудий не обязательно свидетельствует о культуре галек или преашеле: человек обтачивал гальки, начиная с зари первобытной истории и вплоть до сегодняшнего дня, и их находят практически на всех доисторических стоянках в тех районах, где много гальки, т. е. на морском побережье или в наносных слоях по берегам быстрых рек. Существуют двусторонне обработанные гальки, датирова-

мые ашелем, эпипалеолитом и даже неолитом, а рыбаки в Южном Марокко и сегодня изготавливают их, чтобы с их помощью отделять прилепившиеся к скалам морские раковины. Решающим моментом для определения того, имеем ли мы дело с галечной или с какой-то иной культурой, является вся совокупность орудий, т. е. все содержание слоя.

Культуры бифасов и *Homo erectus*. После *Homo habilis* прошло более миллиона лет, и теперь мы уже имеем дело с гоминидом *Homo erectus*, скелет которого не отличается от скелета современного человека, хотя объем его мозга, значительно превышающий объем мозга австралопитека (973 против 507 куб. см), уступает объему мозга неандертальца (1422 куб. см) и современного человека (1200—1500 куб. см.).

Для датировки перехода от австралопитека к *Homo erectus* приходится еще раз обратиться к олдувайским находкам: в основании «слоя 2» супруги Лики обнаружили черепа, которые могут представлять переходную стадию.

Homo erectus, как и его предшественник, был охотником-собирателем. Останки этого прекрасно приспособившегося для ходьбы древнего человека обнаружили впоследствии во всем Старом Свете: от Великобритании и Венгрии до Явы и от Пекина до мыса Доброй Надежды. Его более высокое умственное развитие нашло отражение и в эволюции орудий: от обработанных галек он перешел к изготовлению бифасов, т. е. двусторонне обработанных орудий, а это представляет собой значительный прогресс.

Бифас — это орудие, полученное в результате обработки каменной заготовки при помощи либо другого камня, либо костяного или деревянного отбойника. После такой обработки получалось орудие миндалевидной формы со сходящимися к острию двумя поверхностями; размер его мог достигать и даже превышать 20 см. С этим новым оружием человек получил возможность нападать на крупных животных.

Усовершенствование орудий привело и к усовершенствованию охотничьих навыков; охотнику потребовалось присоединиться к другим людям, чтобы объединенными силами окружить и загнать дичь, сообща нападать на раненых животных. Впрочем, в его распоряжении уже был огонь, что весьма помогало ему на охоте: поджигая травы в саванне, он мог загнать облюбованную дичь в ловушку, в болото, где она увязала, или на крутую скалу, откуда испуганные животные бросались вниз. Охотникам оставалось лишь добывать гибнувших животных.

Стоянки ашельской эпохи обнаружены в Африке повсюду. В некоторых районах с благоприятными условиями, например в Сахаре, где в то время был влажный климат, как свидетельствует наличие там фауны, ныне ставшей исключительно тропической (гиппопотамов, слонов, крокодилов и т. д.), были открыты настоящие «поля бифасов»: эти орудия встречаются там сотнями, если не тысячами. Главные из них — Тиходайн, Туфурин, Эль-Баяд, Адрар-Бу, Мадама, далее к югу идут Олоргезайли и Нзонгези в

Кении, водопады Каламбо в Замбии, долина р. Аваш в Эфиопии. В Олоргеайли был даже организован музей под открытым небом, где прямо на земле видны сотни бифасов. Такое изобилие свидетельствует о возросшем количестве людей, а также о том, что в течение довольно длительного времени они не меняли территорию, на которой охотились. Эти охотники, по-видимому, предпочитали выбирать для жилья окраины древних болот, ибо залежи бифасов чаще всего находят в древних озерных слоях, а также поблизости от них.

В Северной Африке К. Арамбур открыл в карьере Тернифин близ Маскары (Алжир) костные останки *Atlantropus mauritanicus*, которым сопутствовали ашельские орудия.

В течение всего длительного ашельского периода происходило совершенствование техники изготовления орудий: от грубо обтесанных бифасов с неровными остриями люди перешли к превосходным миндалевидным бифасам с прямым и хорошо режущим острием, обработанным с помощью деревянного кругляка. Впрочем, уже тогда существовали и другие орудия: ножи, пластинки, камни для дробления, не считая деревянной палицы и, конечно, всего прочего инвентаря, который не дошел до нас, так как был изготовлен из таких непрочных материалов, как кость и рог.

Теперь осталось обнаружить в Африке останки первобытного *Homo sapiens*, который в Европе примерно на 100 тыс. лет предшествует неандертальцу: действительно в Африке еще не нашли ископаемых останков, тождественных людям Монтмаурина, Стейнхема и Сванскомба, но это всего лишь вопрос времени.

В конце этого периода ашельская культура Тропической Африки переходит в особую стадию — санго, которая характеризуется кирковидными рубилами и грубыми бифасами. Эта культура была обнаружена в районе водопадов на р. Каламбо в Замбии; ее датируют временем 40 тыс. лет назад. Она распространена от Южной Африки до оконечности Сахары; в Мали, около городов Каес и Бамако, было найдено грубое орудие из вулканического камня, сходное с орудиями Кении, Замбии, Заира и других стран.

Что касается природной среды, то после второй фазы камасийского плювиального периода отмечается весьма заметное отступление леса, совпадающее с концом ашеля. Именно к этому более сухому периоду следует отнести возникновение красных золийских песков Калахари. Дж. Кларку удалось путем анализов пылицы из этих песков показать, что в ту эпоху произошло радикальное изменение растительности.

Пока точно неизвестно, существует ли хронологическое соответствие между плювиальными и межплювиальными периодами к северу и к югу от экватора; в Восточной и Южной Африке были произведены обстоятельные исследования, и тем не менее приходится сохранять осторожность и воздерживаться от преждевременного применения терминологии, свойственной восточноафриканскому климату, к Сахаре и к близлежащим к ней районам. Подождем новых результатов и радиоуглеродных датировок.

Во всяком случае, культура санго даже к северу от экватора хронологически, очевидно, совпадала с отступлением леса.

Средний и верхний палеолит и эпипалеолит. Культура санго сменяется в лесной зоне культурой верхний лупембе (культура калин в работах Колетт), для которой характерно появление новых орудий — прекрасных листовидных наконечников и пластин с односторонней обработкой и затупленной спинкой, в то же время постепенно исчезают орудия, типичные для культуры санго, например кирковидные рубила. Переход совершался постепенно, и при современном состоянии наших знаний трудно отделить культуру санго от раннего лупембе. Благодаря находкам на р. Каламбо имеется возможность установить датировку культуры лупембе: 26 тыс. лет назад. Для нижнего лупембе (культура джокос у Колетт), обнаруженного в верхних слоях движущихся песков, определено несколько датировок: $12\,540 \pm 560$ лет до н. э., примерно 10 000 лет до н. э. и примерно 7000 лет до н. э. Лупембе-читоль — эпипалеолитическая культура, отмеченная обилием обработанных отщепов; культура магози, которая у водопадов Каламбо датируется 7500 лет до н. э., предшествует неолиту.

В нашем распоряжении имеется гораздо меньше сведений относительно областей, расположенных к северу от лесной зоны. По-видимому, в это время засушливый период сменился в саванне дождливым, для которого было характерно образование больших озер, сходных с нынешним озером Чад и оставивших следы в виде характерных геологических формаций — диатомитов. Это беловатые озерные известняки, образовавшиеся из остатков диатомитовых водорослей, накопившихся на дне древних озер в виде слоев, достигающих порою толщины в несколько метров. Подобный озерный известняк был обнаружен в уэде Тафасасет в Сахаре и датирован радиоуглеродным методом норвежскими специалистами временем $19\,400 \pm 350$ лет до н. э. Существование больших озер в Сахаре в тот период было доказано.

Мы пока не знаем, какие культуры соответствуют началу данного плювиального периода; возможно, это были культуры бифасов, производные от ашеля, схожие с поздней культурой микок и неярко выраженной культурой типа мустье, обнаруженной в нескольких местах в Сенегале. Там на мысе Зеленом было обнаружено несколько стоянок типа мустье, либо покрытых слоем золийских плотных песков в несколько метров (карьер Эрсант в Дакаре), либо лежащих на поверхности (мыс Ланей). Такая же культура была отмечена Р. Фуруном в Уэссадане и еще несколько — П. Фиттом в районе Ниоро. Я также обнаружил их в Мавританском Адраре и у подножия скал Тишит-Валата, а один очень красивый микокский бифас — к сожалению, единственный — в Адрар-Бу. А. Юго нашел в Мавританском Адраре один атерский бифас, и оба мы обнаружили подобные бифасы, но на этот раз с хорошо заостренными рабочими краями и с черенками, в Адрар-Бу и в Сегедине.

Через Суэцкий перешеек, единственную возможную точку со-

прикосновения с Азией до начала мореплавания (ранний неолит), в Африку проникли мигранты. Часть их прошла вдоль побережья Средиземного моря и распространилась в Северной Африке, а другая часть направилась через долину Нила в направлении п-ова Сомали и эфиопских плато до Великих озер. В результате в эппалеолитическую эпоху, точно датировать которую пока невозможно, в этих районах появились капсийская и иберо-маврусийская культуры, для которых были характерны новые разновидности пластин, резцов, топоры «транше» и т. п. Эти мигранты положили начало ливо-берберам к западу от Нила и эритрейцам (древним египтянам, беджа, галла, сомали и т. д.) в основном к востоку от него. Все эти группы принадлежат к хамитской языковой семье, родственной семье семитской¹¹.

Пришельцы смешались в большей или меньшей степени с негроидным и капоидным (предками нынешних койсанских народов — бушменов и готтентотов) населением, существовавшим здесь раньше, дав целую гамму скрещиваний, в которых кавказоидный элемент преобладает далеко не всегда.

Создается впечатление, что начиная с этой эпохи завершается распространение в Африке различных расовых элементов: негроиды, или конгоиды, занимают всю территорию к югу от северного тропика, от Атлантического океана до Нила и до лесной зоны; пигмеи передвигаются по лесу отдельными группами; к югу и к востоку от лесной зоны вплоть до Восточного мыса в Южном полушарии живут по всей широте Африки капоиды. Кавказоиды, которые, безусловно, уже были представлены небольшими группами в Египте и в соседних областях, позднее распространились оттуда к западу и к югу, тесня или поглощая существовавшее здесь ранее население.

В Сахаре в это время все еще располагались большие озера, как об этом свидетельствуют датировки диатомитов, полученные на территории Нигера: 7280 ± 130 лет до н. э.; 5040 ± 100 лет до н. э. (Тенере) и 4940 ± 150 лет до н. э. Следовательно, климатические условия в эту эпоху были весьма благоприятны как для сахарских племен, так и для завоевателей, которые скапливались на ее северной границе.

Неолитическая революция. Незаметно человек перешел от эппалеолита к неолиту: это произошло в некоторых районах с благоприятными климатическими условиями, население которых сумело воспользоваться своим собственным тысячелетним опытом, а также уроками, полученными от сношений с внешним миром.

Совсем не случайно неолитическая революция началась на Ближнем Востоке, в районах больших плодородных наносных равнин в Египте и в Месопотамии и в соседних областях с умеренно влажным, но теплым климатом, который освобождает жителей от тягот слишком сильного холода и в то же время не угнетает их влажной жарой тропиков; к тому же эти районы находятся на перекрестке разнообразных влияний, идущих из Азии, Африки и

Европы. Именно в этом регионе, простирающемся от Нила до Черного моря и от Эгейского моря до плоскогорий Ирана, в этом «плодородном полумесяце» и в близких к нему областях на трех материках человек перешел от хозяйства, построенного на охоте и собирательстве, к земледелию и скотоводству, что привело к появлению цивилизации с большой буквы (не будем бояться этого слова). Начало неолита для этого региона можно отнести примерно к VI тысячелетию до н. э. В эту эпоху зарождаются первые городские поселения в Палестине (Иерихон) и в Ираке (Джармо); наши знания об эпохе раннего неолита возрастают благодаря проводимым сейчас работам.

Специалисты по первобытной истории относят к числу основных достижений неолита, во-первых, определенные успехи в технологии обработки каменных орудий, такие, как шлифовка топоров и тесел, двусторонняя обработка наконечников стрел, изготовление сосудов или других предметов из шлифованного камня; изобретение керамики, которую, как правило, украшали рисунками; переход от собирательства к земледелию и от охоты к скотоводству. Следовало бы добавить к этому изменения в социальных отношениях, которые привели к образованию из первобытных племен небольших государств, а также революцию в религии, в результате которой появились цари-жрецы, колдуны и маги, вызывающие дождь, а также военные вожди.

Все эти новшества не встречаются одновременно на территории Африки, и при изучении данной проблемы никогда нельзя упускать из виду огромные размеры континента. Решения, подходящие для долины Нила с ее удивительными сельскохозяйственными условиями, не годятся для более засушливых западных областей; в Сахеле больше возможностей для скотоводства, нежели для земледелия; а лес, с его удрушающим климатом вообще не предоставляет жителям никаких особых преимуществ.

Не будем забывать и о том барьере, который образуют расстояния, пустыня и лес. Культурным влиянием едва ли было легко распространяться с одного конца материка на другой, когда каждое племя имело свою четко ограниченную охотничью территорию, а покушения на нее со стороны соседей не приводили ни к чему хорошему. «Окраины света» никогда не были очагами распространения культурного влияния, шла ли речь о Камчатке, о Меланезии, о мысе Доброй Надежды или о Патагонии. Передовые технические навыки всегда возникали в срединных землях, которым легко было поддерживать связь с остальными районами земного шара и которые постоянно обогащались за счет воздействия извне.

Высыхание Сахары, которая в начале неолита еще не была пустыней, но стала ею в конце этого периода, привело к изоляции Тропической Африки от Средиземноморья именно в данный решающий момент в истории человечества. Эта изоляция явилась одной из основных причин технической отсталости Тропической Африки по сравнению со Средиземноморьем. Сохранилось лишь несколько путей, по которым поддерживались контакты: путь по

Нилу и несколько транссахарских маршрутов. Неудивительно, что нигде не возникало стимула для межплеменной торговли — главного переносчика новых технических навыков и идей.

Технология. По правде говоря, многие технические навыки, открытие которых приписывают эпохе неолита, существовали уже в эпилеолите. Шлифовка была известна в Магрибе еще со времени капсийской культуры, но не использовалась при обработке топоров и тесел. Эти орудия составили основные находки неолита, они были обнаружены повсюду в Африке, и в частности в Сахаре, где они оказались на поверхности вследствие эрозии почвы. Их находили сотнями на некоторых стоянках, например на берегу древнего озера Тишит, в долине р. Тилемси, в Западном (Таферджит, Тамайя-Деллет) и в Восточном Тенере (Адрар-Бу, Мергигара). Токсье описал даже особую тенерийскую фазу неолита, для которой были характерны полированные втульчатые топоры.

К югу от Сахары были найдены и разные другие полированные орудия и украшения: подвески, бусы, губные вставки, браслеты из камня, бетили¹², резные и полированные песты, недавно описанные Г. Кан-Фабре, сосуды из лавы, базальта и других материалов, которые встречаются на территории от Западной Сахары до Кении, включая нагорье Тибести.

Что касается двусторонней обработки наконечников стрел, то здесь она раньше практически не применялась, но уже встречалась в атерских культурах Северной Сахары и в культуре лупембе. Тем не менее повсюду в неолите Сахары встречаются наконечники стрел — листовидные, с черенком, с лопастями, с поперечным острием или с вогнутым основанием (к югу от пустыни их находят реже), что свидетельствует о повсеместном применении лука; это подтверждается анализом многочисленных наскальных росписей и рисунков в Сахаре и в других местах.

В результате обработки кости появились гарпуны с одним или двойным рядом зазубрин, рыболовные крючки, пробойники, шила, ложила и т. п. Этот материал сохраняется плохо, и поэтому в нашем распоряжении находится лишь небольшое количество экземпляров.

Бусины находят практически на всех неолитических стоянках. Сделанные из камня (кварц, агат, сердолик, амазонит и различные минералы), изредка из глины, из раковин, из кости, но в основном из скорлупы страусовых яиц, они свидетельствуют о древней тяге африканок к украшениям, тяге, которая сохранилась до наших дней.

В Африке нет керамики периода эпилеолита: та, которую представляют как восходящую к «капсию Кении» (Гемблейская пещера), никогда не была точно датирована, и весьма вероятно, что как здесь, так и в других местах, она относится к неолиту. В распоряжении специалистов по первобытной истории в Африке имеется достаточно большое количество глиняных изделий, чтобы составить мнение о неолитической керамике; особенно присталь-

ное внимание привлекли к себе район Хартума, Заир, Кения, Сахара и Западная Африка.

Повсюду мы имеем дело с глиняной посудой, изготовленной ручным способом — даже в наши дни гончарный круг употребляется лишь в средиземноморской Африке, а изготовление посуды является делом женщин — и используемой в разнообразных целях: сосуды для воды или зерна, тарелки и миски, котелки для варки, погребальные подношения, детские игрушки, украшения и т. п.

Большинство керамических изделий украшено либо путем оттиска (штамповка, волнистая линия, ролик, оттиски с помощью валика, плетеное украшение и т. д.), либо путем насечки (каннелюры и различные штрихи). Рельеф, роспись, ангобирование — велико разнообразие этих украшений, которые можно, однако, объединить по группам. Удивительно видеть одинаковые рисунки в местах, разделенных тысячами километров, например в долинах Нила и Нигера.

Земледелие. И вновь наши взгляды обращаются к Ближнему Востоку — на этот раз в поисках происхождения земледелия. Мало-помалу человек научился выбирать из числа окружавших его дикорастущих растений те, что были ему полезнее, и создавать для них благоприятные условия в ущерб «сорнякам». После более или менее продолжительной стадии обработки и использования дикорастущих растений, находящейся между собирательством и земледелием в собственном смысле слова, человек начал возделывать пшеницу, ячмень, овес, просо, лен, чечевицу, финиковую пальму, оливковое дерево, виноград и множество других культур, не оставив при этом собирательство зерен и диких фруктов, которые были ему весьма нужны (если не сказать необходимы) в тяжелые периоды перед сбором урожая или в неурожайные годы.

Такова была картина средиземноморской Африки к VI тысячелетию до н. э.; по находкам же, сделанным в Фаюме, мы знаем, что там земледелие процветало самое позднее в V тысячелетии до н. э.

Не так обстояло дело в Тропической Африке. Для тропической зоны с ее летними дождями нужно было найти другие культуры, ибо те, которые возделывались в Северной Африке, здесь не произрастают или произрастают исключительно в сухой сезон, при условии орошения и лишь в областях Сахеля.

Вероятно, используя пример Египта, население верховьев Нила сумело постепенно вывести тропические растения, которые могли расти без орошения: сорго, просо, фоню, болотный рис и т. д. Еще южнее жители лесной зоны начали, в свою очередь, разводить ямс и другие питательные клубневые растения, которые раньше они попросту собирали.

У нас очень мало сведений об этом начальном периоде тропического земледелия, несмотря на исследования А. Аркелла в районе Хартума, Т. Моно и других специалистов в Западной Сахаре. Хорошо известно, что оно могло зародиться и процветать, с одной стороны, вдоль Нила, а с другой — вблизи древних озер и затоп-

ляемых зон Юго-Западной Сахары: поселения на скалах Тишит-Валата — площадь некоторых из них достигает 1 кв. км — свидетельствуют о хозяйственной жизни, которая уже вышла за рамки собирательства. К сожалению, в этом райском уголке для специалистов по первобытной истории из-за слишком трудного доступа ни разу не было произведено раскопок. Сейчас благодаря Т. Мэнсону у нас появились лишь некоторые датировки, полученные радиоуглеродным методом: с 1500 по 380 г. до н. э.

Так же обстояло дело и со сказочно богатыми стоянками в долине р. Тилемси. Они, в свою очередь, ждут раскопок и исследований.

Для неолитических стоянок Южной Сахары имеется всего две датировки: 3180 ± 300 лет до н. э. для напластования Адрар-Бу 3 и 2800 ± 80 лет до н. э. для некрополя на караванной тропе Тесалит — Бидон 5.

Тем не менее, присоединив их к датировкам, которые известны нам для Северной Сахары (укрытие Джаббарен II, Аджер — 3520 ± 300 лет до н. э.; укрытие Мениет, северо-западный Ахагар — 3450 ± 300 ; укрытие Сефар, Аджер — 3070 ± 300 ; укрытие Таесса, Ахагар — 2730 ± 300), мы получаем возможность утверждать, что после наиболее благоприятного в климатическом отношении периода в VII—VI тысячелетиях до н. э. Сахара получала достаточно осадков и в IV—III тысячелетиях до н. э., чтобы могли процветать неолитические культуры¹³.

Скотоводство. Сказанное подводит нас ко второму радикальному изменению экономики в неолитическую эпоху — переходу от охоты к скотоводству. И еще раз нам приходится обратиться к Ближнему Востоку, ибо, по-видимому, именно там началось приручение животных: свиней, коз, овец, затем крупного рогатого скота, лошадей и т. д. Что касается собаки, то она стала спутником человека еще в эпипалеолите.

Скотоводство проникло в Африку через Суэцкий перешеек в период эпипалеолита. Мы знаем, что приручение животных уже существовало в Египте в неолите: в Фаюме (V тысячелетие до н. э.) обнаружены костные останки быков, баранов и свиней; есть основания полагать, что имеются и более древние стоянки, возможно покрытые метровыми наносами Нила, которые пока не были найдены и раскопаны.

То, что Сахара до своего высыхания была зоной, где существовало сильно развитое скотоводство, известно из достоверного источника — бесчисленных наскальных росписей и рисунков в Тасилин-Аджере, Тибести, Ахаггаре, Мавританском Адраре и в других районах. Огромные стада крупного рогатого скота паслись на горных плато и затопляемых предгорьях, поедая всю траву в районе, который быстро превращался в пустыню. Естественно, что последствия подобного чрезмерного выпаса — вытаптывание травы и огонь в саваннах, который разводили пастухи, чтобы обеспечить своим стадам отаву в сухой сезон, — были в числе главных факторов превращения в пустыню. Опустынивание было в итоге

вызвано не только ухудшением климата, которое, безусловно, было связано с нагреванием атмосферы, благотворным в странах с умеренным климатом (отступление ледников) и пагубным в субтропических зонах, но и деятельностью человека.

Начиная с III и II тысячелетий до н. э. наступление пустыни вынуждало скотоводов отступать в южные травянистые степи, откуда они вытесняли земледельцев в еще более южные и более влажные зоны.

Таким образом, опустынивание привело к замене негроидного и всего прочего земледельческого населения Сахары и п-ова Сомали, которому требовался минимум воды в 300 мм, чтобы заниматься земледелием, не прибегая к орошению, белыми или смуглыми скотоводами, предками нынешних берберов, беджа, сомали, масав и др.¹⁴.

Между коренными жителями и завоевателями, разумеется, происходили бесчисленные скрещивания, вылившиеся в ту расовую и этническую мозаику, которая нам известна сегодня: негроиды, кавказоиды, пигмоиды, капоиды смешались в столь различных пропорциях, что — если не говорить о несложных идентификациях — в них весьма трудно разобраться.

От камня к металлу. Начальный период железного века в Африке.

В различных районах земного шара конец неолита наступил в разное время. То же относится и к Африке. Если в Египте медь стала известна с V тысячелетия до н. э., то ее появление в Северной Африке датируется II, а в Сахаре — I тысячелетием до н. э., и только для начала нашей эры существуют доказательства, что металл — в данном случае железо — стали получать в Тропической Африке за пределами долины Нила.

На дальнем западе, в Западной Сахаре, существовал переходный период между палеолитом и железным веком — «медный век», существование которого было установлено после открытия примерно 60 плоских наконечников стрел с длинным черенком типа наконечников периода «испанской бронзы», а также топоров, копий, рыболовных крючков и т. п.

В долине Нила, в Нубии, были обнаружены многочисленные предметы из меди и бронзы, сходные с изделиями из Египта, но начинающая примерно с 400 г. до н. э. на смену медным приходят железные предметы. В Мероз, новой столице царства Куш, где в изобилии была железная руда и древесина, в течение последних веков до нашей эры процветала весьма значительная железная металлургия¹⁵.

Из Мероз обработка железа распространилась, по-видимому, по всей Тропической Африке, хотя у нас пока нет достоверных данных относительно стоянок раннего железного века в этих областях, полученных методом радиоуглеродного анализа. Имеющиеся результаты противоречивы: с одной стороны, мы располагаем довольно отдаленными датировками, которые связывают с металлургией железа: 280 ± 120 лет до н. э. — Таруга (Нигерия), стоянка с

терракотовыми фигурками культуры Нок; 99 ± 212 лет н. э. — Магили (Замбия), стоянка с керамикой типа *channelled ware*, определенной специалистами как «достоверный железный век». Но, с другой стороны, встречаются такие датировки, как 25 ± 120 лет до н. э. — Роп (Нигерия), недалеко от Таруги; 450 и 480 ± 270 лет н. э. — Дайма (Нигерия, к югу от оз. Чад), относящиеся к культурам без следов железа. Вспомним также, что во II в. н. э., согласно «Периплу Эритрейского моря», на восточноафриканское побережье железо повсеместно ввозили.

Итак, до появления новых данных следует сохранять осторожность. Не будем забывать, что возможность появления металлургии железа в Тропической Африке за пределами долины Нила относится только к 280 г. до н. э.; о вероятности этого появления можно говорить по отношению к I в. н. э., и лишь примерно V в. датируется ее достоверное существование.

В лесной зоне и в Южной Африке пигмеи и койсанские народы продолжали вести существование охотников-собирателей эпохи мезолита, а суданцы юга и бантуязычные народы вплоть до первых веков нашей эры оставались неолитическими земледельцами.

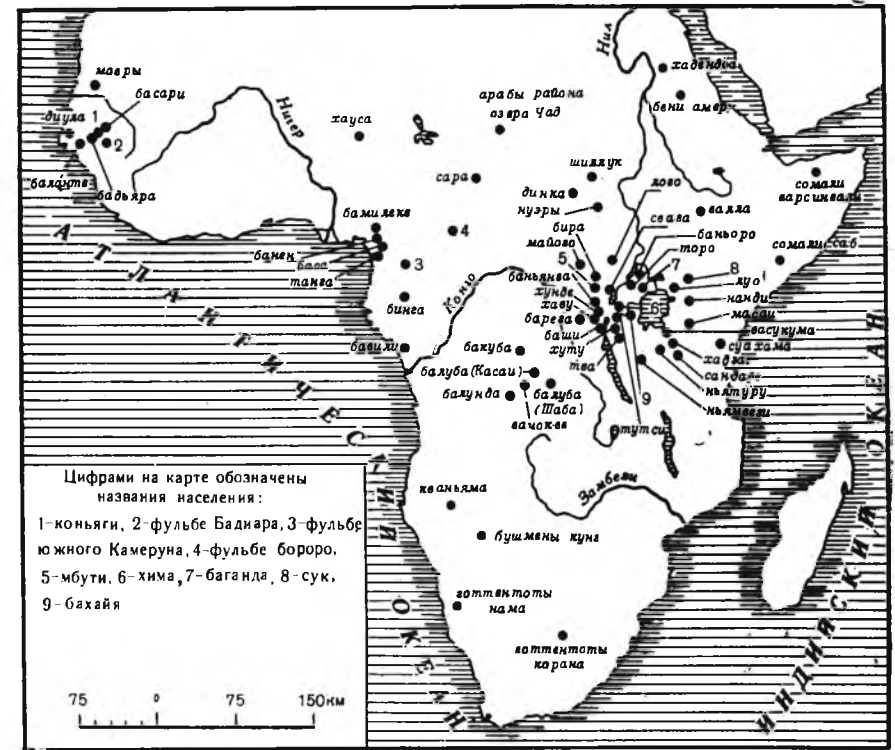
Глава 3

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ АФРИКИ

Цель этой главы — проследить в той мере, в какой это позволяют современные знания, историю формирования антропологического состава населения Африки к югу от 22° северной широты. Лишь ее последний этап, приведший к нынешнему антропологическому разнообразию популяций, изучен достаточно полно на основе объективных данных. Предыдущие этапы, охватывающие несколько тысячелетий, так слабо представлены костными останками людей, что строить на основании их исследования выводы в высшей степени рискованно. Таким образом, мы вынуждены ограничиться реконструкцией этих этапов с помощью средств современной биологии и истории. В итоге мы можем выявить (для каждого локального региона) основные факторы, которые влияли на формирование биологических особенностей его населения в процессе развития. Таковыми могли быть: экспансии, миграции, метисация, селекция, мутация, генетический дрейф.

Группа как объект биологического изучения. Любая группа населения генетически однородна, если круг брачных связей ее ограничен, а внутри нее не имеется каких-либо постоянных препятствий для браков, например географической или социальной изоляции.

Современное население Тропической Африки в основном соответствует такой генетической модели: во многих племенах, обладающих небольшой территорией, или в социальных группах, которые живут вместе, подобно тутси и хуту в Бурунди, эндогамия яв-

Население Африки

ляется правилом и поддерживает ее однородность. Так, в ряде этнических групп Южного Чада, совокупность которых принято называть сара, 97,5% мужчин берут жен в своей собственной группе. В результате даже в самой крупной из этих групп, маджингай, не проявляются локальные внутригрупповые различия, а межгрупповые весьма значительны.

Итак, этническая группа, или каста, чаще всего оказывается пригодной в качестве объекта биологического изучения. Однако следует иметь в виду, что генофонд такой группы отражает в основном ее современное состояние, так как генетический состав этноса может значительно меняться в процессе исторического развития, скажем, из-за завоеваний и ассимиляций. Племена постоянно создавались, преобразовывались, исчезали. Расширялись и изменялись обширные политические образования, поглощая прежде независимые группы. Поэтому в биологическом отношении названные образования, конечно, неоднородны, и очень трудно определить, какие из изученных групп действительно являются местными популяциями, а какие — социальными группами, определяемыми эндогамией.

Расы и подрасы. Если понимать под расой генетическое

единство, понятие «раса» смешивается с понятием менделевской «популяции». Но не существует двух человеческих популяций, которые были бы идентичны по своему генетическому фонду. Поэтому расовое различие есть различие наследственного фонда данной биологической особенности. Именно так его понимают современные антропологи. Но приводимые в учебниках антропологии традиционные классификации рас включают более крупные категории. Например, А. Валлуа различает в Африке южнее Сахары следующие расы: эфиопскую, мелано-африканскую, негрильскую и койсанскую. Он подразделяет мелано-африканскую расу на суданскую, гвинейскую, конголезскую, нилотскую и южноафриканскую подрасы. Подобные таксономические подразделения непригодны в качестве единиц биологического исследования. Они не составляют целого, ибо включают группы, эволюция которых протекала вполне самостоятельно. Видеть в перечисленных расах конечные ветви генеалогического древа означало бы грубое искажение естественной истории: из-за многочисленных смешений схема, представляющая биологическую историю человека, в той же степени походит на решетку, как и на дерево. Условия резко выраженной изоляции приводят к специфичности группы; если она разделяется на популяции, то они в течение определенного времени будут сходны между собой, но четко отличаться от других. Затем каждая из них будет следовать своей собственной эволюции, смешиваясь с различными популяциями, и сходство между ними исчезнет.

На наш взгляд, существует лишь один объективный способ судить о возможности объединения популяций — рассчитать для каждой пары популяций величины разделяющей их биологической дистанции. Мы резюмируем здесь данные подобного анализа, осуществленного в масштабе Тропической Африки. Они показывают, что биологическое разнообразие этнических групп выражается в почти однородном скоплении точек, более плотном в центре, чем на периферии. Если отказаться от объединения в одном классе популяций, которые походят друг на друга меньше, нежели на определенные популяции в других классах, тогда возможности объединения становятся очень ограниченными. Среди 105 изученных африканских популяций максимальное число популяций, поддающихся объединению, равно 3, к тому же этот случай кластеров из трех популяций повторяется всего два раза. Число кластеров, которые включают две популяции, равно 23. Таким образом, за пределами объединений из двух, иногда трех популяций конструкция «раса» теряет свое логическое оправдание.

При изучении списка из 25 кластеров бросается в глаза, что в большинстве своем они объединяют соседние популяции, чья этническая история свидетельствует о недавнем общем происхождении: это относится, например, к таким совокупностям, как тутси в Руанде и тутси в Бурунди; лесные бира и бира саванны; луба (катанга), луба (касаи), сонгие. Тем не менее популяции, для которых имеются основания предполагать наличие общего генофонда, не обязательно образуют кластеры. Это, в частности, относится к раз-

личным группам, называемым «фульбе». Три из них были более или менее подробно изучены антропобиологами: фульбе района Бадиара, фульбе Южного Камеруна и фульбе бороро Центрально-африканской Республики. Они не образуют групп: если фульбе Бадиара являются популяцией, наиболее близкой к фульбе из ЦАР, то сами они еще ближе к баланте Гвинейской Республики; что касается фульбе Южного Камеруна, то они больше всего приближаются к танзанийским хайя. Таким образом, нет смысла объединять в «расу фульбе» совокупность групп, носящих это название. Как подчеркивает Я. Вансина, говоря об общем происхождении разных групп людей, можно иметь в виду небольшую, порой даже минимальную часть общих генов. Более того, если популяции, имеющие общее происхождение, разобщены, то при их дифференциации помимо метисации с различными популяциями могут играть роль такие факторы, как генетический дрейф и отбор.

В то же время отбор приводит обычно к сходству между популяциями, живущими в сходной естественной среде. Конвергентное сходство будет выражено тем четче, чем экстремальнее среда и длительнее прожитое в ней этими популяциями время. При расчете биологических расстояний конвергенция, несомненно, способствует объединению некоторых групп в кластеры, например мавров и сомали варсингали. Они обитают на противоположных сторонах (западной и восточной) Африканского континента и хотя генетически родственны, разделяющая их незначительная биологическая дистанция, без сомнения, обусловлена влиянием отбора как результата проживания в засушливой степи.

Если мы не оперируем здесь классификациями рас, то не потому, что считаем ненужными обобщающие работы наших предшественников. Нам представляется, что выделенные ими расы выражают только тенденции к биологическому сходству независимо от того, вызвано ли оно общностью происхождения, или конвергенцией, или обеими этими причинами. Изучение естественной истории, на наш взгляд, можно проводить лишь на уровне эволюционных единиц.

Генетические примеси из внешнего мира. Анализ современного биологического разнообразия способен выявить лишь поздние примеси, полученные населением Тропической Африки из внешнего мира, ибо непрерывная перестройка генофонда в процессе отбора и генетического дрейфа затрудняет выявление древних примесей.

Единственная явная примесь — арабская. Она отмечается у сомалийцев, у ряда этнических групп Эфиопии, а также вблизи северной границы Тропической Африки, например у мавров и у именуемых «арабами» этнических групп Чада. На востоке она идет из Аравии, да и на севере, как кажется, не чересчур отличается от восточной, что позволяет пользоваться термином «арабский» для всего внешнего влияния. Она проявляется, между прочим, и в том, что в таких популяциях часто встречаются люди с некурчавыми волосами и с относительно светлой кожей. Она же обуславливает фор-

му носа, хотя и у представителей африканского компонента нос не обязательно очень широкий. Впрочем, наша неосведомленность о характерных особенностях этого африканского компонента мешает определить в этих популяциях долю африканского и арабского элементов. Это относится как к учету строго наследственных признаков, например групп крови, так и к данным антропометрии. Наиболее четкий контраст между Тропической Африкой и остальным миром выражен в системе групп крови Rh: частота гена R_0 высока повсюду в Черной Африке и низка в других местах, кроме тех, куда были завезены африканцы. Но, будучи в целом высокой, эта частота заметно меняется на территории Тропической Африки независимо от арабской примеси. Мы вправе пытаться вычислить относительную долю компонентов на основе групп крови Rh какой-либо африканской популяции, смешение которой произошло недавно. Правда, исследование будет правомочным, если нам точно известна ее африканская ветвь. Это невозможно сделать нигде в Эфиопии, антропологию которой предстоит написать почти полностью, как, впрочем, и антропологию «арабов» Тропической Африки. Такой подсчет возможен, однако, среди сомали варсингали: у них арабский компонент во всех популяциях преобладает над африканским.

По мере удаления от восточного и северного очагов генетического влияния арабов их воздействие в Тропической Африке перестает ощущаться; по крайней мере при весьма фрагментарном состоянии современных антропологических знаний его не удастся выявить. Если оставить в стороне арабскую примесь, можно утверждать, что биологическое прошлое африканских популяций, насколько мы можем его воссоздать, протекало в Африке.

Действие и взаимодействие факторов биологического разнообразия. Биология любой популяции формируется под воздействием нескольких эволюционных факторов. Попытаемся перечислить эти факторы, определить их значение в формировании нынешнего многообразия африканцев и уточнить их взаимодействие.

Адаптация к природной среде. Среди многочисленных аспектов окружающей среды в Тропической Африке пока лишь один был изучен достаточно хорошо, чтобы дать возможность установить количественные связи между биологическими свойствами человека и средой: это климат. Физическое строение человека дает нам немало существенных указаний на связь с климатом. Средний рост связан со средними годовыми показателями температуры и влажности, а еще в большей степени — с сезонными колебаниями влажности: в Тропической Африке тенденция к увеличению роста наблюдается там, где сильнее выражена сезонная разница во влажности и где выше температура самого жаркого месяца. Соотношение между длиной нижних конечностей и длиной тела также связано с климатом: нижние конечности длиннее по отношению к туловищу в более сухом климате, где температура самого холодного месяца ниже. В климатических условиях, способствующих увели-

чению роста, плечи становятся узкими, а когда количество осадков повышается, ширина бедер обнаруживает тенденцию к уменьшению; у населения сухих районов чаще встречаются узкие плечи и широкий таз, тогда как у жителей влажных районов плечи широкие, а таз узкий.

Если длина головы, по-видимому, не зависит от климата, то ее ширина связана с теми же переменными величинами, что и рост: голова становится тем уже, чем ярче выражены жара и засушливость. Высота лица не обнаруживает никаких очевидных связей с климатом, но его ширина зависит от него: лицо становится тем уже, чем ниже годовое количество осадков и чем ярче выражен сезонный контраст температур. Наконец, длина носа увеличивается при небольшой влажности, а его ширина — при увеличении количества осадков, слабее выраженной сезонной разнице температур.

Учитывая только общие черты этих связей, можно составить шкалу физических типов человека в их соотношении с климатической шкалой, начиная с сухого климата, очень жаркого летом и с довольно ярко выраженными сезонными контрастами, как в Сахаре, и заканчивая влажным и почти единообразным климатом, который господствует в экваториальном лесу. На одном полюсе преобладает физический тип человека высокого роста с очень длинными ногами, с узкими плечами, узкой головой и узким лицом, с высоким и узким носом, на другом — невысокий тип с относительно короткими ногами, с широкими плечами, но узким тазом, с широкой головой и широким лицом, с коротким и широким носом. На деле таксоны наиболее цельной расовой классификации, принадлежащей А. Валлуа, в значительной степени представляют собой адаптивные климатические типы.

Следует, однако, подчеркнуть, что статистический анализ выявляет лишь тенденции, а не точные связи: самые высокие коэффициенты корреляции не превышают 0,50 — величины, которая указывает, что лишь четвертую часть изменений антропометрической характеристики можно связывать с климатом.

Очевидно, что в связях, выявленных между климатом и физическим строением человека, приспособление к природной среде играет какую-то роль, но объяснения прямой зависимости этого признака от климата пока гипотетичны. Вейнер, например, видит одну из основных функций носа в том, чтобы, используя слизистую оболочку, которая постоянно увлажняется выделениями, насытить вдыхаемый воздух водяными парами и тем самым не повредить легкие — отсюда и преимущество высокого и узкого носа в климате пустыни. Шрейдер прибегает к понятиям терморегуляции и цитирует работу, которая доказывает преимущество высокого и узкого черепа в очень жарком климате, так как эта форма поглощает меньше тепла.

Крайне существен вопрос, идет ли речь о климатической адаптации индивидуального организма или об изменении путем отбора генофонда группы на протяжении нескольких поколений. Наследственные изменения возникают, конечно, в процессе отбора. На это

указывает то обстоятельство, что у детей, выросших в **иных, чем** прародительские, природных условиях, сохраняются особенности строения родителей. Зависимость физического строения от природных условий у современного человека невелика. Ослаблению ее способствуют миграции, рост цивилизации и культурные достижения, позволяющие осваивать территории с любыми климатическими условиями, и, конечно, смешения, быстро изменяющие сложившиеся генетические структуры. Сопоставление коэффициентов корреляций между антропометрическими величинами и генетическими частотами, с одной стороны, с теми, что связывают их же с климатом, — с другой, свидетельствуют о том, что в биологическом многообразии этнических групп Тропической Африки смешения и экспансии в различные климатические зоны (факторы, разрушающие приспособительное равновесие наследственного фонда по отношению к природной среде) играют по крайней мере столь же важную роль, как и генетическая адаптация.

Метисация. Под этим термином понимаются плодовые союзы между членами различных групп населения, какова бы ни была между ними биологическая разница.

О смешении с населением, живущим за пределами Тропической Африки, говорилось выше. Внутри самого континента к югу от Сахары, как это подчеркнуто в предыдущем параграфе, смешение между группами населения, приспособившимися ранее к различным климатическим зонам, выявляется путем статистического анализа. Географическое распределение и размещение некоторых средних антропологических величин или частот генов вызвано подобными обширными смешениями. Вот почему идущий с севера на юг градиент частот петель и дуг (два основных типа отпечатков пальцев) указывают на широкие генетические обмены, которые, безусловно, вызваны громадными переселениями и экспансиями, шедшими параллельно оси континента.

Нет ни одной группы населения, которая была бы герметически закрыта для генетического влияния со стороны соседей. Даже такой низкий процент обмена, какой отмечен у сара, приводит через несколько поколений к значительному смешению. Объединив данные изучения систем брачных союзов с антропологическими исследованиями, можно на местном материале уточнить соотношения прежних и недавно приобретенных в результате метисации между соседними группами населения особенностей. Так, обследование, проведенное в Руанде и Бурунди, показало, что в отношении физического строения двух главных этнических групп — хуту и тутси — в этих двух странах генетический обмен действует по-разному: влияние тутси на хуту было сильнее в Руанде, чем в Бурунди, в то время как влияние хуту на тутси было сильнее в Бурунди, нежели в Руанде.

Генетический дрейф. Если в среде многочисленного населения с того момента, когда оно становится замкнутым, генофонд от поколения к поколению обнаруживает тенденцию к постоянству, то в среде немногочисленного населения частота генов меняется беспорядочно.

Подобный процесс обозначается термином «генетический дрейф». Аналогичное явление происходит и тогда, когда какая-то небольшая группа отделяется от многочисленного населения: вероятность того, что отделившаяся группа сохранит те же генетические частоты, что и коренное население, тем ниже, чем меньше сама эта группа. Это явление называется «эффект основателя» («effet du fondateur»).

В Тропической Африке до недавнего времени образ жизни, основанный на охоте и собирательстве, был весьма широко распространен, а некоторые группы ведут его и сегодня. Такой образ жизни исключает существование больших объединений и, следовательно, если он не компенсируется правилами экзогамии, способствует проявлению генетического дрейфа. С другой стороны, африканская этническая история изобилует рассказами об отделении групп; эффект основателя, должно быть, возникал очень часто и через генетический дрейф действовал до тех пор, пока численный состав нового объединения оставался невысоким.

Нынешние антропологические данные не позволяют полностью оценить случайные колебания в генезисе современного биологического многообразия населения Тропической Африки, однако выше-сказанное свидетельствует о том, что их роль нельзя оставлять без внимания. Благодаря генетическому дрейфу группы населения, имеющие общее происхождение, могут через несколько поколений оказаться несходными даже при отсутствии отбора и смешения.

Мутации. Мутации (модификации биохимической структуры генов) способны привести к появлению новых вариантов наследственных признаков. Тем не менее частота каждой данной мутации всегда низка; поэтому сами по себе мутации не могут играть главную роль в дифференциации. Частота определяемых ими признаков может стать значительной лишь тогда, когда эти признаки отличаются благоприятными селективными свойствами. В этом случае на основе нескольких мутантов или даже одного из них отбор будет способствовать увеличению частот нового гена вплоть до определенной величины, которая представляет собой состояние равновесия селективных коэффициентов, связанных с каждой генетической комбинацией. В зависимости от условий естественной среды эти коэффициенты меняются и вместе с ними генетические частоты устанавливаются в состоянии равновесия. Если мутантный ген время от времени появляется благодаря отбору во всех популяциях или если, возникнув в одной популяции, ему удастся распространиться повсюду путем метисации, тогда в многообразии его частот многообразии среды отражается тем неукоснительнее, чем скорее достигается состояние равновесия. Впрочем, это состояние уравновешенного полиморфизма свойственно роду Ното независимо от того, содержатся ли новые мутанты в многообразии генов системы или нет.

Эти соображения особенно поразительно проявляются в распределении в Африке частот гена, называемого Hb^s. Им опреде-

ляется аномальный гемоглобин. При наследовании этого гена от обоих родителей (у индивидов — гомозиготов) он приводит к смерти в детском возрасте. Напротив, при наследовании от одного из родителей (у гетерозиготов) в соединении с «нормальным» геном его носитель приобретает возросшую сопротивляемость к малярии по сравнению даже с носителями двух нормальных генов. Зона его распространения в Африке почти совпадает с зоной распространения злокачественной малярии, а его частота среди некоторых популяций имеет тенденцию стать одной из причин детской смертности, вызываемой этой болезнью. Это наиболее наглядный случай известного ныне генетического приспособления. В таких условиях бесполезно искать в распределении частоты гена следы возможного очага его рассеивания или же опираться на нее для описания свойств генетического влияния.

У некоторых мутаций зона рассеивания более ограничена. Так, в той же самой системе гемоглобинов другой вариант гена Hb^c представлен лишь в одном, весьма небольшом африканском секторе. Его самые высокие частоты встречаются на плато Вольты, затем они уменьшаются и падают до нуля за пределами Западной Африки, за исключением отдельных вкраплений в Сахаре и в Северной Африке. Подобное ограниченное распространение гена наводит на мысль о недавней мутации и об отсутствии с тех пор сколько-нибудь значительной генетической экспансии с плато Вольты к востоку и к югу. Однако трудно объяснить эту ситуацию, изучая всю систему гемоглобинов в ее целом: согласно Ливингстону, баланс селективных коэффициентов различных генетических сочетаний складывается в пользу Hb^s там, где этот ген сосуществует с Hb^c. Таким образом, ген Hb^s появился там, по-видимому, недавно и вытесняет теперь Hb^c, который в прошлые времена, очевидно, был распространен гораздо шире.

Мы видим, что каждый наследственный признак имеет собственную историю, приобретающую индивидуальный характер под давлением действующих на него факторов отбора. Климат формирует главным образом морфологию, но он влияет и на патологию, которая, как кажется, является сферой основных селективных сил, действующих на наследственные свойства крови. Другие природные факторы тоже, безусловно, оказывают селективное воздействие. Таково, например, питание, селективная роль которого не является, однако, явной в Африке, а также, возможно, основной тип хозяйственной деятельности, как это предполагал Брюс.

Человек в ходе своей истории становится в силах изменять некоторые селективные воздействия. Прибегая, например, к медицине или к эффективной медикаментозной профилактике или же уничтожая комаров, он может справиться с малярией и тем самым постепенно устранить ген Hb^s, тем более что он представляет какое-то преимущество лишь по отношению к этой болезни. И наоборот, переход от образа жизни охотника-собирателя к условиям подсечно-огневого земледелия может вызвать быстрое размножение комаров и тем самым увеличить частоту гена Hb^s. Человек

способен также произвести умышленное действие наперекор какому-либо наследственному свойству, подобно тому правителю балуба, который — если легенда справедлива — приказал предать смерти тех из своих подданных, у кого была самая светлая кожа. Эстетические идеалы в области сексуальной привлекательности не столь способны воздействовать на генетические частоты в той мере, в какой они влияют на относительную плодовитость носителей различных генетических сочетаний. Тем не менее Тобайэс полагает, что стеатопигия, т. е. накопление жира в области ягодиц, часто встречается у готтентотских и бушменских женщин, так как мужчины считают ее привлекательной.

Очерк истории заселения Тропической Африки

История заселения Тропической Африки разворачивалась почти исключительно в рамках континента, во всяком случае у нас нет данных, которые бы свидетельствовали о каком-либо значительном вкладе извне (помимо восточной и северной оконечностей Африки).

Достаточно ли дифференцировались в ходе эволюции человека в Тропической Африке отдельные группы, чтобы мы могли если не сгруппировать их в одну «расу», то по крайней мере обнаружить их явные отличия друг от друга?

Можно, по-видимому, идентифицировать две из этих групп, которые А. Валлуа определяет как расы: койсанскую и эфиопскую. В первую входят бушмены и готтентоты. С другими группами населения Тропической Африки у них достаточно много общих черт, в частности в области генетики крови, чтобы говорить об их общем происхождении. По мнению антропологов, ничто в их особенностях не указывает на внеафриканский компонент. Некоторые исследователи, принимая во внимание желтоватую или коричневую кожу, складки на веках и плоское лицо, считали, что в этой группе имеется и преобладает азиатский компонент. Но в действительности это генетически африканские группы, на что указывают их малый рост, волосы, вьющиеся так сильно, что часто напоминают «горошины перца», обычно инфантильный вид головы и частая стеатопигия у женщин.

Бушмены населяют ныне северную половину Юго-Западной Африки¹⁶, пустыню Калахари и крайний юг Анголы. Что касается готтентотов, то кроме нама, живущих в Юго-Западной Африке, в настоящее время нет их других обособленных групп. Вместе с бушменами они занимали в недавнем прошлом гораздо более обширную территорию, охватывавшую весь юг континента; взятые в клещи между продвигающимися на юг народами, говорящими на языках банту, и распространяющимися на север колонистами европейского происхождения, они были по большей части уничтожены или ассимилированы.

Если в языковом отношении бушмены и готтентоты едины¹⁷, то биологически они менее сходны. На границе Анголы и Юго-Запад-

ной Африки некоторые группы населения, которые являются бушменами с точки зрения культуры и языка, по цвету кожи и росту ничем не отличаются от небушменов. Согласно данным антропометрии и генетики крови, нет оснований группировать бушменов и готтентотов в один таксон, ибо некоторые группы их населения походят друг на друга меньше, нежели на группы, входящие в другие языковые подразделения. Вероятно, такая ситуация в определенной мере объясняется недавним смешением с завоевателями. Возможно также, что на готтентотов оказали влияние весьма отличные от них группы населения. Но было бы ошибочным полагать, что в эпоху, предшествовавшую этим влияниям, койсаны составляли однородную группу: их прежнее распространение на громадной территории и их деление на независимые орды указывают на широкое биологическое многообразие как в прошлом, так и в настоящем.

Анализ ископаемых останков, обнаруженных в Южной и Восточной Африке, наводит на мысль о том, что сложение специфических физических особенностей койсанов, должно быть, началось на юго-востоке Африки более 10 тыс. и менее 25 тыс. лет назад. Однако снижение роста и инфантилизация черт лица произошли лишь в гораздо более близкую к нам эпоху.

В настоящее время в Танзании существуют две группы охотников-собирателей, язык которых принадлежит к койсанской семье¹⁸. Это — сандаве и хадза, свидетельствующие о давнем пребывании данной языковой семьи в Восточной Африке. В физическом отношении они не особенно близки к койсанам Южной Африки. Сандаве гораздо больше походят на своих соседей ньятуру, на диула Казаманса, на нигерийских хауса и на басари Сенегала. Хадза незначительно отличаются от сандаве, они похожи на басари и на коньяги, и гораздо больше на последних, чем на какую-либо койсанскую группу.

Термином «эфиопы» А. Валлуа пользуется для обозначения собственно эфиопов, сомали, нубийцев и населения, возникшего в результате двух типов метисации какой-либо из этих групп: с мелано-африканцами, а также с мелано-африканцами и арабами. К первой разновидности он относит масаев, нанди, сук, а ко второй — фульбе. Эфиопы частично перекрывают ту общность, которую другие авторы называют хамитами, как, например, Зелигман, который относил их вместе с европейцами и берберами к кавказоидам. Признаки группы эфиопов иногда определяются как смешение европейских и африканских черт (Валлуа), а иногда как европейские черты, подвергшиеся легкой метисации (Зелигман).

Как бы ни определялись признаки этой группы, необходимо учитывать, что она включает популяции, которые живут на севере и востоке Тропической Африки, где проявляется генетическое влияние арабов. Оно, безусловно, несет ответственность за часть «европейских» черт, приписываемых эфиопам, или хамитам¹⁹. Однако в Африке существуют популяции, которые, хотя в них и не обнаруживается арабского влияния, значительно отличаются

как от мелано-африканцев, так и от койсанов. Среди них лучше всего изучены тутси Руанды и Бурунди. У них очень темная кожа, курчавые волосы, высокий рост и очень длинные ноги; они узки в тазу, в плечах и грудной клетке; голова удлинённая, лицо и нос длинные и узкие, губы полные, но не вывернутые. Они ни в чем не походят на евроафриканских метисов. Напротив, обнаруживается, что некоторые особенности, общие для всей Тропической Африки, развиты у них преувеличенно.

Учитывая связи, существующие между морфологией и климатом (интерпретированные в свете генетической приспособляемости), можно заметить, что физическое строение тутси соответствует той точке морфологической шкалы, которая связана с полюсом засушливости и сезонной контрастности на климатической шкале. Самое достоверное объяснение этих характерных особенностей состоит в том, что они были выработаны в результате приспособления к степному или пустынному климату. Именно в таком климате живет преобладающее большинство групп определяемых как хамиты: на п-ове Сомали, в Нубии и в северной части Западной Африки. Впрочем, существуют указания на эфиопское происхождение тутси. Действительно, они более всего близки к галла Эфиопии, хотя в то же время во многом отличаются от них; биологическое расстояние, отделяющее их от масаев, несколько больше.

Возможно, что сходный компонент представлен у фульбе. Так, сомали саб (у которых нет особенно тесного сходства с сомали варсингали) больше всего походят на фульбе бороро Центрально-африканской Республики.

Тем не менее нет никаких оснований объединять вышеуказанные группы в одном таксоне. Тутси Бурунди так же близки в биологическом отношении к хуту, которых никто не считает хамитами, как и к масаям; что же касается трех лучше всего изученных групп фульбе, то у каждой из них имеются черты самого близкого сходства с группами населения, которые весьма далеки от эфиопов.

Итак, у ряда групп африканского населения присутствуют в качестве общего компонента отличительные черты, которые развились у них в результате генетического приспособления к экстремальному климату, т. е. климату знойной пустыни или степи. Этот процесс развивался на основе генофонда, который имел много общего с генофондом других групп Тропической Африки. Дифференциация произошла в пограничной зоне (северной и восточной), которая подвергалась генетическому влиянию окружающих ее районов; однако это влияние отчетливо проявляется лишь на позднейших стадиях и только у некоторых групп.

Из этой зоны распространились генетические черты, которые проникли глубоко в африканскую саванну: они особенно сильно обнаруживаются у фульбе, живущих в Западной Африке; в Центральной Африке вплоть до восточной границы экваториального леса у тутси и хима; и в Южной Африке у некоторых групп населения, говорящих на языках банту, а может быть, и у готтентотов.

Описанная тенденция к дифференциации в прошлом, возможно,

развивалась весьма разнообразными путями и зашла более или менее далеко: подобно всем антропологическим категориям, «чистый хамитский тип» является фикцией. Началась ли эта дифференциация в каком-то ограниченном очаге, а если да, то где он располагался? На этот вопрос при современном уровне наших знаний точно ответить нельзя. Можно лишь указать на обширные засушливые территории на севере и на востоке Африки. Не больше известно и о хронологии этого процесса.

Возникнув в далеком прошлом, дифференциация койсанов происходила в области саванн и распространялась на восток и на юг Африки. Дифференциация эфиопов была окраинной и связанной с сухим климатом. На западе и в центре континента, как кажется, естественная история человека явилась результатом воздействия главным образом двух противодействующих процессов: с одной стороны, тенденции приспособления морфологии к климату в зависимости от влажности и сезонной контрастности; с другой — миграций, экспансий и метисаций, также зависевших от указанных факторов.

Климатическому полюсу максимальной влажности и максимального сезонного единообразия соответствует полюс расхождения физических типов, представленный негриллами, или африканскими пигмеями. Биологическое приспособление, в основном генетическое, к этому экстремальному климату, безусловно, требовало множества поколений. Поэтому обособление пигмеев проявляется тем больше, чем дальше они обитают в экваториальном лесу, оставаясь изолированными в генетическом отношении. Этот процесс достиг своего крайнего проявления у мбути Заира. Они очень низкого роста (средний рост мужчины — 1,44 м), с относительно короткими (для африканцев) ногами (по сравнению с туловищем). Голова у них имеет округлую форму; нос широкий, нередко в форме равностороннего треугольника; рот широкий; губы тонкие, верхняя губа чаще всего выпуклая; кожа сравнительно светлая (это еще один признак, связанный с лесной окружающей средой; самый темный цвет кожи наблюдается в саванне, возможно, из-за приспособления к интенсивному солнечному излучению). Волосистой покров выражен достаточно резко. Группы крови А В О обнаруживают повышенные (для Африки) частоты генов А и В.

Другие группы, которые, по-видимому, давно обитают в экваториальном лесу и, подобно мбути, ведут образ жизни охотников-собирателей, обнаруживают морфологическую дифференциацию; которая, не будучи столь крайней, как у мбути, идет в том же направлении. В антропологическом отношении ближе всех к мбути стоят бинга, населяющие Центральнуюафриканскую Республику, Габон и Камерун; в одной группе бинга в ЦАР средний рост мужчин равен 1,52 м. Еще западнее находятся гиелли, живущие в Камеруне недалеко от океана; небольшие родственные группы были отмечены вплоть до Экваториальной Гвинеи.

В многочисленных местах в экваториальном лесу Заира живут группы охотников-собирателей, известных под именем тва, или чва.

Они, как кажется, обосновались в лесу раньше, нежели земледельцы — их соседи и покровители. Одна из групп чва была изучена относительно хорошо: она обитает среди этноса бакуба, к югу от р. Санкуру в провинции Касаи. Средний рост чва достигает 1,6 м. Нельзя сказать, что они являют собой четкую промежуточную стадию между бакуба и мбути; скорее они более близки к последним. Сходное положение обнаруживается среди чва в Руанде и Бурунди.

Поскольку известно, что в Заире, так же как в Руанде и Бурунди, чва испытывают генетическое влияние земледельцев, можно было бы попытаться объяснить их физическое строение метисацией и найти в их генофонде компонент, сходный с наиболее изолированными группами пигмеев. Однако очень низкая частотность генов А и В у чва, живущих среди бакуба, делает это предположение весьма маловероятным. Отрицать метисацию в целом невозможно, но процесс уменьшения их размеров развивался, по-видимому, независимо от того, что происходило с мбути или бинга. Экстремальные условия, в которых протекает жизнь охотников в экваториальном лесу, вероятно, неоднократно и в разных местах обуславливали сложение сходного физического типа у групп, не имевших общности происхождения. Это предположение находит подтверждение в сближении физического типа земледельцев, переселившихся несколько веков назад из восточной саванны в экваториальный лес Заира, с физическим типом пигмеев. У них не отмечено совпадения частот А В О, которое проявилось бы, если бы метисация с мбути была главным фактором такой эволюции. Поэтому мы вправе говорить об эволюционном процессе пигментации под давлением окружающей среды.

Понятно, что в подобных условиях ни одну из популяций нельзя ограничить определением «негрилли»: налицо большое разнообразие популяций, особенности физического типа которых достигают своего крайнего выражения у мбути. Различные метисации и параллельное развитие некоторых особенностей под влиянием одинаковой природной среды участвуют, с неизменным генетическим дрейфом, в формировании как разнообразия, так и сходства; при этом сходство не обязательно объясняется общностью происхождения.

В наши дни можно, пользуясь методом биологических расстояний, уточнить, какие популяции занимают центральное положение внутри общностей с близким физическим типом. Это такие популяции, как бадьяранке, коньяги, касена, диула в Западной Африке, как лого и маного в смешанной лесостепной зоне в центре континента, как эвондо и баса в Камеруне — редкие популяции, поселившиеся в лесу, этническая история которых свидетельствует, что живут они там недавно. Своим центральным положением в антропологической системе эти популяции обязаны, с одной стороны, безусловно, своему приспособлению к среднему биотипу, а частично, возможно, и балансу генетических влияний; однако их вполне законно можно рассматривать как потомков первоначального африканского типа, претерпевшего наименьшие изменения.

Если мы начнем удаляться от пигмеев, то сможем добраться до точек периферии, которые относительно далеки друг от друга. (Тем более что биологические расстояния располагаются в многомерном пространстве.) Мы уже рассматривали сектор, диаметрально противоположный пигмеям: самое большое высчитанное биологическое расстояние разделяет пигмеев мбути от тутси, живущих в Бурунди; в свою очередь, от мбути больше всего отличаются сомали варсингали, тутси Руанды и галла. Но в списке народов, характеризующихся большими дистанциями от мбути, значатся также нуэры, обитающие в верховьях Нила, равным образом находящиеся за пределами непрерывного ряда, но на заметном расстоянии от только что перечисленных групп населения. Вместе с динка и с шиллуками этой же самой области они обнаруживают крайние величины роста и длины конечностей: средний рост мужчины достигает 1,84 м. От тутси они отличаются не столько общими пропорциями тела, сколько пропорциями лица: по сравнению с тутси у них менее длинное лицо при одинаковой его ширине и менее длинный и более широкий нос.

А. Валлуа объединяет нуэров, динка и шиллуков в нилотскую подрасу. Это подчеркивает их крайнее положение в рамках таксономической системы. Однако они не особенно изолированы от других популяций: например, нуэры в морфологическом отношении не очень далеко от верхнего Нила, но на близкой к ним широте.

Чем ближе мы к северо-восточному «полумесяцу»²⁰, где дифференцировались популяции с «эфиопской» тенденцией, тем больше риск подпасть под генетическое влияние этих последних. Некоторые находят его у нуэров, динка и шиллуков²¹; требуется, однако, распознать, что именно в особенностях этих популяций обусловлено процессом собственного приспособления, а что — возможными недавними метисациями.

Мы можем восстановить естественную историю заселения Африки, лишь сочетая биологические данные о современных популяциях с датированными ископаемыми останками и с данными о переселениях и контактах. В качестве примера исторического явления, в отношении которого биологические, археологические и лингвистические данные уже сегодня поддаются обобщению, рассмотрим вопрос об экспансии бантуязычных народов. По мнению Дж. Гринберга, такое родство языков банту, на которых в наше время говорит население почти половины Тропической Африки, объясняется тем, что экспансия народов этой языковой семьи произошла сравнительно недавно — примерно несколько тысячелетий тому назад. Очаг этой экспансии Гринберг помещает к северу от экваториального леса, на границе между Нигерией и Камеруном. Гасри также полагает, что такой очаг находился на севере, но располагает его в Чаде; он считает, что первое переселение, в котором принимало участие небольшое число людей, привело их в саванну, к югу от экваториального леса, откуда их потомки распространились далее уже в более поздние времена.

Единство бантуязычных народов не имеет соответствия в биологическом отношении: группы, говорящие на одном языке, антропологически значительно отличаются друг от друга, и нет никаких оснований объединять их в «расу банту». Например, в Руанде на одном и том же языке говорят тутси, хуту и чва, т. е. группы, о которых выше упоминалось в качестве примера наибольших антропологических различий.

Однако анализ биологических расстояний между популяциями приводит к схеме, аналогичной той, что предлагают лингвисты. Как мы видели, две бантуязычные популяции в Камеруне — баса и эвондо — занимают центральное положение внутри общности с близким физическим типом. Они живут недалеко от северной границы леса, однако их предания и состав лексики свидетельствуют о недавнем переселении из зоны саванны, т. е. из области, расположенной недалеко от очага экспансии, локализованного Гринбергом. Поскольку экспансия народов языковой семьи банту была, должно быть, связана с «демографическим взрывом»²², мы вправе видеть в баса и эвондо потомков населения очаговой зоны, претерпевших наименьшие изменения (по крайней мере среди изученных групп).

В то же время популяции со сходными биологическими расстояниями от баса состоят почти исключительно из бантуязычных групп. Они населяют территорию, которая охватывает кольцом экваториальный лес на его границах с саванной. Двигаясь по часовой стрелке, помимо баса мы встречаем здесь банен и бамилеке, затем бира и ряд групп восточных районов Заира, населяющих безлесные горы близ оз. Киву, а также свага, хунде, хаву и ши, лега и пианга. Далее, по другую сторону разлома Великих озер, располагаются хуту в Руанде и Бурунди, торо, баньоро и баганда в Уганде, сукума и ньямвези в Танзании, затем, к югу от экваториального леса, сонгие, балуба Катанги и балуба Касаи и, наконец, бавили в Конго, фанг в Габоне и эвондо и танга в Камеруне.

Тесное биологическое родство популяций, разбросанных по этой огромной территории, обусловлено тремя факторами: сравнительно недавним общим происхождением, обитанием в схожей среде (по крайней мере до совсем недавнего времени) и отсутствием сколько-нибудь значительной метисации с другими группами. Первый фактор превосходно согласуется с мнением лингвистов. Первоначальное распространение большинства указанных групп в саванне, тогда как в лесу другие группы поселились недавно, подтверждает наличие второго фактора. Третий фактор означает, что в ходе распространения пришельцы не встречали густого населения или по крайней мере не смешивались с ним сколько-нибудь значительно.

Этнические группы леса, разделенные расстоянием в 2 тыс. км (такие, как баса и популяции района оз. Киву), весьма близки друг к другу в биологическом отношении. Но как только мы, двигаясь на восток, выходим за пределы названной территории, оставаясь в то же время в бантуязычной области, биологические рас-

стояния резко возрастают: здесь обитают тутси, у которых обнаружены черты сходства с такими эфиопскими популяциями, как галла. Очевидно, экспансия бантуязычных народов натолкнулась в Междоустье на группы, весьма отличающиеся от них в физическом отношении, причем некоторые группы мигрантов восприняли язык автохтонов. Без сомнения, лингвистические ассимиляции происходили в обратном направлении: например, луо с восточного берега оз. Виктория, принадлежащие к восточносуданской языковой группе, антропологически очень близки к баса.

Еще дальше за пределами территории, о которой шла речь, некоторые бантуязычные популяции также обнаруживают близкое сходство с баса. Это вновь наводит на мысль о недавнем распространении бантуязычных народов и об отсутствии сопутствующей ему метисации. Таковы суахили на восточном побережье и куаньяма на границе Анголы и Юго-Западной Африки.

Расстояния от баса возрастают по мере продвижения в глубь зоны леса: здесь друг за другом следуют группы, сложившиеся вследствие метисации между завоевателями-земледельцами и охотниками, а также в результате воздействия на физическую эволюцию лесной природной среды.

Наконец, на юге континента бантуязычные народы столкнулись с бушменами и готтентотами. Произошел обмен генами; впоследствии оставшиеся в живых койсаны были ассимилированы. С одной стороны, некоторые характерные черты койсан sporadически обнаруживаются у самых южных популяций банту, а с другой — остаточная группа готтентотов — корана, находящаяся на пороге исчезновения, в морфологическом отношении стоит ближе к бантуязычным популяциям, нежели к готтентотам нама и бушменам кунг.

Таким образом, биологические и лингвистические данные способствуют реконструкции естественной истории заселения Африки.

Некоторые данные археологии поддерживают высказанное мнение. Около двух тысяч лет назад какая-то культура железного века с характерной керамикой (посуда с вогнутым дном и каннелюрами) распространилась по обширной зоне Тропической Африки с такой быстротой, что, по-видимому, заняла одновременно Междоустье и Замбию. Она была обнаружена также в Катанге²³ (стране балуба) и в Касаи; ее стоянки распространены даже к югу и к востоку от оз. Танганьика (в частности, на территории обитания сандаве). Эта культура оставила глубокий отпечаток на материальной культуре популяций, живущих южнее балунда и чокве. Ее носители, звавшие секрет выплавки железа и занимавшиеся земледелием, встретили на своем пути лишь охотников-собираателей каменного века.

Итак, данные лингвистики, антропологии и археологии настолько дополняют друг друга, что возникает возможность в известной мере реконструировать ход исторического процесса.

Множественность и разнообразие. Европейца несколько обескураживает многочисленность языков Тропической Африки. Это неудивительно, если учесть, что Дж. Гринберг, например, насчитывает в Африке 730 языков. Следует к тому же уточнить, что это число установлено неокончательно и что в классификации, разработанной Гринбергом, около четырехсот языков, принадлежащих к семье банту, объединяются под одной рубрикой. Если каждый из них считать отдельной единицей, мы получим примерно 1200 «языков». Впрочем, при нынешнем состоянии наших знаний об африканских языках это число является спорным по нескольким причинам.

Действительно, несмотря на существенные достижения, сделанные в течение нашего столетия, лингвистическое изучение Тропической Африки все еще полностью не закончено. Так, практически неизвестен ряд языков, имеющих ограниченное распространение, но представляющих весьма значительный научный интерес. И наоборот, случается, что языки фигурируют в одном и том же списке под двумя или даже несколькими различными названиями, соответствующими тому, как они обозначаются в соседних языках. Наконец, и это главное, во многих случаях невозможно определить, действительно ли каждое из перечисленных названий соответствует какому-то языку, или же некоторые из них обозначают лишь диалектные разновидности одного и того же языка. Невозможность установить приемлемую классификацию на уровне языка или диалектной общности частично проистекает, конечно, из-за нехватки лингвистических данных, но она также объясняется трудностями, которые еще и сегодня испытывает лингвистика при определении общих критериев самого понятия «диалект».

Будем ли мы придерживаться после этих оговорок мнения о существовании вышеуказанного громадного числа языков или же примкнем к более скромной оценке, сделанной недавно П. Александром, мы будем вынуждены признать, что географическое распространение африканских языков весьма неодинаково: так, язык хауса, которым пользуются миллионы человек (от 10 млн. до 20 млн., согласно различным оценкам), населяющие большую часть Северной Нигерии и Восточного Нигера, а также (в качестве первого или второго языка) люди или общины, обитающие в соседних странах, представлен в списке африканских языков в одном ряду с языками намши или дама, на которых говорят всего несколько тысяч или даже несколько сот человек. Кроме того, следует отметить, что географическое распространение языка не всегда означает, что на нем говорит большое число людей. Некоторые языки Сахеля или Сахары, как, например, теда, занимают на карте обширные зоны, но в действительности ими пользуется лишь небольшое число кочевников. Наоборот, в густонаселенных районах, и в частности в горных массивах, существуют языки, на которых, хотя они и распростране-

ны на небольших территориях, говорят довольно значительные группы людей.

«Лингвистическая мозаика», на которую часто обращали внимание, естественно, затрудняет взаимное общение многочисленных общностей, каждая из которых имеет свой собственный язык. Тем не менее это препятствие не столь непреодолимо, как можно было бы подумать. Действительно, с одной стороны, большинство африканцев в той или иной степени знает один или несколько языков кроме своего собственного. С другой стороны, во всех частях Африки существует язык-посредник, который употребляется на более или менее обширной территории и способствует общению между носителями различных языков. Таковы языки волоф в Сенегале, арабский «торку» в Чаде, фульбе в Северном Камеруне, суахили в Восточной Африке и т. д.

Устный характер языка. Идет ли речь о языках многочисленного населения или о языках, на которых говорят незначительные группы, у всех них есть одна общая черта: поскольку они принадлежат народам, не имеющим письменности или пользующимся ею с недавних пор, нет никаких следов их прежнего состояния. В то же время ни на одной археологической стоянке не сохранилось свидетельств, оставленных мертвыми языками, которые были бы в состоянии пролить свет на лингвистическую историю Тропической Африки²⁴. Разумеется, в областях, подвергшихся исламизации ранее других — в Сахеле, в окрестностях оз. Чад и на восточно-африканском побережье, — образованные люди уже в течение нескольких веков пользовались арабским языком и письменностью. Однако, за исключением восточного побережья, где эта письменность была, несомненно, в ходу с XVI в., использование графических систем на основе арабского языка, приспособленных для записывания некоторых африканских языков (например, хауса, фульбе, канури), распространилось не ранее начала XVIII в. Еще более поздними являются письменные системы Западной Африки (в частности, ваи, бамум), которые, возникнув, вероятно, на основе символических знаков ритуального характера в XIX в., исчезли практически уже через несколько десятилетий, уступив место письменностям, использующим латинский алфавит или берущим его за образец. И только тифинаг, все еще широко употребляемый туарегами, является собой, действительно старую систему местной письменности; к сожалению, ее древние образцы, дошедшие до нас, представлены только очень краткими граффити, с трудом поддающимися расшифровке и поэтому мало используемыми²⁵.

Нехватка источников. Помимо отсутствия «внутренних» источников на африканских языках работа исследователя затрудняется и редкими, представляющими сомнительную ценность внешними свидетельствами. Их число и надежность заметно уменьшаются по мере возрастания их древности, весьма, впрочем, относительной. Если «Polyglotta Africana» Келле остается, несмотря на свои недостатки, ценным и нужным трудом, если словари, составленные торговцами в XVII и XVIII вв., могут порою дать кое-ка-

кие сведения относительно состояния отдельных языков прибрежных областей, то, к сожалению, из более старых сочинений, и в частности из сообщений арабских авторов, посещавших исламизированные области Судана и восточное побережье в XI—XVI вв., ничего не удастся извлечь по этому поводу.

Современному лингвисту все еще очень не хватает хороших описаний, на основе которых только и можно выработать строгий метод синхронного сравнительного языкознания; он практически лишен также материалов для диахронного исследования крупного масштаба. Таким образом, он вступает на африканскую почву совершенно безоружным, а учитывая количество и важность еще не решенных проблем, связанных с языковыми семьями, он может двигаться вперед лишь с очень большой осторожностью.

Попытка классификации. Африканская лингвистика, стремясь навести порядок среди все возрастающего множества изучаемых языков, с самого начала пыталась создать классификацию, основанную на морфосинтаксических и лексических критериях. Эта работа, которая велась непрерывно от Келле до Делафосса и Вестермана, недавно была продолжена Дж. Гринбергом. Последний предложил разделить все языки Африки на четыре семьи: конго-кордофанскую, нило-сахарскую, афро-азиатскую и койсанскую.

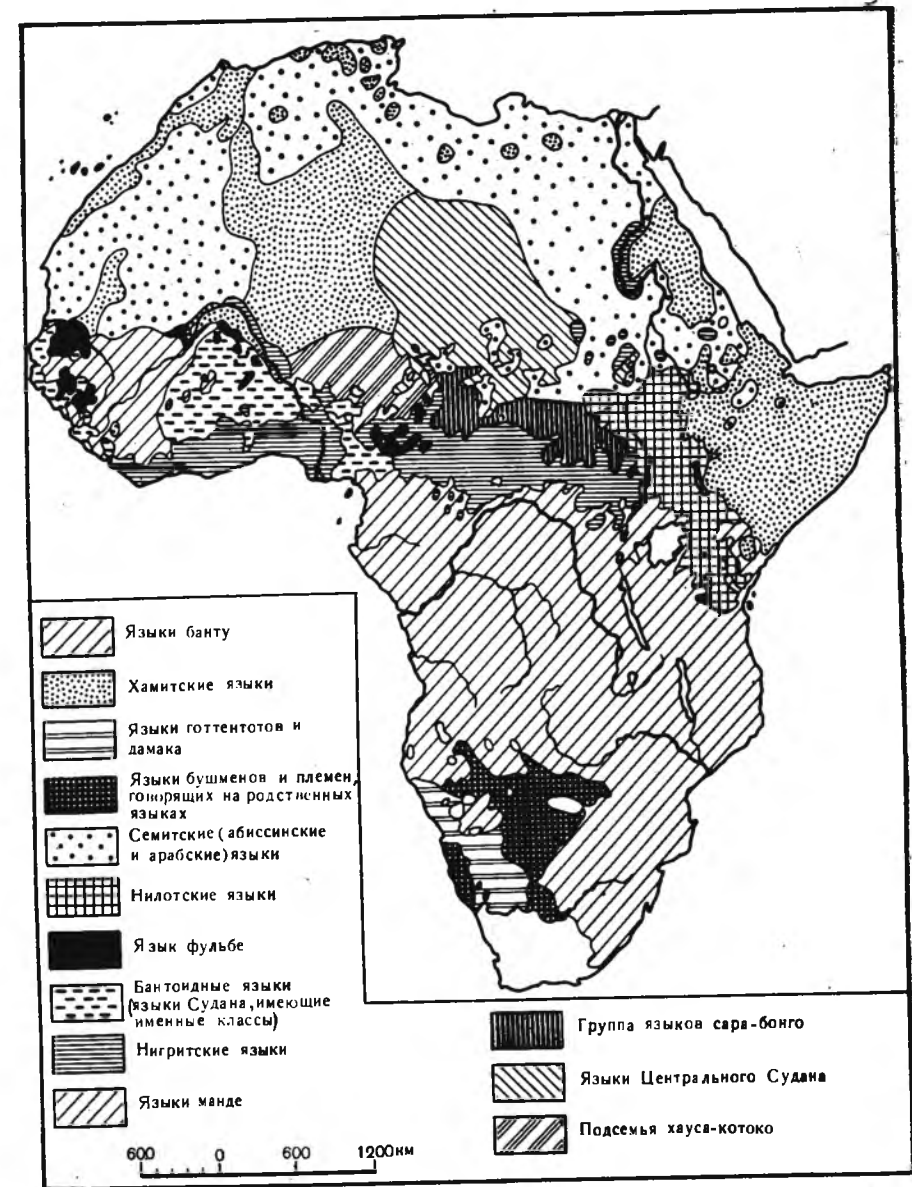
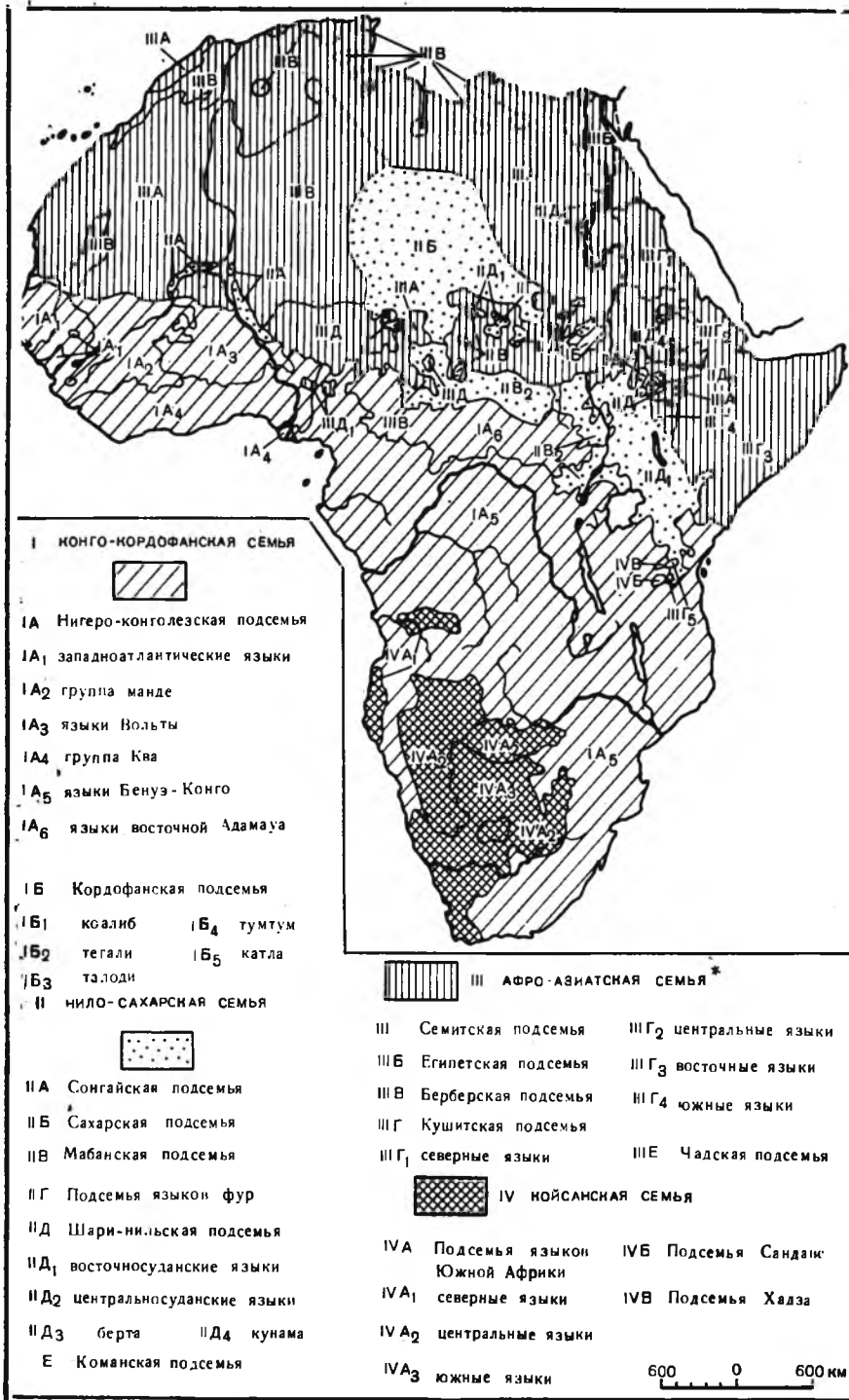
Первая из них включает две подсемьи: более крупную нигеро-конголезскую, охватывающую большинство языков Западной Африки, языки банту, и большую часть языков, на которых говорят вдоль северной границы обитания бантуязычных народов. Кордофанская подсемья объединяет всего пять незначительных языков Судана.

Нило-сахарская семья подразделяется на шесть подсемей, объединяющих языки, распространенные в Центральной Африке от ливийских пустынь до области, лежащей к востоку от оз. Виктория, с островком на западе вдоль среднего течения р. Нигер.

Еще шире распространена афро-азиатская семья. Она выходит за пределы Африки, поскольку включает все семитские языки (в том числе арабский и древнееврейский), берберские и кушитские языки; к ним примыкает чадская подсемья, объединяющая языки, на которых говорят в Нигере, в Северной Нигерии и в западных районах Чада; самым крупным ее языком является хауса.

Наконец, три подсемьи койсанской семьи включают языки, на которых говорят в Южной Африке и в Танзании, бушмены, готтентоты, сандаве и хадза.

Заметим, впрочем, что эта классификация далеко не безупречна. Конечно, наличие некоторых подсемей, выделенных Гринбергом, уже давно общепринято. К тому же под другими названиями они уже были выделены и его предшественниками (правда, существование двух из них — западноатлантической, или сенегало-гвинейской у Делафосса, и ква — ныне ставится под вопрос). Однако многие положения Гринберга отвергнуты специалистами по соответствующим языкам; в то же время для многих лингвистов выде-

Языки Африки (по Д. Вестерману)

Языки Африки (по Дж. Гринбергу)

ление четырех семей, образующих верхний уровень классификации, представляется лишь гипотезой, которую предстоит доказать²⁶.

Вклад лингвистики в изучение африканской истории. Исследования в области африканской лингвистики появились в последней трети XIX в., в ту эпоху, когда методы исторической филологии только что зарекомендовали себя в области индоевропейстики. Неудивительно поэтому, что с первых же шагов самые маститые ученые направили африканскую лингвистику в сторону сравнительного языкознания и даже — вместе с Мейнхофом — реконструкции гипотетических протоязыков. Диахронический подход привел их к историческим исследованиям; это сближение характерным образом проявилось у Делафосса, который и стал во Франции основоположником одновременно изучения африканских языков и африканской истории. Хотя сегодня движение, по-видимому, происходит в обратном направлении, а ряд лингвистов, придерживающихся далеко не новых концепций структурализма, предпочитают заниматься синхронными описаниями, тем не менее историк Африки неизбежно вынужден обращаться к лингвистике. Какова может быть ее помощь, мы и попытаемся сейчас определить.

Прежде всего стоит напомнить, что язык не является неизменной, окончательно определившейся системой, что он постоянно изменяется под воздействием различных противоположных факторов. Когда внутри какой-либо языковой общности происходит раскол вследствие миграции населения, эволюцию языков каждой отколовшейся группы нередко ускоряют внешние факторы, приводящие к быстрому их расхождению. Эти расхождения вызваны, в частности, влиянием языков, с которыми вступают в соприкосновение переселенцы, а также различными культурными течениями. Фульбе, пришедшие на Фута-Джаллон из долины рек Сенегал и Масина, говорят на языке, в котором выявляются, по крайней мере в лексическом плане, многочисленные вклады языков малинке и сусу; их же соплеменникам, поселившимся в Нигерии и Камеруне, неизвестно большинство из этих заимствований, но зато они восприняли довольно большое число слов хаусанского или канурийского происхождения. Помимо таких неизбежных заимствований лексика языка может также подвергаться большим или меньшим изменениям при соприкосновении с языками иной структуры. Например, тональный язык, т. е. язык, где изменения мелодической высоты звука влияют на смысл, может частично или полностью потерять свою тональную систему, если он сосуществует с языками, в которых ее нет. Чтобы преодолеть путаницу, порождаемую исчезновением тональных различий, лексика пополняется новыми элементами — либо путем заимствования, либо за счет внутренних образований. Подобное явление отмечается в языке сонгай, на котором говорят в Томбукту; в нем теперь отсутствует тональная система, сохранившаяся в некоторых его восточных диалектах. Хотя к языковым контактам наиболее чувствительна лексика, их воздействие ощущается и в фонетических явлениях. Именно по-

этому развитие в некоторых диалектах фульбе Нигерии шипящей артикуляции sh восходит, по всей вероятности, к хаусанскому влиянию. Подобно этому, фонологическая система языка, т. е. совокупность гласных и согласных элементов, также может быть подвержена воздействию соседнего языка. Вероятно, это относится к языку дуру в Северном Камеруне, где наличие губно-зубного звука происходит, очевидно, от соприкосновения с соседним языком мбум. Более стойкими оказываются морфосинтаксические структуры; тем не менее они тоже способны испытывать подобные влияния, как это хорошо показывает пример с фульбе в Камеруне, где влияние соседних языков привело к чувствительным нарушениям функционирования системы именных классов, которая, впрочем, сохранилась в большинстве других диалектов языка фульбе.

Миграции способны весьма значительно изменить языковую ситуацию. Очень часто мигрировали малочисленные группы, которые благодаря военному преимуществу подчиняли себе население, встречавшееся им на пути. В большинстве случаев его не угоняли в полон, а подчиняли небольшой группе завоевателей, которые, беря жен в среде побежденных, нередко подвергались культурной и языковой ассимиляции. В этом отношении характерны суга в Адамауе, язык которых очень близок к языку вуте. Однако из устных преданий известно, что нынешнее племенное объединение суга возникло в конце XVIII в. и приписывается группе воинов ньям-ням, которые первоначально, обитая дальше к северу, говорили на языке, коренным образом отличающемся от вуте. Сходное положение отметил Дж. Гуди среди гонджа в Гане, чьи правящие группы, говорившие на одном из языков манде, в дальнейшем приняли язык гуанг. Не подлежит сомнению, что сходные случаи можно было бы обнаружить по всей Африке. В противоположность этому язык какой-либо, даже малочисленной группы завоевателей может быть навязан подчиненной группе, если его значение определяется соображениями социального или культурного порядка и если предшествовавшая языковая ситуация благоприятствует его распространению. Язык фульбе сподвижников Османа дан Фодио никогда не смог нарушить преобладания языка хауса, и в Нигерии часть фульбе отказалась от собственного языка в пользу языка подчиненных хауса, но зато язык фульбе получил распространение в Адамауе, чему способствовали многочисленность местных языков, а также престиж исламской культуры — впрочем, в широкой степени заимствованной, — проводником которой он был.

Независимо от того, какая из вступивших в соприкосновение групп отказывается от своего языка и принимает чужой, может случиться, что один из них не полностью выходит из употребления, а замыкается в рамках какого-либо специального употребления, где он сохраняется очень долго, либо не теряя своего значения в качестве средства общения, либо продолжая существовать лишь в выражениях, смысл которых со временем оказывается утраченным. Так, по мнению Персона, в ритуалах жителей Бейлы (Берег Слоновой Кости) сохраняются некоторые элементы их прежнего

языка, которому они впоследствии предпочли язык малинке в качестве средства общения.

Эти замечания позволяют нам осознать тот факт, что в ходе истории общество может превосходно пользоваться не только смежными друг друга стадиями одного и того же языка (реконструкция которых без письменных свидетельств остается весьма гадательной), но и языками, восходящими к различным семьям или подсемьям.

При изучении недавнего прошлого, скажем двух последних веков, с помощью преданий или внешних источников можно установить, имели ли место подобные факты в конкретной общности. Так случилось, например, в области, протянувшейся от верховьев р. Нигер до Бондуку, где во многих местах у групп населения, говорящих на различных диалектах малинке, сохраняется очень четкое воспоминание о том, что прежде они говорили на другом языке. В то же время очень трудно, если не сказать невозможно, узнать о подобных фактах, если они произошли в отдаленном прошлом, и лингвисты вынуждены тогда строить гипотезы, нередко основывающиеся на весьма шатких указаниях.

Таким образом, любое соображение о вкладе лингвистики в изучение африканской истории должно считаться с неизбежным непостоянством языковых ситуаций и с отсутствием абсолютной связи между человеческим сообществом и языком, на котором оно говорит. Из этой смутной картины лингвист может извлечь некоторые указания, которые осветят когда-нибудь историю языков тех или иных групп. Однако они обретут силу точных доказательств лишь в том случае, если будут подкреплены фактами, выявленными другими научными дисциплинами.

Применяемые методы. Сравнительное языкознание. Для проведения сравнений наиболее пригодными являются, по-видимому, возможности, предоставляемые различными сравнительными исследованиями. Классическими среди них можно назвать те, в которых предприняты попытки воссоздать единый язык-предок, так как они исходят из постулата, что совпадения в словарном запасе и в морфосинтаксисе нескольких языков объясняются их общим происхождением. Эти попытки резюмируют результаты изменений, происшедших в ходе эволюции данной группы языков, выводя их из сравнения языков друг с другом. Известно, что применение подобного метода к индоевропейским языкам дало поразительные результаты; заметим, однако, что в свете современной лингвистики «восстановление» протоязыка отнюдь не означает воссоздание языка, действительно бывшего некогда в употреблении, а всего лишь создание некоей абстрактной конструкции из элементов, по всей вероятности, не существовавших одновременно. Подобные реконструкции способствуют освещению эволюции совокупности родственных языков, объясняют расхождения между ними, но — для периодов, для которых отсутствуют письменные источники, — они, конечно, не дают возможности ни составить хронологию, ни реконструировать ход развития событий.

Это значит, что опыты такого рода, значение которых для лингвистики неоспоримо (упомянем о попытке Мейнхофа и его школы, направленной на восстановление языка протобанту или о более поздней попытке Гасри, стремившегося восстановить корни, общие всем языкам банту), позволяют самое большее построить, основываясь на некоторых общих лексических особенностях, теории географической прародины языков банту, но они проливают весьма слабый свет на историю народов, говорящих на них. Так же обстоит дело и с работами Гринберга, которые относятся к первому этапу сравнительных исследований, т. е. к сближению между формами обозначаемого и сравниваемого обозначаемого. Мэрдок, опираясь на эти работы, высказал гипотезу, согласно которой географическая прародина первых групп, говоривших на языках банту, находилась в нынешней Восточной Нигерии, тогда как, по мнению Гасри, эту прародину следует искать к юго-востоку от оз. Чад; Мейнхоф же помещает ее в Междоустье.

Глоттохронология. Вызванные отсутствием письменных источников трудности применения классических сравнительных методов к бесписьменным языкам способствовали выработке методики, которая, как полагают, больше отвечает своей задаче и способна надлежащим образом пользоваться современными документами: учитывая только единицы идентичного обозначаемого и идентичного или близкого к нему обозначаемого. Так, в 50-х годах в США возникла глоттохронология — статистический метод, который задается целью исчислить либо время, прошедшее после отделения двух или нескольких языков или диалектов от общего известного или предполагаемого ствола, либо отрезок времени, разделяющий два засвидетельствованных состояния одного и того же языка. Сводеш, создатель этого метода, и его последователи исходят при этом в первую очередь из того, что в лексике любого языка существуют две весьма отличные категории обозначающих единиц. Одна из них включает единицы, выражающие понятия культурной сферы; она подвержена вследствие этого постоянным изменениям, вызванным нововведениями и переменами, затрагивающими культуру. Другая, образующая «основной словарный фонд», объединяет термины, которые культурные факторы затрагивают лишь в слабой степени (таковы, например, названия некоторых частей тела, слова, выражающие объективные реалии внешнего мира, основные действия и числа от одного до пяти). Кроме того, приверженцы глоттохронологии утверждают, что изменения внутри «основного словарного фонда» происходят с неизменной скоростью, независимо от рассматриваемого языка. Исходя из сказанного, они сочли возможным вычислить, во-первых, исковую степень давности (при условии предварительного определения такой скорости для основного лексического состава) и, во-вторых, «процент изменения» для рассматриваемого периода; в нашем случае такой период составляет тысячелетия. Используемый ныне типовой список лексики включает в целом 200 слов: 100 — для «диагностического списка» и 100 — для «дополнительного списка». «Процент изме-

нения» был установлен для текстов на языках, история которых известна; он определяется в 81 ± 2 для списка из 200 слов и в $85 \pm 0,4$ для «диагностического списка». Исходя из этих постоянных величин и вычислив однажды процент общих категорий, соответствующих основам типового списка в двух языках или в разных состояниях одного языка, мы получаем степень давности из уравнения $t = \frac{\log C}{14 \log r}$, где C обозначает процент общих категорий, а r — «процент изменения».

Таким образом, с помощью глоттохронологии первобытная история и протонистория могли бы, казалось, располагать несложным инструментом, который позволил бы установить с достаточно удовлетворительным приближением хронологию языковых расхождений, не поддающихся датировке иными способами. Однако с самого начала глоттохронология оказалась мишенью для многочисленных критических замечаний. Если некоторые из этих замечаний указывали на несовершенство методики, что, безусловно, можно было бы исправить путем применения более строгих критериев и т. п., то другие затрагивали основные положения глоттохронологии и понятия языковой эволюции, лежащие в ее основе. В некоторых случаях, когда хронологию удается установить с помощью других способов (например, при исследовании разделения юго-западного норвежского диалекта и исландского языка или определения степени давности, отделяющей древний грузинский язык от современного), «процент изменения» не проявляет ожидаемого постоянства, а даты, полученные при помощи других источников, не соответствуют датам, полученным с помощью глоттохронологии. Точно так же датам, определенным глоттохронологией для языков, которые испытали на себе сильное влияние престижных языков (в частности, случай дравидских языков по отношению к санскриту) или возникших в результате пиджинизации (например, лукуми на Кубе), противоречит все, что нам о них известно. В подобных случаях глоттохронология применяется к маргинальным явлениям, которые не влияют на принципиальное значение этого метода. Однако, что касается языков, история которых неизвестна, невозможно узнать, не оказались ли они в какой-то момент своего развития именно в таком маргинальном положении. Но главное критическое замечание состоит в том, что в понятиях «дата расхождения» и «праязык» содержится ныне уже отброшенное понятие об эволюции, представленной как бы в виде генеалогического древа: теперь мы знаем, что расхождение языков во времени и в пространстве происходит не одновременно. Поэтому то обстоятельство, что те или иные обозначающие не фигурируют в языке А, но существуют в языках В и С, которые считаются родственными с ним, не обязательно свидетельствует о потере, происшедшей в лексике языка А. Ведь они равным образом могли исчезнуть из языка А до расхождения этих языков или же никогда не существовали, поскольку никогда не достигали той географической зоны, где был распространен язык А. Конечно, подобные возраже-

ния разрушают большинство надежд, возлагаемых на статистическую обработку лингвистических материалов для получения пусть даже относительной хронологии эволюции африканских языков и, следовательно, истории их носителей. К тому же, даже оставляя в стороне принципиальные замечания, приходится признать, что результаты работ, авторы которых использовали метод глоттохронологии, в частности попытка Сводеша определения степени расхождения различных языков Вольты, неубедительны.

Следует ли поэтому окончательно отказаться от любого метода, основанного на статистическом сравнении лексических списков? Разумеется нет, ибо опыт показывает, что понятие «основной словарный фонд» подтверждается фактами и что, несмотря на свои недостатки, типовые списки позволяют определить с некоторой точностью более или менее близкую степень родства между «основными словарными фондами» сопоставляемых языков. Конечно, этот метод может стать приемлемым лишь при глубоком знании структур этих языков, а в Африке число хорошо изученных языков невелико. Поэтому лексическая статистика может дать полезные сведения прежде всего лингвисту, затем историку, но она не может, очевидно, претендовать на то, чтобы стать для лингвистики аналогом радиоуглеродного метода в археологии.

Изучение заимствований. Безусловно, полезнее кажутся историку сравнения, относящиеся к так называемой культурной части лексики. Появление в обществе той или иной культурной особенности может быть вызвано либо какой-нибудь внутренней потребностью, либо внешним заимствованием. В обоих случаях она вызывает появление новых категорий в лексике, а те, в свою очередь, приводят к перестройке семантического поля в области различных видов деятельности. Когда инновация эндогенна, слова, возникновению которых она способствует, рождаются в принципе в недрах самого языка путем деривации, словосложения или расширения семантического поля уже существовавших лексических категорий. Тогда их изучение интересует главным образом лингвиста или этнолингвиста. Если же она экзогенна, в лексику языка-реципиента чаще всего внедряются термины, относившиеся к ней в языке того общества, откуда эта инновация происходит. Реже случаются семантические кальки (например, французское слово *gratte-ciel* — «небоскреб» скалькировано с английского *sky-scraper*) или этимологические ассоциации (французское *choucroute* — «тушеная капуста» происходит от немецкого *Sauerkraut*). Естественно, такое внедрение происходит не без подчинения заимствований фонологическим и даже морфологическим структурам языка-реципиента, приводя нередко к довольно чувствительным изменениям заимствованной формы по сравнению с оригиналом.

Возможный вклад в изучение африканской истории со стороны лингвистического изучения заимствований, семантических калек и этимологических ассоциаций можно рассматривать в трех планах. В первую очередь эти методы позволяют установить то, чем обязана одна культура другой или нескольким другим. Так, работа Грин-

берга о некоторых заимствованиях языка хауса из языка канури прояснила роль, которую сыграла культура государства Борну в развитии культуры, военного дела и принципов организации государств хауса. Продолжая исследование в этом направлении и соблюдая условие выбора языков с достаточно хорошо изученной лексикой, можно было бы путем систематического изучения поддающихся выделению заимствований обнаружить следы различных внешних влияний на культуры носителей этих языков. Попытка действовать в обратном направлении, исследуя распространение той или иной черты культуры с помощью лексического состава, также может дать полезные сведения, как это показала работа Армстронга о распространении культа *ифа* в обществах, говорящих на центральных языках группы ква. В таком случае исследование часто встречается с культурными и языковыми заимствованиями, которые затронули несколько обществ, пройдя подчас сложный путь. Проследить этот путь — дело как лингвиста, так и историка. Такая реконструкция производится путем изучения формальных признаков единиц заимствования различных языков и путем их соотнесения с фонологическими и морфологическими структурами этих языков с целью определить следы происхождения той или иной формы через один или несколько промежуточных языков. Например, присутствие в восточных диалектах языка фульбе арабского *shart* в форме *sarti* указывает, что переход этого слова из арабского в язык фульбе произошел через посредство языка канури (поскольку для последнего при заимствованиях из арабского языка характерен переход *t* в *t*), тогда как в прямых заимствованиях языка фульбе из арабского наблюдается замена *t* на *δ*. Таким образом, если бы здесь речь шла о прямом заимствовании, мы имели бы форму *sart δ*, а не *ту*, которая имеется в действительности и которой в качестве эквивалента в языке канури соответствует ее непосредственный этимон *sartá*.

Рассмотрение вариантов обозначаемого в языковых заимствованиях также дает полезные сведения. В предыдущем примере дополнительное доказательство перехода *shart* в *sharti* дает то обстоятельство, что в языке канури, как и в фульбе, это слово значит «срок», тогда как арабский прототип имеет более общий смысл «соглашение», «обусловливание». Сужение смысла объясняется тем, что при продажах или ссудах, имевших место в обществах канури и фульбе, основное условие касалось времени выполнения контракта. Очевидно, что работа лингвистов в подобного рода исследованиях является весьма трудной, ибо в большинстве случаев определение путей, по которым шло заимствование, происходит не столь просто, часто даже не удается выявить достоверные заимствования. Но какими бы несовершенными ни были возможные результаты, они тем не менее способны предоставить историку полезные данные о взаимовлияниях и распространении культур в Африке.

Наконец, многообразие слов различного происхождения для

обозначения одной и той же культурной особенности также может оказаться весьма поучительным. Это многообразие свидетельствует о различном происхождении указанной особенности: либо она распространилась из различных источников, либо является заимствованной в одних культурах и автохтонной в других. В частности, разнообразие названий сельскохозяйственных культур позволило выдвинуть интересные гипотезы относительно путей их проникновения в Африку. Так обстоит, например, дело с кукурузой, которая проникла сюда по двум маршрутам: морским путем с помощью европейцев на западное побережье и по суше из Египта в центральную и восточную часть континента; согласно Уиллетту, этот факт находит очевидное подтверждение в языке.

Естественно, что датировка появления в данном обществе какой-то культурной особенности — дело весьма сложное, поскольку для ее подтверждения нет ни одного современного письменного источника. Таким образом, здесь требуется большая осторожность, и, если лингвист стремится найти ответ, он должен делать это со всеми необходимыми оговорками.

Топонимы, патронимы и титулатура. Затрагивая типологически область заимствований, но образуя в то же время особую сферу, изучение топонимов, патронимов и политических или религиозных титулов также может выявить следы древних историко-культурных влияний. Трудности, с которыми встречается здесь лингвист, неравноценны в каждом рассматриваемом случае. Например, легко проследить среди множества языков Нигерии и Северного Камеруна использование таких титулов канурийского происхождения, как *yeriima*, *kaigamma* и т. д., употребление которых ясно свидетельствует о влиянии, которое оказали политические структуры державы Борну на соседние общества. Точно так же составление списка топонимов фульбе в Западной Африке хотя и требует много времени, однако не представляет больших трудностей, если в распоряжении исследователя имеются необходимые материалы. Но при современном состоянии наших знаний множество названий местностей, которые невозможно объяснить с помощью местных языков, нередко не поддаются этимологическому исследованию.

В целом же, составив статистический список африканских топонимов, можно было бы извлечь немало полезных сведений при условии правильной их записи и транскрипции, что ныне далеко не является общим правилом.

Африканское языкознание и устные предания. Не желая преуменьшать возможный вклад языкознания в историческое исследование, мы все-таки считаем, что его следует рассматривать главным образом в другом плане. По единодушному мнению, основное ядро источников по африканской истории состоит из различных элементов, которые принято называть устной традицией. Известно также, что систематический сбор исторических преданий становится насущной задачей ввиду быстрого развития африканских обществ и, как следствие, прекращения их передачи

от поколения к поколению. Конечно, много преданий уже было записано и использовано, но они составляют лишь малую часть всей совокупности африканских преданий, а многие из них в той форме, в какой они были записаны и опубликованы, имеют такие недостатки, что их использование постоянно подвергается сомнению. В большинстве случаев действительно не были соблюдены самые элементарные предосторожности, которые гарантировали бы достоверное воспроизведение устной традиции в записанном тексте. Очень часто собравшие ее люди не потрудились записать и опубликовать предания на африканском языке, а дали лишь их перевод, о достоверности которого судить весьма трудно. Последствия подобного метода, конечно, губительны, поскольку они приводят к утере подлинной информации. Вместе с тем следует также признать, что точная транскрипция и достоверный перевод записей преданий, относящихся во многих случаях к весьма своеобразным языковым уровням, являются сложной работой. С такими трудностями столкнулись собиратели, которые, будучи убеждены в необходимости опубликования записей устной традиции в их первоначальном виде, решили дать их транскрипцию. Многие потерпели неудачу из-за недостаточного знания данного африканского языка или из-за своей неподготовленности к подобной работе. Хотя они и оставили труды более ценные в научном отношении, нежели простые переводы, тем не менее эти труды содержат серьезные пробелы, восполнить которые не всегда удается даже путем углубленного критического исследования. Если мы хотим избежать повторения таких ошибок и согласимся с тем, что предосторожности, необходимые для сохранения текста, восходящего к устной традиции, не отличаются от тех, которыми современная археология окружает извлекаемые ею из земли предметы, мы логически придем к выводу о тесном сотрудничестве между историками, специалистами по устной традиции и лингвистами. Такое сотрудничество должно начинаться от теоретической и практической лингвистической подготовки для различного рода собирателей устной традиции до непосредственной совместной работы лингвистов, специалистов по определенному языку, по сбору преданий в том обществе, где на этом языке говорят. Не следует, кроме того, забывать, что во многих случаях лингвист должен проложить дорогу собирателю преданий, устанавливая транскрипцию, подходящую для языков, в отношении которых еще не было проведено никаких научных исследований. Из этих совместных усилий, которые, впрочем, должны занять место в рамках более обширного сотрудничества между различными научными дисциплинами, возникнет, возможно, большой корпус африканских преданий, который может стать для истории континента своеобразным эквивалентом того, чем для европейской истории являются обширные собрания документов, составляющие Monumenta Historiae.

Африка — континент контрастов и разнообразия. Достаточно сказать, что ученые насчитывают здесь более восьмисот пятидесяти отдельных «культур». В то же время сравнительное изучение показывает существование более крупных общностей и общих черт культуры. Последнее дало основание самим африканцам выдвинуть понятие *africanité*, обозначающее форму цивилизации, характерную для «черного» мира. Это понятие раскрывается в идеях «негритюда» (во франкоязычных странах) и «африканской индивидуальности» (в англоязычных странах).

От бродячих групп пигмеев и негриллей до обществ со сложным государственным устройством — таково разнообразие форм общественного устройства в Тропической Африке. В зависимости от политических критериев, которые определяют общую модель такого устройства, здесь можно выделить три главных их типа.

Родовые общества. Основные социальные группы и территориальные структуры обуславливаются здесь прежде всего отношениями родства. Центральное место в таких обществах занимает «родовая» знать, и это место освящено авторитетом предков.

Для иллюстрации этого типа приведем пример этнической группы тив, насчитывающей свыше 800 тыс. человек (Нигерия). Их объединяет общая генеалогия, восходящая к предку-основателю по имени Тив. В зависимости от различных генеалогических уровней формируются и сочленяются друг с другом, наподобие «сегментов», различные по величине группы. Эти группы, или линияжи, соотносятся с определенной территорией — *тор* и образуют политическое единство — *ипавен*. Таким образом, родственные группы, территориальные подразделения и политические единицы тесно связаны между собой.

Общества подобного рода назывались «анархическими», поскольку в них нет постоянно действующего аппарата власти; подчеркивалась их эгалитарная природа: в них отсутствуют ярко выраженные иерархии. У тив различаются: а) выдающиеся люди, имена которых служат, в частности, для определения линияжей; б) люди, пользующиеся «престижем» благодаря материальному преуспеванию и щедрости; в) «политические руководители», которые не занимают никакого поста, но принимают участие в делах, касающихся всего общества.

Эти так называемые сегментарные общества весьма разнообразны — иногда даже внутри одного и того же крупного этнического объединения, как это имеет место у игбо в Восточной Нигерии. Дифференциации сегментарных обществ способствуют такие факторы, как специализация кланов или родовых групп — линияжей, создание возрастных групп, появление домашнего рабства.

Общества, где политическая власть выделилась наполовину. Здесь черты социального неравенства не

просто очевидны, но и «узаконены». Так, группы, различающиеся по возрастной категории (или возрастному классу), образуют социальное деление, не связанное родством или происхождением; они имеют специфические функции: обрядовые, военные и/или политические. У нанди и кикуйю-камба в Восточной Африке социальная организация основана на иерархии возрастных классов, обремененных военными, политическими и правовыми обязанностями и непосредственно участвующих в управлении обществом, тогда как кланам и линиям отводится второстепенная роль. В подобных обществах может со временем установиться сильная централизованная власть. Например, в Южной Африке в государствах свази и зулусов возрастные классы образовывали полки, находившиеся под контролем верховного правителя.

Раннеклассовые общества. Существовало множество видов таких образований. Здесь политическая власть еще более отделилась от общества. Сложная организация позволяет сравнивать их с микрогосударствами; проводя завоевательную политику, они превращались в настоящие государства. Прекрасный пример такого общества дают бемба в Центральной Африке. Вождь бемба «обладает» правом на труд и участие в военных действиях общинников контролируемых им деревень, монополией на некоторые важные продукты производства, он управляет (с помощью своих чиновников), творит суд и является обладателем «силы» (условие безопасности и процветания общества). Каждое владение (chefferie) бемба построено по этому образцу: одно из них, где правит наследник первооселенца, пользуется преимуществом перед остальными. Этот союз самостоятельных владений предвосхищает государство.

Общества с государственным устройством. Это — многочисленные и древние общества: государство Гана (существовало ранее VIII в.), державы Западного Судана, государства Центральной Африки, государства скотоводов Межозерья и т. д. Они были весьма различными по масштабам: от малых (например, Сога в Уганде) до объединяющих несколько миллионов подданных, как в Руанде. Эти общества различались по степени сложности, и в них существовали различные концепции верховной власти. Большинство из них возникло в результате завоевания или междоусобных войн, но некоторые родились из добровольного подчинения инородной власти (шамбала в Танзании). Во всех этих обществах существовали ярко выраженное социальное неравенство и иерархическое строение различных групп с привилегиями «аристократической» группы.

Последняя особенность хорошо прослеживается в древней Руанде. Господствующее меньшинство чужеземного происхождения — тутси наложилось на гораздо более многочисленное местное крестьянское население — хуту. Тутси строили государство и расширяли его территорию. Они выработали механизмы, которые обеспечивали им политическое и экономическое господство: сеть отношений личной зависимости, политико-административную

иерархию, войско. Тутси и хуту можно рассматривать — они отчасти так и относятся друг к другу — как сугубо чуждые группы, которые объединяет неравный обмен. Неудивительно, что социальная организация этого общества была истолкована как «система обмена», позволяющая эксплуатировать земледельцев, на которых падают многочисленные повинности. Анализ политических отношений подводит нас к изучению экономических связей.

Обмен. В рамках традиционных африканских обществ обмен не ограничивается простой передачей продуктов; помимо этого он связывается с установлением определенных социальных отношений и, следовательно, имеет символическое значение. Пути, по которым движутся продукты производства, четко различаются: существуют внешние обмены (до недавнего времени в форме «меню» или торгового) и внутренние обмены (при посредничестве периодических рынков).

Распределение продуктов труда, характерное для так называемой экономики самообеспечения, осуществляется внутри локализованных социальных групп, соответствующих более или менее широкой семейной единице, под контролем «старшего» или старейшины.

Матримониальные обмены и родственные обязательства вызывают перемещения продуктов труда, услуг и символов. Те, кто отдает женщин, получают возмещение (выкуп), которое состоит из строго определенных вещей (железные деньги, набедренные повязки и ткани, серебро, скот и т. д.). Этот выкуп свидетельствует о законности брачного союза и показывает связь между двумя группами, к которым принадлежат супруги.

Политическая система в государственных обществах, имеющих иерархическую систему, требует обложения населения податями, а следовательно, бюрократического аппарата и армии. Такой путь движения продуктов производства имеет сверх того символическое значение: обязательство давать свидетельствует о зависимости, а возможность перераспределять показывает превосходство; богатство правителя или вождя часто считается мистически необходимым для процветания народа.

Наконец, в обществах с древними сакральными традициями значительное место занимает движение продуктов производства, связанное с ритуальными обязательствами. Последние приводят либо к регулярным (праздники урожая, инициации, церемонии в честь предков и т. д.), либо к случайным (похороны, вступление в должность вождя и т. д.) обширным потреблением материальных благ.

Социальные отношения. В Африке традиционные общества строятся прежде всего на категориях пола и возраста, на структурах родства и на сети союзов. Деления, основанные на противопоставлении полов, часто разработаны до такой степени, что создается впечатление существования «женского» и «мужского» обществ. В тех местах, где преобладает ислам, это деление касается устройства повседневной жизни (женщина связана с жиз-

ню дома, а мужчина — с внешним миром). В тех культурах, где ислам накладывается на более древний религиозный слой, может установиться разделение по полу в «религиозной работе» (мужчинам — главенство в мусульманской вере, женщинам — поддержание древних священных обычаев), как это часто имеет место в Западном Судане. В целом распределение обязанностей безотносительно к религиозным критериям определяется в зависимости от пола.

В обществах, занимающих центральную область континента, установилось строгое деление производственной деятельности, которая отводит женщине наиболее тяжелую нагрузку (земледелие) и тем самым подчеркивает ее зависимое положение. Женщины являются здесь одновременно средством воспроизводства группы, производителями средств для поддержания жизни, основой союзов, вытекающих из супружеских прав и браков. Так, живущие в Габоне и в Южном Камеруне фанг говорили, что женщины представляют собой имущество, подобное «участку земли». Во многих африканских обществах мальчики и девочки раздельно проходят обряд инициации, нередко требующий какого-то телесного повреждения (обрезание у мужчин и женщин, насечка, татуировка). Став взрослыми, они включаются в различные группы: так, в Западной Африке «тайные общества» с масками и переодеванием в основном состоят из мужчин. Члены этих обществ обладают исключительным правом на связь с предками, они участвуют в принятии решений, касающихся всего коллектива. Женщины находятся в зависимом положении, но их ограниченное участие в управлении осуществляется через посредничество «цариц» (государства Межозерья, Конго), «женщин-вождей» (крупные племенные объединения бамилеке в Камеруне) и лиц, ответственных за главные культы (фон в Дагомее, в случае с организациями *воду*). Следует, наконец, подчеркнуть еще одну черту: символическое начало заставляет нас учитывать значение существования особых мужских и женских символов: так, у фон главная пара божеств, Ли-за — Маву, соответствует противопоставлению восток — запад, Солнце — Луна, мужчины — женщины и т. д. Это значит, что дуализм, отмеченный половыми различиями, в большой степени определяет социальные отношения и черты культуры.

Второй критерий — возрастной: поколения связаны принципом господства — подчинения; отношения старшего с младшим утверждают преимущество первого и часто порождают превосходство и зависимость. Весьма интересно в этой связи существование возрастных классов, которые складываются в более или менее сложную систему. Они образуются периодически (например, каждые семь лет) с помощью обряда инициации. Возрастные классы могут выполнять основные социальные функции. Так обстоит дело в Восточной Африке в безгосударственных обществах с полувоенной организацией: у масаев, сук, туркана и т. д. Мальчики, одновременно прошедшие обрезание, принадлежат к одному возрастному классу, который формируется примерно каждые семь лет; переход

в высший класс требует особого церемониала и дополнительной подготовки. Два первых класса объединяют воинов, холостяков, отделенных от своих семей, которые получают разрешение на брак (т. е. полную социальную жизнь), лишь достигнув третьего возрастного класса — к 30 годам. Все эти группы обеспечивают разделение основных социальных обязанностей в соответствии с возрастной категорией. Систему возрастных классов можно обнаружить и в Западной Африке, но там они играют меньшую роль. Так, мужское население деревень малинке (Восточный Сенегал и Мали) объединено в восемь классов (*боро*), состоящих из возрастных групп с разницей между поколениями в 5—8 лет. Четыре основных *боро* осуществляют одновременно хозяйственные (некоторые работы выполняются сообща) и политические функции (седьмой класс принимает решения, касающиеся всей деревенской общины).

Наконец, отношения родства. Родство, обычно обширное, следует понимать в его социальном, а не в биологическом значении. Оно образует подлинную систему отношений между людьми и группами людей (например, между «совокупностью» дядьев со стороны матери и «совокупностью» племянников со стороны матери); оно определяет закодированные отношения и обязательные наименования. Оно может иметь классифицирующий аспект, приводящий в замешательство неспециалистов. Так, среди баконго все братья и сестры матери считаются «матерями» («матери мужского пола» и матери), а все братья и сестры отца считаются «отцами» (отцы и «отцы женского пола»). Эта особенность показывает значение социальных отношений, определяемых родством; она утверждается как в арабо-берберском, так и в традиционном негро-африканском мире. Существенными считаются также отношения, которые определяются в зависимости от происхождения, от отношения к предку, более или менее отдаленному по шкале поколений (даже в том случае, когда отдаленный предок является только предполагаемым или мифическим). Соответственно этим отношениям складываются кланы и линьяжи. В их рамках регулируется передача функций и полномочий, их рамки определяют «родственников», браки с которыми запрещены, т. е. границы экзогамии. Основное различие следует проводить в зависимости от того, действует ли принцип происхождения по материнской линии (матрилинейная система) или по отцовской линии (патрилинейная). Матрилинейные общества засвидетельствованы во многих обществах Центральной и Западной Экваториальной Африки; можно даже говорить о «матрилинейном» поясе континента. Второй встречается в обществах Северной, Западной и Восточной Африки.

В традиционной среде брак является одним из самых важных социальных явлений. Он не только обеспечивает образование семейной единицы, но и определяет союз тех групп, к которым принадлежат супруги; он считается общественным, а не личным делом, проистекающим из сердечных наклонностей. Он всегда требует многочисленных обсуждений и длительной процедуры: помолвка, постепенное улаживание дела с выплатой за брак, предваритель-

ный церемониал отбытия супруги. Накопление жен — что создает полигинию и обеспечивает превосходство первой (старейшей из них) — более желательно, нежели накопление богатств. Оно расширяет семейную группу, умножает число союзов, укрепляет экономические возможности. Понятно, что в подобных условиях разводы влекут за собой серьезные последствия; рост их числа, вызванный изменениями, происшедшими за последние десятилетия, способствовал распаду архаичных социальных структур.

На основах, о которых шла речь, складываются общества с весьма различной степенью сложности, отношениями неравенства и властвования. Общественные группы или сословия, если пользоваться терминами европейского общественного строя, предстают перед нами в следующем виде: «аристократы» и знать на службе власти, свободные люди (земледельцы, ремесленники, торговцы) и зависимые люди (*hommes de servitude*). Системы этих групп по свойственным им отношениям зависимости и клиентуры часто приравнивались к европейским феодальным обществам. Социально-профессиональные касты, возникшие на основе ремесел, могут совпадать с половозрастным делением: так обстоит дело в Сенегале и в Мали (у волофов, сереров, тукулеров и т. д.). Изменения, обусловленные новыми экономическими, политическими и культурными условиями, быстрым ростом современных городов, способствуют ослаблению этих иерархических связей и образованию общественных классов. Тем самым обнажаются антагонистические интересы совершенно нового типа.

Доколониальная Африка показывает разнообразие типов традиционной власти. Она представляет собой самую необычную лабораторию, о которой только могли мечтать специалисты в области политической науки. Между обществами, организованными в бродячие группы (пигмеи и негрилли), и обществами, создавшими уже государство, существует обширный ряд политических образований. Весьма разнообразны общества с «минимальной» властью, где равновесие создается постоянным взаимодействием между кланами и родовыми группами (линьяжами) и стратегией брачных союзов. Известны более и менее сложные догосударственные общества. Так, в Камеруне бамилеке создали общества, в которых наряду с вождем (*фо*) существовали духовные и светские чиновники, совет и «тайные общества» специального назначения: они представляют собой наиболее разработанную форму этого типа правления.

Традиционное государство также предстает в весьма различных обликах. У шиллуков (Судан) оно складывается вокруг обожествленного царя, который одновременно является законодателем, верховным судьей и жрецом. В исламизированных странах государство приобретает теократический облик (государство тукулеров в Сенегале, фульбе в Гвинее и Камеруне и т. д.); а часто его основывают вследствие «священной войны», или *джихада*, как это произошло в странах хауса (Северная Нигерия) в начале XIX в. В других местах, например в Восточной Африке, абсолютную

власть, опирающуюся на бюрократический аппарат, определяют — с некоторым преувеличением — как «африканский деспотизм». Некоторые из таких государств приписывают себе давнее и славное происхождение: эфиопские династии связывали себя с Менеликом — сыном Соломона и царицы Савской (об этом говорится в сочинении начала XIV в. «Слава царей», в котором восстанавливаются связи «соломонидского» потомства).

Глава 6

ПРЕДМЕТЫ, ОБРАЗЫ И БОГИ

В традиционной Африке, как и повсюду в других местах, люди нуждаются в материальных благах для того, чтобы существовать. В физиологическом отношении из всех благ человеку необходимы лишь продукты питания. Даже самые примитивные способы их получения из природной среды, в которой живет группа людей, предполагают использование технических навыков: обладание орудиями и умение ими пользоваться. Благодаря этим техническим навыкам группа присваивает или производит продукты питания.

К способам потребления относятся собирательство, охота и рыболовство. Пользуясь ими, человек овладевает благами, произведенными природой. Он не изменяет ее, он приспосабливается к ней. Ничто не позволяет африканскому охотнику — ни малая эффективность его оружия, ни его благоразумие (нашедшее отражение в сказках) — нарушать биологическое равновесие в природе. Благодаря земледелию и скотоводству, появление которых представляет собой явление, названное неолитической революцией²⁷, человек начал подчинять себе окружающую среду.

Охотники и собиратели. Когда охота и собирательство — они всегда идут сообща — служат единственными средствами существования общества, его социальная организация, а также коллективные представления являют собой характерные особенности, дающие возможность говорить о цивилизации охотников в Африке к югу от Сахары и в самой Сахаре. Последняя была покрыта растительностью в период с 5500 по 2500 г. до н. э., небольшие группы людей жили там в течение тысячелетий, собирая дикие растения, корни, ягоды, охотясь на мелких животных и — реже — на крупную дичь.

Число африканских племен, полностью зависящих от собирательства и охоты, в наши дни ничтожно мало. В своем замечательном этнографическом атласе Дж. Мэрдок утверждает, что из 239 традиционных обществ Тропической Африки, которые ему удалось учесть, лишь пять можно признать охотниками-собирателями²⁸.

Они располагаются в трех больших зонах Южной Африки, где живут бушмены кунг и нарон; в зоне экваториального леса, где обитают пигмеи мбути; на плоскогорьях Кении и Танзании, где живут хадза и доробо. Весьма вероятно, что уже в конце XVIII в.

эти три ареала были единственными, где еще сохранялись общества охотников, но в то время они были более обширными. Наскальные росписи бушменов обнаружены в скальных укрытиях по всей Южной Африке, тогда как современным бушменам приходится довольствоваться пустынными зонами Калахари, куда их постепенно оттеснили.

Для людей, которые потребляют, не производя, охота является благородным и престижным занятием, важным мужским делом, тогда как собирательство считается занятием скромным, второстепенным, выполняемым главным образом женщинами и детьми. Тем не менее пища этих групп на 70—80% является вегетарианской, и, следовательно, в целом общество зависит от собирательства.

Орудия, служащие для собирательства, весьма примитивны: заостренная палка, чтобы выкапывать растения со съедобными клубнями и разбивать подземные норы мелких животных; плетеный или кожаный мешок для переноски добычи (бушменки пользуются *кароссом* — разновидностью кожаного плаща); иногда нож, полученный у земледельцев, обрабатывающих железо (африканские охотники сами их никогда не изготавливают), или от европейцев.

Лук известен в Африке повсюду. Вынужденные обходиться собственными средствами, охотники пользуются каменными наконечниками. Чтобы поразить цель, стрелу приходится выпускать с близкого расстояния и смазывать наконечник растительным ядом. Когда удар нанесен, охота только начинается. Крупная дичь, например антилопы, жирафы, очень вынослива, ее преследование продолжается до тех пор, пока она не упадет под действием яда, и длится десятки километров и несколько дней. Копье и дубина дополняют скромный арсенал африканского охотника. Эти виды оружия требуют силы, ловкости и мужества. Случается, что дичью оказывается лев или слон, и охотник в экваториальном лесу проскальзывает между ног слона, чтобы нанести ему смертельную рану ударом копья в живот.

Охота почти всегда является коллективным делом. Эта ее особенность особенно четко проявляется в загонной охоте с сетью у пигмеев мбути в области Итури (в современном Заире). В лесу натягивается сеть длиной 100 м и шириной от 1,2 до 1,5 м; каждый охотник занимает заранее указанное место позади сети; женщины и дети, выстроившись цепью, медленно приближаются к сети, производя сколь возможно сильный шум, и тем самым гонят дичь в сторону охотников, засевших в засаде.

На дичь ставят также различные ловушки; от ямы для крупных животных до силков для мелких грызунов. Многочисленные хитроумные ловушки, безусловно, представляют самые древние способы поимки диких животных. Еще до того, как наши предки изобрели лук и стрелы, они гнали животных к скале или к болоту и добывали их камнями.

Достижения цивилизации лука не ограничиваются знанием

способов потребления продуктов природы, они включают также умение распределять ресурсы: уголья, предназначенные для охоты и собирательства, не должны истощаться. Поэтому численность коллективов африканских охотников ограничена, а лагерь часто переносится на другое место. В зависимости от района, а иногда даже от сезона оптимальное число членов группы меняется. Также обстоит дело и с длительностью пребывания лагеря на одном месте. Стоянку переносят, прежде чем земля окажется использованной до такой степени, что не сможет обновиться в разумные сроки. Группы африканских охотников являются не бродячими, а скорее переходящими с места на место, поскольку они придерживаются выработанного опытом и циклического маршрута.

Если африканские общества, основанные исключительно на охоте и собирательстве, немногочисленны, то не менее редко встречаются и такие, в которых никогда не прибегают к этим способам для частичного обеспечения пищей. В списке Мэрдока из 239 обществ к таковым относятся всего 19.

Рыбаки. Народы, которые получают средства к существованию главным образом от рыболовства, также живут за счет природы, не изменяя ее. Но по очевидным причинам рыболовство в отличие от охоты и собирательства — особый вид деятельности; занимающиеся ею прибрежные и островные племена добываются в некотором роде исключительного положения. Они вылавливают рыбы больше, чем им нужно для собственного потребления, и обменивают ее у соседних групп на другие продукты.

Эти общества существовали, по-видимому, в традиционной Африке более или менее повсюду, где человек мог заселить подступы к воде. На островах оз. Чад это будума; вдоль р. Замбези — тонга; в экваториальном лесу на берегах р. Конго и ее притоков — пото, сонгола, энья (которые ставят верши на легких подпорках в стремнине реки близ Кисангани); среди рыбаков на р. Нигер — бозо и сомоно. На океанских побережьях занимается рыболовством и сбором раковин население островов Индийского океана, расположенных недалеко от побережья Сомали, Кении, Танзании, — уньика, а также суахильское население Занзибара, Тумбату, Пембы, Мафии; на побережье Атлантического океана живут многочисленные группы рыбаков: от некоторых бушменских племен, например корока, и до народностей, обитающих на архипелаге Бижагос, а между ними — итсекири Нигерии, родственные йоруба, и многие другие приморские этнические группы.

Подобно охоте, рыболовство часто является мужским занятием, а сбор раковин — женским. Но иногда мужчины устраивают преграды из сетей и плотины, не позволяющие рыбе уйти, и тогда сама ее ловля возлагается на женщин. В африканском рыболовстве наиболее распространены разного рода верши: плетеные корзины, как правило, изящной формы, которые ставят расширяющимся отверстием против течения. Различные приспособления не позволяют попавшейся в корзину рыбе повернуть назад и выбраться из ловушки.

Земледельцы леса. Именно с помощью земледелия Тропическая Африка производила в конце XVIII в. основную часть своего пропитания. Впрочем, именно так обстоит дело и в середине XX в., и методы обработки земли в значительной степени остаются теми же самыми. Земледелие отличается от собирательства тем, что человеку приходится теперь влиять, изменять, контролировать природу, вместо того чтобы просто приспосабливаться к ней. Новое отношение к окружающей среде является общим для земледельцев, но сами способы обработки земли весьма разнообразны, а их продуктивность обеспечивает существенно различные результаты.

Продуктивность невелика во влажных лесах. Гигантские деревья и густые заросли вынуждают земледельцев заниматься сначала трудоемкой расчисткой почвы. Правда, эта работа облегчается различными средствами: срубленную растительность оставляют на земле, где она засыхает, затем ее сжигают, избегая тем самым переноса тяжестей и одновременно удобряя почву. Из-за поваленных стволов и торчащих пней такие рощи не похожи на возделываемое поле, но они вполне пригодны для местного типа земледелия. Здесь преобладают клубневые культуры, каждое растение отдельно закапывают в землю. Орудием служит мотыга, а не плуг (для которого потребовалась бы хорошо расчищенная почва). Посадки подобного рода можно было бы назвать «садом»²⁹.

Несмотря на пышность дикой растительности, почва рощистей не богата: слой чернозема тонок, а когда его уже не защищает первоначальный растительный покров, его без труда смывают частые в этих областях ливни; химический состав поверхностного слоя не очень благоприятен для земледелия. Бедность почвы вынуждает давать земле многолетний отдых после нескольких сельскохозяйственных сезонов. Поэтому, когда истощаются окружающие деревню земли, жители переносят свои поселения. Вместо того чтобы проделывать длинный путь от дома до обрабатываемого поля, разумнее переселиться поближе к новым рощистям; это называют кочевым земледелием.

Орудия лесных земледельцев — топор и мотыга с железным острием. С помощью железа удалось повести успешное наступление на лес, и вполне возможно, что проникновение людей в экваториальный пояс произошло не ранее того момента, когда они оказались вооружены железными орудиями. Нам известно, что добыча железа и изготовление орудий из него существовали с очень давних пор по крайней мере в двух очагах, из которых они могли попасть на окраину леса: это Мероэ на Ниле и культура Нок в современной Центральной Нигерии. Начало выплавки железа датируется здесь, как кажется, III или IV в. до н. э. Естественно предположить, что цивилизации леса сделали первые шаги несколько позднее этого периода.

Технические навыки «садоводов» на рощистях делали возможным существование изолированных и небольших по размеру коллективов. Кроме клубневых растений африканского происхожде-

ния, таких, как ямс в Гвинее, из Индонезии был завезен очень неприхотливый вид банана, а из Америки — маниока и сладкий батат.

Земледельцы саванны. К северу и к югу от зоны экваториального леса располагаются две обширные зоны саванн. Чередование четко выраженных климатических сезонов, открытые пространства, строение почвы и типы дикой растительности сходны для обеих этих зон, поэтому и развившиеся там системы земледелия также схожи между собой. Здесь использовались те же самые орудия труда, что и в лесу, наблюдалась такая же бедность почв, но возделывались при этом местные злаки (фонио, просо, сорго, окультуренные в саваннах Западной Африки) или привозные (рис из Юго-Восточной Азии и кукуруза из Америки), а также стручковые растения (горох, фасоль многочисленных видов). Продуктивность этого вида земледелия, оставаясь небольшой, была все же выше, чем в «лесных садах»: у земледельцев саванн оставались излишки продуктов. Поскольку эти излишки состояли из зерна злаковых растений и из плодов стручковых, они могли некоторое время храниться не портясь; в то же время их легко перевозить.

Особенности сельскохозяйственного производства в саванне делают возможным и возникновение более сложных и разнообразных форм социальных организаций. Излишки, хранящиеся обычно в зернохранилищах, могут быть обменены на другие продукты и услуги или передаваться вождям и правителям. В «цивилизации зернохранилищ» заложены значительные социально-культурные возможности.

Скотоводы. Разведение скота выражает то же самое отношение к природе, что и обработка земли. Земледелие и скотоводство появились в Африке в одно и то же время, идя теми же самыми путями. В густые и влажные леса земледелие проникло, как мы уже говорили, очевидно, довольно поздно: за несколько веков до нашей эры. В суданской зоне и в Сахаре (влажной вплоть до середины III тысячелетия до н. э.) неолитическая революция произошла гораздо раньше, в течение IV тысячелетия до н. э. Идет ли здесь речь о восприятии культурных навыков, пришедших из Малой Азии, или о самостоятельном изобретении?

Представляется достоверным, что окультуренные растения и домашние животные попали в долину Нила из Юго-Западной Азии в течение V тысячелетия, и, вероятно, распространились оттуда к западу через Сахару. Не исключена, однако, и возможность, что в то же время в Африке возник самостоятельный очаг неолитических культур. Это, например, утверждает Мэрдок на основании данных ботаники и лингвистики. Он локализует этот очаг в районе верховьев р. Нигер, примерно в 1,5 тыс. км от берегов Атлантического океана, в области расселения народов манде (к которым, в частности, принадлежат современные бамбара и малинке).

Как бы то ни было, с самого начала скотоводство в Африке было связано с земледелием. Некоторые группы скотоводов не упо-

требляли в пищу продукты земледелия, пополняя свой рацион за счет собирательства и охоты. К ним относятся нама и гереро в Юго-Западной и масаи в Восточной Африке. Другие группы в течение определенных периодов жили исключительно за счет продуктов животноводства, будучи вынужденными вести кочевой образ жизни.

Скотоводство в качестве способа хозяйствования имеет ряд специфических, выгодных для людей черт. Скотоводы затрачивают гораздо меньше труда, нежели земледельцы. Стеречь стадо, перегонять его, доить коров, направлять воспроизводство в нужном направлении — вот основные обязанности скотовода. И поэтому скот может удовлетворять основные потребности группы, как можно убедится, изучая жизнь масаев. Питание обеспечивается молоком с добавлением крови и мясом; одежда и кров — шкурами; прически — маслом, употребляемым в косметических целях.

Кроме того, стадо — богатство в известной мере постоянное (оно воспроизводится самостоятельно) и движимое: когда пастухам нужно переменить место, они его не теряют. Все эти преимущества превращают скот в своего рода «естественный капитал», как его иногда называют. Поэтому, когда пастухи и земледельцы объединяются в единое общество (как это неоднократно бывало в Межозерье), скот обеспечивает своим владельцам преимущество над земледельцами. Это преимущество не было вызвано, как часто думали, коллективными представлениями, приписывающими скоту значительную ценность, но особенностями данного способа хозяйствования. Такие особенности обеспечивают скотоводам преимущество только при соприкосновении с мелкими земледельческими общинами. Отсутствием этого условия, безусловно, объясняется тот факт, что в Западной Африке фульбе, в большинстве своем скотоводы, не извлекли из обладания скотом тех же преимуществ, что пастухи Межозерья.

Стада африканских скотоводов не содержатся в стойлах, они не пасутся на благоустроенных пастбищах. Единственное необходимое условие здесь — чтобы в сухой сезон не оказаться отрезанными от источников воды в областях, незараженных мухой цеце — переносчика трипаномы. Непрерывный ряд плоскогорий которые в восточной части континента тянутся от эфиопского массива до Драконовых гор, образуют вместе с суданской зоной область африканского скотоводства.

Эта природная среда пригодна и для земледелия. Вот почему питание пастухов в значительной степени зависит от продуктов земледелия. Они либо сами обрабатывают землю, как, например, галла и нилоты в Эфиопии и Судане, либо различными способами, в том числе и используя принуждение, получают часть урожая крестьян, подобно хима и бито в Уганде.

Сырье и ремесла. Задолго до колониального периода африканцы добывали руду, изготавливали ценные деревянные сосуды, обрабатывали слоновую кость, выделывали шкуры диких зверей и хранили редкие перья.

Обработка железа, очевидно, существовала во всей Тропической Африке там, где можно было найти руду. «Медный пояс» Заира и Замбии, разрабатываемый ныне промышленным способом, использовался кустарно еще в доколониальной Африке. Там изготавливались знаменитые «андреевские» кресты-ханда, медные деньги. На недавно открытой стоянке близ оз. Кисале археологи нашли в захоронениях много металлических украшений. Очень далеко оттуда, в области близ оз. Чад, которую ныне населяют котоко, были обнаружены богатые коллекции бус, браслетов, подвесок, которые относят к культуре сао. Добывалось также олово, что позволяло африканским металлургам составлять сплавы, подобные латуни.

Наконец, золото. В древнем государстве Гана производилась регулярная добыча самородков и золотого песка. Арабский путешественник ал-Бакри в своем рассказе, относящемся к 1067 г., писал, что самородки находились в распоряжении царя, тогда как песок доставался золотоискателям.

В традиционной Африке были выработаны технические навыки обработки золота. Золото обрабатывали ювелиры ашанти, аньи, бауле, изготавливая из него скипетры, троны и украшения.

Другой, очень сложный способ — техника «потерянного воска» — позволял изготавливать из бронзы или латуни такие предметы, как сосуды, сундучки, гири для взвешивания золотого песка, а также статуэтки наподобие знаменитых голов Ифе и Бенина. Работу начинали с изготовления восковой модели того предмета, который хотели получить в металле; затем модель окружали влажной глиной, укрепляя ее с помощью железных шпилек. Когда модель помещали в огонь, глина затвердевала, а воск плавился и вытекал через специально оставленные отверстия, затем в пустое пространство заливали расплавленную бронзу или латунь. После того как металл затвердел и становился прочным, глиняную модель разбивали.

Способы дубления кожи, ткачества, крашения были хорошо известны, ими пользовались с большим знанием дела. Мягкая, окрашенная и выделанная кожа наподобие сафьяна изготавливалась и в Судане, и в Марокко. Ткани области Касаи, называемые «бархатом», изготавливались в государстве Куба в южных саваннах. В северных саваннах бауле были знакомы с ткацким станком (изящно выточенные детали этих станков часто представляют собой подлинные произведения искусства). Пользуясь умелыми способами окраски, женщины йоруба изготавливали ткани с геометрическим рисунком.

Способы обработки дерева, рога и слоновой кости — в результате чего появлялись статуэтки, маски и предметы утвари — умело использовались по всей Африке к югу от Сахары.

Транспорт. Многочисленные предметы материального производства перевозились в самой Африке и доставлялись за ее пределы. Излишки сельскохозяйственного производства, которые не нужно было передавать в качестве подати вождю или прави-

телю, направлялись на местный или областной рынок. Такие рынки особенно хорошо были организованы в стране йоруба (Нигерия) и в государстве Конго (Заир). Сырье и предметы ремесла скапливались в «торговых портах» — морских портах или на конечных пунктах транссахарских караванных маршрутов.

Транспортировка в большей части Западной Африки, в экваториальном лесу, в областях к востоку и к югу от него осуществлялась с помощью носильщиков. Вьючные и тягловые животные не выживают ни в лесу, ни во влажных зонах, зараженных насекомыми и паразитами, переносчиками различных эндемических заболеваний.

Длинные пироги, выдолбленные из ствола гигантского дерева, которыми энергично управляли команды гребцов, обеспечивали быстрые перевозки по рекам. Рыбаки из племен, специализировавшихся на рыболовстве, нередко занимались одновременно и перевозками по рекам; множество подобных примеров можно найти среди жителей, населяющих берега рек Нигер и Конго.

Вывоз товаров из «торговых центров» производился на морских судах или караванами; теми и другими управляли чужеземцы: европейцы, арабы, магрибинцы.

Изобразительные виды африканского искусства в своих самых высших формах — символических скульптурах и масках — имеют религиозное значение и выполняют религиозные функции. Смысл произведений искусства можно понять, лишь ознакомившись с религиозными воззрениями, тогда как мифы отражаются как в образе, так и в слове.

Искусство слова и движения. Ограничивать скульптурой художественную деятельность африканцев значило бы процелировать на их цивилизации европейский образ мышления и попросту выказывать наше невежество. Стремление африканцев к прекрасному заставляет их не искать удовлетворение в предметах, изготовленных с этой единственной целью (подобно нашей станковой живописи или садовой скульптуре), а включать заботу о форме во все виды своей деятельности, в изготовление всех предметов обихода. Ж. Деланж превосходно показала, что, хотя фульбе отличает очень острое эстетическое восприятие, у них совершенно отсутствуют художественные произведения в области скульптурных и иных форм. Стремление к прекрасному, как правило, выражается у фульбе в создании недолговечных образцов убора, причесок, даже в манере поведения, в изяществе жеста и красноречии.

Фульбе не единственные африканцы, которые ценят и создают искусство фольклора: эпические поэмы, исторические рассказы, волшебные сказки, дидактические басни, любовные истории. Поскольку речь идет об устных рассказах, талант рассказчика неотделим от того, что называют литературным достоинством. В то время как африканские статуи находятся в наших музеях и восхищают нас, а их изображения украшают наши книги по искусству,

африканских рассказчиков редко слушают, а еще реже понимают. Но именно то, что при этом ускользает от нас, занимает очень важное место в африканских культурах. В Западной Африке певцы-гриоты являются профессионалами слова; в Восточной Африке, среди скотоводов и воинов, человек, которому стремятся подражать, должен выделяться не только военными подвигами и тучностью своих стад, но и красноречием.

Значение, придаваемое в повседневной жизни владению речью, отражается в философских воззрениях, которые приписывают слову могущество. Для африканцев тоже вначале было слово. И слово является активным: магия, посредством которой прорицатель и колдун управляют силами природы и невидимыми существами, осуществляется при помощи слов. Знать слова, которые нужно произнести, — вот в чем заключается могущество кудесника.

Забота о форме выражается в кинетических видах искусства в такой же, а может быть, даже в большей степени, чем в изобразительных. Танец всегда сопровождается музыкой, а под музыку редко не танцуют. Однако в обществах скотоводов пение в сопровождении струнных инструментов исполняется без танцев. Повсюду, где преобладают ударные инструменты, они определяют ритм коллективных плясок (исключение составляют государства в области Межозерья, где барабаны символизируют власть, а бьют в них только в честь царя).

В традиционном обществе пляски были коллективными и имели иную цель, нежели эстетическое удовольствие: получить от богов плодородие полей и плодовитость женщин, выразить благодарность за урожай или укрепить мужество молодых воинов, заставляя их подражать в танце боевым телодвижениям, или же с помощью имитации охоты на слона расположить лесных духов в пользу охотников.

Ночные танцы призваны были укреплять связи, соединяющие членов группы, заставляя их принимать активное участие в коллективном действе. Мелким общинам, живущим в трудных природных условиях, постоянно грозят раздоры, которые могли бы их ослабить. Безусловно, подсознательное укрепление групповой солидарности охотников или земледельцев увеличивает шансы всей группы на выживание.

Танцы имели и эстетическое значение. Ритмичность, украшения, выбранные специально по этому случаю, фигуры танца, разнообразие танцевальных па производили немалое эстетическое воздействие.

Наскальная живопись и природа-покровительница. Изобразительная живопись редко встречается в традиционной Африке, и там, где она имеется (у фон в Бенине, у бамум в Камеруне), она не обладает, кажется, теми же достоинствами, что скульптура. Есть, однако, два важных исключения: наскальная живопись Южной Африки и Сахары.

От южной оконечности Африки и примерно до широты р. Замбези охотники-бушмены в течение веков рисовали и высекали на

укрытых под навесами стенах скал животных и людей. Известно, что эта художественная деятельность охотников закончилась около 1870 г., но к какому времени относятся фрески, которые можно видеть еще и в наши дни, неизвестно. Были выдвинуты весьма смелые гипотезы. В частности, А. Брейль предполагал, что изображение «Белой дамы» Брандберга (в Юго-Западной Африке) является современным Критской цивилизации. Брейлю показалось, что на скале изображена девушка с Крита, держащая цветок лотоса в одной руке и лук с тройным изгибом в другой. Вероятно, известные нам живописные изображения не столь уже древние (пигменты в конце концов выцветают), но они представляют традицию, уходящую в прошлое на несколько тысячелетий (ибо свидетельствуют о техническом мастерстве, которому предшествует период длительной подготовки)³⁰.

Это мастерство проявляется в использовании приемов, которые в западном искусстве появились позже: так, положение конечностей животных, изображенных в движении, оказывается «правильным» (оно соответствует тому, что нам открыла фотография); каждое животное изображено в перспективе; впечатление рельефности достигнуто путем смягчения тона. Речь идет об имитационном изображении, которое стремится воспроизвести зрительное впечатление. В африканской скульптуре подобное направление встречается весьма редко.

Люди на наскальных рисунках бушменов изображены совершенно по-иному: монохромно, схематично, с подчеркиванием одних особенностей и уменьшением других, без малейшей заботы о «действительных пропорциях».

Наскальная сахарская живопись в Тассили, Тибести и Ахаггаре охватывает гораздо более долгий период. По мнению некоторых специалистов, первые изображения относятся к XII тысячелетию до н. э., а самые поздние — к I тысячелетию до н. э.; в них отразились эпохи, для которых были характерны охота, разведение рогатого скота, появление лошади и верблюда. Эти районы расположены на северной границе (22° северной широты) той географической зоны, которая входит в рамки нашей работы.

Но что заставляло бушменов и обитателей Сахары заниматься столь непростым делом (одно приготовление пигментов было делом трудным и длительным)? Это нам неизвестно. Предполагают, что, рисуя дичь, охотники при помощи магии «обеспечивали» себе удачную охоту. Но это всего лишь гипотеза.

В повседневных поисках пищи носители цивилизации лука испытывали полную зависимость от окружающей природы. Они знали, что, для того чтобы выжить, они должны приспособиться к ней и что, как и все окружающее их, они скорее включены в природу, нежели противопоставлены ей. Такое представление о природе проявляется в сказках мбути в конкретной форме леса. Они чувствуют себя детьми леса и ощущают братское содружество с другими существами, населяющими его. Животные, которых они убивают, не являются их врагами. Цель различных церемоний,

предшествующих охоте, — просить прощения за насильственное действие, которое будет совершено на охоте.

Высшее и далекое божество. По всей Тропической Африке распространены верования в духов предков, олицетворяющих силы природы. Но африканцы верят и в более могущественное божество, которое дало начало миру и поддерживает его существование. Европейцы, и в частности христианские миссионеры, исходя из западных философских и теологических воззрений, старались понять, в какой степени верования африканцев соответствовали им или отличались от них. Верования эти не столь систематизированы: фон говорят, что их высший бог Маву-Лиза является создателем мира, но они же утверждают, что этот двуликий бог, имеющий ипостаси мужчины и женщины, рожден другим богом. Таким образом, Маву-Лиза выступает скорее не как создатель, а как распорядитель уже существующего мира. Подобные неясности часто встречаются в африканских верованиях. Но африканцы не питают большого интереса к вопросам, требующим умозрительных построений.

Повседневный практический опыт производства средств существования научил не только охотников, но и земледельцев и скотоводов тому, что природа всемогуща и доброжелательна, поскольку она не отказывает им в этих средствах. Высшее божество африканцев, по-видимому, обязано своим происхождением опыту многих поколений. Во всяком случае, это божество имеет те же свойства, что и сама природа: могущество, доброжелательность и отстраненность. К нему обращаются редко: к чему просить его, раз оно столь далеко и недоступно? А без обряда нет ни статуй, ни символических изображений, ни храмов, ни алтарей. Ни в одном виде изобразительного искусства Африки нет и следа высшего божества.

Статуэтки и культ предков. Скульптурные изображения распространены на большей части Африканского материка. Они характеризуются различными стилями, которых насчитывается множество. Однако существуют и общие для всех этих стилей черты. Прежде всего большинство статуэток представляет собой стоящих во весь рост мужчин и женщин, обычно обнаженных, не занятых никаким делом.

Поражает многообразие форм: узкое, удлиненное лицо у догонов; толстые щеки у бамум, крошечная голова, венчающая огромное тело, у бобо; слишком большая по сравнению с туловищем голова у баконго; смягченные линии у бауле и угловатые у игбо. Это перечисление легко можно было бы продолжить. Но среди такого многообразия кажутся тем более показательными некоторые общие черты.

Резчики дерева в Африке не стремятся создавать натуралистические изображения. Африканская скульптура изображает человеческие существа символически. Главные элементы скульптуры мастер выделяет, основываясь на собственном субъективном представлении, которое у него складывается об изображаемом предме-

те. Таким образом, африканская скульптура истолковывает суть вещей, а не их внешнюю форму. Нам, конечно, удастся понять лишь самые очевидные оттенки.

Система условных знаков, какую представляет собой статуэт-ка, изображает предка. При этом индивидуальные черты предка казались африканским мастерам менее важными, нежели его символический образ, олицетворявший прежде всего принцип преемственности поколений. Люди традиционной Африки не представляли себя своей родовой группы, вне всего общества, они не утверждали себя, противопоставляя себя остальным. Разумеется, они отдавали себе отчет в собственной индивидуальности, но они никогда не теряли из виду свою естественную сращенность с коллективом и природой. Статуэтка предка имела черты мужчин (в патрилинейных системах) или женщин (в матрилинейных системах). Отсутствие одежды еще больше подчеркивало абстрактность изображения.

Половые признаки и половые органы обозначены и подчеркнуты. Часто изображаются женщины — беременные или кормящие ребенка грудью. На предков прежде всего смотрят как на родоначальников. Их славу составляет многочисленность потомства. Здесь мы снова встречаемся с одной из основных особенностей традиционного мировоззрения Тропической Африки: жизнь во всех формах является высшей ценностью; все то, что делает ее избыточной, — благо. И, естественно, рождение новых людей является самым высшим благом. Некоторые гетероморфные изображения, сочетающие человеческие черты и черты животных, например рога барана, выражают ту же идею роста жизненной силы, используя как символ спираль. Такова голова *осамасинми* у йоруба района Ово, которую используют в церемонии в честь предков.

Действительно, все статуэтки предков являются культовыми. Предки после смерти не отходят в небытие. Они продолжают жить и заботиться о своих потомках, но лишь в той степени, в какой их почитают потомки. Но в то же время духи предков могущественны и могут повлиять на положение своих детей, живущих в этом мире. Африканцы верят в то, что один из элементов, составляющих живого человека, переживает его. Многие думают, что тень (та тень, которую отбрасывает живое тело в свете солнца) превращается в потусторонней жизни в дух. Духи действительно ведут жизнь тени, существование, которое является лишь слабым и бесцветным отображением земной жизни. К тому же такое существование весьма непрочное: живые поддерживают его символическими подношениями пищи и питья. Подобные верования удивительным образом соответствуют всеобщей практике забвения мертвых. Когда человек не хранит больше воспоминаний об умершем, его исчезновение становится окончательным. Таким образом, духи предков зависят от своих потомков, и, когда их внимание ослабевает, предки насылают на них какое-нибудь несчастье, чтобы призвать их к выполнению долга.

В то же время культ предков является также очень простым,

домашним обрядом, который подчеркивает тесную общность детей одного и того же предка. И во всех важных событиях жизни (инициация, свадьба, рождение), в каждый из ее периодов (молодость, зрелость, старость) и в ее критические моменты (болезни, неурожай, траур) придет помощь от братьев и сестер, которые ведут свое происхождение от одного предка.

Маски. В Европе из произведений африканского искусства наряду с изображениями предков лучше всего известны маски. Маски распространены в тех же областях Африки, что и статуэтки. Нередко, однако, в одном и том же обществе стиль исполнения масок и статуэток весьма различен.

Традиционная африканская маска состояла не только из деревянной части, которая закрывает лицо, но и из одеяния из волокон (плащ у бага, майка у чокве), полностью скрывающего человека, несущего маску. Маску видели только в движении, во время шествий с танцами, сопровождающимися музыкой.

У африканских масок есть, конечно, не одно назначение, но прежде всего они делают видимым появление божества, т. е. существа и силы, наделенных большинством человеческих признаков и значительным могуществом, но которые не связаны постоянно с каким-то физическим телом. Чтобы стать видимыми и проявиться, этим нематериальным сущностям необходимо посредничество маски (изображение лица, одеяние из волокон и человек, несущий маску). Мы действительно можем назвать маской совокупность этих трех элементов; все они необходимы, а человек, устами которого говорит бог, теряет собственную личность на то время, пока длится церемония. И в течение всего этого времени маска является носительницей высшей жизненной силы, она опасна, к ней нельзя приближаться.

На основе этой главной функции масок развились, по-видимому, и другие способы ее использования; во время инициации, которой во многих обществах отмечается переход от юности к зрелости, маски участвуют в испытаниях. Они также используются членами тайных обществ. Это особые мужские объединения, которые выполняют определенные обряды и заставляют отдельных лиц или все сообщество подчиняться своим решениям. Средством давления служат ночные шествия членов общества, одетых в маски; они ходят по деревне, жители которой не покидают своих жилищ, а когда считают нужным, останавливаются перед хижиной строптивого соплеменника, угрожая ему.

Магические статуэтки, пророчество и колдовство. Когда португальцы в конце XV в. проникли в Конго, они обнаружили там странные статуэтки, к которым были прикреплены рога, наполненные, как казалось, землей, травой, перьями, кусочками железа (позднее к этому прибавились зеркала, гвозди, пуговицы). Надо всем этим возвышалось резное изображение головы человека или животного. В глазах христиан-португальцев эти предметы представлялись идолами, которых почитали жители Конго; они назвали их «фетишами».

Эти предметы — нигде, кроме древнего государства Конго, их нет — не боги, которых почитают, а вместилища могущественных сил. Они возвращают нас к идее о высшей ценности жизни. Та жизненная сила, которую африканец почитает в фертильности женщин и плодородии полей, представляется ему единой силой, проникающей во все существа. Ею в особенности наделены цари, вожди, отцы многочисленного потомства. Однако некоторые люди с помощью либо врожденных их качеств, либо полученных знаний могут использовать силы природы, накапливать и освобождать их.

Мир магии является продолжением повседневной жизни. Одна и та же жизненная сила господствует в том и другом мире. Разница заключается в том, что магия позволяет манипулировать этой силой, что способны делать лишь избранные люди. В соответствии с тем, как они используют свое могущество — для блага других или во вред им, — специалисты по магии делятся в Африке на две категории. К первой относят тех, кто полезен обществу: исцелителей, прорицателей; ко второй тех, кто угрожает остальным: колдунов. Прорицатель и исцелитель часто встречается в одном лице. Когда кто-то болен, то, чтобы его вылечить, нужно прежде всего найти причину болезни. Эту болезнь может наслать недовольный предок или же колдун. Определяя причину болезни, прорицатель тем самым указывает и ее лечение.

Предметы, которыми пользуется прорицатель, иногда тоже являются произведениями искусства, например фигурки *хамба* у чокве. В этой полезной магии используются и амулеты, которые носят на теле, чтобы, увеличивая свою жизненную силу, оградить себя от злой судьбы. Таковы статуэтки *акуаба* у ашанти с головой в форме диска. Считается, что они способствуют появлению красивых детей, и поэтому их носят беременные женщины.

Колдуны используют магические средства в антиобщественных целях. Это преступники, скрывающие свои способности и свои действия. Их боятся, но и им самим не приходится ожидать ничего хорошего от коллектива, в котором они живут. Как и в средние века, обвинение в колдовстве приводило к различным испытаниям (в частности, ядом), и, если они не убеждали в невинности, колдуна ожидала смерть.

Придворное искусство и политическая власть. Содержание изобразительных видов искусства в Африке нельзя считать исключительно религиозным или магическим. Конечно, оно является таковым в деревнях земледельцев как леса, так и саванны. Иногда его называют либо племенным искусством, подчеркивая его связь с типом социальной организации, в котором слабо развиты политические институты, либо народным искусством, подчеркивая принадлежность его творцов к крестьянской массе. Искусство, о котором шла речь, выражает ценности и интересы деревенских жителей: добиться покровительства предков, иметь много детей и хороший урожай, защитить себя от несчастий, увеличить жизненную силу — свою собственную и своих близких.

Можно сказать, что Тропическая Африка была континентом де-

ревень. Действительно, повсюду в Африке к югу от Сахары, и в том числе в зоне, где развита скульптура, человек традиционной эпохи жил маленькими общинами, которые вели натуральное хозяйство. Именно в таких общинах и зародилось искусство с магической функцией.

В государственных обществах скульптура получает новую функцию: выражать величие власти, славу династии, могущество лиц, стоящих у кормила правления. Скульптурные изображения правителей отвечают этим задачам. Согласно древнему преданию государства Куба, его правитель Шамба Болонгонго, правивший в начале XVII в., сказал, что он приказал изваять свой образ, «чтобы его преемники вспоминали о нем и о его законах»; его статуя находится сейчас в Британском музее. Его преемники последовали этому примеру, и мы располагаем изображениями многих правителей бакуба. В отличие от статуэток предков они обладают индивидуальными признаками. Нельзя сказать, что они воспроизводят черты того или иного конкретного монарха, но они отмечены эмблемой, выполненной в рельефе на цоколе, которая символизирует какое-то деяние, характерное именно для этого правления.

Не только содержание скульптуры бакуба имеет очевидное отношение к представителям власти, но и сама ее форма, по-видимому, в значительной степени соответствует ценностям, на которые ориентировались при дворе этого государства южной саванны. Линии закругленны; массивные и тяжелые черты наводят на мысль о силе богатства. Геометрические украшения — еще более богатые на кубках, сидениях, подголовниках — поражают своей избыточностью, ими покрыты все поверхности. Наконец, никаких шероховатостей, эти деревянные предметы — мебель или статуи — превосходно отполированы и блестяты.

Придворное искусство развилось также у балунда, чокве, в государствах близ устья р. Конго, у бамум, в племенных объединениях бамилеке. Скульптура и утварь повсюду выражают одну и ту же идею: правители велики, могущественны и процветают. Возможно, самыми удивительными среди этих царских сокровищ являются троны, украшенные бисером, изготовлявшиеся в племенном объединении Бафусам у бамилеке.

Предметы роскоши. Существовали также государственные общества, отличавшиеся от государств земледельцев. Речь идет о городах-государствах суданской саванны и района Бенинского залива. Эксплуатация природных ресурсов и международная торговля, находившиеся под строгим контролем их правителей, предоставляли в их распоряжение более существенные богатства, нежели имелись у правителей земледельцев.

Золотые украшения ашанти, медные или латунные статуэтки ани, большие железные изображения фон, настенные рельефы Бенина — произведения, типичные для цивилизации городов. Искусство Бенина, развивавшееся в течение многих веков и имевшее богатые традиции, представляет собой стилистическую разновидность, которую часто считают «не типично африканской». Множе-

ство произведений Бенина, которые находятся в нашем распоряжении — самые значительные образцы того искусства, что было распространено в городах-государствах.

Европа открыла для себя искусство Бенина лишь в самом конце XIX в. В 1897 г. английская военная экспедиция овладела Бенином, было захвачено огромное количество изделий из бронзы и слоновой кости. Эти предметы изготовлялись на протяжении шести веков, причем специалисты делят их на три периода. В течение первого периода (XIV—XV вв.) изображения голов выполнялись в реалистической, но несколько идеализированной манере (чрезвычайно правильные черты, безмятежное выражение лица, соблюдение естественных пропорций) из тонкого металлического листа. Для второго периода (XVI—XVII вв.) характерны толстые медные пластины с изображением воинов, выполненным в горельефе, лица стилизованы. Третий период (XVIII—XIX вв.) считается периодом упадка: стилизация усиливается, число символов власти увеличивается, приводя к излишествам.

Археологические открытия, сделанные в 1938 и 1957 гг., позволяют связать художественную традицию Бенина с традицией Ифе. Пятнадцать голов Ифе, керамических и латунных, датированных приблизительно XII и XIII вв., походят на бенинские головы первого периода, а в художественном отношении они стоят даже выше, что наводит на мысль о влиянии Ифе на Бенин. Это предположение подтверждается устными преданиями бини (живущих в окрестностях г. Бенина и подчиненных его правителю) и историей этого района. В преданиях бини говорится, что шестой правитель Бенина попросил *они* (правителя) Ифе прислать ему литейщика, который мог бы научить ремесленников Бенина искусству литья способом «потерянного воска». Действительно, Ифе был городом-государством, правитель которого пользовался религиозным авторитетом среди остальных правителей йоруба: именно с Ифе сказания йоруба связывают сотворение мира.

После открытия в 1943 г. культуры Нок оказалось возможным продолжить поиски истоков искусства Бенина в эпоху, предшествующую Ифе. В ходе добычи руды близ нынешней деревни Нок на плато Джос (Нигерия) были обнаружены фрагменты статуй из терракоты, которые датируются радиоуглеродным методом периодом с 900 г. до н. э. до 200 г. н. э. По мнению некоторых специалистов, Ифе и Нок в стилистическом отношении являются ответвлениями, восходящими к еще более древней культуре.

Архитектура и городское строительство. В XII в. столица Ганы насчитывала, по мнению археологов, примерно 30 тыс. жителей. Ее развалины находятся близ места, носящего ныне название Кумби Сале, в 350 км к северу от Бамако. Археологи получили возможность выяснить план, по которому шло строительство столицы. На одном конце города находилась царская резиденция, а на другом, на расстоянии около 10 км, — торговый квартал; в центре от большой площади расходилось несколько улиц.

К юго-востоку от оз. Чад начиная, вероятно, с X в. развивалась ныне исчезнувшая цивилизация сао. Кроме бронзовых украшений, железных орудий и фигурок из терракоты сао возводили здания, причем некоторые из них все еще существуют. По-видимому, сао пользовались даже славой специалистов, так как, по преданию, им приписывается возведение стен города Кано. Города в стране сао (например, Гульфей), где в настоящее время живут котоко, возводились на холмах и были окружены толстыми трапециевидными стенами.

Забота об организации пространства проявлялась не только в городах.

Скромные жилища догонов располагались в соответствии со сложным планом, который являлся символическим воспроизведением их космологии. Так же обстояло дело у фали в Северном Камеруне. Деревни в лесу располагались симметрично (двумя частями) по одну и другую сторону от главной улицы. Краали пастухов на Восточных плато состояли из нескольких круглых оград, примыкающих друг к другу и образующих единое целое в соответствии с хорошо продуманным планом.

Возможно, именно по тому же основному плану краала было построено городище Зимбабве, открытие которого в 1871 г. вызвало огромный интерес. Развалины Зимбабве являются самым крупным архитектурным ансамблем доколониальной Тропической Африки: стена длиной 2,5 км, сложенная из грубо обтесанных гранитных глыб, образует эллипс. Внутри его возвышаются другие стены и коническая башня. Статуи из стеатита изображают птиц. Некоторые части постройки датируются VI в. н. э.; в XV в. городище Зимбабве все еще существовало, его населяли предки нынешних шона.

Глава 7

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АФРИКИ

Некогда существовала поговорка: история делается с помощью документов. Отсюда появилось и бытовавшее прежде мнение: у Тропической Африки нет истории, поскольку почти нет относящихся к ней документов. Правомерность поговорки в целом остается бесспорной. Но что касается истории Тропической Африки, то необходимо учитывать, что немногочисленные имеющиеся документы все еще остаются в широкой степени неиспользованными. Изучению африканского прошлого потому не хватало документов, что им не интересовались. Источники не являются набором свидетельств, раз и навсегда выявленных, снабженных ярлыками и разложенных по порядку, содержание которых используется раз и навсегда. Свидетельства появляются в результате поисков.

Число источников возрастает не только за счет открытия новых материалов, но и вследствие новых, правильно поставленных вопросов, а также нового истолкования уже известных материалов.

Для этого необходимо дальнейшее совершенствование методики работы с источниками, затрагивающее все смежные отрасли исторического знания. Конечно, новые свидетельства могут появиться постольку, поскольку их не уничтожили природные катаклизмы или деятельность человека. Черная Африка в этом отношении находится в несравненно худших условиях, чем нынешняя Европа.

Источники по африканской истории делятся на четыре категории. Первые две — письменные и устные — являются продуктом человеческого творчества, что хотя и делает их информативными, но добавляет субъективность оценок. Две другие категории — археологические и социологические — имеют противоположное свойство: они объективны по своей природе. Этим, впрочем, пользуется множество авторов, чтобы извлечь из них то, чего в них, может быть, и нет. Но это — богатые источники. Социологические источники ценны, но, по-видимому, ограничены, тогда как область применения археологии поистине огромна.

Письменные источники

Их можно разделить на три большие группы: источники, возникшие в мусульманском мире; источники, которые в широком смысле можно назвать колониальными; источники африканского происхождения. Хотя вторая часть самая обширная, большинство из них принадлежит перу иностранцев, и легко догадаться, в чем их недостатки: это часто встречающиеся предвзятость суждений и принадлежность к чуждой культуре. Это ограничивает их использование, но не делает его вовсе невозможным. Впрочем, эти недостатки более или менее очевидны; иногда они сглаживаются: письменные источники могут быть точными, а взгляд со стороны имеет в ряде случаев свои преимущества.

Существуют и некоторые другие источники, также внешнего происхождения, которыми никогда не пренебрегали, но их очень мало, и значение их ограничено. Речь идет об источниках Ближнего Востока, Египта, греко-римских и византийских, которые, несомненно, слишком мало известны, об источниках, происходящих из азиатских стран (Индия, Китай, Япония), а также о документах европейского средневековья.

Арабоязычная литература. Относительное обилие документов, принадлежащих представителям исламского мира, объясняется двумя взаимосвязанными причинами: с одной стороны, дальними связями этого мира, вызванными его динамизмом и интеллектуальной любознательностью, а с другой — его географической близостью к Тропической Африке: Сахара, Красное море, Индийский океан были не столько преградами, сколько контактными зонами. Такие контакты были способны породить письменные свидетельства по большей части на арабском языке, но также и на турецком.

Наиболее известные и информативные источники принадлежат историкам, географам, путешественникам. Это — труды Ибн Хау-

кала, ал-Бакри, Ибн Халдуна, Ибн Баттуты и других столь же знаменитых или менее известных авторов. После XV в. источники перестают быть многочисленными, но они еще не иссякают. В отношении Восточной Африки их число несколько разочаровывает, но оно велико для Западного и Центрального Судана. Эти источники содержат сообщения о политических событиях, сведения экономического и географического характера, записи, которые можно назвать «этнографическими». Использование таких источников предполагает хорошее знание общих особенностей этого жанра арабоязычной литературы. Арабские источники довольно широко известны. Хотя существует много публикаций, они еще далеко не полностью использованы. Кроме того, имеется немного таких изданий и переводов, которые служили бы для историка надежным рабочим инструментом.

В эту группу источников, которые можно обнаружить от Марокко до Ирана, входят еще далеко не полностью исследованные данные, рассыпанные по литературным источникам, юридическим и административно-практическим сборникам; повествовательные источники типа местных хроник и биографических словарей благочестивых и ученых людей; карты; морские лоции; заметки, записанные со слов рабов, доставленных из стран по ту сторону пустыни; архивные документы в строгом смысле слова (переписка, деловые, юридические, политические документы). Эти документы, содержание которых еще далеко не известно, находятся в рукописных хранилищах западных стран или в подобных хранилищах мусульманского мира, а также в частных руках.

Европейские источники (нарративные и архивные). К нарративным источникам относятся сообщения о путешествиях, исследованиях и пребывании в стране, географические и этнографические описания, сочинения по истории (истории европейцев в Африке или истории африканцев). Понятна чрезвычайная неравноценность свидетельств, содержащихся в произведениях столь различных жанров и созданных столь разными по осведомленности людьми: моряками, купцами, миссионерами, путешественниками, дипломатами, учеными. Выделяя общие принципы методики работы с такими источниками, следует отметить неблагоприятное воздействие личной позиции, которая иногда приводит к преувеличению значения какой-то темы или какого-то отдельного лица. Но, конечно, более серьезным является наличие «социально-культурного барьера» между наблюдателем и наблюдаемыми. Это в основном языковой барьер (частое использование переводчиков), европоцентризм наблюдателя и поверхностное понимание им особенностей культуры и социальной организации. Все это приводит к произвольным интерпретациям, основанным на предположениях. Наконец, предназначенные для публикации в Европе, эти сочинения не могли не учитывать требований той духовной или социальной среды, где они должны были увидеть свет. Например, нельзя было обойтись без «добраго дикаря» и романтической экзотики. Гуманистические воззрения, отягченные европоцентризмом,

неизбежно вели к расизму или к стереотипам, оправдывающим «миссию» и «бремя» белого человека.

Но, несмотря на все сказанное, эти источники могут быть очень ценными. Их недостатки преобладают далеко не всегда; симпатия к африканцам, любознательность и духовное понимание встречались во все времена. Сообщения Генриха Барта — прекраснейший этому пример.

Под архивными источниками мы понимаем неопубликованные или опубликованные документы, разнообразные по своей природе и происхождению. Это документы политические (договоры, дипломатические донесения, консульские отчеты), административные (переписка между различными колониальными чиновниками, инструкции, донесения, юридические бумаги), военные (документы того же порядка, походные и бортовые журналы), коммерческие и деловые (переписка и счета компаний, предприятий, торговых палат, нотариальные записи), религиозные (церковная переписка, дневники миссионерских общин, протоколы о посещении епископов) сообщения, отчеты и письма частных или официальных путешественников, пресса, карты и т. п.

Разнообразны и типы сведений, сообщаемых об африканских обществах: заметки о видах социальной организации и формах культуры; сводки политической и династической истории. Последние могут быть событийными или обобщающими, описывать общество само по себе или в связях с другими, рассказывать о ремеслах, торговле, дорогах, миграциях и т. д.

Все эти документы были описаны, а затем классифицированы в свое время в соответствии с интересами колониальных государств. Позднее они были опубликованы и использовались чаще всего с точки зрения западной историографии.

Важность этих документов оценена, очевидно, еще плохо. Большинство недостатков, которые были отмечены для нарративных источников, относится и к ним. Тем не менее сами нужды европейцев заставляли их улучшать качество информации и оставлять после себя первоклассные свидетельства. Так, европейские купцы в XVII—XVIII вв., будучи изолированы в своих прибрежных фортах и испытывая конкуренцию, могли вести дела, лишь обеспечив себе точное знание политической обстановки в стране; чтобы подготовить вторжение, консулы и колониальные военачальники должны были организовать сеть осведомителей, расспрашивать паломников.

Таким образом, значение архивных документов в высшей степени различно. Стоит напомнить также о необходимости критического подхода к ним, учитывая специфику таких учреждений, как колониальные администрации, религиозные ордены и церковь. Добавим, наконец, что богатство португальских, английских, французских и римских источников не должно снижать интерес к архивам других стран.

Учет и классификация названных источников — дело весьма непростое. Иногда их просто трудно найти: каждая колониальная

администрация или торговая компания могла хранить документы или уничтожать их, вывозить в свою страну или оставлять на месте. Получение колониями независимости привело к более или менее случайному перераспределению этих документов между метрополиями и новыми государствами.

Африканские источники. Далеко не все африканские общества были «бесписьменными». Однако в основном использовавшееся в них письмо было арабским, эфиопским или европейским. Вопрос о других африканских системах письма, интересный с прочих точек зрения, касается проблемы источников африканской истории лишь в одном известном случае: письменности, поставленной султаном народа бамум Иджойей в начале XIX в. на службу исторического дела.

Эфиопские источники. Древняя страна христианской письменной цивилизации, Эфиопия предлагает историку довольно богатую литературу на языке геэз. Самые древние ее законодательные акты, относящиеся к аксумскому периоду, наследуют греческим традициям. Начиная с XIV в. стали создаваться специфически исторические сочинения (царские хроники, жизнеописания князей, монахов, святых), светская и религиозная поэзия, религиозные сочинения апологетического и полемического характера, переводы с арабского языка. Возможности исторического использования придворной и религиозной литературы — тенденциозной и застывшей в рамках канона — ограничены; но это не исключает ни интереса к второстепенным, косвенным сведениям, которые в ней заключены, ни реальной ценности некоторых сочинений, таких, например, как «Хроника войн Амдэ Цийона» (XIV в.), «История галла» Бахрея (XVI в.), или «Деяния Тэкле Альф» (XVI в.) — хроники полной красноречивых свидетельств о бедствиях того времени. В XIX в. разговорный амхарский язык становится литературным языком; на нем написаны ценные документы, например три хроники, относящиеся ко времени правления императора Теодора.

Арабоязычные источники и источники на африканских языках, использующих арабскую письменность. Материалы такого рода охватывают не столь значительный хронологический отрезок, как эфиопские источники, но они относятся к более обширной территории. Они появились в Эфиопии (ибо есть и мусульманская Эфиопия) и в районе Африканского Рога, на побережье Индийского океана и на его островах, в долине Нила, в Сахеле и Судане, причем здесь они иногда происходят из столь глубинных областей юга, как, например, страна Гонджа.

Когда такие источники написаны на арабском языке, они могут происходить из обществ, которые уже пользовались в разговоре тем или иным диалектом арабского языка; чаще же они создавались в среде образованных людей мусульманских обществ Тропической Африки, среды в культурном отношении двуязычной или многоязычной. Кроме того, на основе арабской письменности в разное время появились записи на некоторых африканских языках; по количеству произведений и их совершенству на первое ме-

сто выдвинулись три языка: суахили, фульбе, хауса. Достаточно напомнить об оригинальности, характерной, например, для литературы фульбе Фута-Джаллона.

С интересующей нас точки зрения такие произведения можно разделить на несколько больших категорий:

1) сочинения исторического характера в узком смысле этого слова: списки или генеалогии правителей, повествовательные хроники (суданские хроники на арабском языке и восточноафриканские хроники на арабском языке или на суахили), биографии образованных или благочестивых людей и т. п.;

2) деловая или частная переписка, документы (о пожаловании имущества или привилегий либо об освобождении от повинностей) — короче говоря, архивные документы (отметим удивительное богатство архивов махдистского государства в конце XIX в.);

3) труды юридического или религиозного характера;

4) литературные сочинения (они могут совпадать с предыдущими категориями);

5) надписи.

Часть этих произведений была использована уже в XIX в., однако к их систематическим поискам, подлинно критическому изданию и использованию приступили лишь в 50-х годах. Источники такого рода позволяя углубить и пересмотреть наши знания о Судане XIX в., об областях близ р. Вольты в XVIII в., лучше понятия истории держав Сонгай и Борну — и все это не только в плане «истории событий», но и в сферах политической, духовной и социальной истории, тесно переплетающихся друг с другом.

Безусловно, их критическое использование весьма сложно. Дело в том, что тексты часто существуют лишь в недавних копиях, отдаленных от оригинала по времени довольно значительно. Порою нелегко различить в этих хрониках последовательные наслоения, результатом которых и является их окончательная версия.

Ныне эти документы находятся либо в европейских хранилищах, в которые они попали различными путями, либо в общественных или частных хранилищах внешнего мусульманского мира, либо, наконец (главным образом), в самой африканской среде, у образованных знатных людей.

Источники на европейских языках и африканских языках, использовавших европейскую письменность. Такие источники относятся в основном к XX в., т. е. к современной или очень недавней истории. Это документы политического, административного и юридического характера, прессы, художественная литература (очень полезная благодаря показу психологии африканцев), а также все то, что претендует в широком смысле называться историческими трудами или документами: автобиографии, очерки местной истории, «этнологические» описания, сделанные африканцами — проповедниками, учеными, людьми, окончившими учебные заведения, знатными лицами. В таких документах в разной степени смешивались и наблюдения, и воспоминания, и передача из вторых или третьих рук информации, основанной на данных устных или письмен-

ных источников, — результат компиляции или критической работы ума, более или менее верно отражавших действительность, но нередко следовавших моделям европейских «учителей». Как в книге Дж. Кеньяты «Глядя на гору Кения», так и во многих менее известных сочинениях встречается материал, в котором критический подход может выявить множество полезных свидетельств.

Впрочем, источники данного типа могли возникать и раньше. Начиная с XVIII в. в районах, которых достигала европейская торговля, встречались порой люди, с детства знакомые с каким-нибудь европейским языком (спасшиеся из рабства, воспитанные в миссиях или купцами, торговые партнеры европейцев), которые могли оставить письменные свидетельства. Таковы архивы документов на португальском языке, принадлежащие «бразильским семьям», освобожденным из рабства и вернувшимся из Бразилии в страны Бенинского залива. Таковы на английском языке семейные бумаги правителя Джа-джа (район дельты Нигера), относящиеся к XIX в.; записи рассказов освобожденных рабов (например, автобиография одного раба, игбо по происхождению, относящаяся к XVIII в.); дневник купца из Калабара, относящийся к 1780 г., а также сочинения образованных африканцев из Сьерра-Леоне, Ганы (Золотой Берег) и Нигерии начиная со второй трети XIX в.: статьи, заметки о деятельности миссионеров, о политических вопросах. Эти документы являются первыми свидетельствами зарождающегося национализма [творчество Блайдена, «защита и описание» африканских институтов в книге «Обычное право на Золотом Береге» Дж. М. Сарбы (1897) и в работе К. Хейфорда «Национальные институты фанти» (1903)].

Европейская письменность служила для записей на африканских языках в странах, в которых широкое внедрение миссий предшествовало установлению европейской колониальной администрации и которые вошли в состав английских колоний, где отношение к использованию африканских языков было не столь откровенно негативным, как во французских колониях. Так, в нашем распоряжении имеются исторические и этнографические очерки (работа Акига на языке тив в Нигерии), письма и т. д.

Конечно, группа данных источников не столь обширна, как арабоязычных и основанных на арабской письменности. В них к тому же гораздо чаще и шире чувствуется влияние той среды, где говорят на соответствующем европейском языке.

Устные источники

Мы называем устными источниками все сведения, которые передаются изустно и по памяти. В этом их особенность, объединяющая весьма различные и разнородные материалы. Использование устных источников в качестве одной из важнейших категорий источников оправдано тремя соображениями. Во-первых, в отличие от письменных источников они создавались непосредственно в изучаемых обществах, и это обстоятельство придает им особую цен-

ность. Во-вторых, их особое место в корпусе источников в целом обусловлено их значительным количеством. Вместе с тем работа с ними требует борьбы как с излишней доверчивостью к данным устных источников, так и с огульным недоверием к ним.

Цивилизация негро-африканских обществ была цивилизацией слова. Нельзя судить о слове и о памяти по той роли, которую они играют в обществах, использующих для всех важных записей письмо. Устная цивилизация не порождает тех же свидетельств, что письменная, тем более в таком большом количестве. Строгие каноны устного высказывания, обусловленные необходимостью передачи информации по памяти, требуют социального контроля над творчеством и исключают слишком явные проявления индивидуальности. Устное свидетельство — ничто без слушателя, который его получает и передает. Таким образом, устная традиция создается в коллективе и для коллектива.

У воспоминаний, записанных от живых лиц, общие для устных источников черты проявляются, в частности, в методике их сбора, а также в их критическом анализе. Вместе с тем они отличаются возможностью наибольшего проявления индивидуальности и многочисленными подробностями. Установив контакт с информантом и получив его согласие, исследователь может позволить ему высказываться в тех формах, по тем сюжетам и в той последовательности, которые тот выбирает сам. Он задает точные вопросы, подготавливает вопросник для специально отобранной группы лиц. Жизнеописания, записанные некоторыми этнологами, и социологическая практика применения вопросников могут дать практические результаты. Подобные материалы, тщательно собранные и хорошо обдуманые, могут внести ценный вклад в историю колониального периода.

Содержание устных преданий — сведения о событиях или известия о нравах прошлого, на которые и должна опираться этнология. Такие материалы могут служить для реконструкции истории заселения, образа жизни, социальных институтов.

Когда форма устных источников хоть как-то установлена или когда по крайней мере их содержание относительно определено, можно говорить о жанрах — о произведениях, о текстах (записях), о «преданиях».

Многообразие жанров. Гамма жанров традиционного устного творчества богата. Фактически каждое общество обладает своей собственной классификацией таких жанров. Однако историк может на законном основании предложить иную классификацию, основанную на таких характерных особенностях, как форма, назначение, способ передачи и т. п.

Я. Вансина, например, различал: 1) формулы, стереотипные выражения, которые употребляются при соответствующих обстоятельствах: это, в частности, титулы (имена и возможные дополнительные элементы), которые выражают статус данного лица; краткие изречения (девизы), которые обозначают единство какой-то группы (например, клана) и могут заключать довольно развер-

нутое содержание панегирического или нарративного характера; пословицы и загадки; правовые, религиозные или магические формулы;

2) поэтические произведения, определяемые в качестве таковых по их застывшей и установленной форме (композиция, язык) и по их эстетическому значению. Здесь можно выделить историческую поэзию — тенденциозную, прославляющую группу; панегирическую поэзию; религиозную и сентиментальную поэзию;

3) списки, перечисления, которые должны определенным образом обосновать те или иные права, претензии. Они связаны либо с земельным правом и содержат названия мест, либо с представлениями о прошлых переселениях. Иногда они содержат имена людей: списки лиц, занимающих те или иные должности, и особенно генеалогические списки;

4) рассказы в свободной форме значительно отличаются друг от друга содержанием и целью: рассказы чисто исторические (местные, семейные, племенные); рассказы, которые сообщают о происхождении живых существ и вещей, о порядке в сверхъестественном и в естественном мире и в обществе; религиозные мифы и разнообразные светские рассказы; эпические или легендарные предания, сказки;

5) комментарии к какой-то определенной ситуации (например, юридические прецеденты) или к другому преданию, в котором устаревший язык или разного рода неясности требуют дополнительного пояснения.

Хранители преданий. Многие предания известны лишь отдельным лицам, а их передача часто ограничивается определенными правилами и обстоятельствами, которые соблюдаются более или менее строго в зависимости от жанра и от состава слушателей. Есть предания тайные и эзотерические, известные только посвященным. Есть сведения, составляющие знание, разделяемое всеми или многими, которым обучают молодежь. Устные предания передаются тому, кто по различным причинам имеет на это право. В соответствии с обычаями необходимо учитываются пол и возраст информанта, его компетентность, его официально признанные обязанности и т. д.

Хранителей преданий трудно четко распределить по группам. Упомянем о трех из них. Прежде всего на уровне семьи кроме сведений, известных всем ее членам, может существовать предание, хранящееся лишь в среде некоторых старших членов клана или родовой группы, прежде всего старейшиной, но иногда и каким-то специальным лицом. При дворах африканских государств часто существовали своего рода министры или чиновники, которым надлежало знать и хранить историю царства и династии, обучать ей, сообщать ее, когда у повелителя окажется в этом нужда, передавать ее дальше. Их прерогативы могли иногда быть религиозными (например, хранитель царских могил), а иногда светскими и политическими (нечто вроде архивариусов). В частности, в Руанде было несколько привилегированных школ, где обучались знатоки исто-

рии и обрядов. Наконец, в Западной Африке существовали касты гриотов — нечто вроде профессиональных объединений, занимавших крайнее социальное положение. Гриоты хранили исторические знания, им обучались у самых компетентных и серьезных знатоков.

Мифы, обряды, сказки, а также исторические предания обычно распространены на определенной территории. К их собственной ценности добавляется поэтому важность сравнения различных вариантов, распространенных в разных районах. Их сопоставление способствует прояснению содержания как тех, так и других.

В крупных государствах следствием социального, этнического и культурного неравенства могут стать «центральные» предания господствующих слоев, а также соперничающие с ними предания, создававшиеся и хранившиеся в среде простонародья или зависимых этнических групп.

Племена, родовые группы, кланы, города и деревни в своих нуждах и для своей сплоченности способны хранить предание живым. Историк должен прежде всего определить, на каком уровне оно наиболее полно отражает историческое сознание. Такой уровень не обязательно будет соответствовать стадии развития изучаемого общества (это касается, например, преданий родовых групп).

Критическая оценка текста. Специфика критического исследования преданий весьма относительна: речь идет о применении к новому материалу методики, годной для любого документа. Здесь мы упомянем лишь о самых своеобразных аспектах такой методики.

Как судить об информации, доверенной памяти и устам? Для этого нужно изучить условия ее передачи. Если передача происходит случайно, угроза искажения велика. Но наличие известных условий обеспечивает некоторую степень точности. Такими условиями могут быть систематическая подготовка, тщательное обучение в профессиональной среде, награда за точность и наказание за ошибку (от высмеивания до серьезной кары). Необходимо также разработать возможные меры проверки достоверности информации для каждого конкретного вида устного источника, идет ли он от группы (коллективная рецитация), со стороны власти (официальные предания) или же является собой религиозное предание. Наконец, имеет значение и манера сообщать информацию на стадии фиксации: в индивидуальном свидетельстве большую роль играют личность информанта и прочие обстоятельства. Если предание передается коллективно, свидетельство должно быть единодушным: это говорит в пользу его достоверности. В действительности такое свидетельство все же недостаточно; здесь уместно сопоставление вариантов. Активный опрос обследователем информантов — дело деликатное прежде всего в том отношении, что сама формулировка вопросов неизбежно может оказывать влияние на ответы.

Непосредственное изучение содержания предания требует взаимосвязанных приемов, особенно если его форма «застыла» при передаче. Во всех случаях эти приемы относятся к языку, и в частности к лексике и к композиции, к канонам, свойственным рас-

сматриваемому жанру; к ритмическим и мелодическим особенностям, тесно связанным с лексикой в самой структуре высказывания или по крайней мере, в эмоциональной или эстетической манере исполнения. Такие приемы полезны по двум причинам.

Они нужны прежде всего полного понимания свидетельства. Если понимание его буквального смысла уже обусловлено точным знанием данного языка и культуры, в том числе иногда и в их архаическом состоянии, то только точное представление о жанре и его особенностях поможет избежать ловушек поэтических намеков, общих мест, неясных символов, только тонкая оценка места эстетических требований поможет распознать некоторые источники заблуждения.

Все эти приемы позволяют также сравнивать и анализировать варианты одного и того же текста или несколько передач одного и того же свидетельства, определить, зависят ли эти «цепочки» друг от друга, и если зависят, то каким образом, приближаться к прежнему или даже первоначальному виду предания.

Критика с социологической точки зрения. Предание запечатлено в памяти людей, живущих в обществе и ведущих себя в соответствии с его законами. Вот почему социологическая критика является здесь особенно важной. Функции, выполняемые многими преданиями, оказывают сильное воздействие на их «историческое» содержание. Прежде всего они затрагивают его путем отбора информации, затем ее искажения, а в результате могут создавать его целиком. В глазах некоторых этнологов мифы и генеалогии в так называемых родовых обществах являются социальными декларациями, не имеющими исторического значения: подобные рассказы узаконивают власть высших слоев и сложившиеся социальные отношения. Если эти отношения изменяются, если происходит перераспределение власти, рассказы также меняются. Это замечание уместно, но оно не означает, что следует огульно отрицать значение информативности устных источников, оно лишь содержит требование их критического анализа. Только выявление, в каждом отдельном случае, указанных особенностей может показать, каким искажениям подверглось действительное развитие событий.

Критический анализ должен, в частности, учитывать социальное происхождение и положение рассказчика в обществе: эти моменты проясняют значение, особенности и даже форму преданий. Идя этим путем, Кл. Мейяссу смог сопоставить семейные предания Западного Судана (с их богатым историческим содержанием) и известные лишь некоторым зрелым и компетентным членам рода хвалебные сказания гриотов, передаваемые в застывшей форме.

Следует отметить также воздействие на устные высказывания некоторых параметров культуры. Они определяют способы представления прошлого, его смысла, но и ведут к идеализации свидетельств, к их стилизации, к их отбору.

Некоторые проблемы интерпретации. Каким об-

разом датировать сведения, полученные из преданий? Существуют способы датирования устных сведений путем их сопоставления с внешними данными — датированными письменными источниками, рассказывающими о тех же самых событиях. Используются также содержащиеся в преданиях упоминания о солнечных затмениях, которые нетрудно датировать.

Что касается внутренних способов, то прежде всего следует использовать генеалогические списки, столь распространенные в Африке. Отбросив те из них, которые не представляют большой ценности ввиду их сознательных искажений, остается установить путем сопоставления с параллельными генеалогическими списками действительное число поколений (которое могло быть искажено из-за лакун или, наоборот, из-за повторения одинаковых имен для каждого поколения), затем вывести в зависимости от обычаев, свойственных данному обществу, среднюю продолжительность жизни одного поколения. Имеются также списки должностных лиц (правителей, вождей, сановников), которыми следует пользоваться с гораздо большей осторожностью или даже в исключительных случаях, когда благоприятные факторы обеспечивают одновременно надежность передачи списков и знание условий занятия этих должностей. Наконец, наличие возрастных классов там, где они действительно регулируют общественную жизнь, могут дать ценные сведения абсолютной хронологии благодаря их регулярному циклическому воспроизводству.

Другая проблема заключается в том, чтобы определить и правильно использовать наличие различных систем времени, которые могут сосуществовать друг с другом в одном и том же предании. Так, необходимо учитывать «вневременное» время мифов, легендарное время, где действительная хронология искажена, сдвинута, где действующие лица живут вне собственно исторического времени, иногда в точной и обычной последовательности, но иногда в разъединенных блоках, соотносимых с различными элементами социальной и духовной сфер.

Сбор и публикация материала. Уметь обнаруживать предания и отсеивать фальсифицированные варианты, распознавать заслуживающих доверия информантов — все это предполагает профессионализм и глубокое знакомство с исследуемым обществом. Следует отдавать себе отчет в том, что гриоты и информанты разного рода могут, сознательно или из-за непонимания, ввести в заблуждение исследователя-иностранца, что манера задавать вопросы может влиять на характер получаемых ответов, в частности невольно направляя их, что неверно или неуместно заданный вопрос тотчас же отзывается молчанием, многословием, оговорками: не все можно сказать всем и при любых обстоятельствах. Африканские ученые, знающие язык, свободно передвигающиеся в своей среде и обладающие непосредственным и глубоким восприятием социальных реальностей, среди которых они живут, как правило, больше пригодны для работы по поискам и сбору преданий.

Собранные предания нуждаются в хорошо подготовленной публикации с разработанной транскрипцией, с подстрочным и литературным переводом, с критическим комментарием и необходимым аппаратом. Даже когда дело касается преданий, очень неопределенных по форме, следует указать все подробности, которые позволяют судить о них, а также условия их фиксации и возможно более точное содержание полученной информации.

Значение устной исторической традиции. Сведения, сообщаемые традицией, не всегда отличаются желаемым разнообразием: они представляют главным образом историю — либо событийную, либо поучительную, либо официальную. Но иногда они освещают и экономику, социальные отношения, чувства и представления. Последние в значительной мере определяют объем, значение и жанры устной традиции.

Для XIX и XX вв. устные источники представлены в изобилии, они широко распространены, разнообразны, доступны для критического исследования. Хотя обилие письменных источников, которые легче получить и использовать, в каком-то смысле делает их второстепенными, они по-прежнему необходимы и незаменимы для понимания и воссоздания африканской истории. Для периода с XV—XVI по XIX в. традиция еще существует, но она не столь богата, неравноценна, сложнее поддается критическому анализу. Для более раннего времени существуют лишь отдельные уцелевшие фрагменты.

Археологические источники

Археологическими источниками мы будем считать прежде всего материальные свидетельства деятельности человека, но также и природные элементы, которые либо необходимы для более полного понимания следов этой деятельности, либо сами содержат сведения о человеческом прошлом. Храм или наскальный рисунок, пыльца или фрагмент керамики, резное сиденье или глубокий культурный слой содержат общие по своей материальной природе свидетельства прошлого.

Из всех источников археологические являются самыми богатыми и многообещающими. Безусловно, влажная и жаркая Африка с ее проливными дождями, сильной эрозией, с нередко кислыми почвами гораздо менее пригодна для сохранения материальных остатков, нежели страны с более сухим или более холодным климатом, а существование благоприятных сухих ареалов и некоторых затопленных стоянок не может, конечно, компенсировать это обстоятельство. Но так или иначе, предметы материальной культуры гораздо более многочисленны, чем свидетельства письменных и устных источников. Археология в отличие от этих последних способна увести нас в глубины прошлого.

Материальные остатки многообразны и представляют первостепенный интерес для исследования естественной среды и социальной организации пространства, технических навыков и искусства,

экономики и социальных отношений. С помощью археологии можно отыскать «цивилизации», выявить план постройки и характер поселения, определить развитость технических приемов и изготовлявшиеся предметы, установить следы внешних влияний, проследить развитие представлений об окружающем мире. Археология дает свидетельства о рационале людей и об их деятельности; позволяет оценить размеры и структуры человеческих групп, реконструирует торговые маршруты, предоставляет данные о происхождении и развитии земледелия, скотоводства и металлургии. Археология помогает воссоздать последовательность климатических и биогеографических этапов человеческой истории.

Методика археологии. Возможности археологии столь велики потому, что она пользуется разнообразными техническими средствами, а интерпретируя материал, использует достижения всех наук. Разведка прежде всего опирается на видимые следы, сведения письменных и устных источников; ведутся поисковые работы, возможны случайные находки. Но она может основываться и на изучении данных аэрофотосъемки, открывающей следы, незаметные на почве. Такие данные получают в результате изучения микрорельефа и разницы высоты, цвета или плотности растительности, которые зависят от материальных остатков, находящихся под землей, а также вследствие использования различных физических методов и т. д. На стадии раскопок, когда материал находится на поверхности, для как можно более точной и полной фиксации выявляемой стратиграфии и находок используется фотография. В ходе проведения самих раскопок используются данные геоморфологии, почвоведения, геологии четвертичного периода, которые указывают на условия формирования почв и позволяют уточнить стратиграфию.

На стадии анализа, обработки, консервации самых разнообразных находок для определения костных останков, пыльцы и почв используются данные зоологии, палинологии, седиментологии (гранулометрия, морфоскопия, минералогические и петрографические анализы). Проводятся разнообразные анализы физико-химического состава различных веществ (металл, керамика, стекло и т. п.). Существует много разнообразных методов датировки, связанных с методами анализа, о которых шла речь, и прежде всего радиоуглеродный метод.

Итак, археология широко использует данные естественных наук, и особенно физической географии и геологии. Действительно, культурный слой не только содержит свидетельства материальной деятельности человека, но и говорит о климате, флоре и фауне изучаемой эпохи.

Гуманитарные науки (этнология) также служат археологии для интерпретации материала при условии разработки и обоснования сравнительного метода.

Для реконструкции способов изготовления орудий, для проверки их эффективности, а также для определения степени порчи некоторых веществ в данных климатических или почвенных услови-

ях применяется даже экспериментальное изготовление подобных орудий и другие методы.

Методическая и здравая интерпретация. Для археолога важен не предмет сам по себе, а его место в культурном слое и в общем контексте. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют трудности, испытываемые историками африканского искусства, которые располагают только музейными предметами, соотношенными лишь с тем или иным этносом, но не с эпохой и не с социальными и культурными реалиями.

Чтобы избежать искажений, археолог, исследуя археологическую стоянку, действует следующим образом. Прежде всего раскопки должны вестись соответственно установленной стратиграфии, чтобы находки, относящиеся к определенной эпохе, оставались в своем культурном слое. Без этого они не только менее многочисленны, но и менее понятны и, возможно, даже искажены. Только соотношение между орудиями, отбросами, фрагментами, следами или остатками сооружений открывают путь палеоэтнологии. Между тем именно последняя является конечной целью работы археолога. Достигнутые результаты дополняются данными, полученными путем анализа биоклиматической среды и топографических особенностей стоянки. Если по каким-то причинам стратиграфия нарушилась, те же самые наблюдения могут установить причину случившегося. Это самое важное и, может быть, наименее соблюдаемое требование при археологических раскопках.

Стратиграфию, к сожалению, соблюдают совсем не всегда. Правильное определение последовательного расположения отложений основывается на простом порядке напластований, однако множество факторов осложняет и искажает этот порядок. Так, существует множество соотносящихся стратиграфических уровней — пласты, слои, серии; серии являются либо сплошными, либо нет и т. д. Понятно, что сама находка и слой свидетельствуют тем доказательнее, чем точнее удалось с самого начала расположить их в точно установленной стратиграфии.

Наконец, некоторые находки с одной стоянки, из одного слоя относятся к определенному типу, например керамические изделия. В таком случае следует рассматривать совокупность всех керамических фрагментов стоянки и совокупность особенностей (технологических, морфологических, эстетических, функциональных) этих керамических изделий: сырье, способы изготовления, уровень мастерства и т. д. Вот почему археология должна фиксировать все находки или по крайней мере делать репрезентативный отбор образцов; нельзя отбирать лучшие или более интересные из них, поскольку речь идет об их совокупности.

После такого обязательного и полного изучения каждой стоянки наступает второй этап — этап исторической реконструкции. Предметы материальной культуры и прочий материал данной стоянки сравнивается с находками из других стоянок. Только правильный анализ материала, его распространения, его датировок может сделать плодотворным такое сравнение. Затем можно попытаться

определить «археологические культуры», установить район их распространения и систему датировок, проследить влияние извне, разработать типологию находок и интерпретировать ее, проанализировать развитие технических навыков и т. д. Этот этап предполагает соблюдение столь же строгих правил, как и при ведении раскопок. Здесь необходимо сочетание материальных доказательств и обоснованного этносоциологического размышления. К сожалению, реконструкция истории на базе археологии очень часто пренебрежительно относится к этому этапу и показывает себя до странности склонной к необоснованным предположениям.

Данные смежных дисциплин как источники

Этнология, социология, антропология. Историческим источником может также служить то, что в социальной и культурной жизни человеческой группы указывает на ее предшествующее состояние. Этот метод не совсем удобен, если стремиться получить точные свидетельства. Здесь материал не так легко выделить и разграничить, как в других источниках. Примеров использования такого материала немного, из них два заслуживают особого внимания. М. Глюкман и Ж. Баланжье, изучая изменения, происшедшие в некоторых колониальных обществах, были вынуждены исследовать социально-экономические структуры, существовавшие здесь в доколониальное время. Выяснилось, что характерная для колониального общества трансформация социально-экономических структур обуславливалась воздействием доколониальных структур. Отметим также, что среди увезенных в Америку черных рабов и их потомков иногда долго сохранялись элементы африканских культур.

Более или менее недавние данные этнологии и социологии нельзя безусловно проецировать на прошлое, ссылаясь на «застойность африканских обществ». Правомочность такого метода нужно еще доказать. Тем не менее эти данные помогают лучше понять древние письменные источники, которые оказываются, таким образом, более информативными в отношении социальной организации и культуры изучаемых обществ. Они помогают также успешнее интерпретировать устную историческую традицию.

«Историко-культурные» и «диффузионистские» теории в немецкой и американской науке предлагали другой способ исторических реконструкций. По мнению их создателей, анализ распространения культурных особенностей, их сходных черт, их повторяемости, давал основание для реконструкции культурных ареалов. Так определялись «цивилизации», прослеживались обмены, заимствования, «диффузии». Подобные реконструкции в большинстве своем выглядят неубедительными и являются весьма мало познавательными. Действительно, «конвергенция» (независимое происхождение того или иного элемента культуры) способна объяснить появление множества сходных черт, культурные же заимствования идут слишком разнообразными путями, а рассмотрение сходных

черт привлекает чрезмерное внимание к внешним влияниям, заставляя упускать из виду как факторы внутреннего развития, так и внутренние условия, необходимые для заимствования. В этой области наиболее плодотворными и действительно обоснованными являются взгляды этнологов-неафриканистов, например А. Леруа-Гурана, о «логике» появления технических и эстетических достижений и об условиях, способствующих изобретениям, их заимствованию и распространению.

Лингвистика, ботаника, физическая антропология. Некоторые материалы могут относиться к той или другой из уже указанных категорий источников, но использовать их можно, лишь привлекая на помощь специальные науки. Для извлечения сведений из данных лингвистики, ботаники, физической антропологии необходимо применять соответствующую методику. Так, специалист в соответствующей области указывает историку, исходя из доводов, которые входят в его компетенцию, на особенности природы данного вида источника и на возможности их интерпретации в зависимости от изменения их характера. Затем историк и его коллега могут попытаться сообща поместить полученные данные в исторический контекст, если это возможно благодаря данным других источников. Но здесь перед историком также стоит опасность поддаться предвзятым мнениям и заранее «заложным» оценкам.

Часть II
ИСТОРИЯ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

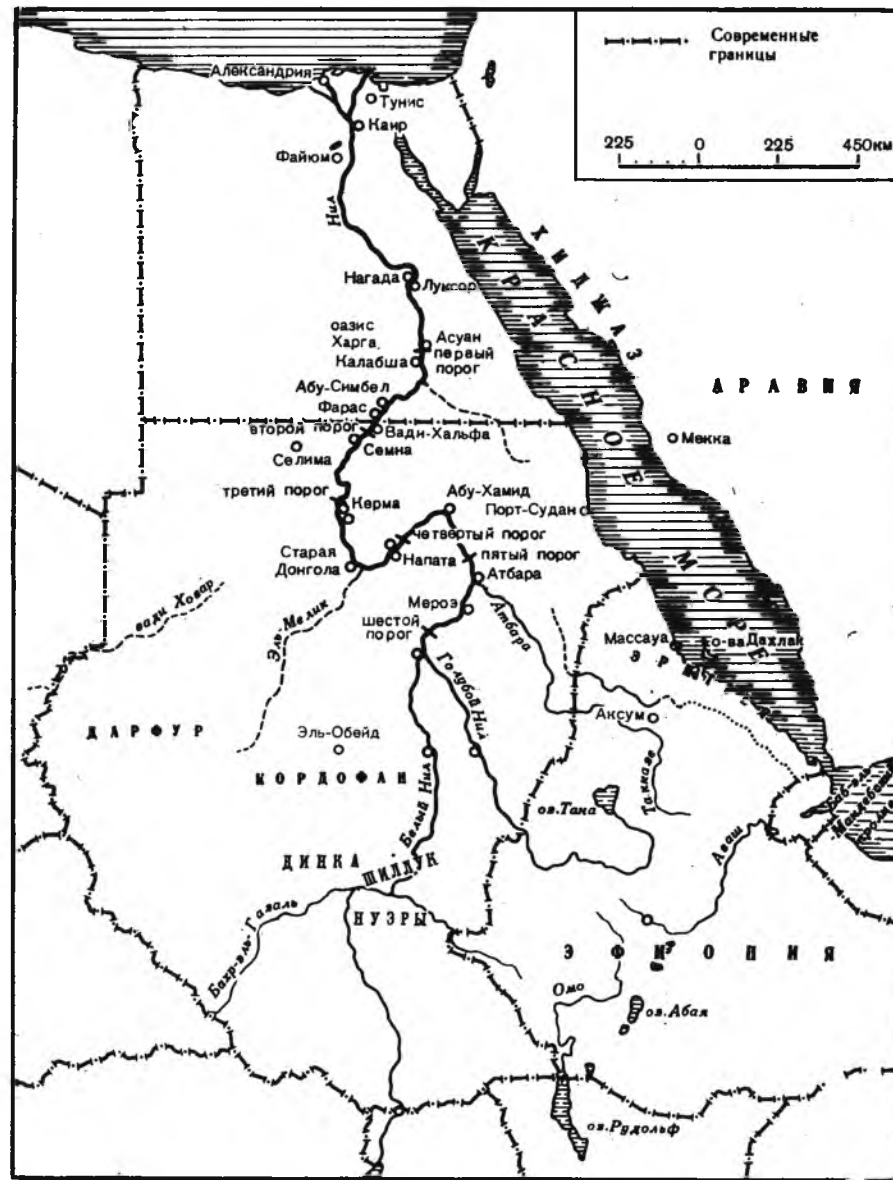
Глава I
НУБИЯ И ЭФИОПИЯ ОТ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА
до XII в. н. э.

Нубия и Нилотский Судан

Значение прошлого Нубии и Судана было признано только в самые последние годы. Прежде история этих стран рассматривалась лишь в связи с историей Египта. Археологов не слишком привлекали эти труднодоступные районы с неблагоприятными климатическими условиями, тогда как в Египте постоянно происходили сенсационные открытия.

В прошлом веке выше первого порога Нубию посещали лишь путешественники, рассказы которых, имеющие, впрочем, исключительное значение, долгое время оставались почти единственным источником сведений об этой стране. В 1884 г. Нубию тщательно исследовала экспедиция, возглавлявшаяся немецким египтологом Р. Лепсиусом — подлинным основателем мероитской археологии. После длительного перерыва, вызванного восстанием махдистов (1885—1898), строительство Асуанской плотины в начале нашего века обусловило необходимость систематического исследования Нижней Нубии, которой грозило затопление. В это время проводились разведка и отдельные раскопки (в Караногге и Арейке). Возведение плотины в 1929 г. дало повод ко второму обследованию. Начиная с 1956 г. угроза полного затопления района долины Нила на протяжении 500 км под водами Верхней Асуанской плотины вызвала настоящий археологический шторм Нубии: экспедиции более чем из 20 стран на протяжении многих лет вели там систематические раскопки и получили материал, изучение и публикация которого потребуют длительного времени.

Выше второго порога долина Нила и прилегающие районы пустыни долгое время оставались зоной «археологического безмолвия», настолько был затруднен к ним доступ. Еще дальше к югу, в Мероэ, начиная с 1909 г. проводил ограниченные раскопки Гарстанг. Вторым основателем суданской археологии был американец Г. Рейснер, который с 1916 по 1923 г. во главе внушительной экспедиции, организованной на средства Гарвардского университета и Бостонского музея, занимался раскопками громадных некропо-

Нубия, Судан, Эфиопия

лей мероитского царства в окрестностях Напаты и Мероэ. Однако подробных публикаций об этих раскопках пришлось ждать почти полвека.

В это же время дешифровщик мероитских надписей Ф. Гриффитс исследовал некоторые стоянки вдоль Нила. Но только после

1945 г., с развитием Службы древностей Судана (которую последовательно возглавляли А. Аркелл, П. Шинни, Ж. Веркуттер и Табит Хасан Табит), удалось добиться значительных результатов. Были зафиксированы стоянки, предприняты раскопки (в Солебе, Седейнге, Арго, Муссарварте, Наге). Конечно, многое еще предстоит сделать: к югу от Хартума до сих пор не проводилось никаких исследований; потребуется обследовать районы Белого Нила и Голубого Нила, пустыни и саванны, идущие в сторону Красного моря и эфиопских границ, а также в западном направлении; необходимы разведывательные работы большого масштаба в Кордофане и в Дарфуре. Но уже сейчас археология Судана, которая долго являлась своего рода падчерицей египтологии, начала поставлять материалы для воссоздания одной из наиболее значительных глав истории Африки.

Нил, саванна и пустыни: географические рамки цивилизаций Судана и Нубии. Для Судана и Нубии, как и для Египта, Нил является источником всей жизни и важнейшим путем сообщения. Выйдя из болот Судана, Белый Нил становится многоводным в районе Хартума благодаря слиянию с Голубым Нилом, который по широкой излучине приносит в него воды с плоскогорий Эфиопии. После полосы саванн начинается степь, простирающаяся несколько севернее района слияния Нила и р. Атбары. Среднегодовая температура достигает здесь 28,5°; в течение влажного сезона (июнь — август) выпадает 80 мм осадков, тогда как с ноября по апрель стоит почти полная засуха; поверхностные воды встречаются сравнительно редко, но дожди довольно обильны; трава растет лишь в дождливый сезон, но кустарников много. Отсюда Нил начинает свой «героический путь», встречая на широкой платформе нубийских песчаников кристаллические породные уступы, через которые ему приходится прокладывать себе путь (шестой и пятый пороги).

Вступая в одну из самых жарких зон на земном шаре, после Абу Хамеда, Нил, не получая никаких притоков, преодолевает огромные пороги, где на протяжении десятков километров водовороты стараются просверлить скальные препятствия; описывая две огромные дуги, Нил прорывается между дюнами рыжевато-песка и вычерченными солнцем горами. Время от времени тут встречаются оазисы из пальмовых рощ и возделываемых полей, как, например, области Донголы и Кермы.

Отсюда начинаются Верхняя Нубия и область второго порога, протянувшаяся на добрую сотню километров: это Батн эль-Хагар («Каменное брюхо») с его скалистыми нагромождениями, напоминающими лунный пейзаж. Среднемесячные температуры в этой области колеблются между 32° (июнь) и 15° (январь); дни жаркие, а ночи очень холодные, дождей выпадает мало. Начиная от Вади-Хальфы на протяжении почти 350 км река растягивается между холмами Нижней Нубии, пересекая тропик Рака недалеко от первого порога — ворот Египта.

К западу от долины Нила (южнее 16° северной широты) тя-

нутся нило-чадские саванны, рельеф которых достаточно разнообразен; на крайнем западе, в Дарфуре, гора Марра достигает 3 тыс. м. Далее к северу простираются громадные пространства Ливийской пустыни, доходящие до склонов нагорья Эннеди в Центральной Сахаре. Параллельно долине Нила к югу от оазиса Харга тянется цепочка оазисов, еще и сегодня образующая торговый путь вплоть до Дарфура.

По другую сторону реки в пустыне с суровым климатом встречаются высокие горы, превышающие иногда 2 тыс. м. Эту преграду, отделяющую долину Нила от Красного моря, пересекают лишь несколько больших уэдов. Вблизи от Кассалы р. Гаш, текущая вниз с эфиопских плато, образует расширение, в районе которого водится множество диких животных; египтяне смогли познакомиться здесь со многими их видами (например, с бабуинами).

Доисторический период Судана и Нубии. Вопрос о климатических изменениях, затронувших Восточную Сахару в доисторическое время, все еще дискуссионен. Пустыни, ныне заключающие Нил в свои суровые объятия, в то время были населены. На наскальных рисунках, обнаруженных в многочисленных местах вдоль всей долины реки, от третьего порога до местности к северу от Асуана, изображены слоны, жирафы, страусы, бесчисленные стада газелей и антилоп, а также стада скота — и все это в ныне пустынных районах. Во время похода центурионов Нерона (около 60 г. н. э.) там, по словам Плиния, еще встречались леса. Известен ряд стоянок, относящихся к древним фазам палеолита: в районе Вади-Хальфы, близ впадения в Нил р. Атбары и в районе слияния Голубого и Белого Нила. Самая южная стоянка, Вади-Афу (к югу от Хартума), относится к позднему ашелю. Культура леваллуа была отмечена во многих местах в Нубии, а также в оазисе Харга; что касается культур эпилеваллуа себильского типа, то они обнаружены близ Вади-Хальфы, между Донголой и четвертым порогом, от слияния р. Атбары до шестого порога, а также в Саусаребе (на р. Атбаре). Черты сходства с культурами Восточной Африки проявляются в культуре тумба в области Вади-Хальфы и в Хор Абу Анга, где был зафиксирован лупембский слой. Череп, найденный в Синге (в 300 км к югу от Хартума на Голубом Ниле), датируется средним палеолитом и обнаруживает сходство с протобушменскими черепами в Южной Африке; в Нубии обнаружены многочисленные человеческие останки.

Культуры эпохи перехода от палеолита к неолиту также представлены в этой зоне. Наиболее изученной из них является стоянка Ранний Хартум. Климат имел тогда явно выраженный влажный характер: во время половодья Нил поднимался на десять метров выше, чем сегодня. Население охотилось на камышовых крыс и антилоп, занималось рыболовством. Это были негроиды: были обнаружены их захоронения с костяками в вытянутом положении.

В эпоху неолита наблюдается поразительный расцвет гончарного производства, в котором следует выделить несколько этапов.

В зоне второго порога помимо стоянки в Абке, относящейся к капсийской традиции, прибавились другие стоянки. В Шахейнабе, несколько севернее Хартума, глиняная посуда украшена грубым пунктирным орнаментом, образующим волнистые линии и различные геометрические узоры; венчик сосудов также часто украшен рисунком. Эта стоянка датируется периодом 4000—3000 г. до н. э., она существовала в условиях более сухого климата. Костяные гарпуны и рыболовные крючки из раковин все еще свидетельствуют об охоте и рыболовстве, но уже отмечается наличие домашних животных, карликовых коз, какие и ныне имеются в Южном Судане. К сожалению, не найдено ни одного захоронения, никаких человеческих останков. Многочисленные неолитические погребения были обнаружены в окрестностях Вади-Хальфы.

«Группа А» и Древнее царство Египта. Эти неолитические культуры на заре исторической эры (3000 г. до н. э.) породили комплекс культур, известных в Нубии под названием «группа А». Это обозначение пока что продолжает оставаться удобным в употреблении: благодаря его неопределенности исчезает необходимость обращения к терминологии египетской археологии или к рискованным этническим идентификациям. Вместе с тем, если и нет оснований предполагать появление здесь в этот период новых групп населения, то связи с египетской бадарийской культурой очевидны. Так, были обнаружены культуры «группы А» (Сайала, о-в Шагир), но материал по-прежнему идет лишь из захоронений. Глиняная посуда прекрасного качества; широко распространены красные сосуды с черным краем, которые были характерны и для нагадской культуры Верхнего Египта; выделяются конические сосуды из тонкой глины, украшенные геометрическим рисунком, имитирующим иногда плетеные изделия. Разнообразие материалов, форм и украшений свидетельствует о высокой степени мастерства, которого достигли в то время нубийские гончары. Тем не менее становятся довольно многочисленными различные предметы из Египта — сосуды и медное оружие.

Еще в самом начале своей истории Египет обращается к югу. Первоначальная граница проходила в Гебель-Сильсиле, причем первый ном Верхнего Египта в течение всей истории Египта продолжал носить название «Нубия». Именно к этой области может относиться табличка царя Хор-Аха, наследника Нармера. Но уже в правление следующего правителя, Джера, сцена, выбитая на скале в Гебель-Шейх-Солеймане (выше Бухена), изображает побежденных нубийцев рядом с лодкой. В период Древнего царства попытки продвижения египтян на юг предпринимались весьма редко. Начиная с царствования Снофру (начало IV династии) отношения между Египтом и ближайшими странами к югу от него оживляются. Разрабатываются карьеры к западу от Тошке для изготовления больших статуй фараонов (например, Хеопса). Проникновение египтян было значительным, что позволило им обосноваться в Бухене, заведя там литейную мастерскую.

В течение этого времени собственно нубийская культура бед-

неет. Специалисты сомневаются даже в правомерности выделения культур «группы В», которую принято считать конечной фазой «группы А». Тем не менее сопротивление, оказываемое Египту, возрастает по мере приближения конца Древнего царства.

Контакты между нубийцами и египтянами можно проследить по надгробным надписям номархов Асуана, которые контролировали торговлю с югом и снаряжали торговые экспедиции. С юга шли караваны, груженные слоновой костью и черным деревом, драгоценными камнями и притираниями, а также экзотическими шкурами пантер и страусовыми перьями. Сравнение этих полуторговых, полувоенных маршрутов позволяет составить географию тогдашней Нубии: к югу от Асуана находился Вават, затем Иртет (от Дакки до Томаса), затем Сатжу вплоть до второго порога. Еще дальше к югу располагалась страна Иам, попытки локализации которой породили множество гипотез: почему бы не поместить ее в котловине Донголы, где в течение тысячелетий Керма играла главенствующую роль? Именно над ней нависла главная опасность со стороны племен темеху из Ливийской пустыни, как нам об этом сообщает номарх Хирхуф³¹, предпринявший третий африканский поход. Этот неутомимый человек организовал и четвертый поход, за который он удостоился личного письма от самого фараона Пиопи II: если Хирхуф доставит ко двору целым и невредимым карлика-танцовщика (т. е. пигмея), то будет щедро вознагражден. Ибо, говорится в тексте, выбитом на передней стене гробницы Хирхуфа в Асуане, «Мое величество сильнее желает видеть этого карлика, нежели дары Синая или Пунта».

С давних пор египтяне отправлялись далеко на юг за ладаном, который широко употреблялся при совершении всех обрядов. Следует ли помещать Пунт, страну ладана, на берегах Красного моря, в Южной Аравии или в Сомали? Отметим, однако, что в Фазоглу и в Северной Эфиопии также растет дерево *Boswellia*, которое выделяет смолистую камедь лучшего ладана. На Палермском камне фараон Сахура (V династия) говорит, что он привозил ладан из Пунта; именно из Пунта Урджеджа доставил ко двору, в правление фараона Исеси, пигмея. Позднее, при Пиопи II, бедуины убили на северном берегу Красного моря египетского чиновника, который руководил постройкой корабля для плавания в Пунт. А надпись на гробнице Ху в Асуане говорит, что один из слуг одиннадцать раз сопровождал своего господина в Пунт. Несмотря на все эти свидетельства, местонахождение Пунт, страны редких благоволий, «земли бога», все еще остается неустановленным³².

Две нубийские культуры: «группа С» и Керма. Ослабление Египта в конце Древнего царства и анархия первого переходного периода привели к уменьшению египетского влияния. Именно тогда (около 2300 г. до н. э.) в Нижней Нубии утверждается культура «группы С», которая оставалась господствующей местной культурой вплоть до присоединения страны к Египту в начале Нового царства (около 1580 г. до н. э.).

Найдено немного остатков жилищ культуры «группы С» (постройки из камня овальной формы), зато хорошо изучены погребения. Вначале они были довольно простыми (захоронение было отмечено на земле лишь кругом, выложенным из камней), что, возможно, соответствовало обычаям кочевников. Затем погребения становятся сложнее: круглые, иногда слегка овальные могильные ямы выложены из высушенного на солнце кирпича, рядом с костяком, нередко завернутым в звериную шкуру, разложены амулеты, украшения (многочисленные раковины с Красного моря), иногда оружие (кинжал с широким клинком). Сосуды с приношениями поставлены снаружи, с восточной стороны, где иногда находится святилище и ниша для отправления культа. Наряду с мисками и чашами красного цвета и с черным венчиком, которые были восприняты от культуры «группы А», появляется очень красивая глиняная посуда (полусферические миски, вазы на ножках) с весьма разнообразными геометрическими орнаментами, выполненными насечкой (ромбы, разнообразные шашечки, сферические фигуры); насечка часто подчеркивается полоской белой глины. Иногда какая-то часть орнамента напоминает натуралистические изображения, например вереницу быков. Замечательны черепки домашних животных, порой украшенные разноцветными рисунками, которые в ритуальных целях помещали рядом с погребением; случалось, что форму одного из рогов специально изменяли. «Группа С» относится к скотоводческим культурам, многочисленные наскальные рисунки изображают стада скота с деформированными рогами и подвесками на шее, что свидетельствует о сахарском происхождении этих культур. Привозные египетские предметы встречаются редко.

Скальные пустыни у второго порога были границей распространения другой культуры, центр которой находился в котловине Донголы, в Керме. Археолог Г. Рейснер считал Керму чем-то вроде египетского аванпоста, выдвинутого далеко на юг, но она, скорее, была центром независимого царства, которое в египетских источниках называется Куш. С археологической точки зрения культура Кермы, будучи типично нубийской, представляется весьма родственной культуре «группы С». Однако погребальные обычаи свидетельствуют о ее оригинальности: повелителей хоронили в гробницах, верхняя часть которых имеет форму приплюснутого большого кургана; число человеческих жертвоприношений достигало 300. Роскошь захоронений и обилие привозных египетских изделий (прекрасные статуи, алебастровые вазы) показывают, что Керма имела тесные отношения с Египтом. Некоторые специалисты считали даже, что речь идет о египетской колонии.

Как только фиванские правители одержали верх над соперничавшими с ними номархами и восстановили сильную власть фараонов (XI—XII династии, около 2000 г. до н. э.), они снова начали экспансию в южном направлении. Египетские надписи XI династии встречаются даже недалеко от Бухена. Аменемхет I, затем Сесострис I прославляли себя в битвах; самое древнее упоминание Куша относится к 18-му году правления Сесостриса I, который дове-

рил номарху Асуана, Саренпуту, контроль за пограничной торговлей. После него Сесострис III (1887—1850 гг. до н. э.) несколько раз одерживал победы над нубийцами; позднее он сделался богом-покровителем завоеванной Нубии.

Племена «группы С», несомненно, оказывали сопротивление этой экспансионистской политике. Южная граница Египта проходила в центре второго порога. Икен (Миргиса) служил рынком, где производились торговые сделки и дальше которого не могли заходить нубийцы (нехеси). Об этом говорит гордое заявление Сесостриса III на его пограничной стеле в Семне:

«Южная граница установлена в 8 году, чтобы помешать кому-либо из людей нехеси, идущих на север, пересекать ее, будь то по земле или в лодке, и не пропускать ни одного стада нехеси, за исключением того случая, когда какой-либо нехеси приходит торговать в Икен... при этом всем лодкам нехеси навсегда запрещается спускаться вниз по реке за пределы Хеха (Семне)» (стела Берлинского музея 14753).

В Нижней Нубии располагалась сеть египетских крепостей. Через второй порог протянулась крупнейшая оборонительная линия с цепью укреплений, установленных в пределах видимости одно от другого: Бухен, Миргиса, Саррас, Аскуп, Шалфак, Уронарти; наконец, в самом узком месте Нила, на его западном берегу, стояла Семна, а на восточном — Кумма.

С началом второго переходного периода власть фараонов была вновь поколеблена. Однако в освободившейся Нубии египетская культура не исчезла. Тесные контакты между Нубией и Египтом существовали вплоть до XVII династии. Именно к этому периоду, безусловно, следует отнести процесс быстрого «окультуривания» Египтом «группы С». Ведется деятельная торговля с гиксосами, завоевателями, пришедшими из Азии и занявшими Дельту. Повелители Кермы, которые распространили свою власть на Нижнюю Нубию, держат у себя на службе в Бухене египтян. В свою очередь, Египет набирает в Нубии наемников, маджаи.

Египетское государство в Африке: колонизация фараонами страны Куш. Когда правители Фив начинают борьбу за освобождение от гиксосов и Камос готовится к наступлению на их столицу Аварис, повелитель гиксосов Апофис направляет письмо своему союзнику, повелителю Куша, по случаю его восхождения на престол; он предлагает ему наступать на Верхний Египет. Камосу, а затем Яхмосу удается изгнать гиксосов из Египта. Это — начало Нового царства, период экспансии Египта.

Одновременно с продвижением в Сирии и по Евфрату египтяне приступают к завоеванию Нубии. Куш быстро покорен и присоединен к Египетскому царству. Маршруты «мореплавателя» Ахмеса, сына Абаны (надгробная надпись в Эль-Кабе), знаменуют собой этапы завоевания. Фараон Яхмос достигает Бухена. Тутмосу I удается перейти за третий порог; ворота в котловину Донголы открыты, сопротивление Кермы сломлено. В Томбосе возведена

крепость, названная с вызовом: «Никто не осмеливается смотреть [на фараона] среди Девяти объединенных Луков». В гробнице Ине-фи изображения пленников показывают нубийцев. Возможно, начиная с этого момента египтяне продвинулись прямо через пустыню до Кургуса, к югу от Абу Хамеда. Таким образом, на своих южных границах — впервые за всю историю — они действительно достигли Черной Африки.

Тутмос III (1504—1450 гг. до н. э.) на сорок седьмом году жизни (приблизительно 1457 г. до н. э.) приносит жертву Амону-Ра у подножия Гебель-Баркала (ниже четвертого порога, на месте, где впоследствии возникла знаменитая Напата). Он заявляет, что отодвинул границу вплоть до «рога Земли». Напата стала передовым постом египетской державы; за ее пределами, выше по течению Нила, не было обнаружено ни одного достоверного следа Нового царства. Со своей крепостью и своими храмами она была тем местом, где собирались, прежде чем вступить в Египетское царство, караваны, прибывшие из Африки.

Во времена XVIII и XIX династий фараоны часто изображают свои победы над врагами с юга; названия многочисленных африканских племен включены в географические списки. Аменофис II пишет своему наместнику в Нубии: «Не доверяйся нубийцам, а остерегайся их людей и их магии». В Луксорском храме среди прочих изображений можно видеть жирных быков, которых тащат на жертвоприношение, причем между их рогами помещены головы негров: жертвенное животное отождествлялось с «врагом».

Изображение чернокожих в египетской живописи становится обычным делом: в гробнице наместника фараона Хеви (современника Тутанхамона) мы видим нарисованное яркими красками величественное шествие: блюда, нагруженные золотыми кольцами, несут негры, один шоколадного, другие медного оттенка, за ними на привязи следует жирафа; на повозке, запряженной быками, под зонтиком, этим преимущественно африканским символом власти и достоинства, укрывается принцесса. На одном рельефе в храме в Бейт эль-Вали художник изобразил нубийскую деревню под пальмами; это набег, египтяне захватывают детей, женщина горюет перед своей хижиной. В конечном счете «презренный Куш» остается объектом систематических насмешек — есть ли более жестокое изображение, чем то, что сделано на стеле Аменофиса III: четверо нубийцев посажены на спину одной из лошадей, влекущих колесницу, они тесно зажаты между вожжами, которые твердо держит в руках царь. Правда, в том же положении симметрично изображены азиаты, но самая унижительная поза отведена одному чернокожему, который стоит на коленях под поднятым хвостом лошади. Более того, ряды отрезанных годов пленников-нубийцев тянутся у основания статуй фараонов, по бортам царских судов или по нижнему краю колесницы фараона; на тростях Тутанхамона головы негров влачатся в пыли.

Нубией управлял специальный сановник, «царский сын Куша», названный так из-за широты его действительно царских полномо-

чий; это — «начальник даней Нубии, тот, кто наполняет сокровищницу электроном» (т. е. сплавом золота с серебром.— *Отв. ред.*).

Одним из главных управлений было управление золотодобычи, где на многочисленных рудниках (например, в Вади-Аллаки) в ужасных условиях трудились рабы; недаром говорилось: «Если я лгу, пусть отрежут мне нос и уши или пусть меня отправят в Куш». Изображения на храмах и гробницах высших чиновников Нового царства широко воспроизводят сцену приношения даней из Куша. Нубия «дает» Египту золото, слоновую кость, древесину и благовония, шкуры пантер, перья и яйца страусов, обезьян и жираф, стада скота. Как видно, дани составлялись из товаров, прибывавших издалека, из глубинных областей Африки.

Сведения о берегах Красного моря мы получаем из рельефов в Дейр эль-Бахари: рыбы, пальмы, обезьяны и жирафы, хижинки на сваях и даже царица с ярко выраженной стеатопигией. В течение всего Нового царства, от Тутмоса III до Аменофиса II, свидетельства о торговле с Пунтом становятся все более многочисленными; затем в период от Хоремхеба до Рамсеса III люди из Пунта сами прибывают в Египет. Судя по изображениям, это не чернокожие, у них хамитский облик, они носят бородку³³.

Но вернемся к египтянам Нубии. Печатающе развалины Солеба, большого праздничного храма, воздвигнутого к северу от третьего порога Аменофисом III (1408—1371 гг. до н. э.) и предназначенного для совместного культа Амона — главного бога Фив и самого обожествленного фараона. Другой храм, в 15 км севернее, в Седейнге, был посвящен богине Тие, супруге Аменофиса III. В Абу Симбеле мужской и женский храмы (Храм царицы), расположенные недалеко друг от друга, выстроил позднее Рамсес II (1290—1224 гг. до н. э.). В глубине большого храма стоят четыре статуи — Птаха, Амона-Ра, обожествленного Рамсеса II и Ра-Хорахти; четыре колосса, украшающие фасад, свидетельствуют всему миру о могуществе своего господина. Это самый знаменитый из серии полускальных храмов, которые освятил Рамсес II, утвердив тем самым окончательное овладение Нубией.

За этой демонстрацией мощи завоевателей трудно, конечно, рассмотреть местную жизнь; однако нубийцы, должно быть, сохранили свои обычаи, поскольку гораздо позднее они вновь вошли в силу. И тем не менее процесс египтизации оставался постоянным. Местных правителей, носящих египетские имена, отныне погребают по египетскому обычаю: в Восточной Дебейре гробница Джехутихотепа, правителя Техета, украшена прекрасной росписью; по другую сторону реки его брат Аменемхет покоился в пирамиде со стелой из серого гранита с превосходными рисунками; дальше к северу, в Тошке, Хеканефер, правитель Миама, также захоронен в гробнице, украшенной тщательно выполненными иероглифами.

Нубийское простонародье представляло собой источник рабочей силы: рабы, всевозможные рабочие, воины. Некоторые нубийцы имели благодаря службе в войске возможность подниматься до высоких должностей: в условиях смутного времени конца Нового

царства нубийские отряды являлись фактором, оказывавшим сильное давление на внутреннюю политику Египта.

Создается, однако, впечатление, что в течение Нового царства страна беднеет, возможно, из-за падения уровня Нила, вызванного уменьшением количества осадков. Когда после конца XX династии (около 1085 г. до н. э.) в Египте наступает третий переходный период, связь между Африкой и средиземноморским миром прерывается, как кажется, на три века.

Суданское владычество в Египте: XXV «эфиопская» династия. Пробуждение наступило в середине VIII в. до н. э. Один из самых известных египетских текстов записан фараоном Пианхи на большой стеле, воздвигнутой в Напате. Стела датирована 21-м годом его правления, т. е. 730 г. до н. э.

Раскопки, произведенные Рейснером в некрополе в Курру, познакомили нас с периодом, предшествующим этому возрождению сильной власти в Нубии. Одно время предполагалось, что в это время в Напате было установлено теократическое правление фиванского образца. На деле это была местная династия, основанная, очевидно, преемниками прежних правителей Кермы. Первые монархи, чьи имена до нас не дошли, захоронены в земле; затем уже появляются гробницы. Начиная с правления Кашты нубийцы заняли, по крайней мере частично, Верхний Египет. Его картуши на египетский манер находятся на стеле, обнаруженной на Элефантине. Именно из Верхнего Египта войска Пианхи выступают против ливийских династий. В Фивах в то время утвердилась в качестве великой жрицы дочь Кашты, Аменердис. В 716 г. до н. э. на престоле фараонов воцаряется Шабака, брат Пианхи; подчинив кушитской державе всю долину Нила вплоть до Дельты, он якобы даже сожег Бокхориса, царька Саиса, оказавшего ему сопротивление. Составители таблицы египетских династий считают его основателем XXV династии, которую называют «эфиопской». После Шабаки (716—701 гг. до н. э.) власть переходит к сыну Пианхи по имени Шабатака (701—690 гг. до н. э.). Ему наследует его брат, прославленный Тахарка (690—664 гг. до н. э.). Гробница с изображением элементов его титулатуры была обнаружена в Седейнге. Из всех фараонов «эфиопской» династии только его имя засвидетельствовано в поселениях Нижней Нубии.

Последним монархом этой династии был сын Шабатаки по имени Танутамон (664—654 гг. до н. э.). Порядок наследования у кушитов (от брата к брату, от дяди к племяннику) был отличен от обычной передачи власти у фараонов; как будет отмечено, ономастика тоже является нубийской.

И тем не менее эти «египтизированные варвары» постоянно стремились представить себя настоящими египтянами. Стиль их памятников типичен для фараонов. Их надписи — чисто египетские с чертами наиболее классической традиции. Конечно, в изображениях иногда проступают черты, характерные для скотоводов-хамитов, без сомнения с примесью негритянской крови: тяжелый нос, выступающие скулы. Их выдает также наличие непривычных ук-

рашений: голову барана — священного животного Амона — они украшают серьгами или подвесками ожерелий; сами они охотно носят нечто вроде шапочки, плотно облегающей затылок и закрывающей с одной стороны висок; ее поддерживает плотная повязка, падающая двумя концами на спину. Тем не менее общим видом, одеждой, позами «эфиопские» монархи подражали фараонам Египта.

В Фивах в их свите никогда не присутствуют матери, жены, сестры и двоюродные сестры, но на стенах храмов и стелах Напаты они занимают значительное место. Недаром после целого ряда «чудес», в том числе знаменитого ливня шестого года правления Тахарки, он с большой помпой призвал свою мать Абале. В столице Верхнего Египта рядом с кушитскими фараонами выступают великие жрицы — принцессы, обреченные на девственность, супруги, предназначенные одному богу Амону.

Во время XXV династии в Египте разыгрывалась одна из великих драм истории Древнего Востока: столкновение Азии и Африки. Вспомним, что в Библии звучат имена Шабаки или Тахарки и чувствуется ужас перед чернокожими воинами из страны Куш. В конечном счете Египет пал под натиском Ашшурбанапала, который в 663 г. до н. э. завоевал Фивы. Поскольку освобождение страны от ассирийцев и ее объединение было завершено Псамметихом, одним из правителей Дельты в области Саис, отныне Египет окончательно обращается в сторону Средиземного моря.

Кушитское царство: Напата и Мероэ. Напротив, к югу от Египта, в течение тысячелетия самостоятельно развивалось государство, становившееся отныне все более африканским, — Кушитское царство. Его столицей сначала становится Напата, у подножия священной горы Гебель-Баркал. Затем, в VI в. до н. э., ее переносят гораздо южнее, в Мероэ. Тем не менее некрополи в Гебель-Баркале будут использоваться вплоть до начала III в. до н. э. С точки зрения традиционной египтологии этот период — начало длительного упадка, в течение которого якобы исчезают следы египетских влияний. В действительности же эта культура, сохранившая многие египетские черты, вступила в самое непосредственное соприкосновение с остальной Африкой.

В правление ближайших преемников фараонов XXV династии египетские обычаи все еще остаются живыми. Тексты и изображения классического стиля фараонов украшают могилы Атланерса, Сенкаманисена, Анламани и Аспелты (593—588 гг. до н. э.); на их тяжеловесных гранитных саркофагах в сжатом виде иероглифами повторяются заупокойные египетские тексты.

Затем, в 525 г. до н. э., в Египте появляются персы. Камбиз не смог перейти через Батн эль-Хагар и вынужден был отступить, понеся тяжелые потери. Тем не менее впоследствии в войсках Дария и Ксеркса были нубийские отряды. Упоминаются также подношения персам в виде золота, черного дерева, бивней слонов.

Надписи, восходящие к царям Напаты Аман-нете-иерике, Горсиотефу, Настесену, делаются на все более испорченном египет-

ском языке. Они принимают форму хроник, сообщают об «избрании» царя из числа «царских братьев» волею бога Амона. Новый монарх совершает паломничество к традиционным святыням в Напате, Тере, Гематоне (Кава) и Пнубсе (на о-ве Арго). Благочестивые пожертвования для храмов эти набожные цари чередуют с военными кампаниями против кочевников с Востока и Запада. Так, Настесен в ходе кампании против страны «Иррс» к северу от р. Атбары захватывает 202 120 голов крупного и 505 200 голов мелкого скота. Некоторые упоминаемые в надписях этносы, безусловно, следует искать в нило-чадской саванне. Центр государства переместился к югу, поскольку степи давали гораздо больше возможностей, нежели пустыни Напаты. Скотоводство здесь дополнялось земледелием. Поблизости от крупных поселений были вырыты большие водоемы для орошения (*хафиры*). Торговля, должно быть, процветала: Мероэ представлял собой удобный перекресток на караванных путях между Красным морем, Верхним Нилом и районами оз. Чад. Главное, однако, было в том, что относительное изобилие дерева обеспечивало необходимое топливо для обработки железной руды, запасы которой имелись в нубийском песчанике. Громадные скопления шлака в Мероэ свидетельствуют о значительном размахе железной металлургии: Мероэ называли «Бирмингэмом Африки».

В середине III в. до н. э. Диодор Сицилийский упоминал о могучем правителе Эргамене. Специалисты дискутируют, какого из трех мероитских царей — Аркакамани, Аркамоне или Арнекамани — следует отождествить с этим именем. Воспитанный на эллинской культуре, он якобы противился опеке жрецов. Начиная с этого времени правители воздвигают пирамиды в самом Мероэ. Царь Куша вместе с Птолемеем IV освящает храмы в Филе и в Дакке. Египетское влияние, несомненно, прослеживается в храме Льва, воздвигнутом в Муссаварат эс-Суфре царем Арнекамани; местным богам посвящают гимны, написанные в стиле птолемеевского Египта.

В правление Шанакдакеты появляются самые древние датированные памятники мероитской письменности, использовавшей египетские иероглифы, но отличавшейся скорописью, часто очень беглой. Впрочем, язык и его графическая система полностью отличаются от египетских. Знаки соответствуют 23 буквам, которые в отличие от египетского и от большинства семитских языков обозначают также и некоторые гласные; слова обычно отделены друг от друга группой из двух точек. В 1909—1911 гг. английский исследователь Гриффитс нашел ключ к расшифровке мероитской письменности, однако, за исключением некоторых погребальных или религиозных формул, которые часто повторяются, интерпретация и перевод текстов остаются в общем неудовлетворительными³⁴.

Две царицы занимают в это время важное место: Аманирена и Аманишакете. При одной из них мероиты разграбили Асуан (без сомнения, именно тогда была захвачена статуя Августа, голову которой археологи обнаружили под порогом одного из дворцов

Мероэ). Петроний, префект Египта, находившегося под властью Рима, предпринял карательную экспедицию и в 23 г. до н. э. овладел Напатой. Римляне оставили постоянный гарнизон в Примисе (Каср-Ибрим), который должен был предотвращать нападения мероитов. Дело закончилось мирным договором, заключенным на о-ве Самос, где в то время пребывал Август (21—20 гг. до н. э.). Римский гарнизон был, по-видимому, выведен; в конечном счете граница между Римской империей и Мероэ была установлена в Хисрасукаминосе (Махаррака).

Тем не менее связи со средиземноморским миром не прервались. По дороге из Иерусалима в Газу диакон Филипп обращает в христианство «эфиопского евнуха», главного надзирателя за всеми сокровищами царицы Кандаки, как об этом сообщают «Деяния Апостолов» (VIII, 27). Далекая Нубия манит римлян. Нерон в 60 г. н. э. посылает двух центурионов вверх по Нилу; вернувшись, они объявляют эту страну слишком бедной, чтобы быть достойной завоевания. На одной из стен в Муссаварате выбита латинская надпись. В некоторых нубийских и даже суданских поселениях были обнаружены отдельные римские монеты: одна монета Клавдия в Мероэ, одна монета Нерона в Каранге и — в более поздние времена — одна монета Диоклетиана далеко в Кордофане (Эль-Обейд) и еще одна, середины IV в., в Сеннаре. Тем не менее наличие внешних связей в этот период объясняет появление созданной в сирийском стиле маленькой беседки в Нага, находки бань в Мероэ, обнаружение в захоронениях эллинистических бронзовых и стеклянных изделий.

Однако наиболее регулярные связи Мероэ поддерживало с храмом Исиды на о-ве Филе. Туда регулярно направлялись посольства с богатыми подарками для святылища богини, там сохранились многочисленные граффити, выполненные египетским демотическим, греческим и мероитским письмом. Именно благодаря им можно установить единственную достоверную датировку одного из последних мероитских царствований — Текеридеамани (246—266). В целом же о позднем периоде Мероэ известно очень мало. Местные черты культуры приобретают все большее значение. Контроль за караванными путями между долиной Нила, Красным морем и нило-чадской саванной — экономическая база этой державы — осуществлялся не без трудностей. На всех мероитских памятниках изображаются жестокие сцены с пленниками, раздираемыми львами, проткнутыми рогатинами, пожираемыми хищными птицами. Размеры выгоды от торговли не оставляли сомнений: изображения царей, цариц и принцев перенасыщены украшениями. При раскопках в прошлом веке захоронения царицы Аманишакете были обнаружены такие украшения. Эта кричащая роскошь нуворишей напоминает, пожалуй, другую торговую цивилизацию на обочине эллинистического мира — цивилизацию Пальмиры.

Хотя и невозможно уверенно говорить о существовании в Мероэ типично африканского матриархата, но некоторое время правление находилось в руках царицы Кандаки. Это имя, известное

классическим авторам, вызывает представление о женщине мужеподобного вида, достаточно энергичной, чтобы дать отпор римлянам и вести с ними переговоры. В сценах на стенах храмов или на стелах нередко изображены царицы с выраженной стеатопигией, принимающие участие в религиозных церемониях или наносящие мощные удары в грехоте битв.

Что касается пантеона богов, то рядом с Амоном, часто изображаемым с головой барана, и с великой богиней Исидой главным божественным персонажем является бог-лев Апедемак. Его могучий облик появляется на множестве рельефов. На задней стороне храма в Нага Апедемак изображен с тремя головами и четырьмя руками; на другой стене голова льва, увенчанная короной, принадлежит змее, которая, в свою очередь, появляется из цветка. Возможно, в этом можно увидеть влияние Индии. В колоссальных развалинах Муссаварата встречаются многочисленные изображения слонов; наиболее любопытным из них является массивное изображение слона, которое служит завершением широкой стены. Раскопки в Вад-бан-Нага обнаружили любопытную статуэтку с головой слона, напоминающую, возможно, индийского бога Ганеша.

Мы ничего не знаем о последнем периоде мероитской державы. Царские пирамиды в Мероэ становились все меньше и все беднее. Отсутствие предметов египетского или средиземноморского происхождения свидетельствует о прекращении внешних влияний.

Напротив, Нижняя Нубия, долго не заявлявшая о себе, переживала период относительного процветания. Это было, возможно, вызвано появлением *сакии* (водяного колеса), обеспечившей орошение земель, в некоторой степени не зависевшее от разлива Нила.

Мы располагаем единственным косвенным свидетельством о крушении Мероэ: это знаменитый текст Эзаны — первого христианского царя Аксума (около 330 г.), который в своей титулатуре претендует на господство над «Бега и Касу» (по-видимому, это беджа из восточной пустыни и держава Куш) и рассказывает об успешном походе, совершенном им против племен Нуба, а затем против Касу. Как следует из текста, значительная часть мероитской державы испытывала в это время натиск племен Нуба.

Может быть, кушитские правители спаслись бегством на запад? К северу от Дарфура имеются якобы некоторые следы мероитских традиций. Часть наследия Куша сохранилась в христианских царствах Судана, а также гораздо позднее в различных видах — как это можно видеть в некоторых сходных чертах культуры — в царстве Фунг в Сеннаре и соломонидской державе в Эфиопии.

С точки зрения истории развития техники начало железного века на Африканском континенте чаще всего относят к Мероэ. Как бы то ни было, Куш — цивилизация, отличающаяся весьма своеобразными чертами, африканская, хотя и в египетском обличье, — был на протяжении тысячелетия посредником между Егип-

том, все более ориентировавшимся на Средиземноморье, и Африкой к югу от Сахары.

Нубия после падения Мероэ. «Группа X» и христианские царства. Название «группа X» обозначило культурную фазу, в которую вступили Нубия и Северный Судан после падения Мероэ. Когда в 1931—1933 гг. раскопки в Баллане и Кустуле открыли перед английскими археологами варварскую роскошь погребений тамошних царьков, встал вопрос о том, кому они принадлежали — блеммиям или нобатам античных источников. После сложных дискуссий сторонники противоположных взглядов остались при своем мнении. Блеммии — воинственные кочевники, которых обычно отождествляют с племенами беджа восточной пустыни; в отношении нобатов ссылаются на предание, сообщаемое историком Прокопием Кесарийским: император Диоклетиан (конец III в.), отодвинув границу своей империи до первого порога, вынудил их покинуть область оазисов и обосноваться на Ниле между Асуаном и Махарракой, рассчитывая, что они защитят Египет от набегов блеммиев. Как бы то ни было, блеммии и нобаты остаются для нас всего лишь неидентифицированными этнонимами, поэтому мы будем продолжать пользоваться термином «группа X»; используется также термин «культура Балланы».

Внезапное падение Мероэ соответствует передвижению племен с востока в сторону долины Нила. Нуба, пришедшие с юго-запада, были, как нам известно, встречены войсками Эзаны на обломках мероитской державы, уже рухнувшей, по крайней мере частично. Дальше к северу располагались группы красных нуба. К нуба относят различные захоронения; самые значительные из них находятся в Танкасси (поблизости от Гебель-Баркала).

Обширные могильники в Баллане содержат захоронения правителей этой области, захоронения других местных князьков были обнаружены и далеко к югу (Сай, Вава). Похороны сопровождались массовым жертвоприношением жен, слуг и животных; покойник лежал на носилках (здесь уместно вспомнить захоронения Кермы). Настоящие сокровища устилали землю: прекрасные серебряные изделия (кувшины, кубки, чаши, чеканное блюдо с изображением Гермеса, сидящего на шаре рядом с грифоном); бронзовые столы и лампы; деревянные шкатулки, инкрустированные гравированными пластинками из слоновой кости; изящно выделанная конская сбруя. Диадемы из серебра, украшенные кабошонами из полудрагоценных камней, могли бы напомнить византийские и даже европейские изделия, если бы они не были перегружены египетскими или мероитскими мотивами, такими, как голова барана Амона, увенчанная большой короной *атеф*, фигура Исиды и т. п. Глиняные изделия сохраняют мероитскую традицию.

К 450 г. нобаты вступают в союз с блеммиями для нападения на Филе. Военачальник Максимин, затем префект Флор выходят победителями, тем не менее христианские власти Египта разрешают этим языческим племенам посещать храм Исиды в Филе для поклонения этой богине и даже брать ее статую на время неко-

торых праздников. Филе становится последним оплотом язычества, но всего на одно столетие. Император Юстиниан направляет военачальника Нарсеса с приказом закрыть храм в Филе и изгнать оттуда последних жрецов. В Нубии, если верить рассказу Иоанна Эфесского, посланцев православного императора опередил миссионер-монофизит Юлиан, которого поддерживала императрица Феодора (в 543 г.).

Отныне Нубия становится христианской страной. В надписи храма в Калабше, сделанной на варварском греческом языке и, к сожалению, недатированной, нобатский правитель Силко похвально тем, что победил с помощью бога блеммиев, которые после этого исчезают с исторической сцены. На севере (между первым и третьим порогами) расцветает царство Нобатия, придерживающееся христианства монофизитского толка, со столицей в Пахорасе (совр. Фарас). На юге находилось царство Мукурра, обремененное в православии; в его столице Донголе брали начало караванные тропы, ведущие к Дарфуру. Еще дальше к югу простиралось последнее христианское царство Алодия, центром которого была Соба, к югу от современного Хартума; его обратил в христианство в 570 г. монофизитский епископ Лонгин. Несмотря на обращение в христианство, Нубия не стала политическим придатком Византийской империи. Соперничество между приверженцами различных религиозных толков обусловило ее раздробленность; к тому же православная центральная область служила заслоном между монофизитским севером и югом.

В 639 г., после захвата Египта арабами, Нубия оказалась отрезанной от остального христианского мира. В 641 г. арабы в первый раз вторгаются в Нубию и подписывают договор (*бакт*), который урегулировал, по крайней мере теоретически, отношения между Египтом и Нубией. Он не сделал Нубию вассалом арабов, а скорее установил взаимные обязательства. Нубия должна была ежегодно поставлять Египту 360 рабов, обеспечивать свободу доступа в страну и богослужения арабским купцам; в свою очередь, Египет обязывался соблюдать независимость Нубии и снабжать ее зерном, чечевицей, тканями и лошадьми.

Мирный договор, заключенный между Нубией и арабским Египтом, оставался в силе на протяжении более шестисот лет, несмотря на многочисленные нарушения с той и с другой стороны. В 652 г. арабы блокируют Донголу, обстреливая ее из катапульта. В 745 г. нубийцы без колебаний осаждают египетскую столицу и добиваются освобождения христианского патриарха.

В начале IX в. нубийцы отказываются платить дань. В 836 г. официальная миссия нубийского правителя с помпой направляется в Багдад. В X в. нубийцы дважды занимают часть Верхнего Египта.

Несмотря на изоляцию и на нависшую опасность, христианская Нубия пережила период мощного взлета, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки; период расцвета длился с IX по XII в. Перед лицом опасности со стороны арабов

два северных царства решили объединиться: в начале VIII в. Мукурра перешла в монофизитство, поскольку православное патриаршество Египта не могло обеспечить ее священнослужителями. На юге Алодия играла менее заметную роль. До нас дошли имена таких правителей, как Меркуриос, «новый Константин» (697—710), но от этого времени не осталось ни царских дворцов, ни гробниц. Очень важную роль играл епарх Нижней Нубии, высший сановник, увенчанный короной с двумя рогами и облаченный в богатое вышитое одеяние (его изображение находится в маленькой церкви в Абд эль-Кадире близ Вади-Хальфы); его резиденция находилась в Фарасе.

Нубийская церковь, отрезанная от Византии и примкнувшая отныне полностью к монофизитству, превратилась в придаток коптской церкви Египта. Однако в целом культура христианской Нубии несет на себе гораздо более заметный отпечаток именно византийской, нежели коптской, культуры. Несмотря на оторванность от грекоязычного мира, богослужение здесь по-прежнему велось на греческом языке. Но в то же время в ходу был и коптский язык; имеются также рукописи на старонубийском языке, использующие коптский алфавит (греческие буквы с добавлением нескольких оригинальных знаков), расширенный за счет знаков, заимствованных из мероитского письма. Таким образом, нубийский язык является африканским языком, на котором до нас дошли самые древние письменные свидетельства (граффити в Вади эс-Себуа датированы 795 г.). Византийское влияние особенно заметно в архитектуре и в живописи, главным образом на севере страны.

Самый красивый археологический ансамбль христианской Нубии был обнаружен в цитадели Фарас польской археологической экспедицией под руководством К. Михаловского. Помимо собора там были вскрыты остатки еще одной церкви, монастырь, дворец и некрополь епископов Фараса, а также строение, служившее, возможно, резиденцией епархов Нубии. Самым значительным результатом раскопок в Фарасе явились великолепные росписи, украшавшие стены собора; их осторожно сняли, благодаря чему в нижнем слое открылись еще более древние фрески: в целом около ста пятидесяти настенных росписей, прекрасно сохранившихся и удивительно близких к византийскому искусству. Панно с изображением трех отроков в пещи огненной, большое полотно с изображением рождения Христа, портрет епископа и царицы-матери Марфы — все это настоящие шедевры искусства.

В 969 г. династию аббасидов сменили в Египте более миролюбивые фатимиды, при которых Египет погрузился в анархию. Нубийцы открыли военные действия в 1172 г., напав на Асуан. Правитель Египта Саладин направил против них две военные экспедиции, в 1173 г. был занят Каср-Ибрим, его церковь была превращена в мечеть, но два года спустя гарнизон был отозван. Тем не менее начиная с IX в. ислам уже распространился к югу от первого порога: мусульманские надгробные камни были обнаружены там

в различных пунктах. В Нубии, как и в остальных местах, проблема взаимоотношений ислама с христианством гораздо сложнее, нежели это иногда представляют.

Египет, Нубия и остальная Африка. Занимаясь воссозданием прошлого Тропической Африки, историки в поисках объяснения многих неясных явлений испытывают соблазн обратиться прежде всего к долине Нила: пять тысячелетий, от которых осталось множество памятников, текстов и художественных изображений, дают им огромный материал. Благодаря исключительному богатству письменных источников (некоторые надписи восходят даже к III тысячелетию до н. э.) и изобилию великолепных археологических памятников Египет и его южные соседи могут дать ценные хронологические ориентиры для древней истории континента.

Есть еще один аргумент: Египет — африканская земля. Недаром древние авторы, и в частности Диодор, охотно относили к «Эфиопии» Египет эпохи фараонов. В течение долгого времени большинство египтологов, получивших классическое семитологическое образование, рассматривали долину Нила главным образом с точки зрения ее отношений с Азией или Средиземноморьем. А ведь в египтологии существует и «африканская» традиция; «искусство Египта, как и вся его цивилизация, является продуктом африканской почвы», — писал Ж. Масперо.

В последнее время многие африканисты обратились за помощью в истолковании культурных и социальных реалий современной Африки к Египту эпохи фараонов. Были даже сделаны попытки — дававшиеся с большим трудом, это нужно признать с самого начала — выявить и непосредственные связи: отсюда и поиски гипотетических переселений, стремление обнаружить в том или ином этносе современной Африки потомков древних египтян. Так, А. Диоп попытался сопоставить языки волоф и древний египетский. Е. Мейеровиц видела египетское происхождение обожествления царей у акан. С. Биобаку полагал, что предки йоруба пришли из долины Нила. Влияние Египта прослеживают у игбо (М. Джефриз) и у джукун (С. Мик). Все это многообразие гипотез — естественно, противоречивых — само по себе указывает на их дискуссионность.

Напомним, однако, об одной очевидной истине: сами египтяне никогда не считали себя черными. Напротив, на рельефах и в росписях они отмечали экзотические особенности своих южных соседей. Предлагаемые сопоставления чаще всего являются совершенно надуманными, особенно те, которые сравнивают с современными африканскими языками древнейший этап египетского языка. Вместо того чтобы извлекать из самого старого иероглифического слоя термины, огласовки которых неизвестны, не лучше ли было бы рассмотреть наиболее близкий к нам коптский язык, который к тому же имеет огласовки? Множество параллелей социологического порядка легко объясняется простым сходством или совпадением. Наконец, чисто умозрительными выглядят предполагаемые

передвижения населения, которые не опираются ни на топографические, ни на хронологические данные.

И тем не менее очевидно, что тема отношений Египта с остальной Африкой должна быть поднята и заслуживает серьезного изучения. Здесь невозможно наметить ее детальную разработку, а придется довольствоваться отдельными замечаниями.

Если пуститься на поиски в Африке следов египетской культуры или культуры, испытавшей ее прямое воздействие, результаты окажутся более чем обескураживающими. В 1902 г. много шума наделало открытие к югу от р. Замбези (в Умтали) фрагмента ушебти из терракоты с картушем Тутмоса III; это оказалось грубой подделкой. Бронзовая статуэтка Осириса была обнаружена на глубине свыше метра в Заире (вблизи слияния рек Лулаба и Калумегонго). Но вопрос в том, попала ли она сюда в древности или же была привезена позднее арабскими купцами? Больше интереса вызывают предметы, похожие на лампы в форме птиц и обнаруженные в нынешней Гане. Они весьма напоминают лампы, оставленные в захоронениях «группы X» в Фирке и в Кустуле, которые сами, вполне очевидно, восходят к византийской традиции.

Значение Нубии как промежуточного пункта между Египтом и остальной частью континента очевидно, хотя ясно, сколь ненадежным оставался на протяжении тысячелетий узкий, перекрываемый преградами проход, каковым было верхнее течение Нила. Это, конечно, не исключает важности расположенных западнее прямых транссахарских караванных путей.

В очень далекой древности из предполагаемого палеоафриканского комплекса выделилась, по-видимому, путем быстрых сдвигов совокупность культур, превратившаяся в цивилизацию эпохи фараонов. Было бы ошибочно думать, что ее величие породило многочисленные влияния, распространившиеся вплоть до отдаленных глубин континента: обмен, конечно, существовал, но он никогда не был регулярным. Тем не менее, когда к югу от Египта Напата превратилась как бы во вторые Фивы, а Мероэ восстановило на среднем течении Нила порядок, в котором египетские образцы переплетались с местными традициями, действительно можно говорить о влиянии и о контактах. К западу от долины Нила факты диффузии следует искать вдоль нило-чадской саванны — зоны обширной и удобной для передвижения. Главным образом там и проявлялось влияние средневековых христианских царств, расположенных на Ниле. В Дарфуре открыты развалины монастыря (Айн Фара), в низменностях Чада (Коро-Торо, Башианга) обнаружены разнообразные глиняные изделия, сходные с керамикой долины Нила. После систематического обследования Нубии открывается путь к поискам в Кордофанах и Дарфуре вдоль караванных дорог, ведущих в Западную и Центральную Африку.

Анализ всех точек соприкосновения между древним Египтом и современной Африкой — от религиозных представлений и обрядов и социальных явлений (космогония, обожествление царя, регалии, мумификация, игры, лингвистические сопоставления) до реалий

материальной культуры (земледельческие орудия, оружие, подголовник, корзины, музыкальные инструменты, мотивы украшений, плавка в технике «потерянного воска») — должен будет, по нашему мнению, учитывать эти предварительные хронологические и географические данные. Однако, хотя критический анализ не должен уступать место энтузиазму, египтология и африканистика могут все же лишь выиграть от тесных контактов. Какие бы оговорки ни приходилось делать, многие сходные черты между цивилизацией эпохи фараонов и африканскими культурами являются очевидными.

Эфиопия

Эфиопия, подобная громадной крепости, сложенной из гор, господствующих над знойными пустынями, страна, гордящаяся своей историей, которая уходит в глубь веков на три тысячелетия, является исключительным полем для исследований, лишь недавно открывшимся для археологов и историков.

Не так давно ее древности были известны главным образом из рассказов путешественников прежних времен, таких, как александрец Косма Индикоплов, который описал древний Аксум VI в. в своей «Христианской топографии»; из сообщений португальских миссионеров XVI и XVII вв. и исследователей прошлого века. Первые научные археологические раскопки провела в 1906 г. в районе Аксума и Йехи немецкая экспедиция; за ней последовали исследования итальянских ученых. В 1952 г. в страну были приглашены французские эксперты, которым была поручена организация Секции археологии, преобразованная впоследствии в Эфиопский археологический институт. Итоги работ последних лет весьма обширны и разнообразны, они позволяют пересмотреть прошлое Эфиопии совершенно в новом свете.

От первобытной истории к Аксуму, «сабейско-эфиопский» период. Первобытная история региона долгое время оставалась очень плохо изученной. В 1963 г. в Мелка Контуре (в 45 км от Аддис-Абебы) была открыта палеолитическая стоянка с богатым материалом и четкой стратиграфией. Над олдувайским слоем находятся несколько ашельских горизонтов, причем особенно богато представлен верхний ашель, а также фаурсмитская и стиллбейская культуры. Собрана богатая коллекция орудий: галечные орудия, бифасы (овальные, сердцевидные, резе треугольные), метательные шары; ископаемые костные останки животных позволяют уточнить географическую и климатическую среду. В 1967 г. в долине р. Омо была обнаружена нижняя челюсть прегоминида, датируемая предположительно 1,5 млн. лет. Ископаемое существо получило наименование паравстралопитека эфиопского.

Наскальные рисунки и росписи (Харэр, Дыре-Дауа, Эритрея), совсем недавно обнаруженные скульптурные изображения в Шаббе (в Сидамо) делают Эфиопию одной из тех областей, где сущест-

вует африканское наскальное искусство. Обилие мегалитов, часто фаллической формы, связывает Эфиопию с зоной распространения мегалитических культур.

В VI или в V в. до н. э. в уилтонской культуре скотоводческих народов северо-востока Африки прослеживаются элементы культуры близко расположенной Южной Аравии. Произошло ли это, как считали долгое время, вследствие массового переселения сабейских этносов семитского происхождения, переправившихся через Красное море? Эфиопия, как представляется, не была колонией Южной Аравии. Хотя по обеим сторонам Красного моря и обнаружены многочисленные сходные памятники, а также похожие надписи, выгравированные в прекрасном геометрическом стиле, археология выявляет и значительные различия. Этот первоначальный расцвет местной цивилизации можно назвать «сабейско-эфиопским». Остатки культуры данного периода — скорее «южноарабизированной», нежели «южноаравийской» — были обнаружены главным образом на северо-западе страны, в частности в ложбинах горного массива Адуа и на высоких плато, где позднее появилось раннее государство Аксум — в Йехе, Хаульти, Мелазо. Посвящения, сделанные в святилищах, показывают, что язык и письменность были близки к образцам Южной Аравии, так же как и пантеон, в частности бог луны Альмаках; алтарем служила дворцовая стена, украшенная лунным диском и полумесяцем. Однако самобытность «сабейско-эфиопской» культуры лучше всего проявляется в статуэтках, выполненных в весьма своеобразном стиле: изображение женщины, задрапированной в длинное платье, из Хаульти или коренастая фигура в платье с розетками из тайника в Хавиле-Ассарау. Среди реалистических изображений животных выделяются статуэтки быков; бронзовые служилы животные выделены в контуры животного вписаны алфавитные знаки; «балдахин» из Хаульти, края которого украшены изображениями сидящих баранов, а по сторонам находятся персонажи, выполненные в очень плоском рельефе, напоминающем, без сомнения, стиль ахеменидской Персии.

У нас очень мало сведений об Эфиопии переходного периода (III в. до н. э. — I в. н. э.). Но именно тогда экономическая роль Красного моря возросла, по-видимому, очень значительно. Птолемей II Филадельф (285—247 гг. до н. э.) строит порты, в частности Птолемаиду Эпитереру, через которые из Африки вывозили диких зверей, главным образом слонов. Птолемей III (247—221 гг. до н. э.) возводит Адулис (нынешняя Зула), который становится крупным перевалочным пунктом и важным торговым центром на Красном море; его корабли выходят через Баб-эль-Мандебский пролив. Подобно Южной Аравии, эфиопское побережье, должно быть, служило тогда посредником между средиземноморским миром и Индией.

Образование государства Аксум. Именно названные обстоятельства обусловили подъем Аксума, центра плоскогорий Тигре. Эти возвышенности — гигантские сбросовые откосы — нави-

сают над знойной зоной, прилегающей к Красному морю, а с западной стороны они господствуют над долинами рек Марреб и Такказе, которые текут к Нилу. (Пока неизвестно, каким образом Аксум вытеснил поселения, которые, подобно Йехе или Хаульти, были могущественными в «сабейско-эфиопскую» эпоху. Данные археологии дают повод датировать начало аксумского периода концом I в. н. э. Аксум, должно быть, получал часть своего богатства от торговли на Красном море; товары шли по караванным дорогам, соединявшим порты с долиной Нила. Небольшие предметы, свидетельствующие о египетском или даже эллинистическом влиянии, обнаруженные в ходе раскопок, свидетельствуют о торговле с долиной Нила и средиземноморским миром на протяжении «сабейско-эфиопской», а затем аксумской эпохи. Это — амулеты из голубого фаянса из Хаульти, скарабеоид из Адулиса, изображение бога Гора на крокодилах (если верить путешественнику Дж. Брюсу), скарабей из Аксума. Металлические кубки, найденные в Хавиле-Ассарау, свидетельствуют о явном мероитском происхождении, так же как и красивая маленькая статуэтка из сердолика с двумя уреями, найденная в Матаре. Однако хотелось бы иметь больше данных о развитии отношений между Аксумом и Мероэ. Вообще границы Аксумского царства по-прежнему известны плохо.

История первых царей Аксума тоже остается смутной. Первым монархом, имя которого нам известно, был Зоскал, упоминаемый анонимным автором «Перипла Эритрейского моря», который описывает его человеком скупым, но большим почитателем греческой культуры. Из эпиграфики мы узнаем еще несколько имен. Речь идет прежде всего о легендах на золотых, серебряных или бронзовых монетах, которые появляются в то время; имеются также и надписи на стелах. Однако самым ценным памятником является, безусловно, разновидность «метательного ножа», или бронзового вотивного скипетра, из тайника в Хавиле-Ассарау, носящего имя «Гадара, царя (ng̃ŷu) Аксума». Это, вероятно, царь, уже известный по южноарабской эпиграфике и упоминавшийся по поводу войны против сабейцев: «Гадарат, царь хабашат» (отметим, что это название лежит в основе термина «Абиссиния», арабского обозначения Эфиопии).

Между тем слава Аксума росла. Уже в конце III в. кефалайя коптов-манихейцев называют его «одним из четырех царств» света наряду с Римом, Персией и Китаем. Аксум принимает участие в большой политике. Возводятся громадные оросительные сооружения (водоем в Аксуме, плотина на р. Кохаито). Столица застраивается величественными дворцами. В центре столицы Аксума монументальный постамент служил основанием для семи «обелисков», или, скорее, подобия гигантских стел. Самая большая из них представляла собой монолит, достигающий 33,5 м — самый высокий из возводившихся в античные времена; высота другой, еще стоящей стелы равна 23 м. Их украшения, имитирующие ряды окон и двери, а также выступающие из стен перекладины напоминают

высокие дома в несколько этажей, какие еще и сейчас можно увидеть в Южной Аравии. Другие вертикально стоящие камни, столь многочисленные в районе Аксума, безусловно, обозначали местоположение захоронений. Их основания с вырубленными ступенями являются остатками «тронов»; не следует ли отнести к этим памятникам и большие плиты с высеченными на них надписями? Типично аксумскими являются также загадочные терракотовые головы, их лица обрамлены высокой прической; иногда на макушке находится отверстие.

Язык населения Аксума был гезз, в котором различные огласовки отмечались диакритическими добавлениями к основным согласным знакам. В отличие от семитской традиции письменность здесь развивалась слева направо, а слова отделялись друг от друга двумя точками. Пантеон по-прежнему можно сравнить с южно-арабским.

Христианская Эфиопия. По-видимому, около 330 г. произошло обращение Эфиопии в христианство. Судя по преданию (знаменитый рассказ Руфина³⁵), два молодых христианина из Тира, после того как их корабль потерпел крушение на пути в Индию, были приняты при аксумском дворе; один из них, Фрументий, якобы обратил в свою веру царя Эзану. Рукоположенный в священники александрийским патриархом Афанасием, Фрументий вернулся в Эфиопию и стал первым епископом Аксума. Это — Абба Салама эфиопской традиции. Великий царь — основатель Аксума назван Абраха («тот, который озарил»), а его брат — Асбеха («тот, который заставил сиять»). Недавно была обнаружена стела, где Эзана сообщает о своих победах над нуба, удостоверяет «могущество Отца, Сына и Святого духа» и прославляет «веру Христа и его волю»³⁶; на монетах крест сменяет лунный диск и полумесяц. Это была эпоха, когда император Константин перенес свою столицу в Византиум; стремление к миру с Римской империей было, возможно, одним из факторов обращения Аксума в христианскую веру.

В царствование Эзаны часть Южной Аравии перешла под контроль Аксума, теперь он именуется царем «Аксума, Химьяра, Райдана, Хабашата, Сабы, Сальхена». После 378 г. химьяритские правители, однако, вновь обретают независимость, воспользовавшись слабостью преемников Эзаны, история которых плохо известна.

Религиозные распри, расколовшие христианский мир, отразились и на Эфиопии. В 451 г. на церковном соборе в Халкедоне, где присутствовал епископ Адулиса, была осуждена монофизитская доктрина, которая признавала за Христом лишь божественную природу. Эфиопия тем не менее на протяжении столетий оставалась верной монофизитству и александрийскому патриаршеству, которое продолжало присылать туда митрополита — *абунэ*. Однако первые эфиопские святые пришли, как кажется, главным образом из Сирии, Месопотамии и Малой Азии. Это девять аксумских святых, которые группировались вокруг Зэ Микаэля Арагани, «Праведные» в Амба Матара или в монастыре Дэбрэ-Либанос. Литур-

гическая лексика, засвидетельствованная в переводе Священного писания и других христианских текстов, осуществленном в период между IV и VI вв., была заимствована из древнесирийского языка. Геэзская традиция сохранила множество ходивших тогда апокрифов, оригиналы которых порою исчезли («Книга Эноха», «Апокалипсис Эдры», «Вознесение Исаяи», «Пастырь из Гермы»). Напротив, для этой эпохи нигде не засвидетельствована национальная легенда, приводимая в Кыбрэ Нэгэст (книга «Славы царей»), которая называет первым царем Эфиопии Менелика, сына Соломона и царицы Савской, и согласно которой ковчег завета, похищенный в Иерусалиме, был доставлен в Аксум. Нет, впрочем, никаких доказательств, что это предание было вызвано иудейским влиянием, корни которого некоторые ученые ошибочно ищут в отдаленной иудейской колонии на Элефантине (V в. до н. э.), стремясь обнаружить ее следы среди нынешних фалаша, живущих в области Гондэра. Вопрос в том, являются ли они евреями по происхождению или людьми, принявшими иудейскую веру.

С тех пор, должно быть, получили развитие первые монастыри, которые сыграли такую важную роль в средневековой Эфиопии. Несмотря на потрясения средневековья и на разрушения, до нас дошли остатки нескольких церквей, в их архитектуре сохраняется план языческих храмов. Сильное влияние, как кажется, оказала в этом плане Северная Сирия; сирийское влияние заметно при сооружении базилик (Йеха, Гуло-Македа. Энда Черкос в Мелазо), имеющих иногда полукруглую абсиду (Адулис). За пределами Аксума развиваются другие большие города. При раскопках дворцов Матары (больших четырехугольных строений со ступенчатыми стенами) было обнаружено много находок. Среди роскошных золотых крестов в кладе находилась шейная цепочка с подвешенными к ней четырнадцатью золотыми монетами с изображением римских цезарей и два брактеата — новое свидетельство длительных связей Эфиопии со средиземноморскими цивилизациями.

Через полтора века — этот период все еще остается для нас неясным — наступило правление Калеба (510—558), столь же славленное, как и царствование Эзаны. Именно тогда Косма Индикоплов посетил Аксум (около 520 г.). В то же время весь христианский мир был взбудоражен войной аксумитов с Химьяром. В Южной Аравии очень усилилось влияние иудеев; стали известны случаи религиозной нетерпимости. Один иудейский царек, Зу Нувас («человек с кудрями»), устроил даже резню христиан в городе Награн. Калэб послал туда в 515 г. военную экспедицию, воспользовавшись случаем, чтобы восстановить гегемонию Аксума в Южной Аравии и назначить там своих наместников. Таким образом, правитель Аксума выступил в качестве поборника и защитника христианской веры. Понятно, что император Юстиниан счел нужным направить в 531 г. к аксумитам посольство с просьбой о помощи у могущественных единоверцев против Персии; эта просьба сопровождалась предложениями о торговле шелком с Индией.

Подъем ислама и «темные века». И на этот раз Юж-

ная Аравия быстро вышла из-под контроля Аксума. При сыне Калеба один из его наместников, Абраха, объявил себя независимым. Испытывая зависть к великому святилищу Кааба и желая превратить собственную базилику в Санаа в религиозный центр Аравии, он снарядил против Мекки военный поход с участием слонов. Название одной из сур Корана (С, V) определяется этим событием: так, год рождения пророка назван «годом слона», хотя точную хронологию здесь установить невозможно. Неудачный поход повлек за собой тяжелые последствия. Он способствовал пробуждению арабов Хиджаза и тем самым подготовил рождение новой религии. Химьяриты немедленно призвали на помощь персов-сасанидов. В 590 г. последние были уже хозяевами Химьяра, Адена и даже некоторых пунктов на африканском побережье. Множество преданий хранят там воспоминания о «фурс» (персах). Известны и материалы персидского происхождения на некоторых городищах. Это явилось началом упадка Аксума, так как с этих пор он потерял контроль над торговлей на Красном море. Аксум замкнулся в своих пределах; при преемниках Калеба, о которых мало что известно, стал даже уменьшаться вес золотых монет. Для характеристики этих смутных столетий приходится довольствоваться редкими упоминаниями страны в «Истории коптских патриархов» и немногословными сведениями, содержащимися в сочинениях арабских историков и географов.

В качестве пассивного наблюдателя Аксум присутствует при рождении и развитии ислама. Вначале отношения между аксумитами и мусульманами, как кажется, были дружественными. В 615 г. Осман, племянник Мухаммеда, укрылся в Эфиопии, а вслед за ним и другие сторонники пророка якобы нашли убежище в Аксумском царстве в период хиджры³⁷; Билаль, первый муэдзин Мухаммеда, был эфиопом. Эфиопию не затронули великие волны арабских завоеваний. Но с конца VII в. Красное море становится арабским морем; когда пираты при поддержке царя Аксума напали на арабские суда и разграбили порт Джидду, мусульмане ответили на это захватом островов Дахлак и разрушением Адулиса. Языческие племена беджа, которые в дальнейшем приняли ислам, обосновались на побережье к северу от Тигре; одна из их двух ветвей, занефадж, проникла на Эритрейское плато. Однако, по свидетельству арабских историков IX и X вв. (ал-Якуби, ал-Масуди, Ибн Хаукал), Эфиопия господствовала в то время на побережье Красного моря напротив Йемена; ее влияние простиралось до Зейлы, на северном побережье Сомали; в портах дела вели общины мусульманских купцов.

Как ни странно, отношения Эфиопии с христианскими царствами Нубии не были, видимо, тесными. В целом Эфиопия была отрезана от остального христианского мира; в течение веков Европа почти не вспоминала о ее существовании.

Великая смута и возрождение Загуэ. Некогда пышная цивилизация Аксума постепенно угасла. Медленно, возможно под угрозой пришедших с севера беджа, центр тяжести хри-

стианского царства перемещался в южные районы страны. Сопротивление язычников, должно быть, оставалось сильным. Действительно, самые серьезные столкновения средневековая Эфиопия имела не с мусульманами, а с населением юга, в частности с племенами агау, остававшимися язычниками либо частично принявшими иудейскую веру. Эти древние племена, упоминавшиеся Космой Индикопловом, занимали возвышенности в большой излучине Голубого Нила. Согласно некоторым преданиям, некая царица из Сымена, названная иудейкой и носившая имя Гудит (на языке тигре; Эсато³⁸ по-амхарски), разрушив Аксум, в течение сорока лет преследовала христиан. В самом конце X в. правитель Аксума направляет письмо царю Георгию в Нубию; он описывает опустошения, причиненные вторжением войска соседней царицы, и просит его выступить посредником перед патриархом Александрии, чтобы тот прислал в Эфиопию митрополита. Действительно, правитель Аксума относил все невзгоды, постигшие его страну, за счет того, что место *абунэ* долго пустовало. Новый митрополит прибыл, и вторжение было отбито. Но тем не менее аксумская цивилизация клонилась к закату.

Возрождение пришло с юга, из района, расположенного между верхним течением р. Такказе и ее притоком Целлари. Около 1135 г. возвышается новая династия правителей Загуэ, родом из Бугуэны. В этих краях, где местное население недавно приняло христианскую веру, произошел мощный взрыв христианского сознания: при Лалибэле и его преемниках (начало XIII в.) вся священная гора вокруг новой столицы оказалась покрыта удивительными скальными церквями, жемчужинами Эфиопии. Уже при первых, еще очень мало известных царях династии Загуэ далеко распространилась весть о могуществе христианской Эфиопии. В 1177 г. папа Александр III направил послание по поводу «святых мест» «своему любимому сыну во Христе Иоанну, славному и великопному царю индийцев» (вполне вероятно, первому царю династии Загуэ в Эфиопии). А несколько лет спустя Саладин, этот достойный соперник крестоносцев, передал эфионам церковь Воздвиженья креста в Иерусалиме.

Глава 2

ЗАПАДНЫЙ СУДАН В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Практически неизвестно, каково было прошлое Западного Судана с конца доисторического периода до IX—X вв. Какими путями происходили передвижения народов, каков был их образ жизни, на какой стадии хозяйственного развития они находились? На эти вопросы нет почти никаких ответов.

Тем не менее, основываясь на наших знаниях о позднем неолите и сравнивая их с данными средневековых арабских текстов и археологии, мы можем полагать, что в течение этих десяти веков продолжались миграции сахарских народов в более влажные об-

ласти юга и миграции банту в лесах и южных саваннах. В то же время распространялась металлургия железа, обуславливая расцвет земледелия и ремесел.

Наши сведения об этой эпохе возрастут тогда, когда археологи найдут и исследуют поселения или захоронения, относящиеся к данному периоду, на той замкнутой территории, которая поддерживала минимальные связи со странами Средиземноморья. Не будем забывать, что на протяжении I тысячелетия н.э. Тропическая Западная Африка по большей части была фактически изолирована от внешнего мира.

В VIII—XVI вв., напротив, в этом регионе, как мы увидим, процветали великие державы, и у нас появляются наконец известия о до тех пор неведомых миру странах. Но великие государства складывались не на всей территории Западной Африки, а только в полосе, лежащей между южной окраиной Сахары и зоной лесов. Как объяснить тот факт, что Гана, Мали и Сонгай располагались последовательно на одной и той же территории?

Причины этого просты и порождены главным образом географическими и экономическими факторами. Зона, в которой процветали великие державы, целиком относится к средней Тропической Африке, включающей земли, наиболее пригодные для возделывания зерновых: при годовом количестве осадков от 300 до 1000 мм повсюду возможно неполивное земледелие. Просо и фоньо можно возделывать начиная фактически от южных границ Сахары, южнее основу питания составляют сорго и рис, а также множество других съедобных растений.

На юге, ближе к тропическому лесу, недостаток солнечного света препятствует вызреванию зерновых, и здесь начинается область возделывания съедобных клубней, в частности ямса — культуры менее питательной.

Суданская зона с развитым земледелием является одновременно, особенно в северной своей части, и районом скотоводства. В северных ее районах разводят мелкий рогатый скот — коз и овец, а там, где после дождей остаются водоемы и имеются непересыхающие колодцы, пасется крупный рогатый скот. Неисчислимы стада, в основном принадлежащие фульбе, кормятся — зачастую сверх разумных пределов — за счет кустарниковых степных пастбищ с довольно скудной растительностью. Выжигание бруссы, нередко наносящее большой ущерб почвам, обеспечивает в сухой сезон рост отавы, необходимой для стад зебу. Южнее зебу не разводят из-за распространения мухи цеце. Некоторые породы рогатого скота, устойчивые к трипаноме, распространены вплоть до Гвинейского залива.

Эти особенности присущи всей климатической зоне, простирающейся от Атлантического океана до Красного моря; ими нельзя объяснить, почему государства процветали исключительно на территории, заключенной между средним течением р. Сенегал и нигерийскими плато. И действительно, существовал еще один важнейший фактор развития этих стран в средние века: золото Судана.

Нанеся на карту месторождения золота, легко заметить, что все они сосредоточены на территориях между 0° и 14° западной долготы и к югу от 14° северной широты. Однако если некоторые из таких месторождений находились на территории великих держав, то другие лежали далеко на юге, в лесных районах, которые никогда этим державам не подчинялись. Единственным возможным путем экспорта золота до появления на побережье португальцев оставалась Сахара. Поэтому этот Пактол³⁹ тек с юга на север через страны суданской и сахельской полосы, способствуя развитию международной торговли. Ведь как раз стремясь получить это золото, арабы, знавшие о нем с VII в. после своего появления в Марокко, пересекли великую пустыню и создали торговые поселения в конечных пунктах караванных путей, идущих с севера.

Местные правители с каждым днем приобретали все больший вес: они превращались в необходимых посредников в выгодной торговле золотом. Их резиденции — какие-нибудь деревушки из соломенных хижин, откуда происходила их семья, — за несколько десятилетий выросли в настоящие столицы, выстроенные из камня арабо-берберскими торговцами в средиземноморском стиле. Там селились богатые чужеземные купцы и местная знать.

Из таких же деревень на главных транссахарских караванных путях, по которым соль из пустыни и товары из стран Средиземноморья доставлялись в обмен на золото, возникали другие большие города: Аудагост, Гана, Валата, Томбукту, Гао, Тадмекка-эс-Сук, Такедда, Кацина, Кано. Это были южные порты того моря, каким, образно говоря, была Сахара, пока каравеллы португальцев не открыли новый торговый путь через Атлантический океан.

Три великих государства, сменившие друг друга в суданской зоне, боролись за сохранение доступа к золотым месторождениям и за контроль над транссахарскими маршрутами, которые у них оспаривали соперники. Так, Гана вела борьбу с альморавидами, Мали — с сосо, туарегами и сонгаями, Сонгай — с Мали, западными фульбе, хауса, позже — с марокканцами. Их история заполнена борьбой за приобретение или сохранение выгодной монополии, дающей право обменивать золото на товары севера. В конечном счете смертельный удар последнему из этих великих государств — Сонгай — в не меньшей степени, чем марокканское завоевание в 1591 г., нанесло именно изменение направления торговых путей в XV в. Экономическая жизнь стран Судана переживала глубокий упадок, в то время как мелкие прибрежные государства становились отныне центрами международной торговли. Упадок Ганы и Томбукту, подобно Венеции и Александрии, был обусловлен открытием морского пути из Европы к странам тропических морей.

Гана

Арабские тексты VIII—XI вв. рассказывают о могущественном государстве Гана, процветавшем в Западном Судане между средним течением р. Сенегал и излучиной р. Нигер.

О его происхождении и истории в течение первых веков существования арабы сообщили лишь отрывочные сведения. Так, астроном ал-Фазари (конец VIII в.), перечисляя различные страны мира, мимоходом упоминает и «Гану, страну золота», а географ ал-Хорезми (около 833 г.) помещает город Гану на карте полушарий, составленной им на основе птолемеевой карты.

Возникновение Ганы, безусловно, относится к более ранней эпохе. В двух основных исторических источниках, составленных африканцами в XVI—XVII в., — хрониках «Тарих ал-фетташ» и «Тарих ас-Судан» — мы находим сообщения о могущественной царской династии Кайамага, двадцать властителей которой правили до хиджры (622) и двадцать — после. Хроник не содержат сведений, к какой этнической группе принадлежали эти правители; были ли они черными (сараколе) или белыми (берберами санхаджа). Автор одной из них добавляет, однако: «Самое достоверное то, что они не были неграми» («Тарих ал-фетташ»). Таким было историческое предание в XVI в. По этому вопросу было выдвинуто множество теорий; самая известная из них принадлежит М. Делафоссу, предположившему, что древние правители Ганы были сиро-иудеями, бежавшими во II в. н. э. из Киренаики от преследований римлян.

Действительно, весьма возможно, что здесь, как и всюду в мире — будь то в Европе или в Африке, на границе между кочевым и оседлым населением мирным путем или силой обосновывается группа или небольшое племя кочевников. Они создают государство и постепенно растворяются среди населения этой страны, образуя смешанную культуру и смешанный этнос, сохраняющие общие для обоих черты. Такова история франков в Галлии, ломбардов в Италии, монголов в Китае или Индии. По-видимому, такой же процесс имел место при рождении как Ганы, так и Сонгай и Канема. Еще более недавний пример являют фульбе, основавшие свои государства в XVIII—XIX вв.

Кочевники — прирожденные воины, с детских лет обученные обращению с оружием, защищающие свои стада от хищников и воров, часто силой прокладывая себе путь через земли оседлых народов, особенно в годы засухи, которая вынуждает их искать пастбища вдали от обычных зон кочевания. Хотя оседлое население гораздо более многочисленно, оно с трудом оказывает им сопротивление, будучи не столь опытно в военном отношении и не имея конницы.

Следовательно, не расовая принадлежность к европеоидам, как утверждали многие авторы, дала основателям Ганы превосходство, позволившее им создать это государство, а то обстоятельство, что они были кочевниками. Очень возможно, что к тому времени, когда к югу от Сахары появились арабы, эти кочевники уже давно были поглощены негроидами сараколе.

Вскоре после своего прихода в Сус на юге Марокко, в 734 г., арабы предпринимают поход против Судана — очевидно, против Ганы, откуда они привозят, по словам Ибн Абд ал-Хакама (IX в.),

«значительное количество золота». Уже в середине VIII в. они создают караванный путь между Сиджилмасой в Южном Марокко и Аудагостом в Мавритании, роют в удобных местах колодцы.

Гана становится первой страной Западного Судана, где на южной границе Сахары, в конечных пунктах, куда караваны привозили золото, обосновываются средиземноморские купцы. Гана и Аудагост — два главных города, возникшие в районе, где грузы, доставлявшиеся с севера верблюжьими караванами арабо-берберов, перегружались на караваны ослов, которых с юга вели вангара, позже известные под именем диула и перевозившие золото, орехи кола и рабов из примыкающих к лесу областей.

Благодаря сведениям ал-Баكري, относящимся к 1068 г., мы предполагаем некоторыми данными об этих двух центрах. Наиболее значительный из них — Гана с максимальной долей вероятности идентифицируется с руинами Кумби-Сале, самыми внушительными из сохранившихся в сахельской зоне, а второй — с руинами Тегдауста в Ркизе. Оба эти города стали объектами раскопок, позволивших проверить сведения ал-Баكري.

Сведения об истории страны скудны. Ал-Якуби в IX в. писал, что в Аудагосте правит языческий государь санхаджа; так же обстояло дело и в X в.: правителем города был бербер-санхаджа, под властью которого находилось свыше двадцати черных вождей; Ал-Баكري, напротив, сообщает о чернокожем правителе. В 1068 г. Гана была процветающим государством и получала основную долю доходов от торговли золотом. В глазах всего исламского мира ее правитель, *тунка* Менин, являлся царем золота. Он мог выставить 200 тыс. воинов, в том числе 40 тыс. лучников. Ал-Баكري говорит, что его могущество велико, царство обширно, а власть очень почитаема.

Тем не менее его преемнику не удалось помешать берберам-альморавидам захватить столицу и разрушить государство.

Сначала альморавиды заставили берберов Мавританского Ад-рара «вернуться на истинный путь и принять истинную религию»; на деле это означало подчиниться их власти. Затем они устремились на север, в 1053 г. взяли Сиджилмасу, а в 1054 г. разграбили Аудагост. Завоевание Марокко продолжалось при Юсуфе ибн Ташфине — основателе северной альморавидской династии; Абу Бакур ибн Омар же возвратился на юг и в 1077 г. захватил столицу Ганы.

Город Кумби, однако, не исчез и участвовал в торговле еще в течение полутора веков. Около 1203 г. его захватили сосо, а в 1240 г. он оказался в руках Сундьяты — великого мандингского правителя. Сундьята нанес ему последний удар: он увел из города ремесленников в свою столицу Ниани; покинули город и арабо-берберские торговцы, которые обосновались затем в Валате.

Ценные сведения о двух главных городах Ганы — Гане (Кумби) и Тегдаусте (Аудагосте) — дала нам археология. После того как в 1914 г. развалины Кумби были обнаружены Б. де Мезьером, на городище неоднократно проводились раскопки. Раскопки велись

на пространстве около 1 кв. км; раскапывался также некрополь, занимавший вдвое большую площадь. Возведенные из сланца дома отличаются прекрасной и весьма совершенной работой. Сохранились лестницы, декоративные ниши в стенах, великолепно вымощенные полы. Собранная утварь представлена в основном ангобирванной глиняной посудой; найдены также глазурованные лампы магрибинского происхождения, клейменные весы и стеклянные гири для взвешивания золота, оружие и железные орудия, раскрашенные надписанные пластинки из сланца, содержащие священную формулу джихада — догмат веры всякого мусульманина.

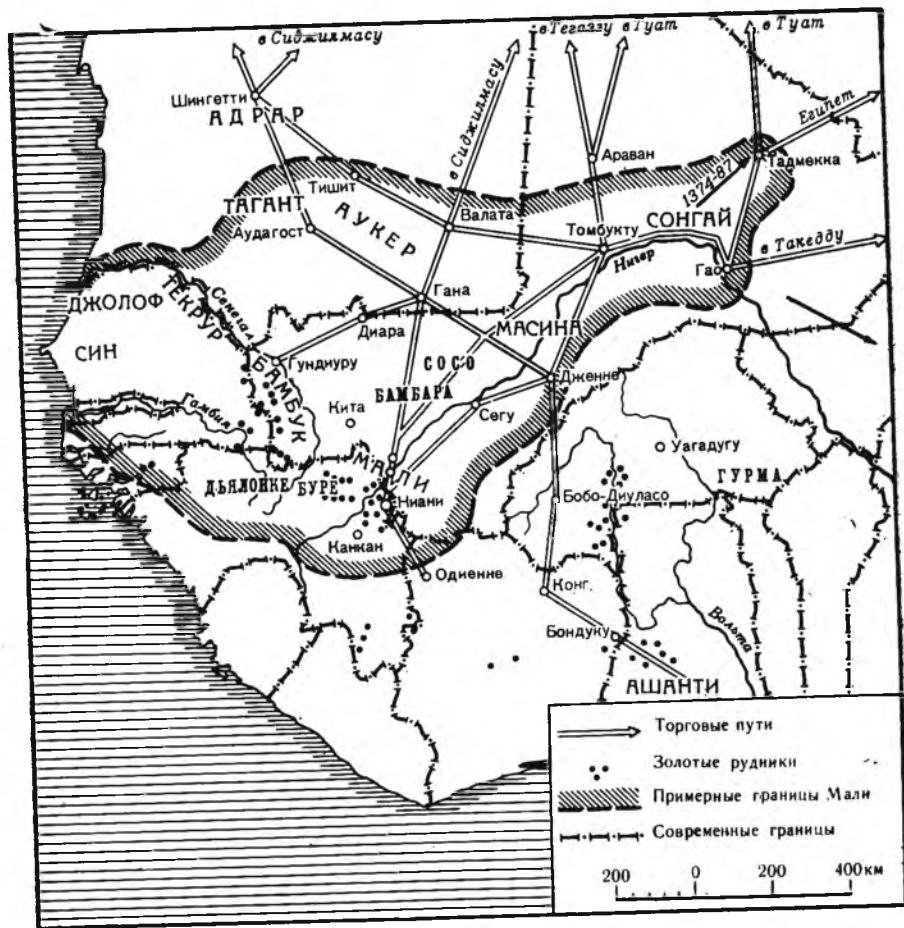
Все это относится к последнему периоду существования города после захвата его альморавидами. Все захоронения принадлежат мусульманам, и весьма вероятно, что все то, что напоминало о язычниках, в том числе и царские захоронения в курганах, описанные ал-Баكري, было уничтожено фанатиками Абу Бакура ибн Омара. К тому же единственной, полученной радиоуглеродным методом датировкой городища является 1200 ± 120 г. н. э.; она вполне согласуется с датировкой 1240 г., определяемой на основе письменных источников, повествующих о разрушении города Сундьятой.

Раскопки Ж. Девисса и Д. и С. Роберов в Тегдаусте также позволили сделать весьма интересные наблюдения и дали обильный материал, дополняющий данные, полученные в Кумби-Сале. Здесь также развивалось каменное зодчество, но не такое совершенное: применяемый материал — песчаник — был не столь пригоден, как красивые и удобные сланцевые плитки. В городе строили многочисленные дома, а за чертой города располагался некрополь. Утварь, особенно глиняная посуда, напоминает найденную в Кумби, но здесь больше глазурованных ламп; был даже обнаружен тайник с золотыми слитками и украшениями.

Весьма вероятно, что здесь, как и в Кумби, археологи не дошли до относящихся к доисламскому периоду слоев, столь необходимых для изучения периода, о котором мы практически ничего не знаем.

Мали

О происхождении Мали, как и Ганы, известно очень немного. Весьма вероятно, что первоначальное ядро, из которого выросло одно из самых больших государств Африки, было не очень большим. Это племенное объединение находилось по обе стороны Нигера у впадения р. Санкарани, в непосредственной близости от богатых золотых месторождений Буре. Мали, следовательно, лежало много южнее Ганы, оно располагалось на 12° , а не на 16° северной широты. В таком перемещении на юг, безусловно, следует видеть желание отдалиться от сахарских кочевников, разрушивших Гану. В этих довольно низких широтах встречаются верблюды, однако они приходят сюда только в сухой сезон; из-за трипаномы редки и лошади. Правителям Мали, следовательно, не приходилось опасаться белых воинов, кочевников Сахары, которые, лишившись

Мали

своих традиционных верховых животных, оказывались беспомощными.

И на этот раз первые сведения о Мали, принадлежат ал-Бакри. Он, вероятно, и не бывал сам в тех краях, но был, безусловно, хорошо осведомлен. Ал-Бакри рассказывает о принятии ислама правителем Мали в середине XI в. с целью прекратить опустошавший страну голод: как только он произнес пятничную молитву, пролился дождь...

Нам неизвестно о том, кто был этим правителем. В конце XIV в., тремя столетиями позже, великий историк Ибн Халдун сообщает, что этого первого мусульманского правителя якобы звали Бермандана, однако Ш. Монтей несогласен с такой идентификацией.

В XII в. Мали, должно быть, вело мирное существование, по-

прежнему поставляя арабо-берберским торговцам Сахеля золото из Буре и рабов, захваченных у языческих народов юга.

Если верить устному преданию мандингов, которое было канонизировано наряду с другими гриотами из Киелы, в Мали в начале XIII в. правил царь Фа Маган и ему должны были наследовать двенадцать сыновей. Однако правитель государства Сосо, контролировавший территорию Мали наряду с другими областями, убил одного за другим одиннадцать из них, оставив в живых лишь младшего, чье слабое здоровье — по-видимому, он был парализован в первые годы жизни — исключало всякие опасения на его счет.

Однако молодой царевич выздоровел, вырос, собрал вооруженную силу и выступил против угнетателя своего народа. В 1235 г. состоялась решающая битва войска Сундьяты с силами правителя Сосо Сумаоро, в которой царевич одержал победу. Сундьята сумел извлечь из нее пользу. Он захватил все входившие в состав Сосо области, включая остатки Ганы, и создал государство, простиравшееся далеко в глубь излучины Нигера и включавшее на западе золотые россыпи Буре и Галама.

Весьма возможно, что именно Сундьята сделал своей столицей Ниани (теперь это скромная деревушка на р. Санкарани в Гвинее на границе с Республикой Мали). Здесь, как сообщает предание, он утонул в 1255 г.

Как это часто случается в истории, преемниками великого государя оказываются бесцветные личности; именно так и произошло в Мали после смерти основателя государства. О наследниках Сундьяты нам практически ничего не известно, кроме самого факта их существования, упомянутого Ибн Халдуном в его знаменитой «Истории берберов».

В 1285 г. власть захватил вольноотпущенник царского клана Сакура. При этом правителе территория Мали значительно расширилась. Активизировалась транссахарская торговля. Власть правителя была достаточно прочной, и он мог оставить страну для совершения паломничества в Мекку. На обратном пути он был убит (около 1300 г.).

Теперь потомкам Сундьяты удалось вернуться к власти. Благодаря сведениям ал-Омари, относящимся к 1337 г., мы знаем, что один из них — Абу Бакр II, желая познать пределы океана, отправил в сторону захода солнца 200 лодок, должно быть, вышедших в океан из р. Гамбии; назад вернулся всего один человек после того, как на его глазах погибли все остальные. Не желая верить спасшемуся, правитель велел снарядить уже 2 тыс. лодок и на этот раз отправился сам, передав власть сыну, Канку Мусе. Разумеется, и из этого плавания не возвратился никто, да иначе и не могло быть. До прихода португальцев парус здесь был неизвестен; на веслах совершить длительное плавание было невозможно.

Таким образом, в 1312 г. у власти оказался Канку Муса. Его правление и правления двух его преемников знаменуют расцвет Мали. Завоевания Сундьяты, упроченные территориальными приобретениями Сакуры, поставили под прямую или косвенную власть

Мали большинство стран, лежащих в саванне от устья р. Гамбии на западе до границ хаусанских государств на востоке. Племена туарегов на юге Сахары, народы золотосных районов, сонинке и сонгаи, торговые города на Нигере — все повиновались владыке Ниани. Сохранить независимость, несмотря на постоянные войны, смогли лишь враждебные исламу государства моси, обитавшие в своих неприступных скалах догоны и народы южных областей, которых защищало от мандингской конницы присутствие мухи цеце.

Единственный известный нам факт, относящийся к правлению Канку Мусы (1312—1337), принявшего титул *манса*, — это его паломничество в Мекку в 1324 г. Все арабские авторы подробно описывают это путешествие, сильно поразившее воображение современников, особенно кайрцев. В самом деле, малийский правитель вез с собой около 10 или 12 т золота для оплаты путевых расходов и вступил в Каир, сопровождаемый множеством богато одетых рабов, каждый с золотым слитком в руках. Этот громадный приток золота на много лет понизил на Ближнем Востоке его цену.

Мы знаем также о встрече Мусы с египетским султаном, о подарках, которыми они обменялись, о покупках, сделанных в Каире его свитой, о дарах, поднесенных мансой святым городам Аравии, и о долгах, наделанных правителем и его людьми на обратном пути.

Муса вернулся в Мали в сопровождении ученых, музыкантов, духовных лиц, юристов и торговцев, установивших прочные экономические и культурные связи между Египтом и Мали к выгоде обоих государств. К этому времени относится учреждение университета Санкоре в Томбукту, который в XV—XVI вв. готовил образованных людей для всего Западного Судана, а также распространение арабской архитектуры, приспособленной для Судана.

Манса Маган наследовал своему отцу и правил очень недолго (1337—1341), о нем нам почти ничего не известно. Затем настала очередь *мансы* Сулеймана, брата *мансы* Мусы, правившего около 20 лет (1341—1360). Это его встретил марокканский путешественник Ибн Баттута, посетивший Мали в 1352—1353 гг. Благодаря этому автору мы довольно хорошо осведомлены о Сулеймане и о Мали середины XIV в. Мы имеем представление о жизни двора, религиозных праздниках, сохранявших следы местных африканских верований, царских приемах. Ибн Баттута не щадит *мансу* Сулеймана, обвиняя его в «скупости»: пойдем это лучше таким образом, что тот не занимался, как *манса* Муса, безумным расточительством и больше своего брата заботился об упорядочении денежных средств своего государства.

Со смертью Сулеймана начинается упадок Мали: его сын Каса правил всего девять месяцев (1360), после чего власть перешла к Мари Дьяте II, сыну *мансы* Магана. Его четырнадцатилетнее правление оставило о себе плохую память (1360—1374): народ был разорен налогами, *манса* проявил себя тираном и тратил деньги государственной казны, как пишет Ибн Халдун, «на всевозможные безумства и излишества». По словам того же Ибн Халдуна, его

сын Муса II (1374—1387) «избежал повторения ошибок своего отца и действовал, чтобы обеспечить народу блага правосудия и хорошего управления». Но реальная власть находилась в руках его великого везира Мари Дьяты: время сильных государей Мали уже миновало.

О последних правителях существуют только очень краткие упоминания Ибн Халдуна. После автора «Истории берберов» о них не сообщает ни один источник; весьма любопытно то, что сонгайские хроники молчат относительно малийских правителей XV в.

Анархия предопределила распад государства: Сонгай объявило себя независимым; в 1400 г. с юга вторглись моси, дойдя вплоть до оз. Дебо, а к 1433 г. вся южная часть Сахары перешла к туарегам. В конце XV в. после ударов сонгаев под контролем правителей Мали остались лишь западные земли от Нигера до Атлантического океана, на побережье которого только что появились европейцы. Союза с ними против своих противников безуспешно добивались правители Мали.

В XVI—XVII вв. упадок усиливается, и вскоре бамбара во главе с Битоном Кулибали кладут конец существованию державы. Владения клана Кейта сведены к области Кангаба, его колыбели, однако мандингские гриоты сохранили память о великом Мали и особенно о его знаменитом основателе Сундьяте.

В отличие от Ганы мы мало знаем об археологии средневекового Мали. Отождествление столицы государства Ниани с небольшой гвинейской деревней на р. Санкарани весьма правдоподобно. Там неоднократно проводились раскопки, наиболее значительные из них осуществляет польско-гвинейская экспедиция. Работа археологов затруднена тем, что в отличие от Кумби-Сале и Тегдауста, возведенных из камня, Ниани выстроена из *банко* — необожженной глины: она в буквальном смысле «растаяла» с течением времени. От других городов сохранился лишь фундамент мечети в древнем Гао и несколько могильных стел.

Сонгай

Эстафету Мали суждено было принять Сонгай. О начальном периоде его существования, как и о предшествующих государствах, известно совсем немного. Изучать его поэтому целесообразно по примеру Ж. Руша путем привлечения данных этнологии и социологии.

Вдоль Нигера ниже Гао, в районе Кукии, жили сонгаи, делившиеся на рыбаков (сорко) и охотников (гоу), которыми управлял правитель-жрец — *канта* из клана Фаран.

Сонгаи поклонялись огромной чудовищной рыбе — духу воды, который господствовал над ними. Согласно легенде, пришедший из Йемена чужестранец убил рыбу и основал династию правителей Дья. Центр этого небольшого государства находился в Кукии.

Пятнадцать правителей-анимистов из династии Дья сменяют друг друга до принятия ислама (около 1000 г.). Затем прежняя

столица была оставлена и главным городом стал Гао — поселение, удобно расположенное на выходе к Нигеру одного из самых важных транссахарских торговых путей, идущего вдоль долины р. Тилемси. Сухой климат Гао также больше подходил средиземноморским торговцам, чем климат расположенной южнее Кукии, оставшейся тем не менее местом коронации правителей Дья.

Гао состоял, как и Гана, из двух находившихся рядом городов. Царь и его окружение жили в Сане, неподалеку от которого были найдены датируемые XII в. царские стелы; в районе, расположенном у впадения р. Тилемси в Нигер, обитали торговцы. Основой торговли была сахарская соль. Отсюда часть ее отправляли вниз по реке, но главным образом товары шли вверх по Нигеру, где сорки обладали монополией на речные перевозки к рынкам золота и орехов кола.

Мы мало знаем о периоде до XIII в., когда сопротивление экспансии Мали возглавили правители-сонни. Впервые Сонгай было завоевано войском малийского государя Уали (1255—1270), а члены царской семьи были уведены в полон. Старший из них, Али Колен, впоследствии вернулся в страну и освободил часть ее от малийского владычества.

Сонгайские правители ждали своего часа, наблюдая за ослаблением Мали, резко ускорившимся уже в конце XIV в. Около 1400 г. сонни Мадого разоряет столицу Мали. Однако лишь во второй половине XV в. Сонгай одержало верх над своим соперником. Это выпало на долю сонни Али (1464—1492), который сумел создать огромное государство, ставшее при его преемниках равным по размерам империи Карла Великого.

О сонни Али мы знаем лишь по описанию, сделанному его противниками — благочестивыми составителями хроник. Они порицают его как распутника, безбожника, тирана, преследователя мусульман, но вместе с тем с гордостью подчеркивают, что он всегда был победителем, что ни одно его войско не удавалось обратить в бегство: «всегда — победитель, никогда — побежденный», — сообщает «Тарих ал-фетташ».

Все современные исследователи единодушно считают сонни Али великим правителем Тропической Африки. Он был не только победоносным военачальником, но, как и Наполеон, организатором и ловким политиком, смотревшим далеко вперед. Он очень хорошо видел опасности, грозившие его стране со стороны туарегов, фульбе, Мали и исламской идеологии, и пытался устранить или уменьшить их. Будущее подтвердило его правоту.

В результате военных походов сонни Али разбил туарегов и завладел Томбукту и всей излучиной Нигера. Победив бариба в Боргу, затем фульбе, догонов и другие этнические группы, он распространил свою власть на все среднее течение Нигера, и ко времени его смерти в 1492 г. его владения простирались от Денди до Мопти, намного превзойдя по размерам слабевшее Мали.

Для управления страной сонни Али поставил во главе различных провинций верных ему людей; превратил сонгайскую флоти-

лию в действенное средство связи и транспорта, тем более необходимое, что государство было вытянуто вдоль Нигера; он прорыл оросительные и судоходные каналы и твердой рукой правил различными районами своей страны. И пусть он иногда силой усмирлял упрямцев — какому же правителю нельзя бросить этого упрека?

После смерти сонни Али ему наследовал его сын Баро, также боровшийся с мусульманами. Он, однако, был лишен выдающихся качеств своего отца, и ему сразу же пришлось вступить в борьбу с происламской фракцией своего войска, во главе которой стоял один из военачальников его отца — Мухаммед. В 1493 г. Мухаммед лишил Баро престола.

С приходом к власти узурпатора Мухаммеда Сонгай вступает в новую эпоху. Политика *аскии*⁴⁰ в политической и религиозной сферах основывалась теперь на поддержке ислама. Сословие духовных лиц в Томбукту снова в чести, среди них *аския* выбирает своих советников. В самом начале своего царствования *аския* совершил паломничество в Мекку (1496—1497), добившись своей инвеституры в качестве халифа «Текрура». Благодаря хронике «Тарих ал-фетташ» мы очень хорошо осведомлены об этом периоде.

✓ В военной области *аския* продолжил завоевательную политику своего великого предшественника; ведя «священную» войну с «неверными» юга, он одновременно воевал с мусульманами Мали и фульбе на западе, а на востоке присоединил к своей державе большую часть хаусанских государств. К 1516 г. государство Сонгай занимало громадную территорию: оно контролировало, непосредственно или косвенно, всю зону саванн Западной Африки от окрестностей оз. Чад до Сенегала (только Борну едва избежало захвата). *Аския* владел всеми соляными копами от самого центра Сахары до границы тропического леса. Как и сонни Али, он был хорошим организатором и смог бы объединить весь Судан, если бы, как все завоеватели, не злоупотребил своим могуществом.

Сведения об *аскии* Мухаммеде известны только из хроник, без устали превозносивших его. Рассказ же беспристрастного, как кажется, свидетеля Льва Африканского, путешествовавшего по этому государству в период его наивысшего расцвета, никак не вяжется с подобными восхвалениями. *Аския* был невероятно жесток по отношению к побежденным, убивая правителей, уводя в рабство жителей или разоряя их налогами, оскоряя одних вождей и отравляя других. Заметим, что все это делалось по отношению к мусульманским (хотя бы формально) государствам, лежащим на юго-восточных окраинах Сахеля. С язычниками же можно было поступать еще более бесцеремонно: у них был выбор лишь между смертью и рабством.

Можно представить, сколько ненависти накопилось у соседей Сонгай и каким страстным должно было быть их стремление к отмщению. *Аския* Мухаммед не умел проводить политику примирения и ассимиляции, которая могла бы объединить разнородные провинции. Сонгай — колосс на глиняных ногах — не могло долго

существовать: единственной опорой его было войско и внушаемый им страх.

К концу правления *аскии* начинаются мятежи в дальних провинциях. Один из сыновей *аскии*, Муса, в 1529 г. смещает своего почти ослепшего 86-летнего отца. Мухаммед, по-видимому, умер в 1538 г. в возрасте 95 лет и был похоронен в Гао в глинобитной мечети, до сих пор известной как «могила *аскии*». Муса правил два года и был свергнут племянником *аскии*, Мухаммедом Бенканом (1531—1537), которого лишил трона другой сын великого *аскии* — Исмаил (1537—1539). Затем настала очередь его брата Исхака (1539—1549). Ему удалось усмирить некоторые мятежи и даже защитить соляные копи Тегаззы от марокканцев. После него на трон вступил его брат Дауд (1549—1582), правление которого прошло в непрерывных попытках удержать единство Сонгай. При его преемнике ал-Хадже (1582—1586) марокканцы возобновили нападения на Сонгай, заняв в 1585 г. Тегаззу. Короткое правление его брата Мухаммеда Бани (1586—1588) было отмечено длинной чередой дворцовых интриг.

Последнему *аскии*, Исхаку II (1588—1591), выпало на долю увидеть конец своей великой державы, наступивший, впрочем, во многом из-за его ошибок: он не смог устранить угрозу со стороны марокканцев, явственно обозначившуюся в 1590 г. с началом похода против Сонгай марокканского паши Джудара. Об этом походе, однако, было известно, так как *аския* велел находившимся под его властью туарегам засыпать сахарские колодцы. Но его приказ, по-видимому, не был выполнен; кроме того, он был очень плохо осведомлен о продвижении вражеского войска и, возможно, излишне полагался на невозможность преодоления пустыни, что так хорошо помогало его предшественникам. *Аския* мог бы без труда разбить своего противника, прежде чем тот достиг Нигера, но он организовал оборону лишь своей столицы Гао. Одною только факта наличия у марокканцев огнестрельного оружия (это еще одна непредусмотрительность *аскии*: султан Борну в то время уже имел его) недостаточно для объяснения сокрушительного поражения сонгаев в битве при Тондиби⁴¹ в 1591 г. Плохой воин, непредусмотрительный политик, *аския* к тому же держал подле себя, указывает Ж. Руш, *альфу* (советника), безусловно подкупленного марокканцами, который и заставил *аскию* повернуть назад при первых же выстрелах.

Причинами поражения Сонгай в большей степени, чем ружья Джудара, были политические и экономические факторы. При каждой смене правителя неизменно вспыхивала борьба между бесчисленными родственниками умершего *аскии*, каждый из которых стремился, опираясь на группу своих сторонников, захватить власть. Кроме того, как мы видели, периферийные провинции, присоединенные в результате кровавых войн, жестоко угнетаемые, отнюдь не поддерживающие центральную власть, ждали лишь случая сбросить чужеземное иго. Таков удел всех деспотий.

Ко всему этому добавились трудности экономические: постоян-

ные войны мало способствуют хозяйственному развитию. Кроме того, появление на побережье португальцев, особенно после постройки форта Эльмина в 1482 г., привело к изменению направления торговли золотом и рабами, которая на протяжении столетий обогащала суданские державы. Неспособная обстановка на некоторых караванных путях, где торговцев грабили кочевники, потеря захваченных марокканцами соляных копей Тегаззы, лишившая Сонгай основного обменного товара при получении золота с юга, затруднили покупку необходимых для сонгайской конницы магрибинских лошадей, выплату денег войску и союзникам. Не объясняется ли нежелание туарегов помешать продвижению Джудара главным образом задержкой традиционных даров?

Следствием поражения при Тондиби стал конец Сонгай, а также великих государств средневекового Судана. Вслед за десятилетиями мира (конечно, относительного) и процветания наступил длительный период анархии, который продлился до конца XIX в. Марокканцам не удалось установить контроль над всеми сонгайскими территориями, и они укрепились лишь в Гао, Томбукту и Дженне, постоянно ведя борьбу с туарегами, фульбе и бамбара. Впрочем, в итоге они растворились в массе местного населения, образовав сохранившуюся до наших дней группу арма.

Эпоха великих держав — одна из самых славных страниц западноафриканской истории. Важно не только то, что слава о них распространилась далеко за их пределами: Судан до открытия Америки в значительной степени снабжал мировую экономику золотом. Изучая историю Тропической Африки, нельзя не признать, что на берегах Нигера расцвела выдающаяся африкано-исламская цивилизация, память о которой не утрачена. Неудивительно поэтому, что из трех величественных имен — Гана, Мали и Сонгай — два были возрождены, чтобы дать имя независимым западноафриканским государствам.

Глава 3

ПЛАВАНИЯ ДРЕВНИХ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

От античности до XIII в.

Мы объединяем в одном разделе плавания, которые были осуществлены до XIII в., потому, что, если не считать незначительных усовершенствований, в течение этого долгого времени типы судов практически не менялись: различия между кораблями греков и римлян и судами эпохи начала Крестовых походов весьма незначительны. Капитан Лефевр де Ноэ, специалист по этому вопросу, писал: «До XIII в. водоизмещение судов, их устройство, оснастка, управление, так же как и их использование, не претерпели никаких изменений, никакого заметного усовершенствования».

В те времена существовало два типа судов — парусные и греб-

ные. Суда первого типа, широкие и «пузатые», часто были закругленными с носа и кормы. Большой четырехугольный парус поднимался на слегка наклоненную вперед мачту, а носовая часть неслала иногда небольшой кливер, позволявший использовать косой попутный ветер. Управление осуществляли двумя большими боковыми веслами *arlustres*. Так выглядел большой торговый корабль, распространенный по всему Средиземноморью: для управления им было достаточно нескольких человек.

Гребные суда, узкие и удлиненные, имели на носу таран, который использовался при abordажных схватках. Их палуба была почти горизонтальной. Четырехугольный парус позволял двигаться при хорошем попутном ветре, а действия гребцов (их число было различно, и суда с 50 веслами — *pentecoptores* — часто упоминаются в текстах) давали большую свободу маневра. В отличие от парусников они могли идти вперед в штиль и даже при легком встречном ветре. Как и парусники, гребные суда управлялись боковыми веслами.

Многочисленность экипажа ограничивала возможность применения гребного судна: в основном его использовали флоты государей, могущественные города, а также корсары и пираты. В отличие от парусников это были военные, боевые, пиратские суда.

Отметим мимоходом, что четырехугольный парус и рулевые весла не позволяют идти даже против слабого ветра и что преодолеть встречные ветры невозможно и на веслах. Вспомним, какую роль играют ветры в «Илиаде» и в «Одиссее»: Агамемнон не колеблясь принес в жертву свою дочь Ифигению, чтобы сделать их благоприятными. А ведь он располагал гребными судами, и расстояние между Авлидой и Троей не превышало 400 км.

Водоизмещение античных кораблей редко превосходило 60 т (90 куб. м), поскольку — о чем также не следует забывать — они строились так, чтобы их можно было вытянуть на берег в неблагоприятную погоду. Галера брала на борт 50 пассажиров или 30 лошадей, но на короткий переход, если было нужно, она могла взять до 400 человек, включая тех, что находились на палубе. Так перевозили рабов или пленников.

Геродот оценивал скорость кораблей в 700 стадий (120 км) за день и в 600 стадий (105 км) за ночь при благоприятных условиях и попутном ветре. Пройденные за 24 часа плавания 150 км были неплохим средним показателем. Наоборот, при неблагоприятных условиях плавания затягивались безнадежно: Рутилий⁴², прождав две недели юго-восточного ветра, затратил на путь от Остии до Генуи два месяца.

Плавали по числению курса и с промерами глубин, т. е. с помощью способов, которые не столь давно были в ходу у рыбаков Средиземноморья. Ночью определяли путь по звездам, но в облачную, пасмурную погоду никаких ориентиров не было. Морьякам помогали лоции и периплы, но в конечном счете все решал опыт.

Каковы ветры, дующие вдоль африканских берегов? В Атлан-

тическом океане благоприятные ветры господствуют от Гибралтарского пролива до Канарских островов, тогда как дальше, до Сенегала, в течение всего года с северо-востока на юго-запад дуют сильные пассаты. Дальше к югу ветры переменные, но в основном благоприятные для плавания от Сенегала до Камеруна. Напротив, возвращение тем же путем было весьма сложным. От Габона до мыса Доброй Надежды весь год дуют встречные ветры, зато они очень благоприятны для плывущего вдоль берега в направлении экватора.

На восточном побережье Африки положение совершенно иное. В Красном море дуют переменные, но скорее благоприятные для выхода в Индийский океан ветры. На веслах от Египта до Баб-эль-Мандебского пролива идут 40 дней; морской путь дублируется сухопутным, идущим от Адена до Аммана через Мекку и Медину, что позволяет избежать обратного рейса, трудного в некоторые сезоны.

От мыса Гвардафуй зимний муссон дует в юго-западном направлении, позволяя легко добраться до берегов Занзибара и даже до р. Замбези. Летом муссон дует в обратном направлении, создавая возможность плавания на север. Тем самым были поставлены пределы плаваниям в древности на судах с четырехугольным парусом и даже с гребцами, неспособных преодолеть встречный ветер: в Атлантическом океане люди плавали не дальше Канарских островов, так как иначе они не смогли бы вернуться на своих судах обратно. Напротив, в Индийском океане смена направлений муссонов давала мореплавателям возможность ходить южнее экватора, а затем возвращаться в Аден и египетские порты. Не случайно поэтому до 1434 г. южной границей атлантических плаваний оставался мыс Бохадор, тогда как в Индийском океане до конца XV в. конечным пунктом плавания арабов к югу была Софала, расположенная южнее Замбези, на 20° ю. ш.

Таковы предварительные сведения, которые следует изложить, прежде чем приступить к изучению древних плаваний вдоль берегов Африки. Именно из-за небрежения к ним или их недооценки большинство авторов преувеличивало дальность некоторых морских путешествий в Атлантическом океане к югу от Марокко или принимало за достоверные сообщения о дальних плаваниях.

Мореплаватели античности и раннего средневековья на берегах Африки. Как полагают современные ученые, мореплавание, вероятно, возникло только в VII тысячелетии до н. э., и именно к этому времени следует отнести заселение до того необитаемых островов Средиземного моря (за исключением уже ранее заселенной Сицилии). Но лишь в III тысячелетии были совершены морские путешествия между устьем Инда и Месопотамией вдоль берегов Персидского залива. Во II тысячелетии египтяне отправляют свои суда в страну Пунт, т. е. в Южную Аравию, и в страну сомалийцев, а финикийцы около 1100 г. до н. э. основывают в тысячах километрах от своей родины, на североафриканском побережье, города Утику, Ликс и Танжер.

Около 600 г. до н. э. было, возможно, совершено необычайное путешествие: плавание вокруг Африки, о котором сообщает Геродот. Фараон Нехо повелел финикийцам отплыть из египетского порта на Красном море на юг и вернуться через Геракловы столпы, обогнув континент с востока на запад. Финикийцы плыли, таким образом, в течение трех лет, приставая к берегу, когда можно было сеять, и ожидая жатвы, чтобы потом плыть дальше. «По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), — пишет Геродот, — во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне» (IV, 42). Уже сам скептицизм Геродота, сообщавшего об очевидном для нас наблюдении (за экватором солнце находится справа от плывущего с востока на запад), побудил многих авторов поверить в подлинность этого путешествия.

Впрочем, путешествие от Суэца до Камеруна не представляет никаких серьезных трудностей. Достаточно знать, когда наступает благоприятный сезон для плавания вдоль берегов Восточной Африки (зимний муссон): в это время постоянно дуют попутные ветры. Положение осложняется в Гвинейском заливе, но особенно от Сенегала. Мы уже видели, что судно с четырехугольным парусом и без руля (это в равной степени относится и к гребным судам) не могло возвратиться на север вдоль атлантического побережья Африки, где дуют самые сильные на всем побережье встречные ветры.

Каким же образом финикийцы достигли Марокко, где они могли встретить своих соотечественников? Есть только одна разгадка: они вернулись по суше. Археологические исследования последних десятилетий доказали, что между Южным Марокко и Южной Мавританией на некотором удалении от берега проходила «дорога колесниц», датируемая I тысячелетием до н. э. Вдоль нее примерно в двадцати местах было обнаружено около 200 рисованных или высеченных на камне изображений колесниц. Поскольку этой дорогой пользовались ливо-берберы, связанные с карфагенянами на побережье Марокко и, следовательно, понимавшие язык финикийцев, то путешественникам не стоило никакого труда за хорошее вознаграждение перебраться через Сахару и там встретить суда своих соотечественников, которые и доставили их из Марокко в Карфаген, а оттуда в Египет.

Итак, все-таки возможно, что это исключительное путешествие, в котором, впрочем, сомневаются многие исследователи, было действительно совершено, поскольку существование «дороги колесниц» позволяет объяснить, каким образом финикийцы смогли преодолеть трудности перехода от Сенегала до Марокко. Лишь спустя 2 тысяч лет его повторили португальцы, но плывя уже с запада.

Тот же Геродот сообщает (IV, 43) еще об одном путешествии — перса Сатаспа, которому Ксеркс (около 470 г. до н. э.) в виде наказания повелел совершить плавание вокруг Ливии, отправившись с запада. Сатасп был вынужден вернуться, не завершив путешествия, что для нас неудивительно: каким образом мог бы он добраться вопреки ветрам и течениям от Камеруна до мыса Доброй Надежды и оттуда до Софалы? Каких же мест он достиг? Сатасп

сообщает, что встретил «маленьких людей» в одежде из пальмовых листьев. Если бы речь шла о пигмеях, тогда он, должно быть, добрался до Камеруна, а главное — вернулся оттуда. Возникает вопрос: не посоветовали ли ему сопровождавшие его лукавые финикийцы попросту укрыться в какой-нибудь бухточке в Южном Марокко, затаиться на какое-то время, а потом вернуться и рассказать царю свои басни? Ксеркс, по-видимому, заставил заговорить сопровождавших Сатаспа, поскольку в конце концов тот был посажен на кол.

Геродот (IV, 196) сообщает и о немой торговле золотом, которую вели в его время (около 450 г. до н. э.) карфагеняне на ливийском берегу к западу от Геракловых столпов. Она могла совершаться только на юге Марокко, если принять во внимание характер ветров. Идет ли речь о местном золоте (немного золота есть в Сусе) или о суданском, доставленном по «дороге колесниц»? Ответить на этот вопрос при нынешнем уровне наших знаний мы не в состоянии.

Пока что самой южной точкой, где при раскопках были найдены античные изделия (монеты, керамика, лампы, мелкие бронзовые вещи и т. п.), является о-в Могадор, лежащий против Марокканского Атласа. Все это, бесспорно, свидетельствует о том, что карфагеняне и римляне с VII в. до н. э. по IV в. н. э. постоянно посещали эти берега. Вполне вероятно, что это — расположенный в одной миле от берега о-в Керне, о котором упоминали Полибий и Плиний. Впрочем, нет других островов, которые можно было бы идентифицировать с упоминавшимися Полибием и Плинием, и ни на одном из более южных островов (Эрне, в заливе Рио-де-Оро, Арген, Тидра, Горе и др.) не было найдено, несмотря на поиски археологов, ни одного античного глиняного черепка или монеты. В глазах тех, кто, подобно мне, отрицает возможность древних плаваний южнее мыса Бохадор (за исключением, может быть, плавания финикийцев при Нехо), это является весомым аргументом.

В неустановленное время (около IV в. до н. э.) Евтимен из Марселя, по гораздо более поздним сообщениям, якобы достиг на африканском побережье реки, в которой водились крокодилы и бегемоты. Если вараны и крупные ящерицы (по-гречески *krokodailos*, отсюда — возможное смешение с крокодилом) еще встречаются в Южном Марокко, то наличие бегемотов, если к тому времени они еще не перевелись в таких реках, как Нун и Дра (а это удастся установить, только если археологи найдут их останки), наводит на мысль о Сенегале. Мы более чем скептически относимся к реальности этого путешествия все по той же причине — невозможности возвращения к северу.

К середине IV в. до н. э. относится текст, известный под названием «Перипл Внутреннего моря», — произведение Скилака Карияндского, которого мы вслед за многими авторами именуем Псевдо-Скилаком. В нем описывается атлантическое побережье Африки от мыса Спартель до Керне (о-в Могадор). Нет сомнения в том, что и здесь речь идет о средиземноморской зоне, несмотря

на упоминание об эфиопах («обожженные лица» — это южные ливо-берберы); здесь выращивали виноград и делали из него вино.

Перейдем к самому известному источнику о плаваниях древних в Атлантическом океане — «Периплу» Ганнона. Ему посвящена огромная литература. Действительно, на этот раз мы имеем относительно подробный документ, содержащий множество сведений, которые позволяют наконец, как считают некоторые историки, узнать, что представляло собой западноафриканское побережье в античную эпоху и что делали там карфагеняне.

Увы! Весьма вероятно, что это подделка. Судя по тексту, мореплаватель по имени Ганнон был якобы официально послан Карфагеном, чтобы основать колонии в Марокко, а затем исследовать лежащее за ним побережье. Выполнив первую часть задания, Ганнон отправляется из последней основанной им колонии к югу, к острову Керне, берет переводчиков из Ликса и держит курс в южном направлении.

Он плывет по какой-то реке Хретис до окруженного высокими горами озера с тремя островами, входит в другую реку, кишашую крокодилами и бегемотами, а затем возвращается к Керне. Вновь пустившись в плавание, он в течение двенадцати дней идет вдоль побережья, населенного эфиопами, огибает высокие, покрытые деревьями горы, достигает залива «Западный Рог», пристает к какому-то острову и доходит до высокой горы, называемой «Колесницей богов» и окутанной пламенем. Наконец, на острове в заливе «Южный Рог» он ловит самок обезьян, которых называет гориллами, после чего, исчерпав запасы продовольствия, возвращается в Карфаген.

Бесчисленное множество толкователей текста пыталось сопоставить его сведения с африканскими реалиями, но никому не удалось сделать это достаточно убедительно. Одним приходилось невероятно удлинять указанные расстояния, чтобы найти за Марокко описанные горы (за Антиатласом горы встречаются впервые в Гвинее, в 3 тыс. км южнее), другим — укорачивать их, чтобы найти «Колесницу богов» в Южном Марокко.

Толкователи текста выделяют наряду с деталями, которые они считают точными, выразительными и убедительными, существенные ошибки, вымыслы и неясности. Хотя подавляющее большинство авторов верит в подлинность этого «Перипла» (ранее и я разделял эту точку зрения), правильное присоединиться к Г. Жермену, отстаивающему совершенно противоположное мнение.

Исследуя «Перипл» с филологической точки зрения, он отмечает, что речь идет о позднем тексте, относящемся, вероятно, лишь к I в. до н. э. Жермен считает текст упражнением посредственного литератора, а скорее всего — дерзкой подделкой, проданной какому-нибудь легковерному греку в качестве подлинного документа. Приводя среди прочих доказательств красноречивое молчание таких серьезных географов, как Полибий и Страбон, Жермен выносит следующий приговор этому знаменитому тексту: «Поступим же, как сами древние: перестанем считать это многословие докумен-

том, прекратим раз и навсегда серьезные споры по этому вопросу». Я полностью разделяю это мнение, добавляя к филологическим обоснованиям уже упоминавшуюся невозможность возвращения к северу вдоль сахарских берегов⁴³.

Более поздние плавания в древности совершались только в марокканских водах до Канарских островов. Полибий (около 146 г. до н. э.) считает, что все карфагенские торговые пункты на побережье до мыса Юби были созданы Сципионом Эмилианом, осаждавшим в то время Карфаген. В отличие от содержащихся в «Перипле» Ганнона, все упоминаемые Полибием названия легко идентифицировать с современными топонимами. Его остров Керне может быть — мы уже говорили об этом — только островом Могадору.

Евдокс Кизикский после 117 г. до н. э. решил обойти Африку, выйдя из Гадеса, т. е. Кадиса. После долгого морского перехода ему удалось высадиться лишь на земле эфиопов, «соседей королевства Бокх», т. е. в Южном Марокко.

Канарские острова были открыты в начале I в. до н. э. неизвестными мореплавателями из Кадиса. Благодаря королю Юбе II, отправившему туда своих людей, а также Плинию, мы имеем об этих островах некоторые сведения; архипелаг был нанесен на карты географа Птолемея (около 141 г. н. э.).

Следовательно, древние знали атлантическое побережье Африки не дальше мысов Юби и Бохадор, которые и оставались пределами плаваний вплоть до португальских открытий.

Совершенно иная картина складывалась в Индийском океане. Как мы видели, египтяне в поисках ладана, благовоний и слоновой кости уже плавали до Баб-эль-Мандебского пролива, а грек Скилак Кариандский около 510 г. до н. э. добрался от устья Инда до Суэца, обогнув южное побережье Аравии. Сабейские мореходы практически сохранили монополию на выгодную торговлю со страной ладана и, возможно, уже со II в. до н. э. совершали путешествия вдоль берегов Азии к экватору. Около 117 г. до н. э. зимний муссон увлек Евдокса Кизикского к югу от мыса Гвардафуй, но за этим путешествием не последовало других.

После прихода римлян в Египет морские путешествия в Индию участились: в начале I в. Гиппал открывает действие муссонов, позволяющих плавать напрямик между Аденом и портами малабарского побережья. Зимний муссон неминуемо должен был носить некоторые из судов к берегам Восточной Африки. Вот почему Птолемей сообщает нам, что греческие мореходы Диоген, Теофил и Диоскор посетили побережье Азии.

Впрочем, мы имеем возможность руководствоваться ценным текстом — «Периплом Эритрейского моря», морской лоцией и путеводителем для торговцев в Индийском океане, составленным во II в. н. э. В нем есть названия портов, сведения о ввозимых и вывозимых товарах, о расстояниях между примечательными местами побережья, о тамошних жителях и вообще все необходимые для мореплавания и торговли сведения. Торговые пункты Азии находились в руках южных арабов, осевших в этой стране не-

сколько поколений назад и державших в своих руках монополию на вывоз слоновой кости, черепаших панцирей, благовоний, рога носорогов и рабов.

Следовательно, благодаря смене направлений муссонов древние знали африканское побережье за экватором до мыса Делгаду, и есть все основания полагать, что плавания между этим побережьем и Южной Аравией не прерывались в течение всего времени, отделявшего составление «Перипла» от наступления эпохи ислама.

Арабские мореходы. Появление на континенте арабов не повлекло за собой значительного роста географических знаний о побережье. Мусульманские мореходы не вышли за пределы Южного Марокко.

«Искатели приключений из Лиссабона» (до 1147 г.)⁴⁴, возможно, обследовали Канарские острова и высадились около Сафи: это предание моряков, может быть, и не лишено достоверности, подобно сказкам Синдбада, вышивавшим узоры на реальной основе плаваний в Индийском океане.

В середине XIII в. судно географа Ибн Саида, направляясь в Южное Марокко, было унесено ветрами к «Зеленому заливу», или «Заливу тунцов». Оно пристало к какой-то горе, а оттуда через плантации сахарного тростника Ибн Саида привели в город Нул. Судя по этим подробностям, он, должно быть, пристал к берегу не южнее р. Дра. От ал-Омари нам известно кое-что о путешествии, которое совершил (до 1337 г.) вопреки своей воле некий моряк Мухаммед бен Рагано. Он прибыл в песчаную страну, населенную чернокожими, из которой возвратился в Марокко по суше. Отметим, что в двух последних случаях речь идет о путешествиях, совершенных по воле случая, и что их герои возвратились в марокканские гавани сухопутным путем.

Что касается плаваний в Индийском океане, то там упоминаются многочисленные путешествия вдоль восточноафриканского побережья, которые заканчивались в Софале, прибрежном рынке, где сбывалось добытое на месторождениях Зимбабве золото. Ал-Масуди в середине X в. даже побывал в этом районе сам.

В этот период богатые приморские города занзибарского побережья грабили индонезийские мореходы — вак-вак. Они, должно быть, уже несколько веков назад открыли и заселили Мадагаскар, необитаемый до наступления нашей эры. Захваченных ими от Модаши до Мозамбика чернокожих рабов перевозили именно на Мадагаскар. Смешение индонезийцев и африканцев дало начало современным мальгашам.

Таким образом, в XIII в. положение на африканском побережье остается почти таким же, каким оно было в конце античного времени. В Атлантическом океане не было сделано никаких успехов: Канарские острова были известны больше по упоминаниям в ученых трудах, заимствованным в конечном счете у Птолемея; только в Индийском океане мореплаватели отныне доходили до Софалы, расположенной южнее р. Замбези, т. е. немного продвинулись к югу от мыса Делгаду — предела, достигнутого древними. Един-

ственным важным событием, да и то едва упоминаемым арабами, явилось открытие Мадагаскара индонезийцами.

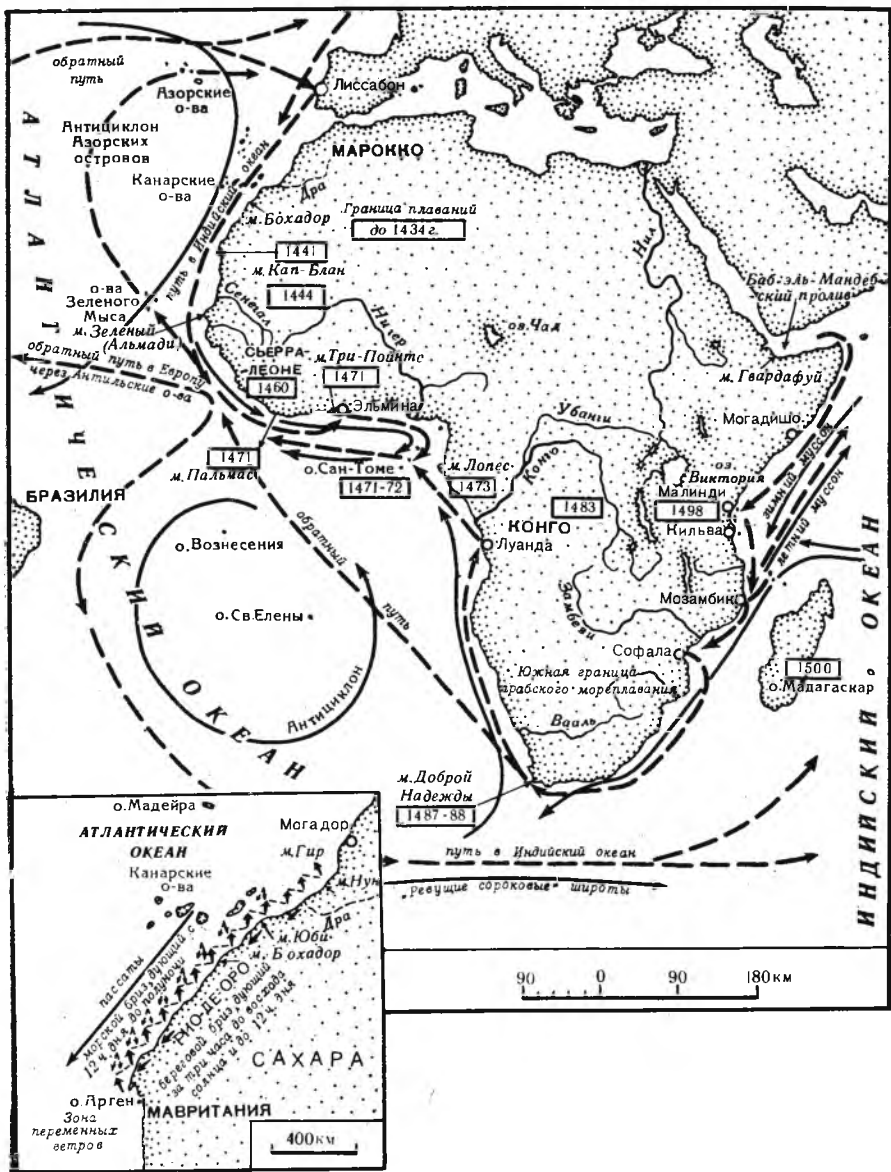
«Революция руля» и совершенствование приемов мореплавания. Начало эпохи географических открытий

Мы уже говорили, что до XIII в. не произошло никаких заметных изменений ни в устройстве кораблей, ни в искусстве мореплавания. Как же могло случиться, что два столетия спустя португальцы, а затем испанцы и другие европейцы открыли все африканское побережье и достигли Индии, Дальнего Востока и Америки?

Ответ прост: такой прогресс был обусловлен усовершенствованием кораблей и методов мореплавания. Впервые в истории в соприкосновение входят флоты Атлантического океана, северных морей и Средиземноморья, а через арабское посредничество устанавливается связь и с флотами Индийского океана. Относительные достоинства и недостатки судов легче всего сравниваются во время плаваний в составе конвоев или при преследовании пиратов. Какие паруса были наиболее эффективны? Какая система управления была наиболее результативной? Какое судно было способно идти круче всего к ветру? Как плыть в пасмурную погоду? Соперничество легко выявляло лучшие виды парусных кораблей и методы мореплавания. Моряки обменивались сведениями, старались перенять усовершенствования, которые им казались необходимыми для их собственных судов. Даже секреты противника раскрывались относительно просто, недостатка ни в бежавших или выкупленных пленниках, ни в перебежчиках не было. Мы, безусловно, никогда в точности не узнаем, как действовал механизм этих заимствований. Мы можем лишь констатировать их результат: рождение нового типа корабля и появление новых методов мореплавания.

Основным изменением, которое, как кажется, обусловило все остальные, явилась замена рулевого весла рулем — событие настолько важное, что его можно назвать «революцией руля». Как уже отмечалось, античные суда с их четырехугольным парусом и боковыми рулями-веслами не могли ходить круто к ветру и тем более против ветра. Одновременное введение руля и латинского паруса дало кораблю возможность лавировать, т. е. идти против ветра зигзагами, и, следовательно, совершать плавания по всем морям и в любом направлении. Как выразился португальский исследователь эпохи географических открытий В. Годинью, «ставкой в этой игре были по меньшей мере океанские плавания».

Мы уже видели, что прежде было невозможно двигаться вдоль атлантического побережья Сахары к северу против пассатов, дующих в течение всего года в южном направлении. Отныне же корабли, пользуясь ежесуточной сменой дневного и ночного бриза с суши и с моря, получили возможность возвращаться из Сенегала к широтам Канарских островов, где дуют ветры различных направлений.

Португальское мореплавание вокруг Африки

Точно так же каравеллы оказались теперь способны идти на юг вдоль юго-западного побережья Африки, несмотря на встречные ветры и Бенгальское течение, достигать Южной Африки, а оттуда уже плыть в любом направлении. Разумеется, они выбирали для плавания преимущественно зоны благоприятных ветров, экономя

таким образом усилия команды, для которой смена парусов была тяжелой, изнурительной обязанностью. Однако в случае необходимости эти суда могли плавать и при неблагоприятном ветре.

Наряду с огромным прогрессом в судостроении следует отметить и другие достижения, касающиеся средств и методов мореплавания. Среди них следует прежде всего назвать изобретение компаса. Свойства магнитной стрелки были известны китайцам еще до нашей эры, но европейские моряки узнали о них лишь в эпоху Крестовых походов, вероятно, от арабов. Настоящий компас, однако, появился только в середине XIII в. вследствие усовершенствований, внесенных итальянцами. С этих пор покрытое облаками небо не мешало плавать ни днем, ни ночью.

Измерение широты было упрощено и усовершенствовано: благодаря астролябии, квадранту и «инструменту Леви» оно оказалось доступным любому моряку. Напротив, определять долготу все еще было довольно трудно, и наиболее надежным прибором для отсчета времени по-прежнему служили песочные часы. Счисление, т. е. определение направления и расстояния пройденного за день пути и перенос его на карту, служило главным средством, которое позволяло более или менее точно вычислять правильность курса.

Картография в Европе начиная с XIII в. сделала поразительные успехи. Европейские географы, отставшие от развития науки вследствие Реконквисты, вновь получили доступ к достижениям греческой школы через посредство испанских евреев, воспитанных на арабских знаниях. Отныне берега Средиземного моря и прилегающие к нему районы стали фиксироваться на картах удовлетворительным образом.

Скорость судов заметно увеличилась. Если, согласно ал-Бакри, в XI в. арабские мореплаватели проходили примерно 73 км в день, а в XII в., согласно ал-Идриси, — 125 км, то христианские моряки в XV в. проходили обычно в день по 200 км.

Таким образом, начиная с XIII в. европейские моряки располагали кораблями и более точными навигационными приборами, которые создали возможности для далеких плаваний. Иберийский полуостров — свободный от арабов, за исключением королевства Гренада — со своими портами в Андалузии (Кадисом, Севильей и др.) становится главным плацдармом, с которого мореплаватели, имея постоянную связь с Марокко, устремляются к югу.

В 1291 г., том самом, когда падение крепости Сен-Жан д'Акр положило конец Крестовым походам, два генуэзца по имени Вивальди отправились на двух галерах вдоль африканских берегов с целью «плыть к Индии». После того как они миновали Южное Марокко, о них ничего больше не было слышно.

Слава вторичного открытия Канарских островов досталась в 1336 г. генуэзцу Ланцароте Малочелло. Экспедиции к «Счастливым островам»⁴⁵ учащаются, так как мореплаватели стремились захватить несчастных гуанчей, имевших, по их мнению, серьезный порок — они были язычниками. Архипелаг был нанесен на все кар-

ты XIV в., так же как и Азорские острова и Мадейра, открытые в это же время, но колонизованные лишь в следующем столетии.

В 1402—1405 гг. норманец Жан де Бетанкур завоевывает от имени кастильского короля Канарские острова. Тем самым аванпост европейских мореплавателей продвинулся вперед по сравнению с самыми южными гаванями Андалузии на полторы тысячи километров. Частые плавания в этом районе познакомили европейцев с режимом ветров и путями возвращения домой. Ценный опыт, накопленный в течение века, прошедшего после вторичного открытия Канарских островов, в значительной мере облегчил дальнейшие португальские плавания (так, в 1434 г. был обойден мыс Бохадор).

Великие географические открытия. Проложив новые пути на юг, нарушившие изоляцию Африканского континента и давшие Европе прямой выход к Индии, Португалия вписала одну из самых замечательных страниц в историю человечества. Монополия, находившаяся до тех пор в руках арабов, была сломлена, и открытие Америки в конечном счете стало просто неизбежным следствием португальских плаваний XV в. В самом деле, Колумб — и это нисколько не умаляет его личных заслуг — как мореплаватель сложился в рамках португальской школы и воспользовался всеми знаниями, накопленными его предшественниками. Он был женат на итало-португалке с Мадейры, а его брат, лиссабонский картограф, держал его в курсе всех событий португальского мореплавания. То, что Колумб находился на службе Испании — обстоятельство второстепенное, он с таким же успехом мог плавать, состоя на службе Венеции, Франции или Англии.

Историки, объясняя португальскую экспансию, ссылались на множество факторов. Скорее всего ее следует, вероятно, объяснять совпадением благоприятных обстоятельств: наличием центра мореплавания; средоточием опытных моряков; экономическим ростом буржуазии, ищущей внешние рынки сбыта; потребностями дворянства в новых землях, стремлением новой династии к экспансии, поскольку сухопутные границы страны были блокированы кастильцами; жаждой Крестовых походов глубоко христианского населения, испытавшего множество страданий в период векового арабского владычества.

Все это неминуемо привело к захвату у марокканцев прежде всего Сеуты (1415). Именно в Сеуте принц Генрих, прозванный Мореплавателем, получил представление о плаваниях вдоль побережья Африки и поставил себе цель: всеми средствами исследовать берега Африки, лежащие за мысом Бохадор. Эти устремления Генриха его биографы объясняют желанием приумножить могущество христианской веры, сражаясь с арабами и пытаясь разыскать царство достославного пресвитера Иоанна, обращая на пути в христианство встречные народы. Указывалось также, что Генриху был необходим непосредственный доступ к золотоносным областям внутренней Африки.

В то время, когда были заново открыты Азорские острова и Мадейра и начиналось их заселение, Генрих отправлял капитанов к берегам Южного Марокко, снаряжая плавание на свои средства. После двенадцати лет относительных неудач одному из его капитанов, Эанишу, удалось в 1434 г. обогнуть пресловутый мыс Бохадор, унаследовавший от мыса Нун недобрую славу рубежа, который невозможно преодолеть. Считалось, что отважившемуся нарушить этот запрет смельчаку грозят большие несчастья.

Но теперь злые чары были разрушены, и открытия последовали одно за другим: в 1441 г. Нунью Триштан достиг Кап-Блана, в 1444 г. Диниш Диаш обнаружил мыс Зеленый. К моменту смерти Генриха в 1460 г. португальцы находились в Сьерра-Леоне и обследовали Острова Зеленого Мыса. Спустя десятилетие продвижение возобновляется: открыты Берег Слоновой Кости, затем — Золотой Берег, устье Нигера, острова Сан-Томе и др. (1471—1472). В 1483 г. Диогу Кан дошел до устья р. Конго; он умер в 1486 г. на мысе Кросс. В 1487—1488 гг. Бартоломео Диаш достиг южной оконечности континента, а спустя десять лет Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, поднялся вдоль всего восточного побережья до Малинди, откуда лоцман-араб Ибн-Маджид провел его до Индии (1498)⁴⁶.

Тем временем в 1492 г. Колумбом была открыта Америка. Вполне вероятно, что начиная с 1494 г. португальцы плавали в Бразилию — страну, недалеко от которой проходили маршруты судов, направлявшихся к мысу Доброй Надежды и в Индийский океан и обходивших здесь южноатлантический антициклон. Иначе невозможно понять, почему они так настойчиво отодвигали дальше на запад от Островов Зеленого Мыса тот меридиан, который по Тордесильскому договору 1494 г. разграничивал португальские и испанские владения. Напомним, однако, что признанной датой открытия Бразилии Кабралом является 1500 г.

Последствия открытий были значительными. Португальцы приобрели огромные владения, которые они заселили своими соотечественниками, основали береговые форты, растянувшиеся на большей части побережья Африки, не считая поселений в Бразилии и в Индии. Эти владения были защищены от конкуренции других держав папскими буллами, а против «контрабандистов», пытавшихся без разрешения здесь торговать, принимались эффективные меры⁴⁷. Отныне португальцы располагали прямым доступом к золоту Западной Африки и Софалы, к пряностям и предметам роскоши Индии и Индонезии; все это они направляли в Лиссабон и Западную Европу, ущемляя интересы арабского мира и Венеции. С 1434 по 1588 г. Португалия оставалась самой могущественной в мире морской державой.

В религиозном отношении христианству удалось закрепиться в некоторых точках континента; в частности архипелаги отныне были населены христианами. Однако попытки, поначалу успешные, обратить в эту веру африканцев в Конго, а также в Бенине и в Сенегале потерпели неудачу. Впрочем, эти попытки не были осо-

бенно серьезными и не могли преодолеть противодействия двух немаловажных факторов: полигамии и работорговли.

С 1520 г. устанавливаются связи с негусом Эфиопии, а в 1541—1542 гг. Криштован да Гама в последний момент спасает империю христиан-эфиопов от захвата турками. Португальцы нанесли мусульманам очень чувствительные удары, сломив их торговую монополию в Индийском океане. Многие города Восточной Африки были если не разрушены полностью, то разграблены. Но христианству тем не менее нигде не удалось пустить прочные корни: мусульмане и язычники сохранили верования своих предков.

Экспансия португальцев определила развитие Африки главным образом в экономическом отношении. Как мы уже видели, все прежние торговые пути в северо-западной части континента проходили по Сахаре: транссахарские караваны представляли собой единственное средство для осуществления торговли со Средиземноморьем. Золото, рабы, пряности и слоновая кость направлялись на север в обмен на сахарскую соль и доставляемые с севера ткани, лошадей и ремесленные изделия. Но теперь эти товары стали прибывать морским путем и стоить гораздо дешевле. Прибрежные страны переживают экономический подъем в ущерб странам Судана, обладавшим ранее монополией на торговлю с внешним миром.

164
Но Африка дорого заплатила за появление на побережье европейцев: к уже существовавшей работорговле мусульман, снабжавших арабский мир живым товаром, добавилась торговля невольниками в Гвинейском заливе, осуществлявшаяся португальцами при посредничестве правителей государств побережья. Американские плантации требовали все больше рабочей силы, и несчастная Африка за три века безудержной работорговли поставила им миллионы рабочих рук. В результате Африка лишилась большей части своего населения. Незначительная плотность населения во многих регионах континента объясняется, в частности, постоянными войнами, ведшимися с целью захвата рабов и продажи их европейцам.

Португальские открытия, таким образом, радикально изменили мировую политическую и экономическую обстановку: Европа вышла из средневековья, прибрежная Африка и Америка становились частью ойкумены. В то же время ускорился упадок арабского мира, начало которому положило в XIII в. монгольское вторжение. Устанавливался новый баланс сил, и превосходство, которым пользовались страны Средиземноморья, переходило к державам, имевшим выход к Атлантическому океану.

Мореплавание и преобладающие влияния

Суда. К 1600 г. европейский парусный корабль сохранял тот же облик, что и в эпоху Великих географических открытий: высокие палубные надстройки исчезают только к XVIII в., одновременно число парусов — на двух или трех мачтах — увеличивается; появляются кливера. Поэтому возрастает как скорость судов, так и их способность выходить на ветер.

Водоизмещение торгового судна оставалось в пределах от 50 до 300 т; лишь в конце XVIII в. оно иногда превышало 1 тыс. т. Условия плавания во время длительных и сопряженных с риском путешествий были тяжелы, потеря 5—10% экипажа — обычной. Необходимость снабжения свежей провизией и водой, чтобы избежать голода, цинги и дизентерии, вынуждала капитанов часто приставать к берегу.

Широту вычисляли довольно точно. Что касается долготы, то хронометрами начали пользоваться только в конце XVIII в. Таким образом, для определения курса полагались на изменения показаний компаса, на учет дрейфа и скорости, на ориентацию по островам и мысам. Несомненно, точность «лоций» и описаний берегов со временем возрастала. Но в течение двух столетий морские пути, открытые португальцами, совершенно не менялись и определялись только общей системой ветров и течений в Атлантике.

Ветры и течения. В низких широтах господствуют пассаты, которые в Северном полушарии дуют с северо-востока, а в Южном — с юго-востока. Юго-восточный пассат заходит немного севернее экватора и, отклоняясь вблизи африканского побережья, смешивается с муссоном: возникает юго-западный ветер. Вдоль оси температурного экватора, между двумя пассатами располагается зона штилей.

В средних широтах вокруг центров высокого давления устанавливается антициклоническое движение воздуха — по часовой стрелке в Северном полушарии и против часовой стрелки — в Южном, вызывая сильные западные ветры в районе 35° северной широты и южные ветры вдоль африканского побережья.

Течения следуют почти теми же направлениями: вдоль побережья Африки до Зеленого Мыса проходит холодное Канарское течение; его продолжает североекваториальное течение, идущее до Америки и переходящее в Гольфстрим, который после 45° северной широты устремляется к Европе. В Южном полушарии теплое Бразильское течение проходит с севера на юг, холодное Бенгельское у африканского побережья идет с юга на север, а его продолжением является экваториальное течение, направленное по экватору в западном направлении. Вдоль всего побережья Гвинейского залива проходит противотечение, направляясь на восток.

Эта общая схема имеет сезонные изменения, вызванные главным образом перемещением антициклонов (в Северном полушарии летом они передвигаются к северу). Зимой из Сахары в западном направлении дует харматтан. Береговые и морские бризы используются при маневрах вблизи берегов.

Путь в Индию. Из Европы добирались до о-ва Мадейра, затем до Канарских островов, а потом, пользуясь пассатом и течением, плыли до Сенегала или островов Зеленого Мыса. Отсюда часто доходили до Бразилии. Можно было, однако, оставаться в открытом море, двигаясь строго с севера на юг: мореплаватели стремились найти ориентир в виде о-ва Триндади, расположенного около 20° южной широты. Затем с юга обходили зону высокого давления, пока не замечали о-в Тристан да Кунья, а там с попутным ветром шли на восток до мыса Доброй Надежды (впрочем, его можно было миновать, пройдя южнее отмели Агульяс).

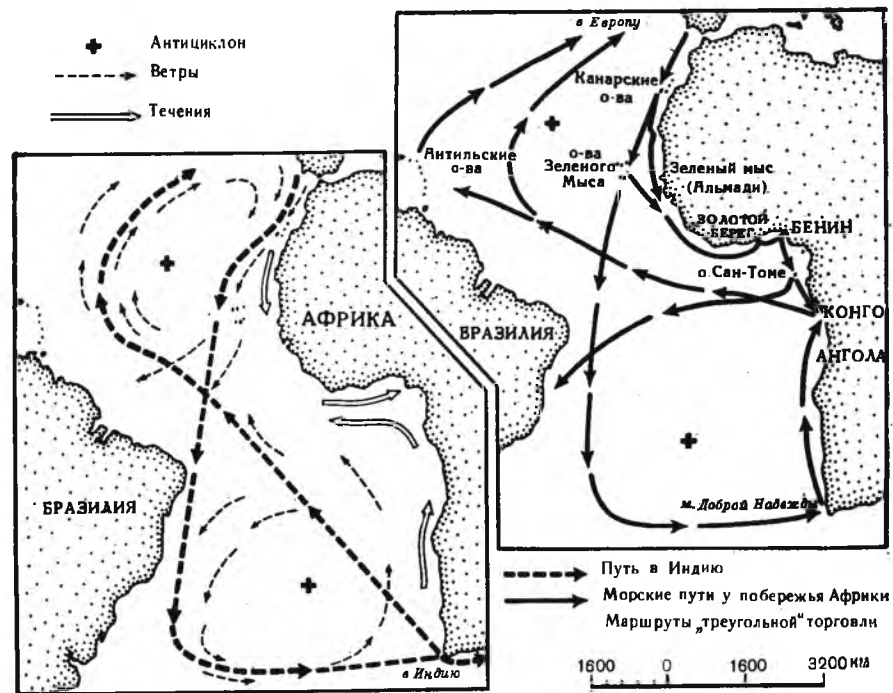
На обратном пути корабли, используя юго-восточный пассат, пересекали Южную Атлантику по диагонали от мыса Доброй Надежды до островов Святой Елены и Вознесения, где запасались водой и провизией. Отсюда они продолжали путь на северо-запад, стараясь двигаться в западной части северного антициклона, в направлении Азорских островов, а оттуда с ветрами различного направления добирались до Европы.

Переход от Франции или Англии до мыса Доброй Надежды — так же как и обратно — продолжался в среднем 80 дней, не считая остановок. Эти остановки, как и случайности в пути, были, однако, частыми: штормы, встречные ветры, штили, встречи с пиратами и неприятельскими судами в случае войны.

Пути вдоль берегов. Плавая вдоль атлантического побережья Африки, корабли шли описанным выше путем до Зеленого Мыса, а потом до мыса Пальмас — вдоль побережья, вблизи от него или в открытом море в зависимости от необходимости стоянок и сезона. Затем вместе с Гвинейским противотечением входили в залив; там на островах Сан-Томе или Принсипи брали провизию и воду. Возвращались с экваториальным течением, следуя по тому же пути, что и парусные корабли, идущие из Индии.

Плывя вдоль побережья к югу от экватора, мореплаватели сталкивались с встречными течениями и ветрами, что заставляло их лавировать, уходя иногда далеко в море. Этому «малому пути» обычно предпочитали «большой путь», т. е. уже описанный путь в Индию до мыса Доброй Надежды, а затем направлялись обратно к северу с попутными ветром и течением. Продолжительность этого пути была такой же: требовалось сто дней, чтобы достичь устья р. Конго, но трудностей и случайностей было намного меньше.

Путь через Атлантику. Торговля рабами привела к увеличению числа плаваний от африканского побережья в Америку. Наиболее известным был треугольный маршрут: 1) прибрежный путь из Европы в Африку до Гвинейского залива; 2) переход с экваториальным течением до Антильских островов; 3) возвращение

Морские пути в XVII—XVIII вв.

в Европу с антициклоном в его западной и северной части. Переход от Сан-Томе до Антильских островов мог длиться от 40 до 120 и даже более дней, если наступал штиль.

От Анголы до Бразилии с юго-восточным пассатом путь был нетруден и занимал не больше месяца. С боковым ветром можно было плыть от Бразилии к Невольничьему берегу, а потом следовать Гвинейскому противотечению. В обратном направлении пользовались экваториальным течением.

Соперничество у берегов Африки. В 1600 г. португальцы еще контролировали открытое ими Атлантическое побережье и путь в Индию. Их влияние было сильным на о-ве Арген, на островах Зеленого Мыса, в районе форта Эльмина на Золотом Берегу, в Анголе. Метисы смешанного португало-негритянского происхождения преобладали в Сенегамбии и в области Южных Рек; живущие на побережье народы знали португальский язык; в Конго португальцы укрепились особенно прочно; они часто заходили в бухты Южной Африки.

Но скоро у них появились конкуренты. С тех пор как король Испании присоединил Португалию к своим владениям, голландцы, его противники, стали также посылать экспедиции в Индию. Французские и английские «джентльмены удачи» были частыми гостями на Гвинейском побережье вплоть до Конго.

С 1600 по 1641 г. у берегов Африки слабеет португальское и растет голландское влияние. Потеряны Арген и Эльмина, затем Ангола. Голландцы обосновались также в Горе и Аксиме. В 1641 г. Португалия, вновь обретая независимость, заключила договор, который признавал монополию Нидерландов на всем Гвинейском побережье от мыса Пальмас до мыса Лопес. Тем временем датчане возвели форты на Золотом Берегу, а англичане и французы создали различные торговые компании, интересы которых были связаны с Африкой.

В период с 1641 по 1713 г. растет французское и английское влияние. Голландцы закрепились на мысе Доброй Надежды, но потеряли Анголу, отобранную португальцами. Арген, Горе и другие поселения перешли в руки французов, которые основали Сен-Луи дю Сенегал, создали поселения на Берегу Слоновой Кости и на Невольничьем Берегу. В 1702 г. Испания уступила Франции привилегию (асьенто) на поставку рабов в испанские колонии.

Англичане построили или приобрели форты в Гамбии, Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу. В результате войны за испанское наследство Португалия попала под влияние англичан, которые по Утрехтскому договору получили право асьенто. С 1713 по 1800 г. постепенно возрастает английское влияние, хотя французы его настойчиво оспаривают. В ходе вооруженных столкновений французские и английские форты подвергаются нападениям, их захватывают, вновь отбивают. Работорговля оттесняет на задний план торговлю золотом и слоновой костью. Наибольшая доля в ней принадлежит англичанам, но их догоняют французы, затем голландцы и португальцы. Войны периода Великой Французской революции закрепляют бесспорное превосходство английского флота, установившего контроль над мысом Доброй Надежды.

Побережье и поселения

Атлантическое побережье Африки в общем имеет довольно мало естественных укрытий. Кроме того, вдоль берега тянутся три ряда баров — песчаных отмелей, которые могут преодолеть лишь легкие суденышки, управляемые умелыми местными жителями. Но вдоль побережья почти непрерывно тянется полоса малых губин, так называемое «плато промеров», где суда могут стоять на якоре, пока лодки и пироги сплывут между ними и берегом. В сезон дождей необходимо следить за ветрами, течениями и торнадо (внезапными шквалами с ливнями). Но бури разражаются очень редко, за исключением района мыса Доброй Надежды.

Гвинея, или «страна негров», как ее называли в ту эпоху, простирается между устьем р. Сенегал и мысом Сен-Катрин, несколько южнее мыса Лопес. В те времена различали: 1) Верхнюю Гвинею, включающую Сенегамбию и Наветренный Берег (Южные Реки и Перечный Берег); 2) Нижнюю Гвинею, или Подветренный Берег, который, в свою очередь, подразделяется на Берег Слоновой Кости, Золотой Берег, Невольничий Берег, Бенин, Калабар, Габон.

Между мысами Сен-Катрин и Негру находилось Конго, которое иногда включали в Нижнюю Эфиопию, доходившую до мыса Доброй Надежды. За мысом начиналась Кафрская область (Кафрия); Верхняя Эфиопия совпадает с Эфиопией современной; Чадский и Нигерский Судан называли Нигрицией, в которую иногда включали и Сенегал.

Сахара и Сенегамбия. На о-ве Арген у сахарского побережья португальцы построили форт. В 1638 г. им овладели голландцы; французы неоднократно разрушали его. В то время голландцы вели торговлю камедью в Портандике; в 1717 г. они ушли с этого побережья, но их место заняли англичане, конкурировавшие с французами Сенегала. В течение всего XVIII века длилась «камедная война».

В 1638 г. французы обосновываются в устье р. Сенегал, отделенном от моря труднопроходимым песчаным баром; в 1658 г. на одном из речных островов они основывают город Сен-Луи. Монопольные торговые компании сменяют здесь друг друга. Их директора, в частности Ла Курб и Андре Брю (1697—1720), поднимаются вверх по Сенегалу до золотых залежей Бамбука и основывают в Галаме форт Сен-Жозеф. Ежедневно при высокой воде флотилии мелких судов бороздят реку, доставляя золото, рабов и — главным образом — камедь. В 1758 г. англичане овладевают Сен-Луи, но в 1778 г. французы отвоевывают его. К концу XVIII в. в Сен-Луи сложилось смешанное общество; городом управлял метис или свободный чернокожий; здесь насчитывалось 7 тыс. жителей.

Небольшой островок Горе, защищенный Зеленым Мысом, располагает одним из лучших рейдов на этом побережье. Укрепленный голландцами в 1621 г., захваченный французами в 1677 г., неоднократно занимавшийся англичанами и вновь отбивавшийся французами, этот остров стал центром французской деятельности в районе Рюфиска, Портудала, Жоаля, в областях Син и Салум. Торговля, особенно работорговля, велась в условиях значительной конкуренции, притязания французов на монополию в этой торговле иногда приводили к конфликтам с местными правителями.

Гамбия имела хорошую бухту, судоходную реку и поддерживала связи с мандингскими странами, торгуя рабами, воском и золотом. В 1630 г. англичанин Джобсон поднялся вверх по реке. В 1664 г. на небольшом острове англичане построили форт Сент-Джеймс, который несколько раз разрушался. Неподалеку французы построили факторию Альбрета, но в торговле здесь первенствовали англичане.

У португальцев, главным образом метисов, которые прежде держали в своих руках торговлю на всем этом побережье, теперь остались только острова Зеленого Мыса и Казаманс.

Наветренный берег. Южные Реки (нынешнее гвинейское побережье) имеют глубокие устья. Португальцы обосновались в Кашеу и Бисау; французы и англичане заходили в реки Нуньиш, Понго, Мелакоре. После того как в XVIII в. фульбе заняли Фута-Джаллон, работорговля с внутренними районами Африки возра-

стает, а острова Лос становятся ее центром. В 1787 г. в Сьерра-Леоне — пристанище пиратов и работорговцев — был основан Фритаун, куда настроенные против работорговли англичане «репатриировали» 400 освобожденных в Англии рабов и 70 «нежелательных» белых женщин; так образовалась небольшая говорящая по-английски протестантская община чернокожих.

Перечный Берег, или Берег Манигет (или Малагет, по названию местного вида перца), тянулся до мыса Пальмас и имел мало укрытий; корабли вставали на якорь у устья р. Галлинас, мысов Монте, Мезурадо, Баса, Сестос, Гарровей. Там запасались провизией, но торговля велась небольшая.

Берег Слоновой Кости и Золотой Берег. Западная часть Берега Слоновой Кости получила название «Берег плохих людей»: там местные жители нападали на матросов и, как уверяют, съедали их. Поэтому, несмотря на несколько удобных стоянок, в частности в Сасандре, этот берег посещали довольно редко.

Напротив, следующий за ним «Берег хороших людей», или «Людей Ква-Ква», пользовался хорошей репутацией, хотя вдоль него тянулся грозный песчаный бар. Жители лагун были активными торговцами, особенно в Лау, где заканчивались пути из внутренних областей и где продавали рабов, слоновую кость и ткани. В Асини французы в 1687—1705 гг. пытались основать поселение; местный правитель дал им юношу по имени Аньяба, якобы из царской семьи; он был воспитан при Версальском дворе и при крещении получил имя Боссюэ⁴⁸, причем его крестным отцом был сам Людовик XIV.

Золотой Берег начинался перед мысом Три-Пойнтс и тянулся до р. Вольты. Этот берег был более крут и имел несколько бухт. Разные государства воздвигали тут вперемежку свои многочисленные форты для торговли золотом: голландцы — в Эльмине, Акси-ме, Секонди, Шаме, Коменде, Кормантине, Апаме; англичане — в Кейп-Косте, Дискаве, Аномабу, Виннебе. В разное время строили форты бранденбуржцы, датчане, шведы. В Аккре существовали три форта — английский, голландский и датский. Всего насчитывалось до 35 более или менее крупных фортов.

Каждый форт имел укрепления, жилые помещения, склады, мастерские, пушки. Вместе с комендантом здесь жили многочисленные торговцы, солдаты, рабочие; из-за высокой смертности они часто менялись. Кроме них на территории форта размещались пользовавшиеся доверием рабы, слуги и ремесленники. Форт, как правило, строился с согласия местного населения, нередко пушки защищали его от врагов, взамен европейцы получали провизию и товары из внутренних районов: золото и рабов. Форт платил налог местным правителям и одаривал их. Конфликты были редки. Реальную опасность представляли нападения с моря или из неприступных фортов во время войн между европейскими державами. В таких случаях отряды, сформированные из местного населения, оказывали европейцам помощь.

От Невольничьего Берега до мыса Лопес. За

р. Вольтой находился лишь датский форт в Кете. За ним начинался Невольничий Берег с береговым валом, закрывающим вход в лагуны. Европейцы обосновались здесь в Видахе — главном пункте: в 1671 г. — французы, в 1682 г. — англичане, в 1721 г. — португальцы. Здесь сооружались прямоугольные, крытые соломой глиняные строения; это были скорее не форты, а склады, в которых держали товары и рабов. В 1727 г. расположенная во внутренних областях Дагомея захватила Видах. Торговля оказалась в полной зависимости от воли ее правителя. В 1729 г. английский губернатор Тестефорд, рискнувший вырваться из-под его власти, был убит; других европейцев изгнали из страны. Торговля упала, но к концу века снова расширилась, и на востоке выросли торговые пункты Порто-Ново и Бадагри.

Затем начиналась зона окаймленных мангровыми зарослями рек, образующих дельту Нигера. Некоторые из этих рек, хотя вход в них преграждали опасные бары, могли служить для стоянки судов, как, например, р. Формоза, на которой французский капитан Ландольф в 1786—1792 гг. устроил сторожевой пост, а также реки Форкадос и Нун (последняя образует главный рукав Нигера).

На берегу Калабар с деревнями Бонни и Старый и Новый Калабар в эстуариях также располагались стоянки судов и шла торговля рабами. Местность к востоку была мало известна, однако голландцы торговали на р. Камерун и в бухте Ангра (Рио-Муни). В конце XVII в. они возвели форты на о-ве Кориско и на побережье Габона, но вынуждены были их покинуть. Любому кораблю мог при случае закупить здесь слоновую кость и некоторое число рабов.

Вдали от берегов находились вулканические острова Фернандо-По и Аннобон, которые в 1778 г. Португалия уступила Испании. Особое значение имели два португальских острова — Принсипи и Сан-Томе, где корабли, совершавшие трудный маневр между Гвинейским противотечением и экваториальным течением, находили хорошие стоянки и изобилие продуктов и воды. Оба острова процветали также благодаря своим сахарным плантациям. В конце XVI в., не выдержав конкуренции со стороны Бразилии, разграбленные англичанами, голландцами, французами, ослабленные мятежами рабов, они находились в полном экономическом упадке, однако сохраняли свое значение в качестве стоянок для европейских судов.

Конго — Ангола. Между мысом Сент-Катрин и Конго лежал берег Лоанго, известный также как «Ангольский берег». Тремя основными пунктами торговли (главным образом работорговли) были здесь в XVIII в. Лоанго, Малимба и Кабинда, которые посещали французы и англичане и — реже — португальцы и голландцы.

В государство Конго, в котором португальцы с XVI в. начали насаждать христианство, продолжали прибывать миссионеры и работорговцы. *Помбейруш*, португальские метисы, вели торговлю с внутренними районами и доставляли оттуда слоновую кость, тка-

ни из пальмы рафия, но главным образом рабов. Чтобы обеспечить непрерывный поток рабов, португальцы способствовали разжиганию конфликтов между местными правителями: взятых в плен непременно продавали работорговцам. Обосновавшиеся в устье р. Конго голландцы возбуждали в стране враждебность к португальцам; последние в битве при Амбуиле в 1665 г. убили правителя (маниконго) и доставили его голову в Луанду; государство Конго распалось.

В XVI в. португальцы завоевали Анголу и основали поселение Сан-Паулу ди Луанда, имевшее великолепный рейд; в 1617 г. был основан город Бенгела. В 1641 г. голландцы завладели Анголой, но были изгнаны оттуда в 1648 г. португальцами из Бразилии. Нужды работорговли обусловили распространение португальского господства и на внутренние области страны.

Западная Африка. К югу от мыса Негру европейские корабли не останавливались. В 1652 г. на мысе Доброй Надежды Голландская Ост-Индская компания создала поселение на пути в Индию. Это поселение стало «таверной морей»: голландские колонисты снабжали провизией корабли всех стран. Постепенно шла колонизация близлежащих земель. После 1685 г. здесь нашли убежище французские гугеноты. Постепенно колонисты продвинулись к северу вплоть до внутренних гор, к востоку — до границы с населением побережья — «кафрами», с которыми начались конфликты. В 1795 г. англичане, воспользовавшись французским вторжением в Голландию, захватили Капштадт. В то время там насчитывалось 16 тыс. голландцев и метисов. Город удивлял путешественников своими белыми домами, прямыми улицами и каналами, напоминавшими Европу.

Меновая торговля

Средства и обычаи. Торговая монополия португальской короны в XVII в. оказалась в значительной мере ослабленной конкуренцией привилегированных компаний — английских, голландских, французских. Со временем, неспособные помешать конкуренции контрабандистов, т. е. частных лиц, имевших подчас лишь одно судно и торговавших на собственный страх и риск, компании стали уступать свои права частным судовладельцам. В XVIII в. компании, ставшие теперь помехой торговле, прекратили свое существование.

Для ведения африканской торговли требовались мореплаватели, хорошо знавшие ее сложные методы. Деньги здесь не использовались, только в Конго были в ходу раковины намбу, которые позднее почти на всем побережье уступили место другим раковинам — каури, доставлявшимся из Индийского океана. Но основная доля сделок осуществлялась путем обмена. Существовали единицы счета: брусок (стоимость бруска железа), унция или «связка» (из различных товаров, набор которых менялся в зависимости от места, вкусов и соглашений).

Эти соглашения, предшествующие любой сделке, заключались, когда судно приставало к берегу, между капитаном и местными вождами и правителями, которых именовали «королями», «принцами» или «герцогами». Чтобы завоевать их расположение, им прежде всего преподносили подарки; затем обговаривались единицы обмена и составлялись «связки». На это уходило иногда несколько дней. При каждой сделке разгорались споры по поводу веса и качества товара, и стороны нередко обманывали друг друга. Вместо *кантара*, которым мерили покупаемую камедь, торговцы из Сен-Луи постепенно увеличили — при неизменной цене — с 1800 до 2600 л. Жители Золотого Берега приносили слитки золота, заполненные внутри железом или землей.

Обмены не всегда совершались напрямую. Когда имелись форты или склады, торговые операции велись их персоналом, ожидавшим суда, которые таким образом выигрывали время. Зачастую в торговле участвовали профессиональные посредники, метисы или черные, что облегчало взаимопонимание. Иногда торговцам-африканцам для покупки во внутренних районах слоновой кости и рабов предоставлялись кредиты; они оставляли залог или заложников, но расчеты не всегда обходились без споров.

Импорт в Африку. Европейцы ввозили прежде всего металлы: слитки железа или меди (африканские кузнецы умеют извлекать эти металлы из руды, но она встречается не везде, и их проще было купить либо в необработанном виде, либо в виде готовых изделий: медных тазов и браслетов, железных орудий, ножиц, ножей). Затем шли ткани, очень разнообразные: «гвинейская» (грубое голубое или полосатое полотно), ситцы (для важных лиц), платки, различные бумажные ткани, шелка, покрывала, а также старая одежда, треуголки и даже парики. Продавались также всякие мелочи: кораллы, янтарь, трубки, зеркала и особенно бисер всех цветов. Список завершали табак, ружья, порох и водка, которую торговцы в большей или меньшей степени разбавляли водой.

Эти товары изготовлялись в разных местах и сменяли друг друга. Льняные ткани, например, были вытеснены разнообразными хлопчатобумажными из Индии. Позже, когда в Европе развилась текстильная промышленность, появились ткани из Жуи, Руана, Нанта и Ланкашира, очень тонкие полотняные ткани из Голландии и Германии, лионские шелка. Железо доставляли из Испании или Швеции, ружья или металлические изделия — из Англии или Франции, Франция поставляла водку, Алжир — кораллы, Венеция — стеклянные бусы. Большим успехом пользовался поставляемый Бразилией третьесортный табак, покрытый патокой. Соль с Атлантического побережья превратилась в одну из статей французской торговли.

Торговцы старались поддерживать интерес к своим «связкам», добавляя в них соблазнительные товары; это заставляло африканцев дешево отдавать свои товары и обеспечивало прибыль. Шелка, расшитую одежду, тонкие полотняные ткани, неразбавленную вод-

ку подносили в качестве подарков вождям; лодочникам отдавали старые шляпы. Постепенно соль, ткани, железо, огнестрельное оружие проникали во внутренние области.

Экспорт из Африки. Африканцы продавали прежде всего провизию для экипажей судов: просо, рис, ямс, рыбу, птицу, коз и овец, крупный рогатый скот; затем кукурузу и маниоку, апельсины и лимоны от цинги, а также воду и дерево. Золото имелось повсюду, но особенно много его было на Золотом Берегу, откуда в начале XVIII в. вывозили по 1700 кг ежегодно либо в слитках, либо (и главным образом) в виде золотого песка. Слоновую кость также доставляли отовсюду; денилась кость из Габона и с Берега Слоновой Кости. Камедь была основной статьей вывоза из Сенегала. Кожи, воск, перец из Бенина, стручковый перец, красящие растения, страусовые перья — все эти товары играли значительную роль в экспорте.

Помимо этого европейцы доставляли из одних районов Африки в другие местные ткани: хлопчатобумажные бело-голубые полосатые ткани продавались в Лау. Перепродавались также бенинские бумажные ткани, конголезские набдеренные повязки из рафии. Эта торговля пришла в упадок в XVIII в., с началом массового ввоза индийских и европейских тканей.

К этому времени вся африканская торговля (помимо Сенегала, где первостепенное значение сохраняла камедь) свелась к торговле людьми. Африканское атлантическое побережье в XVIII в. приобрело печальную известность торговлей чернокожими рабами.

Работорговля

Рабство и торговля. Рабство существовало во многих африканских обществах. Рабами становились дети рабов, несостоятельные должники, неисправимые антисоциальные индивиды (прелюбодеи, воры, преступники, колдуны), дети, проданные во время голода, но главным образом пленные. Многие африканские общества использовали рабов в земледелии, на переноске грузов, в домашнем хозяйстве; их держали из соображений престижа, из них формировали войско. Внутренняя работорговля оживлялась в периоды конфликтов. В конце XVIII в. Мунго Парк, путешествовавший по стране мандингов, насчитал там по три раба на каждого свободного. Обычно к домашним рабам относились как к членам семьи; в некоторых государствах возвысившиеся рабы играли видную политическую роль. Если это не вызывалось настоящей необходимостью, продавали только военнопленных или «бунтовщиков».

Внешняя работорговля издавна велась арабами через Сахару с Северной Африкой или Египтом. Правители и исламизированные вожди Судана совершали набеги для захвата рабов на языческие народы юга.

Европейская работорговля на побережье началась с появлением там португальцев. Сначала несколько африканцев, захваченных

на побережье, попадают в Португалию в качестве слуг; затем рабов вывозят из Конго на плантации о-ва Сан-Томе, позже — в Америку, где индейцев (после того как Лас Касас сумел приостановить их уничтожение) заменяют африканцами. Постепенно работорговлей начинают заниматься и другие государства. Еще в 1571 г. король Франции заявлял: «Франция, мать свободы, не знает, что такое рабы». Позднее Людовика XIII пришлось убеждать, чтобы он разрешил торговлю чернокожими, при помощи аргумента, что благодаря крещению он «спасает их души».

Масштабы работорговли. Вначале лишь португальская работорговля была более или менее значительной: в конце XVI в. из Луанды ежегодно вывозили 3500 рабов и вдвое меньше из Конго, отправляя их в Бразилию на плантации сахарного тростника. В XVII в. одна Ангола поставляла в год 8 тыс. рабов. Рабы становятся «самыми богатыми рудниками этой страны». Тем не менее в середине века вывоз рабов, главным образом в испанские и португальские колонии, все еще был второстепенной статьей торговли на африканском побережье.

Но вот положение меняется: на Антильских островах, принадлежавших французам и бывших до той поры прибежищем пиратов, теперь поселяются плантаторы, которым требуются рабы для возделывания сахарного тростника, кофе и табака. Масштабы вывоза рабов быстро растут. К 1685 г. английская компания ежегодно вывозила по 5 тыс. рабов, а к 1700 г. — свыше 10 тыс.

XVIII век знаменует расцвет работорговли. В Европе привыкают к потреблению тропических продуктов: число американских плантаций постоянно увеличивается и вместе с этим растет потребность в рабах. Успехи европейской промышленности, особенно текстильной, стимулируют работорговлю, поскольку в Африку для обмена поставляется масса изделий по низким ценам.

1750—1790 годы (не считая перерывов, вызванных Семилетней войной и войной за независимость американских колоний) отмечены наибольшим размахом работорговли. По оценкам, число рабов, вывозившихся из Африки ежегодно в 1781—1790 гг. (годы самой активной работорговли), достигало примерно 82 тыс., при этом 35 тыс. приходилось на долю английских, 24 тыс. — французских, 18 тыс. — португальских, 4 тыс. — голландских, 1 тыс. — датских работорговцев.

Сенегал поставлял примерно 2 тыс. рабов, Гамбия — 3 тыс., область Южных Рек — 6 тыс., Перечный Берег — свыше 3 тыс., Берег Слоновой Кости — от 1 до 3 тыс., Золотой Берег — от 7 тыс. до 11 тыс., Видах и Попо — от 4 тыс. до 9 тыс., Порто-Ново и Бадагри — 3 тыс., Бенин — 3 тыс., Калабар и Камерун — от 6 тыс. до 20 тыс. (?), Габон и мыс Лопес — до 3 тыс., Лоанго — от 6 тыс. до 13 тыс., Конго — 1 тыс., Ангола — от 4,5 тыс. до 7 тыс., Мозамбик — до 9 тыс. Разница в цифрах для одного и того же района зависит от изменений в объеме работорговли (так, Видах был уничтожен в результате дагомейского завоевания, но потом возродился) или от преувеличенных сведений о некоторых малоизвестных

местах (Камерун, Габон). Как бы то ни было, оценки, сделанные в то время хорошо осведомленными людьми, и оценки современных историков в целом совпадают.

Способы захвата рабов. Работорговля часто сочеталась с другими видами торговли. В Анголу *помбейруш* приводили караваны рабов, несших слоновую кость. На Гвинейском побережье местные вожди, получив подарки, продавали не только своих рабов, но и свободных, захваченных тут же, на месте. Чаще всего человеческий товар доставляли караванами из внутренних районов. В Гвинее охотники за рабами не выходили за пределы леса или саванны, но в Сенегамбию караваны часто прибывали с берегов Нигера.

Рабы, предназначенные для продажи, соединялись по двое железными ошейниками, деревянными рогатками или ножными кольцами, связывались общей веревкой. На ночь на них надевали цепи, на непокорных — деревянные колодки; без оков шли только дети; умирающих оставляли на съедение хищникам.

Доставленных на побережье рабов выставляли на осмотр европейским работорговцам. За крепкого чернокожего 15—25 лет в 1770 г. платили от 400 до 600 ливров товарами; женщины, дети и мужчины постарше стоили дешевле; старых и больных не покупали. Цены постоянно росли.

Купленных рабов метили, как скот, затем немедленно грузили на суда или загоняли в укрытие. Погрузка на суда представляла собой большую сложность. В лодке рабов следовало умело разместить, чтобы лишить их возможности спастись вплавь.

Перевозка рабов. Судно работорговцев было приспособлено для перевозки невольников лишь на переходе из Африки в Америку. Межпалубные пространства высотой в средний рост человека разгораживали пополам настилом, оставляя в середине свободное место. По ночам рабы лежали там в невероятной тесноте. Чтобы использовать все свободное пространство, их грузили из расчета по полтора-два человека на каждую тонну водоизмещения. Мужчин обычно сковывали попарно за лодыжки и запястья, женщин и детей помещали отдельно и без оков. Рабам не хватало воздуха. Смертные случаи учащались, когда в плохую погоду приходилось закрывать люки. Днем, во время уборки трюма, невольников выгоняли на палубу; кормили их кашей, маниокой или ямсом, а во избежание самоубийств или бунта заставляли танцевать. Бунт иногда вспыхивал при отплытии, реже в море; вожаков обычно казнили.

Выгода всего предприятия зависела от продолжительности плавания (по меньшей мере от одного до трех месяцев, в зависимости от расстояния и ветров) и от состояния живого товара. «Это — лотерея», — говорил один работорговец. Эпидемии косили рабов. Необыкновенно удачными считались те рейсы, когда умирало менее 1% невольников. Как правило, потери составляли от 5 до 35%: обычно 20% до 1750 г. и 15% — после, когда появились более вместительные и быстрходные корабли.

Последствия работорговли. Для Европы работорговля представляла второстепенный, хотя и необходимый, элемент торгового кругооборота по треугольному маршруту Европа — Африка — Америка — Европа. Барыши давал в основном последний этап, на котором в Европу доставлялись продукты производства американских плантаций. Тем не менее без африканских рабов не было бы ни сахара, ни кофе, ни какао, ни табака. Эти товары занимали в европейском потреблении все более видное место: на рубеже XIX в. на них приходилось более пятой части всей французской торговли. Роскошные здания, возведенные в XVIII в. торговцами Нанта, Лярошели, Бордо, Ливерпуля, Бристоля, свидетельствуют об этом богатстве.

Для Америки массовый вывоз африканской рабочей силы стал основой процветания. Но рабов не хватало из-за тяжелых условий, в которых они жили на плантациях, так что их число приходилось постоянно пополнять.

Африка же оказалась серьезно ослабленной вследствие как самой работорговли, так и тех войн, которые, она, безусловно, вызвала. Рабов часто захватывали в густонаселенных областях страны (бамбара, йоруба, игбо), но нередко их угоняли из скудно заселенных районов леса и саванны, так что работорговля надолго истощала их. Некоторые государства (Дагомея, Ашанти) усилились за счет барышей от работорговли и ввозимого огнестрельного оружия. Напротив, более древним крупным государственным объединениям (Бенин и Конго) был нанесен роковой удар: либо из-за отделения мелких прибрежных владений, ставших самостоятельными благодаря купленному огнестрельному оружию, либо вследствие растущего вмешательства европейцев.

Аболиционистское движение. Торговля рабами-африканцами казалась в то время вполне законной и необходимой для процветания колоний, для «спасения душ» самих чернокожих, которых крестили при погрузке на суда или по прибытии в Америку. Важно отметить, что вместе с работорговлей появился расизм: считалось, что эти униженные, забитые существа достойны своей участи, поскольку на них лежит проклятие сынов Хама. Голоса протеста раздавались в XVII в. лишь как исключение.

Но в эпоху Просвещения, главным образом в среде образованной буржуазии европейских стран, возникают направленные против рабства и работорговли так называемые аболиционистские движения. Во Франции к ним принадлежат философы аббат Прево, Монтескье, Дидро, Тюрго, Вольтер, Руссо. Они осуждают работорговлю и само рабство, которое «оскорбляет свободу человека» и является «бесполезным». Аббат Рейналь отвергает аргумент о необходимости работорговли, обосновываемый обращением в христианство: «Милостивый Иисус! Предвидел ли ты, что твои кроткие заповеди будут обращены на оправдание стольких ужасов!» Робеспьер заявлял в Учредительном собрании: «Пусть погибнут колонии, если мы сохраняем их такой ценой!» «Друзья чернокожих» во главе с аббатом Грегуаром в 1794 г. добиваются от Кон-

вента отмены работорговли и рабства; это решение, однако, оказалось недолговечнее самой Республики.

В Англии общий духовный подъем приводит к пробуждению христианского сознания; против рабства высказываются квакеры. Грэнвил Шарп добивается осуждения ввоза рабов в Англию и создает в Сьерра-Леоне Фритаун — поселение свободных африканцев, бывших рабов. Уильям Уилберфорс борется за отмену работорговли в парламенте; общественное мнение набирает силу. Но войны конца века отодвинули решение этого вопроса.

Прочие контакты

Европейцы в Африке. Европейцы, как правило, не покидали прибрежной полосы, оставаясь вблизи кораблей. Да и зачем было им отправляться во внутренние районы с плохим климатом к народам, которых считали людоедами, когда товары для них доставлялись непосредственно на берег? Впрочем, и тут многих европейцев настигала смерть от различных лихорадок, причины которых, так же как и лекарство от них, были еще неизвестны. Неудивительно, что экипажи судов, плавающих в Африку, набирали, как правило, из людей весьма низкого нравственного уровня. Они пьянствовали, увлекались азартными играми. Нередки были случаи сожительства с африканками. Много португальских метисов оказалось на островах Зеленого Мыса, в области Южных Рек, на Невольничьем Берегу, в Конго, Анголе. Французские метисы жили в Сенегале, английские — в Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу, голландские — на мысе Доброй Надежды.

Этот промежуточный слой играл активную роль торговых посредников на побережье и во внутренних районах. Путешествия предпринимались по рекам Сенегал и Гамбия, наносились визиты правителями Дагомеи, Бенина. Торговцы-*помбейруш* совершали дальние путешествия во внутреннюю Анголу, а буры-переселенцы — в Южную Африку.

Только в этих двух районах шли колонизация и проникновение в глубь континента. *Помбейруш*, в большинстве своем метисы, вели торговлю вплоть до р. Кванго и доходили на юге даже до государства Лунда в центре Африки. Голландские переселенцы — буры — пересекали границы Капской колонии и вели жизнь кочевых скотоводов. Постоянные конфликты с местным населением обусловили сложение у буров весьма сильных расистских настроений.

Европейские «новшества». Португальцы принесли на Атлантическое побережье новые сельскохозяйственные культуры: некоторые плодовые деревья, главным образом апельсин и лимон (они хорошо помогали от цинги, часто свирепствовавшей на кораблях, где в основном питались солониной и сушеными овощами), сахарный тростник из стран Индийского океана, азиатский рис и, возможно, банан. Появились также растения из Америки: кукуруза и маниока, получившие распространение (в дополнение

к ямсу) от Сан-Томе до Конго и на Гвинейском побережье и заменившие менее приспособленное к влажному климату просо. Датчане zaloжили неподалеку от Аккры первые кофейные плантации. Голландцы в Капской колонии выращивали пшеницу и виноград.

В то же время ввоз фабричных изделий обусловил некоторый упадок местного производства, особенно предметов из железа и тканей. Прибрежные жители стали по-другому одеваться, причем, по мнению европейцев, часто выглядели весьма курьезно.

Последствия европейских заимствований были пока еще не велики, но тем не менее прибрежная полоса Атлантического океана постепенно становилась для Африки окном во внешний мир.

Культурные влияния. Культурные влияния, напротив, оставались незначительными. О синтезе культур не могло быть и речи. В сношениях с европейцами использовались такие языки, как португальский, английский, французский, голландский, но происходило это исключительно на побережье и только при совершении торговых сделок.

Европейцы и метисы были христианами или считали себя таковыми, но совершенно не занимались обращением в христианство чернокожих, ограничиваясь массовым крещением рабов перед их отправкой. Примечательным исключением была миссионерская деятельность в Конго. В XVI в. правитель всей страны («король») и его придворные стали христианами, христианским считалось и население. В XVII в. иезуитский колледж, основанный в Сан-Сальвадоре, готовил писцов из числа метисов и африканцев. Испанские и итальянские капуцины твердо держали в руках местное население. «То, что не делается палкой, — говорил один из них, — нельзя сделать иным образом». Подобный фанатизм наряду с работорговлей и смутами в стране вызвал упадок христианства. В 1675 г. иезуиты перебрались в Анголу. Среди африканцев стали появляться синкретические культы: так, была сожжена заживо пророчица, выдававшая себя за святого Антония. Позднее повсюду расцвело язычество; кресты превратились в фетиши.

В других местах обращение в христианство было еще более поверхностным и нередко предпринималось в тактических целях. Так, правитель Ардры, опасавшийся своего соседа, властителя Дагомеи, обратился в 1659 г. к испанскому королю, и тот прислал к нему капуцинов. Они перевели на местный язык катехизис и рассчитывали обратить правителя в христианство. Тот, однако, отослал их назад: он принял их за могущественных колдунов, пытавшихся запретить ему многоженство. С 1766 по 1776 г. французские миссионеры пробовали ввести христианство в Лоанго; правитель держал их на расстоянии в отдаленных деревнях, в конце концов миссия потерпела полную неудачу.

Знакомство с Африкой. За исключением торговли на побережье, Европа XVII в. Африкой не интересовалась. Европейские карты внутренних районов континента основывались на старинной географии Птолемея и на сведениях арабских путешественников.

На них река Нигер текла в обратном направлении и впадала в океан в виде реки Сенегал; на месте Конго находились большие озера; названия были искажены или вымышлены, а белые пятна заполнены изображениями львов, слонов; готические церкви обозначали города. Повсюду изображались короли в коронах и дворцы наподобие маленьких Лувров.

Но и здесь эпоха Просвещения принесла изменения. Вначале отец Луайе описал «крестьянские королевства, в которых дворцы построены из тростника»; отец Лаба дал сведения о реальной обстановке в Сенегале; Босман, Барбот и многие другие капитаны доставляли верные сведения о прибрежных странах. Философы истолковывали эти сведения в духе времени, когда африканцы, как и индейцы гуруны, представляли как «добрые дикари». Это благоприятствовало аболиционизму и пробуждало интерес к Африке.

В конце XVIII в. тайны «Черного» континента начинают привлекать внимание исследователей. Мишель Адансон, ботаник и зоолог, описывает Сенегал; различные специалисты, в том числе натуралист Левайян, исследуют окраины Капской колонии. В Лондоне под руководством Джозефа Бэнкса, спутника капитана Кука, основывается «Африканская ассоциация», которая в 1795 г. посылает шотландского врача Мунго Парка на поиски Нигера. Отправившись из Гамбии, М. Парк, дочиста ограбленный маврами, бедствовавший, но не сдававшийся, добрался до берегов реки и возвратился с первыми серьезными сведениями о внутренних странах и населявших их народах. Это было началом исследований XIX в., которые открыли внутреннюю Африку внешнему миру.

Глава 5

СЕНЕГАЛ И МАВРИТАНИЯ

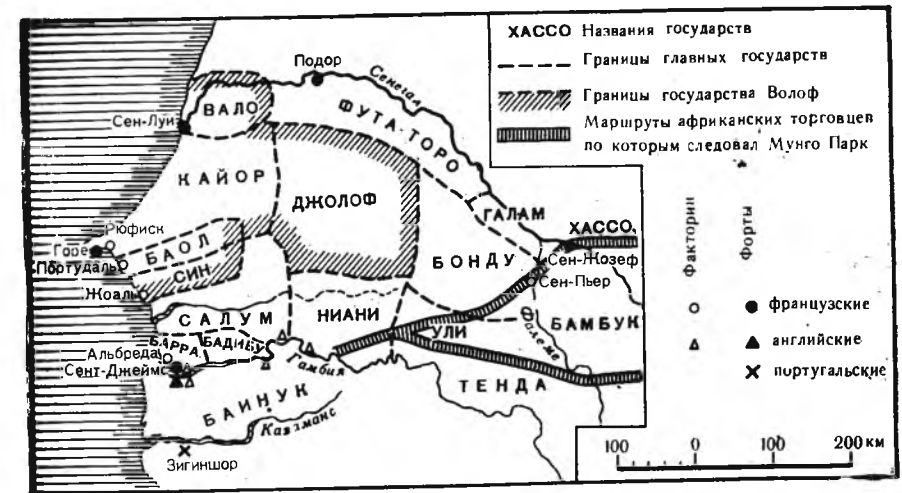
Сенегал и Гамбия

Природная среда и население Сенегала. Сенегал и Гамбия расположены между 13°30' и 16°30' северной широты. Их побережье, в основном низкое, протянулось примерно на 500 км и в четырех местах прорезано широкими устьями, или дельтами, рек Сенегала, Салума, Гамбии и Казаманса. Эти реки не являлись естественными этническими границами: по обоим берегам жило одно и то же население.

За исключением Сенегала, который до конца XVIII в. (до исследований Мунго Парка) отождествляли с Нигером, реки лишь в незначительной степени служили путями проникновения во внутренние районы.

Характер почв, гидрография, климатические и растительные зоны позволяют выделить несколько обширных природных областей, часто совпадающих с областями историческими:

Фута-Торо вдоль средней части долины р. Сенегал, где преобладает этническая группа тукулеров;

Сенегал в XVII—XVIII вв.

Вало, географическая и историческая область, образованная в основном внутренней дельтой р. Сенегал; она населена волофами;

прибрежный район «Большой берег» между Сен-Луи и Дакаром, уходящий на 100—150 км в глубь материка, также населенный волофами; на его территории в прошлом существовали государства Кайор, Баол и частично Джолоф;

полупустынная область Ферло, отделяющая названный район от Фута-Торо, населенная кочевниками-фульбе и оседлыми волофами; в его западной части находилось государство Джолоф;

прибрежный район «Малый берег» с четко выраженными особенностями суданской зоны, населенный в основном серерами, а также волофами и рыбаками-ньоминка (в устье р. Салум); он включает бассейны рек Син, Салум и нижнего течения Гамбии; в прошлом здесь существовали государства Син и Салум;

жаркий и влажный район Нижнего Казаманса с гвинейской флорой, население которого составляют диола и близкие им в культурном отношении группы баинук и манджак, в прошлом не создавшие государственных образований;

наконец, юго-восточная суданская зона с галерейными лесами, малой плотностью населения, состоящего главным образом из групп малинке суданского происхождения, фульбе и в меньшей степени сараколе, тукулеров и волофов. Эта зона охватывает Средний и Верхний Казаманс с районами Фуладу, Верхняя Гамбия, а на северо-востоке — Бунду и Гойе, соответствующих части исторической области Галам. В прошлом здесь проходили пути крупных миграционных потоков, шедших с территории современного Мали.

Основные черты истории до XIX в. Для истории Сенегала характерны две особенности: влияние сменявших друг друга великих соседних держав — Ганы, Мали и Сонгай — и роль этнических смешений, обусловивших более или менее этнически однородный характер страны. Ее населяют три основных этноса: малинке и сараколе, с одной стороны, и фульбе — с другой.

Гана в последние века своего существования, вероятно, подчиняла частично область Фута-Торо, на раннюю историю которой, по-видимому, оказали влияние миграции сараколе. Гораздо увереннее можно утверждать, что Мали либо осуществляло прямой контроль, либо оказывало сильное влияние на большую часть южного Сенегала, в частности на юго-востоке страны и в области Син-Салум, которой правили аристократические роды, по происхождению малинке. Между прочим, основатель тукулерской династии Деньянкобе на Фута-Торо, Коли Тенгела, несмотря на свою враждебность мандингским правителям, как кажется, происходил из семьи малинке, по крайней мере по линии матери. Наконец, влияние государства Сонгай при *аскии* Мухаммеде достигало границ Текрура, страны тукулеров.

Эти воздействия сыграли решающую роль в формировании сенегальского народа и благодаря многочисленным миграциям способствовали слиянию соседних, близких в культурном отношении этнических групп.

Некоторые исследователи склоняются к мнению об общих происхождении и «прародине» всех этносов, живущих в областях к северу от р. Гамбии, предки которых, как говорят, пришли из некоей области Бафур, расположенной неподалеку от Адрара на территории современной Мавритании. Именно они создали здесь государство и в высшей степени дифференцированные в социальном отношении общества, в отличие от народов Камаманса, имеющих иное происхождение и не выработавших государственной организации.

Основание этих государств относится к периоду между IX—X и XIV вв. Фута-Торо, видимо, первым входит в историю начиная с IX в. Именно по отношению к этому времени устная традиция упоминает о создании какого-то образования группой, пришедшей из области Асаба (Мавритания). Затем, согласно преданиям, около XIII в., сложилась держава Джолоф, объединившая все государства волофов, и, наконец, к XIV в. в результате миграций групп мандингского происхождения в области Син-Салум возникла та форма политической организации, которую сереры сохранили вплоть до колонизации.

До XVI в., когда появились первые сообщения европейских путешественников, история этих стран малоизвестна, несмотря на существование генеалогий местных правителей в передаче гриотов. В дальнейшем, особенно со второй половины того же столетия, мы уже располагаем некоторыми сведениями, что объясняется не только появлением на побережье европейских мореплавателей и закреплением европейцев в некоторых пунктах побережья, но и

ослаблением влияния великих суданских держав, потерявших для Сенегала прежнюю притягательную силу.

Кроме того, середина XVI в. отмечена укреплением страны тукулеров, которая стремится избавиться от более или менее относительной зависимости, связывавшей ее до тех пор с государственным образованием малинке и сараколе. Этот процесс совпадает с появлением около 1559 г. династии Деньянкобе.

Почти одновременно распадается держава Джолоф; утраченное ею влияние переходит к ее бывшим провинциям: Вало в нижнем течении р. Сенегал и особенно Кайору и Баолу на западе.

Сенегал тукулеров. В Фута-Торо располагалось несколько исторических областей, которые в разные эпохи играли ту или иную роль в истории страны. С запада на восток и вверх по р. Сенегал это были: Димар, Торо (правитель которой носил титул *лам-Торо*), Лал (ее центром был Аэре), Ирлабе и Эбиаве, затем Босеа, Нгенар и, наконец, Дамга, на границе страны сараколе. Арабские авторы называли эту страну тукулеров «Текрур», отсюда, несомненно, происходит этноним «тукулер».

Делафосс и Гаден, собравшие и изучившие арабские рукописи, содержащие сведения по истории этого района, датируют происхождение первой тукулерской династии примерно IX в.

На территории нынешнего Сенегала Фута-Торо была первой зоной массового обращения в ислам.

Для тукулерского общества характерно четкое социальное расчленение, основанное на существовании каст. Мы встретимся с этим явлением в стране волофов и — хотя и в меньшей степени — у сереров.

Этнические группы и касты были дифференцированы и строго экзогамны. Среди них различались *торобе* («люди молитвы»), которые в течение позднейшего исторического периода составляли высший общественный слой; скотоводы-фульбе, давшие начало нескольким династиям, правившим до имамов; *себбе*, люди свободные и воинственные, земледельцы и охотники, часто смешанного происхождения; рыбаки-*субальбе*, безусловно, самые древние жители страны; *дьявамбе*, также свободные, занятия которых нам неизвестны; ремесленники, делившиеся на касты ткачей-*мабубе*, кожевников-*сакебе*, деревообделочников-*лаббе*, кузнецов, гриотов и, наконец, невольников-*матьюбе*, находившихся на нижней ступени социальной иерархии.

Критический анализ устных исторических преданий, осуществленный Делафоссом и Гаденом, позволил воссоздать историю тукулеров. До XVI в. в Фута-Торо, вероятно, правили четыре династии, одна фульбе по происхождению, другие — малинке или сараколе. Первая династия, Дьяго, якобы обосновалась в Текруре около IX в. и правила примерно 130 лет. Предания сообщают о существовании типично негроидного и родственного серерам автохтонного населения, над которым якобы установила власть эта скотоводческая знать, пришедшая со своими стадами из маври-

танской Асабы и правившая в последний период существования Ганы.

Правление второй династии, Манна, которая вела свое происхождение от родов сараколе, пришедших с юго-востока, будто бы длилось почти 300 лет, приблизительно до 1300 г. Некоторые правители этой династии под влиянием альморавидов, по-видимому, уже приняли ислам. В этот период Фута-Торо, вероятно, не всегда сохраняло самостоятельность и попадало под власть других государств.

Недовольство фанатизмом этой мусульманской династии как будто привело к ее падению и возвышению третьей династии, Тондьон, вероятно серерско-мандингского происхождения. Эта династия, слабо, по крайней мере в первое время, исламизированная, правила в Фута-Тора в 1300—1400 гг., когда Мали еще сохраняло свое влияние.

Четвертая династия, вероятно, объединила несколько правивших в течение XV в. родовых групп: Лам-Термес, Лам-Тага и Лам-Торо. Фульбе по происхождению, они стояли во главе нескольких государств, из которых одно, как явствует из названия династии, примерно соответствовало Фута-Торо.

Вероятно, в середине XVI в. в истории тукулеров появляется Коли Тенгела, великий воин фульбско-мандингского происхождения, который объединил страну и основал правившую почти три века династию.

Фута-Торо находилось под властью государства Диара, которое само подпало под влияние Сонгай, избежав таким образом владычества Мали. Побуждаемый правителем Мали, Коли Тенгела сначала якобы пробовал восстановить политические связи между Диара и Мали, но впоследствии в конце концов установил свою власть в Фута-Торо и заставил соседей признать независимость своего государства. Позже он расширил свои владения на западе за счет Джолофа, воевавшего тогда с отделившимся Кайором.

От Коли Тенгелы ведет начало династия Деньянкебе, которая состояла, по мнению Делафосса и Гадена, из 28 сменивших друг друга правителей. Она правила в Фута-Торо до 1776 г., когда возвысилась группа тукулеров-мусульман *торобе*, боровшаяся с династией Деньянкебе, которую обвиняли в приверженности к язычеству.

В 1776 г. марабут Сулейман Баль поднимает бунт среди мусульман, свержает последнего правителя, Суле Бубу, избирается главой Фута-Торо, но отказывается от власти в пользу другого марабута — доблестного воина Абд ал-Кадир. Тот переносит религиозную войну (*джихад*) в Кайор, однако *дамель* (правитель) Кайора наносит ему поражение. Напротив, поход против мавротрарза заканчивается успехом. Родоначальник новой теократической власти Абд ал-Кадир был убит в 1804 г. в результате заговора.

Сенегал волофов. После XIV в. страна волофов оказа-

лась политически объединенной в рамках державы Джолоф. В XVI в. она распалась на четыре провинции: собственно Джолоф, Вало, Кайор и Баол.

Впервые о волофах, расселенных от Сен-Луи до южной части полуострова Зеленого Мыса, упоминает в середине XV в. Ка да Мосто. Европейские путешественники называют их то галафами, то гелафами или галофами, то иолофами или джалофами, то гиолофами. Как утверждают, этот этноним якобы происходит от имени основателя первого поселения в Джолофе — Джолофа Мбенга, мандинга по происхождению.

В самом деле, вероятно, ранее вся северо-западная часть Сенегала была населена народами мандингского происхождения, называемыми в Сенегале *сосе*. Из среды *сосе*, возможно, и происходят первые владыки земли, или *ламаны*, которые в качестве первооселенцев являлись владельцами всей земли и играли поэтому важную политическую роль.

После образования сенегальских государств некоторые земли стали владениями их правителей; на этих землях, называемых *гормон*, были введены повинности. У волофов, пришедших с северо-востока, сложилась основанная на кастовом делении социальная структура, которая, как и в Фута-Торо, охватывала:

знать (*гарми*) и должностных лиц, или глав провинций (*кангамов*);

простолюдинов (*дьямбур*); в эту категорию входили главным образом земледельцы (*бадоло*), а также марабуты (*серини*) часто тукулерского или мандингского происхождения;

ремесленников (*ньено*), ювелиров или кузнецов (*тёг*), резчиков по дереву (*лаобе*), кожевников (*вуде*), ткачей (*раба*) и, наконец, гриотов (*гевель*);

невольников (*дьям*), в частности рабов правителя, зачастую являвшихся воинами (*тьедо*).

В отличие от тукулеров волофское общество было поздно обращено в ислам.

Джолоф. Центральная часть этой державы, сложившейся примерно в XIII в., простиралась, не считая территории позже выделенных из нее Кайора и Вало, от оз. Гьер до района Бунду на юго-востоке и до Фута-Торо на северо-востоке.

Легенда сообщает, что государство было создано Ндиандиан Ндиайем. Сначала он жил в Вало, народ которого, восхищенный сотворенными им чудесами, сделал его своим правителем. Вскоре, однако, ему пришлось бежать, спасаясь от заговора; он укрылся в Джолофе, где еще правили владыки земли, ламаны; там он стал первым властителем, или *бурба*, государства Джолоф.

До распада Джолофа в 1540 г. у власти сменилось двенадцать *бурба*. Возможно, о седьмом из них упоминал в 1481 г. португальский путешественник де Барруш.

В этот период в зависимости от Джолофа, вероятно, попали не только соседи-волофы, но и Син, Салум и даже часть Бамбука. После распада государства на отдельные провинции и до начала

французской колонизации страной правили еще тридцать *бурба*, из них четырнадцать — до конца XVIII в.

Бурба, который должен был принадлежать к одной из четырех царских патрилинейных родовых групп (*кёр*) и обязательно к одной из десяти матрилинейных групп (*хет*), назначался собранием великих выборщиков, состоявшим из семи знатных лиц, во главе которых стоял простолудин, великий *дьяраф*. Ему подчинялись главные должностные лица: двенадцать старост крупнейших деревень (*дьямбур*), шесть глав провинций (*кангам*); помощниками его являлись царский наместник, *тубе*, и его будущий наследник, *буми*. Главной фигурой после *бурба* считался великий *дьяраф*.

В 1530 или 1549 г. двенадцатый *бурба*, Леле Фули Фак, был убит в битве при Данки (севернее нынешней Тубы, религиозного центра мюридов) подчиненным ему *дамелем* Кайора Амари Нгоне Собелем.

Это поражение привело к уменьшению территории Джолофа; дальнейшая его история отмечена постоянной борьбой с Кайором.

Вследствие распада державы Джолоф появились три других государства: Вало, Кайор и Баол.

Вало. Вало (Уало) называется район бассейна р. Сенегал между океаном и оз. Гьер, а также возникшее здесь государство. Находясь в окружении мавров-трарза с севера, Кайора с юга, Джолофа и Фута-Торо с востока, Вало воевало со всеми соседями; внутри страны шли бесконечные распри между соперничавшими династическими ветвями. Согласно преданиям, пятьдесят два владыки, носившие титул *брак*, сменили друг друга с XIII в. по 1885 г.

За власть в Вало боролись три аристократические родовые группы: Логар (маврского происхождения), Дьо (серерского или тукулерского происхождения) и Тедьек (мандингского или фульбского происхождения). На развитие Вало оказали воздействие следующие факторы: соседство мавров, нередко угрожающее; поверхностная исламизация народа и его правителей (некоторые из них в первой половине XIX в. все еще отказывались принять ислам, несмотря на давление тукулеров); наконец, роль женщин в политической жизни (большая роль принадлежала сестре и матери правителя, которые носили титул *ленгер*).

Окружение *брака*, назначаемого из представителей одной из трех упомянутых родовых групп, включало: первую жену, *аво*, а также мать, родную сестру (или одну из классификационных сестер по линии матери). Глава государства правил через своих *кангамов*, а также *кади* (возможного преемника брака), *брийо*, *баде*, *маросо* и других менее значительных местных или деревенских вождей, но главную роль играл совет *себ аг баор*, состоявший из должностных лиц, самыми влиятельными из которых являлись *дьюгомай* (владыка вод), *дьяодин* (владыка земли) и *мало* (казначей).

Наследование царского титула было матрилинейным, т. е. передавалось по женской линии. Наконец, в Вало было несколько столиц: сначала, до XVIII в., это был Диурбель, севернее нынешнего Ришар-Толя, затем Ндьянге, восточнее того же города, наконец, Ндер, на западном берегу оз. Гьер.

В конце XVI—начале XVII в. Логары вели длительную борьбу с Тедьеками, поддерживаемыми тукулерами, в ходе которой тридцать пятый *брак*, потерпев поражение, вынужден был уступить трон Тедьекам, сохранявшим его почти столетие. В XVIII в. уже Тедьеки, в свою очередь, вынуждены были противостоять Дьо.

Кайор и Баол. Расположенный между Вало и Баолом, Кайор, название которого происходит, по-видимому, от выражения *гай-идьор*, «те, из песка», простирался на 200 км с юго-запада на северо-восток и включал несколько областей: Гандиол и Дьямбур на севере, Гет — на востоке и Дьяндер — на юго-западе, там, где начинается полуостров Зеленого Мыса. Баол занимал узкую полосу земли, вытянувшуюся с запада на восток от побережья до Тубы и Мбаке.

История этих двух соседних областей нередко переплеталась, поскольку некоторые *дамели* Кайора одновременно правили и Баолом (в частности, в конце XVI в. и несколько раз в течение XVIII в.). О времени до отделения от Джолофа об этих государствах почти ничего не известно. До тех пор страной управляли *ламаны*, являвшиеся данниками Джолофа. В 1530 или в 1549 г. Детье Фу-Ндьогу, первым принявший титул *дамель*, и его сын Амари Нгоне Собель покончили с зависимостью от правившего в то время *бурбы* Леле Фули Фака, которого они, как уже говорилось, убили в битве при Данки. Передают, что Амари правил Кайором и Баолом до конца XVI в.

В дальнейшем, вплоть до французской колонизации, в Кайоре, как утверждает устная традиция, сменили друг друга 32 *дамели*, из них 24 — до конца XVIII в.

Социальные структуры Кайора и Вало были схожи, но политическая организация несколько различалась. Во главе государства Кайор также находились владетель, *дамель* и *ленгер*, его сестра или мать, часто очень влиятельная; оба они выбирались из представителей одной из семи матрилинейных царских родовых групп. Определенное число должностных лиц и вождей разных рангов составляли ядро совета, который назначал *дамелей*. При выборе обычно принимались во внимание их ратные качества, что снискало Кайору и его населению высокий военный престиж.

Как мы видели, история Кайора первоначально была отмечена борьбой с Джолофом. Позднее в ней возобладали братоубийственные войны с Баолом, правители которого, *тэнь*, находились в родственных отношениях с *дамелями*. Так, в XVII в. Кайор безуспешно пытался отвоювать эту провинцию, которая отделилась при третьем *дамеле*, убитом собственным сыном. Точно так же восьмой правитель Кайора захватил Баол, но был разбит, и

только в XVIII в., при четырнадцатом *дамеле*, обе провинции оказались вновь объединенными вплоть до середины столетия.

Кроме упомянутых войн против Баола Кайору пришлось неоднократно воевать против марабутов, в частности в конце XVII в., при девятом и десятом *дамелях*, но особенно в конце XVIII в. — на этот раз против мусульман, которым оказывал значительную поддержку первый *альмами* Фута-Торо Абд ал-Кадир. В правление Амари Нгоне Нделла Кумбы, двадцать четвертого правителя, народ лебу с полуострова Зеленого Мыса под предводительством одного из своих вождей, Дьяля Диопа, отделился от Кайора и укрепился на оконечности полуострова, отразив все атаки войска Кайора. Независимость лебу была признана в 1812 г.

Сенегал сереров и Гамбия. Страна сереров, где существовали два государства — Син и Салум, лежит между Баолом и р. Гамбией. Большинство сереров, согласно устной традиции, являются выходцами из долины р. Сенегал, из района Фута-Торо, который они покинули около XI—XII вв., отказавшись принять ислам. Таким образом, они, вероятно, родственны фульбе и тукулерам. Одна за другой волны сереров докатились до Сина, причем археологические данные подтверждают эти миграции. В Сине сереры встретились с охотниками-соседей и постепенно их ассимилировали.

В начале XV в. произошла третья миграция, на этот раз соседей-завоевателей, пришедших из Габу (на северо-западе Фута-Джаллона). Мигранты, образовавшие аристократическую группу *гельвар*, принесли с собой государственную организацию, до тех пор неизвестную в этой стране. Они слились с серерами и образовали две правящие династии, одна из которых, ведущая начало от Маиса Вали Дьона, первого правителя (*бурбы*), обосновалась в Сине, а другая во главе с Мбеганом Ндуром, первым правителем (*буром*), — в конце XV в. в Салуме.

Первым правителям нужно было избавиться от контроля тукулеров, влияние которых распространялось в то время до Сина и Салума, а затем постепенно объединить под своим управлением серерских *ламанов*. Таким образом, сложилось два государства, правители которых зависели от совета, контролировавшего их власть.

Система наследования была здесь, как и в стране волофов, матрилинейной, но социальная стратификация была выражена не столь четко, поскольку кастовая система развилась недостаточно. В среде аристократии *гельвар* в отличие от волофов не существовало эндогамии, благодаря чему матрилинейное наследование титула закреплялось еще больше. Такое положение, однако, оставляло матери или сестре *бура*, и здесь носивших титул *ленгер*, определенную политическую роль.

Свободное население состояло из воинов (*тьедо*) и дружинников (*гельвар*), а также из массы крестьян, ремесленников и гриотов, между которыми кастовые различия были выражены слабо. Наконец, были невольники и рабы *бура*.

Политическая организация основывалась на системе распределения власти между *буром*, великим *дьярафом*, возглавлявшем земледельцев-общинников, и великим *фарбой*, стоявшим во главе рабов и армии. Власть двух последних распространялась на всю административно-судебную сферу. При избрании *бура* они имели решающий голос. Должностные лица других рангов осуществляли центральное и местное управление.

Ньюминка и Гамбия. Народы *ньюминка* на островах р. Салум — земледельцы и рыбаки, может быть, больше, чем сереры, испытали влияние мигрантов из Габу. Их поселения, вероятно, были основаны в XV в.

Что касается Гамбии, то и здесь поселились мандинги, у которых, однако, возникли отдельные самостоятельные образования, а не единое государство. Самыми значительными из них были Барра, находившаяся в западной части, и Бадибу на востоке. В XV в. португальцы установили отношения с главой этой области, Бемои, который получил португальское христианское воспитание. Позже правители Барры и Комбо, также расплощенного в устье реки, но южнее, расширили связи с европейцами, чьи торговые фактории конкурировали между собой; эта конкуренция повлекла за собой многочисленные колониальные войны.

Казаманс и Восточный Сенегал. История этих районов до XIX в. изучена плохо, в частности история неисламизированных народов Нижнего Казаманса — диула, баинук, манджак и баланте, у которых не зафиксировано устной исторической традиции. Эти народы не выработали даже ранних форм государственной организации и социальной стратификации, поэтому уровень административной организации здесь никогда не выходил за пределы локальной общины.

Казаманс. Прародина народов, живущих в нижнем течении р. Казаманс, расположена недалеко от района их современного расселения: между этой рекой и рекой Кашеу в Гвинее-Бисау. Ранее эти группы, особенно баинук, возможно, были распространены дальше на восток, в Среднем Казамансе, но были оттеснены либо ассимилированы в результате миграций мандингов или фульбе. Таким образом, мандинги еще до XV в. обосновались на северном берегу р. Казаманс, а затем продвинулись на запад, оттесняя баинук, которых ассимилировали диула. Народы манджак и баланте — их немного в Казамансе — пришли из Гвинеи-Бисау и осели неподалеку от границы, восточнее диула.

Социальная организация этих народов характеризуется лишь слабой социальной дифференциацией, основанной на половозрастном разделении труда и выделении жреческих функций.

В Верхнем Казамансе фульбе — третий этнический элемент — приняли покровительство мандингов, главенствовавших в стране со времени расцвета державы Мали, и осели в области, получившей название Фуладу. Эта область, первоначально населен-

ная народом баннук, впоследствии была занята малинке, и, вероятно, первые из них — войны Сундьяты Кейты — назвали ее Габу. Здесь сложилось военное объединение, из которого, как уже говорилось, вышли соседи, переселившиеся в Син и Салум. Власть правителя, или *мансакео*, назначаемого знатными военачальниками, распространялась на три обширные области, каждую из которых возглавлял член правящей родовой группы. Пришедшее в упадок, это государство в XIX в. было завоевано фульбе.

Восточный Сенегал. Этот район состоит в основном из двух больших провинций — Верхней Гамбии и Бунду. Среди населения первой преобладают мандинги и фульбе, но есть также небольшая группа гвинейского происхождения — басари. Басари — племени древнего, не знавшего государственности населения, которое, спасаясь от более сильных соседей, нашло здесь убежище. Их общественный строй характеризуется системой возрастных групп, представители самых старших из них управляли поселениями.

Мандинги появились здесь, вероятно, в XIII в., в эпоху Сундьяты Кейты. Различные мандингские родовые группы создали, по данным устной традиции, самостоятельные образования, правители которых имели родственные связи с властителями области Бамбук.

В области Бунду возникновение государства приписывается тукулерскому марабуту Малику Си, который дал своей династии имя Сисибе. При нем в Бунду стали селиться фульбе, тукулеры-торо и сараколе. В начале XIX в. ее столицу Булебане посетил английский путешественник майор Грэй.

К северу от Бунду находилось населенное сараколе образование Галам. Эти сараколе, пришедшие из района Сегу в современном Мали, населяли в основном правый берег р. Сенегал. Их история до XIX в. все еще мало изучена. Мы знаем, что какой-то вождь сараколе поселился в Туабу, на севере Галама, и сделал это поселение своей столицей после того, как изгнал отсюда живших тут ранее малинке.

Европейцы. XV век стал для Сенегала, как и для многих других африканских территорий, эпохой португальского проникновения. В 1444 г. португальцы открывают мыс Арген в Мавритании, а в 1455 г. строят там форт. В 1450 г. Ка да Мосто и Нуньо Триштао обследуют Зеленый Мыс, и первый из них поднимается вверх по р. Гамбия, где в Бадибу его принимает правитель малинке. В конце века Португалия устанавливает с местным населением торговые связи, посылает сюда священников и пытается завязать отношения с правителем Мали.

В 1588 г. англичане начинают торговать слоновой костью в Гамбии; в Англии создается Компания для торговли в Сенегале и Гамбии.

В конце XVI в. в Рюфиске, Портудале, Жоале и в устье р. Гамбии сооружается несколько португальских факторий; в 1588 г. голландцы захватывают о-в Горе.

XVII столетие. Лишь в начале XVII в. в этом районе активизируется деятельность Франции. В 1626 г. создается Компания купцов Руана, которую интересует торговля не только слоновой костью, но и камедью. Одновременно развивается голландская торговля, разворачивается конкурентная борьба между Англией, Францией и Голландией, тогда как Португалия постепенно теряет свое былое превосходство. Французы уделяют главное внимание р. Сенегал: в 1635 г., отправив несколько своих представителей в Рюфиск, Портудаль и Жоаль, Компания предписывает Тома Ламберу основать пост в устье р. Сенегал. Он делает это и заключает договоры с *браком* Вало и *диамелем* Кайора. В Террье-Руж, в семидесяти лье от устья, устраивается еще одна стоянка для кораблей.

В 1658 г. возникает поселение на о-ве Ндар (Сен-Луи). В том же году создается французская Компания Зеленого Мыса и Сенегала; в 1664 г. ее сменяет Компания Западных Индий, получившая привилегии на сорокалетний срок. Несмотря на то, что спустя она уступает место новой Сенегальской компании (1672), затем — Африканской компании (1680) и, наконец, в 1709 г. — снова Сенегальской компании.

Конец века отмечен конфликтами между европейскими державами: с 1652 г. англо-голландское соперничество охватывает Гамбию. Английский форт на о-ве Сент-Андре, некоторое время находившийся в руках голландцев, в 1661 г. отбит и переименован в форт Сент-Джеймс. В 1664 г. англичане овладевают о-вом Горе, но голландский адмирал Рюинтер вновь занимает остров. В результате действий французской эскадры д'Этре в 1677 г. голландцы теряют его. В то же время Дюкасс отвоевывает Рюфиск, Портудаль и Жоаль. В 1678 г. по договору в Нейменгене эти фактории были признаны французскими владениями.

Этими войнами не преминули воспользоваться волофские правители: в 1679 г. *тань* Баола нападает на Портудаль, а *бур* Сина — на Жоаль, и Дюкассе приходится совершить рейд в глубь страны и вынудить обоих правителей к соглашению. Это отнюдь не разрядило обстановку, поскольку несколько лет спустя, в 1709 г., директора Компании Брю, попавшего в плен к *дамелю*, удалось освободить лишь за выкуп.

XVIII столетие. Война за испанское наследство и Утрехтский договор не меняют занимаемых Францией и Англией позиций: в 1702 г. французы вновь захватывают в Гамбии форт Сент-Джеймс, но после войны отдают его. Зато они укрепляются в области Барра, севернее устья р. Гамбии, где в 1681 г. строят форт в Албрете. Таким образом, в течение всего столетия французы и англичане ведут борьбу примерно равными силами; Албрет и Сент-Джеймс часто переходят в руки противника, который после заключения мира возвращает завоеванное.

В начале века у французского правительства появляются новые намерения. После занятия Сен-Луи оно серьезно обдумывает

планы проникновения во внутренние области. С 1664 г. торговля на Сенегале процветает: в основном торгуют камедью, затем рабами; покупают и кожи, слоновую кость, воск. Европейцы рассматривают возможность походов за золотом в Бунду и Бамбук, лежащие по другую сторону р. Фалеме. В 1685 г. француз Ла Курб поднимается по р. Сенегал и заключает договор с тукулерскими вождями.

Вслед за Террье-Руж около Подора французы создают пост Дезер, а чуть выше по течению открывают Галам, который становится центром торговли рабами и золотом.

В 1686 г. его посещает Шарбонно. Наконец, в 1697 и 1698 гг. в Галам отправляется еще один директор, Андре Брю. Там возводится форт Сен-Жозеф. В 1714 г. Брю, дойдя до р. Фалеме, возводит на ней форт Сен-Пьер. В 1717 г. в Бамбук для заключения торговых соглашений с местными правителями послан французский агент. До конца века сохраняются регулярные отношения с областями в верхнем течении реки. Не прекращается и торговля камедью; до конца века она остается наиболее выгодной: заключены торговые соглашения с маврскими эмирами Бракны и Трарзы. В 1717 г. в Портандике, на мавританском побережье, основана фактория.

В конце XVIII в. торговля приходит в упадок, а вслед за этим Франция, занятая в европейских войнах, уделяет Сенегалу все меньше внимания. Не хватает продовольствия и боеприпасов, и в 1809 г. Сен-Луи в конце концов приходится сдать английскому адмиралу Максвеллу.

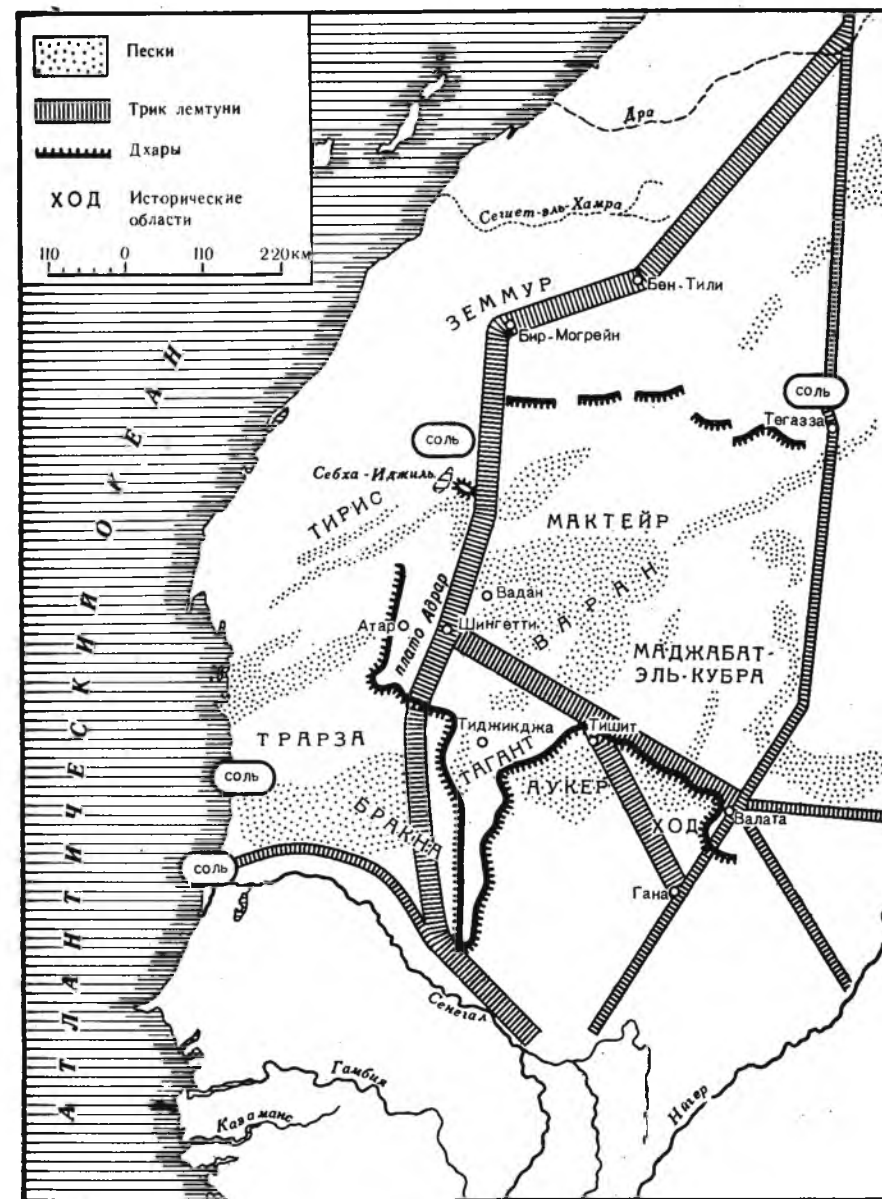
Мавритания

Природная среда, климат, население. Историю Мавритании определяют очень своеобразные условия жизни в сухом, суровом и неустойчивом климате: растения, животные и люди не могут здесь существовать скученно. Для страны характерны также постоянные контакты между севером и югом: обмен людьми, идеями, техническими навыками.

Западная Сахара была более зоной контактов (нередко в форме конфликтов) и обменов, нежели барьером между миром белых и миром черных. Возможно, это объясняется тем, что мигрирующие группы населения перемещались с севера на юг именно через эту зону.

Мавритания охватывает большую часть Западной Сахары, а на юге — часть сахельской зоны близ р. Сенегал. Средняя плотность населения здесь всегда была очень небольшой, хотя Мавритания считается «наименее пустынным районом пустыни».

Рельеф Мавритании отличается малым разнообразием и слабой изрезанностью. В основном это гряды холмов с асимметричными склонами (*дхары*), возвышенные плато (Адрар, Тагант), покрытые щебнем равнины, дюны — движущиеся и неподвижные.

Мавритания в XVII—XVIII вв.

Вдоль побережья Атлантического океана тянется плоская низменность.

В целом рельеф не представляет препятствий для передвижения; а что касается источников воды, то здесь имеются даже

преимущества: у подножия дхар или на плато находятся родники (*айун*) или естественные водоемы (*гельта*), на равнинах — колодцы (*оглат*).

Северную часть Мавритании пересекает тропик Рака, что придает местному климату пустынный характер с сильными температурными перепадами из-за незначительной атмосферной влажности, с преобладанием жары и сухости. Однако благодаря близости океана эти особенности смягчены во всей прибрежной полосе вплоть до плато Тагант и Адрар. Кроме того, на зону, начинающуюся на юге от р. Сенегал и включающую плато Адран на севере, оказывают регулярное действие дожди, идущие в течение летнего сезона и поддерживающие степную растительность — злаковые (например, *инити*) и колючие кустарники.

Население Мавритании представлено как европеоидами, так и негроидами. Первые происходят из Северной Африки. Некоторые из них принадлежат к берберским племенам, другие — к племенам арабского происхождения. Все они говорят на одном из диалектов арабского языка (за исключением бербероязычных групп). Они физически приспособлены к жизни в засушливой среде и на редкость выносливы. Занимаются они в основном скотоводством и караванной торговлей и обитают вдали от влажных районов, так как весьма подвержены заболеванию малярией.

Негроиды живут вокруг источников воды и в долине р. Сенегал, где занимаются земледелием. Тукулеры, сараколе, отчасти волофы обрабатывают затопляемые земли речной долины. Негроидное население оазисов частично происходит из суданской зоны, а частично имеет местное происхождение: харатины (население оазисов, зависимое от кочевников) являются потомками негроидных народов, живших в Сахаре в эпоху неолита и нашедших прибежище у источников воды, когда ее климат стал пустынным (около 2000—1500 гг. до н. э.). Негроиды составляют примерно шестую часть населения страны. Как и белые, все они в настоящее время мусульмане.

Доисторический период. Свидетельства древнего заселения Мавритании — многочисленные орудия из камня, от грубых рубил до наконечников стрел и шлифованных топоров. Особенно богата Мавритания наскальными рисунками всех эпох.

Вероятно, вслед за влажным периодом (6000—3500 гг. до н. э.) Мавританию заселили скотоводы, разводившие крупный рогатый скот (2500—1800 гг. до н. э.). Следующий период получил название «эпоха всадников» (I тысячелетие до н. э.). На наскальных рисунках вначале изображалась лошадь, запряженная в колесницу, затем — скачущие всадники, похожие на современных туарегов; в первые века нашей эры появляются изображения верблюда.

По наскальным изображениям удалось проследить «дорогу колесниц», пересекавшую Западную Сахару, связывавшую Сенегал с Южным Марокко и даже имевшую «ответвление» к Атлан-

тическому побережью и к верхней части долины Нигера. По этому пути в средиземноморский мир из стран Черной Африки вывозилось золото.

Домашний верблюд, вероятно, появился в Африке из Сирии с римлянами. Император Септимий Север (193—211) первым создал отряды всадников на верблюдах для осуществления контроля над пустыней в районе Лептис Магна.

Использование верблюда как вьючного, а позже как верхового животного создало новые возможности для развития кочевых народов Северной Африки, в частности для племен, обитавших на границе степей, таких, как гетулы. С появлением верблюда скотоводы смогли предпринимать более далекие переходы, у них отпадала необходимость ежедневно поить скот из источников пресной воды; более того, разводя в основном верблюдов, они были способны уходить далеко на юг, освобождаясь от любой зависимости в поисках незанятых территорий. Верблюдоводы становятся хозяевами Западной Сахары: они контролируют оазисы, которые для них обрабатывают сначала местные оседлые жители, а позднее — рабы, захваченные во время набегов на южные страны. Они безраздельно владеют караванными путями, устраивая лагерь у источников воды.

Постепенно скотоводы Северной Африки расселялись все шире. Так, многочисленное племя зената, кочевавшее на юге современного Марокко, и особенно племя санхаджа позже распространились по всей Западной Сахаре.

Особое влияние на население Сахары оказало появление в Северной Африке арабов во главе с Окбой ибн Нафи, принесших с собой ислам (середина VII в.). Кунта из Азавада, уроженцы Сегиет-эль-Хамры, гордятся своим происхождением от сподвижников Окбы ибн Нафи, а также тем, что первыми приняли ислам.

Гегемония санхаджа. Первые арабские завоеватели не обратили в ислам всех берберов; однако он проник к племенам зената, жившим на землях, примыкающих к Западному Атласу, и к верблюдоводам-санхаджа. Санхаджа были объединены в кочующие племена во главе с вождями. Случалось, что кому-либо из них удавалось воспользоваться благоприятными обстоятельствами и объединить под своей властью и чужие племена, однако такие объединения обычно распадались после его смерти, а часто даже и раньше.

Рядом с крупными источниками воды, где встречаются караваны и передаются новости, где идет обмен товарами, постепенно возникали поселения-рынки. Наиболее известными из них стали Сиджилмаса на севере, Аудагост и Гана на юге. Главы племен, получая приличные «таможенные сборы», обеспечивали безопасность караванов, которым постоянно угрожали грабители.

Арабских завоевателей, видимо, особенно привлекала транс-сахарская торговля, находившаяся под контролем санхаджских племен месуфа и лемтуна. В самом деле, маршруты, которыми

следовали пересекавшие Западную Сахару караваны, носили название Трик лемтуни⁴⁹. Согласно ал-Бафри, Трик лемтуни начинался в Тамдульте, шел через Тиндуф, Варан (между Шингетти и Тишитом) и достигал Аудагоста; отсюда он следовал в Гану. Другой маршрут после Тиндуфа поворачивал к западу и, пройдя через Себха-Иджиль, затем через Азуги (около Атара), приводил к солончакам Аулиля неподалеку от Нуакшота и заканчивался в нижней части долины р. Сенегал. Трик лемтуни следовал уже проложенной древней «дорогой колесниц». С юга на север, как уже говорилось, караваны доставляли в основном золотой песок из Бамбука, который жадно поглощался средиземноморским рынком. В обмен на золото везли соль из Тегаззы или Аулиля, ткани и оружие из Северной Африки, бруски меди, жемчуг, сушеные фрукты.

Правнук Окбы ибн-Нафи, Абд ар-Рахман ибн Хабиб, ставший наместником Суса, повелел вырыть колодцы вдоль всего Трик лемтуни между оазисами в районе р. Дра и торговыми центрами юга — Аудагостом и Ганой.

Альморавиды. Наиболее известным главой лемтуна был Тарсина, принявший ислам и имя Абдаллах Абу Мухаммед. Поскольку еще не все племена перешли в мусульманскую веру, то после его смерти среди санхаджа начались распри, и кочевники очень скоро уступили контроль над торговлей в Аудагосте царю Ганы. В конце концов распри среди преемников Тарсины разрешились созданием религиозного союза против «неверных». Яхья ибн Омар и его брат Абу Бекр, происходящие из правящей родовой группы лемтуна, объединились вместе с несколькими друзьями вокруг праведного Абд Аллаха ибн Ясина, родом из Магриба. Около 1030 г. они основали укрепленное убежище (*рибат*) для размышлений и молитв. Другие санхаджа следовали этому примеру и присоединялись к ним. Когда их численность достигла тысячи, они по совету Абд Аллаха ибн Ясина покинули рибат с целью обратить (убеждением или силой) в ислам тех кочевников, которые еще не приняли его.

«Люди рибата» (*альморавиды*) подчиняют Сиджилмасу, столицу берберов зената, северный «порт» сахарских караванов. После смерти Яхьи завоевание Западной Сахары продолжает его брат Абу Бекр.

При поддержке исламизированных тукулеров Абу Бекр ведет все кочевые племена на штурм Ганы, обе столицы которой — Аудагост и Гана, игравшие на юге ту же роль, что Сиджилмаса на севере, были захвачены и разграблены (первая — в 1054 г., вторая — в 1077 г.).

За несколько лет власть правителей лемтуна распространяется от Гвадалквивира до Сенегала, что усиливает роль Западной Сахары в контактах между Средиземноморьем и Суданом.

Государство альморавидов не пережило своих основателей: Абу Бекр был смертельно ранен в сражении с обитателями Сенегала в 1087 г. Распри между племенами санхаджа возобновились. Тем

не менее завоевания альморавидов сделали санхаджа бесспорными властителями Западной Сахары: бафуры Адрара, сараколе Ганы были вынуждены принять ислам и платить дань своим владыкам-кочевникам, получившим таким образом дополнительные ресурсы в виде зерна и фиников, выращиваемых в оазисах.

В то же время, окруженный ореолом победоносной славы, ислам был принят правителями мандингов и сонгаев, будущими создателями государств Мали и Сонгай.

Вторжения племен макил и хасан. В XI в. Северная Африка вновь подвергается нашествию арабов, на этот раз племен макил, бени-хилал и бени-сулайм. В середине XIII в. арабские войны достигают Южного Марокко. В середине XIV в. арабы макил оказываются в долине р. Сегиет-эль-Хамра; это приводит к отходу берберских племен на юг.

В течение XIII—XIV вв. племена санхаджа как бы «сползают» на юг вдоль атлантического побережья Мавритании. Возможно, это движение было следствием увеличения численности племен, ищущих пастбища, а также давления арабов. Потомки макил заключали союзы с соседними санхаджскими племенами, особенно с гдала.

Наконец, примерно в 1400 г. происходит важнейшее событие в истории всего этого региона: воинственные потомки макил, известные под названием хасан (по имени их прародителя), обосновываются на севере Мавритании; они образуют воинственные племена улед-делим и удайя. Улед-делим сосредоточиваются в прибрежной части страны, совпадающей примерно с современным районом Рио-де-Оро; удайя, подразделяющиеся на несколько групп, направляются к области Ход (улед-аруг); в Южной Мавритании обосновываются улед-ризг; в XII в. их вытесняют мгафра.

Столкновение между берберами санхаджа, давно обосновавшимися в стране и слывшими довольно богатыми, и арабами хасан, не столь многочисленными, неимущими, но всегда готовыми сражаться, становится неизбежным. Напряженность растет и потому, что уверенные в своей силе санхаджа часто используют хасан в качестве наемников при разрешении внутренних распрей. Будучи весьма храбрыми, сами они тем не менее испытывают отвращение к военному ремеслу: они — *зуайя*, т. е. ученые и благочестивые люди, превыше всего ставящие изучение Корана и мирные занятия; напротив, хасан гордятся своим воинственным пылом; но их гордость уязвлена тем, что их считают низшими и даже посредственными мусульманами, в то время как они принадлежат к роду пророка!

В XVII в. основные племена зуайя кочуют на юго-западе Мавритании. Все чаще и чаще сталкиваются они с мгафра⁵⁰, которые после победы над улед-ризг заявляют о своем праве на всю территорию севернее долины р. Сенегал.

Понимая опасность, которую представляют мгафра, зуайя выбирают имама⁵¹ Насера ад-Дина из племени улед-дейман, че-

ловека выдающегося, отличающегося благочестием, возвышенностью характера и энергией. Насер ад-Дин стремится объединить все силы зуайя, призывая их к священной войне. Так начинается война между зуайя во главе с Насером ад-Дином и мгафра под предводительством Хедди ульд Ахмеда мен Дамана, продолжавшаяся 30 лет и известная под названием «война Шар Баба».

Вначале более многочисленные зуайя одерживают верх. Но гибель Насер ад-Дина в битве при Тиртиласе (1650) оказывается для них роковой. Сменившимся после смерти Насера ад-Дина пятерым имамам не удается поддержать союз племен зуайя, которым все труднее выдерживать борьбу против мгафра. В конце концов, покинутые союзниками, зуайя в 1674 г. терпят полное поражение.

Гегемония арабов хасан. Эмираты. Мгафра, ставшие неоспоримыми хозяевами страны, устанавливают себе привилегии. Прежде всего они разоружают племена зуайя и вынуждают их взять на себя определенные обязательства: уступить победителям третью часть водных источников, которыми они располагают, и т. д. Каждое племя мгафра берет под свое покровительство одно или несколько племен зуайя, поскольку право носить оружие имеют лишь мгафра: это свидетельствует о недоверии и в то же время об осторожности, поскольку мгафра в одинаковой степени боятся и того, что зуайя снова возьмут верх, и того, что они совсем исчезнут: ведь зуайя для них — источник доходов (доля зерновых с урожая в оазисах или в долине р. Сенегал, финики, скот, дни гостеприимства и т. п.).

Захватив власть и монополизировав военное дело, мгафра отводят на долю зуайя мирные занятия — скотоводство, торговлю, духовное просвещение. В своем стремлении немедленно воспользоваться плодами победы воины не замечают того, что они оставили в руках зуайя самое опасное оружие: руководство умами и силу идей.

Социальную иерархию, утвердившуюся в результате победы, возглавляли (разумеется, после шерифов⁵²) воинственные племена хасан и санхаджа. (Все эти войны не противопоставили всех без исключения санхаджа всем хасан; они охватили лишь племена юго-запада, прочие же племена санхаджа в ней не участвовали и не были разоружены.) Затем следовали племена зуайя и, наконец, племена азнага (лично свободные, но обязанные платить дань). На самой нижней ступени социальной лестницы стояли рабы, кузнецы и гриоты.

В конце XVII в. самые сильные воинственные племена создают эмираты. В Мавритании первыми появились эмираты Трарза (эмир которого избирался из семьи Ахмеда мен Дамана) и Бракна. Эмирами были прежде всего военачальники, схожие с берберскими агеллидами древних времен; чтобы руководить, они должны были считаться с мнением знатных людей племе-

ни (*джемаа*); власть их редко признавалась всеми членами племени. Хотя эмиров избирали из одной и той же правящей родовой группы, правила наследования были определены нечетко, а это вызывало подчас кровавое соперничество между наследниками умершего эмира, доходившее до братоубийственных войн. Более того, у эмира, обладавшего весьма ограниченной властью, не было достаточных возможностей для организации управления, которое обеспечило бы порядок и правосудие. Эмираты ничем не походили на сложившиеся государства и напоминали скорее непрочные объединения родовых групп.

В 1740 г. родовая группа мгафра Улед-Джаафрия основала эмират Аддрар. В области Ход утвердила свою власть родовая группа Улед-Мбарек, оттеснившая мешдуф — воинов-санхаджа.

Вскоре после войны Шар Баба воины, которые сумели объединиться для достижения победы и извлечения из нее выгод, втягиваются во внутренние распри. Напротив, марабуты — так станут называться прежние зуайя — благодаря развитию религиозных братств вместе с солидными мирскими доходами получают возможность оказывать на народные массы широкое идеологическое влияние; они превращаются в силу, вмешательство которой и ищут и опасаются воины.

Одним из важных следствий победы арабов хасан явилось распространение разговорного арабского языка, названного по их имени «хасания», языка, имевшего письменность, постепенно вытеснившего язык азнага, на котором говорили санхаджа. (Язык азнага — бесписьменный диалект берберского языка. На нем до сих пор говорят в некоторых районах Мавритании.) С конца XVII в. территории расселения основных племен в общем не изменялись, но в соотношении их сил и влияния произошли перемены. Первоначально преимущество было в основном у трарза и бракна, до середины XVIII в. доминировавших как среди воинов, так и среди марабутов. Однако затем их стали теснить другие набравшие силу племена: кунта, улед-джафрия и особенно племена санхаджа — мешдуф, ахель-сиди-махмуд, но больше всего — ида-у-иш, которые в конце XIX в. достигли вершины своего могущества.

На запад приходит и оседает на побережье Атлантического океана новое арабское племя, улед-бу сба, причисляемое к шерифам, а на севере, вдали от других, набирает силу племя регейбат — чистокровные санхаджа.

Кунта — одно из самых многочисленных и рассеянных по всей Мавритании племен: отдельные группы его разбросаны от Туата до излучины Нигера, включая Тагант. Они связывают себя с Окбой ибн Нафи, имеют устные предания и письменные хроники и считают себя хранителями ортодоксального мусульманства. Несмотря на арабское происхождение, они не забывают и о своей связи с санхаджа, поскольку само их название происходит от прозвища, данного их знаменитому предку Си-

ди Мухаммеду ал-Кунти, дед и воспитатель которого был санхаджа (вторая половина XV в.). Его сын Сиди Ахмед ал-Беккаи (умер в 1504 г.) был одним из основателей братства (ордена) Кадирийя. Факел веры был вновь зажжен в конце XVIII в. Сиди Мохтаром ал-Кебиром (умер в 1811 г.).

Племя ида-у-али (Тагант, Адрар, Трарза) считает себя ше-рифами по происхождению. Придя с востока, они, как говорят, завоевали Абеёр — процветавший в начале XIV в. город к северо-западу от Шингетти. В XVI в. различные потрясения привели к распаду племени на три ветви: ида-у-али «черных», основавших Шингетти (роль которого в 1525 г. была аналогична роли Аудагоста в IX в.), ида-у-али «белых», основавших в 1680 г. Тиджикджу, и, наконец, еще одну ветвь «черных» ида-у-али в Трарзе. Ида-у-али являются последователями мусульманского братства Тиджанийя; без сомнения, именно поэтому ида-у-али из Шингетти приняли в 1689 г. марокканского султана Мулай Исмаила и благосклонно выслушивали советы улемов из Феса.

Племена Сахеля и Ходе. До прихода первых хасан в XV в. в этих районах жили сонинке и санхаджа. Здесь они основали города Шету (Тишит) и Биру (Валата), ставшие важными торговыми центрами. Первые хасан вынуждены были уступить место другим победителям в войне Шар Баба — племени улед-мухаммед, которое господствовало в Ходе примерно с 1650 по 1750 г. Их сменили родственные племена улед-мбарек.

Ида-у-иш являются потомками правящего племени лемтуна, ведя свое происхождение от альморавида Абу Бекра. После распада держав альморавидов они переживают упадок и кочуют в Тирисе. Появление племени макил вынуждает их отойти к Адрару вместе с их покровителями ида-у-али; в столкновении с хасан они были разбиты (конец XV—начало XVI в.). Попытка освободиться от «покровительства» в ходе войны Шар Баба окончилась для них в 1646 г. разгромом, от которого они оправались только спустя столетие. Одному из их вождей, Мухаммеду Шейну, удалось в 1738 г. нанести хасан из племен улед-мбарек, улед-руизи и улед-насер поражение (близ Тиджикдиси); позднее, в 1778, 1780 и 1783 гг., они разгромили улед-мбарек, которые ушли из Таганта и укрылись в Ходе. Иди-у-иш укрепились в Таганте, а Мухаммед Шейн принял титул эмира. Ида-у-иш становятся грозными воинами, которые обирают данников племен бракна, улед-яхья-бен-осман, кунта.

Устные предания, восходящие к XII—XIII вв., считают родиной берберского племени регейбат район Марракеша. В этот период они якобы обосновались в области р. Дра, где находились до XVIII в. Имеющиеся о них достоверные сведения относятся не ранее чем к XVIII в., когда они мигрировали на юг.

Южные племена: бракна и трарза. Бракна были главными победителями в войне Шар Баба, с тех пор их давление чувст-

вовали на себе все племена хасан, и даже родственным им племенам трарза удалось освободиться от него лишь через добрых пятьдесят лет. Первый эмир бракна, Нормаш, был потомком Абд Аллаха; он принял очень активное участие в последней стадии войны Шар Баба и стал родоначальником родовой группы улед-нормаш, которая претендовала на то, чтобы ее глава носил титул эмира.

Трарза избрали своего первого эмира, Хадди, из семьи Дамана (умер около 1600 г.). Считаясь с агрессивностью бракна, трарза стремятся к заключению союзов, в частности с европейцами — голландцами и французами, покупающими камедь на побережье и в долине р. Сенегал. В обмен на камедь эмир получает оружие, кораллы и жемчуга, бруски железа и прежде всего патоку и ткани.

Третьему сыну Хадди, Али Шандоре, удалось благодаря политической ловкости освободить Трарзу от зависимости от Бракны (1703—1724). По совету марабута из племени ида-у-али (принадлежащего к братству Тиджанийя) он обратился с просьбой к марокканскому султану Мулай Исмаилу утвердить его в звании эмира Трарзы и оказать ему помощь, если он встретит препятствия со стороны бракна. Это был очень ловкий ход: султану льстила такая честь, и он пошел навстречу просьбе Али Шандоры. Отныне тот стал носить белые шаровары как внешний знак своего высокого достоинства (рядовые мавры носили шаровары темного цвета).

Соперничество между бракна и трарза. Отношения с европейцами: влияние на традиционную экономику. После этого дипломатического успеха Али Шандора существенно укрепляет свои позиции; он усмиряет мятежников и поддерживает добрые отношения с европейцами, прибывающими сюда для закупки камеди; он разрешает Андре Брю восстановить форт в Портандике и облегчает сношения с факториями, находящимися на его территории. Все это вызывает зависть эмира бракна Мухаммеда улед-Хейба, пытающегося добиться аналогичных преимуществ. Али Шандора погиб в 1727 г. в сражении против войска эмира Бракны.

Внук Али Шандоры, Али Кури (1759—1786), продолжал внешнюю политику своего деда, заключая торговые договоры о продаже камеди с англичанами и с французами. По отношению к соседям Али Кури вел ловкую политику, стремясь использовать разногласия между *дамелем* Кайора и *браком* Вало; он даже развязал войну против имама Абд ал-Кадира, изгнавшего в 1776 г. из Фута-Торо языческую династию Тенгелла, что вызвало благочестивое негодование бракна, отнюдь не лучших мусульман, чем их соседи, но пользовавшихся случаем выступить против трарза в союзе с тукулерами. В одном из сражений Али Кури был убит.

Поскольку после него остался лишь один малолетний сын, внутренние распри возобновились с новой силой и накалились

до предела, когда в 1827 г. брат Али велел убить своего достигшего совершеннолетия племянника и воспитанника. В Трарзе воцарилась анархия.

В Бракне шло соперничество между старшей ветвью — улед-нормаш и младшей — улед-сийед. Около 1766 г. эмиром стал представитель улед-сийед. Господствуя на берегах р. Сенегал, они завязали отношения с прибывшими за камедью французами; улед-нормаш, кочующие севернее, остались французам неизвестными.

Подобно правителям трарза, эмиры брака обладали выдающимися личными качествами и острым политическим чутьем. Таким был Мухаммед улед Мохтар (примерно 1776—1800 гг.), объединивший в успешных операциях против последних Тенгелла улед-нормаш и улед-сийед. Затем в союзе с ида-у-иш и с тукулерами он победил Али Кури, а после победы замирился с трарза, чтобы помешать тукулерам воспользоваться добытыми преимуществами. Наконец, он установил контакты с французскими торговыми компаниями, чтобы с их помощью утвердиться на месте эмира и при удобном случае купить себе сторонников.

Глава 6

ЗАПАДНЫЙ СУДАН И ЗАПАДНАЯ ГВИНЕЯ

Суданская полоса

В XVI в. в истории Африки свершился важный поворот, последствия которого оказались особенно глубокими на западе континента. Эта окраина никогда не сообщалась с внешним миром, если не считать транссахарских связей, а влияние Магриба, значительное в суданской зоне, быстро ослабевало по мере приближения к лесу. Этому влиянию содействовали главным образом диула (торговцы, по происхождению в основном мандинги или сараколе), торговля которых постепенно расширялась; в XV в. они уже доходили до окрестностей португальской фактории Эльмина на побережье Гвинейского залива. Орехи кола и рабы доставлялись с юга в суданскую зону, а оттуда прибывали ткани, сахарская соль и товары из Магриба. Стремление получить «суданское» золото, безусловно, оставалось одной из главных движущих сил этой торговли.

Это давно сложившееся равновесие оказалось, естественно, нарушенным с того момента, когда в океане забелели паруса и европейские мореплаватели обосновались в главных пунктах Гвинейского залива. Глухой угол превратился в передний край европейского вторжения, и одним из наиболее примечательных результатов этого явилось возрастающее продвижение суданцев к лесным областям. Как только в этом районе возникла торговая деятельность, диула продвинулись до европейских факторий

повсюду, где леса и горы не были непреодолимым препятствием. В то время как южные народы ломали вековую изоляцию, суданские общества, где главную роль играла межплеменная дальняя торговля, освобождались от монополии некогда породивших их магрибинских влияний. Устанавливалось равновесие между сокращавшейся, но все еще значительной транссахарской торговлей и увеличивавшейся в объеме торговлей на побережье Гвинейского залива, где ввозимые по морю фабричные товары европейского производства были значительно дешевле.

Итак, к XVII в. обмен между Африкой и Европой принял характер, который сохранялся вплоть до отмены работорговли и даже до начала колониального раздела континента. Золото, слоновая кость и главным образом рабы обменивались на оружие, алкогольные напитки, ткани и железные изделия. Эта торговля не только вела к изменению материальной культуры прибрежных районов, но и способствовала развитию социальной дифференциации. Расшатывались прежние патриархально-племенные общества, причем вывоз чернокожих рабов в Америку обусловил сложение новых социально-экономических структур, обслуживавших работорговцев, что вызывало постоянные войны. Правда, упадок, вызванный этими войнами, частично компенсировался за счет введения американских растений, которые в скором времени резко изменили к лучшему состояние земледелия в лесных районах (маниока, кукуруза) и даже распространились в саванне (арахис).

На фоне глубоких и зачастую катастрофических изменений в прибрежных районах суданская зона выглядела относительно стабильной. Тем не менее и она начала медленно клониться к упадку. При этом следует учитывать, что ее отношения с Северной Африкой прекратились не сразу, поскольку транссахарская торговля еще долгое время сохраняла определенное значение. Каменная соль из пустыни по-прежнему была необходима суданцам, которые не теряли тесные связи со Средиземноморьем вплоть до XIX в.

Для нашей темы небезынтересно, что саадитские шерифы мобилизовали в то время все силы Марокко для отпора экспансии государств Иберийского полуострова. Это желание отгородиться от враждебно настроенной Европы вынуждало правителей страны искать доступные ресурсы в самой Африке. Именно поэтому Магриб ненадолго появился на суданской сцене. Последствия оказались катастрофическими, поскольку структура древних государств была разрушена как раз тогда, когда новая ориентация торговых связей расшатала экономику обществ этого региона. Все это привело к их относительному упадку.

Марокканцы, туареги и кунта (1591—1818). С того момента, когда Марокко заинтересовалось суданским золотом, оно нацелилось на важный торговый район Западного Сонгаи. Им овладел самый известный из султанов саадитской династии —

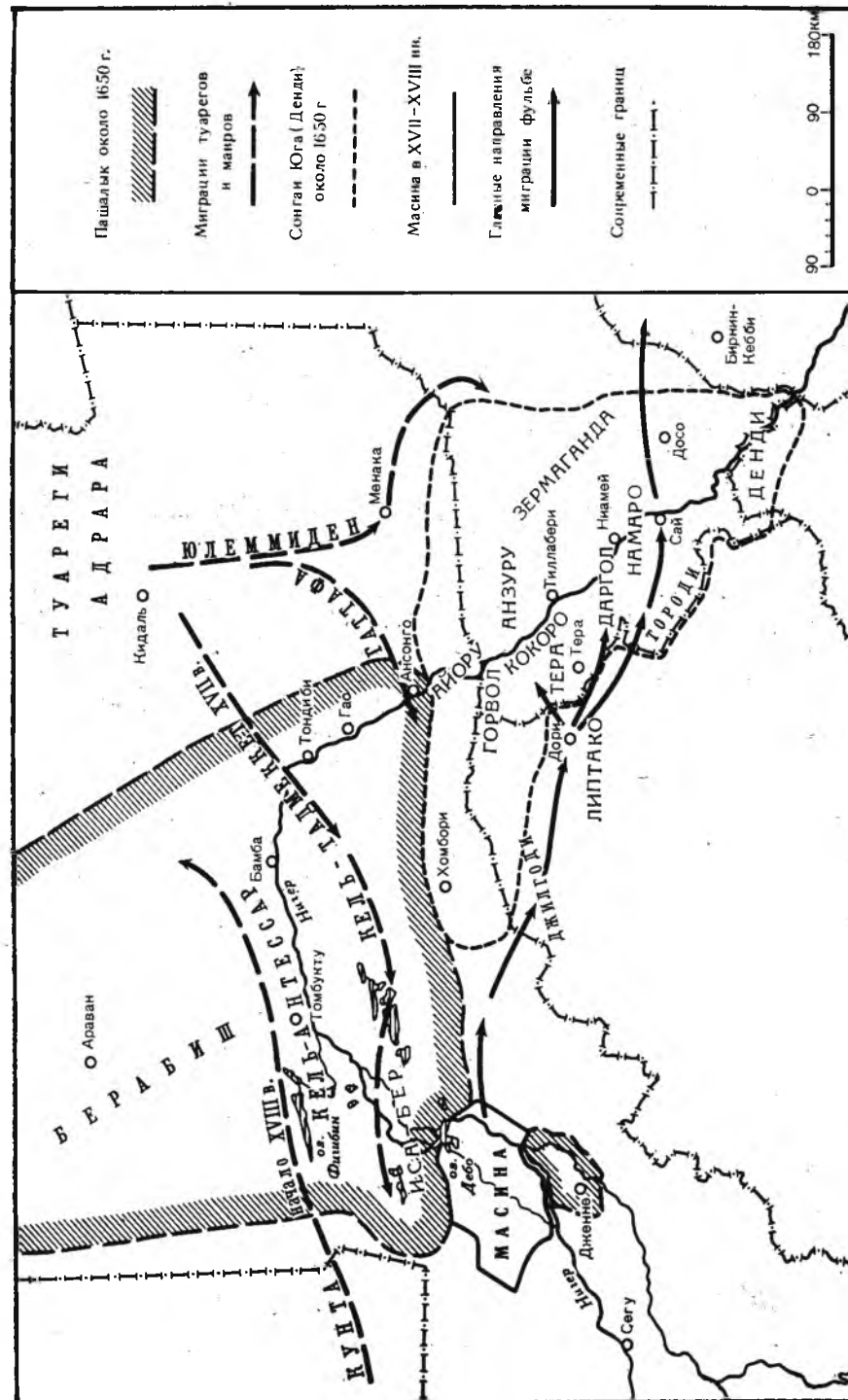
Абуль-Аббас Ахмед ал-Мансур (1578—1603). С 1581 г. он стал властелином Центральной Сахары, захватив Туат и расположив гарнизон в Тегдаусте (бывшем Аудагосте). В 1582 г. он захватил соляные копи Тегаззы.

В 1591 г. большая военная экспедиция в составе 2 тыс. пехотинцев и 5 тыс. всадников, вооруженных аркебузами, вышла из Южного Марокко, намереваясь пересечь Сахару. Значительная ее часть состояла из испанских наемников, каковым был и сам ее глава, знаменитый паша Джудер. Не без труда дойдя до излучины Нигера, войско направилось к Гао и 13 марта 1591 г. при Тондиби с удивительной легкостью разгромило громадную армию *аскии* Исхака, не имевшую огнестрельного оружия.

Пораженный бедностью Гао, Джудер тут же оставил его и обосновался в Томбукту, где его поддержала часть мусульманского духовенства. Паша склонялся к тому, чтобы уйти из страны, и поплатился за это, впад в немилость. Его преемник, паша Махмуд, возобновил завоевания. С помощью сонгайских изменников новый *аския*, Мухаммед Гао, был захвачен и казнен в конце 1591 г., а марокканцы укрепились в Кулене, ниже по течению Нигера. Они подчинили живших выше по течению фульбе Масины и заняли Дженне, обеспечив себе контроль над путями доставки золота. Однако партизанская война, начатая побежденными в Южном Сонгай (Денди), вынудила марокканцев в 1594 г. оставить Кулен и отойти севернее линии Хомбори — Ансонго, которую им больше никогда не удавалось перейти.

Завоевание Судана окончилось неудачей. Когда в 1629 г. окрепла и стала независимой Масина, Дженне оказался почти полностью изолированным; лишь река связывала его с центральными областями Сонгай. В Денди периодически шли военные действия. Связи Марокко с «пашалыком Томбукту» очень скоро ослабли: султан перестал им интересоваться, как только заметил, что контроль над ним обходится дорого, не принося ничего существенного. Последний назначенный им паша, Аммар, провел там в 1618 г. всего три месяца; всех его преемников избирало уже само войско. Начиная с 15 марта 1660 г. пятничную проповедь стали произносить от имени паши Буйя, а не от имени султана; это фактически означало закрепление независимости.

Как известно, в 1591 г. *аския* был предан той частью мусульманской партии, которая, без сомнения, стремилась укрепить свои связи с крупными исламскими центрами Магриба. Этот расчет оказался неверным, так как со следующего года по приказу паши Махмуда значительная часть образованного сословия Томбукту была отправлена в Марокко вместе со знаменитым ученым Ахмедом Баба. Исламская культура сонгаев никогда уже не оправилась от этого удара. Транссахарская торговля продолжала медленно угасать, подорванная как установившейся в суданской зоне анархией, так и перемещением основных ее путей. Страна, таким образом, оказалась во власти наемников, которые

правили через сотрудничавших с ними *аскиев* — послушных исполнителей их желаний.

Войско было разделено на три отряда: фесский, марракешский и отряд шерарга; они соперничали между собой при выборе паши. Полномочия паши могли быть продлены на следующий год, впоследствии его снова могли выбрать, но могли и сместить под любым предлогом. Избрание паши сопровождалось интригами, убийствами и военными переворотами. Это вызывало все большую анархию, о чем свидетельствуют следующие цифры: с 1591 по 1618 г. правило девять пашей, с 1618 по 1660 г. — двадцать, а с 1660 по 1750 г. — сто двадцать два.

Связи с Марокко прервались. Поскольку женщины не сопровождали армию, марокканцы женились исключительно на сонгайках. Так сложился правящий класс арма, который вскоре перешел с испанского или арабского языка на сонгайский и со второй четверти XVIII в. почти полностью африканизировался. Численность арма увеличивалась на всей территории пашалыка. Они носили местные клановые имена (*дьяму*) и специализировались в сапожном деле. Самое удивительное состояло в том, что их военная сила довольно долго не убывала.

Наряду с отделением фульбе Масины важным событием XVII—XVIII вв. стала экспансия сахарских кочевников: мавров и особенно туарегов. Они представляли опасность уже по крайней мере в течение двух столетий, но по соседству с Томбукту находились лишь довольно безобидные секты марабутов, как, например, кель-антессар. Путь, ведущий в Марокко через Арауан, издавна находился под контролем довольно могущественного племени берабиш, но в XVI—XVII вв. они подверглись сильному воздействию арабов макил. Помимо перечисленных народов пустыню контролировали бербероязычные группы, впрочем находившиеся в подчинении у сонгаев.

Падение Сонгай освободило туарегов Адрара, роль которых при *аменокале* (верховном вожде) Адале (около 1600 г.) сразу же резко возросла. Отсутствие твердой власти открыло им путь к берегам Нигера, куда они и устремились. Когда со смертью Адала союз туарегов распался, более мощная их группировка — юлеммиден — изгнала своих противников — тадмеккет. Последние к 1635 г. дошли до излучины Нигера и начали укрепляться там сначала с согласия, а потом и вопреки желанию пашей Томбукту. Юлеммиден, в свою очередь, оставили Адрар, распространившись главным образом по левому берегу Нигера и устроив свою столицу в Менаке. Аменокал аш-Шави (1680—1688) захватил город Гао. Примерно в 1700 г. на востоке области (территория нынешней Республики Нигер) образовалась группа кель-динник.

Казалось, что туареги вошли таким образом в состав пашалыка, но на самом деле они разрушали его изнутри, беспрестанно вмешиваясь в раздиравшие арма конфликты, грабя караваны и нападая на земледельцев. Глава тадмеккет Огмор в 1737 г.

окончательно разгромил арма и убил пашу; это означало конец пашалыка.

Многочисленное племя марабутов кунта в первой четверти XVIII в. покинуло Ход и обосновалось в Азауаде, между племенами берабиш и юлеммиден. Благодаря шейху Сиди-Мохтару ал-Кабиру (1729—1811) кунта внезапно оказалась на политической сцене. В 1757 г. шейх возвратился на родину после длительного обучения в Магрибе и стал расширять сферу влияния религиозного братства Кадирийя. Этот дальновидный политик пошел на компромисс с юлеммиден, в союзе с которыми он разгромил тадмеккет, причем был убит их *аменокал* Батбити.

В 1772 г. Томбукту захватили бамбара под руководством Нголо Дьяры — правителя одного из городов в области Сегу. Это поражение оказалось роковым для арма. Воспользовавшись предлогом — вырвать город из рук язычников, — новый *аменокал* юлеммиден Кава, вошел в Томбукту в 1787 г. и упразднил должность паши. Таким образом древняя мусульманская столица надолго оказалась во власти кочевников. Что касается Дженне, то он уже давно (безусловно, еще до 1770 г.) находился в руках бамбара. К 1790 г. Кава стал, таким образом, властелином прежнего пашалыка, т. е. областей севернее излучины Нигера и громадной части пустыни. Несмотря на продолжительность своего правления (1787—1840), он тем не менее оказался неспособным упрочить гегемонию юлеммиден.

Хотя транссахарская торговля еще существовала и на Нигере продолжалось судоходство, прежний Северный Сонгай в начале XIX в. находился в упадке. Под властью кочевников его население значительно уменьшилось, а культурный уровень неуклонно снижался в течение двух столетий.

Последние *аскии* и Южный Сонгай (Денди, Зерма), 1591—1818 гг. Укрывшись в Денди, ниже по течению Нигера, *аскии* оказались отрезанными от той городской исламской культуры, которую они создали в центре державы, но которая так и не проникла в глубь общества. В этой отдаленной области правили наследники правителей-сонни, нашедшие после 1493 г. убежище в Анзуру, на границах стран хауса и Сахары. Здесь обитали зерма, группа сонгаев-анимистов; в XVI в. они ушли на восток и укрылись там, не желая принимать ислам. Обосновавшись в Зермаганде, зерма в XVII—XVIII вв. распространили свою власть на область Досо, ассимилировав различные местные этнические группы.

Как только положение стабилизировалось, а внешняя угроза уменьшилась, *аскии* быстро вернулись к анимизму, и вся структура государственного аппарата постепенно ослабла. Остатки сонгайского общества образовали на этом глухом участке Нигера мелкие традиционные объединения, на языке бамбара называемые *кафу*, которые просуществовали до начала XIX в.

Масина и фульбе излучины Нигера (1591—1818). Затопляемые земли Масины, этой внутренней дельты Нигера, где

лись нетронутыми: распад африканских держав не разрушил лежащие в основе общества социальные ячейки.

Бамбара, по-видимому, постепенно расселялись вниз по Нигеру и в сторону Сахеля, пользуясь гегемонией Мали. Таким образом, они наводнили обширные территории, где значительными группами жили сараколе, как правило, обращенные в ислам и вскоре принявшие язык переселенцев. В XVI в. первые бамбара в Сахеле, вероятно, испытывали более или менее сильное влияние сараколе или, скорее, дьявара из Диары, так как последняя подчинила себе район вплоть до Верхнего Сенегала и сама находилась под контролем Сонгай.

Бамбара, жившие по Нигеру, без сомнения, находились в зависимости от Мали до начала XVII в., но после распада этого государства они активно помогали фульбе Масины в их сопротивлении марокканцам. Путешествие ас-Сади, автора «Тарих ас-Судан», свидетельствует о том, что в 1644 г. их территория была раздроблена на множество мелких государств, правители которых, обычно мусульмане-сараколе, уже с трудом поддерживали традиционные требования ислама.

Устные предания области Сегу описывают перемещения некоторых родов Кулибали, одни из которых пришли с верховьев Нигера, а другие — из-за р. Бани. Одна из таких групп распалась в начале XVII в., и в предании это отразилось в виде ссоры двух братьев: Барама-Нголо и Нья-Нголо. Последний перешел реку и обосновался около Мурджа среди сараколе Сахеля, где он заложил основы будущего государства Каарта. Его потомки, масаси, поселившиеся в Сунтьяне, с конца XVII в. обрели значительную силу. Барама-Нголо, напротив, остался в области Сегу, и его род стал воплощением стремления язычников к созданию государства, в котором исламизированные меньшинства находились бы в зависимом положении. В середине века в этом направлении действовал Каладьян, сын Барама-Нголо.

По существу, государство сложилось только в начале XVIII в. Во главе его стоял Мамари, по прозвищу Битон Кулибали, правнук Каладьяна (около 1710—1755 г.). Этот правитель сделал город Сегу своей столицей и вместо прежнего титула правителей Мали *манса* принял военный титул *фаама*. С помощью малинке и фульбе Битон скоро распространил свою власть на участок долины Нигера между Бамако и Дженне. В конце своего правления он начал войну против масаси и на некоторое время ослабил их государство.

Организовав постоянную армию, Битон заложил основу могущества нового государства, на месте *кафу* были созданы новые структуры. Тем не менее, когда в 1766 г. власть досталась Нголо Диара, страна находилась в состоянии анархии. Этот выдающийся военный руководитель был местным уроженцем и, вероятно, пользовался широкой народной поддержкой, позволившей ему ограничить могущество военачальников и основать законную династию. Резиденция правителя была перенесена в Сегу-

Сикоро. В правление Нголо Диара, продолжавшееся до 1789 или 1790 г., бамбара осуществили беспрецедентную экспансию. К 1770 г. *фаама* захватил Дженне, а вскоре подчинил фульбе Масины. Примерно в 1785 г. (точная дата неизвестна) он даже занял Томбукту. На юге он вел войны с фульбе Васулу. Ряд военных походов он совершил на востоке против моси Ятенги и погиб, возвращаясь из одного из них.

Государство Масаси никогда не было столь же сильным, как Сегу. Разрушенное в 1754 г. Нголо Диара, оно с трудом возродилось западнее, на бедных землях Каарты. Правитель Сира-Бо (1761—1788) укрепил государство вокруг новой столицы Гему и укрепился в верховьях р. Сенегал.

Несмотря на важное место, которое отводилось мусульманам, эти большие государства решительно оставались языческими. Таким образом, подъем бамбара, не сопровождавшийся отходом от язычества, и быстрое дробление этнической общности малинке, которое повлекло за собой упадок ислама, весьма показательны. Вновь оказавшись в тесных рамках сельских *кафу*, верхушка малинке не испытывала необходимости хранить верность городской религии своих предков. Напротив, бамбара, оказавшись в Судане в новых условиях, проявили способность к дальнейшей эволюции, не порывая с анимизмом.

Манса, напавший в 1599 г. на Дженне, был, возможно, Мамуду, который последним жил в древней столице Мали. Согласно генеалогиям, он правил примерно в середине XVI в., и гриоты рассказывают о его войнах с фульбе, в результате которых последние якобы стали искать убежища за Нигером. Многочисленные группы фульбе поднялись по правому берегу Нигера и пересекли реку, чтобы соединиться с соплеменниками, уже обосновавшимися на Фута-Джаллоне.

Примерно во второй четверти XVII в. малинке снова установили контроль над Нигером выше Сигири, а позже оттеснили фульбе к востоку от р. Санкарани, где те положили начало государству Васулу.

Наиболее значительным явлением в XVII и XVIII вв. стала мандингизация многочисленных групп фульбе, осевших и принявших язык бамбара, но сохранивших при этом четкое этническое самосознание (мы будем называть их фула). Пример подали васулунке. Появившись в уже заселенной области, они смешались с автохтонами бамбара, продолжая заниматься скотоводством. Однако к концу столетия их отношения с Сегу ухудшились. Аналогичные процессы в это же время происходили в районе верховьев р. Сенегал. Пришедшие в XVI в. из Сахеля родовые группы фульбе ассимилировались здесь с малинке, положив начало народу хасонке в районе современного города Каес.

Итак, бамбара создали крупные государственные объединения, не отказавшись от язычества, хотя и отвели в своем обществе исламу значительное место. Напротив, малинке, замкнувшись в тесных рамках *кафу*, легко отказались от ислама, утвердившегося

лишь при дворе сонгайских *аскиев* и в среде торговцев. Таким образом, традиционные патриархально-племенные структуры повсюду доказали свою прочность, но, как показало дальнейшее развитие событий, они оказались весьма слабыми перед волной фульбского джихада.

От Нигера до Атлантического океана

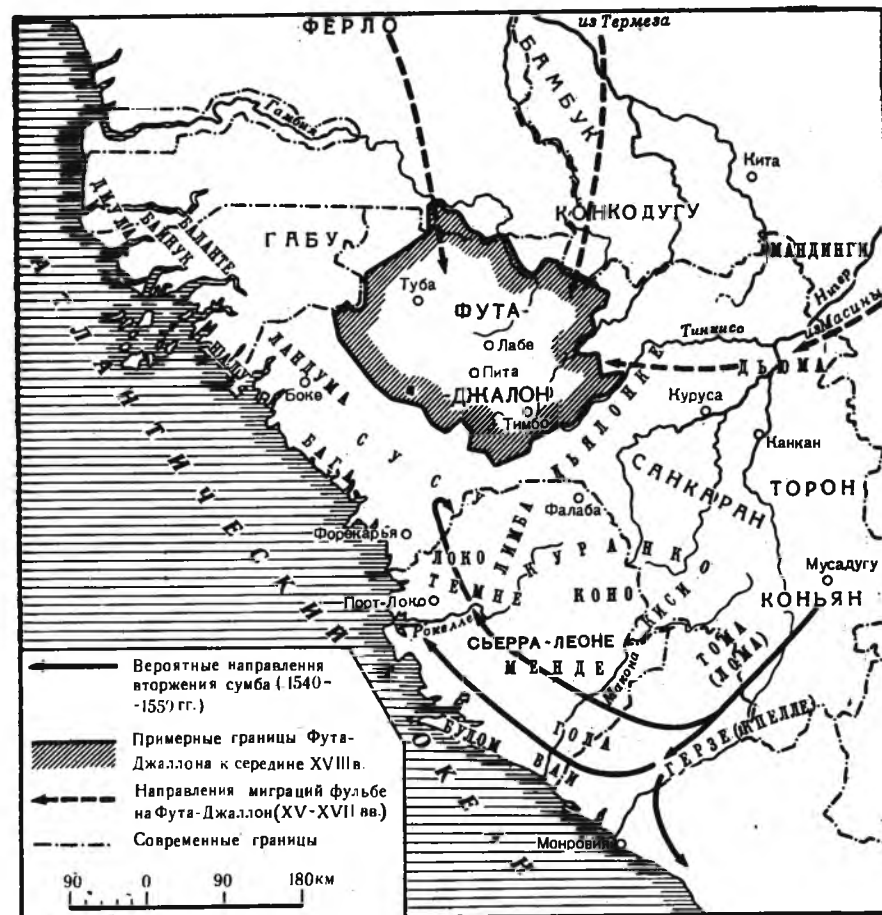
Пути торговли орехами кола в XVI—XVIII вв. Полоса, где развивались суданские цивилизации, находится относительно недалеко от океана, однако отделена от него лесистыми горами гвинейской горной цепи и бесплодными песчаниками Фута-Джаллона. До XVI в. океанское побережье не представляло интереса для торговцев. Население же лесной зоны производило орехи кола — возбуждающее средство, весьма ценившееся у народов Судана, которое сыграло важную роль в западноафриканской истории. Торговлю орехами кола вели диула: их караваны постепенно продвигались к югу, а вместе с ними распространилось и влияние суданской цивилизации.

Восточнее, в бассейне р. Вольты, наличие месторождений золота в большой мере стимулировало это продвижение диула, достигших Гвинейского залива по крайней мере в XV в. Здесь диула образовали меньшинство, укоренившееся в среде вольтийских племен, и нередко навязывали им свою власть.

В XVI в. положение стало меняться, поскольку рабы, золото, слоновая кость начали доставляться в южном направлении в созданные неподалеку европейские фактории. Однако тропический лес между верховьями Нигера и р. Бандамой представлял собой непреодолимое препятствие, поэтому давняя торговля орехами кола с Суданом продолжалась без больших изменений. Влияние со стороны побережья стало ощущаться, только когда возникла связь между участком побережья, называемым Речным Берегом, и районом Канкана, но регулярная торговля между этими районами появилась лишь в XVIII в.

Крупные миграции малинке на юг были вызваны экспансией возвысившихся сонгаев и относятся, как кажется, в основном к XV и XVI вв. В результате этих миграций на крайнем западе, на территории нынешней Сьерра-Леоне, сформировалось ядро малинке. Этот воинственный народ, сохранивший, несмотря на значительное смешение, ярко выраженные черты суданской цивилизации, стали называть куранко. В конце XVII в. куранко двинулись на восток, оттеснив к югу киси и достигнув границ Коньяна.

На востоке малинке проникли в Вородугу, в «страну кола». В начале XVII в. различные по происхождению родовые группы пересекли верховья р. Сасандры и, двигаясь вдоль границы леса, достигли р. Бандамы, оттеснив при этом гуру и заселив области Сегела и Манконо. Они смешались с различными группами диула и основали в верховьях р. Бандамы поселение Борон.

Западная Гвинея

Экспансия южных малинке привела их в район расселения сенуфо. Чтобы доставлять орехи кола на расположенные вдоль Нигера рынки, не совершая при этом громадного крюка, приходилось пересекать их земли. На новых торговых путях, шедших в направлении Бамако или Сегу, сложились группы диула и появились мелкие государственные образования малинке.

В конце XVIII в. здесь окрепло хорошо организованное и жизнедеятельное общество, существовавшее благодаря торговле орехами кола. Из-за значительных сезонных различий в цене торговля этим возбуждающим средством очень прибыльна; его поставка была привилегией крупных посредников, обосновавшихся на южных рынках и обладавших монополией на сношения с живущими в лесах «варварами». Они выступали в роли хозяев (*дьятиги*) и обязательных посредников для торговцев, достав-

являвших с севера соль, скот или лошадей. Рене Кайе оставил нам описание озабоченных торговцев-владельцев караванов,двигающихся быстрым шагом и при каждом случае осведомляющих об изменениях курса на орехи, которые могли их разорить.

Необходимая для поддержания этой интенсивной торговли организация породила оригинальное и очень стратифицированное общество — от мелкого разносчика до крупного владельца караванов. В обществе диула ценили прежде всего деловые качества человека и вели торговый обмен в духе, далеком от традиционного. Они обеспечивали связь всех малинке с внешним миром, и, хотя они доставляли лишь ограниченное количество товаров, их культурное влияние было весьма значительным. Отношения этих мусульман с язычниками, особенно с их вождями, обычно были великолепными, и понятие священной войны было им чуждо. Впрочем, сама мысль об обращении в ислам своих соседей-язычников не приходила им в голову, так как они извлекали выгоду из существовавшего и явно благоприятного для них положения вещей. Серьезным для их деятельности препятствием было то, что посреднические рынки находились далеко на юге, на границе с лесом. Большинство диула проживало, таким образом, вдали от очагов суданской культуры, куда они направляли свои товары; в то же время в обширной промежуточной зоне они создали лишь несколько крупных постоянных рынков. Это положение было нарушено только с установлением новых отношений с побережьем начиная с XVIII в.

Такое развитие событий хорошо показывает судьба Канкана. Вначале скромная деревушка, основанная одной из групп сараколе, Канкан возник в конце XVI в. Поскольку связи с побережьем были нерегулярными, он рос очень медленно как простой промежуточный пункт в торговле орехами кола. Во второй четверти XVIII в. вследствие событий на Фута-Джаллоне в верховьях Нигера появилась европейская торговля. Канкан стал стремительно расти и сразу же установил связи с фульбе, контролировавшими выход к морю. На заре XIX в. Канкан, безусловно, являлся одним из центров западных диула.

Фута-Джаллон. Высокие, сложенные из песчаника плато Фута-Джаллона отделяли суданские саванны от Атлантического побережья и давали человеку мало жизненных средств, пока здесь не распространилось скотоводство. Вероятно, древнейшее население составляли охотники-земледельцы, говорившие на западно-атлантических языках, такие, как тьяпи и бага, — предки темне и ландуман на западе и лимба — на юге. Очень рано они были оттеснены двумя родственными мандингскими народами: сусу и дьялонке, которые покинули долины рек Фалеме и Бафинга и осели: первые — на западе, а вторые — на востоке массива. Эти охотники занимались немного земледелием в долинах, но плато оставались пустынными.

Общество состояло из патрилинейных родовых групп, объединявшихся в *кафу*. Несмотря на родство с малинке, причиной этого

массового переселения было, безусловно, нежелание подчиниться власти Мали. В самом деле, контроль Мали не распространялся на массив Фута-Джаллон, за исключением, может быть, его восточных предгорий. Он не привлекал исламизированных завоевателей, чьи связи с побережьем осуществлялись по рекам Гамбия и Казаманс.

Высокие плато Фута-Джаллона со здоровым климатом были, однако, пригодны для скотоводства, и пришедшие из Сахеля фульбе, поднимаясь по р. Фалеме, обосновались здесь, возможно, уже в XV в. Около 1490 г. фульбе из Южной Мавритании пересекли во главе с Коли Тенгелой р. Сенегал и также поселились на нагорьях Фута-Джаллона.

Фульбское население, вероятно, быстро росло. Другие группы, как кажется, прибыли из Масины. Во всяком случае, в XVI в. фульбе Фута-Джаллона уже представляли собой силу, поскольку им удалось с помощью сусу отразить нашествие сумба и отбросить их до границ Сьерра-Леоне.

Все эти фульбе были язычниками и жили мелкими группами, поддерживая хозяйственные связи с земледельцами сусу и дьялонке. Как только какая-либо группа фульбе укрепляла свое положение, традиционный обмен молока на зерно уступал место более сложным отношениям. Со временем фульбе все больше стремились уравнять свое положение с земледельцами. Но неорганизованные группы язычников не обладали, однако, для этого достаточными средствами. Здесь призван был сыграть свою роль ислам. В течение всего XVII в. рос приток переселенцев из Масины, испытавших сильное влияние суданского ислама. Разделенные на серьянке, осевших вокруг Фугумбы, и сидьянке, обосновавшихся в верхнем течении р. Бафинг, в Тимбо, эти переселенцы стали собирать вокруг себя всех недовольных десятиной, взимаемой вождями дьялонке. Отныне обращение в ислам стало выражением протеста.

Предводитель фульбе *альфа* Ибрахим Самбегу Бари призвал к восстанию против неверных. Оно началось по решению знаменитого совета в 1727—1728 гг. (1140 г. хиджры), собравшегося у священного ручья Тимбо. Решение было принято главами девяти основных группировок фульбе, образовавших впоследствии девять провинций (*диве*, ед. ч. *диваль*). После первых крупных успехов священная война продолжалась очень долго, и фульбе держали в ней верх только благодаря союзу с народностью дьялонке, которая в то время укреплялась на севере Сьерра-Леоне.

Период с 1750 по 1760 г. ознаменовался относительной устойчивостью нового государственного образования. Его глава получил титул *альмами*; были выработаны основы систем управления.

Новая фаза экспансии, начавшаяся в середине XVIII в., была направлена на север, против Габу, Верхней Гамбии и Конкодугу (верхнее течение р. Фалеме). Вскоре *альмами* стал Ибрахим Йоро

Пате. Этот крупный военачальник, принявший имя Ибрахима Сори, успешно воевал с язычниками на востоке, которые объединились вокруг могущественного правителя Санкарана Ибраймы Конде. Между тем началась распри и среди самих фульбе. В борьбе против своих противников Ибрахим Сори разогнал Великий Совет фульбе Фугумбы. Это привело к свержению Сори (1780/81); его место занял *альфа* Садиу. Однако новый *альма* оказался слабым правителем. В 1784/85 г. он потерпел поражение от Ибраймы Конде, которому удалось вовлечь в союз манга из Салиманы и завоевать вместе с ним значительную часть Фута-Джаллона. Лишь в 1788/89 г. Ибрахиму Сори удалось освободить страну. Конец XVIII столетия прошел на Фута-Джаллоне под знаком борьбы двух группировок: *сорийя* — наследников Ибрахима Сори и *альфайя* — наследников *альфы* Ибрахима Самбегу, — представители которых поочередно сменяли друг друга у власти.

В сложившемся здесь в конце XVIII в. обществе фульбе образовали высший слой, полностью подавив местных жителей, оказавшихся ассимилированными до такой степени, что они перешли на язык фульбе. Чтобы кормить знать, требовалось множество рабочих рук в долинах, поэтому государство фульбе до самого начала колониальной эпохи испытывало чрезвычайную потребность в рабах, что обусловило широкое развитие работорговли и набегов за рабами.

На Фута-Джаллоне расцвела цивилизация суданского характера, характеризовавшаяся очень высоким уровнем культуры. Широко распространилась письменность, которую использовали не только для арабского языка, но и для языка фульбе.

Здесь сложилась не монархия, а олигархия, поскольку все знатные родовые группы были в принципе равны, не отличаясь от тех, что встали во главе диве. Они избирали Совет Тимбо, который выбирал *альмами* и давал ему советы в управлении страной. Обожествленность *альмами* не обеспечивала ему реальной власти, и диве постоянно вели междоусобные войны. Это соперничество не вредило единству страны, имевшей прочную «феодальную» структуру, подкреплявшуюся сильным этнорелигиозным патриотизмом.

Атлантическое побережье в XVI—XVIII вв. К югу от суданского мира простиралась прибрежная зона. Гористая или покрытая лесами, она была населена раздробленным и сложным по составу населением. Пока океан оставался пустынным, а американские растения не обновили земледелие, эти неприступные области казались бесплодными; здесь можно было добывать только морскую соль.

Все местные народы занимались разведением риса. Они создали общинно-родовые патриархальные структуры, в которых важную роль играли тайные общества.

Золотые месторождения в Габу, в северном районе побережья, были в средневековье одной из провинций Мали. Став самостоятельным в XVI в., после крушения Мали, этот район утратил

свободу лишь после вторжения фульбе в XIX в. Именно экспансия малинке оттеснила на побережье диула и баинук, которые вплоть до колониальной эпохи так и не создали собственной государственности. То же можно сказать и о народах, живущих южнее: манджак и баланте. Последние в XVIII в. значительно расширили свою территорию, потеснив соседей.

Южнее мы попадаем в область распространения тиапи Западного Фута-Джаллона, ландума, бага и темне. Вероятно, эти народы относительно недавно покинули плоскогорья Фута. В начале XVI в. ландума и тиапи, возможно, принимали участие в действиях Коли Тенгелы; родственные им народы, называемые португальцами «сапиш», были расселены тогда по всему побережью вплоть до Сьерра-Леоне. Вероятно, они оттеснили другие группы, также говорившие на языках группы мел, но находившиеся с ними в более отдаленном родстве; эти группы можно объединить под общим названием булом. Булом в то время, должно быть, имели связи с киси, а южнее — с гола, за которыми начинался неведомый мир, населенный народами кру.

Неоднократные вторжения народностей и племен группы манде, из которых известно лишь последнее, изменили эту картину. Видимо, в XVI в. на высоких плато появились коно, а севернее современной Монровии — ваи. Таким образом, это вторжение не затронуло территории современного Сьерра-Леоне, что можно объяснить сопротивлением того самого «королевства сапиш», о котором сообщали португальцы. Во всяком случае, для этнических групп, возникших после этих событий, характерны очень близкие к малинке языки и культура, сохраняющая суданские особенности.

Широкое нашествие сумба, приведшее в 1546 г. к разгрому сапиш (темне) и подчинению им всего побережья от Монровии до островов Лос, лучше известно. Начавшееся из Коньяна и несомненно возглавлявшееся аристократическими родовыми группами малинке, это вторжение затронуло живших в лесах многочисленных антропофагов, включая и кру, но главным образом — южные народы манде, и среди них предков менде. Сумба, или «маниш», чье нашествие позволило португальцам обратиться в рабство громадное число «сапиш», образовали не единое государственное образование, а рыхлое, очень скоро распавшееся объединение племен.

Во второй четверти XVIII в. движение фульбе на Фута-Джаллоне совпало с установлением путей из верховьев Нигера к Сьерра-Леоне, вызвавшим приток диула на Речной Берег. В это время работорговля достигла наибольшего размаха. Вдоль этих путей среди местного населения обосновались многочисленные группы малинке и фула, принявшие язык автохтонов. Однако эти переселенцы создали очаги ислама и почти повсюду захватили власть, основав мелкие воинственные государства. Это явление, повсеместно распространившееся на страны сусу, лимба, темне и булом, повлекло за собой радикальные перемены. Порт-Локо, где в

XVII в. темне едва не были обращены в христианство, вскоре стал очагом ислама.

В более северных районах последствия оказались еще значительнее, так как успехи фульбе на Фута-Джаллоне ускорили продвижение сусу к морю. В течение XVIII в. они оставили бага всего несколько участков на побережье между р. Нунес и островами Лос. Во второй половине века область Малакури оказалась наводненной малинке, пришедшими из района Канкана.

Когда в 1787 г. Великобритания окончательно утвердилась в этом районе, создав колонию Сьерра-Леоне, она встретилась со страной, совершенно несхожей с той, что три столетия назад была открыта португальцами. Суданская цивилизация достигла моря, а ислам завоевал непоколебимые позиции.

Район обитания кру простирается между Монровией и Бандамой и является одним из наиболее изолированных и наименее изученных в Западной Африке. Живущие здесь народы — баса, гребо, гере, вобе, бете, дида — составляют весьма своеобразную общность. Земледелие возникло здесь поздно и до появления американских культурных растений оставалось малоэффективным. Подавленные большим лесом, эти народы всегда жили мелкими патрилинейными группами и не создали государств. Европейские свидетельства об этом регионе очень редки, поскольку закрытый густым лесом берег вплоть до начала колониальной эпохи не способствовал развитию торговли.

Тем не менее можно утверждать, что народы группы кру заселяли некогда более обширную территорию. Они постоянно оттеснялись все дальше и дальше в лес южными манде. Однако и те, в свою очередь, были оттеснены малинке в глубину леса, где в итоге и обосновались, потеснив кру; здесь им пришлось адаптироваться к новой для них среде. Мы более или менее четко прослеживаем этапы этого передвижения начиная с XVI в., а там, где были предприняты серьезные исследования, например среди гуро, миграции можно восстановить с большой точностью.

Географический фактор действовал в этом случае в полной мере. Показательно, что малинке воздерживались от проникновения в лесные области, довольствуясь тем, что связи с лесом поддерживали их посредники в торговле орехами кола. Они вышли к океану на западе, в Сьерра-Леоне, и даже на востоке, в Лау и Бандаме, но старательно обходили основной лесной массив. А так как европейские мореплаватели не любили приставать к этому «Берегу плохих людей», то развитие региона характеризовалось чрезвычайной изолированностью и медленными темпами.

Страны бассейна р. Вольты

Суданские цивилизации развивались в основном вдоль Нигера, а обширные территории внутри излучины реки примкнули к ним с некоторым опозданием. Между тем промежуточное положение на путях из Мали или из стран хауса в южные земли, откуда вы-

возились орехи кола, способствовало развитию здесь торговли. Этому же способствовали и существование месторождений золота далеко на юге, у излучины Черной Вольты, и активное проникновение европейцев на Золотой Берег с конца XV в.

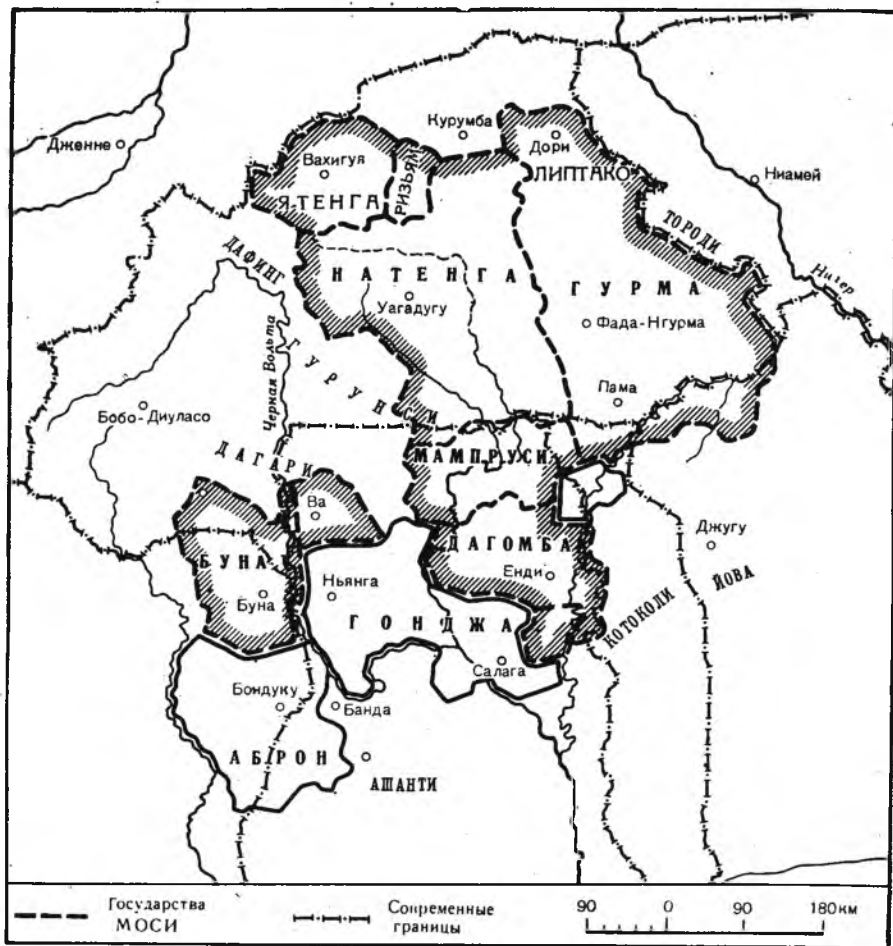
Здесь сосуществовали сложные образования и многочисленные отсталые группы (таковы, например, гурунси, лоби, бвamu, или бобо-уле). Хотя почти все их языки относятся к вольтийской группе, эти народы необыкновенно разнообразны. На этом фоне кажутся странными встречающиеся в разных местах однородные вкрапления, как, например, моси.

Государства моси. Главная проблема заключается в том, чтобы проследить здесь влияние суданских цивилизаций. В этом отношении показательны государства моси, имеющие общее происхождение. Так как страны бассейна р. Вольты стали известны европейцам лишь в самом конце XIX в., их история зафиксирована только в устной традиции. Правда, имеются и редкие арабские рукописи, и некоторые упоминания в хрониках средневекового Судана. Современные исследования приводят теперь к полной переоценке поспешных суждений, сделанных в начале века Деллафоссом и Токсье, которые страдают прежде всего произвольной установленной хронологией.

Государства моси были созданы родственными народами, такими, как моси, мампруси, дагомба и нанумба, а также отличающимися от них гурма. Несомненно, они сложились в результате какой-то миграции с востока, причем сами мигранты переняли язык и культуру автохтонов. Лингвистические данные подтверждают это. Рукопись в Тилабери, на которую недавно указал Ж. Руш, возможно, свидетельствует о том, что мигранты вели свое происхождение из района Ниамея. Возможно, эти воинственные всадники, которых устная традиция воплощает в лице Тохаде, «красного охотника», были какой-то группой сонгаев или хауса.

Во всяком случае, нельзя, по-видимому, датировать эту миграцию раньше чем концом XIV в., а более ранние упоминания о набегах моси в сторону Нигера можно объяснить ошибками в хронологии, сделанными суданскими хронистами XVII в. Предполагают, что завоеватели, превосходство которых обеспечивала конница, вначале не закреплялись на одном месте и совершали глубокие рейды во всех направлениях. Их государства укрепились позже, к середине XV в. Следовательно, легендарный Нагбева у мампруси (у моси — Негеда) жил, вероятно, около 1400 г., а легенда о браке его дочери с охотником-манде отражает происходившее этническое смешение.

К 1500 г. здесь сложились государственные образования Ятенга, Ризьям, Дагомба и Нанумба. Примерно в середине XVI в. правитель (на) Дагомбы, Даторли, якобы завоевал земли до Черной Вольты, в результате чего возникло небольшое государство Буна. Расцвет его продолжался недолго, так как гонджа, которые к тому времени сгруппировались вокруг золотых место-

Страны бассейна р. Вольты и их соседи

рождений в Бего, во второй четверти XVII в. предводительствуемые знаменитым Сумайла-Ндевура-Джакпа, разбили и оттеснили дагомба в их нынешние границы. В 1713 г. на Зангина отразил последний натиск гонджа. Этот правитель-дагомба якобы первым принял ислам, возрастающее значение которого свидетельствует об активной торговле между Суданом и лесными районами. В 1744 г. Дагомба была разбита и подчинена ашанти.

Страна мампруси, более слабая, но изолированная, не подвергалась таким большим опасностям. Мампруси подчинили себе остальные народы кусаси и таленси на другом берегу Белой Вольты.

Севернее располагалось образование Уагадугу, на западе гра-

ничившее с гурунси. Страна вела относительно мирное существование, если не считать конфликтов с Ятенгой и междоусобных войн.

Самая северная страна, Ризьям, подчинив курумба, с трудом отстаивала свою независимость от Ятенги, сильного государства, в котором жили многочисленные группы фульбе, пришедшие из Масины. Ятенга занимала бассейн р. Вольты и находилась рядом с нигерскими державами, чем и объясняется ее бурная история. После того как в XVI в. в борьбе с Ятенгой аскии потерпели неудачу, она в течение века пребывала в состоянии относительного мира.

Все эти государства имели в основе одинаковую структуру, принимавшую довольно различные формы. Везде здесь развивалась земледелие саванного типа; плотность населения, в целом достаточно высокая, была особенно высока у моси. Поселения моси представляли собой мелкие разбросанные деревушки, тогда как в государствах юга существовали большие деревни. Традиционная общинно-родовая структура была здесь связана с культурами земли. Государственная надстройка использовала ее для взимания податей и осуществления политического контроля. При избрании обожествляемого правителя — *на* — действовали разные правила. Согласно Токсье, титул *наба* в Уагадугу якобы долгое время передавался от отца к сыну, но уверенности в этом нет, и, во всяком случае, это являлось исключением. Повсюду было распространено наследование титула от брата к брату, типичное для Африки, принимавшее, однако, разные формы. Поскольку такое наследование через два поколения становилось невозможным, у власти часто чередовались несколько династических ветвей (у дагомба, мампруси). Страна в таком случае делилась на обширные округа, каждый из которых предназначался для одной из ветвей. Члены династических ветвей жили по всей стране и управляли мелкими самостоятельными владениями; с правителем они были связаны только через придворных чиновников. Обязанности последних были четко разграничены, но каждый из них отвечал за определенную часть территории страны.

Эта сложная иерархическая структура в определенной мере поддерживала территориальную целостность страны, но она же вела к частым междоусобным войнам.

В эти страны, особенно в Ятенгу и Дагомбу, по торговым путям проникал ислам. Аристократия Дагомбы с конца XVIII в. приняла, по крайней мере внешне, новую религию. Государство Уагадугу, напротив, сумело включить ислам в свою структуру, не отводя ему господствующего положения.

До сих пор мы оставляли в стороне вопрос о гурма, поскольку они плохо изучены, и здесь возникают совершенно особые проблемы. Вряд ли можно сомневаться, что государственная структура у гурма и правящая династия вели свое происхождение от моси. Тем не менее различия между обоими образованиями очевидны с первого взгляда. В отличие от плотного населения моси,

обитавшего в небольших деревушках, здесь на громадной, почти пустынной территории были разбросаны обособленные крупные поселения. Плотность населения была поэтому очень невелика. Аристократия всадников, которая создала это государство, придала ему гораздо более рыхлые, чем у моси, формы. Его территория была разделена на многочисленные отдельные владения, постоянно ведущие междоусобные войны и часто не признававшие власть верховного правителя.

Несмотря на это, гурма сыграли важную роль в истории стран излучины Нигера. Около середины XVII в. они колонизовали Центральное Того, в котором, в частности в Котоколи, сохранились обычаи гурма.

От Дженне до Ашанти. Возвышение Дженне с XIV в. объясняется развитием торговли в излучине Нигера, но мы не в состоянии подробно ее проанализировать. Можно лишь указать, что в излучине Черной Вольты, в районе промывки золота, скоро возник город диула Бего и что мандингские торговцы достигали побережья Гвинейского залива еще до появления португальцев, т. е. по крайней мере в XV в. Золото явно было главной движущей силой этой торговли, о древности которой свидетельствует наличие групп мандингского происхождения между Бондуку и излучиной Черной Вольты. Там они смешались с сенуфо и пантара, занимавшимися промывкой золота и в XVIII в. обладавшими, по-видимому, политической гегемонией. Впрочем, северо-западнее, ближе к Нигеру, встречаются и другие мандингские вкрапления, например бобо-диула.

Присутствие европейцев в Гвинейском заливе явно активизировало упомянутую торговлю, и мы знаем, что в 1485 г. португальцы, отправляя послов к правителю Мали, выбрали именно этот торговый путь. Такое передвижение людей и идей не могло не оказать воздействие на соседние народы; и действительно, именно поблизости от Бего очень рано возникло первое государство акан Боно-Мансо.

Государство Гонджа, сложившееся в середине XVI в., имеет несколько иное происхождение. Очевидно, его основала группа малинке, перенявших язык нгбаний. История этого государства довольно хорошо известна благодаря одной хронике XVIII в., которая указывает — редкий случай — точные даты. Вначале Гонджа была небольшим государством на правом берегу Черной Вольты, около Бего. Спустя столетие его знаменитый правитель Сумайла-Ндевура-Джакпа (1624—1666) подчинил себе значительную часть Дагомбы, захватил громадную территорию. Экспансия Гонджи продолжалась до 1709 г., когда ее правитель Аббас был убит в войне с ашанти. Страну охватила смута, и в 1774 г. ашанти без труда захватили ее и принудили платить дань.

Мусульманская религия играла определенную роль в государстве Гонджа со времени самого его возникновения. Хотя аристократия, по существу, оставалась языческой, роль мусульман постоянно возрастала, и в значительной степени именно через по-

средство Гонджи они упрочили свое влияние в государстве ашанти.

Двигаясь на северо-запад по торговому пути, ведущему из Ашанти в Дженне, мы встречаем за Гонджей расположенные по обе стороны Черной Вольты два других древних образования — Буна и Ва. Они возникли соответственно в конце XVI и в конце XVII в., отделившись от Дагомбы, но были не просто слепками с этого государства, а представляли собой результат самостоятельного развития. Со второй половины XVII в. южные области Буны оказались отторгнутыми государством народа аброн, которое вскоре повело против нее упорную борьбу, продолжавшуюся до наступления колониальной эпохи.

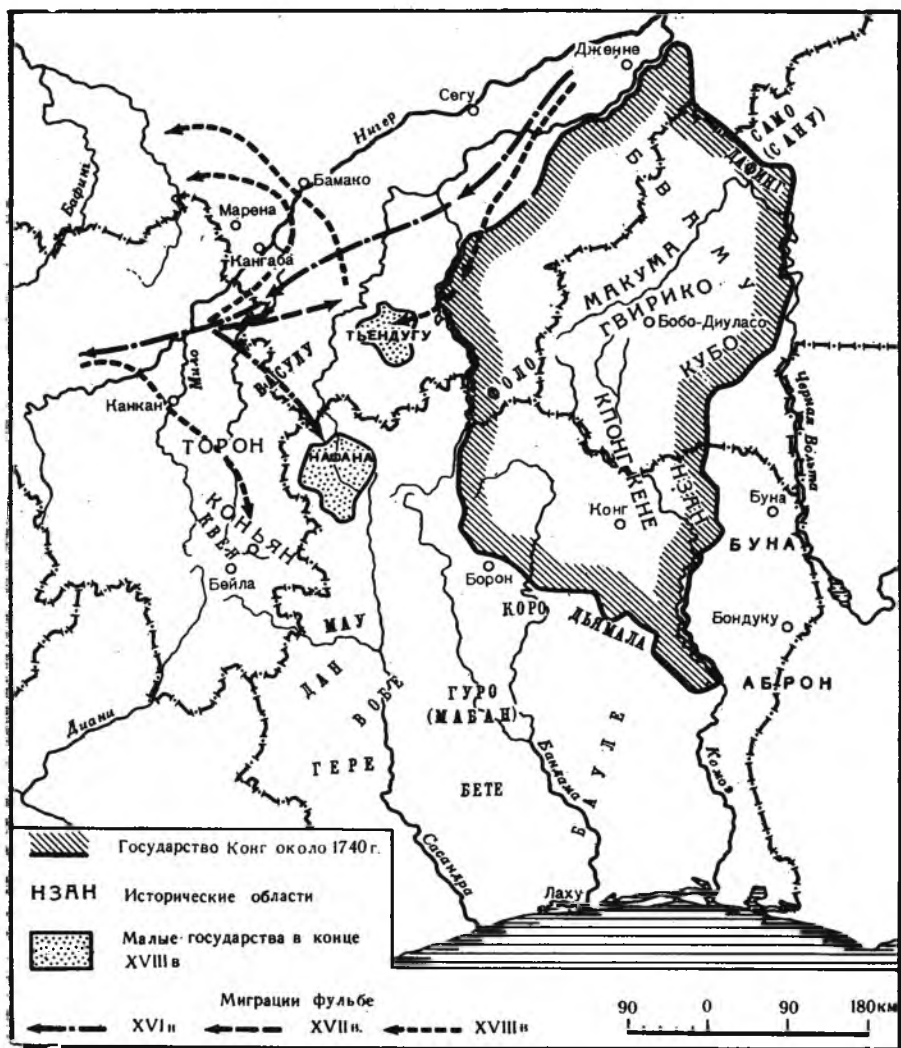
На рынках Буны встречались пришедшие с севера торговцы-марка (т. е. диула), мараба (выходцы с востока), зерма и хауса. Она стала также мусульманским центром, так как здесь большую роль играли марабуты.

Государство Ва, видимо, образовалось несколько позже Буны; с XVIII в. оно в той или иной степени находилось в зависимости от Гонджи.

Государство Аброн, появившееся в XVII в. гораздо южнее, к западу от Черной Вольты, следовало бы рассматривать вместе с народами группы акан, учитывая происхождение его верхушки и черты политической организации. Основанное правителем Тан Дате, оно сложилось к 1700 г. в границах, которые более существенно не менялись.

История Аброн заполнена попытками освободиться от контроля ашанти, которые, однако, не имели успеха. Государственный аппарат и социальная структура очень незначительно отличались от ашантийского образца; своеобразие Аброн заключалось в той роли, которая была отведена influentialному мусульманскому меньшинству. Действительно, в ходе завоевания страны Тан Дате навязал свое покровительство торговому городу Бондуку, который незадолго до этого основали древние родовые группы диула из Бего.

Держава Конг и сенуфо. В XVII в. одна из групп диула, спускавшаяся от Дженне к Бего, отклонилась в сторону и встретила в районе Борон южных малинке, о передвижениях которых мы уже упоминали. Помимо них здесь обитали сенуфо, самый западный из вольтийских народов, испытавший некоторое суданское влияние. В области расселения сенуфо вокруг Корого, а также в современной области Конг обитали диула, моси, а также ведущие свое происхождение от сараколе отдельные родовые группы. Этот регион стал центром созданной диула державы Конг; она возникла в начале XVIII в. в результате развития торговли с прибрежными областями. Конг также стал первым мандингским государством, чье могущество покоилось на обладании огнестрельным оружием, а не исключительно на коннице. Роль диула в торговле давала им преимущество в приобретении такого оружия, и можно предположить, что, как только в их распоря-

Государство Конго и его соседи

жении оказались нужные средства, они попытались навязать местному населению собственные понятия о свободной и беспошлинной торговле.

Конфликты с другими образованиями начались вскоре после успехов объединения племен ашанти, установившего свой контроль над южным отрезком пути, ведущим на Золотой Берег, и почти совпали по времени со вторжением бауле, бесповоротно закрывшим для торговли район р. Бандамы. Держа путь на приморские фактории, диула обычно пересекали территорию

Ашанти, но вскоре они освоили и маршрут вдоль р. Комоз, который обеспечивал им свободный выход к побережью.

Главная цель правителей Конг состояла в установлении своего господства вдоль путей, по которым шла караванная торговля. Военное превосходство над местным населением позволило им в считанные годы завладеть этой громадной территорией. Торговцы-диула повсюду оказывали им содействие.

Основатель державы Секу Ватара родился в конце XVII в. и происходил из знатного рода торговцев, претендовавших на родство с Кейта. Он организовал сильное войско, набрав в него многочисленных сенуфо, нередко возглавляемых диула. Его власть быстро распространилась и на лесную зону, ниже по течению р. Комоз. На севере был установлен контроль над бобо-диула. На северо-западе под властью Секу Ватара, распространившейся до правого берега р. Бани, оказались северные сенуфо и некоторые бамбара.

Тем не менее это объединение очень скоро достигло пределов, за которые уже не смогло выйти. Наступление на Сегу было отбито. В 1739 г. войску Секу Ватара удалось укрепиться на берегах Нигера, но оно не смогло занять Дженне. Секу Ватара умер около 1740 г., оставив наследникам самое обширное государство, какое когда-либо существовало южнее суданской полосы.

Слабые стороны государства диула проявились очень быстро. Основанное небольшой группой мигрантов, вытянувшееся вдоль торговых путей, оно было лишено целостности. От населения требовалось лишь платить подати, прокладывать дороги, и совсем не подразумевалось его приобщение к культуре верхушечной группы, в частности принятие ислама. Самым поразительным обстоятельством было то, что вокруг родовой группы Секу сложилась военная каста, по происхождению диула или сенуфо, члены которой являлись, в сущности, язычниками, даже если они были потомками мусульман. Знаменательно, что со смертью Секу его наследники оставили поселение Конг мусульманам; каждый из них обосновался в небольшом владении в окружении своих войнов.

При таких обстоятельствах распад этой громадной державы был неизбежным, что и произошло очень скоро. Почти повсюду младшие ветви династии Ватара основывали небольшие государства (Нзан, Кубо, Макума).

На заре XIX в. держава Секу Ватара находилась в состоянии упадка. Конг сохранял за собой престиж центра торговли и духовного центра, но уже не был резиденцией сильного правителя. Повсюду родовые группы диула и сенуфо создавали мелкие государственные объединения.

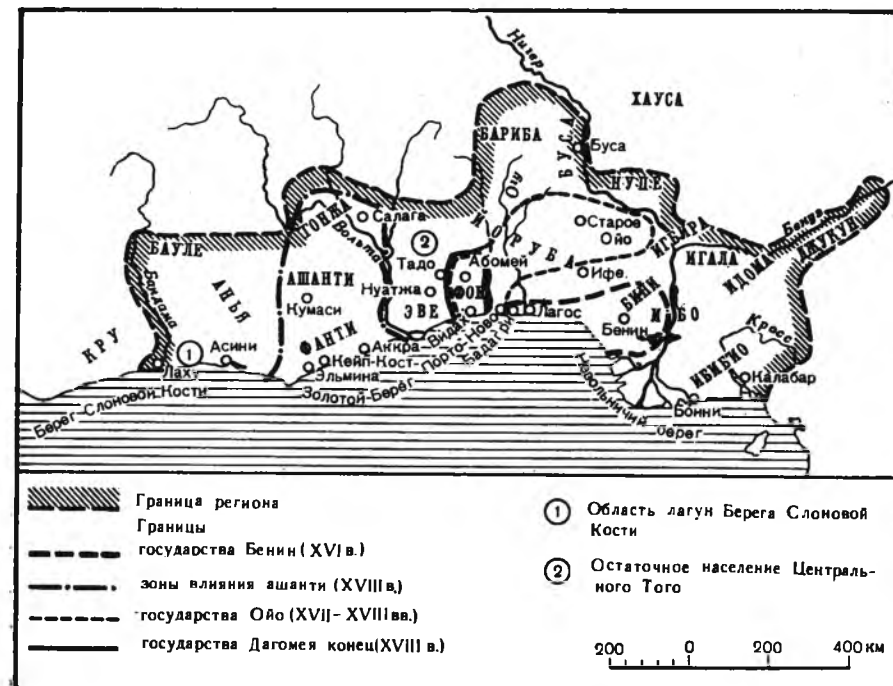
ГВИНЕЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ⁵³

Регион, рассматриваемый в этой главе, состоит из обширной совокупности родственных в культурном и языковом отношении народов, которая простирается от р. Бандамы до р. Кросс. Здесь с запада на восток располагаются народы группы акан, группы аджа, общность йоруба-эдо, группы игбо. К ним примыкают некоторые менее значительные народности, родственные либо одним, либо другим, а также вкрапленные в эти этнические массивы или расположенные в промежутках между ними остаточные группы прежнего населения, часто живущие на берегу или в горах и в большинстве своем малочисленные.

На востоке и северо-востоке к этой общности примыкает ряд других народов, связывающих ее с соседними историко-культурными регионами. В окрестностях р. Кросс группы, живущие в районе Калабара, испытали на себе влияние со стороны своих западных соседей и в последние столетия разделили их исторические судьбы. Некоторые народы, живущие в долине р. Бенуэ, такие, как джукун, имеют отношение к истории культуры йоруба; мы увидим, что некоторые гипотезы относительно происхождения народов отводят долине р. Бенуэ, этому транзитному пути, большое значение в древней истории региона. Если недавняя история нупе, живущих к северу от слияния рек Нигера и Бенуэ, сформировалась под воздействием хауса и фульбе, пришедших из Северной Нигерии, то ранее здесь более важную роль играли южные народы — эдо и йоруба. Наконец, общность бариба-буса, располагающаяся к северу от страны йоруба, вплоть до XIX в. сохраняла с ними весьма близкие отношения. Поэтому все эти группы также будут рассмотрены в этой главе.

Рассматриваемый регион не является географически однородным. Конечно, большая его часть лежит в зоне гвинейского климата с обильными осадками и двумя дождливыми сезонами. Здесь господствует лес, в котором выращивание клубнеплодов преобладает над возделыванием зерновых; однако, приближаясь к 10° северной широты, эта область входит в зону суданского климата. Явные контрасты существуют и в самой гвинейской зоне: в центральной части Берега Слоновой Кости в большой лес вторгается, а к востоку от р. Вольты прорезает его вплоть до побережья зона лесостепи. Современные границы экваториального леса определились не только в результате деятельности человека, однако она, без сомнения, способствовала его отступлению к югу.

Несмотря на то что лес не занимает всей территории рассматриваемого региона, он тем не менее наложил отпечаток на его историю. По-видимому, высокая плотность населения сложилась тут значительно позже, чем в открытых зонах Западной Африки. Эта область сначала служила убежищем для мелких групп

Центральная и Восточная Гвинея

со слабо развитой социальной организацией и материальной культурой. Даже когда сюда проникли мигранты и влияния с севера и с востока, лес продолжал оставаться мощным барьером от значительных внешних воздействий.

Исторические источники. *Письменные источники.* В отличие от суданских областей мы не располагаем описаниями, оставленными арабскими путешественниками: они не отваживались проникать так далеко на юг. Ислам пришел сюда очень поздно, поэтому местных текстов, написанных по-арабски или на местных языках, использовавших арабскую письменность, здесь нет. Существование в государстве Бенин пиктографических систем письменности остается гипотезой. Таким образом, письменные документы появились лишь в начале XVI в., после того, как европейцы обследовали побережье Гвинейского залива и основали здесь первые торговые пункты. Вслед за сообщениями Пашеку Перейры, Ж. де Барруша и других появились многочисленные рассказы о путешествиях на эту часть побережья. В XVII в. выходит подробная компиляция О. Даппера. Но обильнее всего источниками XVIII в.; достаточно назвать публикации В. Босмана, Ж.-Б. Лаба, Дж. Барбота, У. Снелгрэйва, В. Смита, Р. Норриса, А. Дальцеля. Их ценность неодинакова, но в лучших из этих источников содержатся подробные описа-

ния и полезные ориентиры. Их дополняют архивы правительств, портов, торговых компаний, миссий, которые, к сожалению, еще далеко не полностью использованы. Хранящиеся в них документы могут не только помочь уточнить детали, но иногда по-новому интерпретировать данный исторический период.

Археологические данные. Эти данные пока разрозненны и немногочисленны. Систематические раскопки производились лишь в отдельных местах, а интерпретация многих находок все еще остается трудной задачей. Поэтому мы ограничимся здесь краткими сведениями. Наиболее изученная зона — там раскопки производились вслед за добычей минерального сырья — охватывает культуру Нок, распространяющую севернее слияния рек Нигер и Бенуэ. Здесь мы встречаем металлургию железа примерно двухтысячелетней давности, самую древнюю из открытых в Западной Африке, а также терракотовую скульптуру; она, возможно, лежит в основе позднейшего искусства йоруба. Труднее интерпретировать и датировать кучи шлака, найденные на другом краю описываемого региона, в южной части Берега Слоновой Кости. В этой же зоне и на территории современной Ганы также были обнаружены терракотовые изделия, но они имеют недавнее происхождение, причем на самых старых из них заметны, как кажется, следы влияния йоруба. Именно в стране йоруба, в Ифе, проводились самые значительные во всей Западной Африке археологические раскопки, там были найдены скульптуры из камня, терракоты, бронзы, каменные орудия и т. п. Их датировка до сих пор представляется сложной проблемой. Из всех расположенных между Нигером и Того поселений, испытавших влияние Ифе, только город Бенин стал объектом исследований. Изучение укреплений, некрополей, скоплений стеклянных бус и т. п. в этом регионе, к сожалению, едва начаты.

Сведения устной традиции. Чтобы составить свод надежных данных устной традиции на уровне самых мелких местных групп, предстоит еще большая работа. Необходимо изучать не только общества, не имевшие централизованной политической организации, но и государственные общества. В то же время это один из тех районов Западной Африки, где исторические предания были собраны наиболее полно. Достаточно упомянуть некоторые из наиболее важных: это записи Р. С. Рэттрея и Е. Мееровиц, сделанные у акан; И. Шпита и Д. Вестермана — у эве; А. ле Эриссе и М. Херсковица — у фон; С. Джонсона и П. А. Талбота — у йоруба; Дж. Эгхаревбы — у эдо; Ч. К. Мика — у джукун; С. Ф. Наделя — у нупе; Е. Дангласа и Ж. Ломбара — у бариба. И этот перечень еще очень неполон.

Цивилизации. Мы поставили своей задачей исследовать только некоторые группы населения, о которых уже говорилось. Лишь самые недавние наслоения, сформировавшие нынешний облик основных этнических групп, дают возможность для проведения такого исторического исследования. Мы хотим остановиться на некоторых чертах цивилизации этого региона, на основе которых

были построены наиболее известные гипотезы относительно происхождения местных народов.

Особенности этнического состава. О самых древних обитателях этого региона почти ничего не известно из-за отсутствия поддающихся интерпретации археологических данных. Гипотеза о занимавших его вначале пигмоидных группах, предшествовавших негроидам (она основывается на существовании низкорослых жителей Берега Слоновой Кости), нуждается в подтверждении.

Найденные каменные орудия трудно датировать, еще более сложно отнести их к предкам той или иной этнической группы. При нынешнем состоянии наших знаний перспективна лишь реконструкция этнической истории. Такая реконструкция выявляет этнические элементы, которые существовали здесь до сложения крупных этносоциальных общностей в результате миграций во II тысячелетии нашей эры.

Некоторые из этих элементов обитают на окраинах региона, куда они были оттеснены. На западе это лагунные группы Берега Слоновой Кости: адюкру, эбрие, аттие, абе; на востоке — иджо в дельте Нигера. Несмотря на то что первые испытали влияние акан, а вторые — йоруба и эдо, они сохранили свою самобытность. Еще дальше к востоку этнические группы области Кросс-Ривер, по-видимому, являются частью какого-то очень древнего лесного населения: у ибибио, экои, эфик нет общей традиции об их происхождении. Что касается игбо, которые, как кажется, были оттеснены к востоку под давлением эдо, то они, возможно, тоже представляют элемент древнего населения, находившегося под воздействием Бенина. Другие немногочисленные группы удержались в центральной части региона. В центре Того это аделе, акебу, акпосо и т. д. Но такие группы испытали слишком много различных влияний, чтобы можно было без труда восстановить их первоначальный облик. Постепенное сокращение территории расселения некоторых народов, когда оно подтверждено наличием остаточных групп, в свою очередь, может свидетельствовать об их относительной древности; так, похоже, что на значительной части современной Ганы гуанг (гонжа) предшествовали акан.

Внутри этнических групп, сформировавшихся в течение последнего длительного исторического периода, видны следы более древних этносов. Иногда об этом свидетельствуют предания современных народов. Так, в Южной Гане группа га сменила клеси, но сохранила их божества; игала Нигерии сложились на основе акпото; фон Дагомеи⁵⁴, в области Абомей, подчинили первопоселенцев-гедеви и смешались с ними. Такие примеры весьма многочисленны, несмотря на тенденцию устной традиции не выходить за рамки истории последних переселенцев и созданных ими государств. О сменявших друг друга волнах населения свидетельствуют и другие факты, но правильная их интерпретация зачастую затруднена. Так, ходи (ахори) в Дагомее и Нигерии, хотя и были в значительной мере ассимилированы йоруба в языковом и культурном отношении, остались

отчасти за пределами этого народа; они, по-видимому, принадлежат к какому-то предшествовавшему населению. Бариба в Дагомее, создавая свои государства, смешались с жившими тут ранее народами, о которых можно сказать лишь то, что они были родственны группам, оттесненным под давлением тех же бариба к западу, в горный массив Атакоры. Наконец, существующие внутри некоторых крупных этносов различия — иногда весьма заметные — между составляющими их подразделениями наводят на мысль о том, что один и тот же слой мигрантов мог смешаться в разных местах с населением различного происхождения; так обстоит дело с йоруба и нупе в Нигерии, а на Береге Слоновой Кости — с бауле, самым западным из народов акан. Дальнейшая систематизация и накопление этнографических данных в этом регионе были бы очень полезны для истории.

Основные черты культуры. Ни одна из основных особенностей культуры, которые здесь будут упомянуты, не засвидетельствована на всем пространстве этого весьма разнообразного региона. Взятые в совокупности, они, однако, дают представление о его своеобразии, а их изучение как раз и привело к предварительным выводам об историческом развитии этой части Африки. Рассмотрим кратко хозяйство, социальную организацию и религию здешних народов.

В земледелии на большей части территории Центральной и Восточной Гвинеи главное место принадлежит возделыванию клубнеплодов: ямса и таро, к которым после XVI в. добавились маниока, а также бананы. Культивируется масличная пальма. Самой ценной культурой является ямс, о чем свидетельствует множество связанных с ним ритуалов, распространенных по всему региону. Зерновые, хотя и выращивали в предшествующий период в прибрежных районах (сейчас здесь большую роль играет лишь кукуруза, также завезенная в XVI в.), преобладают только в самой северной зоне.

Ремесла здесь — наиболее развитые во всей Тропической Африке; одно из них — изготовление стекла — встречается лишь в этом регионе, у нупе и йоруба. Среди ремесел, положивших начало художественному производству, одному из самых великолепных и разнообразных на всем континенте, два наиболее характерны: изготовление изделий из терракоты и обработка металлов методом «потерянного воска», который используют при работе с золотом, серебром, но главным образом с «бронзой» (в действительности речь идет о весьма разнообразных сплавах меди). Оба ремесла распространены на большей части рассматриваемого региона, однако самые замечательные достижения появились на востоке, в стране йоруба, эдо и в соседних с ними областях: это головы из терракоты и бронзы Ифе и Бенина, бронзовые бенинские статуи и барельефы. Эстетическим потребностям служили и многие другие ремесла: резьба по дереву, по слоновой кости, изготовление набивных тканей.

Социальная организация существовавших здесь обществ была весьма разнообразна. Так, в распространенных на западе системах родства предпочтение отдается счету родства по материнской линии, а на востоке — по отцовской; диапазон политических систем включает формы от самых рыхлых, не имеющих центральной власти (игбо), до централизованных в значительной степени (фон). Если, однако, исходить из этого признака, как раз наличие централизованных государств со сложными иерархическими структурами и является одной из характерных черт региона. Во всех этих государствах политическая власть имела отчасти теократический характер, что наиболее ярко проявлялось на востоке: у джукун, йоруба и находившихся под их влиянием народов. Правитель здесь рассматривался как существо божественного происхождения и поэтому как гарант нормального функционирования общества. Размеры государств были различны; самые мелкие из них представляли собой город с окрестностями: они встречались в стране йоруба и аджа и — в несколько иной форме — у га. В самом деле, одна из наиболее замечательных особенностей этого региона — развитие городской цивилизации, уникальной в Тропической Африке.

При всем разнообразии мифов и верований религия многих этнических групп региона имела общие черты. Верховное божество, духи предков и другие духи, характерные для верований большинства народов Западной Африки, здесь более или менее уступают место политеизму, где боги — предки родовых или локальных групп объединены в особые семьи, связанные с могучими силами природы; у них есть свои жрецы и свои посвященные; они служат источником богатой мифологии. Эта особенность ярче всего проявляется опять-таки у йоруба, она угасает к западу и востоку.

Проблемы этногенеза. Существование в этой части Африки своеобразных блестящих цивилизаций очень рано привело к появлению смелых гипотез об их происхождении. Можно оспаривать крайние точки зрения и не обоснованную фактами хронологию, но само выделение востока и севера как основных направлений, по которым шли внешние воздействия, вполне оправданно.

Долина Нила. Первым выдвинул предположение о заимствованиях из Египта М. Делафосс. Из Нубии и Эфиопии при посредстве сахарских и сахельских пастухов и хауса эти заимствования будто бы распространились среди йоруба и сонгаев долины Нигера, а затем и дальше на запад — среди народов, обитавших на территории современных Ганы и Берега Слоновой Кости. Делафосс полагал, что обнаружил следы египетского влияния в стране бауле и акан на крайнем западе, где легенда о приходе «сынов неба», как ему казалось, свидетельствовала о переселениях из долины Нила. Сходное мнение было высказано (без серьезных на то оснований) и по отношению к йоруба. Ч. К. Мик выдвинул предположение о непосредствен-

ном воздействии долины Нила на джукун, которые практиковали ритуальное убийство царя и его бальзамирование. Через джукун йоруба будто бы заимствовали институт обожествленного правителя. Таким образом было выявлено значение долины р. Бенуэ как маршрута, по которому из долины Нила распространялись представления и предметы материальной культуры и передвигались люди. Однако современные ученые считают, что этот путь действовал не в эпоху Древнего Египта, а позже, в течение I тысячелетия н. э.: по нему распространялось влияние Нубии и, возможно, Византии (Э.-Ф. Готье). В частности, некоторые исследователи прослеживают нубийское влияние если не в формах, то в технике исполнения «бронзовых» изделий из Ифе (Л. Андервуд). Связи долины Нила с этим регионом в доисламский период, о которых смутно упоминает устная традиция, представляются нам несомненными.

Индийский океан. Высказывались и гипотезы о заселении Африки в целом с побережья Индийского океана. В рамках этой гипотезы Д. Мэрдок выдвинул предположение, касающееся, в частности, и районов Гвинеи. Ко времени появления здесь европейцев основу питания составляли ямс и банан — растения малайского и индонезийского происхождения. Как кажется, они не могли попасть сюда иначе, чем через внутренние районы Африки. Примерно в начале нашей эры они, очевидно, были завезены на побережье современных Кении и Танзании группами, которые заселили позднее Мадагаскар. С восточного побережья Африки эти культуры распространились до западного побережья вдоль «коридора» по кромке леса, где условия благоприятствуют их возделыванию; здесь эти культуры преобладают и ныне. В Центральную и Восточную Гвинею они, вероятно, проникли в первые века нашей эры. Видимо, и другие культурные заимствования могли пройти тем же путем: таким образом была бы решена — приведем лишь один пример — проблема, связанная с системой мер веса у ашанти, поразительно схожей с некоторыми индийскими системами.

✓ *Средиземноморье и Судан.* Э.-Ф. Готье, допуская влияния с Востока, объяснял происхождение цивилизаций изучаемого региона, имея в виду влияние культуры прежде всего Средиземноморья, и в частности Карфагена. Связи между Северной и Западной Африкой, по его мнению, осуществлялись одновременно и по суше (карфагеняне приходили за оловом в Северную Нигерию, принося свои технические навыки, бронзу, стекло, особенно типа бусы), и по морю («Перипл» Ганнона был только чем-то вроде инспекционной поездки по факториям, уже существовавшим в районе, представлявшем собою в то время настоящую «карфагенскую колонию»). Л. Фробениус также — хотя и совершенно иным образом — видел в средиземноморском мире прародину цивилизаций Гвинеи. Он предполагал возможность очень древних плаваний, совершенных мореходами Тарсиса⁵⁵, лежавшего на юго-западе Испании. Наследники какой-то очень древ-

ней цивилизации Средиземноморья, они якобы принесли ее на все западное побережье Африки, в частности в страны Бенинского залива. Погибнув под натиском греков в родных местах, эта цивилизация якобы пустила корни в Африке. Греки же сохранили память о ней в мифе об Атлантиде — не затонувшем континенте, а земле, связь с которой оказалась порванной.

Подобные гипотезы принять невозможно. Они допускают совершенно невероятные древние плавания и, как будет видно из дальнейшего, датируют слишком ранним временем художественные произведения стран Бенинского залива. Если средиземноморские влияния и имели место, как полагают некоторые исследователи, то в более позднее время, и осуществлялись они через посредство народов Судана — канури, хауса, народов манде. Существоющие в Восточной Гвинее предания, в частности у йоруба, свидетельствуют о связях с хауса; предания Центральной Гвинеи (даже если не следовать гипотезе Е. Мееровиц о народах акан как наследниках древней Ганы) подчеркивают значительность миграций с севера.

Передвижения населения и государства до XVI в. Уже было отмечено, что часто трудно датировать и даже идентифицировать самые ранние слои населения. Но и появление последних миграционных волн, сформировавших культурный облик региона, а также создание государств, игравших главную роль в истории последних столетий, могут быть датированы лишь приблизительно. Кажущиеся точными хронологические привязки, касающиеся, например, первых институтов акан, очень недостоверны. Только использование некоторых надежных, хотя и слишком редких, ориентиров и сопоставление данных, имеющих отношение к соседним народам, позволяют установить приблизительные датировки. Мы ограничимся здесь той информацией, которая касается некоторых главных народов и некоторых центров влияния.

Восток. Предания йоруба о своем происхождении разнообразны. В одних Ифе является центром, где произошла Земля и где было сотворено человечество; здесь подчеркивается родство между династиями основных йорубских государств и некоторых других: эдо на востоке и «попо» на западе. Все эти династии произошли от правителей Ифе, и все они были основаны потомками бога и царя Одудувы. В других Одудува возглавляет переселенцев с востока, осевших в Ифе, откуда йоруба расселились по всей стране. Одно из этих преданий, в котором Одудува фигурирует как сын «царя Мекки» Ламуруду (конечно, это искаженное имя Нимруда, что ясно указывает на синкретический характер легенды), выступивший против ислама и вынужденный бежать из своей страны, хорошо отражает положение йоруба в XIX в., с трудом противостоявших давлению мусульманского населения с севера. Возведение своего происхождения к арабам можно принимать не серьезнее, чем легенду о египетском происхождении. Что касается миграций с востока, точнее —

с северо-востока, создавших первые государства йоруба, то с некоторой уверенностью удастся определить лишь район, откуда они начались. Он находится ближе — между оз. Чад и Нигером; это не исключает того, что, перенося новые технические навыки и новые модели политической организации, сами мигранты восприняли их из более отдаленных восточных областей.

Впрочем, создается впечатление, что мы имеем дело не с одной, а с несколькими миграциями, шедшими различными путями и растянутыми во времени; впоследствии их, вероятно, объединила устная традиция. Основываясь на преданиях и лингвистических различиях внутри языка йоруба, можно предполагать, что было по крайней мере две миграции: через лесную зону к Ифе и оттуда в южном и юго-западном направлении, с одной стороны, и по лесной окраине к Ойо — с другой. Вторая миграция была более поздней. Обе они, по-видимому, были связаны с рядом других переселений, затронувших более северные народы и приведших в IX в. к основанию государства Канем, а позже, в XI и XII вв., — к возникновению первых государств хауса. Оседание йоруба на нынешней их территории могло начаться, вероятно, в конце I или в начале II тысячелетия н. э. Связи с хауса и, может быть, с районом оз. Чад никогда не прерывались, по крайней мере в сфере торговли, благодаря посредничеству страны Нупе, которая в различные периоды испытывала влияния или находилась в подчинении либо северных, либо южных государств.

О древней истории Ифе, который считается прародиной йоруба и на происхождение из которого претендуют все группы йоруба, даже самые западные, у нас очень мало достоверных сведений. Расцвет Ифе относится, вероятно, к XIII в. Замечательные произведения искусства могли быть созданы ненамного раньше этого времени. Могущество Ифе распространялось тогда и на часть страны Нупе. Однако нет никаких указаний, вопреки предположениям Л. Фробениуса, на то, что Ифе когда-либо стоял во главе обширной державы. Если общая историческая традиция йоруба сообщает о разделе страны между сыновьями и внуками Одудувы — предками правителей Ову, Кету, Иле, Шабе, Ойо, то местные предания, например в Шабе и Кету, рисуют совсем иную картину. Они рассказывают о переселениях отдельных групп йоруба на новые земли, куда таким образом проникала их культура и где создавались многочисленные поселения и мелкие государства. Между этими государствами, вероятно, возникали частые конфликты. По крайней мере в XIX в. именно из-за этого обстоятельства державе Ойо не удалось объединить все йорубские государства. Во всяком случае, когда первым португальским путешественникам в XVI в. рассказывали об Ифе, то подчеркивали его религиозный авторитет, но не его политическое могущество; впрочем, оно в то время действительно могло быть лишь незначительным ввиду мощи Ойо.

В истории Ойо до XVI в., когда начала складываться эта держава, много неясного. Согласно «ифецентричной» традиции,

Ойо было основано сыном и преемником Одудувы Ораньяном. Но мы уже выдвинули предположение, что речь идет не о той миграции, которая привела йоруба в Ифе. Это подтверждается некоторыми преданиями Ойо. В рассказах о создании города упоминаются нупе, в борьбе с которыми Ораньян потерпел неудачу и которые отбросили его к западу. Вместе с тем доказано, что поселение Ойо, которое, несмотря на периоды упадка, оставалось до XIX в. столицей государства, было четвертым городом, носящим такое название, поскольку три первых находились на левом берегу Нигера. Все сказанное заставляет отнести основание Ойо скорее к XIII или XIV в., нежели к XII в., как это предполагалось ранее. Список правителей, включающий до середины прошлого века тридцать семь имен, не может служить основой для хронологии: некоторым правлениям приписывается продолжительность в несколько веков. В XV в. государство Ойо было еще слабым; его завоевали нупе и захватили его столицу.

Тем временем к юго-востоку от Ифе возникла новая сила — государство Бенин. Согласно преданиям эдо, первое государство сложилось здесь при династии Огисо вокруг центра, контролирующего торговлю в дельте Нигера, однако о его происхождении и истории почти ничего не известно. Эдо якобы упразднили царскую власть, попытались установить республиканскую форму правления и в конце концов обратились к Одудуве, правителю Ифе, с просьбой прислать им кого-нибудь из его семьи, кто сможет ими управлять. К ним прибыл Ораньян, оставил своего сына, рожденного от женщины-эдо, ставшего первым правителем нового Бенина, затем он основал Ойо. Независимо от того, вела или нет известная нам династия свое происхождение от Ифе, второе Бенинское государство в значительной степени сформировалось под влиянием йоруба. Это проявилось как в политическом плане, так и в отношении ремесел и искусства: техника бронзы и терракоты была заимствована, возможно, с конца XIII в.; до начала XVI в. стиль бенинских изделий оставался близким стилю Ифе. Создание нового государства, вероятно, восходит к концу XII в. Во второй половине XV в., когда в стране появились португальцы, власть находилась в руках пятнадцатого правителя по имени Овуаре. Ему приписывают дальнейшее строительство столицы, окончательную организацию системы управления, первые крупные завоевания на севере, в стране йоруба и на востоке, в стране игбо. Без сомнения, именно в это время развивалась экспансия государства эдо от дельты Нигера до Лагоса: европейские мореплаватели обнаружили сильное государство, ведущее с северными странами торговлю тканями в обмен на медь и олово.

Влияния йоруба и эдо распространялись к югу, востоку и северо-востоку. На юге об этом свидетельствуют некоторые особенности искусства иджо. Формы политической организации игбо, живущих на востоке вблизи Нигера, несколько напоминают бенинские; отсюда же они переняли технику обработки бронзы; это,

вероятно, произошло к XV в. На северо-востоке та же техника, уже обогащенная традициями Ифе и Бенина, распространилась вдоль Нигера за пределы страны Нупе. Роль промежуточного звена сыграли народы, живущие у слияния рек Нигера и Бенуэ, в частности игала — близкие по языку йоруба. История игала пока плохо изучена; в одном из преданий основание их столицы Идаха приписывается некоему правителю йоруба; согласно другому, их династия ведет происхождение от адо, т. е. эдо.

Это государство, должно быть, существовало задолго до того, как правитель Бенина в самые первые годы XVI в. захватил Идах. Именно отсюда, по преданиям нупе, происходит герой — основатель их государства Тсоеде — родоначальник просуществовавшей до XIX в. династии, возвысившейся, возможно, в конце XIV—начале XV в. Мы видели, что сила Нупе скоро проявилась в нападении и захвате Ойо. Но о нупе известно и в более ранний период, хотя и неясно, сложилось ли у них уже тогда государство. В то время они занимали большую, чем в настоящее время, территорию: в исторических преданиях бариба упоминается о присутствии нупе гораздо западнее Нигера. Было выдвинуто предположение, что те первые группы, из которых впоследствии сложился народ нупе, первоначально занимали какую-то часть нынешней территории хауса; в начале II тысячелетия н. э. они, вероятно, были оттеснены хауса. Под давлением бариба и йоруба в конце XV в. их западные владения существенно уменьшились. Нупе, контролировавшие речное судоходство и важный торговый узел Бида, участвовали в торговле орехами кола. Они не прекращали связей с народами севера вплоть до Борну и воспринимали их влияние во многих областях.

Хотя область при слиянии Нигера и Бенуэ частично находилась в зависимости от йоруба, там действовала и другая сила — джукун. В искустве некоторых народов этого региона, например идома, проявляются черты, восходящие к джукун; некоторые особенности политической организации самих нупе могли быть переняты у джукун. Было бы рискованно делать на этом основании вывод, что все эти народы имеют общее происхождение. Во всяком случае, государство Джукун одно время подчиняло себе не только идома, но и игбира и простиралось до Нигера близ Идаха. Неясно, к какому периоду относится эта экспансия. Однако тот факт, что государство игала сложилось позднее, дает основание датировать ее временем ранее XIV в. История джукун до конца XVI в. малоизвестна. Некоторые авторы выводят их из Египта или из Кордофана; иногда их связывают с другими миграциями. Если восточные влияния и не вызывают сомнений, то, что касается миграций, как и в случае с йоруба, достоверным здесь является только передвижение, которое началось из районов, лежащих западнее оз. Чад. Концепция бога-царя в наиболее ярко выраженной форме существует у джукун, и, возможно, именно они передали ее йоруба; это произошло, однако, не тогда, когда они жили в долине Бенуэ, а в предыдущий период их истории,

в Борну. Джукун, без сомнения, покинули Борну до того, как туда проник ислам, т. е. раньше XI в. Мы видели, что они распространились вниз по течению р. Бенуэ. Хотя им и пришлось здесь отступить в XIV в., они были достаточно сильны, чтобы отразить натиск хауса, о чем упоминает хроника Кано. В конце XVI в. джукун, напротив, стали оказывать давление на хауса и овладели Кано; эти войны продолжались и позже.

Исторические традиции многих народов Северной Нигерии упоминают о миграциях, связанных с переселением сюда некоего «принца» Кисры и его людей. Эти предания часто весьма отличаются друг от друга и повествуют о государствах хауса, джукун, йоруба (некоторые авторы полагают, что благодаря этим миграциям передавалась техника литья методом «потерянного воска») и всегда о Борну и о государстве этнической группы бариба — Бусе. В рамках рассматриваемого здесь региона лишь эти последние сами связывают себя с данной традицией. Кисра, придя с востока, якобы пересек Африку и основал государство Борну; оттуда, продолжая путь, он сам или его сыновья отправились на запад и создали за Нигером государства Илло, Буса, затем Никки. Основатели Ойо, которые иногда также идентифицируются с потомками Кисры, во всяком случае, якобы находились какое-то время в Бусе, прежде чем направиться на юг.

Интерпретация этого предания различна. Устная традиция (безусловно, по тем же причинам, о которых говорилось в связи с вопросом об основании Ифе) склоняется в сторону его арабского происхождения. Упоминаются либо Аравия, либо Египет нашей эры, либо Персия (Кисра отождествляется с Хосровом), либо, наконец, Ливия времен берберов загава. Гипотезы разного рода ненадежны прежде всего из-за недостатка данных и неразработанности хронологии. Так, основание государства бариба Буса было возведено к VII в. или к периоду, непосредственно следующему за ним. Однако династические генеалогические списки (каким бы сложным ни было их использование), а также сопоставление их со сведениями, относящимися к соседним народам, указывают на гораздо более позднее время — не ранее XII—XIII вв. Сила государства Буса засвидетельствована в эпоху его расцвета в начале XVI в.: военный поход против Бусы, предпринятый Сонгайской державой под предводительством самого *аскии* Мухаммеда, потерпел неудачу. Даже перед лицом мощного натиска фульбе в XIX в. Буса смогла сохранить свою независимость вплоть до колониального периода. На западе ее владения расширились до границ современного Того, без сомнения, не раньше XVI в.

Запад. О начальном периоде истории этой части Гвинеи будет сказано меньше, поскольку ее заселение, как кажется, произошло гораздо позднее: так, на территории современной Ганы проникновение в лес началось, вероятно, лишь с XIV в., а прилегающие к лесу зоны на севере, востоке и вдоль побережья были заняты ненамного раньше. В то же время большинство госу-

дарств, история которых в какой-то степени известна, были основаны позже государств восточной части региона, а именно начиная с XVI в. О самых ранних жителях этого региона, рассеянных по всей его территории, с которыми, как свидетельствуют многочисленные исторические предания, смешались последние волны мигрантов, мы, как правило, знаем очень мало. Эти миграции и затронувшие регион культурные влияния шли по двум основным направлениям. Влияние йоруба с востока оказало глубокое воздействие на народы, живущие от Порто-Ново до р. Вольты: гун, махи, фон, уэда, аджа, уачи, эве. Западнее Вольты оно чувствовалось гораздо слабее, однако некоторые прибрежные группы — этси, асебу, га — говорят, что они пришли из стран йоруба и эдо. Влияние Западного Судана, который большинство народов акан считает своей родиной, шло с севера и ощущалось во всем районе между реками Вольтой и Бандамой.

Что касается южных районов современных Бенина и Того, то, если не считать уже упоминавшиеся западные государства йоруба, Кету и Шабе, в какой-то степени достоверные исторические сведения появляются только после создания государства вокруг Тадо вблизи долины р. Моно. По крайней мере устные предания большинства здешних народов связаны с этим событием. Можно лишь предполагать более древнее расселение одного из подразделений айзо, с которым фон в XVI в. столкнулись около Аллады, — это уэда в прибрежной зоне. Точно так же невозможно подтвердить давнее существование некоей державы Попо, упоминаемой в преданиях йоруба и господствовавшей якобы на побережье между реками Уэме и Вольтой. Впрочем, речь может идти либо о хула, немногочисленная группа которых сохранилась вблизи устья р. Моно, либо о гун: и те и другие стали известны под названием попо. Напомним, что, согласно преданиям, правитель Попо был одним из потомков Оудуву; упоминалось также о том, что в более позднее время их подчинили себе новые мигранты-йоруба. Все это остается весьма неопределенным, однако множество местных преданий указывает на вмешательство йоруба, поэтому можно считать, что многочисленные независимые владения, на которые была разделена страна до того, когда в ней утвердились династии из Тадо, испытывали сильное воздействие своих восточных соседей. В более северных районах группы йоруба — дасса, ана, ньантруку — продвинулись за р. Уэме, а группа моколе — к Нигеру; если первые из них пришли туда позже, то последняя жила здесь с XV в.

Основатели самого государства Тадо появились с востока. В преданиях Ойо они фигурируют как йоруба, во всяком случае, предания аджа считают их выходцами из района Кету, а в одной явно поздней записи их первый правитель назван братом царя Ойо. Было выдвинуто предположение об основании Тадо в XII в., но его не удается подтвердить. Во всяком случае, период расцвета Тадо закончился самое позднее в XVI в.; именно тогда государство распалось, а группы, населявшие плато Аджа, рас-

селились по обе стороны от долины р. Моно. Таким образом, на востоке в начальный период сложились государство Аллада и, ближе к побережью, государство Сави, о которых известно, что в XVII в. они были в значительной мере централизованы. Аллада связывается устной традицией непосредственно с династией Тадо. О Сави говорится только, что оно было основано мигрантами, пришедшими из района верховьев р. Моно.

На западе — безусловно, позднее — было основано поселение этнической группы нуаджа; отсюда якобы появились все группы эве, не создавшие, однако, своего государства. За всеми этими данными устной традиции государств или этнических объединений скрываются сложные миграционные движения. Мы встретимся с этими государствами и народами в следующем историческом периоде: их развитие было тесно связано с развитием прибрежной торговли после появления европейцев.

Поселения на средней и нижней Вольте возникли по ходу торгового пути, ведшего сначала на север. Самые ранние поселения народа гуанг в излучине Черной Вольты и ниже по ее течению снабжали Судан орехами кола и золотом. Некоторые предания связывают торговлю золотом с возникновением государства Гонджа у гуанг и соседних с ними гурунси. Верховный правитель Мали, встревоженный сокращением притока золота, якобы снарядил войско для установления контроля над страной, в то время зависимой от дагомба. Несомненно одно: именно пришедшие с севера мандеязычные группы создали мелкие образования, позднее объединившиеся в государство Гонджа, а также крупный центр торговли в Салаге. Вероятно, это событие следует отнести самое раннее к XVI в. В то время державы Мали уже не было, однако беспокойство покупателей золота на севере можно понять: с середины XVI в. на западном побережье европейские торговцы осуществляли крупные торговые сделки. Рост населения в расположенных к югу от Черной Вольты странах и увеличение числа первоначально небольших по размерам государств, созданных различными группами акан, также связаны с изменением торговых маршрутов, постепенно отклонявшихся в сторону прибрежных областей.

Миграции акан, в результате которых сложились группы, жившие по окраинам леса, а затем и в самом лесу, растянулись на несколько столетий. Все они различными путями шли с севера, возможно, после падения Ганы, а еще вероятнее — вследствие экспансии Мали. Сначала они оттеснили гуанг, создав к северу от р. Афрам ряд мелких государств, среди которых лучше других известно Боно. Устная традиция и эту миграцию связывает с торговлей золотом, упоминая об открытии в Боно месторождений при первом правителе. Это правление пытались датировать концом XIII в. Но это, конечно, слишком ранняя датировка; во всяком случае, потребность стран Судана в золоте возросла именно в начале XV в. Государство Боно существовало до середины XVIII в. Пока оно формировалось, другие группы

акан (одни из них пришли из Боно, следуя вдоль восточной окраины леса, другие — с востока) оседали в той области, которая вскоре получила название Золотой Берег, смешавшись с группами гуанг и га. Фанти обособились здесь в XIV в., а западнее их в XV в. — изима. К этому времени на побережье уже сложился ряд мелких государств, с которыми позднее установили контакты первые португальские мореплаватели. Другие волны акан проникли в лес и основали в XVI в. несколько государств, окруживших Боно с юга и уменьшивших его роль посредника в торговле золотом: Аданси в центре, Денчьиру на западе, Аквamu на востоке. Их роль значительно возросла в следующий период вместе с развитием прибрежной торговли. Хотя они уже принимали в ней участие в течение XVI в., наиболее активный торговый обмен все еще шел с севером по дорогам, ведущим, с одной стороны, к странам мандеязычных народов, с другой — к странам хауса.

Государства XVII—XVIII вв. Об истории европейских плаваний и о появлении европейцев на побережье Гвинейского залива речь уже шла. Здесь прежде всего необходимо подчеркнуть, что история государств большей части этого региона начиная с XVI в. (а иногда и немного раньше) так или иначе зависела от прибрежной торговли, в которой главное место довольно скоро заняли рабы и огнестрельное оружие. Именно участием в торговле с европейцами было во многом обусловлено развитие этих государств, а иногда и само их появление.

Бенин. Первым крупным государством, которое встретили португальцы на Гвинейском побережье, был Бенин. В 1472 г. они вошли в сношения с его правителем. Еще до конца XV в. стороны обменялись посольствами и установили постоянные связи. Бенин стал одним из первых поставщиков рабов, которых доставляли в Сен-Жоржи-да-Мину (Эльмину). Эта торговля рабами, предназначенными для Америки, значительно расширилась в последующие столетия; побережье Бенина с примыкающей к нему с запада территорией вплоть до XIX в. оставалось по преимуществу Невольничьим Берегом. Как мы видели, государство Бенин переживало в XV в. период экспансии. Потребности работорговли принудили его в течение следующих двух столетий расширить завоевания и укрепить собственную организацию: усилить централизацию и упрочить власть правителя в ущерб интересам крупных сановников, которые до сих пор были облечены полномочиями избирать его, а теперь оказались лишенными этого права. Установление в это время наследования власти от отца к старшему сыну, безусловно, во многом объясняется европейским влиянием.

Это влияние ощущалось во многих областях. С начала XVI в. здесь находились католические миссионеры. Уже тогда была предпринята попытка обращения правителя и его подданных в католицизм, от которой, впрочем, отказались уже в следующем веке. Тем не менее миссионеры оставили следы своего влияния в виде предметов культа, требников и, возможно, казни через распятие, которая нигде больше в Африке не известна. Что касается ис-

кусства, в частности бронзовой скульптуры, то время его расцвета, когда были созданы самые замечательные барельефы и головы из бронзы, приходится на XVI—XVII вв. Выдвинутая в свое время гипотеза о его португальском происхождении ныне полностью исключается. Изобилие меди и увеличение количества художественных изделий связаны с прибрежной торговлей и с богатствами, которые извлекал из нее Бенин, появление же перспективы в барельефах можно приписать европейскому влиянию. Тогда же, в XVII в., город Бенин, как кажется, достиг наибольших размеров и был застроен великолепнейшими дворцами: сделанные в тот период описания улиц, домов и залов царских дворцов проникнуты восхищением. Но скоро после этой блестящей эпохи стали сказываться невыгоды развития, зависящего исключительно от работорговли.

С конца XVII в. начался упадок Бенина. Его истощали бесконечные войны, которые велись в погоне за рабами. Росло число пунктов, где занимались работорговлей, что вело к широкому распространению огнестрельного оружия. Поэтому Бенин сталкивался со столь же хорошо вооруженными противниками. Усиливалась самостоятельность провинций, которые опирались на собственные войска и располагали собственными территориями для набегов за рабами. Если влияние эдо еще распространялось, то только благодаря посредникам. Участились междоусобные войны и столкновения из-за престолонаследия; художественное производство не исчезло, но с XVIII в. изделия стали более грубыми.

От дельты Нигера до р. Кросс. Последствия роста работорговли, о чем только что шла речь, ярко проявились в дельте Нигера, вначале заселенной иджо (они были оттеснены из внутренних районов народами эдо и игбо), а также в той пересеченной многочисленными реками области, которая тянется к востоку от дельты и которая была заселена позднее. С XVI в. на побережье и на острова устремились привлеченные надеждой на выгодную торговлю разные по происхождению группы (помимо иджо): эдо, игбо, ибибио, эфик и даже переселенцы из долины р. Бенуэ. В результате сложных смешений возник ряд мельчайших государств. Их центром был рынок, на который народы внутренних районов, в частности игбо, поставляли рабов. С запада на восток друг друга сменяли государства Варри, Брас, Бонни и Калабар⁵⁶. Свидетельства европейцев об этих образованиях относятся к XVII в. Устройство их было весьма различным: деспотии или олигархии, все они так или иначе использовали для новых целей традиционные институты. Стремясь к влиянию и власти, «дома», объединявшие вокруг одной семьи множество зависимых и рабов, подменяли собой родовые группы в качестве основных социальных ячеек. Таким образом, работорговля приводила здесь к полной перестройке общества. Работорговля особенно процветала в XVIII в., когда число рабов, ежегодно продаваемых лишь в одном Бонни, достигало примерно 20 тыс. человек. Малые государства дельты никогда не вели войн: они по-

купали рабов во внутренних областях в количестве, зависящем от спроса европейских работорговцев.

Держава Ойо. Если европейцы слышали об Ойо еще в XVI в., то непосредственные контакты с ним они установили лишь в XIX или, может быть, в конце XVIII в. Ойо действительно выросло во внутренних районах, севернее лесной зоны, где лучше всего могла действовать конница, бывшая основой его могущества. Там находились «центральные провинции», простиравшиеся между долинами рек Нигера и Окпары. В начале XVII в. они составляли все государство, которым управлял правитель — *алафин*. Начиная с этого времени власть Ойо распространилась за пределы указанной зоны. На юге оно подчинило живших на границе с лесом йоруба: эде, ову, частично эгба; при этом Ойо никогда не вело военных действий в самом лесу, ставшем как бы естественным оборонительным рубежом. На севере Ойо принудило к уплате дани часть нупе и бариба. Однако самая значительная экспансия осуществлялась на юго-западе. Правители Ойо — континентального государства — стремились непосредственно пользоваться выгодами от торговли: южная дорога, идущая от Лагоса к крупному рынку Апому, контролировалась Бенином, Иджебу и Ифе.

Экспансия развивалась в течение двух периодов. Начиная с середины XVII в. Ойо установило свой контроль над мелкими государствами прибрежной территории современного Бенина — Алладе, Сави, Джакин, Порто-Ново — и стало снабжать их рабами. Но в первой половине следующего столетия в рассматриваемом регионе появилась новая сила — государство Абомей. Чтобы отразить угрозу своим торговым путям и прийти на помощь прибрежным государствам, которые Абомей завоевал одно за другим, Ойо с 1726 г. организовало против него ряд военных походов. В результате был достигнут компромисс: Абомей формально становился данником Ойо. На самом же деле его могущество крепло, и во второй половине XVIII в. Ойо оказалось вынужденным доставлять рабов к Порто-Ново и Бадагри через страну эгбадо. Вслед за этим первым отступлением Ойо вскоре распалось под ударами, нанесенными теперь уже с севера.

Держава Ойо была непрочной. Она никогда не имела централизованной организации. В рамках самих «центральных провинций» каждая область, каждое самостоятельное владение, выполнив свои военные или ритуальные обязанности по отношению к *алафину*, пользовались очень широкой автономией. Положение покоренных народов за пределами провинций было весьма различным: от самой незначительной степени зависимости до полного подчинения представителям *алафина*. В самом центре государства, в Ойо, царская власть была ограничена властью вельмож, *ойо меси*, которые избирали *алафина*. Между ними вспыхивали бесконечные распри, в которые постепенно втягивались и власти на местах. Все это было вызвано стремлением принимать более широкое участие в выгодах монополизированной *алафином* и его

окружением работорговли, а также противостоять чрезмерной централизации.

Абомей (Дагомея) и его соседи. Мы только что упомянули о возвышении государства Абомей. Его династия через Алладу была связана с династией государства Тадо. Основание государства приписывается некоему Догбагри-Гену. Создание при его преемниках высокоцентрализованного, организованного на военной основе государства объясняется несколькими причинами, прежде всего ярко выраженным стремлением установить контроль над путями и центрами работорговли, а также, напротив, оказать сопротивление самой системе работорговли, по крайней мере в первое время. Конечно, работорговля переживала явный кризис с того времени, как Абомей начал наступление на мелкие торговые государства юга; но как только на побережье установилось его господство, работорговля была поставлена под непосредственный контроль правителя и до XIX в. определяла всю жизнь государства.

В первой половине XVIII в. третий по счету преемник основателя Абомея, Агаджа, завоевал южные государства. В 1724 г. он овладел Алладой. Расцвет этого государства, известного европейским путешественникам под названием Ардра или Ардрес, приходится на XVII в. В нем жили европейские торговцы, там вели свою деятельность миссионеры (остался катехизис на языке «ардра»), посольство Аллады было принято при дворе короля Людовика XIV. Завоевание Аллады открыло дорогу для захвата государства Сави, контролировавшего работорговлю в Видахе, который в начале XVIII в. стал одним из самых значительных торговых пунктов на всем Гвинейском побережье. Сави было захвачено в 1727 г. Сохранить эти приобретения оказалось нелегко: мы видели, как сопротивлялось экспансии Абомея Ойо. Прибрежные народы уэда и хула оказывали правителям Абомея упорное сопротивление и после 1740 г. (предполагаемой даты смерти Агаджи).

Лишь в XIX в. окончательно оформилась политическая и административная организация государства, ставшего называться Дагомеей. Тем не менее уже в конце XVIII в. армия была прочно организована, хорошо оснащена огнестрельным оружием, усилена женскими формированиями — знаменитыми «амазонками». В результате нескольких дальних походов было разгромлено Бадагри — торговый соперник Видаха, пользовавшийся покровительством Ойо, и другие конкуренты.

Потрясения, происходившие в XVIII в. западнее р. Моно (распад государства Нуаджа и расселение эве по территории между реками Моно и Вольтой), не были, по-видимому, связаны с вышеупомянутыми событиями. Во всяком случае, дагомеицы появились в этом районе лишь в XIX в. Так же поздно они вступили в конфликт с государством Порто-Ново, которое европейские путешественники называли Малым Ардра, основанным в XVII в.

Возвышение Ашанти. История стран, лежащих западнее р. Вольты, также определялась борьбой за установление контроля над центрами работорговли или по крайней мере за прямой доступ к ним. Первые лесные государства, Аданси и Денчѳира, во второй половине XVI в. вели борьбу и попеременно становились данниками друг друга. В конечном счете верх одержала Денчѳира. В XVII в. она господствовала во внутренних областях к северу от Сен-Жоржи-да-Миной. Аданси же переместилось восточнее, где позже возникло государство Аким. Еще дальше к востоку вокруг золотоносных месторождений Бирима в конце XVI в. сложилось государство Аквamu. Столкнувшись на западе с Денчѳирой, оно в течение XVII в. расширялось в сторону побережья и р. Вольты. С 1677 г. оно подчинило себе мелкие государства фанти и га, в частности Аккру; в 1693 г. был даже захвачен датский форт и возвращен лишь за выкуп. В начале XVIII в. Аквamu установило контроль над всем восточным побережьем нынешней Ганы и непосредственно контролировало ведущую там работорговлю. Оно организовывало военные походы за Вольту, подчинив часть эве и мелкие прибрежные государства вплоть до Большого Попо и продвинувшись даже до Видаха. Господство Аквamu длилось недолго; вскоре после 1730 г. оно пало под ударами аким, которые сами оказались оттесненными складывавшейся на севере новой силой в лице Ашанти.

Миграции, в результате которых в районе современного Кумаси появились различные группы ашанти, создавших здесь вскоре небольшие государства, шли в начале XVII в. с юга, из Аданси. Эти группы объединились в борьбе против Дома, небольшого государства акан, находившегося на севере, и против Денчѳиры, данниками которой они, однако, вынуждены были себя признать. К 1695 г. они сложились в более или менее прочную конфедерацию вокруг правителя, символом власти которого был знаменитый золотой трон. Экспансия нового государства началась в правление первого царя всех ашанти, Осей Туту. В первые годы XVIII в. была разбита и подчинена Денчѳира, контроль над торговлей с Сен-Жоржи-да-Миной перешел в руки ашанти. После этого они обратились к юго-востоку и в ходе войн, продолжавшихся, без сомнения, до 1740 г., разбили государство Аким, а потом Аквamu. Еще до окончания этих войн Ашанти воевало на севере, захватив государство Боно и обратив в данников Гонджу и Дагомбу. Таким образом, в середине XVIII в. господство Ашанти распространилось на большую часть современной Ганы. Оно обеспечило себе контроль не только почти над всей прибрежной торговлей (неограниченный в начале XIX в. после подчинения фанти), но и над центрами торговли с Суданом: с Салагой, Енди, Бондуку. В период наивысшего могущества Ашанти, с конца XVIII в., Кумаси стал одним из важнейших перекрестков западноафриканской торговли, где встречались торговцы диула и хауса, образованные мусульмане и европейские ра-

боторговцы и послы; это был также центр великолепного искусства.

Гегемония Ашанти оказала серьезное влияние на соседние регионы. На востоке, в центральных районах современных Того и Бенина, в XVIII в. обосновалось множество мелких групп: гуанг, ачем, акан. На севере государство Гонджа, усилившееся в XVII в. благодаря притоку новых волн мигрантов-манде, в начале следующего столетия предприняло военные походы до Сегу; однако его попытки распространить свое владычество еще далее были решительно пресечены. На западе перемещение населения на части территории современного Берега Слоновой Кости было вызвано, в частности, созданием и экспансией государства Бауле. В результате борьбы за власть в государстве Ашанти группа под предводительством сестры побежденного претендента на трон, Ауры Поку, направилась на запад и в середине XVIII в. обосновалась между реками Комозэ и Бандамой. Оттесняя прежнее население — сенуфо, гуру, а чаще подчиняя их и смешиваясь с ними, эти ашанти создали государство, которое, несмотря на разработку золотых месторождений вокруг р. Бандамы и развитие замечательного искусства, оказалось непрочным. В конце XVIII в. оно распалось.

Народы севера и востока. История этих народов в XVII—XVIII вв. известна весьма мало — в той мере, в какой она была связана с суданскими государствами и отразилась в их хрониках. Их передвижения, столкновения между собой лишь в редких случаях поддаются датировке. Так, мы это уже видели, в начале XVI в. ясно засвидетельствовано существование государства Буса; но затем до середины XVIII в., когда ему пришлось отражать нападения Кебби, сведений о нем очень мало. За это время правившая в Бусе династия основала на западе новые образования, прежде всего Никки. Возможно, это произошло в XVI в., но, может быть, только в XVII в. Отсюда бариба постепенно расселились по всей саванне вплоть до массива Атакора, смешиваясь с ее первоначальным населением; у подножия этого массива еще до конца XVIII в. были позже других основаны государства Бирни и Куанде. Предания довольно точно сообщают об этом периоде. С помощью народов-данников бариба в XVIII в. совершили вторжения на территорию нынешнего Того и даже дальше, возможно вплоть до Салаги. Бариба стремились установить контроль над важным путем из страны Гонджа в страны хауса, по которому шла торговля орехами кола в обмен на соль.

История нупе со времени основания государства до второй половины XVIII в., когда их правитель принял ислам, известна также довольно плохо. Что касается джукун, то о них мы знаем в это время благодаря их попыткам подчинить Северную Нигерию. Кварарофа — так хауса называли джукун — уже в XVI в. совершали военные походы на север. Во второй половине XVII в. нападением джукун подверглось главным образом Кано.

В XVIII в. джукун, которым не удалось установить свой контроль над крупными суданскими рынками, прекратили свои набеги на северные страны. Таким образом, их попытка установить свою власть над раздробленными хаусанскими государствами потерпела неудачу.

Глава 8

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СУДАН 57

Географическая среда. Центральный Судан включает большую часть Чадской котловины и ее западное продолжение до подступов к Нигеру. Очеро Чад не является ни центром, ни самой низкой точкой котловины; этот центр находится в районе, протянувшемся с юго-запада на северо-восток от озера до Борку (у подножия нагорья Тибести). На севере и северо-западе ее рубежами являются лежащие на расстоянии друг от друга массивные нагорья Тибести, Ахаггар, Аир. На востоке поднятием рельефа образуется плато Вадаи, начинающее собой ряд возвышенностей, самые высокие из которых, горы Дарфура, мы включаем в рамки рассматриваемого региона. На юге мы остановимся у подножия отдельно расположенных возвышенностей и гор Мандара, а затем у плато Баучи. Проход между Баучи и Аиром очень широк и без труда соединяет причадские районы с областями среднего Нигера.

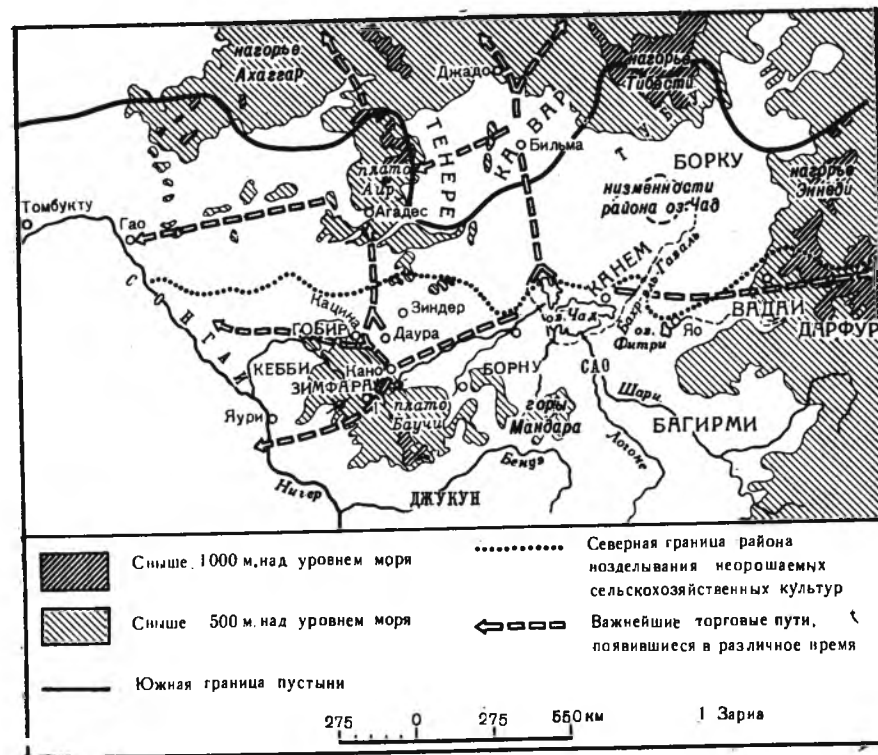
Что касается зональных различий в климате и растительности (здесь их гамма начинается с пустыни и заканчивается различного рода саваннами), то необходимо отметить их немалое значение для региона. В горных массивах, например, выпадает больше осадков. Поэтому Аир — притягательный горный оазис и транзитный торговый центр — противопоставляется необитаемому Тенере и т. п.

Вопрос о различиях географической среды региона на уровне отдельных областей заслуживал бы более пристального внимания, если бы они были проанализированы в специальных работах. Отметим, что знаток этого региона И. Юрвуа настойчиво подчеркивал роль географических факторов (цепи колодцев, болотистых зон, горных преград) в истории Борну, но фактически не обратил на них внимания по отношению к «беспозвоночному Судану».

Что же касается уровня региональных особенностей, то здесь необходимо подчеркнуть по крайней мере три обстоятельства:

контакт между земледельцами и кочевыми скотоводами и их хозяйственный симбиоз, существующие в широкой полосе, но в различных формах и в различной степени. И. Юрвуа и здесь со знанием дела отмечал, что многие суданские государства в какой-то мере держались на этих контактах, но явно преувеличивал их значение, говоря о почти «неизбежном» «натиске» одной «расы» на другую;

транссахарские маршруты, по которым Центральный Судан постоянно поддерживал связи, по крайней мере в исламское время, со средиземноморским миром и Ближним Востоком;

Центральный Судан

большая свобода широтных перемещений южнее пустыни вдоль всего региона в обе стороны: таким образом, функционировал еще один путь внешних связей — с Нилом и востоком. Разумеется, этот путь был удобнее, чем путь через пустыню. Поэтому здесь были более возможными действия конницы и экспансия государств на дальние расстояния.

Значение географической среды, разумеется, относительно. Так, если на западе мы останавливаемся перед вытянувшейся вдоль Нигера преградой в лице государства сонгаев, то это не значит, что мы не включаем в регион державу Сонгай того периода, когда она выходила за его пределы вплоть до Аира. Рассматривать Вадаи и опустить Дарфур — значит разделить два района, в то время как история скорее требует объединить их.

Культурная однородность рассматриваемого региона тоже является относительной. Сахара в меридиональном направлении делится на области, которые характеризуются передвижением людей, обычаев, предметов материальной культуры и т. п. Одна из таких границ разделяет рассматриваемый регион по проходящему через Зиндер меридиану на земли туарегов и тубу. Напротив, в саванне хауса, канури, жители Вадаи имеют много сходных культурных

черт. И все же в культурном отношении Центральный Судан в целом един. Судан и Сахель четко отличаются от южных районов, а Центральный Судан отличается от других областей Судана тем, что он связан транссахарскими путями с Центральным Средиземноморьем между Тунисом и Киренаикой. Транссахарские контакты вызвали экономическое оживление, политические отношения, культурные обмены; связь с Триполи означала для региона иные заимствования, иные потребности, иные исторические тенденции, нежели связь с Марокко или непосредственно с долиной Нила.

Ранний период истории. Граница между «доисторической» и «исторической» эпохами — чистая условность. Мы приступили к исследованию с начала нашей эры только потому, что нет сведений об эпохе, начинающейся с конца палеолита. Можно лишь отметить, что к 500 г. до н. э. высыхание «влажной» Сахары уже приходило к концу. Следовательно, с одной стороны, в пределах так называемого «исторического» периода природная среда оставалась в общих чертах неизменной. С другой стороны, к этому времени уже завершился постепенный отход населения (о котором мы догадываемся) из «влажной» Сахары к югу. Мы можем предполагать, сколь большое значение мог иметь этот отход для заселения и культурной эволюции Судана, но нам о нем ничего не известно.

Собственно говоря, по крайней мере до XI в. невозможно составить никакой исторической картины. Сведения письменных и устных источников разрозненны, скудны и ненадежны. Зато для этого периода имеются археологические данные, которые существенно помогают изучению всей так называемой «неолитической» Сахары (в широком и неопределенном смысле этого термина; см. главу о доисторическом периоде). Важнейшие проблемы для периода незадолго до наступления нашей эры связаны с появлением в Центральном Судане железа, лошади, верблюда, составивших три главных компонента суданской истории. Железо обеспечило более высокую техническую эффективность производства. Хотя в развитии орудий труда оно не вызвало существенных изменений, оно означало прогресс в области изготовления оружия. В зоне между пустыней и границей распространения мухи цеце лошадь стала ратным и престижным, но не тягловым животным. Использование железа и лошади благоприятствовало осуществлению крупных военно-политических начинаний. Верблюды стали необходимым средством для транссахарской торговли, без которой ход суданской истории был бы во многом иным.

О времени и обстоятельствах появления этих трех компонентов мало что известно. Можно предположить существование двух различных областей их проникновения, которые сливаются на широте саванны: к западу от Тибести и оз. Чад по транссахарским маршрутам, с одной стороны, и, с другой стороны, по широтному пути из долины Нила и соседних стран. Это предположение подтверждается кое-какими находками в самом Судане, неточно датирую-

емыми и относящимися к более поздней эпохе. Во внешнем мире встречаются более надежные письменные и материальные свидетельства. Между обеими областями на сахарских стоянках обнаружены наскальные изображения (животных и оружия) и материальные остатки, датировка и интерпретация которых затруднительны.

Домашняя лошадь появилась в Египте около XVII в. до н. э. Ее использовали в эпоху Нового Царства, а также в государстве Напата (VIII—VI вв. до н. э.) и в Киренаике примерно в 500 г. до н. э. Согласно Геродоту (V в. до н. э.), гараманты Феццана охотились на «эфиопов-троглодитов» на колесницах, запряженных четырьмя лошадьми. Верблюд дромадер появился в Египте около 1000 г. до н. э.; вскоре он проникает в Киренаику. В IV в. верблюдов, вероятно, было много в Триполитании; из Египта и, конечно, из других районов они попадали в Мероэ. Наконец, железо, известное в Карфагене в VII в. до н. э., в Египте до того времени встречалось редко. В Мероэ наличие железа отмечено с VI в. до н. э., а расцвет металлургического производства приходится на канун и начало нашей эры; оно продолжалось и после того, как Мероэ перестало существовать политически.

В «западном транссахарском» промежуточном районе изображения лошади представлены очень широко. Однако они выполнялись на протяжении целого тысячелетия, так что не удастся установить, когда лошадь действительно появилась в Судане. Изображения оружия (разнообразных коротких копий), относительно скромные и плохо датированные, малочисленность материальных находок из железа могут дать лишь смутное представление о возможном распространении металлургии железа в период между карфагенской и византийской эпохами. К тому же этот процесс мог развиваться в мусульманскую эпоху.

Материал, полученный на востоке, более представительен, идет ли речь о находках или об изображениях животных, оружия, сбруи и т. д. Возьмем в качестве примера плато Эннеди, исключительно тщательно изученное Ж. Байу. Оружие — копья с длинными железными наконечниками — и лошадь ненамного опережают по времени появления верблюда на изображениях, которые все отмечены восточными чертами. Плавильные печи соотносятся с керамикой первого «верблюжьего» периода. Вероятно, в отличие от лошади верблюд появился немного позже начала нашей эры и раньше, чем в Тассили.

Мы не знаем ни дат, ни путей распространения дромадера в Сахаре. Но в любом случае разведение верблюдов кочевниками должно было предшествовать развитию большой караванной торговли. Что же касается железа, то здесь загадок еще больше, поскольку на юго-западной окраине этого региона существовала культура Нок, культура железного века, датировка которой еще вызывает споры. Эта датировка (900 г. до н. э.) заставляет сомневаться в очень раннем и очень дальнем влиянии Мероэ.

Во всяком случае, достойно сожаления, что гипотеза о неза-

висимом развитии металлургии в Западной Африке была предложена и отвергнута слишком поспешно, без анализа и истолкования всех имеющихся данных.

В отличие от более или менее точного исследования предметов материальной культуры и изображений в четко обозначенных пределах, восстановление «влияний» со стороны внешних цивилизаций из-за неясных и разрозненных свидетельств представляется во многом необоснованным. В самом деле, мы ничего не знаем о возможных связях между Суданом и Карфагеном, Египтом, Грецией, Римом, Мероэ, вандалами, Византией. Римляне в исключительных случаях бывали лишь в Фецчане, где в ходе раскопок были обнаружены римские предметы и следы действительно римского влияния. Римских предметов нет ни в более южных районах, ни к югу от Ахаггара. К западу от Нила нет находок мероитского происхождения. Иногда, вероятно, была возможна постепенная передача каких-то элементов культуры, но мы только что видели, насколько трудно бывает их определить. О прямых контактах можно лишь строить предположения; торговля через посредников представляется весьма вероятной, однако она не засвидетельствована и не следует питать иллюзий относительно ее значимости и продолжительности.

Нельзя не заметить, что к различным гипотезам о мероитском влиянии относятся в последнее время с излишним доверием. Между тем здесь необходима точность: ведь культурные влияния на просторах нило-чадских саванн могли передаваться с востока на запад и в эпоху Мероэ, и после его падения, и в период существования культур групп X, и в эпоху христианской Нубии. Кроме того, гипотезы о внешних влияниях не только не выглядят достаточно обоснованными, но еще и не полны: допустим, к примеру, что Мероэ «передало» институт царской власти, но ведь государственность порождается прежде всего созревaniem местных условий; если этого не учитывать, то как можно представить себе истинную суть влияний?

Народы. Легенды о происхождении, устные предания и их более поздние записи создают впечатление, что на территории данного региона в течение интересующих нас веков происходили многочисленные передвижения народов, нашествия с востока или севера белых и черных завоевателей, основывались города и династии. Безнадежно пытаться нарисовать историческую картину, опираясь на эти данные. Такие неясные материалы порождают проблемы идентификации, датировки, интерпретации. Они часто становились результатом престижных установок, в частности связанных с задачей возведения происхождения правящей династии непосредственно с востока, из колыбели мусульманского мира. Все это было до того, как европейские авторы XIX—XX вв. начали пробовать систематизировать такие данные в соответствии с бытовавшим тогда представлением о встрече рас — черной и белой, черных и «хамитов», оседлых и номадов. Мы остановимся на трех из этих сомнительных построений.

Кто такие сао, легендарные гиганты? Возможно, они населяли обширный район севернее и восточнее оз. Чад, но лучше они прослеживаются в странах низовьев рек Шари и Логоне. Подчинили ли пришедшие с севера в эти районы высокорослые чернокожие местные низкорослых жителей? В археологическом отношении они соответствовали бы культуре Сао I, выделенной Ж.-П. Лебёфом, где керамика сао уже достигла совершенства. Имеем ли мы в лице другой группы высокорослых чернокожих — рыбаков, пришедших с востока, представителей культуры Сао II, тех, кто с конца интересующего нас периода строил на холмах укрепленные города?

Другая этническая общность, которую трудно идентифицировать, возможно, участвовала в образовании государства Канем у северо-восточной оконечности оз. Чад. Здесь утвердилась династия правителей, последний из которых потерял трон в 1846 г. Список правителей, составленный Бартом и Нахтигалем в XIX в., начинается с Сефа (отсюда название династии — Сефава) или с его потомка Дугу. До первого правителя-мусульманина Хуме, правление которого датируют самым концом XI в., с десятков имен относятся к легендарному периоду, так что дата, предлагаемая для правления Дугу, приблизительна. Считается, что династия Сефава ведет свое происхождение от тубу (теда) — кочевников, обитающих в Тибести. Канем был известен арабским авторам; некоторые из них называли это государство Загава; его размеры и локализация различны у разных авторов. Ал-Муххалаби (конец X в.) рассказывает о встречающихся по сей день во многих африканских «священных царствах» чертах, прежде всего об обожествлении правителя.

В странах хауса устная традиция также рассказывает о миграциях с севера и с востока, о завоеваниях и т. п. Миграции, этнические смешения, проникновение извне культурных влияний не вызывают сомнений, но датировать и достоверно интерпретировать данные традиции мы пока не в состоянии. В самой известной из этих легенд фигурирует Баяджидда — сын «правителя Багдада»; герой убивает змея, преграждавшего жителям Дауры доступ к водному источнику, а затем женится на их правительнице; их дети основывают государство хауса. Остается открытым вопрос, были ли они основаны ранее 1100 г.

Ислам. Для историка Судана распространение ислама прежде всего ознаменовалось появлением письменных источников: географы, путешественники, компиляторы начинают сообщать о «странах черных» — Судане.

Само арабское завоевание произошло в далеком прошлом и не достигло Судана. Окба ибн Нафи подчинил Фецчан в 666—667 гг. и совершил рейд до оазиса Кавар. Но это предприятие было эпизодичным. Сам Фецчан остался в стороне от арабской экспансии и, вероятно, еще в IX в. сохранил свою гарамантскую цивилизацию (если верить радиоуглеродным датировкам). Напротив, в X—XI вв. он процветает при мусульманско-берберской династии ибадитов.

Значение транссахарской торговли того времени еще трудно оценить. Ал-Якуби (IX в.) сообщает о вывозе рабов из Кавара, а процветание в следующем столетии караванного центра Завила, столицы Феццана, является косвенным свидетельством оживления на проходящем через столицу Кавара Бильму торговом пути. Яснее вырисовывается торговля, осуществлявшаяся по западным путям между Сиджилмасой и Тахертом на севере и Ганой, а также Гао на юге. Среди находившихся в зависимости от Гао государств ал-Якуби упоминает одно, которое можно локализовать в Аире (Азбен). В IX в. торговый путь связывал Гану и Гао с Египтом через Аир, Тибести, Куфру и оазисы Дахла и Харга; к концу этого века на отрезке между Феццаном и Египтом им, видимо, перестали пользоваться.

Наконец, не совсем ясно, как появился ислам в Судане. Специалисты единодушны в том, что обращение в ислам правителя Канема Хуме произошло в конце XI в., возможно, под воздействием, шедшим с востока. Однако можно предположить, что такое воздействие оказывали в первоначальный период суданского ислама, до того как он принял свой классический ортодоксальный маликитский облик, ибадитские проповедники. Возможно, это происходило после возникновения имамата в Тахерте (VIII—IX вв.), поскольку он, без сомнения, поддерживал связи с Гао, или же в более позднее время, когда падение имамата в начале X в. и деятельность фатимидов в Магрибе вынудили ибадитов переселяться в оазисы Южного Магриба. В современной Северной Нигерии И. Шахт отметил сохранение в архитектуре фульбских, хаусанских и канурийских мечетей характерных особенностей, которые связаны с ибадитским влиянием. У фульбе это отсутствие минбара, типичное для ибадитов; минарет с лестницей — форма, заимствованная из Южного Туниса через Уарглу; прямоугольный михраб из Мзаба. У канури и хауса это «сахарский» минарет, также заимствованный из Мзаба.

Держава Канем (XII—XIII вв.). В течение двух столетий Канему принадлежало в Центральном Судане исключительное место благодаря высокому уровню его политического и культурного развития. Для изучения длительной истории Канема и сменившей его державы Борну историк располагает арабскими письменными источниками, а также местными хрониками и династическими списками, несколькими махрамами (т. е. царскими грамотами, содержащими освобождение от повинностей, написанными по-арабски) и даже старинными песнопениями на языке канури. Последние, принявшие нынешний вид в более поздний период, восходят иногда по своему содержанию к далеким временам.

В XII в. государство Канем, населенное народом канембу, занимало, по всей видимости, территорию нынешней исторической области Канем и долины Бахр-эль-Газалья. Ал-Идриси в середине XII в. описывал соседей Канема: несколько больших групп скотоводов, богатый оазис Кавар и его торговые города с пальмовыми рощами.

Экспансия в XIII в. В XIII в. Канем утверждает свою власть в нескольких направлениях и широко раздвигает свои границы. На рубеже XII—XIII вв. он подчиняет Кавар, всю цепь колодцев между оз. Чад и Джадо. На севере Канем стремится установить контроль над своими «родственниками» тубу. Положение и связи тубу делают для Канема необходимым союз с ними. Их помощь нужна для любого начинания и для поддержания транссахарских связей. Эту помощь получают, она эффективна, но беспокойные партнеры не всегда надежны: Дунама II во второй четверти XIII в. вынужден в течение семи лет вести с ними войну. В конце XII в. правившая Феццаном берберская династия пала под ударами некоего самозванца. Созданный «вакуум» затруднял торговлю. Воспользовавшись этим, Дунама организовал большую экспедицию и подчинил Феццан, назначив там своего наместника. В этом предприятии впечатляют его масштабы, прежде всего расстояние. Правда, вскоре наместник Феццана сделался независимым, создав династию, правившую до начала XIV в. Тем не менее правители Канема установили и некоторое время поддерживали отношения с хафсидскими правителями Туниса.

Экспансия шла и в других направлениях. Так, вероятно, в подчинении правителей Канема какое-то время находился Аир. Особо отметим происходившую начиная с середины XIII в. экспансию оседлых и кочевых народов к востоку и юго-востоку от оз. Чад; местные жители либо ассимилировались ими, либо оттеснялись. Эта область, получившая название Борну, приобретала все большее значение.

Однако с первой половины XIII в. внутренняя борьба, соперничество династических ветвей и сопротивление покоренных народов стали ослаблять Канем. Постепенно разрушаясь, он просуществовал до середины XIV в.

Политические институты. Правящая родовая группа тщательно сохраняла династическую связь с кочевниками: долгое время правитель обязательно выбирал жену из тубу; в конце XII в. эта традиция исчезла. Столицей государства был город Нджими, местонахождение которого остается пока неизвестным. Правда, правитель и его окружение постоянно кочевали по стране, так что в столице умер всего лишь один правитель.

Религиозной правящей группой был ислам. Хуме, возможно, совершил паломничество в Мекку, а Дунама I (первая половина XII в.), как утверждает традиция, сделал это трижды. В середине XIII в. правитель Канема выстроил в Каире дом для паломников, а также ищущих знания из своей страны. Насколько исламизация охватила народ, нам неизвестно.

Происхождение и уровень развития политических институтов, уже тогда очень развитых, трудно исследовать ввиду позднейших изменений. Правитель, *маи*, обожествлялся: за исключением двух больших религиозных праздников, он был постоянно скрыт от народа; аудиенции он давал в некоем подобии клетки, защищаемый завесами. Его власть передавалась по мужской линии; преемника

он назначал из числа своих сыновей или братьев. Мать правителя, *магира*, пользовалась большим влиянием и выполняла важные обязанности. Определенную роль играли также члены царской родовой группы, приближенные из свободных и рабов, ученые-мусульмане. Реальную власть разделял с правителем прежде всего большой совет, состоявший из двенадцати высших сановников; каждый из них имел особый титул и отвечал за управление той или иной провинцией.

Соседи. О соседних с Канемом обществах известно очень мало. Уже упоминались археологические изыскания, открывшие нам культуру сао — героев устной традиции, живших в междуречье рек Шари и Логоне. Культура Сао II, которая составляет основную часть археологического комплекса Сао, характеризовалась наличием городищ, окруженных сначала деревянными стенами, а позже земляными валами; погребениями в глиняных кувшинах; искусством керамики с изображениями человека и животных. Здесь была создана целая «цивилизация глины», которая знала в то же время и обработку металла, и изготовление бронзовых изделий методом «потерянного воска». Не следует относить эту цивилизацию исключительно к XII—XIII вв.; она существовала гораздо дольше.

В странах хауса наиболее известны — благодаря своим хроникам — два города: Кано и Кацина. Они, без сомнения, занимали здесь ведущее положение. Но в какой форме это проявлялось? Было бы неосмотрительно считать, что уже полностью воссоздано историческое развитие четырнадцати государств хауса, о легендарном происхождении которых шла речь выше: семи «истинных» — Дауры, Кано, Рано, Заззау, Гобира, Кацины, Бирама и семи «ложных», ненастоящих, возможно испытывавших сильное влияние хауса стран: Замфары, Кебби, Нупе, Гвари, Яури, Илорина, Кваророфы.

Страны хауса (XIV—XV вв.). В полной мере внутренняя и внешняя слабость Канема проявилась в середине XIV в. Решающий удар был нанесен его восточными соседями — тубу и булала. После продолжавшейся несколько лет борьбы *маи* был изгнан из своей столицы Нджими; он покинул Канем и вместе с верными ему людьми переселился в свою западную провинцию Борну. Набеги булала прекратились, но Канем оставался у них в подчинении еще в течение века.

В Борну власть *маи* постепенно восстановилась, несмотря на продолжавшиеся раздоры среди представителей правящей династии. Изгнанники-канембу смешались с местными жителями, в результате чего сложилась этническая общность канури. Отныне держава стала называться Борну. Со второй трети XV в. она уже распространяется к западу, оказывая давление на страны хауса.

К XIV в. большинство так называемых «истинных» хауса стали вполне оформившимися политическими образованиями. Кано и Кацина оставались на первом плане в течение XIV в. Борьба Кацины с Гобиром свидетельствует об их развитии и соперничестве в важных вопросах. Возвышение стран хауса отчасти объясняется экспансией державы Мали, которая в XIV в. находилась в зените сво-

его могущества. Хотя ее прямой политический контроль над странами хауса не засвидетельствован, но влияние ее было велико.

Прежде всего из Мали проник ислам. Миссионеры-мандинги прибыли в Кано в правление Яджи (1349—1385) и убедили его соблюдать различные мусульманские обряды и выстроить мечеть. Исламизация затронула лишь правящие круги, она не была глубокой, и язычество сохраняло прочные позиции. В Кацине, напротив, ислам распространился, по-видимому, в большей степени в народе, чем среди знати. Влияние Мали, вероятно, вызвало и более широкие последствия в хозяйственной, политической и социальной сферах. В Кано вскоре не только появились новые виды оружия, но и существенно развивалась политическая централизация, сопровождавшаяся экспансией в южном направлении.

Вполне вероятно, что к влиянию Мали очень скоро, на рубеже XIV—XV вв. и в XV в., добавилось влияние Северной Америки. Оно сказалось в особенностях придворного церемониала, в появлении доспехов (кольчуги, шлем) и невольничьих поселений.

Еще сильнее было влияние Борну. Хроника Кано, например, сообщила о приходе в город какого-то «принца» из Борну, который около 1425 г. организовал здесь первый рынок. Некоторое время страны хауса находились в прямой зависимости от Борну и выплачивали ему дань.

В XV в. для Кано и в меньшей степени для Кацины начинается период, связанный с расцветом транссахарской торговли. Немногим ранее середины XV в. активизируются набеги за рабами в южные страны, из разных областей прибывают торговые караваны — торговля распространяется в сторону пустыни, к востоку и западу. Расположение обоих городов благоприятствует связям в этих двух направлениях. Торговцы-хауса прокладывают путь в юго-западном направлении до стран на территории нынешней Ганы.

Ислам снова укрепляет свои позиции. В 50—60-е годы XV в. из Мали в Кано, судя по хронике, прибывают фульбские богословы, привезшие с собой книги по грамматике и теологии. Правление Мухаммаду Римфы (1463—1499) отмечено возведением мечетей и признанием коранического права; в этом отношении решающую роль сыграло появление здесь знаменитого североафриканского юриста и теолога ал-Магили; для правителя Кано он написал трактат «Об обязанностях правителей». В это время наряду с Кано и Кациной возвысилась Замфара.

Конфликты между суданскими государствами (конец XV — начало XVII в.). *Маи* Али Дунама (последняя четверть XV — начало XVI в.), положив конец внутренним распрям, восстановил могущество Борну, усилил централизацию государства. В конце XV в. на р. Яо он возвел свою столицу Нгаргаму. Известно описание Борну Львом Африканским, сделанное около 1513 г., однако достоверно не выяснено, был ли он очевидцем описываемого. Правитель Борну был якобы очень богат и могуществен. Он привечал торговцев из Магриба, покупал у них ло-

шадей и продавал им рабов. Конница составляла одну из основ его военной силы.

Укреплялось внешнее положение Борну. В 1502 г. Али Дунама направил посольство в Триполи. В самом начале XVI в. был снова установлен контроль над Канемом, но пока непостоянный и частичный: династия булала осталась у власти. Экспансия Борну распространялась в основном на запад, в страны хауса.

В начале XVI в. страны хауса в гораздо большей степени испытывали давление со стороны Сонгай, нежели со стороны Борну. В ходе двух военных кампаний (примерно в 1500 и 1515 гг.), направленных на установление контроля над Аиром, *аския* Мухаммед атаковал Кано, Качину, Заззау, Замфару и Гобир, обложил их данью и оставил в каждом из них своего наместника. Путешествуя по этим странам в 1513 г., Лев Африканский засвидетельствовал их упадок, первые проявления которого он смог заметить. Таким образом, большая часть Центрального Судана перешла в орбиту сонгайского влияния.

Но на крайнем западе хаусанских земель возникло новое государство — Кебби, бросившее вызов *аскиям*. Кебби ликвидировало сонгайский контроль над государствами хауса и попыталось установить над ними свое господство. Однако этому воспротивились правители Борну: во второй четверти XVI в. Борну дважды вело войну против Кебби, но потерпело полное поражение. Конец гегемонии Кебби вскоре положила Качина. Пока Борну переживало поражение, сонгай возобновили свои походы: в 1554 г. *аския* захватил Кано. Итак, вплоть до крушения Сонгайской державы в 1591 г. страны хауса оставались тесно связанными с двумя крупными суданскими державами, играя своеобразную роль буфера.

Изменилось и соотношение сил между ними: Кано стал платить дань Качине и Заззау. Хотя сонгайское присутствие лежало на хаусанских государствах тяжким материальным бременем, оно же широко открывало двери культурному влиянию Томбукту, откуда сюда, особенно в Качину, прибывали ученые. Транссахарская торговля, которую вели Кано и Качина, оставалась интенсивной, так же как и торговля по путям, ведущим на запад и юго-запад. Лев Африканский сообщает, что в его время торговцы только что освоили новый маршрут из Валаты в Египет, который шел по суданской саванне до Дарфура, пересекая весь Центральный Судан. В города стекались многочисленные магрибинские торговцы, а в Качине существовало несколько кварталов, населенных чужеземными купцами.

Расцвет Борну. В середине XVI в., потерпев неудачу в борьбе с Кебби, Борну переживало временный упадок. Этому способствовали волнения покоренных народов в самом Борну, вторжения туарегов и тубу в его северные пределы, а джукун — в южные, восстановление автономии булала в Канеме. Возрождение могущества государства и его расцвет связаны с именем *маи* Идриса Алумы (начало его царствования принято помещать между 1563 и 1580 гг., а смерть — между 1602 и 1616 гг.).

У этого правителя был свой историограф, образованный человек по имени Ибн Фартуа, который сопровождал его в военных походах и в двух хрониках поведал о войнах и некоторых реформах Идриса.

Выдающийся воин, погибший в бою, Идрис вел войны каждый год. В его время чередовались набеги за рабами, конфликты с соседями и более крупные военные предприятия. Прежде всего он восстановил порядок в самом Борну и на его южных окраинах. Затем он совершил поход на Кано. Боевые действия велись против туарегов и тубу. Чтобы поставить тубу под свой контроль, необходимый для нормальных сношений со Средиземноморьем, *маи* долгое время находился в Бильме. Против булала Канема потребовалось семь походов, благодаря которым эти несговорчивые соседи были приведены к повиновению. Идрис силой переселил в Борну многих канембу, за которыми последовали и другие этнические элементы; все они влились в состав народа канури.

Этот правитель придавал также значение связям с внешним миром: он совершил паломничество в Мекку, видел Египет, бывал в турецких владениях, установил отношения с Триполи (в то время также турецким), преобразовал войско Борну, снабдив его огнестрельным оружием, а также пригласив военных инструкторов из Турции.

Строитель мечетей, первый, кто велел строить их из обожженного кирпича, Идрис, судя по хроникам, выделялся своей религиозностью. Он клеймил безнравственность, опираясь на кораническое право; он передал судебную власть из рук глав племен в руки мусульманских судей — *кадиев*.

Государство при нем вело активную торговую деятельность; на север отправляли рабов, добытых в странах юга в организованных *маи* набегах; в Судан, на восток и на запад — соль, соду и ткани. С севера везли оружие, лошадей и предметы роскоши.

Другие государства. Сао, которые, по-видимому, ранее оказывали сопротивление экспансии Борну, были подчинены Идрисом Алумой. Часть из них после этого рассеялась, а победители-канури смешались с оставшимися; в результате смешения сложился народ котоко. С тех пор хроники больше не упоминают о сао. Последовавшая исламизация сопровождалась исчезновением чело-веческих изображений и соответственно восприятием норм мусульманской культуры. Но в то же время завоеватели, должно быть, переняли некоторые черты местной культуры. Котоко сохранили и улучшили городские укрепления сао.

Лев Африканский упоминает о Гаога — крупном государстве между Борну и Нубией, «нецивилизованном» и населенном ското-водами. В последующие века государство становилось сильнее, расширяло свою территорию, вело оживленную торговлю с Египтом. Предполагалось, что это государство было одним из образований, носивших имя «Куга», упоминаемых в некоторых арабских источниках, и находилось в районе оз. Фитри. Следует ли связывать его также с булала? Булала, по-видимому, ведут свое проис-

хождение от канембу. Время, когда они покинули Канем, точно не установлено. О роли булала в истории Канема-Борну уже шла речь. В более позднее время они создали также государство в области Яо, в районе оз. Фитри. Когда они осуществили это — неизвестно: в XVI в., в период переселения из Канема, или в XVII в., когда они утратили всякую политическую роль в Канеме, или намного раньше?

Торговля и политическое положение в XVII—XVIII вв. Падение Сонгайской державы и упадок Гао пошли на пользу центрам, откуда начинались восточные транссахарские пути. Если трудно определить объем этой торговли и эволюцию «спроса» в Северной Африке, то не вызывает сомнения тот факт, что в целом торговля, шедшая через Аир и Кавар, не уменьшилась. Это касается ввоза и вывоза из Борну и особенно из стран хауса, где Кано и Кацина в XVII в. соперничали в борьбе за наследие Гао; в XVIII в. победителем в этой борьбе вышла Кацина. Особый размах приобретала транссуданская торговля, а также торговля между Сахелем и Суданом, Суданом и лесными областями. Из стран хауса везли кожи и хлопчатобумажные ткани, с юга доставляли орехи кола, с севера — соль. По дороге, ведущей в нынешнюю Гану, по-прежнему оживленной, шло расселение хауса, ставшее ощутимым в XVIII в., когда хаусанские общины наряду с общинами диула стали играть значительную роль в деле распространения ислама.

В XVII и XVIII вв. столкновения хаусанских государств между собой вышли на первый план суданской политики. На востоке слабела держава Борну, на западе более не существовало сонгайской угрозы; опасность для государств хауса исходила теперь с юга, от джукун. Эта опасность проявилась в конце XVI в.: государство джукун, Кваророфа, подчинило себе Заззау. Набеги на страны хауса продолжались в течение XVII и в начале XVIII в. К концу XVII в. они уже достигали Борну, осаде подвергалась даже столица. Однако победа, одержанная *маи* Али, ослабила, а может быть, даже превратила в данников этих опасных южных соседей, которые в течение всего столетия представляли реальную угрозу Центральному Судану к западу от оз. Чад.

Борну оставалось могущественным государством до середины XVII в. Нападения туарегов Аира и джукун, иногда совместные, заметно ослабили его. В течение XVIII в. не прекращались набеги кочевников на северные окраины державы. Возможно, централизация государства даже усилилась; правители стали назначать вольников на высшие должности вместо прежних членов царского дома. В XVIII в. правители Борну вели сдержанную внешнюю политику, уделяя больше внимания внутренним делам — укреплению мусульманского благочестия и образования.

В странах хауса Кано, постепенно истощенный войнами с джукун и с Кациной, признал первенство Кацины, которое та обеспечила себе в конце XVII в. Но к 1700 г. возвысилась Замфара, ставшая к середине XVIII в. соперницей Кацины. Вскоре началось

возвышение Гобира, жители которого стали переселяться на юг, в Замфару, сначала мирно, с согласия хозяев, а затем насильственным путем. Ведя частые войны против Замфары и Кацины, Гобир в конце века, по-видимому, стал самым сильным государством хауса.

У туарегов Аира продолжался процесс складывания и развития объединения их племен, которому способствовали миграции с севера и распространение населения по территории Сахеля. Продолжал существовать основанный ими в XV в. султанат, столицей которого в начале XVI в. стал Агадес. Султан, по-видимому, являлся как верховным арбитром (представители крупных племен избирали его всегда среди членов одной и той же родовой группы), так и орудием в руках поддерживающих его племен.

Жившие в Каваре канури еще признавали власть Борну, но во второй половине XVIII в. они стали объектом соперничества между туарегами Аира и тубу, стремившимися установить контроль над этим важным транзитным торговым центром.

Ислам, образование и фульбе. В Борну, где ислам давно укоренился, он продолжал занимать прочные позиции, по крайней мере там, куда непосредственно доходила центральная власть. Если доисламские религиозные верования и сохранялись в народе, степень исламизации которого определить невозможно, то благочестие правителей XVI—XVIII вв. можно, видимо, сравнить с нормами поведения мусульманского духовенства.

В странах хауса, куда ислам постепенно проникал в XIV—XV вв. и в период сонгайского влияния, торговые связи и наличие таких центров культуры, как Кацина и Кано, по-прежнему благоприятствовали его распространению. Однако доисламские верования оставались живучими, а отношение правителей к новой религии было неоднозначным: формально они считались приверженцами коранической веры и шариата, они были окружены мусульманскими учеными, услуги которых высоко ценили, но в то же время они прежде всего заботились о поддержании своей власти и о сохранении прежних обычаев. Тем не менее многие авторы свидетельствуют о поддержании в странах хауса блестящей суданской интеллектуальной традиции, развившейся ранее в Томбукту и в странах, находившихся под сонгайским влиянием. Этот факт, а также двойственное и неопределенное официальное отношение к исламу объясняют силу традиционного стремления к реформам, в результате которых вся жизнь страны была бы приведена в соответствие с ортодоксальным мусульманским законодательством.

Это стремление к религиозно-нравственным реформам проявлялось главным образом (но не только) со стороны фульбе. Расселение пришедших с запада фульбе в странах хауса и Борну — факт давнишний. Миграции фульбе продолжались и впоследствии. В Борну они оставались чужеродным и терпимым меньшинством. В странах хауса их положение было не столь однозначным: одни оставались кочевниками и язычниками, другие становились горожанами, мусульманами, занимающими различное социальное поло-

жение в рамках хаусанского, уже сильно стратифицированного общества. События начала XIX в., которые глубоко изменили облик Центрального Судана, подвергли испытанию эту этническую, социальную, религиозную и культурную мозаику.

Передвижения народов на востоке региона. Если прошлое стран, расположенных западнее оз. Чад, известно плохо, то положение на востоке остается совершенно неясным вплоть до XIX в. Тем не менее археологические остатки на поверхности земли свидетельствуют о том, что земли эти были плотно заселены с давних пор, однако этапы заселения еще очень плохо изучены, очень плохо датированы и никак не связаны с этнонимами и перемещениями народов, о которых сообщают устная традиция и письменные тексты. Тем не менее можно предположить постепенное, происходившее в течение веков обновление населения за счет мигрантов, шедших главным образом с востока (арабов или называемых арабами), которые оседали рядом с прежним населением, смешивались с ним или же оттесняли его в другие районы.

Вадаи. Лежащее на крайнем востоке региона плато Вадаи, возможно, какое-то время было центром образования государства этнической группы джадо. К XVI в. их сменили тунджурцы, которые пришли из Дарфура. Эти государства не были мусульманскими.

Султанат Вадаи, правящая династия которого сохранилась вплоть до колонизации, появился в первой половине XVII в. Его основание традиция приписывает пришедшему с востока человеку по имени Абд ал-Карим, о котором рассказывают то как о миролюбивом проповеднике, постепенно обращавшем население в ислам, то как о восставшем сановнике тунджурского правителя, собиравшем сторонников под знаменем ислама. Так или иначе, он первым стал возводить здесь мечети и был первым мусульманским правителем. До Сабуна, первого известного султана, правление которого датируется приблизительно 1800 г., сменилось, вероятно, семь правителей. Вадаи как будто было данником Дарфура, а затем взяло верх, полностью освободившись после побед, одержанных шестым по счету (около 1760 г.) султаном Джодой. Этот правитель якобы подчинил также часть Канема, отняв ее у Борну, и вел войны с язычниками юга. Вадаи ввозило с востока слоновую кость и рабов. Тогда оно еще не было начальным пунктом прямого транссахарского пути; его столица находилась в Барре.

Багирми. Мы уже отметили существование по крайней мере с XVII в. около оз. Фитри государства булала с центром в Яо. В XVIII в. оно как будто нередко оказывалось под контролем соседних государств. Устные предания дают разноречивые сведения о возникновении в XVI в. этого государства и его правящей династии. Говорят, что ислам появился там в первой трети XVII в. Это скромное по размерам государство, расположенное в среднем течении р. Шари, несмотря на давление Борну и Вадаи в XVII—XVIII вв., установило свою власть над языческими народами юга, а рабы, которых оно оттуда получало, обеспечивали ему выгодную

торговлю. Едва ли ислам укоренился там по-настоящему. Так же как и в Вадаи (и, как мы уже показали, в Борну), правитель здесь обожествлялся.

Глава 9

ЗАПАДНАЯ ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА

Географические рамки. Центральная Экваториальная и Центральная Западная Африка представляет собой обширную зону, довольно разнородную в географическом и этническом отношении. Она охватывает часть Нигерии восточнее р. Бенуэ; Камерун; южную часть Республики Чад и Центральноафриканскую Республику, выходя на западную границу Южного Судана; северо-восточную часть Заира; Республику Конго вплоть до южной кромки леса; Габон и Экваториальную Гвинею. Пожалуй, это самая неблагоприятная для историка часть Африки: здесь «классические» методы исследования практически неприменимы. Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные тексты, восходящие к периоду не ранее конца XV в., дают информацию лишь о некоторых точках на узкой и непроходимой береговой полосе; археологические изыскания здесь едва начались, если не считать непосредственных подступов к оз. Чад. Слово поэтому принадлежит специалистам смежных дисциплин — этнографии и лингвистики, но их вклад остается фрагментарным и часто ограничивается гипотезами; впрочем, и он затрагивает лишь отдельные этносы.

К северу, югу и западу лежит зона государственных объединений, больших государств, где историческая традиция, функционально включенная в политическую систему, хорошо сохраняется и отражает ранние периоды. Напротив, в рассматриваемом регионе редко встречаются общества, организация которых поднимается над уровнем локальной деревни. Это общинно-родовые, реже потестарные структуры. Устная традиция слаба здесь и как результат разрушительных последствий работорговли.

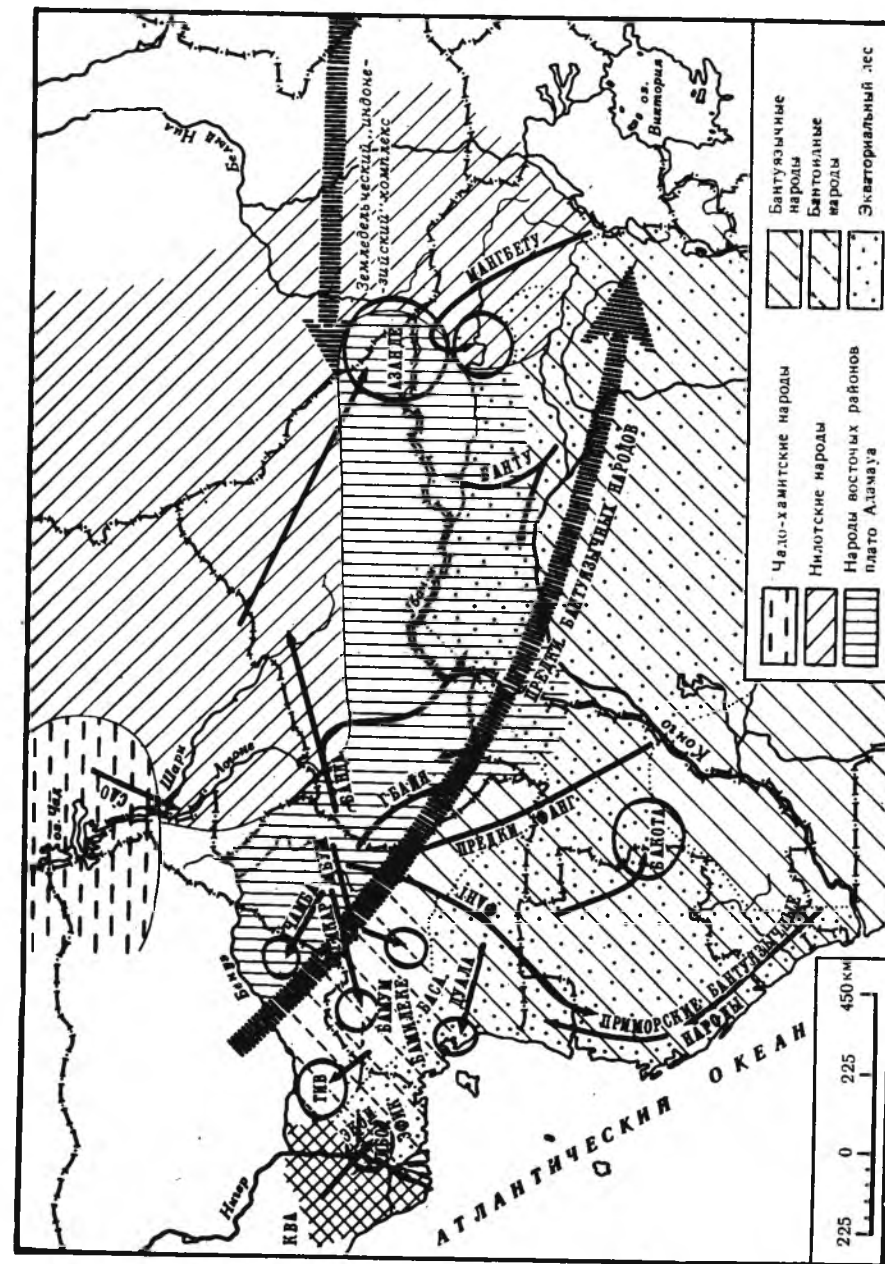
Для географической среды здесь характерны огромный лесной массив, который тянется вдоль побережья, проникая вглубь на 150 км у устья Нигера и более чем на 1 тыс. км у экватора, и открытая саванна, граничащая на востоке с нильскими болотами. Крупных орографических нарушений мало, за исключением прибрежного вала и вулканической цепи, которая тянется из глубины залива Биафра до Чадской котловины. В рельефе преобладает довольно однообразное обширное плато, воду с которого выводят бассейны рек Нигера, Бенуэ, Логоне, Конго, Нила и прибрежных рек — Санага, Ньонг, Вури, Нтем, Огове. Лес представляет собой своего рода убежище, где передвижение затруднено; эта растительная масса, которая поглощает человеческие группы, даже как будто растворяет их. Саванна же, напротив, светлая, удобная для жизни среда, пригодная для перемещений, миграций, но в то же время и для столкновений с последующим этническим смешением,

дроблением и т. п. Как в саванне, так и в лесу мы имеем дело главным образом с раздробленными этническими группами, отнесенными на окраины государственных образований.

Население. Культурной антропологии не удалось дать историку удовлетворительной картины этнической ситуации региона. Это ясно показали попытки обобщающих работ. Так, Г. Бауманн и Д. Вестерман, разделив его на пять зон различной культуры — область пигмеев, Северное Конго, Восточный Судан, Центральный Судан, область бантоидных народов, — тут же признали, что это деление является весьма условным⁵⁸. Авторы подчеркивали сложность местных условий и смешение в них различных этнических влияний. Тем не менее на этом неопределенном фоне они выделили здесь следующие «культурные круги»: палеосредиземноморский, палеонигритский, неосуданский, северный и южный западно-африканский, скотоводческий хамитский и культуру охотников степей и пигмеев.

Мэрдок, чью «культурную историю» Африки часто связывают с теорией «культурных кругов» (которую он сам не принимает), помещает самую обширную часть рассматриваемого региона в «пояс ямса», на который, по его мнению, оказывал влияние «индонезийский культурный импульс». Согласно этой гипотезе, некий азиатский земледельческий комплекс, основанный на возделывании ямса, кормового банана и таро, появился на восточном побережье в конце I тысячелетия до н. э. и распространился вплоть до Гвинейского побережья, вдоль северной оконечности леса; это позволило народам банту около 500 г. н. э. проникнуть в камерунский лес в южном и юго-восточном направлении. Мэрдок различает в исследуемом регионе шесть этнолингвистических групп: *центральную нигритскую группу* (подгруппы сара, мади, мангбету); *восточную нигритскую* (подгруппы плато Адамауа — мбум, дуру, фали и т. д. и экваториальная — от вуте до азанде, включая гбайя); *горную камерунскую* (бамилеке, бафия, тикар, бамум, банем, видекум); *южную нигерийскую* (бантоидные подгруппы — экои, эфик-ибибно, яко, аньянг, идома и центральная подгруппа — игбо, иджо, итсерики); *группу северо-западных банту* (подгруппы северная — дуала, баса, буби, нгумба, секе, квеле и т. д. и южная — адума, мпонгве, тсхо, теке и т. д.); *экваториальных банту* (дзем, фанг, кака, ко-та, нгола и т. д.).

Гипотеза Мэрдока неплохо согласуется с последними лингвистическими и этнографическими данными. Тем не менее она противоречит значительной части устных преданий (за которыми Мэрдок, впрочем, отрицает всякое значение в качестве источников) и не проясняет вопроса о том, каким образом индонезийский земледельческий комплекс пересек Африканский континент. Общий поток миграции, который объяснил бы его появление, действительно проходит от гор Западного Камеруна до Индийского океана через лесную область. Но кто же именно перенес банан, ямс и таро от Индийского океана до Камеруна? Только не индонезийцы, которые, по-видимому, покинули побережье лишь в поисках пристани-

Центральная Экваториальная и Центральная Западная Африка

ща на Мадагаскаре в V в. н. э. В этом случае пришлось бы предположить первоначальное переселение в саванну земледельцев сельскохозяйственного комплекса, образовавшегося в излучине Нигера и основанного на просе. Мэрдок датирует распространение к востоку этого комплекса IV тысячелетием до н. э. Таким образом, в саваннах Центральной Африки к моменту внедрения там азиатского земледельческого комплекса должны были жить земледельцы, выращивающие просо. Но почему же тогда названные культуры не могли проникнуть в лесную область из Западной Африки?

Херскович проявил больше осторожности, нанеся на карту большой прямоугольник, который покрывает исследуемый регион от Чада до Нила, назвав его «культурным ареалом Восточного Судана» и охарактеризовав этот ареал «остаточным как с исторической, так и с географической точки зрения». По его мнению, населяющие этот ареал народы много заимствовали у своих соседей — скотоводов Восточной Африки, у народов конголезского ареала, прибрежного ареала Гвинеи, западносуданского ареала. Вследствие этого местные культуры оказались «слишком разнообразными, чтобы можно было делать обобщенные описания для ареала в целом».

Лингвистические данные. К счастью, последние лингвистические работы позволяют составить несколько более точное представление о ранних передвижениях населения. Не стоит, правда, преувеличивать роль таких уточнений, поскольку по столь важным вопросам, как генезис языков банту, среди специалистов все еще существуют резкие разногласия. Та классификация, которая обычно принимается в настоящее время (с частичными оговорками), была предложена Дж. Гринбергом, сумевшим научно обосновать положения, которые более или менее интуитивно предчувствовали М. Делафосс и Д. Вестерман. Три из выделенных Гринбергом «семей» представлены в Экваториальной и Западной Африке.

Первая из них — афро-азиатская (семито-хамитская, по терминологии европейских школ) с чадской подсемьей (у Вестермана чадо-хамитской), самым известным языком которой является хауса⁵⁹. На языках этой подсемьи говорят в горах Северного Камеруна (матакам, мандара, фали, марги) и в низовьях р. Логоне (котоко). Ее первоначальный очаг располагался, вероятно, северо-западнее, где-то в сахельской зоне Республики Нигер.

Затем следует шари-нильская подсемья нило-сахарской семьи, занимающая южную и центральную часть Республики Чад (группы сара и багирми), восточную часть Центральноафриканской Республики (крейш, гула, байя), северо-восточную часть Заира (мангбету, лугбара, медже, макаре, лесе и т. д.) и Судан вплоть до Нила. Ее распространение, по-видимому, произошло из очага, расположенного к северо-востоку от этой зоны, возможно, в Нубии, причем один поток шел на запад (канури, теда-даза, канембу и т. д.), а другой на юг — к Междоузью⁶⁰.

Наконец, нигеро-кордофанская семья (у европейских авторов это негро-африканская, нигритская или судано-бантуская семья) — самая значительная из всех — представлена своей нигеро-конголезской подсемьей, отделенной от кордофанского клина вкраплениями нило-сахарской и афро-азиатской семей. Группа ква из нигеро-конголезской подсемьи выходит на левый берег Нижнего Нигера языком игбо.

Для нас наиболее важными являются подсемьи восточных районов плато Адамауа (восточнонигритская) и бенуэ-конголезская (полубанту, или бантоидная, и банту). Наиболее характерна для рассматриваемого региона первая из них. Она простирается от нигерийско-камерунской границы (чамба, кутин, фали и т. д.) до судано-заирской границы (азанде), проникая клином в область нилотских языков. Ее очаг мог бы располагаться либо на плато Адамауа, либо, вероятно, несколько западнее, на среднем течении р. Бенуэ или на плато Баучи. Очаг бенуэ-конголезской подсемьи, по-видимому, находился в современном Западном Камеруне, на плоскогорьях травянистых саванн, у кромки леса. В эту подсемью входят, по-видимому, языки банту в собственном смысле, распространенные к юго-востоку от г. Камерун, и бантоидные языки травянистых саванн (бамилеке, бамум), «Масляных рек» (эфик-иббио, экои) и низовьев р. Бенуэ.

В отношении языков банту возникает одна проблема. Глоттохронология свидетельствует, что дифференциация различных языков этой группы произошла недавно: она началась, вероятно, во второй половине I тысячелетия н. э. Но Гасри помещает очаг распространения этих языков к югу от Междоузья, на границе Заира и Замбии. По его мнению, предки бантуязычных народов пришли по водному пути из Чадской котловины в район оз. Мверо, а оттуда они распространились в разных направлениях и достигли Атлантического океана в XIV в. Другая их группа спустилась вниз по долине р. Бенуэ и положила начало племенам тив, экои, бамилеке и другим современным бантоидным группам⁶¹.

Распределение этнолингвистических групп, а также (хотя и в меньшей степени) некоторых черт культуры дает нам весьма неясную картину миграционных потоков. Некоторые археологические стоянки, некоторые данные преданий позволяют в известной мере дополнить ее. Эта картина, неопределенная, когда речь идет о происхождении и направлениях этих передвижений, становится еще более неясной, когда речь идет об определении их вероятных причин. Эти причины, как кажется, часто следует искать за пределами исследуемого региона: к ним относится изобретение или восприятие выплавки железа, а также «суданских» и «азиатского» земледельческих комплексов, обусловленное воздействием народов и государств, расположенных более или менее по соседству (от Бенина, Нупе и Вадаи до Египта и Европы). Установление или разрыв торговых связей с португальцами, династический кризис в Борну, начало священной войны — *джихада* — в Гобире и множество других событий могли иметь отголосок на большом рас-

стоянии. Но даже если бы нам были известны все эти события, то и тогда в отношении рассматриваемого здесь региона многое по-прежнему оставалось бы в области предположений.

Пигмеи: реликтовая группа. Пигмеи представляют, по-видимому, самый древний пласт среди населения этого района. Исторические предания, собранные у их негроидных соседей, называют их первопоселенцами. В некоторых космогонических преданиях (например, у племени митсого в Габоне) они предстают первыми людьми, присутствовавшими при создании мира, которые часто несут ответственность (из-за беспечности и особенно из-за чревоугодия) за «первородный грех», за нарушение какого-то запрета, которое поколебало миропорядок, что и оправдывает их нынешнее зависимое положение.

Здесь известны две группы: на северо-востоке пигмеи итури⁶², на западе — пигмеи Южного Камеруна, Габона и пограничных районов между Центральноафриканской Республикой и Республикой Конго. Обе эти группы обитают в лесах, но их небольшие коллективы остались жить в саванне, в областях Занде и Тикар. Их материальная культура очень близка, но языки у них разные: это, как кажется, языки банту, нилотские или языки восточных районов плато Адамауа, но не обязательно те, на которых говорят их непосредственные соседи. В Южном Камеруне, например, байеле говорят на языке басаа; бибайя, смешанные с булу и мекаа, — на гбайя. Факты подобного рода свидетельствуют, очевидно, о прошлых контактах с племенами, которые в наше время живут более или менее далеко. Помимо того, недавние работы выявляют сходство, существующее между названиями растений, которыми пользуются пигмеи итури и пигмеи пограничной области между Центральноафриканской Республикой и Камеруном. Этот факт, сопоставленный со сходством этнонимов (акка в стране азанде, бака — в долине р. Сангха, бекоэ в стране Булу и фанг), по-видимому, подтверждает гипотезу о первоначальной языковой общности. Однако на современном этапе исследований речь может идти всего лишь о гипотезе.

Еще более гипотетичным выглядит приписывание пигмеям каменных орудий культуры санго, открытых в долине Нижнего Конго. Самое большее, что можно утверждать уверенно, это то, что пигмеи, по-видимому, никогда не были знакомы с выплавкой металла.

Негроидные группы: происхождение и миграции. Что касается других народов, то, прежде чем перейти к составлению сводной картины для всего региона, следует — для удобства изложения — рассмотреть одну за другой лингвистические группы. При этом выявляется, что, по-видимому, существует различие между группами, которые называют себя коренными жителями или говорят, что происходят из района, расположенного неподалеку от нынешней зоны их расселения, и группами, которые, как кажется, пришли издалека. Здесь следует особо подчеркнуть слова «как кажется», ибо данные устной традиции, как мы знаем,

ненадежны. Действительно, может оказаться, что социальная структура группы попросту не обязательно требует глубокой исторической памяти или что недавние перемены стерли устную традицию. В то же время можно встретиться с недавней псевдотрадицией с социально-психологической или даже националистической мотивацией. Случается даже так, что эта псевдотрадиция оказалась попросту заимствованной из работ современных этнографов или слишком наивных путешественников с пылким воображением.

Группа ква: игбо. Группа ква представлена на западной окраине региона населением игбо Восточной Нигерии. Данные глоттохронологии показывают, что дифференциация между их языком и языками их соседей с другого берега Нигера произошла до наступления нашей эры. Их социально-политическая организация неразвита и слегка напоминает существующую у фанг: надобщинные структуры у них представлены тайными обществами. Тем не менее город Онича был городом-государством, в организации которого проявились явные следы влияния эдо-бини и йоруба.

У игбо не существует предания о переселениях. Организация ландшафта, высокая плотность населения подтверждают впечатление о чрезвычайно давнем его обитании, связанном, вероятно, с умением обрабатывать железо. Возможно, предки игбо имели связи с культурой Нок на плато Баучи, где железо появилось в I в. до н. э. В этом случае их проникновение в лесную зону относится, очевидно, к началу нашей эры⁶³.

В XV в. западные и южные игбо, вероятно, испытывали влияние Бенина. В начале XVI в. португальцы достигли страны игбо, которая стала важным источником рабов, вывозившихся в Америку главным образом через факторию в Бонни, к востоку от дельты Нигера. Некоторые группы игбо поэтому бежали на север, где они смешивались с игала.

Бантоидные народы: эфик-ибидио, экои, тив. Бантоидные народы (полубанту у Вестермана) занимают еще одну зону с большой плотностью населения — между Камеруном на востоке, страной игбо на западе и низовьем р. Бенуэ. У группы эфик-ибидио и экои социальная организация аналогична организации игбо, но в противоположность последним они не испытали влияния Бенина. В XVI в. они также вступили в контакт с португальцами, при этом главным пунктом работоторговли служил Калабар, в устье р. Кросс. И здесь торговля рабами, очевидно, вызвала переселение населения в глубь страны.

Тив (они же мунши у некоторых авторов) на р. Бенуэ рассказывают, что их оттеснили из гор Западного Камеруна вторгшиеся туда чамба, что, как кажется, подтверждают и предания самих чамба. На равнине они застали скотоводов-фульбе. Генеалогии, которыми нельзя пользоваться дальше шести поколений, не позволяют датировать это переселение, которое относится некоторыми авторами к началу XIX в. Эту датировку следует, очевидно, рассматривать как слишком позднюю, поскольку расцвет могущества чамба относится к XVIII в., до образования халифата Сокото и

консолидации государства Бамум. Экспансия тив и фанг, как кажется, была относительно быстрой и непрерывной. Восточные тив испытали определенное влияние джукун и, в частности, заимствовали у них часть титулатуры.

Бантуидные народы: тикар, бамилеке, бамум, вуте. Народы, населяющие ныне возвышенности к северу от горного массива Камерун, имеют более полные предания, что соответствует гораздо более централизованной политической организации, которая колеблется от общинно-родовых структур до протогосударства с обожествленным царем. Существование тайных обществ у бамилеке и у бамум напоминают культуру игбо и экои, но потестарная организация, в частности власть обожествляемого правителя, скорее ближе к джукун и нупе Нигерии, а в более общем плане — к государствам «нео-суданского» типа Г. Бауманна («африканский деспотизм» у Мэрдока).

Группы тикар, бамум и бамилеке образуют комплекс, который одновременно является весьма разнородным в лингвистическом отношении и довольно однородным в плане культурном и историческом. Если сегодня тикар находятся в зависимости одновременно по отношению к бамум и бамилеке Западного Камеруна и к фульбе с плато Адамауа (или даже ассимилированы ими), то вполне вероятно, что именно они способствовали некогда сложению этих протогосударств, чьи вожди, как кажется, обычно были тикарского происхождения.

Тикар появились здесь, по-видимому, между XV и XVII вв., придя с северо-востока, т. е. с плато Адамауа, возможно, под натиском мбум, которые имеют сходную с ними социальную организацию. Создается впечатление, что они способствовали социальной эволюции покоренного населения, язык которых они, возможно, переняли. Действительно, мбум и чамба, у которых существуют общие с тикар предания о происхождении и очевидные черты культурного сходства, говорят на языке подсемьи восточных районов плато Адамауа, а не на языке подсемьи бенуэ-конго.

Государство Бамум в Фумбане по преданиям основал в конце XVII в. Нахаре, воин тикарского происхождения, пришедший с северо-востока. Своим могуществом это государство, которое прежде ничем не выделялось среди соседних племенных объединений бамилеке и с которыми оно, очевидно, часто воевало, было якобы обьязано одиннадцатому правителю — фону Мбвембе (конец XVIII в.), который изгнал бамилеке. В 1800 г. он потерпел значительное поражение от фульбе из Баньо, после чего укрепил Фумбан и создал конницу, что и позволило ему далее успешно воевать с фульбе.

В племенных объединениях бамилеке, самые древние из которых также, вероятно, восходят к XVII в., влияние ближнего (тикар) или дальнего (джукун) севера выражено менее ярко. Очень сильная языковая разнородность, сложность миграционных потоков создают впечатление, что вначале здесь обитали этнические группы, искавшие убежище. Впоследствии же они были подчинены

немногочисленными воинственными завоевателями, в данном случае тикар и, возможно, чамба и мбум.

У вуте (или бабуте), которые в культурном отношении родственны тикар и мбум, существует предание о переселении с севера на юг, датируемом XVII в. С XVIII в. их история становилась все более тесно связанной с фульбе, с которыми они объединились, чтобы противостоять набегам чамба, прекратившимся в начале XIX в., после джихада Османа дан Фодио и походов Адаму в Фумбину (плато Адамауа).

Бантуязычные народы. Граница расселения этих народов проходит у подножия плато Бамилеке, поднимаясь на южные отроги горных массивов Маненгумба и Камерун и выходя к морю у бухты Мановари, восточнее страны экои. От нее до пустыни Калахари и почти до мыса Доброй Надежды простирается огромная область бантуязычных народов, чья бесспорная однородность в целом часто приводила к недооценке разнообразия отдельных групп. Вот почему представляется важным изучение непосредственно на месте миграций с северо-запада, предпринятое Гасри. В результате было выделено (помимо коренного или почти коренного населения) три крупных миграционных потока, шедших соответственно с юга, с юго-востока и с северо-востока.

Матрилинейные банту Габона, вероятно, двигались к северу с низовьев р. Конго начиная с XIV в. (самое раннее с XIII в.), возможно, под натиском баконго, с которыми они обнаруживают черты языкового и культурного родства. Соре и Уокер⁶⁴ считают, что мпонгве прибыли на побережье Габона после 1300 г.; за ними около 1400 г. последовали секе (или секьяни) и бенга, в XVI в. — оканде-митсого. Во всех преданиях содержится упоминание о том, что страна до этого была занята пигмеями.

К северу от Нтемы современный Камерун был якобы занят патрилинейными банту: на внутреннем плато и в низовьях р. Санага поселились басаа-бакоко, банен, бафия, ямба, у подножия г. Камерун и в бухточках р. Вури — мбо и лунду. Возможно, что до прихода тикар плато были заняты населением, родственным этим группам, в частности банен и бафия, которые, как считают, составили этническую основу будущих бамилеке.

Как бы то ни было, в конце XV в. португальцы застали устье «Реки креветок» занятым «амбуазами», или «амбози», которых отождествляют либо с басаа, либо с мбо (или амбо). С точки зрения лингвистики идентификация с амбо более правдоподобна, однако предания определенно утверждают, что к моменту прихода дуала, около 1600 г., устье реки занимали именно басаа.

Эти дуала, чей первый вождь Мулобе (1670) (упоминавшийся в европейском источнике и идентифицированный) был четвертым по счету после их появления в стране басаа, пришли с юго-востока. Они говорят об общем происхождении с бакота из Габона и Республики Конго, оттесненных к югу от р. Огове в XVIII—XIX вв. Их язык сравнивают с языком баконго и «бангала» долины р. Конго. Помимо того, конабембе из низовьев р. Нгоко (гра-

ница между Камеруном и Республикой Конго) обычно рассматриваются в качестве последней волны миграции дуала к морю. Мы вновь видим подтверждение упомянутой выше гипотезы Гасри, и здесь можно провести сопоставление с преданиями, согласно которым предки фанг пришли из той же самой области по долине р. Санга; эти предания весьма неопределенны, но более или менее подкреплены лингвистическими сопоставлениями между языками фанг и теке. Это гипотетическое переселение якобы произошло в XIV и XV вв. и привело предков фанг на плато Адамауа, где они вошли в контакт с мбум и вуте, что, возможно, и было причиной их дальнейшей миграции. С конца XVII в. фанг отправляются в путь на юго-запад, оттесняя к западу и востоку группу нгумба-макаа-джем и к югу и юго-востоку — баквеле и бакота из Габона. Это движение достигло своего максимального размаха в XIX в.

Народы восточных районов плато Адамауа: протогосударства и догосударственные структуры. Народы, говорящие на восточных нигритских языках (подсемья восточных районов плато Адамауа), в сравнительно недавнее время были, очевидно, вовлечены в миграционные потоки, расхившиеся из очага, расположенного, вероятно, на нынешней нигерийско-камерунской границе. Горный хребет, проходящий вдоль этой границы, населяет в основном — кроме его северной и южной оконечностей — целая мозаика племен, которых фульбе называют *кирди*, т. е. «язычники», и переселения которых были, по-видимому, небольшого размаха: они уходили с равнин в горы, спасаясь от набегов соседей, уже создавших государства и протогосударства. Так же обстоит дело и с кирди, говорящими на чадо-хамитских языках и живущими дальше к северу; их история вписывается в ту же самую схему.

Камерунское плато населено племенами, политическая организация которых была более сложной, что, по-видимому, лишний раз свидетельствует о «нео-суданском» влиянии, четкие следы которого сохраняются за мусульманским фасадом нынешних ламидатов фульбе. Чамба и мбум, до сих пор живущие на восточной окраине плато, очевидно, продвинулись к западу в XVI в. или несколько раньше, в той же волне, что тикар и вуте. Чамба, обосновавшиеся на границах страны джукун и державы Борну и, очевидно, заимствовавшие у Борну конницу, создали в XVIII в. воинственные объединения, чьи набег достигали долины р. Санга. Вероятно, что их, а не фульбе следует отождествлять с «красными людьми» и с «четвероногими великанами», о которых упоминают предания фанг. Сами чамба подвергались нападениям джукун и канури и были в конце концов разгромлены фульбе после образования державы Сокото. У мбун, как кажется, никогда не было значительной конницы (хотя на плато лошадей начали использовать довольно рано). Они, должно быть, вступили в соприкосновение с фульбе в XVII в., образовав вначале единый хозяйственный комплекс земледельцев и скотоводов; но затем этим последним в XVIII в. удалось навязать земледельцам свое господство.

Восточнонигритские группы долины р. Логоне уже с давних

пор смешались со своими соседями, говорящими на чадо-хамитских и нилотских языках, от которых они мало чем отличаются в культурном отношении. Невозможно определить, к какой из этих трех групп имеют отношение знаменитые сао, изучением преданий и археологией которых занимались экспедиции, возглавляемые Ж.-П. Лебёфом. Если, как утверждают котоко, они действительно являлись их предками, тогда речь должна была бы идти о представителях чадо-хамитской группы, родственных, следовательно, канури и канембу. Обосновавшись начиная с VII в. к северо-востоку от оз. Чад, они, по мнению Лебёфа, достигли расцвета своего могущества в X в. Начиная с XIII в. канури оттеснили их к югу, окончательно подавив их в конце XVI в. Тогда сао рассеялись между оз. Чад и долиной р. Бенуэ, смешавшись с местными группами. С XVI по XVIII в., находясь часто во враждебных отношениях с Багирми, Борну установило свое господство над образованиями котоко, история которых, таким образом, относится скорее к истории государственных объединений в предсахарских степях.

Государство Мандара имеет аналогичную историю и также ведет свое происхождение от сао. Его правителям, принявшим ислам в конце XVII в., почти всегда удавалось благодаря гористому характеру страны давать отпор притязаниям Борну и, напротив, оказывать влияние на языческие племена, живущие в предгорьях.

Народы восточных районов плато Адамауа: миграции на восток. Главные миграции народов, говорящих на языках восточных районов плато Адамауа, шли с запада на восток, вдаваясь клином между областями распространения языков банту и нилотских языков и проникая в лесную зону по ту сторону р. Убанги вплоть до долины р. Конго. Расселение племенных групп происходило с запада на восток, они часто смешивались друг с другом. За исключением крайней восточной оконечности этой зоны, предания о происхождении малосодержательны для историка, сообщая в основном о войнах, стихийных бедствиях и т. п. В этом отношении типичны банда, состоящие из изолированных друг от друга групп, распыленных от Бозума до суданской границы и от границы Республики Чад до Республики Конго. Гбайя разбросаны в меньшей степени, но тем не менее и они растянулись от плато Адамауа до района Банги, смешавшись на западе с бантоидными кака в Камеруне (возможно, родственными вуте). Создается впечатление, что, переместившись к востоку в неизвестное нам, но относительно недавнее время, они снова отошли к западу в XVIII в. в результате экспансии азанде-нзакара. В свою очередь, они сами оттеснили в лес за р. Убанги племена нгбанди, бонго и частично банда.

Крайний Восток: смешение и контакты. О положении на крайнем востоке региона известно немного лучше благодаря преданиям, сохранившимся в государствах с более развитой социальной структурой. Как кажется, для этой области можно предположить существование ранее XVI в. миграционного потока, проходившего с севера (нилотского); еще одного потока, шедшего в ту же самую эпоху с юга (банту?) и агивавшего с востока лесной массив Иту-

ри; затем первой «суданской» волны (народов восточных районов плато Адамау). Их смешение как будто положило начало племенн маке и, возможно, нгбвака. В более позднее время другая волна народов восточных районов плато Адамау пришла с севера в верховья р. Мбому (абарамбо, азанде, амбому, может быть, банда?); одновременно волна бантуязычных народов спускалась вниз по р. Конго, а затем снова поднималась на север вплоть до р. Уэле (абабуа, мобати, каканго). В то же время мангбету — нилоты, оттесненные к северу наступлением бантуязычных групп (?), создали государство в верховьях р. Уэле (XVI—XVII вв.). Наконец, на исходе XVII в. азанде-авунгара, придя с северо-запада, навязали свою более развитую политическую организацию мбому и создали нечто вроде конфедерации, которая в конце XVIII в. вела экспансию к югу, востоку и западу, ассимилируя или ставя в зависимость побежденные народы и оттесняя мангбету на юг. В начале XIX в. они завязали регулярные торговые отношения с арабскими работорговцами, которые позднее донесут до Европы весть о «кровавожадных ньям-ньям».

Нило-сахарские народы. Относительно населения, говорящего на нилотских языках, которое обычно (и неточно) называют сара, у нас нет никаких исторических сведений. Глоттохронология определяет период по крайней мере в три тысячелетия после отделения от населения долины Нила, родственного им в языковом отношении. Археология свидетельствует об устойчивости населения, в преданиях сообщается лишь о незначительных перемещениях в общем направлении с севера на юг. Северные сара поддерживали отношения с сао; возможно, что общая миграционная тенденция к югу объясняется (прямо или косвенно) экспансией Борну в XIII—XVI вв., рассеявшей сао. Государство Багирми, население которого было очень близко в языковом отношении к сара, должно быть, представляло еще более серьезную угрозу: известно, что в XIX в. оно захватывало рабов в стране сара. Продвижение сара в южном направлении было, вероятно, приостановлено переселением на восток гбайя и банда (и, возможно, предков азанде), которое даже в некоторой степени оттеснило сара к северу.

Торговля черными невольниками, выгодная принявшим ислам государствам севера (которые перепродавали рабов в Северную Африку), восходит по крайней мере к XVII в. Именно этим иногда объясняют встречающиеся у женщин области р. Шари своеобразные «губные вставки», которые уродовали губы и лишали женщин торговой стоимости.

Глава 10

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЮЖНЫХ САВАНН

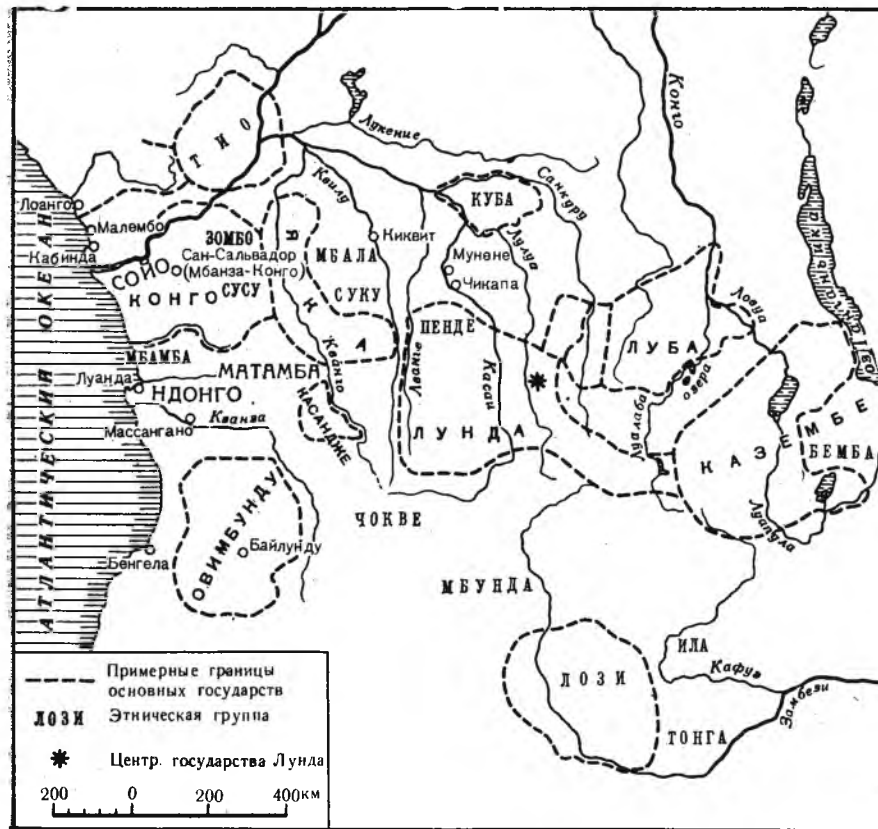
В сравнительно изолированных от остальной Африки (кроме их южных и юго-восточных областей) саваннах к югу от зоны экваториальных лесов возникли самобытные цивилизации, которые в

течение столетий испытывали взаимное влияние, приобретая в результате общие признаки, позволяющие рассматривать их как единое историческое целое. Эти цивилизации возникли на местной основе, созданной охотниками-собираателями позднекаменного века. Но сформировались они как следствие нескольких причин: проникновения через Восточную Африку навыков возделывания зерновых культур; появления «индонезийского сельскохозяйственного комплекса», который проник в эту область, согласно Л. Фробениусу, по долине р. Замбези; прихода народов, говорящих на языках банту; и, наконец, появления металлургии железа.

Первой известной культурой железного века была культура ямочной керамики. В первой половине I тысячелетия н. э. железо проникло из Междоурья в Замбию и в Заир, где эта керамика была обнаружена в Чикапа. Раскопки в Санге (Заир) показали, что около 800 г. р. Луалаба протекала через область с плотным населением, которое выращивало злаковые культуры, занималось рыболовством, создало общество с развитой социальной стратификацией и предгосударственной организацией. Это население изготовляло керамику с наклепным орнаментом, а металлургия железа достигла необычайно высокого технического уровня. Кроме железа добывали также медь. Были выявлены три различные местные культуры; все они поддерживали контакт с побережьем Индийского океана. Эти культуры сменила культура Катото, которая, очевидно, непосредственно предшествует первым государствам балуба. В западной части региона появление железа датируется 400 г. н. э., а самая первая изготовленная здесь керамика пока не обнаружена нигде в других местах. В образовавшихся в этой прибрежной области ранних государствах бросается в глаза необыкновенное место, которое занимали в обществе кузнецы; их авторитет можно сравнить с властью царя. Возможно, появление первых племенных объединений действительно было связано здесь именно с началом обработки железа, как это утверждает традиция в Анголе.

К 1450 г. в регионе существовали два крупных культурных и политических центра: один на побережье, второй на юге Заира. Кроме того, в это же время к северу от оз. Ман-Ндомбе, в лесу, существовал третий центр. Там тоже возникали политические структуры и самобытные культурные достижения, которые оказывали влияние на все культуры, расположенные на окраине леса.

Государство Конго до 1568 г. К 1500 г. к северу и к югу от низовьев р. Конго существовало три процветающих мощных государства. Это были Брама, или Лоанго, государство великого Макоко, где жили тию (батеке), и Конго. Происхождение государственных структур в этой области уходит в далекое прошлое. Известно, что государство Конго было основано всего за несколько поколений до Нзинга Нкуву, которого Диогу Кан застал на престоле в 1482 г., и ему предшествовало два мелких государства: Мпангу и Мбата. Точно так же и Лоанго предшествовал ряд мелких государств; их, без сомнения, можно сравнить с государства-

Государства и народы южных саванн

ми Бунгу (Майомбе), Каконго и Нгойо, которые существовали в XVII в. Таким образом, до XV в. в этом районе уже имелись государства, а черты сходства между ними были достаточно сильны, чтобы предполагать их общее происхождение. К сожалению, в настоящий момент его невозможно ни датировать, ни локализовать.

Нет сомнения, что именно в XV в. один из сыновей вождя небольшого образования, Бунгу, отправился со своей свитой на юг и обосновался в том месте, где впоследствии было создано поселение Сан-Сальвадор. Пришельцы-баконго подчинили себе местное население амбунду, или амбвела. Вене, или Ними а Лукени, первый правитель, взял жену из рода нсаку вунда, который владел правами на землю. Он взял титул *не*, или *мани*, страны Конго. Затем были завоеваны и включены в состав государства образования Нсунди, Сою и Мбамба. Наместник Нсунди подчинил своей власти государство Мпангу, а правитель Мбаты, также член рода нсаку вунда, подчинился добровольно. После этих завоеваний

Конго простиралось от Атлантического океана до долины р. Кванго. На севере оно было ограничено р. Конго, хотя и занимало земли к северу от реки в области Луози. Затем граница следовала по возвышенностям к югу от озеровидного расширения Стенли-Пул и по р. Нселе до ее истоков. На юге границу государства образовывала р. Лодже от устья до истоков. На востоке, юго-востоке и юге другие территории признавали верховную власть Конго и время от времени посылали ему дань. На севере влияние Конго было ограничено властью правителей Лоанго и Макоко. В 1507 г. самым могущественным государством считалось Макоко, затем следовало Конго.

Политическое устройство Конго. Основной территориальной ячейкой государства являлась деревня, созданная матрилинейной родовой группой. Округ, т. е. группа деревень, управлялся вождем, назначаемым правителем или наместником провинции. Эти вожди могли быть смещены со своих постов. Их обязанностью были управление и судебные функции. Некоторые округа зависели непосредственно от правителя, другие входили в состав одной из пяти провинций: Сою, Мпемба, Мпангу, Мбата, Нсунди. Наместник провинции, назначаемый и в случае надобности смещаемый правителем, был одновременно и его советником.

Ряд титулованных должностных лиц ведал управлением царского двора и дома. Так, *мани лумбу* распоряжался царским кварталом, *мани вангу вангу* был судьей второй инстанции и т. д. После 1512 г. в эту группу сановников входил один португальский светский советник или духовник правителя, и этот последний постепенно добился тех же полномочий, что и *мани кабунга*, глава сановников.

Царская власть составляла центр этой системы. Вначале каждый человек, ведший свое происхождение от любого правителя после Вене, мог добиваться наследования. Позднее это право имели лишь потомки Аффонсу I. Но к 1700 г. их стало так много, что они образовали особую общественную группу. Правителя избирали из числа претендентов на трон выборная коллегия в составе девяти или двенадцати членов, в которой *мани кабунга* пользовался правом вето. Но на деле претенденты выдвигались в сфере военного дела, и коллегия высказывалась в пользу самого могущественного из них. Однако нечеткость наследственных правил привела к образованию группировок знати и постоянной борьбе между ними, что способствовало ослаблению страны.

Армия состояла из царской гвардии, созданной по крайней мере в XVII в. из «наемников» теке или вуму и, конечно, из рабов. Наместники также имели в своем распоряжении войско. В случае войны каждый вождь мобилизовал мужчин на своей территории, и войско выступало в поход, когда считалось, что оно уже достаточно многочисленно для выполнения поставленной задачи. Военное искусство было развито очень слабо. Бывали случаи, когда войско распадалось вследствие дезертирства, вызванного отсутствием продовольствия.

Доход государства складывался из дани, дорожной пошлины и штрафов. Сверх того правитель пользовался раковинами *нзимбу* на о-ве Луанда. Они выполняли роль денег при обмене. Но, несмотря на контроль за «эмиссией», правительство не придерживалось четкой фискальной политики, и в течение XVI и XVII вв. постоянно наблюдалась инфляция. Доходы государства шли на оплату придворных и местных провинциальных чиновников. Уплата налога или дани производилась один раз в год, одновременно с церемонией, во время которой окружные и провинциальные чиновники возобновляли присягу на верность царю и просили нового утверждения на управление своими округами и провинциями.

По сравнению с другими африканскими государствами централизация в Конго была развита сильнее, поскольку правитель мог смещать знатных лиц. Но государство слишком зависело от личности правителя. К тому же нечеткие правила наследования власти приводили к конфликтам и гражданским войнам. В Лоанго, например, наместники провинций не могли быть смещены, однако среди провинций существовала иерархия, и наследник престола управлял самой важной из них. Когда он вступал на трон, все остальные наместники поднимались на одну ступень выше. Правила наследования власти были четкими, но централизация — менее эффективной. У макоко правила наследования власти были сходными с существовавшими в Конго, но провинции были почти автономными.

Аффонсу I. Между 1482 и 1494 гг. в Конго прибыло несколько португальских экспедиций. Знатные конголезцы побывали в Португалии; отсюда в Конго приезжали миссионеры, моряки, торговцы. Правитель крестился, но вскоре, правда, отрекся от веры. Его младший сын Аффонсу, однако, остался в католической вере и окружил себя в Нсунди иностранцами. После смерти правителя борьба за престол между Аффонсу и его братом-язычником приняла вид религиозной войны. Победив в ней, Аффонсу I был возведен на престол в 1506 г. и правил вплоть до 1543 г.

Как конголезская традиция, так и европейские историки придают его правлению исключительное значение. Пободно Петру Великому в России, он сделал попытку изменить культуру своей страны. Аффонсу стремился создать в стране слой образованных людей, ввести европейскую ремесленную технику и обратить Конго в католическую веру. Его просьбы о помощи способствовали тому, что Мануэл I Португальский в 1512 г. составил полный план культурных преобразований в Конго. Предполагалось провести перестройку двора по португальскому образцу, принять новый свод законов, который Мануэл незадолго до этого ввел в Португалии, и организовать миссионерскую деятельность и систему образования. Эти проекты предлагали Аффонсу образец централизованного государства. Они вдохновили его на попытку усилить центральную власть, не принимая при этом частных изменений, феодальных титулатур и церемоний, которые вошли в обиход лишь позднее. Центральное правительство было усилено за счет обучения избран-

ных лиц, главным образом родственников правителя, и благодаря попытке создания конголезской церкви, предпринятой доном Энрике, сыном Аффонсу, епископом и наместником в Мпангу.

Но расходы на содержание советников, школьных учителей и миссионеров нужно было оплачивать. Если местные учходы покрывались за счет дополнительных налогов, то расходы за границей можно было покрыть только путем вывоза товаров: слоновой кости, небольшого количества меди и — вскоре после 1512 г. — рабов. Вплоть до 1512 г. монополия зарождавшейся работорговли на законном основании принадлежала жителям о-ва Сан-Томе. Но план португальского короля предусматривал ее передачу королям Португалии и Конго. Жители Сан-Томе занялись контрабандой и, кроме того, стали поддерживать противников правителя в самом государстве. Работорговля приняла такой размах и причинила столько бед, что в 1526 г. Аффонсу попытался запретить ее. Но было уже слишком поздно. Удалось лишь восстановить таможенный контроль. Работорговля вызвала внутренние трудности, приведя к увеличению военных действий против «мятежников» или вождей *ндембо* между реками Лодже и Кванзой и созданию многочисленных рынков рабов. После того как в Португалию были отправлены медь и несколько образцов серебра, европейцы вообразили, что Конго богато полезными ископаемыми: золотом, серебром и медью. Они настойчиво убеждали правителя, особенно после 1530 г., выдать им разрешение на разработку этих сокровищ. Но поскольку в действительности из всего этого имелась только медная руда, Аффонсу не мог удовлетворить их притязания, что существенно обострило отношения с Португалией.

Эти отношения были уже не столь хороши начиная с 1520 г., поскольку Конго старалось освободиться от португальской опеки, устанавливая связи с другими европейскими странами и пытаясь сначала купить суда, а затем установить отношения с Римом без посредничества Португалии. Но португальцы помешали всем попыткам Аффонсу установить непосредственную связь с Ватиканом.

Итог правления Аффонсу был довольно неутешительным. Развязанная в его время работорговля в конце концов разрушила государство Конго. После 1665 г. произошло крушение централизованного государства, работорговля же прекратилась лишь к 1880 г.

Диогу I. Диогу взшел на престол в 1545 г. В течение своего шестнадцатилетнего правления он продолжал политику Аффонсу: укреплял централизацию государства, стремился устранить конкуренцию в работорговле со стороны жителей Сан-Томе, способствовал деятельности иезуитов. Он вел многочисленные войны. Внутри страны Диогу стремился ликвидировать привилегии европейцев, которые вмешивались во внутренние дела. Это привело к нарастающей напряженности в отношениях с церковью. Она еще больше обострилась благодаря тому обстоятельству, что Конго зависело от епископства Сан-Томе. Между правителем и католической миссией после ряда конфликтов произошел разрыв.

Поскольку историографами того времени были миссионеры,

Диогу прослыл в легенде сладострастным и капризным тираном. Ничего этого не было. После его смерти стала очевидной та опасность, которая заключалась в статусе неприкосновенности португальцев, поскольку они навязали стране угодного им правителя. Его соперник поднял народ и захватил власть, изгнав из страны часть португальцев. Когда же наконец вновь наметилось сближение обоих государств, правитель был убит племенами суква (тио?), захватившими территорию страны. В 1567 г. его преемник также пал на поле битвы во время второго вторжения суква. Между тем в стране разразились мятежи. Следующий правитель, Алвару I, усмирил их, но в 1568 г. на страну обрушились воинственные яга. Изгнанный из столицы Алвару укрылся на одном из островов в низовье реки и призвал на помощь португальские войска. Последние вмешались в дело и после многолетних боев изгнали яга. В 1575 г. Конго было освобождено, но могущество его было уже подорвано.

Южные районы Заира в XVI в. До 1500 г. территория между оз. Танганьика и верховьями р. Касаи представляла собой настоящую мозаику мелких общинно-родовых структур. Наиболее развитые из них находились близ озер бассейна р. Луалабы и между Луалабой и оз. Танганьика. В течение уже по крайней мере века эта область, которую населяли балуба и балунда, была очагом переселений на юго-восток. Предания малави⁶⁵ и народов Восточной Замбии сохранили воспоминания об этом, а археология подтверждает конголезские влияния, по крайней мере около 1500 г. Мигранты основывали самостоятельные образования. В XVI в. на территории нынешней провинции Шаба возникли два крупных государства: Луба и Лунда. Кроме того, началось крупное переселение на запад, продолжавшееся до 1800 г., в то время как миграция в юго-восточном направлении привела теперь группы бемба и биса. Ближе к северу народы были стабильнее: сонгие уже покинули озерную область Луалабы и продвинулись вплоть до леса, основав свой города-государства. Главной загадкой всех этих миграций представляется вызвавшая их причина. Имеющиеся для юго-востока данные свидетельствуют лишь о том, что переселенцы владели более развитыми навыками обработки железа и более сложным раннеполитическим устройством. Доводы о перенаселенности в центре региона или о необходимости миграций в поисках более плодородных земель не кажутся обоснованными (по крайней мере вплоть до 1600 г.).

Основание государства Луба. Предания балуба запутанны и с трудом поддаются интерпретации. Но все они единодушны в том, что около 1500 или 1550 г. некий Конголо основал поселение вблизи Кабонго и приступил к подчинению кланов района верховьев р. Ломали. Его убил некий Калала Илунга из племенного объединения Кибава, неподалеку от оз. Танганьика. Рассказ о Конголо и о Калала Илунга стал героическим эпосом балуба, вершиной их устного творчества.

Калала подчинил себе другие кланы и отдельные владения

между р. Луалабой на востоке, озерами бассейна этой реки на юге и племенами бена калундве на западе. Нам все еще недостаточно хорошо известна организация созданного им государства, в основе которого лежали, видимо, патрилинейные родовые группы; в XVI в. часть из них, правда, была еще матрилинейной. Эти патрилинейные группы образовывали компактные коллективы в противоположность балуба провинции Касаи. Каждая общинно-родовая группа включала в свой состав клиентов и домашних рабов⁶⁶. Одна или несколько таких групп составляли деревню. Ею управлял вождь, патриарх главной родовой группы. Несколько деревень объединялись в надобщинную структуру, возглавляемую династией наследственных вождей, причем значительная часть таких структур возникла раньше, чем само государство. Килоло, или вождь надобщинного объединения, зависел непосредственно от правителя, а некоторые деревни зависели непосредственно от царского двора. Другие надобщинные структуры объединялись в провинции. Здесь правили вожди, которых назначал глава провинции с одобрения правителя. Потомственные главы провинций обычно были и «владыками земли». Некоторые такие провинции давались в кормление пожизненно, а другие лишь на четырехлетний период. Впрочем, правитель мог сместить или уничтожить любого вождя.

В своей столице, *китента*, правитель был окружен двором, состоявшим из титулованных сановников. Главные из них были *твите* — военный вождь и *инабанза* — хранитель священных реликвий. Большинство постов оставалось за близкими родственниками правителя. Назначения действовали лишь на протяжении жизни правителя, а после его смерти их должен был подтвердить его преемник, который мог заменить их своими ставленниками. Более того, назначение на должность иногда покупалось у правителя.

Царская власть основывалась на концепции *булопве*, согласно которой в крови царя содержалась особая субстанция, передаваемая мужчинами от поколения к поколению и дающая им право на власть. Булопве принадлежала исключительно родовой группе Каламы Илунги. Вследствие этого к правителю относились как к Видье — духу-герою, и все это обставлялось специальными обрядами. Безусловно, царская власть была ограничена советниками и постоянной угрозой со стороны сводных братьев правителя, поддерживаемых группой их матери.

Основание государства Лунда. Преемником Илунги Каламы стал Илунга Валвефу. Его брат Сибинда Илунга отправился искать счастье в другие места; он подчинил себе небольшое государство балунда на р. Калани и женился на его правительнице. До его прихода там существовало лишь несколько матрилинейных надобщинных образований под контролем вождя с ограниченными полномочиями. Балуба ввели ряд новых титулов и усилили власть правителя. Два преемника Сибинды Илунги подчинили себе всю территорию между реками Калани и Касаи вплоть до истоков р. Лулуа. Местные «владыки земли» — *мбай* — остались; только

правитель, или *муата ямво*, имел право смещать их. Некоторые *мбай* зависели от *силоола*, или чиновника правителя, который собирал дань и проводил в жизнь царские распоряжения. Под его началом состояли *мвуаб*, которые исполняли те же обязанности на уровне отдельных общинно-родовых групп.

В столице правитель правил с советом *чигента*. Он состоял из пятнадцати представителей вождей первопоселенцев. Они же вместе с другими сановниками, титулы которых восходят к балуба, исполняли ритуальные обязанности. Кроме них в совет входили представители от вождей зависимых общин. Участие совета в принятии правителем политических решений было больше, нежели это имело место в Конго или в Луба. В государстве Лунда существовал обычай, согласно которому преемник правителя наследовал и его имя, и его жен, и его родственников и т. д. Поэтому узы родства, существовавшие между двумя любимыми вождями, всегда оставались такими, какими они были в прежние времена: если они были братья, все их преемники оставались братьями. А так как система родства учитывала обе линии, а предпочтительные браки постоянно соединяли друг с другом знатные родовые группы, узы близкого родства можно было обнаружить между всеми важными сановниками государства. Такая система была значительно более действенной, нежели у балуба, у которых общество не допускало ассимиляции побежденных вождей или «владык земель» и таким образом не укрепляло родственные связи между вождями. Это способствовало тому, что балунда в отличие от балуба создали крупное государственное образование.

Миграции на запад. Начиная с 1568 г. Конго стало подвергаться вторжениям племен яга, которые шли со стороны р. Кванго. Одна многочисленная группа яга, изгнанная из Конго около 1575 г., отступила на север и уничтожила государство Бунгу в Майомбе. На востоке вожди яга основали первые надобщинные структуры в верховьях р. Кванго. Однако большое число яга отошло в Анголу, где их присутствие отмечается с 1591 г. Они подчинили себе овимбунду, а по долине р. Кванзы просочились в Матамбу; часть из них основала государство хумбе ближе к Южной Анголе. Наконец, имбангала из Касанги основали около 1620 г. государство Касанга между реками Кванго и Луи. Известно, что все эти образования в этническом отношении представляли собой сплав между коренным населением Ндонго, группами кочующих яга и мигрантами из Лунды.

Характерные черты цивилизации балуба и балунда. Политическая сила государств этой зоны была, безусловно, связана с их довольно развитой экономикой, в частности с усовершенствованными навыками обработки металлов. Начиная по крайней мере с 900 г. н. э. начались добыча и даже вывоз меди. Разрабатывались также соляные копи на севере провинции Шаба. В то же время следует отметить, что земледелие у значительной части этих племен было развито слабо. Балунда, чокве и некоторые другие группы, подобно ломотва в Катанге, были прежде всего охотниками и не прояв-

ляли никакого интереса к возделыванию сельскохозяйственных культур.

Верования балуба были основаны на культе героев-предков, связанных с вождями и с землей. С предками поддерживали связь с помощью посредников-колдунов. Кроме того, балуба верили в потустороннюю силу по имени Калунга. Всем злом люди были обязаны действию колдунов и заклинателей. В основании этой идеи лежала сложная система символов, детали которой все еще остаются неизвестными. Повсюду развились и распространились обряды инициации для девушек, достигших половой зрелости, называемые *сизунгу*. Тайные общества, безусловно, процветали уже в ту эпоху. Религия балунда была аналогичной во всем, кроме того, что Калунга понимался как олицетворение слепой Судьбы; были также подробно разработаны обряды инициации *муканда* для юношей.

Балуба были известны как резчики по дереву. Такие фигурки, как *кабила* или *мбоко* — женщины, стоящие на коленях и державшие чаши, которые служили магическими предметами *булонве*, знаки достоинства в виде весел, троны вождей и т. п., без сомнения, изготовлялись для правителей и вождей. Балунда же, напротив, резьбой не занимались.

В устном творчестве отметим эпос балуба, сложившийся в XVI в., исторические предания балунда, поэзию касала и погребальные поэмы у балуба.

Ангола. Государство Ндонго между реками Кванзой и Бенго сложилось в неизвестное нам, но позднее время, возможно к 1500 г. Хотя португальцы начали посещать его с 1520 г., установление отношений с Португалией произошло только в 1557 г. после победы правителя *нгола* над Диогу I. Этой победой он, кроме прочего, был обязан помощи португальских работников с о-ва Сан-Томе. В 1560 г. в Ндонго прибыло посольство, которое сопровождал Паулу Диаш де Новаиш, остававшийся там до 1565 г. Вернувшись в Португалию, он представил план завоевания страны, добился принятия его правительством и вернулся в Африку в 1575 г. для его осуществления. Завоевание началось в 1579 г., а закончилось лишь в 1683 г., более века спустя. В течение первого периода португальцам не удалось закрепиться дальше Луанды (1576) и Масангано (1583). В 1591 г. они потерпели поражение от союза африканских племен; их осталось всего 300 человек. Тем не менее *нгола* так и не сумел отвоевать эти два города.

После 1612 г. португальцы вновь одержали верх благодаря союзу с племенами яга. В 1619 г. Ндонго было разрушено, его правитель бежал, в стране царил голод, у торговцев больше не было рабов. Ватикан даже выразил протест в связи с использованием язычников-яга против христианской страны.

В первой четверти XVII в. Конго вновь обрело некоторую силу. При Алвару I и II ему удалось установить независимые отношения с Ватиканом (1613), добиться учреждения на своей территории резиденции епископа (1596), вывести португальские войска

(1575) и воспрепятствовать возведению португальского форта в устье р. Конго. К тому же возобновились торговые отношения с Европой, и к 1600 г. торговый поток шел из Кванго (Оканго) и из Стенли-Пула через Сан-Сальвадор в Луанду и к устью реки, где голландцы незадолго до этого основали фактории. Несмотря на это, португальская колония Ангола представляла для страны постоянную угрозу. Борьбу с португальцами возглавила энергичная правительница Ндонго Нзинге.

Голландцы и реставрация. Несмотря на трудное положение португальцев, голландцы теснили их очень медленно. Португальцы же оказывали военное давление на Ндонго и Конго. Ндонго-Нзинге и правителю Конго Гарсии II удалось подписать с португальцами мирные договоры в 1656 и 1657 гг. Нзинге сохранила за собой Матамбу и приняла у себя католическую миссию. Гарсия не уступил ничего и согласился лишь на возмещение военных убытков.

Начиная с 1645 г. в Конго прибыло множество миссионеров-капуцинов. В период преобладающего голландского влияния правитель охранял католическую веру от протестантов-голландцев и не вел активных боевых действий в Анголе. Но португальцы Луанды набрали армию и направили ее в 1664 г. в Конго для поддержки мятежа, поднятого против правителя страны. Антониу I собрал войско, оказал сопротивление и в октябре 1665 г. дал бой в Амбуиле. Конголезская армия была уже близка к победе, но обратилась в бегство, когда правитель был убит. Однако у португальцев не хватило сил занять страну. Вскоре после 1670 г., когда они вновь вернулись, «герцог» Сою нанес им сокрушительное поражение. После 1667 и вплоть до 1710 г. Конго опустошали междоусобные войны. Восстановленная при Педру IV царская власть была теперь чисто номинальной.

После поражения в Сою португальцы усилили контроль на востоке Анголы, а в 1674 г. они назначили своего кандидата правителем Матамбы. И португальская колония Ангола, и государства Касанга и Матамба стремились принять участие в работоторговле, которая была основой их экономического могущества. Поэтому в 1683 г. они заключили между собой мирные договоры. Сложилась ситуация, ставшая типичной в следующем веке: португальцы жалуются на конкуренцию племен вили из Лоанго и пытаются сохранить за собой монополию на работоторговлю в Матамбе.

Тем временем стабилизировалось положение и на юге Анголы. Здесь после 1648 г. окрепла португальская фактория Бенгела, которая при помощи *сертанежуш* (независимых жителей неосвоенных, глухих районов) вела прибыльную работоторговлю.

Прибрежная цивилизация к 1700 г. Благодаря многочисленным источникам конголезская цивилизация XVII в. хорошо изучена. К таким традиционным зерновым культурам, как просо или сорго, добавились культурные растения, ввезенные из Америки: маис (ранее 1583 г.) и маниока (ранее 1640 г.). Маис, более выносливое, но менее питательное, чем местные злаки, растение, сохранил за

собой первое место вплоть до междоусобных войн, когда его вытеснила маниока, требующая меньшего ухода и не имеющая определенного сезона уборки, запасы которой можно было использовать на протяжении двух лет — существенное преимущество для смутных времен. В ремесле отмечается появление гончарного круга для изготовления глиняной посуды, а также имитация местными кузнецами европейского холодного оружия. Технические навыки были, видимо, достаточно развитыми, поскольку встречаются медные предметы, отлитые методом «потерянного воска».

В социальной сфере большое значение имело появление класса рабов, подразделявшихся на домашних рабов и на рабов, предназначенных на вывоз. Все большее влияние оказывала христианская церковь (католицизм), особенно после 1645 г. Тем не менее сохранились культ предков и использование колдовских фигурок *нкиси*, а также тайные общества, например *кимпаси*. Христианское влияние привело в период смут к возникновению мессианского движения. Одна прорицательница, например, проповедовала, что святой Антоний приказал ей короновать некоего человека, который сможет восстановить государство. В ее откровениях Иисус был чернокожим, а царство небесное было царством предков; духовенству следовало состоять из африканцев, не исключая и женщин. Католические монахи ее осудили и сожгли за ересь. Однако синкретизм не исчез. Его следы обнаруживаются в таких культовых предметах, как распятие или статуэтки святых, которые в итоге стали использовать в магических обрядах, совершаемых для обеспечения удачной охоты или плодородия земли.

Конголезское искусство этого периода известно благодаря каменным статуэткам *минтади*, сохранившимся металлическим предметам, орнаментам на керамике и одному образчику «бархата из Касаи», изготовленному из рафии. Скульптура уже имела все элементы стиля, выделенные в XIX в., в том числе отклонение от канонов, требовавшего строгой симметрии, и употребление полихромных красок. Существовали такие музыкальные инструменты, как ксилофон и сложный музыкальный лук, а также рожки и ударные инструменты. Сложный музыкальный лук интересен своим сходством с гитарой. Когда рабы с побережья прибыли в Америку, они стали использовать гитару и оказали глубокое влияние на музыку Бразилии. В свою очередь, бразильская песня повлияла на развитие конголезской песни в XX в.

Работоторговля на побережье (1700—1850). *Ангола.* К 1700 г. устройство португальской колонии Ангола приняло тот вид, который существенно не изменился вплоть до 1900 г. Ее территория была разделена на президентства, возглавляемые военными комендантами, которым помогали судья и священник. Президентство делилось на племенные объединения, управляемые вождями, прежними вассалами нголы, вождями-яга или вождями из Кисамы. Отношения между вождем и всемогущим комендантом строились по образцу тех, что существовали между вассалом и правителем в Ндонго, разве что подати были тяжелее, набеги за

рабами — более частыми, а суд творили на скорую руку. Три города — Луанда, Масангано и Бенгела — управлялись советами. Палата в Луанде управляла колонией в отсутствие губернатора — явление довольно частое. Губернатор имел верховную власть. Чиновниками, ни один из которых не получал дополнительного жалования, были работорговцы, и почти все увеличивали свои доходы путем хищений из общественных фондов. Таким образом, коррупция была фактически узаконенной.

Само существование Анголы было обусловлено работорговлей. Бразилия нуждалась в рабочей силе, а Ангола ее поставляла. Результатом этого стали: отказ от разработки менее выгодных природных ресурсов; постоянные военные экспедиции на границах с целью добыть больше рабов; использование административных полномочий для обращения в рабство жителей побережья. Такое положение объясняет бесконечные восстания африканцев и экономический застой страны в течение XVIII и XIX вв.

Статистические данные о вывозе рабов на начало XVIII в. свидетельствуют о его спаде в Луанде. Дело в том, что часть этого вывоза перешла в руки Лоанго и английских и французских работорговцев к северу от Бенго. С другой стороны, в начале XVIII в. Бенгела начала сама вывозить рабов в Бразилию. Таким образом, Луанде пришлось ограничить свою работорговлю рынками в Касанге и Матамбе. Конго сделалось крупным экспортером рабов и конкурентом Луанды с тех пор, как после 1664 г. оно раздробилось на множество враждующих самостоятельных владений. В 1759 г. в Нкодже был возведен форт Сан-Хосе, и вплоть до 1765 г. велись военные действия против Конго с целью направить работорговлю в Луанду. Но с 1766 г. рабов вновь стали направлять на север, поскольку английские и французские товары были дешевле, лучшего качества и включали огнестрельное оружие. Португальцы решили занять Кабинду (1783) — важный порт по вывозу рабов к северу от р. Конго, но их изгнала оттуда французская эскадра.

С 1764 по 1772 г. Анголой управлял Соуза Коутинью, который попытался стимулировать развитие экономики страны, перестроить административный аппарат и превратить ее в поселенческую колонию. Однако большинство реформ не удалось осуществить, поскольку притягательная сила работорговли была слишком сильна. Тем не менее Коутинью смог распространить власть колонии на *сертанежуш* плато Бенгелы, назначив туда «заморских» судей. Именно *сертанежуш* действительно расширили торговлю в XVIII в. Обосновавшись сначала на плато, они отправились оттуда к юго-востоку и к востоку, а один из их караванов еще до 1800 г. достиг верховьев р. Замбези.

Северное побережье в XVIII в. Лоанго, Кабинда, Молебмо стали в это время свободными портами, где рынок оспаривали друг у друга французы, англичане и голландцы. Местным властям, особенно правителю Лоанго, удалось воспрепятствовать закреплению европейцев и самим извлекать выгоду из работорговли. Вили на-

ладили эффективную караванную систему и с конца XVII в. кроме дороги на Стенли-Пул, которую они использовали с 1600 г. или даже раньше, открыли торговый путь, идущий из Сан-Сальвадора и из Зомбо в восточную часть Конго. Этот путь еще до 1683 г. был продолжен вплоть до Матамбы. В Конго, в котором после междоусобных войн положение стабилизировалось, власть оказалась раздробленной между множеством вождей; все они участвовали в работорговле, взимали дорожную пошлину и пытались монополизировать перевозки на отдельных участках дорог. Так, вождь из Амбриша, «маркиз» Моссул, направлял поток рабов из долины р. Ложе, тогда как выше по течению Ложе зомбо, а после 1766 г. сосо направляли рабов, поступавших из Кванго (особенно из государства яка), к вили или в Амбриш. Наконец усилилась работорговля в районе Стенли-Пула, и к 1789 г. торговая сеть по суше и по воде распространилась вплоть до низовьев р. Убанги и далее до верховьев р. Алимь.

В государствах, затронутых работорговлей — Лоанго, Конго и в области Макоко, — начался процесс политической дезинтеграции. Общинно-родовая знать постепенно теряла свой престиж и власть в пользу предприимчивых торговцев. Мелким вождям удалось монополизировать в своих руках работорговлю, а затем воспользоваться приобретенным оружием и богатством для достижения автономии. Первый из подобных известных случаев произошел с провинцией Сою, ставшей независимой с 1636 г. В Конго после 1667 г. большинство крупных представителей знати стали независимыми правителями своих земель, но, в свою очередь, оказались оттеснены мелкими вождями. К концу XVIII в. правитель Конго сохранял всего лишь сакральный характер, лишившись какой-либо политической власти. В Лоанго престол оставался незанятым с 1780 г. по меньшей мере лет десять. В середине XVIII в. у макоко получило большое значение магическое средство — *нкоби*, которое можно было купить. Обладатель *нкоби* основывал свой авторитет уже не на традиционных ценностях. В XIX в. вожди, которые вели крупную торговлю рабами, пользовались полной автономией. Повсюду усиливалось социальное расслоение, вызванное образованием обширного класса рабов, прослойки свободных клиентов, которых смуглы заставляли искать покровительства у знатной и часто обедневшей общинно-родовой аристократии, противостоявшей аристократии работорговцев. Ко всему этому добавились периоды голода, вызванные войнами, а также эпидемии оспы. Впервые они, по-видимому, вспыхнули в XVII в., а уже в следующем веке сделались частыми, охватывая широкие массы населения.

Посредники в португальской торговле: Матамба, Касанга и Овимбунду. Население Овимбунду было в культурном отношении родственно племенам Южной Анголы, но в XVII в. оно создало самостоятельное предгосударственное образование. Совет правителя имел право выбирать и низлагать его; территориальные структуры были здесь сходны с конголезскими. *Сертанежуш* жили среди населения, и, следуя их примеру, овимбунду приобрели жажду на-

живы и приобщились к работорговле, которая привела к тому, что с 70-х годов XVII в. Мбайлунду, Идулу и особенно Бие превратились в крупные центры работорговли. После нескольких португальских военных экспедиций против них некоторые мелкие правители обратились в католическую веру, а Бие стало официальным союзником Анголы. Но эти государства сохранили свою независимость. Уже к 1770 г. вывоз рабов и товаров из Бенгелы, целиком поступавших от овимбунду, приближался к экспорту Луанды, а после 1800 г. превзошел его.

Первое место в торговле в XVIII в. оставалось за Касангой. Это государство, построенное по образцу государства Лунда, черпало большую часть рабов на территории балунда под властью *муата ямва*. Кроме того, имбангала (жители страны) совершали безнаказанные набеги на жителей верховьев р. Кванго. Тем оставалось лишь разбегаться под угрозой огнестрельного оружия. Кроме торгового пути, ведущего в столицу Лунды, другая дорога пересекала южные районы течения р. Кванго, заканчиваясь у пенде в Касаи: здесь имбангала основали мелкие торговые колонии. Торговое значение Касанги было таково, что к 1690 г. ее правитель мог самолично принимать решение о ввозе лишь некоторых португальских товаров и определять цены на своем рынке, причем Луанда не имела возможности ответить ему тем же. Более того, он строго поддерживал монополию на транзитную торговлю и вплоть до 1850 г. препятствовал португальцам переправляться через р. Кванго. Луанда не покушалась на эту монополию.

Матамба было государством не столь могущественным, но более выгодно расположенным, так как могло вывозить товары как в Луанду, так и на побережье Лоанго. Однако дорогу в сторону р. Кванго это государство с трудом сохраняло открытой для своих караванов из-за все увеличивающегося натиска имбангала и яка. В войне 1744 г. Матамба была разбита и вынуждена согласиться на то, чтобы *сертанежуш* торговали в стране. В 1767 г. произошло нападение балунда, совпавшее с дворцовым переворотом. Однако в конце концов страна вышла из этого испытания окрепшей и сохраняла свое политическое и торговое положение без больших изменений в течение всего периода работорговли, несмотря на то что торговые пути, связывающие ее с востоком, использовались соперниками — балунда из Нзофу.

Народы бассейна р. Кванго. После вторжения яга племенные объединения суку продолжали занимать долину среднего течения р. Кванго, тогда как яга обосновались выше по реке. Но в течение всего XVII в. поток пришельцев балунда по-прежнему распространялся по землям между реками Касаи и Кванго. Там было основано множество самостоятельных владений. Один из балунда, Касонго, подчинил себе группы яга и создал государство, приняв титул *кианфу*, или *мвене пуну*. Это произошло около 1724 г. Войны и волнения, сопровождавшие эти переселения, так же как и набеги имбангала, вынудили крупные группы мбала, нгонго и тсамба переселиться в районы среднего течения р. Квилу. Незадолго до

1750 г. к ним присоединились племена суку, которых разбил *кианфу*. Теперь вся долина в среднем течении р. Кванго принадлежала ему, и он постепенно продвигался на север, запад и восток, округляя свои владения и захватывая рабов. *Кванфу* стремился установить контроль над работорговлей между своей столицей и Анголой. На бродах рек он поставил для охраны дороги специальных вождей. На западе он торговал с племенами зомбо и сосо, время от времени воюя с ними на границах. Вскоре после 1800 г. он приобрел много огнестрельного оружия, которое обеспечило ему абсолютное превосходство во всем этом районе.

Население внутренних районов: балуба и балунда с 1600 по 1850 г. Описанные выше миграции к западу и северо-западу, так же как медленное, но непрерывное продвижение к югу и востоку, сделали к XVII в. государство Лунда крупной державой. Она достигла своего наивысшего расцвета вскоре после 1800 г., что было связано с упрочением *кианфу* в восточных областях. В то время балунда господствовали на территории от р. Кванзы до оз. Танганьика. Однако центральная власть получала с этих обширных территорий лишь довольно нерегулярную дань. *Муата ямво* в действительности управлял только территорией, расположенной в центре и ограниченной р. Касаи на западе, истоками р. Лулуа, оз. Дилоло на юге и верхним течением р. Луалабы на востоке. Правитель и двор существовали благодаря поступлению дани с центральных земель. Именно здесь производили пищу, потребляемую в столице, отсюда же прибывали люди, обязанные поддерживать в порядке дома и улицы. Помимо того, существовала прибыльная торговля с Касангой. Балунда помнят о привозе тканей и посуды, а также огнестрельного оружия. Эта торговля, как говорят, началась уже около 1650 г. в правление Наведжа. Однако военные ресурсы страны были незначительными, несмотря на ее размеры и наличие огнестрельного оружия. Может быть, поэтому постоянно велась борьба с сала и мпасу — ближайшими северными соседями — и с мелкими группами каниока на северо-востоке. Все это подчеркивает характер завоеваний балунда, которые основывались на постоянной экспансии и интеграции местного населения.

Южные балунда. К 1700 г. вожди балунда отодвинули границу своих владений вплоть до верховьев р. Замбези. Они завоевали, а частично оттеснили многочисленное местное население. Далее к востоку целый ряд мелких этносов, таких, как ламба, ауши, амбо, соли, т. е. все народы Центральной Замбии, за исключением лендже, ила и тонга, подпали под власть балунда, которые, однако, не признавали власти *муата ямвы*.

Лози. Самым существенным успехом одной из независимых групп балунда было основание в конце XVII в. государства Лози. Это государство сложилось при участии мигрантов с территории современного Зимбабве, согласно традиции, либо до, либо после прихода сюда потомков Мбвамбвы — женщины, пришедшей от балунда, подчинившихся *муата ямве*. Ее сын Мбоо был первым пра-

водителем этого государства, придав ему под воздействием мигрантов или даже местных влияний облик, достаточно сильно отличавшийся от общества балунда. Мбоо сначала отразил натиск племен луэна, а затем завоевал затопляемую равнину р. Замбези. На юге его брат Мванамбиньи создал себе владение ниже по течению реки. Это вызвало войну, которая увенчалась полной победой лишь при Нгаламе, третьем преемнике Мбоо. Мбоо разделил территорию страны на округа, распределив их между членами царской родовой группы. Они управляли округами с помощью советников. В конце века правитель по имени Нгомбела расширил территорию страны вплоть до водопадов на р. Замбези, усовершенствовал систему управления, введя новые титулы для сановников, и разделил равнину на две части с двумя различными столицами; это разделение, без сомнения, соответствовало исконным землям Мбоо и Мванамбиньи. Он реорганизовал систему податей, создал фискальные районы, отличающиеся от административных округов. Все это укрепило централизованную структуру государства, а система податей стимулировала сложную и развитую систему хозяйственных обменов. Нгомбела реорганизовал запутанную систему племенных советов (*кута*) и назначил специальных вождей для охраны рынков страны.

Казембе. В 1700 г. *муата ямво* организовал исключительно важную экспедицию в северные районы провинции Шаба, чтобы занять соляные копи и медные рудники, а также установить контроль над торговлей, идущей в сторону Индийского океана. О существовании последней свидетельствовали раковины *copus* с Индийского океана, доставленные правителю Лунды его людьми. В ходе первой экспедиции были заняты земли вплоть до р. Луалабы, включая соляные копи Кесилы. Предводитель войска имел титул *казембе*, который со временем стал передаваться по наследству. Следующий *казембе* перешел через Луалабу и отправился на р. Луапулу. Третья экспедиция привела к разгрому войска балуба и покорению всей Северной Шабы и долины р. Луапулы. Военные успехи частично объяснялись применением огнестрельного оружия.

Новое образование, возникшее около 1750 г., стало называться Казембе. Десять лет спустя правитель Луквеса организовал набеги на всю территорию плато к северо-востоку от современной Замбии. Он ввел систему управления страной по классическому образцу Лунды и в 1790 г. завязал отношения с португальскими купцами из Тете. В 1798—1799 гг. военная португальская экспедиция атаковала его столицу, но была отбита правителем, заботившимся о сохранении своей торговой монополии. Португальцы встретили в Казембе арабизированных торговцев с восточного побережья. Таким образом, еще до 1800 г. возник трансафриканский торговый путь из Луанды через Касангу — Лунду — Казембе — Тете, путь, по которому прошли *помбейруш*, посланные из Анголы и совершившие переход туда и обратно почти через всю Африку между 1806 и 1815 гг.

В течение века (1750—1850) Казембе по своим масштабам и

могуществу являлось доминирующей силой на территории нынешних Южного Заира и Замбии. Образование государства способствовало проникновению сюда культуры балунда и даже народов побережья, развитию торговых отношений. Жизнь людей стала более безопасной, но они вынуждены были оплачивать это тяжелыми податями.

Балуба. Тенденции к экспансии в стране Луба проявились лишь в XVIII в. в правление Кадило и его преемников. Сначала эта экспансия распространилась на север, где группы сонгие были вынуждены переместиться на северо-запад, что положило начало или, вероятнее, усилило переселение балуба бассейна р. Касаи в долину р. Лулуа и к оз. Мункамба. Эта экспансия не прекращалась; поток переселенцев к 1750 г. достиг области расселения бакуба и на некоторое время был там остановлен. Другие правители совершали набеги на соседнее государство Калундве и на территорию между озерами бассейна Луалабы и оз. Танганьика. Они включили в состав своего государства общинные образования на р. Ловуа, а также земли на северо-востоке близ рек Лукуга и Луалаба. Было захвачено даже Конголо, расположенное далеко на северо-востоке. Однако эти образования вскоре стали независимыми и расширились еще дальше к северу вплоть до Касонго⁶⁷.

Народы живущие по краю леса. *Батеке (тио).* В XVI в. Макоко пользовалось славой государства более обширного и даже более могущественного, чем Конго. Оно вело борьбу с Конго начиная с 1491 г. Все это выглядит загадочно, поскольку не обнаружено ни следов какой-либо военной организации тио, ни даже достаточной плотности населения. Уже во времена О. Дапера центральная часть страны была известна как «пустыня», а к 1880 г. плотность населения здесь была чрезвычайно низкой. Тем не менее государство существовало. В XVII в. оно складывалось из общинно-родовых образований. «Владыка земли» следил за плодородием своей территории, обращаясь за помощью к духам; ему за это уплачивали дань охотничьей добычей. Он творил суд вместе с несколькими нетитулованными советниками, которых выбирали из числа глав родственных групп, живших на его территории. Верховный правитель правил с помощью совета из титулованных вождей. Они получали титулы от правителя и собирали дань от его имени в данных им в управление провинциях.

Еще до 1620 г. в результате многих переселений группы тио обосновались на левом берегу р. Конго, выше и ниже устья р. Ква. Это обеспечивало им полную монополию в работоторговле выше района Стенли-Пула, которую они сохраняли вплоть до 1750—1780 гг. Вследствие развития работоторговли и транзитных перевозок слоновой кости, а также вывоза табака тио так разбогатели, что забросили плавку железа, изготовление пирога и соли и даже луков, которые заменили ружья. После 1800 г. место тонкой глиняной посуды занял привозной фарфор, почти исчезло даже ткачество. Но к началу XIX в. монополию тио нарушили бубанги, жившие по течению Конго от низовьев р. Убанги вплоть до Стенли-Пула и пере-

селившиеся вместе с мбоши из современного Заира в XVIII в. (ранее 1780 г.). После нескольких небольших столкновений тию и бубанги пришли к соглашению, после чего контроль над торговым потоком по реке перешел в основном ко вторым, тогда как первые сохранили за собой контроль над прибрежными районами. Они же оставили за собой и рынки самого Стенли-Пула.

Вместе с развитием работорговли в XVIII в. все больше увеличивалась самостоятельность титулованных вождей, а столица Макоко, напротив, теряла свое значение.

Бома. Это централизованное государство с заметно развитой социальной структурой занимало небольшую территорию между р. Мфими и лесом; оно было основано в XVI или даже в XV в. Его правящая династия пришла с низовьев Касаи. Правитель (*нгели бома*) имел большой двор. Страна вывозила через нуму, живших на р. Ква, слоновую кость, цветное дерево и, конечно, рабов.

Саката и нуму. Традиция саката и нуму утверждает, что они всегда жили на своей нынешней территории. Саката создали предгосударственные образования, делившиеся на округа, где имелись советы знати и суд, созданные для помощи «владыке земли». Основной территориальной ячейкой была густонаселенная деревня. Страной управляли правители *моджу*, имевшие дружину, титулованных чиновников и судей.

Саката делились на земледельцев и рыбаков. Рыбаки вместе с нуму контролировали торговлю между оз. Май-Ндомбе и низовьем р. Лукение и течением Конго, возможно, вплоть до Стенли-Пула.

Янз-динг. Это население сложилось с очень давних пор к югу от низовьев Касаи. Аристократические группы янс помнят о своем переселении из земель тию, а вожди динг, как говорит устная традиция, пришли из устья р. Касаи. Социальная структура общества была в целом единой, но размеры деревень и их структура изменялись с запада на восток. На востоке деревни были больше, их занимало несколько родственных групп, тогда как на западе деревню составляла одна-единственная родственная группа. Деревни с их вождями объединялись в небольшие надобщинные образования. В этой сфере здесь, как можно было ожидать, заметны черты воздействия тию, но одновременно и воздействия жителей леса к северу от Касаи. Это были земледельцы, занимавшиеся и торговлей. В старину их торговцы, по-видимому, направлялись к Оканго на р. Кванго, откуда они доходили до Сан-Сальвадора.

Государство Куба. Правящие родовые группы центральных бакуба были изгнаны из бассейна Кванго племенами яга ранее 1568 г. Часть их прошла через низовья Касаи и затем вновь поднялась по реке на пирогах. Некоторые из них остались к северу от Санкуру, а царская родовая группа происходит даже с р. Лукение и, без сомнения, представляет собой группу лесных нденгезе. Около 1600 г. эти группы бакуба очень быстро создали ряд племенных объединений. Примерно до 1630 г. между ними шла борь-

ба за гегемонию. При первом правителе, который носил имя Мбула Нгоонг, и его непосредственных преемниках между 1650 и 1680 гг. оформилась цивилизация бакуба. Появился институт обожествленной царской власти со сложной системой ритуалов; была создана централизованная администрация.

К 1700 г. бакуба стали возделывать маис и маниоку, изготавливать керамику типа пенде; их материальная культура в целом претерпела существенные изменения. Получили большое развитие статуэтки, маски и другие изделия. В скульптуре и масках обнаруживаются влияния, шедшие, без сомнения, от пенде и в конечном счете от чокве, а также прослеживаются связи с соседями — жителями леса на севере и балуба на юге.

В XVIII и XIX вв. положение государства оставалось очень стабильным, хотя его расцвет следует отнести к 1750 г. По крайней мере с 1750 г. непрерывно увеличивалась торговля как с южными районами, где добывали медь и соль, так и с областями, где добывались раковины каури для торговли с Анголой. Для участия в ней бакуба организовывали караваны. Этой торговлей можно отчасти объяснить процветание общества бакуба, которое прежде всего основывалось все же на развитом земледелии.

Начиная примерно с 1400 г. в области южных саванн действовали две основные тенденции: постоянная экспансия государств из двух прибрежных центров и Южного Заира, сопровождавшаяся непрекращающимися миграциями из второго очага, и непрерывное расширение работорговли. Непосредственным результатом сложения здесь государств было возникновение торговых путей, которые служили артериями работорговли. Усилились также и культурные контакты между племенами, что привело к росту более развитых цивилизаций. Что касается работорговли, то ее воздействие на эволюцию местных обществ менялось в зависимости от расстояния, отделявшего это общество от прибрежных портов. Вблизи побережья политические объединения распались, социальные структуры упрочились, а население уменьшилось. В промежуточных государствах царская власть часто была вполне крепкой, а завоевания облегчались благодаря наличию огнестрельного оружия.

Следует подчеркнуть, что в течение всего периода 1400—1850 гг. основным содержанием исторического процесса было здесь ускорение развития местных цивилизаций. Хотя у нас мало источников, все же можно утверждать, что так называемые традиционные общества трансформировались все быстрее и быстрее.

ЭФИОПИЯ С 1117 ПО 1800 г. И АФРИКАНСКИЙ РОГ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1800 г.

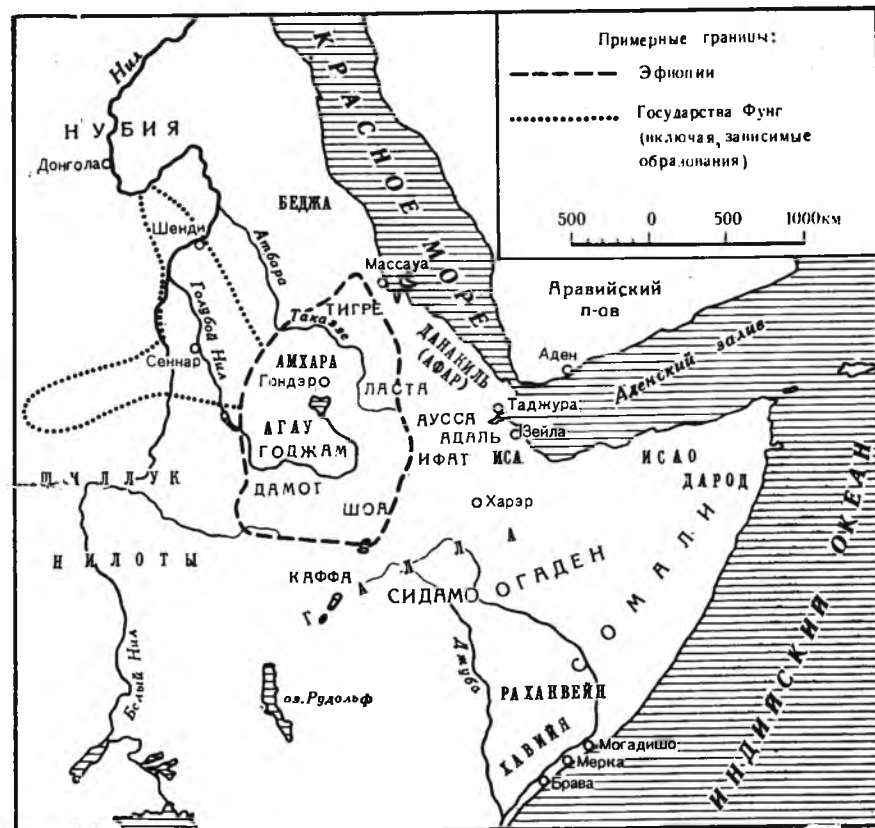
Эфиопия

Династия Загуэ (1117—1268). В начале XII в. правящий царь из династии Соломонидов⁶⁸, возможно Дельноад, был свергнут, и царством завладела династия Загуэ, по происхождению агау. Она перенесла столицу из Аксума в Роху, которая впоследствии стала называться Лалибэла, по имени самого знаменитого царя Загуэ. Число царей Загуэ точно неизвестно; наиболее вероятно, их было пять: Марари (1117—1132), Йимрэхана Крыстос (1132—1172), Лалибэла (1172—1212), Наакуэто Лааб (1212—1260), Йетбарак, или За ал-Макнун (1260—1268). О династии Загуэ известно очень немного. Среди них определенно были христиане, и, очевидно, царю Лалибэле, которого считают святым, мы обязаны одиннадцатью церквями, вырубленными в скале в Лалибэле, в провинции Ластва. Его приемный сын Наакуэто Лааб, который стал его преемником, также возводил церкви; традиция рассказывает, что благодаря вмешательству свыше он задержал разлив Нила и на три года лишил Египет воды.

Конец династии Загуэ. В середине XIII в. некий Йикунэ Амляк, потомок последнего царя династии Соломонидов, возглавил восстание против Загуэ, и их последний царь, Йетбарак, был убит в битве в 1268 г. История падения Загуэ неясна ввиду противоречивых данных традиции и письменных источников, в которых говорится, что великий эфиопский святой Тэкле Хайманот якобы убедил Йетбарака вернуть царство в руки законной династии. Сообщают, что Йикунэ Амляк подписал с Тэкле Хайманотом договор, в силу которого тот должен был получить третью часть царства в виде вознаграждения за свою помощь в борьбе против Загуэ.

Рестаурация соломонидов (1268)⁶⁹. Йикунэ Амляк (1268—1283) царствовал под именем Йоханныса. Место его резиденции пока не установлено. Ягбыа Цийон (1283—1292) царствовал под именем Соломон. Он был сыном Йикунэ Амляка. Ему наследовали пять сыновей. Одному из этих царей приписывают введение практики, просуществовавшей затем несколько веков: при восшествии царя на престол бросать в тюрьму на горе Амба Гешен в Амхаре всех своих братьев, чтобы устранить возможных претендентов на трон из царской семьи, не предавая их смерти. Эта практика вышла из употребления после мусульманского вторжения в середине XVI в. Но она была восстановлена Фасиледэсом (1632—1667), который выбрал местом заточения гору под названием Вахни близ оз. Тана.

Амдэ Цийон (1312—1342) царствовал под именем Гэбрэ Маскаль. Правление этого царя отражено в письменных источниках. В начале правления у Амдэ Цийона возникли недоразумения с

Эфиопия и Сомали

церковью из-за того, что он взял в супруги одну из жен своего отца. Этот эпизод занимает большое место в Житиях многих святых того времени, которые осуждают его, ибо подобный брак противоречил своду законов «Фэтха нэгэст» («Правосудие царей»). Хотя царь преследовал духовных лиц за их вмешательство, считается, что он почитал бога и был заклятым врагом язычников, борьбе с которыми и он сам, и христианские священники посвятили свою жизнь.

Мусульмане и христиане в Эфиопии. Вместе с распространением ислама и появлением в Восточной Африке мусульманских переселенцев и миссионеров было исламизировано население равнин, отделяющих Эфиопию от Красного моря; мусульманские торговцы уже с давних пор проникли из Зейлы в южную и юго-западную часть Эфиопии. Кроме того, в конце IX в. в Шоа было создано мусульманское государственное образование, в XIII в., правда, потерявшее независимость. К югу от Шоа ислам оказывал сильное влияние на вассальное государство Хадья.

Событием, отметившим царствование Амдэ Цийона, была его победоносная кампания 1329 г. против мусульман Адаля (область к востоку от Эфиопии), которой посвящена вся царская хроника. В 1329 г. Сабр ад-Дин, царь Ифата, в Адале, номинально являвшийся вассалом Эфиопии, восстал, угрожая завоевать всю страну. Амдэ Цийон собрал свою армию и упорно сражался против гораздо более многочисленного войска, которое было разбито им в период между февралем и декабрем 1329 г.

Пять мусульманских государств — Ифат, Хадья, Даваро, Бали и Фатагар — были вассалами царя Эфиопии, который имел право смещать их правителей в случае неповиновения или неуплаты дани. Царь Эфиопии располагал чем-то вроде столицы в местности Тагаулат, в северном Шоа, а его царство состояло из 19 небольших провинций в Шоа, Амхаре, Бэгемдыре, Анготе и в юго-восточном Тигре. Мусульмане населяли Годжам, остальную часть Тигре и другие территории; и хотя царская власть, очевидно, не полностью распространялась на эти области, христианское эфиопское население (а во многих местах еще языческое) вело здесь более или менее спокойное существование.

«Кыбрэ нэгэст». Именно в правление этого царя на эфиопский язык была переведена книга «Кыбрэ нэгэст», или «Слава царей». Это было сделано по почину Йеабика Эгзиэ, наместника Ыэндарты, который затем восстал против царя вместе с неким Ынгада Эгзиэ и был убит. Указанное сочинение послужило основой для генеалогии царей Эфиопии, начиная с Менелика, сына Соломона и Македы, царицы Савской. Когда один экземпляр этой книги был в 1868 г. привезен в Англию, император Йоханнис потребовал его назад, пояснив, что «мой народ не будет мне без нее повиноваться».

Христианизация. Распространение христианства после его раннего утверждения в Аксуме и в остальной Эфиопии шло медленно. В последние годы правления династии Загуэ святые люди, монахи, подобные Тэкле Хайманоту, и его последователи старательно взялись за это дело. Многие из них стали святыми эфиопской церкви, а их Жития изобилуют множеством сведений. Амдэ Цийон первым из царей упоминается за свое рвение в борьбе с язычеством. Об одном из этих святых, Эвостатевосе (Евстатии), сообщают, например, что «однажды он услышал, что некоторые леса служили святилищами для идолов, почитаемых язычниками, и он туда пошел, срубил лес и жег их, пока они не превратились в пепел, который разнес ветер».

Гражданское управление и церковь. В эпоху Амдэ Цийона все бразды правления находились в руках царя; ничего подобного титулу *бехтвадад* (первый министр) который был учрежден лишь в следующем веке, тогда не существовало. Судьи (*макваннын*) применяли законы, высшие духовные лица, известные под именем *баала хег*, играли большую роль в церемониях коронования и, по-видимому, официально имели статус судей. Местные должностные лица в городах и округах назывались: *сейюм*,

мысфын, *ауфари*, *макваннын*, *цэхафэлям* и *нэгаш*. Уже тогда почти определенно существовали должности губернаторов обеих крупных северных провинций, известные позднее как *тигре макваннын* — «губернатор Тигре» и *бахр нэгаш* — «губернатор прибрежных провинций». Вероятно также, что свод законов «Фэтха нэгэст» уже находил применение в той или иной форме, по крайней мере в отношениях царской власти с церковью. В правление Амдэ Цийона *абунэ* (глава церкви) Яыкоб учредил должность *ычэге* и поставил некоего Филиппа «во главе всех монахов» — вторым на лестнице духовной иерархии. Этот Филипп был настоятелем Дэбрэ-Либаноса (монастыря святого Тэкле Хайманота); и хотя впоследствии *ычэге* назначался царем, он обычно был настоятелем Дэбрэ-Либаноса. В противоположность *абунэ*, который вплоть до 1950 г. всегда был египтянином, назначаемым Александрией, *ычэге* был эфиопом, который поэтому всегда стремился иметь больше влияния, нежели чужеземец; однако, поскольку его назначал царь, он же мог и сместить его по своей воле.

Столица Эфиопии. Нет сомнения в том, что столица Амдэ Цийона, как уже говорилось, находилась в местности Тагаулат, в области Шоа; однако позднее, из-за участвовавших набегов мусульман, постоянная столица перестала существовать, и цари перемещались, живя в шатре, а в сезон дождей обосновывались в различных местах, причем некоторые из этих временных резиденций в какой-то мере получили статус столицы.

Цари. Невайа Крыстос (1342—1370) царствовал под именем Сайфа Арад. Из немногочисленных источников вырисовывается облик царя, находившегося, подобно его отцу Амдэ Цийону, в конфликте с церковью; сообщается, что он выступил в поход против Египта, потому что египетский султан заточил в тюрьму Маркоса, патриарха Александрии, и что царь добился его освобождения⁷⁰.

Давит I (1380—1409) был сыном Невайа Крыстоса. О нем известно немного; главным событием его долгого царствования было, как кажется, примирение с султаном Египта.

Теводрос (1409—1412) царствовал под именем Уольдэ Анбаса. Этот старший сын Давита правил в течение трех лет и не отличался особыми достоинствами вопреки своему царскому имени, которое значило «сын льва». Однако сообщается, что он уменьшил церковные земельные владения, отменив соглашение, заключенное между Иикунэ Амляком и Тэкле Хайманотом. Тем не менее он имел репутацию благочестивого христианина: у него была всего одна жена.

Йисхак (1412—1427) царствовал под именем Гэбрэ Маскаль. Младший сын Давита I, он сражался с мусульманами, которыми предводительствовал Саад ад-Дин. Он занял государство Ифат, разбил Саад ад-Дина и гнал его войско вплоть до побережья, Йисхак овладел также Массауой, находившейся в то время под властью мусульман.

Вассальные государства. К царствованию Йисхака относятся первые четкие указания о существовании вассальных го-

сударств царя Эфиопии. Они засвидетельствованы в хвалебных песнях в честь различных царей; в одной из них — в честь Йисхака — приводится сорок шесть топонимов, обозначающих царства, провинции, округа, племенные области. Не все из них удается идентифицировать, но они явно сгруппированы в географическом порядке. В некоторых случаях указывается характер взимавшейся дани: бумажная ткань, козы, крупный рогатый скот, лошади, золото. Нет сомнения в том, что в это время в ту часть царства, которая платила царю дань, входили главным образом области Ынарья, Боша, Джанджеро, Камбатта и Валамо, а также Бале и часть Адаля.

Эфиопия до 1433 г. Эфиопское государство постепенно распространялось к югу. Когда Йикунэ Амляк восстановил законную династию, центр царства переместился из Ласты в северную Амхару. Подчиняя и обращая в христианство язычников, эфиопская экспансия натолкнулась на мусульманское государство Шоа, которое рухнуло только после Йикунэ Амлака. Преодолев это препятствие, Эфиопия быстро захватила область Шоа, по крайней мере до р. Аваш. В царствование Йисхака она установила свою гегемонию над большинством государственных образований к югу и к западу от Шоа.

Сведения о политической организации страны относятся только к царствованию Амдэ Цийона. С самого зарождения аксумского царства существовала сложная иерархия придворных сановников, которая выросла и была реорганизована Амдэ Цийоном. Однако в административной системе еще отсутствовал своеобразный институт, на несколько веков сделавшийся главной особенностью этой системы: институт двух *бехтвадад*, одного с правой, другого с левой стороны. Он возник в более позднюю эпоху. Период 1266—1433 гг. отмечен формированием структуры государства и администрации; время нововведений, реформ и создания сильного правительства наступило при Зэра Яякобе. Следует, однако, помнить, что во все периоды эфиопской истории во главе многочисленных провинций стояли могущественные, часто потомственные вожди и что только сильный царь мог добиться от них повиновения.

Европейцы в Эфиопии. Первое упоминание о европейцах в Эфиопии относится к концу этого периода. В 1407 г. некий Пьетро Ромбуло достиг Эфиопии и прожил там вплоть до 1444 г.; в 1427 г. Йисхак направил его к Альфонсу Арагонскому с предложением союза против мусульман. В 1432 г. три человека — неаполитанец Пьетро, один француз и один испанец — были направлены герцогом де Барри к эфиопскому двору. Но эта поездка не дала результатов, и ни одна из двух стран не обогатила своих сведений о другой.

Эпоха реформ (1433—1478). Зэра Яякоб (1433—1468), младший брат Давита I, царствовал под именем Кастантинос. С его приходом к власти наступил период административных реформ. Зэра Яякоб, женившийся на сестре Махико, мусульманского главы вассального государства Хадья, был суровым и непре-

клонным реформатором, не щадившим никого, даже собственных детей, когда затрагивались религиозные принципы. Он выстроил множество церквей, и за ним утвердилась слава человека, написавшего по меньшей мере семь богословских книг; некоторые из них служат важными источниками для знакомства с религиозным положением в Эфиопии.

Зэра Яякоб был могущественным и умелым правителем. Царство, на которое распространялась его власть, простиралось от Тигре до Шоа, от него зависело несколько вассальных государств. Хотя Зэра Яякоб большую часть времени проводил, как кажется, на юге, ясно, что северная часть царства процветала в мире и достатке. В провинции Бахр Нэгаш он провел некоторые административные реформы. Остальные провинции находились под властью губернаторов; округа и города зависели от должностных лиц, носивших различные титулы.

Управление страной. После того как Зэра Яякоб окончил с отклонениями от христианства, он принялся за реорганизацию управления царством. Он начал с назначения *акабэ-саата* (блюстителя часов)⁷¹ по имени Амхэ Цийон. Затем последовало учреждение должности *бехтвадада*, или первого министра; эту функцию при следующих царях исполняли одновременно два человека: один с правой стороны (высший), другой с левой стороны (помощник); со временем власть этих должностных лиц очень выросла. Царь доверил управление несколькими провинциями своим дочерям, пытаясь сохранить бразды правления страной в руках своей семьи и одновременно избежать претендентов на престол, занимающих высокие должности, как это бы имело место в том случае, если бы он доверил провинции своим сыновьям. В действительности четверо из его пяти сыновей были, по-видимому, преданы смерти по религиозным мотивам.

Для поддержания новой системы Зэра Яякоб воспользовался войсками, которых называли *цевы*; этим словом обозначались полки, образующие постоянную армию, причем некоторые из них стояли гарнизоном в царской резиденции, а остальные размещались в провинциях. Единственную свою войну этот царь вел против Бадлая⁷², царя Адаля, который сначала занял Эфиопию, но затем был разгромлен.

Зэра Яякоб начал свое правление с борьбы с теми, кто все еще поклонялся языческим богам, включая и собственных детей. Он навязал церкви новую жизнь и дисциплину, уделяя много внимания религиозным предписаниям, вводя реформы при помощи драконовских мер, одновременно продолжая вести активную борьбу против язычества. Может быть, вследствие такой жесткой политики мнение эфиопов о Зэра Яякобе сложилось впоследствии не очень благоприятным, так что иезуит Паес сообщал, что «Зэра Яякоб сделал столько зла, что горит в аду».

Баэда Марьям (1468—1478) царствовал под именами Киркос и Давит. Единственный оставшийся в живых сын Зэра Яякоба, Баэда Марьям, после смерти отца освободил всех брошенных в

тюрмы, взял на себя командование конницей, восстановил прежнюю форму управления провинциями с двумя *бехтвададами*, возглавляющими государственную администрацию. Три недели спустя после своего восшествия на престол он предстал перед народом с открытым лицом, что было невиданной милостью. Затем он предпринял поездку по стране, во время которой его вместе со свитой должны были содержать местные власти и население. Эксплуатация, облеченная в такую форму, вызвала множество протестов, в ряде случаев жестоко подавленных.

Военные действия Баэда Марьяма сначала были направлены против доба, и во вторую очередь против мусульман Адаля. Доба, жившие на восточном склоне гор, которые тянутся к северу от Ангота, были сначала язычниками, но постепенно склонялись к мусульманству. Номинально они были подданными царя Эфиопии, но стремились выйти из-под его контроля. На юге Мехмад, сын Бадалая, царя Адаля, предложил Баэда Марьяму подписать мирный договор, но его преемник, Лада Эсман, вторгся на эфиопскую территорию, и для сражения с ним дважды были посланы войска.

Период нашествий (1478—1632). Александр (1478—1494) царствовал под именем Кастантинос. Сын Баэда Марьяма, Александр, вступил на престол, будучи еще ребенком. Его правление началось с Совета трех регентов, в который вошли: Амду, *бехтвадад* левой стороны, *акабэ-саат* Тасфа Гийоргис и его мать Ромна. Второй *бехтвадад* не входил в Совет регентов, может быть, потому, что именно в правление Александра Махфуз, мусульманский глава Зейлы, начал ежегодные набеги на территорию Эфиопии.

К концу правления Александра португальский король Жуан II послал к нему своего посла Перу да Ковильяна. Он покинул Португалию в 1478 г. и добрался до Эфиопии, но не получил разрешения вернуться на родину; однако с ним хорошо обращались, он получил большие земельные владения и женился на богатой женщине.

После смерти Александра, убитого в 1494 г., правил его сын Наод (1494—1508).

Либнэ Дынгыль (1508—1540) царствовал под именами Ванаг Сагад, Давит, Ытана Дынгыль. Правление Либнэ Дынгыля делится на три четких периода. Пока царь не достиг совершеннолетия, правил Совет регентов (1508—1516), в который входили мать царя, *бехтвадад* слева, вдова Баэда Марьяма и *абунэ* Маркос. Хотя *бехтвадад* был энергичным человеком, Советом фактически управляла вдова Баэда Марьяма, царица Елена, пользовавшаяся поддержкой *абунэ* Маркоса. Португалец Алвариш, знавший последнего, писал, что «Маркос сказал мне, что это он и царица Елена сделали его (Либнэ Дынгыля.— *Авт.*) царем, ибо в их руках находились все пользовавшиеся влиянием люди и вся казна». В 1516 г. Либнэ Дынгыль положил конец набегам Махфуза.

Следующее десятилетие (1516—1526) оказалось мирным, не считая незначительных стычек с мусульманами. Самым выдаю-

щимся событием было прибытие посольства от португальского короля, возглавляемого Родригу де Лима, в которое входил капеллан, преподобный Франсишку Алвариш. Алвариш оставил рассказ об этом посольстве, который является первым подробным сообщением об Эфиопии на европейском языке и одним из самых ценных источников для историка и этнографа. Посольство добралось до Массауы 9 апреля 1520 г. и шесть лет спустя отправилось из этого же порта обратно в Португалию через Гоа. Король Португалии стремился вовлечь эфиопского царя в союз против мусульман, да и тот тоже хотел бы иметь на своей стороне могущественное европейское государство. Однако ни на одного государя не произвела впечатления военная мощь предполагаемого союзника, а эфиопы были даже несколько шокированы непрерывными ссорами между Родригу де Лима и Алваришем. Хотя с португальцами обращались по-дружески, в целом миссия обернулась неудачей. Тем не менее она подготовила дорогу для иезуитов, которые прибыли в страну в 1557 г.

В год отъезда португальцев началась безжалостная борьба против мусульман. Ахмед ибн Ибрагим аль-Гази, прозванный Гранем (Левшой), уроженец Адаля, командовал войском правителя Зейлы. Эта война явилась апогеем длительного конфликта между христианами и мусульманами. В 1526—1527 гг. Либнэ Дынгыль направил в Ададь войско под предводительством Дыгальхана. Мусульмане во главе с Гранем оказали сопротивление и массой нахлынули в Эфиопию. Страна была опустошена с юга до севера. Было разграблено и сожжено множество монастырей и церквей, а в 1535 г. был сожжен собор в Аксуме. За Либнэ Дынгылем гнались по пятам по всей стране. Он умер в 1540 г. в период, когда смута охватила всю страну.

Незадолго до завоевания страны Гранем началось постепенное проникновение в Эфиопию скотоводов-галла. Они распространились в Эфиопии с юго-запада около 1520 г., придя из района оз. Рудольф, и быстро продвинулись к северу, заняв значительную часть Центральной Эфиопии. Возможно, что эфиопы не сразу оценили размах и значение этого продвижения; во всяком случае, они были заняты войной с Гранем, и лишь в 1572 г. царь Сэрцэ Дынгыль оказался в состоянии нанести галла первое большое поражение. Тем не менее в начале XVII в. галла распространились к югу от р. Аббаи и к западу от Шоа.

Галла не причиняли стране ужасных разрушений, подобно мусульманам; их присутствие имело иной характер и более долгосрочные последствия. Галла проникли в большинство областей Эфиопии, смешавшись с эфиопским населением. В Бале, однако, они, как кажется, изгнали первоначальных обитателей. В области к югу от р. Аббаи нынешнее население составляют в основном галла, как к западу, так и к востоку от р. Дидессы.

Столкновения между галла и эфиопами (*амхара*) продолжались вплоть до конца XVIII в., но галла постепенно укрепляли свои позиции.

В области Гибе получили развитие, в большой степени под влиянием торговой деятельности мусульман, государственные образования Лимму-Ынарья, Джимма, Гера, Гума и Гомма, которые в течение XVIII в. превратились в самостоятельные владения.

Алвариш сообщает, что царь смещал и назначал высших должностных лиц государства, имея на то основания или без оных. Правда, это, как кажется, не относилось к *бехтвададам*.

Либнэ Дынгыль первым стал раздавать пожалования в виде земель, которые регистрировались в специальных списках; эта практика продолжалась вплоть до XIX в. Грамоты о пожалованиях имеют немаловажное историческое значение, ибо в них не только указываются владения, которые были пожалованы, но и упоминаются многочисленные названия должностей и имена должностных лиц.

Отношения Либнэ Дынгыля с церковью, по-видимому, складывались удачно. Возможно, он занимался церковными делами более энергично, чем любой из царей после Зэра Якоба: Алвариш сообщает, что царь проявлял к теологии особый интерес.

Галавдевос (1540—1559) царствовал под именем Ацнаф Сагад. Хотя Галавдевос был младшим из оставшихся в живых сыновей Либнэ Дынгыля, именно он стал царем, поскольку старший сын Минас был в плену у мусульман. Хотя он был молод и неопытен, царь продолжал войну против Граня с такой энергией, что заставил вражеские войска отступить; во второй год его правления 11 февраля 1542 г. Грань был убит к востоку от оз. Тана. Это положило конец войне, но в 1558 г. Нур ибн Муджахид, эмир Харэра и племянник Граня, возобновил военные действия, чтобы отомстить за смерть Граня. В битве 23 марта 1559 г. Галавдевос был побежден и убит. Одержавший победу Нур вернулся с головой Галавдеваса, надетой на рогатину.

Считая, что *бехтвадады* постепенно стали слишком могущественными, Галавдевос упразднил эти должности и попытался править без помощи министров. Но такие меры затрудняли борьбу царя против вторжения галла; позднее Сэрцэ Дынгыль восстановил посты *бехтвададов*.

Один из членов португальского посольства 1520—1526 гг., Жуан Бермудиш, остался в стране после отъезда своих товарищей. Впоследствии Либнэ Дынгыль послал его в Португалию с просьбой о помощи против Граня. Жуан III Португальский приказал вице-королю Индии, Гарсиа да Норонья, послать в Эфиопию 450 мушкетеров. Но Норонья внезапно умер, а его преемник Эштеван да Гама не торопился отправлять помощь, которой так недоставало; он снарядил незначительную экспедицию на Красное море лишь в 1541 г. Как раз в этот момент умер Либнэ Дынгыль. Тем не менее около 400 человек под командой брата Эштевана, Криштована да Гама, присоединились к эфиопам, возглавляемым Бермудишем. 25 марта 1542 г. благодаря огнестрельному оружию они разбили мусульман близ населенного пункта Анаца на севере страны.

В этой битве Грань едва избежал смерти, под ним была убита лошадь. Но в следующем году Грань снова встретился с португальцами, получив от турок подкрепление оружием и боевым снаряжением. Криштован да Гама был ранен и взят в плен, а затем подвергнут пыткам и обезглавлен. Тем не менее португальцы сыграли важную роль в битве, где был убит Грань. Когда война закончилась, Галавдевос дал им в награду земли.

Надо отметить, что Бермудиш претендовал на титул патриарха Эфиопии (хотя там, естественно, находился коптский патриарх). Он был человеком невежественным и нетактичным, его поведение вызвало недоразумения между португальцами и царем, и Бермудиша изгнали. Тогда в 1555 г. иезуиты послали в Эфиопию в качестве «епископа» Андре де Овьедо. Один из сопровождавших его богословов написал трактат, где обосновывал превосходство католической религии. На это Галавдевос ответил в 1555 г. своей «Исповедью веры», в которой излагалось учение монофизитов и демонстрировалось, насколько эфиопская церковь была свободна от иудейских влияний, в которых ее обвиняли иезуиты.

Минас (1559—1563) царствовал под именем Адмас Сагас. Брат убитого царя, он наследовал Галавдевосу, не имевшему сыновей. Правление Минаса было коротким и неспокойным. Восстала армия, провозгласившая царем некоего Тазкаро, незаконного сына одного из его братьев. Восстание было подавлено; Тазкаро был схвачен, но остался жив. Поддерживавший восстание *бахр нэгаш* Йисхак бежал и в 1561—1562 гг. побудил Земура, турецкого пашу в Массауе, напасть на Минаса, который вскоре погиб.

Сэрцэ Дынгыль (1563—1597) царствовал под именем Мэляк Сагад. Этот сын Минаса стал царем в тринадцать с половиной лет. При поддержке Йисхака против царя продолжались выступления, провозглашались цари-марионетки. Пока продолжались восстания, царь организовал два военных похода на юг. Первый имел место в 1566 г. в области Гибе, второй — в 1567 г. В 1572 г. царь выступил против галла, напавших на Вадж, в районе оз. Зуай. Он встретил их во главе сильного войска и нанес им серьезное поражение.

Вероломный *бахр нэгаш* Йисхак вновь восстал в 1575 г. Обещая свою поддержку, он побудил Мохаммада, царя Адаля, захватить Вадж; однако Мохаммад был разбит. Тогда Йисхак примкнул к туркам в Массауе. Сэрцэ Дынгыль направился в Тигре, разбил турок и убил Йисхака в 1579 г.

Кроме периодических сражений с галла (которые, в частности, терпели поражения в 1572, 1577, 1585 и 1587 гг.) Сэрцэ Дынгыль был занят войнами против фалаша в Семене и агау к западу от Годжама. Вожди фалаша были побеждены в 1590 г. Агау были подчинены в ходе двух походов. Затем царь направился в Энарью, где он обратил в христианскую веру вождя Баданчо и возвел христианские храмы.

В 1588 г., когда турки из Массауы вторглись в Тигре и победили Дахарагота, *макваннина* Тигре, царь поспешно прибыл

туда и подавил их. В 1596 г. он организовал последний поход против галла.

Сэрцэ Дынгыль восстановил должность первого министра, хотя с некоторыми изменениями: вместо двух министров теперь был только один, принявший титул *рас*; в его обязанности входили скорее военные дела, нежели гражданское управление.

Сусныйос (1606—1632) царствовал под именем Селтан Сагад и Мэляк Сагад. Значительная часть правления Сусныйоса ушла на войны против галла и агау. Но в глазах европейцев гораздо большее значение имеют его отношения с португальцами и с римской церковью, ибо они достигли своей высшей точки, когда царь принял католическую веру и принес клятву верности папе римскому. Однако народ в своей массе был враждебен новой религии.

Испанец Перо Паес, обративший царя в католичество и имевший на него наибольшее влияние, прибыл в Эфиопию в 1603 г. и умер там в 1622 г. Он был тактичным и любезным человеком и стал личным другом и советником Сусныйоса. Если бы было больше иезуитов, подобных Паесу, история католической церкви в Эфиопии могла бы сложиться по-иному. Но его преемник Аффонсу Мендиш был человеком совсем другого склада: его высокомерие свело на нет всю терпеливую работу Паеса. Паес обладал некоторыми знаниями в архитектуре, он выстроил для Сусныйоса двухэтажный дворец в Гондэре. Благодаря дружбе с царем он получил доступ к некоторым эфиопским рукописям, на основе которых написал свою «Историю Эфиопии», имеющую большое значение для историков.

Эфиопия в изоляции. Фасиледэс (1632—1667) царствовал под именами Алям Сагад и Селтан Сагад. Он сменил на престоле своего отца Сусныйоса, которого вынудили отречься от престола и отказаться от католицизма. Его царствование прошло в основном в борьбе против галла и других внешних врагов, а также против непокорных внутри страны. Было завершено изгнание иезуитов. Мендиш покинул страну в 1632 г., а в 1665 г. подверглись сожжению «Книги франков». Самым значительным событием в это время явилось, возможно, решение царя превратить Гондэр в столицу Эфиопии, решение, которое, как удачно сказал Эд. Уллендорфф, положило начало развитию местничества, растущей независимости крупных феодалов и постепенному ослаблению власти Царя царей, лишенного какой бы то ни было действительной власти. Одним из мотивов этого решения Фасиледэса было, возможно, желание как можно дальше отойти от сферы мусульманского влияния; однако изолированность Гондэра обусловила впоследствии слабость страны в других отношениях.

Йоханннс I (1667—1681) царствовал под именем Алаф Сагад. Йоханннс продолжил усилия своего отца Фасиледэса по изоляции мусульман, однако его правление было более мирным. В его время Йебаба впервые стала фигурировать в качестве второй столицы. Церковные соборы собирались, по-видимому, чаще, чем при его предшественнике.

Иясу I Великий (1681—1706) царствовал под именем Адйам Сагад. Иясу Великий, которого почитают как святого мученика, был, согласно средневековой эфиопской традиции, последним из великих царей. Его правление характеризовалось следующими особенностями: 1) царь часто созывал соборы для решения теологических и церковных, а также административных и законодательных вопросов; 2) он уделял большое внимание торговле; в частности, царь в 1698 г. изменил систему взимания таможенной пошлины в Тигре; 3) по отношению к мусульманам он проводил политику сегрегации; 4) царь постоянно совершал поездки по всему государству.

Много времени он уделял борьбе против галла, которая достигла кульминационной точки во время кампании в Гибе в 1703 г. В 1706 г. Иясу был вынужден отречься в пользу своего сына Тэкле Хайманота и вскоре был убит его сторонниками.

Тэкле Хайманот I (1706—1708) царствовал под именем Леул Сагад. Краткое правление этого царя было наполнено междоусобицами и восстаниями. Он был убит через неполных два года правления.

Смута продолжалась при трех следующих царях: Тевофлосе (1708—1711), Йостосе (1711—1715), Давите II (1715—1721).

Бакаффа (1721—1730) царствовал под именем Масих Сагад. При нем были усмирены восстания в Бэгемдыре, Ласте и других местах; царь попытался сломить могущество знати. Но его правление оказалось кратким, и ему не удалось осуществить свои планы.

Иясу II Малый (1730—1755) царствовал под именем Адйам Сагад. Иясу, сын Бакаффы, стал царем в очень молодом возрасте. Его мать, Ментеваб, была не только регентшей, но и коронованной императрицей, державшей власть в течение всего его царствования. В конце 1732 г. разразился мятеж в самом Гондэре, за ним последовали другие восстания. Иясу пришлось искать поддержку у традиционных врагов своей страны — галла, чтобы укрепить шаткое государство, которое включало теперь лишь Дэмбию, Годжам и Бэгемдыр. Он женился на женщине галла, раздав членам ее семьи важные должности. Ментеваб, которая была вдохновительницей этого предприятия, вызвала огромное недовольство знати.

Ййоас (1755—1769) царствовал под именем Адйам Сагад. Метис галла, он начал свое царствование в атмосфере ненависти и недоверия. Это был слабый царь, зависевший от милости своих приближенных галла, оказавшийся в центре мятежей и дворцовых интриг. Он призвал на помощь *раса* Микаэля, независимого правителя Тигре, столица которого находилась в Адуе. Микаэль задушил восстание в Бэгемдыре, но если вначале он был верным сторонником царя, то вскоре у него появились причины не доверять царю. После того как Ментеваб не удалось убить *раса*, он сделал царем сына Иясу I по имени Йоханннс.

Йоханннс II царствовал с мая по октябрь 1769 г., когда был

смещен Микаэлем, который посадил на престол его сына Тэкле Хайманота II, правившего до 1777 г.

«Время князей». После правления Тэкле Хайманота до 1800 г. на престоле часто менялись цари-марионетки, поддерживаемые влиятельными феодалами для того, чтобы сохранить авторитет царской династии. В последующую эпоху власть царей стала чисто номинальной, реальная же власть находилась в руках правителей областей. Эту эпоху называют «временем князей», ибо положение в стране можно было сравнить с тем, что происходило, по словам Библии, «когда в Израиле не было царя, а каждый делал то, что казалось ему хорошим в его собственных глазах». Эфиопское государство превратилось в страну, состоявшую из полунезависимых областей, управляемых могущественными знатными лицами, имевшими титул *рас*. Некоторые из них были выдающимися личностями, как, например, *рас* Микаэль из Тигре и *рас* Али.

Губернатор Тигре, носивший прозвище Сехул, т. е. Ловкий, *рас* Микаэль держал страну в крепких руках и назначал своих ставленников в области, находившиеся под его властью. Тем не менее он поддерживал союз с царской семьей и женился на принцессе (*везаро*) Эсфири, дочери Ментеваб.

В 1783 г. *рас* Али, знатный галла из Бэгемдыра, вступил в союз с правителями Самена и Годжама, напал на *раса* Микаэля и в 1784 г. разгромил его.

В Шоа в начале XVIII в. один могущественный знатный человек основал небольшое самостоятельное владение. Это был некий Нэгаси Крыстос; земля была ему пожалована еще Иясу I, который поручил Крыстосу сдерживать галла. Быстрое развитие этого владения объяснялось необходимостью сосредоточить все имеющиеся силы против все усиливающегося проникновения галла. Правители Шоа были совершенно независимы, хотя они и признавали существование марионеточных царей Гондэра.

Соседи Эфиопии (Судан, Харэр). Хотя в XVIII в. изолированность Эфиопии возросла, она не была совершенно неизвестной внешнему миру. Вначале страна располагала всего одним портом Адулис в заливе Зулла, который впоследствии был вытеснен Массауой. Бейлул и Зейла — порты на юге — находились в мусульманских землях. Через второй из них проходил торговый поток из Северо-Восточной Африки на Ближний Восток. Когда в 1557 г. турки овладели Массауой, эфиопы потеряли свой единственный выход к морю. Вот почему прибывавшие в Африку иностранцы с трудом проникали в страну с востока.

К западу от Эфиопии находился Судан, который эфиопы в целом называли Сеннар, по имени города на Голубом Ниле (в той области, где некогда процветало царство Мероэ). В VII в. Египет оказался в руках арабов, и под повторными ударами мусульман христианские царства Нубии в течение XVI в. постепенно распались. Алвариш описывает их население как «ни маврское, ни иудейское, ни христианское». Он упоминает об этих странах потому,

что в 1520 г. Бахр Нэгаш Дори собирался организовать на них набег, чтобы покарать за смерть одного из своих сыновей. В это время нубийцы попросили Либнэ Дынгыля прислать им священнослужителей, так как у них не было епископов и они стали забывать свою веру. Однако Либнэ Дынгыль отказал под тем предлогом, что сам имел епископа, назначавшегося в Александрии.

В 1504 г. в районе Сеннара возникло еще одно государство — царство фунг, основанное неким Омаром Дунка, происхождение которого неизвестно. Государство просуществовало вплоть до конца XVIII в. Мусульмане-фунг в начале XVII в. завязали отношения с Эфиопией. Один низвергнутый царь фунг, по имени Абд ал-Кадир, нашел пристанище в Челга, в области Дэмбия, к западу от Гондэра, где ему позволили иметь собственное владение. В XVIII в. Иясу II напал на Сеннар. Первые вторжения в 1742 и 1743 гг. были всего лишь набегами, но уже в 1747 г. Иясу попытался овладеть Сеннаром. Он понес поражение, эфиопы потеряли значительную часть своего огнестрельного оружия, снаряжения и священные реликвии, сопровождавшие армию. Впоследствии Иясу неоднократно атаковал Сеннар, но это вновь были незначительные набеги. Существование небольших беспокойных государств и приходившего в упадок царства фунг не представляло угрозы для Эфиопии, разве что весьма затрудняло путешествия в эти области.

Тем не менее некоторые иностранцы отваживались на это; в их числе были французский врач Понсе, который в 1699 г. добрался до двора Иясу в Гондэре и вылечил царя от кожной болезни, а также шотландец Джеймс Брюс, который высадился в 1769 г. в Массауе и проник в Сеннар в 1772 г. В Эфиопии, куда Брюс первоначально прибыл, чтобы найти истоки Нила, он познакомился с *расом* Микаэлем, с его женой Эсфирью и с престарелой императрицей Ментеваб.

Царство Зейла состояло из нескольких торговых государств. В 1345—1435 гг. их насчитывалось четыре: Ифат, Даваро, Бали и Хадья (помимо более мелких образований), причем точное местонахождение некоторых из них остается неясным. Эти государства были вассалами эфиопского царя, но дань они платили нерегулярно и поэтому постоянно подвергались разграблению. Самым значительным был Ифат, столицей которого была Зейла. Здесь находился важный порт, и именно в Ифате Грань подготовил вторжение в Эфиопию.

Город Харэр (столица одноименного эмирата) в начале XVI в. был самым крупным поселением Адаля, ибо Зейла была тогда небольшим городком. Первое упоминание о нем встречается в хронике Амдэ Цийона, в связи с отправкой эфиопских войск на соединение с царем Адаля. В середине XVI в. город был окружен стеной по приказу Нур ибн Муджахиды, преемника Граня. Он стал важнейшим религиозным и культурным центром в Восточной Африке и занимал это положение до расцвета Ауссы в 1577 г. Даже

после того как вследствие растущего давления со стороны галла эмир Хэрэр существенно ослаб, его эмир пользовался значительным авторитетом, а город все еще сохранял значение религиозно-го центра.

Африканский Рог

Африканским Рогом называется область пустынь и степей, которой заканчивается Африка на востоке. Она образует нечто вроде треугольника, вершиной которого является мыс Гвардафуй, а основанием — линия, соединяющая п-ов Бори (на Красном море, южнее Массауи) с устьем р. Джубы на Индийском океане. Населенный в основном кочевниками, говорящими на кушитских языках, Африканский Рог был связан как с Эфиопией, так и с арабами, но всегда сохранял свое своеобразие.

Археологические культуры каменного века представлены здесь в изобилии: поздний ашель, стиллбей, харгейса, магози, уилтон. Неподалеку от Дыре Дауа аббат Брейль нашел фрагмент челюсти, принадлежавшей, возможно, неандертальцу. В Харэре были обнаружены дольмены, а также наскальная живопись с изображением длиннорогих и безрогих быков.

Известно, что древние египтяне в поисках ладана посещали страну Пунт. Поскольку растение, дающее ладан, распространено на сомалийском побережье, именно этот район и отождествляли с Пунтом, хотя и без полной уверенности. Барельефы в Дейр-ал-Бахри, рассказывающие о египетских экспедициях, изображают охотников и скотоводов, а также женщин со стеатопигией. Птолеми основали фактории по берегам Красного моря. «Перипл Эритрейского моря» указывает греческие названия различных пунктов: после Авалитеса (Зейла?) шел Варварийский берег (Бербера); затем за мысом Ароматов (Гвардафуй) — порт Опоне (м. Рас-Хафун); наконец, побережье Азании, которое простиралось вплоть до Занзибара.

Считается, что железо появилось здесь в эпоху Птолемеев для изготовления оружия для охоты на слонов. «Перипл» отмечает ввоз оружия и орудий из железа. Что касается жителей, то предполагают, что это были негроиды на побережье Азании и кушиты-галла в других местах. Развалины каменных построек в северной части побережья приписываются галла, однако сохранившиеся топонимы нельзя с уверенностью отнести к нынешним галла (оромо). Эти последние должны были занимать по крайней мере степи Огадена и долины на юге.

Еще до создания «Перипла» в некоторых пунктах побережья появились колонии южных арабов (сабейцев, мафаритов, химьяритов). За ними, возможно, последовали персы. В IX—XIII вв. возникли и стали крупными торговыми центрами порты Зейла, Бербера, Макдиш (Могадишо), Мерка, Брава. Они были населены арабами, занимавшимися торговлей и вывозившими шкуры, ладан, слоновую кость, страусовые перья и рабов, а ввозившими тка-

ни, предметы из железа и керамику. Постепенно арабы растворились среди негроидного населения.

В начале XVI в. на Красном море установилось владычество турок, а португальцы обеспечили себе господство на Индийском океане. В Могадишо правила местная династия Музаффар. Разоряемые набегами кочевников и внутренними конфликтами, торговые города побережья выжили благодаря покровительству, которое оказывали им время от времени арабские правители Йемена и Омана.

Афар (данакиль). Происхождение народов, говорящих на кушитских языках (называемых обычно хамитами или эфиопоидами), т. е. беджа, афар, сомали, галла, нам неизвестно. Это были кочевники, пасшие зебу, верблюдов, коз и курдючных овец. Афар, первые свидетелства о которых относятся к XIII в., занимали в XV в. те же области, что и сегодня; нынешнее их деление на афар северных и южных лишней раз подтверждает существование в прежние времена двух государств: Данкали и Адаля.

В какое-то неизвестное нам время местное население было исламизировано, что получило отражение в легенде о Хадал-Махисе, появившемся к северу от Таджикира и ставшем владыкой страны. Из этой области действительно вышли племена, установившие в регионе свое господство: даммохойта в Данкали, модайт в Ауссе — области с наиболее благоприятными климатическими условиями, где в долине р. Аваш возможно разведение сорго. В прибрежной зоне образовались так называемые султанаты: Рахейта, Таджикира, Гобад. Население составляло две большие группы: адаимара (люди белого цвета) и асаимара (люди красного цвета); объяснить такое разделение до сих пор не удается. Хотя отношения между этими группами были враждебными, существовало несомненное чувство принадлежности к единому народу афар.

«Султан», стоявший во главе этих предгосударственных образований, чаще всего играл лишь номинальную роль. Основной социальной ячейкой общества была большая патриархальная семья, приспособленная к кочевому образу жизни.

К югу от страны афар, в непосредственной близости от Шоа и Харэра, вдоль пути, шедшего из Зейлы, по которому двигались караваны и распространялся ислам, развивались два государства — Ифат и Ададь, известные своими войнами против христианского царя Эфиопии. Начиная с IX в. в восточных горных районах Шоа существовало мусульманское государство. В XIII в. оно носило название Ифат, или Вафат. Его правители, *валашма*, говорили на одном из семитских языков. Царство это простиралось вплоть до Зейлы, проходя через долину р. Аваш. В XIV в. царь Эфиопии разрушил Ифат, убил его царя и захватил Зейлу. Однако укравшиеся в Йемене *валашма* вернулись и основали в районе Харэра государство Ададь, население которого составили исламизированные племена сомали и афар. В начале XVI в. власть завладел эмир Ахмед ибн Ибрагим ал-Гази, или Грань (Левша), который с помощью османов бросил свои силы на завоевание

Эфиопии. Как уже говорилось, в 1542 г. Грань был убит близ оз. Тана, а его войско рассеяно. В 1577 г. эфиопы окончательно разгромили Ададь.

Сомали. Сомали жили, по-видимому, сначала к востоку от афар, вдоль по берегу Аденского залива, от Зейлы до мыса Гвардафуй. Самыми древними их группами считаются дир (иса и гадабурси). Появление других групп связывается традицией с миграциями из Аравии; как бы то ни было, именно из Аравии сюда между IX—XIII вв. проник ислам. Так, шейх Исмаил Джабарти (которого называют также Дарод) и шейх Исак считаются родоначальниками групп исак и дарод, обитающих на востоке побережья вплоть до мыса Гвардафуй. Переселения и смешения положили начало таким большим группам, как хавийя и раханвейн.

В последующий период сомали распространились на запад и особенно на юг. С XIII в. хавийя поселились близ Мерки; одно из их племен, аджуран, основало государство в низовьях р. Веби-Шебели.

В XVI и XVII вв. нажим группы исак и, возможно, их включение в войско государства Ададь привели воинственных иса на берегу залива Таджура в соприкосновение с племенами афар.

Тем временем группа дарод заняла степи Огадена, тесня галла, которые, воспользовавшись опустошениями, произведенными мусульмано-христианскими войнами, вторглись на плоскогорья Эфиопии. Племена раханвейн, в свою очередь, заняли благоприятную для земледелия область между реками Веби-Шебели и Джу-ба. Распространение кушитоязычных народов к югу продолжалось и в XIX в. Вместе с ними продвигались автохтонные негроидные группы и рабы, привезенные извне, обрабатывавшие долины в низовьях рек.

Глава 12

ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

Природная среда. Природная среда Восточной Африки очень разнообразна. Возможности, которые она дает для деятельности человека, характеризует прежде всего уровень выпадения осадков. Узкая прибрежная зона, простирающаяся от устья р. Джу-ба на севере до устья р. Руфиджи на юге, получает более 1,016 м осадков в год. Это количество создает необходимые условия для существования довольно плотного населения на основе оседлых культур.

За прибрежной равниной местность повышается террасами вплоть до плато, большая часть которого достигает высоты 1200 м. Это плато почти всюду засушливо. Только в более высоких горах горной цепи, которая на юго-западе пересекает Танзанию в направлении от оз. Ньяса к оз. Танганьика, а также в горах Северо-Восточной Танзании и в Центральной и Восточной Кении годовые осадки превышают 1,016 м. Третья горная цепь окружает Уганду

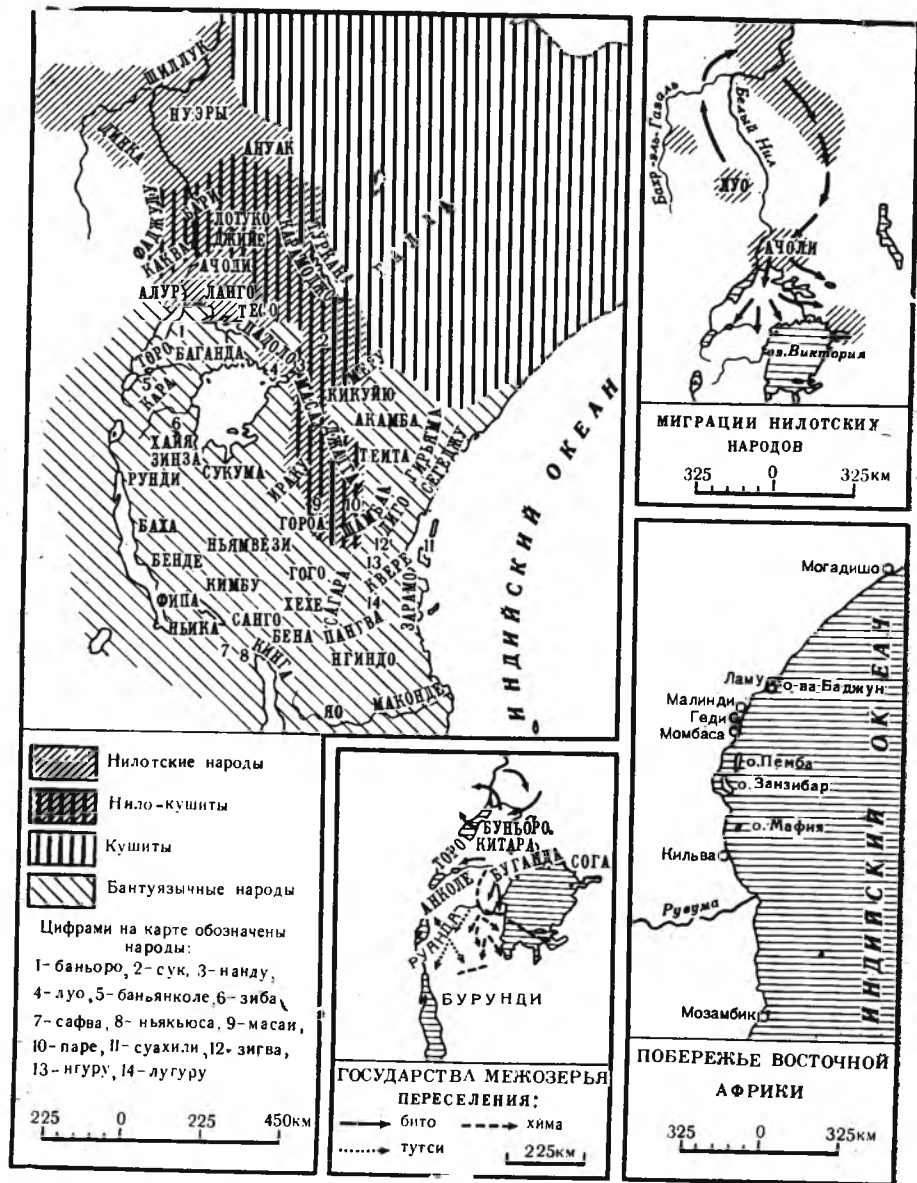
и Северо-Западную Танзанию, начинаясь от гор Алур и проходя севернее и западнее оз. Альберт⁷³. Она пересекает горную цепь Рувензори, проникая на возвышенности Руанды и Бурунди. В то время как верхние склоны этих горных систем часто необитаемы из-за холода и даже из-за густых лесов, долины создают благоприятные условия для оседлого земледелия.

Если исключить прибрежную равнину и разбросанные в горах долины, то еще одной частью Восточной Африки, где выпадает более 1,016 м осадков, является Межозерье в Уганде и Северо-Западной Танзании. Преобладающие здесь ветры относят к северу и к западу испарения оз. Виктория, которые дают в целом от 1,016 до 1,524 м годовых осадков в соседних районах. Эта область имеет исключительные в Восточной Африке условия для развития многочисленного и стабильного сельского населения.

Влажные зоны сменяются засушливыми. Там, где осадков выпадает более 0,762 м, можно выращивать злаки в редколесье после выжигания растительности, но земледелие там ненадежно, а рост населения ограничен. В Восточной Африке эти зоны типичны для юга и запада Танзании. На севере и на востоке они граничат с обширной зоной Центральной Танзании и Северной и Восточной Кении, где осадки не достигают и 762 мм. Самые засушливые районы находятся в Северной Кении и в Сомали, в областях кочевого скотоводства.

Население региона. Подобные географические условия определяют взаимоотношения различных групп населения с тех пор, как охота и собирательство сменились производящим хозяйством. Последние народы, занимавшиеся охотой и собирательством, принадлежали к культурам каменного века, прежде всего культуре уилтон, откуда возникло предположение, что они были бушменами. В самом деле, бушменоидные костяки были обнаружены на стоянках в Северо-Восточной Танзании и в Сомали. Кроме того, в наши дни на равнинах Серенгети, на севере Центральной Танзании, живут охотники-хадза, говорящие на щелкающем языке, характерном для бушменов. Тем не менее их язык имеет родственные черты с кушитскими языками Южной Эфиопии. Влияние кушитских языков на Восточную Африку, без сомнения, давнишнее. Об этом говорят верхнепалеолитические находки, в частности капсийская культура на берегах озер в Рифт Валли в Кении. Кроме того, немного позднее в Восточную Африку мигрировали скотоводы, говорившие на кушитских или нило-кушитских языках.

Но каково бы ни было первоначальное население Восточной Африки, ее прибрежная область по крайней мере уже с I тысячелетия до н. э. привлекала торговцев из дальних стран. В лоции для моряков Александрии, называемой «Перипл Эритрейского моря», которая, вероятно, датируется началом II в. н. э., отмечается существование давней торговли слоновой костью, панцирями черепах и рогами носорогов. Ею занимались торговцы из Южной Аравии, которые знали побережье Восточной Африки вплоть до р. Ру-

Государства и народы Восточной Африки

фиджи на юге; они женились на местных уроженках и говорили на их языке. Упоминание о том, что местные жители выходили на рыбную ловлю в шитых лодках, могло означать, что побережье уже было освоено людьми, прибывшими по морю из Индонезии и составившими первоначальное население Мадагаскара. Можно

считать, что этнические группы индонезийского происхождения встречались вдоль всего побережья и что они были поглощены местным населением. Как бы то ни было, но в «Перипле» нет ни одной явной ссылки на чернокожее население побережья Кении и Танзании. Так же обстоит дело и с Птолемеевой «Географией», которая в дошедшем до нас виде является, вероятно, суммой сведений о Восточной Африке, имевшихся у греков к концу IV в. н. э. Тем не менее это сочинение свидетельствует о солидных знаниях внутренних районов Восточной Африки. Так, находящаяся в ней гора, покрытая снегом и расположенная во внутренних областях Рапты, это, должно быть, гора Килиманджаро. А упоминание Лунных гор и внутренних озер, которые являются истоками Нила, кажется довольно достоверным, чтобы просто отмахнуться от него. Скорее создается впечатление, что уже в это время существовали торговые пути большой протяженности, которые были вновь открыты лишь в XVIII в.

Возможно также, что население внутренних районов было столь редким, что не представляло никакой угрозы для охотников, обосновавшихся на побережье. Если бы дело обстояло так, то еще большее значение приобрело бы обстоятельство, что единственными чернокожими племенами, о которых упоминает Птолемей, были «эфиопы, пожиратели людей», подплавившие себе зубы и жившие за мысом Прасон (по всей вероятности, нынешний мыс Делгаду). Это вполне могло бы оказаться первым упоминанием о бантуязычных народах.

Земледелие железного века распространилось, по-видимому, почти по всей Восточной Африке вместе с бантуязычными народами. Сравнительное изучение в самом широком масштабе могло бы показать, что отдаленные предки этих народов, без сомнения, жили в области редких лесов в восточной части Западной Африки; тем не менее детальная классификация языков банту ясно показывает, что их носители впервые распространились в области редких лесов к югу от лесов Конго и что именно оттуда они постепенно расселились на остальной части их нынешней территории. Самыми характерными языками банту являются языки, на которых говорят балуба и бабембе⁷⁴, живущие по обе стороны от линии водораздела рек Конго и Замбези. Наиболее близкими к ним по составу общего словаря являются языки конго на западе, рунди у северной оконечности оз. Танганьика и суахили на побережье Индийского океана. Языки ньямвези-сукума в Западной Танзании следуют сразу же за рунди, недалеко отошли от него языки банту области Межозерья в Уганде.

Итак, лингвистика наводит на мысль, что бантуязычные группы населения распространялись по Восточной Африке, не выходя вначале за пределы районов, которые получают ежегодно 1,016 мм осадков. Ограничиваясь лесистыми и влажными областями, эти группы как можно дольше избегали селиться в засушливых центральных районах, где обитали кушитоязычные скотоводы (некоторые из них все еще существуют, а другие проявляют признаки от-

носителем недавней «бантуизации», подтверждаемой устной традицией).

По-видимому, бантуязычные народы были пионерами земледелия железного века на большей части Африки к югу от экватора. Несомненно, следует с большой осторожностью относиться к истолкованию археологических данных, пока мы не будем располагать большим количеством радиоуглеродных датировок. Однако имеются, по-видимому, данные, указывающие на очень быстрое распространение этих групп в железном веке, о чем свидетельствуют фрагменты ямочной керамики на обширных пространствах Восточного Конго и Восточной Африки, а также весьма близкие к ним образцы, обнаруженные к северу и к югу от Замбези. Эта керамика характерна для начала железного века, а датировки, которыми мы ныне располагаем, наводят на предположение, что культуры железного века дошли до Замбези к I в. н. э., до Межозерья — к III или IV в. и примерно в то же самое время — до прибрежной зоны Южной Кении. Известно тем не менее, что на некоторых возвышенностях Кении, которые долго занимали кушитские и нилокушитские группы, производство каменных орудий активно продолжалось вплоть до XVI в. Данные археологии действительно свидетельствуют о быстром распространении групп населения, говорящих на одном из языков банту и использующих железо, в распространении, которое началось из какого-то очага, расположенного к югу от лесов Конго, даже если в районе этого очага не обнаружено никаких археологических остатков. Общества бантуязычных народов побережья и внутренних областей Восточной Африки развивались, по-видимому, совершенно изолированно от западной половины региона, от которой их отделяла центральная засушливая зона, населенная кушитоязычными скотоводами⁷⁵.

Суахильская цивилизация. Когда речь идет о средневековой истории побережья Кении и Танзании, никогда не следует забывать об изолированности восточноафриканского побережья от внутренних районов страны. Кое-какие исторические данные можно обнаружить в современных письменных документах, в устных преданиях и в археологических данных. Мы уже видели, что начиная по крайней мере с I в. побережье стало доступно торговцам с Индийского океана, которые пользовались муссонными ветрами, дующими шесть месяцев подряд с северо-востока на юго-запад, а в течение остальных шести месяцев — с юго-востока на северо-запад. После того как связи с греками оборвались, что произошло, по-видимому, в V в., область, охваченная торговлей с заморскими купцами, в течение двенадцати веков ограничивалась территорией, простиравшейся не более чем на 160—230 км от побережья. Но даже и в этих областях внешние влияния сводились, вероятно, к минимуму. Вплоть до недавнего времени, кроме суахильцев прибрежной равнины, бантуязычные народы — зарамо, зигуа, шамбаа, паре, чагга, тейта, ньика, камба и кикуйю — оставались наименее развитыми в социальном отношении.

На их территории пока не обнаружено ни одной археологической стоянки, где были бы найдены хотя бы какие-нибудь привозные товары, характерные для стоянок побережья, датируемые средними веками или началом нового времени. Ни в одном письменном средневековом источнике, касающемся побережья, нет ничего, кроме общего упоминания о населении внутренних районов. Таким образом, представляется, что эти народы в течение всего средневековья были весьма немногочисленны, их общины были еще невелики и рассеяны на большом пространстве, а переход от охоты к земледелию завершился лишь наполовину. По-видимому, в течение всего этого периода прибрежное население составляло особый мир и существовало благодаря рыболовству, начаткам земледелия и торговле дарами моря с областями, которые простирались к югу.

Для периода между Птолемеевой «Географией» и X в., к которому относятся сочинения ал-Масуди, мы не располагаем ни одним достоверным свидетельством даже о побережье. Имеется несколько разрозненных свидетельств о существовании рабов-зинджей, происходивших из Восточной Африки, которые встречались начиная с VII в. в Ираке, на Яве и в Китае. Мы имеем также несколько преданий, записанных только после XVI в., в которых говорится о древних мусульманских переселенцах, прибывших с берегов Персидского залива и основавших множество поселений на восточноафриканском побережье в VII, VIII и IX вв. Однако если эти поселения и существовали, то их следы все еще не найдены. В X в. ал-Масуди лично посетил один из островов в открытом море, назвав его Канбалу, и сообщил, что между 747 и 754 гг. он был завоеван арабами из племени азд, которые обратили африканцев в рабство и переняли их язык. По всей вероятности, Канбалу — это Занзибар или Пемба.

С некоторой долей вероятности можно говорить о том, что начиная по крайней мере с X в. вся территория Танзании и Кении была в основном занята негроидами, которых, даже если ограничиться рассказом ал-Масуди, можно считать бантуязычным населением. В сочинениях всех последующих арабских географов под словом «зинджи», или «занджи», подразумевается чернокожее население Восточной Африки, обитающее от Южного Сомали до Южного Мозамбика; один китайский источник X в. даже проводит различие между скотоводческим населением По-Па-Ли, без сомнения жившим где-то в Сомали, которое питалось молоком и кровью скота, и «черными дикарями в Мо-Линь», возможно, в районе Малинди⁷⁶.

Итак, кажется правдоподобным, что в течение шести веков, отделяющих эпоху Птолемея от путешествия ал-Масуди, предки народа суахили распространились к северу от Мозамбика, поглощая первоначальных жителей — кушитов и индонезийцев. Их быстрому продвижению на север, безусловно, способствовали традиционные навыки в рыболовстве и строительстве пирога, в частности, возможно, морских пирога с противовесом индонезийского типа, а также

появление из Индонезии таких съедобных растений, как банан и кокосовая пальма⁷⁷.

Самое древнее археологическое свидетельство о поселении мигрантов на побережье Кении и Танзании обнаружил Г. Читтик в 1966 г. на о-ве Манда, в архипелаге Ламу, близ сомалийской границы. Там среди развалин поселения, построенного из камня, были найдены многочисленные остатки мусульманской глазурованной керамики, происходящей из Персии, и один фарфоровый китайский сосуд времен Танской династии. Судя по этим двум находкам, данное поселение относится к IX или X в. Впоследствии в мечети Кизимкази на Занзибаре была обнаружена куфическая надпись, которая утверждает, что шейх ас-Сайид Абу Амран ал-Хасан ибн Мухаммед отдал приказ о ее строительстве 27 июля 1107 г.

Спорна датировка основания крупного поселения на о-ве Кильва в 320 км к югу от Занзибара. В 1962 г. Фримэн-Гренвилл, тщательно изучив арабский и португальский варианты сочинения компилятивного характера, относящегося к началу XVI в. и известного под названием «Хроника Кильвы», высказался в пользу датировки X в. Против этого мнения выступили археологи Г. Читтик и Дж. Киркман, которые пришли к выводу, что «Большая мечеть» и «Дворец» — развалины, находящиеся в западной части острова, — датируются XIII в. За этим последовало открытие роскошного дворца в Хусуни Кубва на северной оконечности острова с восьмиугольным бассейном, великолепным залом для приемов с нишами для сотен масляных ламп и надписью, выполненной письмом *наسخ*, с именем правителя ал-Мансур ал-Хасан ибн Сулеймана. Хусуни Кубва была с достаточной уверенностью датирована концом XII в.

Таковы три древних поселения, построенные из камня; примечательно, что все они были расположены на островах, удаленных от берега. Это наводит на мысль о том, что отношения с местными африканцами были вначале не особенно дружескими; скорее, первые поселенцы, прибывшие сюда из Аравийского залива, интересовались прежде всего торговлей. Возможно, главная цель их коммерческих интересов находилась за пределами Восточной Африки и была сосредоточена на золоте и слоновой кости, получаемых из бассейна р. Замбези. Достоверно, что моряки из Шираза, с которыми ал-Масуди шел до Канбалу, держали курс на Софалу и что описанная им большая страна зинджей, очевидно, находилась в Мозамбике или в современном Зимбабве. Золото и слоновая кость, вывозимые из этой страны, направлялись в Аравийский залив, откуда их переправляли в Индию и в Китай.

На разместившиеся на побережье поселения стало оказывать постоянное и все возрастающее давление окружающее их африканское население. Ал-Масуди рассказывает нам, что, хотя жители Канбалу сохранили свои языческие верования, мусульманские переселенцы за два века освоили местный язык. Это предполагает большую долю смешанных браков и проникновение местных рабов

в дома мусульман. Точно так же, когда в 1332 г. (менее двухсот лет спустя после возведения Хусуни Кубва) Ибн Баттута посетил Кильву, он отметил, что большинство жителей были чернокожими и что по отметкам на их лицах можно было узнать их племенную принадлежность. Кроме того, как кажется, по крайней мере к XII и XIII вв. число поселений возросло. В XII в. ал-Идриси упоминал Малинди и Момбасу, которые в то время имели большое значение благодаря рудникам, где руды отличались высоким содержанием железа. Железо отправляли в Дамаск, а также в Индию, где оно шло на изготовление клинков высшего качества.

Геди, каменный город XIII в., возможно отпочковавшийся от Малинди в XII в., лежал в 5—6 км от побережья и, должно быть, жил скорее за счет земледелия, нежели за счет морской торговли. В конце XIII в. властью в Кильве овладела новая династия, возможно происходившая из Южной Аравии, которая начала чеканить монеты с выбитым на них рифмованным двустипшием, напоминающие монеты бахманидских царей Деккана. В начале XIV в. Кильва завоевала острова Мафия, где в результате раскопок на городищах Кисимости и Джуа были обнаружены богатые коллекции привозных изделий из синего фарфора и даже монеты, которые чеканили монгольские ханы в конце XIII и в XIV в. Занзибар оставался независимым султанатом; в XIV и XV вв. он был достаточно богат, чтобы чеканить собственную монету. В прежнее время считалось, что расположенный на архипелаге Ламу город Пате был основан в начале XIII в. династией Набхани, выходцами из Омана (о чем говорится в местных преданиях, записанных в начале XX в.). Однако, как и в Кильве, археологи оспаривают датировку событий, которая засвидетельствована в традиции. Г. Читтик, например, представил убедительный довод, позволяющий датировать основание города XIV в., а появление здесь династии Набхани — началом XV в.

Однако остатки главных прибрежных поселений не столь впечатляющи по сравнению с теми, что остались от периода, который начался в конце XII в. и достиг высшей точки в XV в. Вдоль побережья почти на каждом километре встречаются относящиеся к XV в. мечети, захоронения, жилые дома, построенные из обломков кораллов и из плетня, обмазанного глиной. В течение этих трех веков торговля с бассейном р. Замбези, как нам известно, постоянно увеличивалась, и нет сомнения в том, что благодаря приносимому ею доходу появились те ткани, те богатые украшения и та инкрустированная слоновой костью мебель, которые произвели такое впечатление на португальцев, когда они открыли Кильву, Момбасу и Малинди.

Наряду с вождями и с торговцами теперь там, должно быть, существовало значительное мусульманское население, в этническом отношении безусловно гораздо более африканское, нежели арабское. Каждый вновь прибывающий араб, вероятно, «обрастал» многочисленными африканскими наложницами и рабами, используемыми в доме и на сельскохозяйственных работах. Поэтому все

большая часть местного населения оказывалась ассимилированной и образовывала новую, смешанную культуру. Ее письменным языком все еще оставался арабский, но разговорным языком, без сомнения, был суахили, который со всеми своими лексическими заимствованиями из арабского сохранил грамматическую структуру, характерную для языков банту.

Даже правящие династии местных образований, по-видимому, переняли африканские образцы ритуала и обычаев, возможно восходящие к тому или иному из южных государств Эфиопии (проникшие через сомалийское побережье). Ибн Баттута описывает направлявшуюся в мечеть процессию во главе с шейхом Могадишо: он шествовал под балдахином, украшенным по четырем углам золотыми птицами, в сопровождении толпы музыкантов. В Могадишо, как и на Кильве, Ламу, Пате и в других поселениях, можно было услышать разговоры о символе власти *сива* — слоновьем бивне, в котором якобы воплощался дух народа.

Вот такой была эта прибрежная цивилизация, подорванная первыми европейскими завоевателями в последние годы XV в. Она существовала главным образом в среде бантуязычного населения, говорящего на одном из языков банту и в то же время составлявшего часть мусульманского мира, который господствовал тогда над большей частью Индийского океана и его берегов. Это была мусульманская цивилизация, обращенная к океану, а не внутрь страны. Она черпала свое вдохновение в Аравии, а ее богатство определилось участием в торговой трансокеанской системе, простиравшейся от Мозамбика до Кантона.

В начале XVI в. контроль над этой торговой системой установили португальцы. В 1505 г. они заняли Софалу и начали направлять торговлю золотом и слоновой костью на запад в Европу и на восток — непосредственно в Гоа. В результате Кильва, захваченная в том же году, уже в 1512 г. столь захирела, что португальцы вывели из нее свой гарнизон. За исключением Малинди, где они объединились с правящей династией против соседней Момбасы, а также Могадишо, до которого они никогда не добрались, португальцы разграбили все главнейшие суахилийские города на побережье. В 1593 г. для защиты от турецких пиратов на Красном море они построили Форт-Хесус в Момбасе и подчинили этот город власти вождей-марионеток из Малинди. С тех пор и вплоть до 1698 г. они сохраняли на северном побережье свою гегемонию, которая, правда, постоянно ослабевала.

Археологические находки на побережье ясно показывают, что период португальского господства явился временем непрерывного упадка — как экономического, так и культурного. Здесь больше уже не возводили ни дворцов, ни больших мечетей. Обработанный камень уступил место коралловым обломкам, а прекрасные фарфоровые изделия предшествующего периода — дешевым товарам, изготавливаемым на вывоз в Южном Китае.

Суахилийские хроники прибрежных городов показывают, что в этот период даже в правящих династиях суахилийских имен бы-

ло гораздо больше, чем арабских. Тем не менее все это не привело к выходу прибрежной цивилизации во внутренние районы страны. В сообщениях португальцев встречается название всего одной поддающейся идентификации племенной группы банту — сегеджу, которая жила тогда недалеко от Малинди. Еще одно упоминание, касающееся населения внутренних областей континента, относится к вторжению зимба, пришедших из внутренних районов Мозамбика. В 1587 г. их набеги опустошили прибрежные города от Кильвы до Момбасы на севере, пока их в конце концов не разгромили сегеджу в нескольких километрах от Малинди.

Безусловно, существовала и местная торговля между различными суахилийскими поселениями и их ближайшими соседями во внутренних районах, в частности на крайнем юге, где в 1616 г. некий португальский путешественник в одиночку совершил по суше переход от Тете на р. Замбези до Кильвы. Однако возрождение суахилийской цивилизации и начало торговли с отдаленными внутренними областями стали следствием завоевания побережья арабами из Омана лишь в начале XVIII в.

Цивилизация Межозерья. В средневековую эпоху в Межозерье существовали довольно крупные оседлые надобщинные структуры. Об этом свидетельствует главным образом устная традиция, записывать которую начали лишь в конце XIX в. В недавнее время наши знания пополнились некоторыми сведениями, полученными археологами. Пока нельзя делать никаких заключений о начале здесь железного века. Генеалогические списки позволяют определить непрерывную хронологию, хотя и относительную, охватывающую приблизительно пять последних столетий; для более раннего времени даже данные общего характера носят скорее предположительный характер.

Тем не менее доказательства, которыми мы располагаем, как будто свидетельствуют, что железный век появился в области Межозерья в начале I тысячелетия н. э. и что это совпало с переселением сюда самых первых бантуязычных мигрантов, пришедших с юга. Они, вероятно, обнаружили здесь местность несколько более лесистую, чем сегодня, заселенную в основном разрозненными общинами каменного века, которые говорили на языках племен, обитавших в Восточном Судане. Первые бантуязычные группы, очевидно, были рыбаками, они распространились вдоль берегов рек и озер, а затем постепенно проникли во влажные долины гор Бурунди и Руанды, в массив Рувензори, в Восточную Кению. Безусловно, именно этим племенам мы обязаны красивой ямочной керамикой, обнаруженной в Руанде, в Уганде на р. Кагера и на некоторых стоянках вокруг залива Кавирондо на оз. Виктория. Две стоянки в Руанде теперь датируются III и IV вв., а стоянки Ньянза в Урве — V в.

В тот период, к которому относятся первые сведения устной традиции, возможно к рубежу XIV в., в результате расселения бантуязычных народов повсюду в этом районе возникли мелкие государственные образования, каждое с территорией от 250 до 500 кв.

км и с населением в несколько тысяч человек. О том, как это происходило к северо-западу от оз. Виктория, повествуется в легенде о Кинту. Согласно легенде, Кинту проник в те места, где ныне находятся Южная Бусога и Центральная Бонганда, придя с северо-востока во главе многочисленной группы переселенцев. Как и множество других африканских завоевателей, он женился на дочерях местных родовых вождей, давая их отцам функции управления в соответствующих округах. От его детей произошли местные династии.

Переселение народов, связанное с именем Кинту, представляет интерес, так как его первоначальное направление позволяет предполагать их небантуское происхождение. Так, традиция говорит, что Кинту принес с собой бусы, сделанные из зерен энсете, или ложного банана, составляющего основную пищу, характерную для Юго-Западной Эфиопии. Возможно, таким образом, что переселенцы пришли из той области, где, вероятно, с первых веков нашей эры существовало население железного века, организованное в небольшие государства. Такая возможность поддерживается тем обстоятельством, что по всему Межозерью разбросаны родовые группы скотоводов с сильно развитой эндогамией: их физические особенности весьма сильно напоминают кушитоязычных обитателей возвышенностей Эфиопии. Эти скотоводы, которых в Руанде называют тутси, а в Уганде — хима, ныне говорят на языках банту своих соседей-земледельцев, причем традиция не считает их мигрантами-завоевателями. Между тем в Южной Уганде и в Руанде они создали правящие группы существовавших там государств, и поэтому возникает вопрос, в какой степени они могли быть проводниками влияния каких-либо более развитых обществ. Однако предпринятое Я. Вансиной исследование истории Руанды наглядно продемонстрировало опасность упрощения диффузионистских теорий. Он ясно показал, что характерные институты обожествления правителя Руанды, включая *убуиру*, или эзотерический кодекс, были восприняты династией тутси, которая заимствовала их у одного из самых мелких предшествующих образований, созданных бантуязычными земледельцами в Центральной Руанде. Возникшие впоследствии наиболее крупные государства представляли собой объединения десятков и даже сотен более мелких подобных образований.

Китара, государство чвези. Самое древнее из крупных государств, появившихся в этой области, было создано (по-видимому, за очень короткий срок) династией скотоводов, которая вполне могла переселиться из зоны более крупных государств с более высокой военно-политической организацией и с более развитыми техническими навыками, например из Эфиопии. Это была Китара, центр которой лежал в Западной Уганде, на богатых пастбищах Южного Буньоро, Восточного Торо, Западной Буганды и Северного Анколе. Ее правящую династию составил один клан хима — чвези, остатки которых все еще живут на юге этого района. Легенды, относящиеся к древним чвези, рассказывают о правящей,

сравнительно немногочисленной группе, пользовавшейся весьма высоким авторитетом благодаря своей политической организации и своим познаниям в ремесле и в военном искусстве. Говорят, что чвези любили скот, что они пили молоко и забродивший мед, что они жили в больших, крытых соломой домах, что они умели раскалывать скалы и на расстоянии убивали животных, что они были доброжелательны друг к другу, но деспотичны по отношению к своим подданным.

Каково бы ни было происхождение Китары, но свидетельства как традиции, так и археологии позволяют с достаточной долей уверенности считать, что возвышение чвези относится к началу XV в. Наиболее известные столицы двух правителей чвези — Ндахуры в Мубенде и Вамары в Биго — были частично раскопаны. Поселение Биго состоит из двух рядов рвов, причем внешний ряд, тянувшийся примерно на 7,2 км, замыкает угол, образованный слиянием двух рек, и защищает площадь от 13 до 15 кв. км. Внешний ряд служил, конечно, для защиты скота. Внутренний ряд, длиной примерно 2,5 км, окружал резиденцию правителя, которая, очевидно, походила на резиденцию более поздних правителей хинда в Анколе (*орурембо*). Это была обширная площадь, окруженная с трех сторон насыпью, включавшая отдельное помещение для правителя, его жен, его челяди и его дойных коров. Здесь, а также в Мубенде и на трех других городищах были обнаружены отдельные фрагменты грубо орнаментированной керамики.

Из свидетельств традиции становится очевидным, что государство чвези осуществляло гегемонию над большим числом прежних мелких государств. Правление Ндахуры проходило в сплошных войнах. Иногда он ставил правителей-чвези во главе завоеванных территорий; но чаще всего он оставлял их под властью прежних династий. Рассказывают, что во время одного похода он полностью обогнул оз. Виктория. Ни в одной из столиц чвези не найдено ни малейших признаков какой-либо торговой деятельности. Во всех произведенных до сих пор раскопках единственной находкой, происходящей из внешнего мира, была лишь горсточка стеклянных бус. Судьба Ндахуры не установлена. Можно предполагать, что однажды он не вернулся из одного из дальних южных походов. Ему наследовал сын Вамара. Его правление закончилось вместе с успехами завоевателей-бито.

Миграции луо. Похоже, что в течение нескольких веков, прошедших после того, как бантуязычные народы начали селиться в области Межозерья, район, граничащий с ней на севере и входящий ныне в состав Северной Уганды и Южного Судана, оставался относительно незанятым. У нас до сих пор нет никаких свидетельств появления здесь железного века. Тем не менее устная традиция, собранная на западной оконечности этого района, в округе, расположенном между реками Мбому и Уэле, упоминает о железных топорах. Таким образом, вполне возможно, что в этой области весьма поздно встретились культуры железного века, распространявшиеся с севера и с юга. Подобная гипотеза могла бы

в значительной степени объяснить ожесточенные столкновения между бантуязычными и нилотскими народами, которые продолжались с конца XV вплоть до XIX в. Нет сомнения в том, что родина народов, говорящих на нилотских языках, находилась в болотистой местности Южного Судана, известной под названием Судд, и вокруг нее. Именно здесь обитают нуэры и динка, составляющие ядро нилотских народов, и ни у одного из этих народов нет преданий о дальних переселениях. Среди нилотов особое положение занимают луо, которые располагаются незамкнутым кольцом вокруг ядра, состоящего из нуэров и динка⁷⁸. От южной оконечности кольца они распространились на юго-восток и пересекли Северную Уганду, добравшись до Западной Кении. Весьма тесные связи между языками луо ясно показывают, что их расхождение произошло недавно. В ходе последовавшего затем расселения несколько групп луо переместились вдоль Нила к югу, в Северную Уганду. Эти перемещения продолжались примерно три столетия, и их последовательные этапы можно проследить по свидетельствам устных преданий.

Как это было с множеством африканских народов, луо быстро превратились из переселенцев в завоевателей. Лишившись привычных средств к существованию, они стали жить разбоем. Они выработали множество разновидностей политических институтов, происходивших порою от завоеванных ими народов, а иногда и от их собственной потребности выступать в качестве правящего слоя. В стране шиллуков⁷⁹, а также в Китаре они столкнулись с централизованными государствами, находившимися на начальном этапе своего развития. Луо не только восприняли принципы государственности, но и развили их. В Северной Уганде, как к западу от Белого Нила, в стране алур, так и на востоке, в стране ачолы, родовые группы пришельцев луо, подчинив себе автохтонов, создали предгосударственные образования. Интересно, что одна из групп луо, падхола, обосновавшаяся в Восточной Уганде, оказалась в лесной полосе, где не было жителей; там ее родовая организация оказалась вполне достаточной. В Западной Кении им пришлось подчинять себе окружавшие их бантуязычные группы, и здесь также возникли предгосударственные структуры. Неудивительно, что профессор Огот, занимающийся историей южных луо, пришел к выводу, что существование полиэтнического общества является мощным фактором образования государства.

Государства Бито. Примерно девятнадцать династических поколений тому назад, т. е., вероятно, в течение второй половины XV в., передовые группы луо, двигавшиеся на юг, переправились через Нил между оз. Кьога и оз. Альберт и достигли бантуязычных народов Уганды, где они быстро разгромили Китару. Раскопки в Биго подтвердили факт завоевания столицы, показав, что внешний вал, созданный хима, был частично разрушен для получения материалов для полусферической постройки, характерной для нилотов.

Бантуязычным народам Южной Уганды завоеватели-луо были

известны как баньоро, а подвластная им территория — как Буньоро. Военачальник-луо, победивший чвези, основал династию Бито. Правители династии Бито правили в государстве Буньоро в продолжение девятнадцати поколений. Согласно преданию, первый из них, Рукиди, назначил своего брата-близнеца Кимеру вождем территории, на которой впоследствии возникло государство Буганда. Правнук Рукиди, Чва Ньябонго, проник в глубь Руанды, где предания сообщают о мощном вторжении баньоро.

Однако государство Буньоро не было централизованным политическим объединением. Правители Бито в период расцвета своей власти управляли территорией, превышавшей, возможно, 5 тыс. кв. км, между оз. Альберт на севере и р. Катонгой на юге, отрогами Рувензори на западе и равнинами Синго на востоке. За пределами этой центральной зоны вассальные династии быстро приобрели фактическую независимость. Среди периферийных государств в конце XVI в. начинала расширяться Буганда.

Без основания считать, что к концу XVI в. династия Бито, которую основал Кимера, была свергнута или по крайней мере испытала значительное внешнее воздействие. Дело в том, что изменились обычаи баньоро в погребении правителя. Кроме того, начиная с этого времени, если не раньше, дети царя стали принадлежать родовой группе своей матери. Эта система вовлекала почти все родовые группы луо в управление страной, что было могучим источником силы государства.

Расширение Буганды шло постепенно. В конце XVII в. Буганда установила свою власть на берегах оз. Виктория и р. Катонги вплоть до водопадов Рипон. В конце XVIII в. она простиралась к югу вплоть до р. Кагеры, а к северу остановилась на полпути к долине Виктория-Нил⁸⁰. Одновременно с экспансией постоянно крепла и царская власть. Если вначале отдельные надобщинные образования, включавшиеся в новое государство, еще были в значительной степени самостоятельными и оставались под властью своих потомственных династий, то позднее правители Буганды назначали правителями округов своих ставленников, выбирая кандидатов среди доверенных царских людей. Из них было образован особый отряд царской охраны — отборная сила, способная навязать кому бы то ни было волю правителя. Начиная с середины XVIII в. Буганда оказалась вовлечена в новую торговую систему, выходящую через Центральную Танзанию на побережье. В преданиях ясно говорится о первом появлении в стране (при правителе восьмого поколения) привозного фарфора и ножей. При правителях следующего поколения начался постоянный обмен слоновой кости и рабов на привозные ткани. Межплеменная торговля с самого начала была монополизирована царской властью, во многом способствуя как росту ее могущества, так и учащению войн и набегов за рабами.

Государства хинда и государства тутси. Пока в области, расположенной между оз. Кьога и р. Катангой, процветали государства правителей Бито, основанные пришельцами — нилотами луо, в юж-

ной части Межозерья, где правящий слой составили хинда, рождался ряд других, не менее значительных образований. Хинда, возможно, были вождями тех групп, которые из-за вторжения Бито переселились на юг. Вся история хинда состоит из борьбы с правителями Буньоро.

Рухинда, основатель-эпоним родовых групп хинда, положил начало целому ряду правящих династий мелких образований — Анколе, Кьямтвара, Ихангино, Бусуби, Бузинза и др.

Я. Вансина показал, что в начале XVII в. династию хондого в Руанде сменила династия завоевателей, пришедших из Карагве; возможно, следовательно, что на протяжении самого длинного отрезка своей истории Руанда являлась владением хинда. Де Хейш с большим основанием предполагает, что то же самое может относиться и к Бурунди, а также — по крайней мере на какой-то период — и к Буха.

В преданиях этого региона Рухинда обычно предстает сыном последнего правителя-чезви, Вамары, и рабыни Нджунаки. Возможно, это династическая легенда. Пришельцы, должно быть, нашли общий язык с местными жителями. Хинда принесли с собой зерна кофейного дерева и привели большие стада длиннорогого скота. Хинда сдавали двух или трех животных в аренду земледельцам, которые становились их клиентами и получали молоко, приплод и навоз. Говорят, что скот, принадлежавший хинда, позволил земледельцам хайя и зинза с юго-западных берегов оз. Виктория увеличить производство бананов в такой степени, что они уже не нуждались в сорго. Таким образом, отношения между скотоводами и земледельцами оказались выгодными для тех и других, и этим в значительной степени объясняется возникновение здесь устойчивой политической структуры.

Генеалогия династии хинда в Северо-Западной Танзании обычно на два или три поколения короче династий Бито из Буньоро. Лишь династия хинда в Анколе, на юге Уганды, претендует на девятнадцать поколений; в этом случае можно предположить, что два или три древних имени являются апокрифами. Таким образом, создается впечатление, что появление первых хинда в Карагве, должно быть, относится к началу XVI в., т. е. к тому времени, когда войска баньоро совершали походы на юг, возглавляемые правителями третьего и четвертого поколений династии Бито. Как мы видели, баньоро смогли в семнадцатом поколении основать династию Бито в Кизибе. В других местах, на северо-западе Танзании, их, очевидно, опередили хинда.

Потерпев крушение на юго-востоке, баньоро шестнадцатого поколения направились на юг, в Руанду, которая в то время была наиболее доступной из числа мелких государств тутси, расположенных на северо-востоке современной Руанды. Как мы видели, вторжение баньоро оказалось опустошительным. Первая династия Руанды, Ньигинья, спаслась бегством в Буши (Восточное Конго). Когда наконец баньоро ушли из страны после смерти своего правителя Чва Ньябонго, Руанда попала в зависимость от другой ди-

настии тутси — Хондого. Именно правители Хондого осуществили первые завоевания в центре современной Руанды, где они позависовали у существовавшего здесь ранее государства хуту Бумбого-Рукома ритуалы царской власти, наиболее характерные для позднейшей Руанды: барабан Каринга, священный огонь Гиханга и т. д. Тем не менее спустя всего лишь три поколения правителей Хондого, в начале XVII в., в стране разразилась междоусобная война, и там появилась новая династия, очевидно хинда по происхождению, пришедшая из Карагве. Обстоятельства этого завоевания тщательно замалчиваются хранителями официальной исторической традиции Руанды, которые предпочитают распространять обычную версию о царевиче прежней династии, родившемся в изгнании и вернувшемся, чтобы «потребовать» царство своего отца. Однако ясно, что в Руанду в этот период проникли новые культурные элементы: династические поэмы, которые так великолепно записал и перевел Алексис Кагаме; культ чезви; система военной организации в виде военных каст и даже система клиентелы *убухаке*, основанная на сдаче скотоводами-тутси скота в аренду земледельцам-хуту.

Отныне самым важным моментом в развитии Южного Межозерья стала территориальная экспансия Руанды и сложение ее политического устройства. Благодаря кропотливой работе Я. Вансины, который сверил традицию правящей династии с традициями других родовых групп, мы теперь знаем, что это сложение происходило медленно, завершившись лишь накануне колониального периода. В XVII в. правители только закрепили свое господство над хуту, населявшими центральную область. Настоящая экспансия началась лишь в середине XVIII в., когда одно за другим присоединялись образования тутси на северо-востоке: Ндорва, Гисака и Бугесера. В XVIII в. началось постепенное завоевание областей хуту, расположенных на северо-западе. В противоположность рядовым тутси, которые составляли военную касту и оставались под управлением своих собственных вождей, хуту ставились в зависимость от вождей тутси, назначаемых правителем. Это был решающий шаг в усилении централизованной царской власти и в сложении кастовой системы, социально закрепившей неполноправное положение земледельцев-хуту по отношению к скотоводам-тутси.

Самой примечательной особенностью цивилизации Межозерья были весьма мощные внутренние факторы развития общества при минимальных внешних воздействиях. Как известно, рост государств в Африке был часто связан с необходимостью контроля над дальней торговлей или над ввозом оружия. Здесь же начало торговых отношений с внешним миром и даже с другими африканскими областями относится, по-видимому, к XVII в. Между скотоводами и земледельцами установились отношения, которые не ограничивались простым обменом продуктами производства, а всегда сводились к отношениям господства — подчинения. Повсюду, где скот отдавался в аренду земледельцам, должны были существовать средства принуждения для обеспечения выполнения договора.

Вторжение луо, хотя и несколько по-иному, способствовало развитию подобного же типа. Завоевав самое могущественное государство этого региона, вожди-луо утвердились здесь в качестве господствующего слоя. В середине XVI в. установилось равновесие сил между баньоро на севере и хинда на юге. В конце XVIII в. в Буганде и Руанде появилась сложная иерархия знати.

Промежуточное плато. *Бантуязычные народы Западной Танзании.* Между суахильской цивилизацией восточного побережья и цивилизацией Межозерья в отдаленных внутренних районах находилась обширная область, где еще в конце XVIII в. не было общинно-родовых образований, превышающих несколько тысяч человек. В таких мелких обществах незначительны были и те институты, о которых могла сообщать традиция. Поэтому здесь придется ограничиться обсуждением некоторых общих вопросов.

Достаточно ясно, что влияние хинда и тутси ограничивалось на юге линией, проходившей от юго-западной оконечности оз. Виктория до страны винза, расположенной на северо-восточных берегах оз. Танганьика. К юго-востоку от этой линии обитали ньямвези, за ними — бенде, фипа, кимбу, сангу, хехе, бена и пангва, а еще южнее — ньика, намванга, сафуа, ньякьюса и кинга. Всеми этими народами (за исключением бенде и фипа, правители которых пришли из района, лежащего к западу от оз. Танганьика) правили вожди *нтени* или *нтуа*; хотя здесь существовали всего лишь догосударственные надобщинные структуры, они испытали немалое воздействие государств Межозерья. Каждого из таких вождей, даже тех, кто правил всего лишь тысячей подданных, можно рассматривать как обожествленного правителя. У них были особые символы власти и священные огни, от которых периодически зажигались огни по всей стране. В принципе *нтени* не мог умереть естественной смертью, не подвергнув при этом опасности жизнь всего общества.

Вождей погребали по особому обряду, сопровождавшемуся обычно человеческими жертвоприношениями. Однако в противоположность централизованным государствам в области Межозерья указанные структуры были весьма аморфными. Их размеры сводились к той территории, которой вождь был способен управлять лично с помощью родственников. С ростом населения в таких структурах шел процесс сегментации. В исключительно плодородной области к северу от оз. Ньяса ньякьюса установили систему, согласно которой их общинно-родовые образования автоматически делились через каждые 30 лет. В более засушливой области, населенной ньямвези-сукума, этот промежуток был более длительным и не регулировался искусственно. Одним из результатов такой сегментации было то, что значительные области, включавшие более дюжины общинных объединений, попадали под власть вождей одного и того же клана. Такое положение привело английского исследователя Бертона к ошибочному выводу о том, что образование Буньямвези представляет собой фрагмент некогда существовавшего единого государства.

В преданиях правящие династии отличаются по своему происхождению от прочих родовых групп. Правящие династии пришли якобы с севера, приведя с собой скот и принеся другие новшества, которые и обеспечили им превосходство. Не сохранилось никаких воспоминаний о каких-либо связях между бена и хехе, а также между хехе и ньямвези; тем не менее сходство в системах управления позволяет думать, что подобные связи, должно быть, существовали. Точно так же ньямвези и сукума приписывают своим правящим родовым группам северное происхождение, и на этот раз именно в области Межозерья, к западу от оз. Виктория. Примечательно, что это переселение (если оно имело место) опережает династические генеалогии, которые как максимум не старше двадцати поколений. Согласно традиции, такие миграции якобы предшествовали образованию всех больших государств в Межозерье. Но для достоверного истолкования подобных данных нам не хватает свидетельств других источников.

Кушиты и нило-кушиты. К востоку от нилотских и от бантуязычных народов, населяющих области Межозерья и Западной Танзании, живут народы Восточной Африки, говорящие на кушитских и нило-кушитских языках. Наиболее известными среди них являются скотоводы, которые вплоть до колониального периода кочевали небольшими группами по засушливым равнинам Северной Кении и на высоких плато Центральной Кении и северной части Центральной Танзании. В противоположность скотоводам, испытавшим большее воздействие Межозерья, они не создали государств. Особенности социальной организации этих народов не способствовали хранению устной традиции, и то немногое, что нам известно об их прошлом, восходит либо к этнографическим данным, либо к преданиям их оседлых соседей.

В течение по крайней мере пяти или шести последних веков скотоводы Восточной Африки кочевали, по-видимому, поблизости от бассейна оз. Рудольф. Во всяком случае, именно оттуда нило-кушитские племена бари и их предшественники переселились в начале XV в. на запад и вытеснили луо в Южный Судан. Оттуда же в начале XVI в. кушиты галла продвинулись на север в Центральную Эфиопию и на восток в низину между р. Джуба и оз. Тана. Оттуда же джийе и карамоджо переселились в Северо-Восточную Уганду, оттесняя ланго и тезо, которые обитали между нилотами ачолы и падхола и между падхола и луо в Кении. В конце XVI в. из этого же района нанди переселились на юг, на возвышенности, занятые мау Западной Кении, а за ними примерно через сто лет последовали масай, распространившиеся к югу по обе стороны Рифт Валли вплоть до Центральной Танзании.

Если бы этим ограничивалось все, что нам известно о кушитах и нило-кушитах, мы должны были бы прийти к выводу о том, что их появление в восточных областях региона относится к недавнему времени и что их приход сдвинул границу расселения бантуязычных народов, которая простиралась прежде от оз. Альберт до Могадишо. Однако в действительности в этом северном районе

центральной части Восточной Африки обитает целый ряд остаточных племен, говорящих на кушитских и нило-кушитских языках. В горах Непака и Морото живут тепет. На горе Эльгон живут сапей, пок и кони, а в округе оз. Баринго — сук, кейо и туken. Охотники-доробо населяют горную цепь Абердаре и гору Кения. На обширной территории, где в настоящее время обитают бантуязычные народы, рассеяны татога, небольшие группы которых можно обнаружить от восточных и южных берегов оз. Виктория вплоть до Центральной Танзании. Все эти народы говорят на нило-кушитских языках, большинство из которых, однако, далеко разошлось между собой. Поэтому создается впечатление, что эти народы отделились друг от друга в очень отдаленную эпоху. Существование всех этих родственных языков является доказательством того, что кушиты и нило-кушиты, должно быть, занимали указанную область задолго до появления здесь бантуязычных народов. Вероятно, они занимали некогда более обширную территорию, и именно бантуязычные группы взяли их в кольцо, ассимилировав некоторых из них.

Бантуязычные народы Восточной Кении и Танзании. То немногое, что нам известно о бантуязычных группах, живших к востоку от территории обитания нило-кушитов, дает основание считать, что почти до конца интересующего нас периода они развивались отдельно от родственных групп Межозерья и Западной Танзании. Эти народы, жившие на востоке, по своей социальной организации делятся на две группы: матрилинейную и патрилинейную.

Матрилинейная группа занимала юго-восточный угол этого района и происходила от той общности матрилинейных бантуязычных народов, которая пересекала Африку от Мозамбика до Анголы. Восточноафриканские члены этой общности были распространены от Рувумы в южную сторону, а к северо-востоку их территория постепенно сужалась и заканчивалась на р. Руву выше Пангани. Эти народы, безусловно, относились к числу тех бантуязычных групп, которые меньше всего испытали воздействие внешнего мира и других африканских культур. В XIX в. многие из них были еще первобытными охотниками и рыболовами. Другие были в основном земледельцами, ведущими подсеčno-переложное земледелие и не выработавшими развитые социальные институты.

К северу от матрилинейных жили патрилинейные народы, известные под общим названием северо-восточных банту. К ним относились шамбаа с гор Усамбара, паре, чагга из южных долин Килиманджаро, диго и гириама с прибрежной равнины Кении, камба с нижних аллювиальных плато, покомо из долины Тана и меру, эмбу, чука и кикуйю из окрестностей горы Кения. Некоторые авторы отвели патрилинейному характеру наследования такую важную роль, что отделили северо-восточных банту от матрилинейных племен юга и связали их происхождение с происхождением патрилинейных бантуязычных групп из внутренних областей. Однако можно, по-видимому, предполагать, что вначале народы, говорившие на языках банту, были матрилинейными, а те, кто впо-

следствии принял патрилинейный порядок наследования, сделали это в результате контактов с другими культурами. Согласно этой гипотезе, бантуязычные группы Межозерья и Западной Танзании восприняли патрилинейный счет родства от народов Восточного Судана и от нило-кушитов севера, тогда как северо-восточные банту получили его от кушитов и нило-кушитов.

Таким образом, северо-восточные банту, вероятно, первоначально были матрилинейными. Они первыми из бантуязычных мигрантов, выйдя с юга, распространились по региону. Разумеется, у них были общие предания, в которых рассказывается о широком переселении во внутренние районы страны из области, названной Шунгвайя, которую, вероятно, можно отождествить с районом между низовьем рек Джуба и Тана. Не следует считать, что эта традиция относится к предкам всех северо-восточных банту. Но она, по-видимому, указывает на то, что бантуязычные группы, населяющие побережье на крайнем севере, были вытеснены, по всей вероятности, в результате вторжения галла в XVI в. из области Джуба и что они распространились по многим внутренним районам Восточной Африки. Некоторые из них поднялись по долине р. Тана, и вполне возможно, что именно они были первыми бантуязычными поселенцами на горе Кения, долины которой, покрытые лесом, по всей вероятности, не заселялись кушитскими и нило-кушитскими племенами, жившими у ее подножия. Традиция бантуязычных групп горы Кения заполнена рассказами о территориальной экспансии, развивавшейся с северо-востока на юго-запад. Меру, которые живут на восточных склонах горы, хранят четкие воспоминания о мвоко, живших ниже их на равнинах и имевших обычай хоронить покойников в сидячем положении внутри небольших каменных построек, подобно галла. Традиция кикуйю, которые живут на западных и южных склонах массива, описывает покупку земель у охотников-доробо, которые, как кажется, в прежние времена были единственными жителями этих лесистых возвышенностей. Если вспомнить, что первые пришельцы составляли всего лишь часть покинувших Шунгвайю и что бантуязычное население Центральной Кении насчитывает сегодня 1,5 млн. человек, следует предположить феноменальный процент роста населения в течение четырех последних веков. Обычай инициации и институт возрастных классов, характерные для бантуязычных групп на центральных возвышенностях, можно объяснить как результат поглощения первыми переселенцами предшествующего охотничьего населения.

XVIII столетие. Похоже, что предания, относящиеся к «бантуизации» Угого в начале XVIII в., дают нам свидетельство о встрече бантуязычных народов Восточной и Западной Танзании, т. е. о необходимом условии для проникновения торговли с побережья во внутренние районы Африки. Каким бы странным это ни казалось, торговые дороги, ведущие в глубь континента от побережья Индийского океана, по-видимому, первоначально находились гораздо южнее нынешней Восточной Африки. Первые из них поднимались вверх по р. Замбези и по другим еще более южным

рекам. В первые века I тысячелетия был открыт путь от р. Саби к Зимбабве, а также от р. Лимпопо к Мапунгубве. Судя по всем имеющимся ныне данным, богатство средневековых суахильских поселений на побережье Кении и Танзании зависело от торговых путей, находившихся далеко на юге. Е. А. Альперс показал, что только после того, как португальцы заняли низовье Замбези, торговцы биса и марави из Замбии и из Малави начали искать новые выходы в небольших портах Северного Мозамбика. Лишь в XVIII в., после прихода яо, специализировавшихся на торговле с внутренними районами, и после завоевания побережья Кении и Танзании арабами из Омана, торговля из южных внутренних территорий стала все больше и больше направляться в Кильву.

Открытие центральной части внутренней Африки относится, очевидно, к тому же времени, что и быстрое развитие дороги на Кильву, которое было вызвано в первую очередь усилиями ньямвези из Западной Танзании. Вначале это было, вероятно, связано с территориальной экспансией ньямвези. Примечательно, что генеалогические списки вождей ньямвези и сукума не одинаковы — они длиннее на западе и короче на востоке. Это наводит на мысль, что когда на западе население возросло, то раздробившиеся группы, не находя новых земель поблизости от прежних поселений, переместились со своими вождями в более окраинные области, занятые кушитскими и нило-кушитскими охотниками и пастухами.

Во многих районах Африки проблема организации торговли на дальние расстояния требовала прежде всего установления хотя бы минимальной политической системы. Охота на слонов и торговля слоновой костью, так же как добыча и вывоз меди и золота, требовали совместного участия множества людей — как производителей, так и носильщиков. Они требовали поддержания порядка и безопасности вдоль торговых путей. Вплоть до конца XIX в. эти основные условия не могли поддерживаться неафриканскими организаторами трансконтинентальной торговли. Их могли осуществить только сами африканцы. Первым шагом развития торговли на Замбези, безусловно, способствовало относительно быстрое обеспечение таких условий в юго-восточной части бантуязычной Африки. В Восточной Африке эти условия существовали во внутренних районах по крайней мере с конца средневековья, но торговля стала регулярной лишь после того, как бантуязычные народы стали оказывать влияние на побережье. Возрождение суахильской цивилизации, происшедшее под влиянием переселенцев из Омана, прибывших в XVIII в., стало новым импульсом для установления торговых связей. Изгнание португальцев из Момбасы в 1698 г. явилось поворотным моментом в истории побережья Кении и Танзании. Арабы из Омана разбивали плантации, вывозили слоновую кость и рабов в Аравийский залив и дальше на восток. Возрождение торговли привлекло сюда индийских торговцев, которые селились под покровительством арабских гарнизонов и поставляли скобяные изделия и ткани для развития торговли с внутренними областями. В XVIII в. колонизация Маскаренских островов Фран-

цией создала новую потребность в рабах, что отразилось на работорговле сначала Мозамбика, а затем и Кильвы. Тем не менее кажется, что в течение XVIII в. очень немногие из чужеземцев, поселившихся на побережье, отваживались отправляться внутрь страны. Именно народы внутренних районов — на юге яо, в центре ньямвези, на севере камба — доставляли на побережье свои продукты и возвращались к себе с товарами из внешнего мира. Это положение стало медленно меняться лишь в XIX в.

Глава 13

ЮЖНАЯ АФРИКА И БАССЕЙН р. ЗАМБЕЗИ

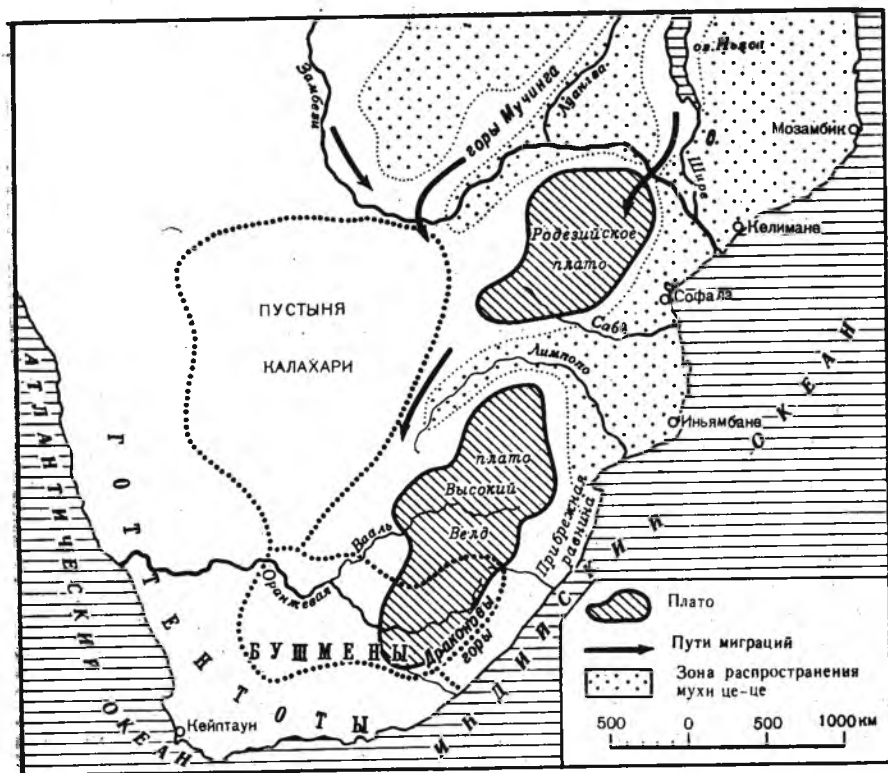
Географическая среда и население. Территорию Африканского континента к югу от р. Замбези можно разделить на несколько различных географических регионов, из которых наиболее благоприятными для деятельности человека (плотность населения там выше всего) являются родезийское плато и плато Высокий Велд в Южной Африке.

На низменных землях прибрежной равнины (за исключением Наталя) и в долинах рек Замбези и Лимпопо водится муха цеце, препятствующая разведению крупного рогатого скота. Зона распространения мухи цеце изолирует родезийское плато от моря и в значительной степени затрудняет сухопутный доступ во внутренние районы страны, куда можно также попасть по судоходному отрезку р. Замбези длиной 600 км. Поэтому родезийское плато можно достигнуть следующими путями: по долине верхнего течения р. Замбези, по гребню гор Мучинга, по западному берегу оз. Ньяса. Именно этими путями проникли в области к югу от р. Замбези навыки земледелия, скотоводства, выплавки металлов.

На востоке безлюдная пустыня Калахари отделяет эти два плато от Юго-Западной Африки — пустынной области с редким населением, состоящим из кочевников-скотоводов и охотников-собирателей, история которых остается неизвестной.

На территории к югу от р. Оранжевой и к западу от р. Кей разбросаны готтентоты и бушмены: первые — скотоводы, вторые — охотники-собиратели. Во второй половине XVII в., когда они впервые столкнулись с голландцами, они еще не испытали нажима бантуязычных земледельцев с севера.

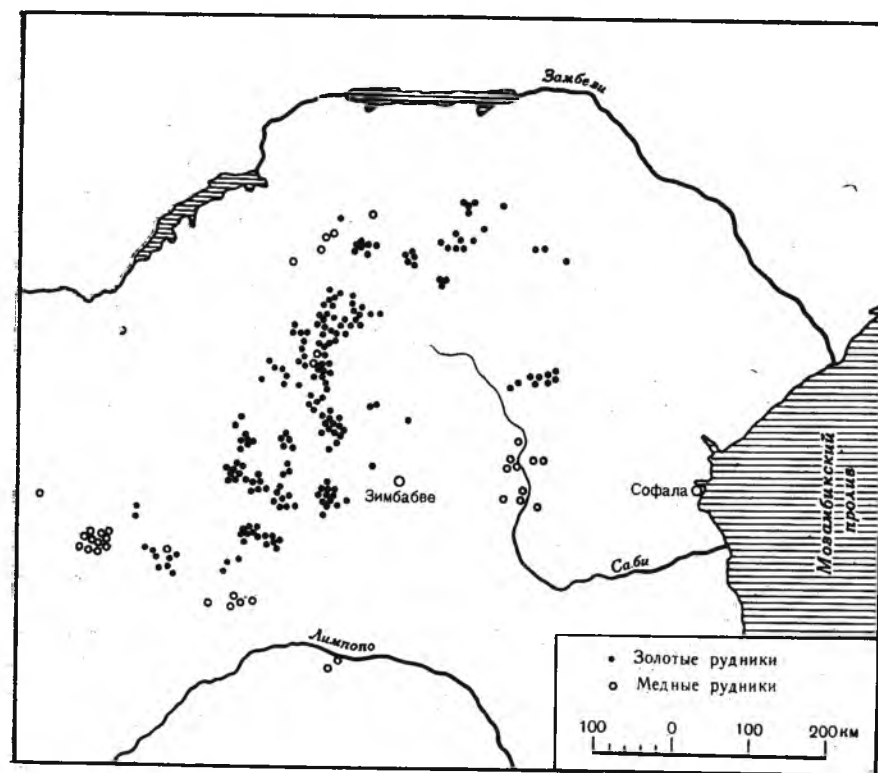
Первые земледельцы. Археология с помощью радиоуглеродного метода датирует появление первых земледельцев на родезийском плато началом нашей эры. Мы не располагаем точными свидетельствами, которые позволили бы определить выращивавшиеся ими растения, однако можно предположить, что это были сорго, просо, элевсина, бобовые и тыквенные растения. Нет у нас и доказательств наличия крупного рогатого скота, хотя такая возможность не исключается; зато разведение овец не вызывает сомнений. Выплавка железа была известна, однако практиковалась она сравнительно редко. Нет данных, которые позволили бы нам

Южная Африка

определить этническую принадлежность этой первой цивилизации железного века, которая сменила каменный век, и язык ее представителей. К югу от р. Лимпопо она распространилась на северную половину плато Высокий Велд, где, как удалось доказать, она существовала в IX в.

Рудокопы. В течение второй половины I тысячелетия н. э. начинается разработка месторождений золота и меди, рассыпанных по всему родезийскому плато. Здесь было обнаружено свыше 1 тыс. золотых и 150 медных рудников; а в действительности их было, вероятно, гораздо больше. В глубину шахты в среднем достигали около 15 м, но там, где это позволял уровень подпочвенных вод, они могли уходить и на 30 м. Методы добычи были точно такими же, как и на юге Индии в 300 г. н. э. Найденные в рудниках женские костяки свидетельствуют о применении труда женщин в возрасте от 18 до 25 лет. Известно, что добыча происходила зимой, в мертвый сезон для земледелия. Рудокопы распространились за р. Лимпопо, на северную часть плато Высокий Велд. Они разрабатывали в Трансваале медь, а также олово.

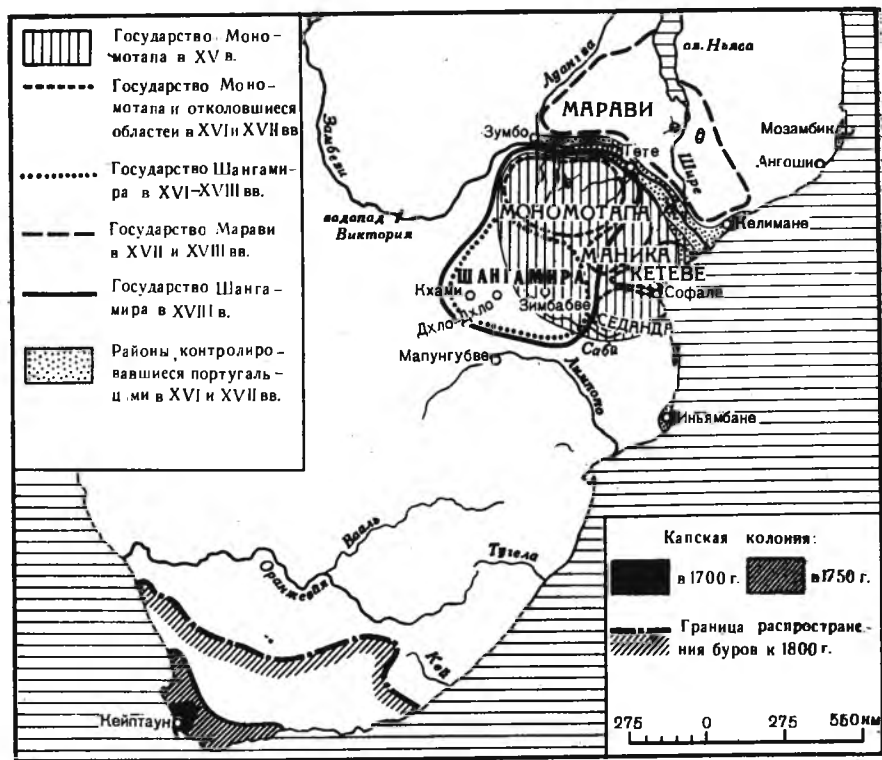
Зимбабве, Софала и месторождения золота и меди

Как и в отношении земледельцев, ничего не известно ни об их этнической принадлежности, ни об их языке.

Начиная с X в. родезийское золото вывозится в Индию, которая в обмен поставляет хлопчатобумажную ткань и стеклянные изделия. Посредниками в этой торговле были арабы, которые обосновались в Жильве около 957 г., а затем в Софале, основанной, вероятно, в XII в.

Строители. Начиная с XI в. на родезийском плато появилась новая этническая общность, для которой был характерен новый тип керамики. Кроме того, новое население стало вскоре возводить каменные постройки: было обнаружено 330 городищ. Кроме знаменитых развалин Зимбабве лучше других известны городища Кхами и Дхло-Дхло. В восточной части плато, в Иньянге, были найдены остатки каменных террас, которые свидетельствуют о развитом земледелии и о высокой плотности населения.

Остатки каменных строений существуют также и на плато Высокий Велд, но там нигде не обнаружены строения такого масштаба, как те, что находятся к северу от р. Лимпопо. Создатели ка-

Мономотапа и Капская колония

менных строений находились в меньшинстве в сравнении с рудокопами, но они подчинили их. Известно, что они пытались ограничить добычу золота и меди с целью сохранить преимущество в торговле с чужеземными купцами.

Между XII и XV вв., очевидно в XIII в., городище Зимбабве стало центром какой-то раннеполитической структуры, которая распространяла свою власть еще на одно крупное поселение — Мапунгубве, на берегах р. Лимпопо. В XV в. здесь образовалось государство с сильной централизованной властью. Некоторые исследователи полагают, что это государство создала этническая группа розви, которая тогда еще жила здесь и первое упоминание о которой содержится в португальских источниках конца XVII в.

Мономотапа. На рубеже XV в., если верить первым европейским путешественникам, здесь существовало государство со столицей в Зимбабве, которое они называли «империя Мономотапа»⁸¹. Столица располагалась на северной кромке родезийского плато, на берегу р. Мусенгези, недалеко от р. Замбези. Безусловно, именно в эту эпоху Мапунгубве удалось поколебать гегемонию нового государства. Территория под властью *мономотапы* была ог-

раничена на севере р. Замбези, на юге — р. Саби и на востоке — Индийским океаном.

В 1552 г. португальский историк Жуан де Барруш рассказывал о сооружениях в Зимбабве со слов арабских купцов. Эти сведения были единственными известными до описания, сделанного Карлом Маухом в 1871 г. Вероятно, с начала XVI в. Зимбабве перестало играть роль столицы.

Почему же центр государства переместился в северную часть плато, почему его властитель покинул великолепные постройки и поселился в месте, где ныне обнаружены лишь незначительные остатки невысоких стен? Для ответа на этот вопрос, который не перестают задавать себе историки и археологи, мы можем предложить лишь гипотезы.

Так, некоторые исследователи считают, что р. Саби некогда была судоходной вплоть до слияния с р. Лунди. Ныне она несудоходна и стала таковой уже в XVI в. Не этим ли объясняется упадок Зимбабве?

К этому объяснению добавим еще одно, без сомнения, более убедительное: когда португальцы в конце XV в. попали в эти края, они узнали от арабов, что во внутренних районах страны свирепствует война, что торговля с побережьем прервана и что туда перестало поступать золото. Эта война, причины которой неизвестны, закончилась лишь в 1506 г. Тогда же возобновилась торговля, теперь уже с португальцами, которые с 1505 г. заняли в Софале место арабов. Правителем, с которым португальцы завязали торговые отношения, был *мономотапа*, живший на севере плато. О Зимбабве больше никогда ничего не было слышно. Неужели война до такой степени потрясла страну, что столицу пришлось перенести в другое место?

В XVI в. в стране *мономотапы* существовали (помимо прочих) четыре области: Китеве, Седанда, Маникия и Мономотапа, расположенная вокруг новой столицы. В последующие века португальцы имели известия лишь об этих областях.

Торговля арабов и португальцев с внутренними районами страны. Арабы, которые обосновались в Софале до появления там португальцев, играли роль посредников между населением внутренних районов и купцами Кильвы, Момбасы и Малинди. Эти купцы доставляли в Софалу индийские хлопчатобумажные ткани и изделия из стекла. Продавая африканцам эти товары за золото, жители Софалы получали прибыль в размере сто к одному, как об этом свидетельствовал в 1518 г. один португалец.

Вытеснив арабов из Софалы, португальцы попытались продавать африканцам льняные и шерстяные ткани, доставляемые из Европы, но те отдавали предпочтение уже привычным индийским хлопчатобумажным тканям. Вследствие этого торговля в Софале замерла. Тогда арабы возобновили прежнюю торговлю с родезийским плато по р. Замбези и через порт Ангош. Поняв свою ошибку, португальцы начали ввозить хлопчатобумажные ткани. В первой

трети XVI в. они вытеснили арабов из бассейна р. Замбези и основали поселения в Сена, Тете и Келимане. С тех пор вся португальская торговля шла по Замбези. Это означало упадок Софалы, откуда в конце XVI в. вывозили лишь слоновую кость.

Проникновение португальцев во внутренние районы страны. Обосновавшись вдоль Замбези, португальцы вначале довольствовались тем, что вели дела на берегу реки. Но вскоре некоторые из них отважились проникнуть на земли *момотапы* и основали там фактории. Это прямое соприкосновение с африканцами привело к конфликтам. В течение какого-то времени удавалось избегать их обострения по взаимному соглашению: назначенный португальскими властями и утвержденный *момотапой* чиновник распоряжался главной факторией в Массапэ. Он пользовался полнотой власти над всеми европейцами, находившимися на плато, а также над всеми африканцами по соседству с факторией. Он взимал в пользу *момотапы* пошлины со сделок из расчета одной набедренной повязки на двадцать проданных. Ни один европеец не мог проникнуть на плато за пределы Массапэ без разрешения *момотапы* или этого чиновника.

На рубеже XVI в., когда власть *момотапы* стала оспариваться сначала одним, а затем и несколькими вождями, он убедил португальцев оказать ему помощь и добился успеха. Чтобы отблагодарить португальцев за помощь, *момотапа* «уступил» им в 1607 г. все рудники, в которых добывали золото, медь, железо и олово, с обязательством поддерживать его на престоле. Но португальцам так никогда и не удалось самим разрабатывать эти рудники, да они и не пытались делать это всерьез, предпочитая обменивать у африканцев добытую руду на хлопчатобумажные ткани.

С тех пор при дворе *момотапы* для его защиты вплоть до 1759 г. постоянно находился отряд из 30 португальских солдат с огнестрельным оружием. Возможность их действий была ограничена по той причине, что у них не было лошадей: наличие мухи цеце в долине Замбези препятствовало их ввозу.

Если *момотапе* и удалось на ближайшее время укрепить свое положение с помощью португальцев, то именно эта иностранная помощь в конце концов оттолкнула от него зависимое население, которое видело в ней угрозу традиционным институтам. В течение всего XVII в. политическое равновесие между африканцами и европейцами оставалось неустойчивым, с чередованием периодов, когда постепенно возрастали привилегии португальцев, и периодов, когда вновь резко укреплялось первенство африканской верховной власти.

Торговые сделки между представителями столь различных культур— всегда трудное и тонкое дело. Злоупотребления доверием и недоразумения как с одной, так и с другой стороны часто приводили к возникновению конфликтов. Первая половина XVII в.— это длинная вереница подобных конфликтов. С 1632 по 1652 г. португальцам удалось полностью подчинить своему влиянию правящего тогда *момотапу* по имени Мавура. Португаль-

ские торговцы проникали на плато, возводили там небольшие укрепленные форты, создавали свои вооруженные отряды. Их прибыль составляла до 800% (в середине XVI в. она равнялась 3000%). Мавура, менее послушный, чем это думают, в одном из писем разоблачал насилие, кражи и злоупотребления португальских торговцев: мои подданные, говорил он, покидают золотоносные области и уходят в глубь страны. «Португальские негодяи,— пишет один свидетель во второй трети того же века,— могущественнее, чем сам король. Они выбирают и смещают королей по своему желанию. Население уменьшается, ибо черные бегут от беззаконного и жестокого поведения белых». Португальцы находились тогда в зените своего могущества. Противодействие, которое можно было предвидеть, не замедлило появиться; оно шло с юга, из внутренних областей другой половины плато.

Войны с Шангамирой. О Шангамире, вожде розви, впервые заговорили в 1684 г. Не располагалась ли столица этого грозного властелина на месте нынешних развалин Кхамы, неподалеку от Булавайо, или восточнее, на месте городища Дхло-Дхло? Мнения разделились, хотя археологи тщательно обследовали оба эти городища: нет ничего труднее, чем добиться совпадения археологических данных и сведений письменной истории.

Около 1688 г. Шангамира приступил к завоеванию северной половины плато. После краткой передышки в 1690 г. он в 1693 г. напал на фактории португальцев и изгнал их с плато (за исключением фактории Маника). Торговля золотом прекратилась и уже никогда не достигала того уровня, как в прежние времена. Оставшиеся в живых торговцы бежали в свои колонии в Сена и в Тете. Тем не менее в 1716 г. была основана новая фактория в Зумбо, откуда в течение XVIII в. португальцы поддерживали нерегулярные торговые связи с золотоносными областями на плато. Окончательную неудачу португальской экспансии внутрь страны один современник решительно приписал «неслыханной заносчивости нашего народа, которая и привела к этим войнам».

Присутствие Португалии в долине Замбези постепенно уменьшалось в течение всего XVIII в. В начале XIX в. число торговцев здесь, включая арабов и индийцев, не превышало 4 тыс. человек. Торговля все больше и больше переходила в руки метисов родом из Гоа или мулатов. Сложившаяся за века система обмена не была нарушена, и именно сюда поступали все золото и вся слоновая кость Восточной Африки вплоть до европейской колонизации в XIX в.

Государство марави. В то время как в течение XVII и XVIII вв. государство Момотапа распадалось, к северу от Замбези укреплялось другое, менее враждебное по отношению к европейцам государство. Это было государственное образование марави, возникновение которого восходит, вероятно, к XVI в.; традиция называет его основателем воинственного вождя по имени Мамбека. Вначале власть марави не выходила за пределы территории между реками Замбези, Луангва и Шире, но в течение

XVII в. она распространилась вдоль побережья на расстояние примерно 250 км к северу от Замбези. Столица государства Музура располагалась между р. Замбези и оз. Ньяса; она была многоязычной, и, по свидетельству одного европейца, в 1624 г. там находилось много купцов.

Португальцы покупали у марави слоновую кость, железо, рабов, а также хлопчатобумажные набедренные повязки местного производства, которые они затем перепродавали в Мономотапу. Но золота там не было. В первой трети XIX в. государство марави распалось и было поделено на многочисленные мелкие самостоятельные владения, воевавшие друг с другом. Создается впечатление, что единственным результатом трехвекового контакта португальцев с африканцами было раздробление африканских государств, возникшее как следствие европейской торговли, которая велась слишком агрессивно.

Плато Высокий Велд и побережье Наталя. Археология открыла нам существование процветающих общин на плато Высокий Велд в период до XIX в., но нам ничего не известно об их истории. В течение XVI, XVII и XVIII вв. по побережью Наталя неоднократно проходили группы европейцев, спасшихся после кораблекрушения и пытавшихся добраться либо до мыса Доброй Надежды, либо до Софалы. Из их рассказов складывается впечатление о существовании здесь небольших общин, не имевших надобщинной структуры. К югу от р. Тугела еще в XVII в. было мало общин, которым были известны железо и его обработка.

Закрепление голландцев на мысе Доброй Надежды. В 1652 г. Голландская Ост-Индская компания решила основать на мысе Доброй Надежды «стоянку для отдыха» для флотилий и отдельных кораблей компании, направляющихся в Индию. Ее чиновники наладили там не без больших трудностей сельскохозяйственное производство; они также завязали торговлю с соседними скотоводами-готтентотами, обменивая куски железа и меди на быков и баранов, предназначенных для пополнения мясных запасов на проходящих судах.

Вскоре, хотя и не без колебаний, компания разрешила некоторым из своих чиновников оставить службу и обосноваться здесь частным образом. Животноводство, будучи экстенсивным, лучше приспособленным к среде, а значит, и более прибыльным, сделалось с конца XVI в. главным занятием этих свободных поселенцев, получивших название буров.

В 1688—1689 гг. к ним присоединились около двухсот французских беженцев-гугенотов, изгнанных с родины. Они легко ассимилировались в бурской среде и вскоре перестали пользоваться французским языком.

Постепенно в белой общине стала обнаруживаться тенденция к расколу на две группы: с одной стороны, это были чиновники и богатые собственники; их было немного, и они жили в Капштадте и его окрестностях. С другой стороны, это были кочующие скотоводы внутренних районов страны; они подражали в своем образе

жизни коренным жителям, которых они постепенно оттесняли, поработали или ассимилировали путем метисации. К 1689 г. готтентоты были вынуждены прекратить борьбу против захвата их земель. Многие из них погибли во время эпидемий оспы в 1713 и 1755 гг.

Экспансия буров-переселенцев распространялась на восток вдоль плодородной прибрежной полосы, не углубляясь в засушливые внутренние области. Пока они не достигли р. Грейт-Фиш, перед переселенцами открывалась малонаселенная обширная территория. За рекой дорогу им преградила плотно заселенная территория бантуязычных земледельцев, которых им так и не удалось вытеснить. Первая ожесточенная стычка произошла в 1779 г. Европейцам пришлось тогда отступить к северу на более засушливые земли.

Кроме огнестрельного оружия в распоряжении буров находились лошади и повозки, запряженные быками. Отсутствие мухи цеце на территории до р. Лимпопо позволило европейцам пользоваться лошадьми на всем плато Высокий Велд, а позднее даже проникнуть на родезийское плато, пройдя по кромке пустыни Калахари. Тем не менее лошадей так никогда и не распространилась здесь, так как ее повсюду подстерегали другие опасности. Этим объясняется то обстоятельство, что в противоположность американским индейцам местное население Южной Африки мало пользуется лошадьми.

В течение XVIII в. белое население колонии увеличилось в десять раз и достигло в 1795 г. 20 тыс. человек; четверть из них жила в Капштадте и его окрестностях. Этот быстрый прирост населения был вызван не столько иммиграцией, сколько высокой рождаемостью в среде колонистов. На рубеже XVIII в. количество европейцев в пределах колонии уже превосходило число готтентотов, которых было примерно 15 тыс. человек. Что касается бушменов, то они уже не принимаются в расчет; они были вынуждены прекратить сопротивление продвижению колонистов в начале XIX в.

В 1797—1798 гг. англичанин Джон Барроу путешествовал по территории колонии и оставил очень живое и подробное описание каждодневной жизни буров-переселенцев во внутренних районах страны: «Голландские крестьяне, которых называют бурами и которые могут обесчестить себя в изобилии не только всем необходимым, но и предметами роскоши, живут самым скаредным образом. Они не употребляют ни сливочного масла, ни молока, ни вина, хотя в их распоряжении находятся неисчислимые стада и богатые виноградники. Они почти совсем не едят овощей. Единственная пища, которую они подают на стол, это большие куски баранины, плавающие в сале.

Их жилища столь же грубы, как их образ жизни. Большинство из них не имеет кровли; те, что все же имеют ее, попросту покрыты решеткой из палок, на которую уложены куски земли и дерна. ...Из мебелировки, которая украшает [эти хижины], самыми роскошными предметами являются большой сундук, где хранятся все

лучшие вещи хозяина, и два небольших дорожных чемодана. Стулья обиты полосками бычьей кожи.

...Несмотря на этот жалкий внешний вид, бур не лишен собственности. Он владеет землей площадью в несколько миль. Он правит там полновластно, не опасаясь суда со стороны кого бы то ни было. Бедные рабы, или готтентоты, повинуются его безоговорочным приказам. С утра до вечера он не перестает курить, вынимая изо рта свою трубку только для того, чтобы поесть, отдохнуть во время полуденной сиесты или выпить свой зорје (так они называют свою водку).

...Редко можно найти хотя бы единственную книгу в хижинах этих крестьян, разве что Библию... Впрочем, они очень набожны и, чтобы посетить богослужение, пускаются иногда в многодневные путешествия.

...Однако и у этих людей есть добродетель, за которую им можно простить множество недостатков: я имею в виду их гостеприимство. Они принимают любого чужака как родственника или друга.

...Свои земли бур содержит не лучше, чем дом. Те, кто занимается продажей скота, вовсе не сеют зерна, а покупают продукты пропитания в обмен на скот. Но что еще губительней, это то, что сами земледельцы ничего не понимают в земледелии. Они обрабатывают землю с помощью грубого и массивного плуга, который с трудом тащат восемь-десять лошадей или двенадцать быков; они совершенно незнакомы с удобрениями».

Из этого рассказа, может быть несколько высокомерного, но в правдивости которого не возникает никакого сомнения, можно, пожалуй, заключить, что бур благодаря безразличию, апатии и отсутствию предприимчивости жил чуть ли не натуральным хозяйством. Ничего подобного. Скотоводы сознательно избрали такой образ жизни, следуя закону получения наибольшей прибыли при наименьших затратах. Вкладывая всего пятую часть годового капитала своих конкурентов (эти сведения принадлежат самому Барроу), бур получал прибыль в два раза выше, чем хлебороб, и в четыре раза выше, чем виноградарь. Если его общий годовой доход не превышал половины дохода его конкурентов, то, для того чтобы приняться за дело, ему было достаточно всего лишь пятнадцатой части начального капитала хлебороба и тридцатой части капитала виноградаря. Таким образом, занятие скотоводством было доступно даже для очень небогатых людей. Кроме того, рынок зерновых в Капской колонии был насыщен, а мясной рынок не насыщался никогда. Количество скота здесь возросло в течение XVIII в. в десять раз, причем число овец в шесть раз превышало поголовье крупного рогатого скота. Однако шерстяная овца появилась лишь в XIX в.

Если бур и являл собой пример удивительной хозяйственной независимости по отношению к внешнему миру, он тем не менее не мог порвать с ним свои связи, пусть и редкие. Ведь в Капштадте он приобретал ружья, порох, железные изделия, сахар, кофе,

чай и одежду. За все эти необходимые товары он платил скотом, кожами, салом, мылом и воском. Обмен с африканцами давал ему шкуры диких зверей, страусовые перья и слоновую кость. Все это нетрудно было пустить в оборот; скот можно было легко пригнать в Капштадт своим ходом, а чтобы продать все остальное и сделать покупки, достаточно было два раза в год отправиться туда на повозке, запряженной быками.

Бур-переселенец не был исключительно скотоводом; он занимался также торговлей с готтентотами, а затем и с пограничными бантуязычными группами, покупая скот за стеклянную посуду, водку, табак, куски железа и меди. Нередко его конкурентом выступал здесь *togtanger* — бродячий торговец, который появился в XVIII в. Торговые контакты с племенами, живущими во внутренних районах страны, естественно, вызывали конфликты, подобно тому, как это было у португальцев к северу от р. Лимпопо. Тем не менее в XVIII в. трения между европейскими поселенцами и африканцами еще не стали столь постоянными и напряженными, как в последующий период.

В первый раз англичане оккупировали Капскую колонию с 1795 по 1803 г., но окончательно она перешла под английское господство в 1806 г. Буры во внутренних районах, которые неохотно принимали контроль даже голландских властей, с еще большей враждебностью отнеслись к установлению английского господства.

Глава I

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН И ОСТРОВА

Эритрейское море. Финикийские экспедиции, отправлявшиеся из Элата (в Акабском заливе) в правление Соломона (973—933 гг. до н. э.), смогли дойти до берегов Мозамбика. В это же время арабы, также отплыв от берегов Красного моря, смогли достигнуть о-ва Гранд-Комор. Тем не менее хорошо древние знали лишь северную часть Индийского океана. Она описана под именем Эритрейского моря в одной греческой анонимной лоции, составленной между I и III вв. Часть восточного побережья Африки, которая была известна мореплавателям того времени, фигурирует под названием Азания. Мадагаскар и соседние архипелаги в ней не упоминаются. Во II в. Птолемей дал описание побережья Азании, но оно содержало лишь самые общие сведения. То же относится и к рассказу Космы Индикоплова (VI в.). В то время Азания все еще оставалась за пределами главных торговых путей Индийского океана.

Суда, которыми пользовались на этих путях, создавались для плаваний с муссонными ветрами и были шитыми, а не сколоченными с помощью гвоздей и, следовательно, непрочными. Их треугольные паруса с незначительным полезным действием подходили лишь для ограниченных плаваний между восточным побережьем Африки, Красным морем, Персидским заливом и Малабарским побережьем, но не годились для плаваний в южной части Индийского океана.

Мусульманский период. К концу I тысячелетия уроженцам берегов Персидского залива удалось основать множество так называемых «арабских» факторий на побережье Азании. Начиная с конца IX в. арабские авторы обозначали жителей Азании термином «зиндж» и дали название «Море зинджей» прилегающему к ней водному пространству. Обосновавшись на африканском побережье, переселенцы смешались с зинджами и создали своеобразную суахилийскую цивилизацию, о которой речь была выше. Самой значительной из этих факторий была Кильва, расцвет которой приходится на XII в. Многие исследователи считали ее центром средневековой «империи зинджей» и предполагали существование тесного союза между городами, которые ее составляли. В действительности же подобная империя никогда не существовала.

Что касается мореходства, то основным вкладом пришельцев было небольшое судно — *дау*⁸². Следует отметить, что слово *дау* суахилийского происхождения. Эти суда ничем не отличались от более древних типов судов, которыми пользовались в Эритрейском море. Они не позволяли мореходам суахилийского побережья предпринимать дальние плавания в южный район Индийского океана; тем не менее использование *дау* способствовало открытию Мадагаскара и соседних островов.

«Арабы» на островах. Первая «арабская» волна, пришедшая из Персидского залива, достигла Коморских островов в первые века хиджры. Слово *кумр* является арабским, так же как и название каждого из этих островов: Ангазидже (Гранд-Комор), Анжуан, Майотта, Мохели. В то же самое время, может быть даже раньше, зинджи также переправились в больших пирогах на Коморы. Все четыре острова архипелага были легко исламизированы и приобщились к суахилийской цивилизации.

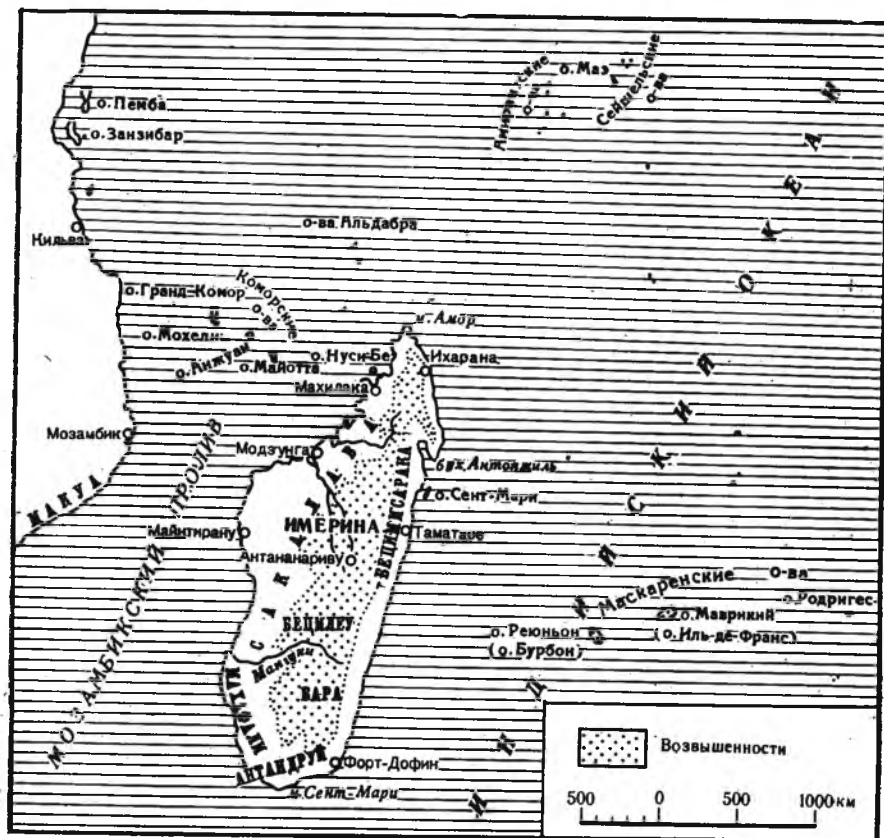
В XII в. на Коморы распространилось владычество Кильвы. Там сложилось своеобразное в этническом отношении население, которое получило название анталаотра (или «люди, пришедшие с моря»), обитавшее главным образом на Анжуане и на Гранд-Коморе. Между африканским побережьем, с одной стороны, и берегами Мадагаскара — с другой, развилась при посредничестве жителей Коморских островов торговля; она осуществлялась на судах, называемых *панге*, того же типа, что и *дау*.

Вероятно, именно с Мадагаскара или даже с Коморских островов «арабы», или, скорее, суахилийцы, достигли Сейшельских и Маскаренских островов, в то время необитаемых. Маскаренские острова посещались, по-видимому, более регулярно. Они обозначены на карте мира Кантино (1502) под следующими названиями: Дина маргабим (Дива магребим, или Западный остров, обозначающий современный Реюньон), Дина мозаре (Дива машрик, или Восточный остров, обозначающий нынешний Маврикий), Дина араби, или аrobi (Дива Хараб, или Покинутый остров, обозначающий о-в Родригес).

Ни на Маскаренских, ни на Сейшельских островах не возникли мусульманские поселения. Они были колонизованы гораздо позднее — первые в XVII в., вторые в XVIII в. — европейцами.

Португальцы. Проникнув в Индийский океан через мыс Доброй Надежды в 1498 г., португальцы в первом десятилетии XVI в. открыли Мадагаскар, Коморские и Сейшельские острова; Маврикий и Реюньон были открыты позже. Остров Родригес появляется на их портуланах лишь в 1538 г., так же как и архипелаг Чагос. В течение XVI в. португальцы, которым мы обязаны первыми научными картами Индийского океана, тщательно обследовали весь этот район. Неудивительно поэтому, что многие острова всех архипелагов все еще носят португальские названия. Маскаренские острова напоминают, например, о лоцмане Перу Маскареньяше, который открыл Реюньон.

Легким каравеллам, которыми пользовались первые португаль-

Мадагаскар и архипелаги

ские мореплаватели, пришли на смену более тяжелые суда типа карака, похожие на испанские галионы. Эти суда по мореходным качествам значительно превосходили *дау*. Мореходство португальцев также было намного более совершенным, чем у арабов и суахили, но тем не менее при плаваниях в Индию португальцы продолжали, подобно жителям востока, пользоваться муссонными ветрами. Мозамбик был основной базой португальцев на африканском побережье, и, отправляясь в Индию, они постоянно следовали через Мозамбикский пролив. Поэтому остановка на Коморских островах была для них очень удобной. В начале XVI в. португальцы попытались обосноваться на Гранд-Коморе, но это им не удалось из-за столкновений с местными жителями.

После того как португальцы покинули этот остров, на нем снова поселились мусульмане, выходяцы из Шираза, и влияние там ислама еще более усилилось. Позднее Коморские острова служили пристанищем для вождей из Момбасы, враждебно настроенных к португальцам.

На Маскаренских и Сейшельских островах, расположенных за пределами обычного маршрута в Индию, португальцы не задержались. В конце XVI в. здесь почти одновременно появились голландцы и англичане. Вначале они были плохо встречены на Коморах; в 1591 г. команда одного английского корабля даже подверглась здесь нападению. Тем не менее путь через Мозамбикский пролив не был полностью заброшен. В течение всего XVII в. и вплоть до середины XVIII в. европейские корабли заходили на Мохели и Анжуан для пополнения запасов продовольствия; они реже останавливались на Майотте и на Гранд-Коморе, подход к которым был затруднен и где жители проявляли больше враждебности к европейцам.

Голландцы на острове Маврикий. Голландцы впервые достигли Маврикия в 1598 г. Они дали ему имя штатгальтера Морица Нассауского, которое остров носит и теперь. В 1613 г. они пристали к острову Бурбон, но, не обнаружив там гавани, не стали на нем закрепляться.

Обосновавшись на Яве и стремясь прежде всего завладеть «островами пряностей», чиновники Голландской компании направили первый военный отряд на Маврикий только в 1638 г., чтобы помешать обосноваться там своим соперникам — англичанам и французам. Эта первая попытка колонизации, которая велась силами каторжан и захваченных в Индонезии или на Мадагаскаре рабов, получила слабую поддержку из Батавии и длилась ровно двадцать лет. Были загублены все местные леса, но ни одна сельскохозяйственная культура, которую пытались внедрить здесь голландцы, не привилась. В 1664 г. была предпринята новая попытка, на этот раз силами колонистов из поселения на мысе Доброй Надежды. Ее результаты были ненамного лучше предыдущих. В конце XVII в. на острове едва насчитывалось 300 жителей, включая рабов, в числе которых было в два раза больше мужчин, чем женщин. В 1710 г. голландцы оставили остров.

Океанские пути. Компании, созданные в Голландии, Англии, Франции и в некоторых других европейских странах в течение XVII в. для ведения торговли в Индийском океане, сумели гораздо лучше освоить океанские просторы, чем это удалось сделать в предыдущем веке португальцам, а до них — мусульманским купцам. Полная безопасность этой торговли была обеспечена лишь после ликвидации базы пиратов на Мадагаскаре, поскольку действия пиратов не ограничивались прибрежными районами Мадагаскара и Маскаренских островов, а распространялись практически на весь Индийский океан. Их добыча была столь значительна, что на Мадагаскаре возник настоящий «рынок черного паруса», который с 1700 г. регулярно посещали торговцы даже из Северной Америки.

Взятие в 1641 г. голландцами Малакки ознаменовало конец португальского господства в Индийском океане. Однако португальцы еще не полностью ушли со сцены. На Цейлоне вплоть до 1658 г. и даже позже не прекращалось португальско-голландское

соперничество. Хотя после 1641 г. голландцы все больше укреплялись в Индийском океане, ни одна европейская нация не была тогда достаточно сильной, чтобы добиться здесь полного господства. Лишь в 1750 г. англичане обеспечили себе гегемонию, которая, однако, окончательно утвердилась лишь к 1815 г.

Появление французов. Последними появились в Индийском океане французы. Они натолкнулись на англичан и на португальцев в Индии, на голландцев в Индонезии и на мысе Доброй Надежды; поэтому они долго не могли решить, где им сконцентрировать свои действия. В 1638 г. французы овладели островами Бурбон и Родригес. В 1642 г. Прони по поручению «Компании Восточных Индий и Мадагаскара» создал на Мадагаскаре французскую факторию (см. следующую главу). Не удовлетворенные своими успехами, французы подумывали о Южной Африке. В 1666 г. военная экспедиция под командованием Мондеверга исследовала бухту Салданья и объявила ее французским владением. В 1670 г. эскадра под командой Лаэ в течение двух месяцев пребывала в бухте Салданья, перед тем как отправиться для демонстрации военной мощи в индийские воды. Однако Лаэ не удалось вытеснить голландцев с мыса Доброй Надежды.

Остров Бурбон был занят в 1665 г. военным отрядом, прибывшим из Франции под командованием Этьена Реньо по инициативе первой французской «Компании Восточных Индий», основанной в 1664 г. и унаследовавшей права прежней «Восточной компании». Сначала Реньо обосновался в бухте Сен-Поль, но в 1669 г. перенес центр колонии в Сен-Дени.

В 1676 г. на остров прибыли французы, избежавшие гибели в Форт-Дофине на Мадагаскаре. Их возглавлял очень деятельный монах-капуцин отец Бернарден; на него в 1680—1686 гг. даже возложили управление всей колонией. Затем он вернулся во Францию, чтобы защищать дело колонистов, забытых парижскими канцеляриями.

В течение полувека колония влачила жалкое существование. В 1711 г. в ней насчитывалось всего 1024 жителя, среди них 284 мужчины, 273 женщины и 367 рабов. Тем не менее это можно считать быстрым заселением: на Маврикии в 1706 г. насчитывалось лишь 236 человек, в числе которых было 111 мужчин, 58 женщин и 67 рабов.

Из-за нехватки женщин-колонисток провалился любопытный проект поселения на о-ве Родригес в конце XVII в. Маркиз Анри дю Кэн хотел основать здесь свою новую родину для французских гугенотов, переселенных в Голландию после отмены Нантского эдикта (1685). Вначале дю Кэн попытался овладеть о-вом Бурбон. Посланный им в 1689 г. на разведку единственный корабль с десятью добровольцами-мужчинами не смог пристать к Бурбону или к Маврикию из-за плохой погоды; тогда колонисты высадились на Родригесе, где вплоть до 1693 г. ожидали пополнения, которое так и не прибыло. Именно отсутствие женщин заставило их покинуть остров и отправиться на примитивной лодке на Маврикий.

В 1725 г. комендант о-ва Бурбон составил новый проспект колонизации Родригеса, который имел не больше успеха, чем предыдущий. Лишь в 1750 г. на этом острове появились постоянные поселения.

Глава 2

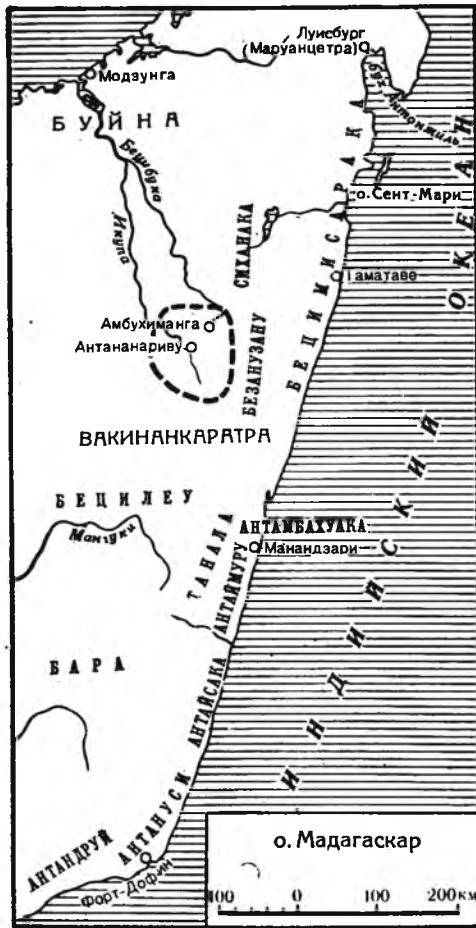
ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО ОСТРОВА

Начальный период. «Большой остров», или «Красный остров», протянулся с севера на юг, образуя заслон морским течениям и пассату, который приносит дожди на узкую полосу восточного берега, затем через гряду отвесных скал поднимается выше и орошает плато, расположенное на высоте от 800 до 2000 м, а после этого, потеряв всю свою влагу, спускается на равнины западного берега. Тропический вечнозеленый лес вначале покрывал не только побережье и прибрежные скалы, как сейчас, но и большую часть плато. На западе простирался тропический лес, а на засушливом крайнем юге — колючая неистребимая брусса.

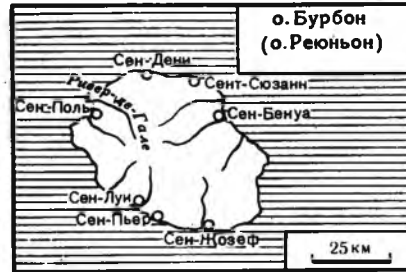
В этом обособленном мире, отделившемся от Африки еще в третичный период, сохранилась своеобразная фауна. Пользуясь почти полным отсутствием хищников, здесь могли распространиться крупные лемуры, гигантские бескрылые птицы (эпиорнисы), черепахи разных видов. Гиппопотамы и крокодилы наводняли реки и болота. Кабаны, летучие мыши, многочисленные птицы свободно размножались на этом неведомом краю света.

Итак, среди обитаемых частей нашей планеты Мадагаскар оказался, по-видимому, в числе последних, где поселился человек. Древняя история его неизвестна. Добраться до острова оказалось возможным лишь при достаточно хорошо развитом мореходстве. Самые древние даты, полученные радиоуглеродным методом в двух прибрежных поселениях на крайнем севере и на крайнем юге, относятся приблизительно к 1000 г. н. э. Однако археологические изыскания начались там совсем недавно, так что есть надежда обнаружить более древний материал. Жившие в этих поселениях люди изготавливали железные изделия и керамику; их дома имели прямоугольную форму; рыболовство и сбор раковин давали основную пищу.

Безусловно, в погоне за дичью и в поисках дикорастущих плодов островитяне постепенно проникали в глубь острова, а затем переходили к подсечно-огневому земледелию и животноводству. Крупные животные оказались истреблены; исчезновение гигантских лемуров, гиппопотамы и эпиорниса произошло, как кажется, одновременно с появлением людей. Расчистка полей с помощью огня привела к почти полному исчезновению леса на плато и к его отступлению на западе; его заменили высокие травы, годные для выпаса крупного рогатого скота. Так, должно быть, утверждала себя, неся железо и огонь в эту девственную природу, мальгашская цивилизация.

Мадагаскар и Маскаренские острова

----- Границы Имерны в XVIII в

Откуда пришли эти «робинзоны»? Из-за отсутствия данных исторических источников мы вынуждены обращаться к материалам других наук. Лингвистика дает категорический ответ: мальгашский язык является индонезийским, и разнообразие его диалектов не может скрыть единства его грамматики и морфологии. Антропология, напротив, выявляет большое разнообразие: тип со светло-коричневой кожей — азиатский, напоминающий индонезийцев; тип с черной кожей — весьма вероятно, африканский; и многочисленные переходные ступени. Противоречие между этим языковым единством и антропологическим разнообразием ставит вопрос о происхождении мальгашей.

Океанография свидетельствует о мощном южноэкваториальном течении, идущем от юга Индонезии в направлении Мадагаскара.

Пассатные ветры с юго-востока дуют более или менее постоянно. Но Индийский океан в этих районах имеет в ширину 6 тыс. км без единой промежуточной остановки, за исключением маленьких островов, оставшихся пустынными до XVII в. Напротив, благодаря муссонным ветрам возможно мореплавание от Индонезии в направлении Южной Индии, а от нее к Мадагаскару либо через Мальдивские острова, либо вдоль восточного побережья Африки. При плаваниях этим путем пользуются пирогами с противовесом.

Технические навыки мальгашей обнаруживают множество черт, общих с Индонезией: таро, затопляемые рисовые посевы, подсечно-огневое земледелие, кузнечные мехи из двух стволов деревьев, четырехугольные дома на сваях с покатой крышей и т. д. Но домашние животные — африканского происхождения.

Индонезийские и африканские черты обнаруживаются также в обществе и в культуре. Среди первых: патрилинейный счет родства с сильными следами матрилинейности, добрачная сексуальная свобода, культ предков, жертвоприношение быка, мегалиты, поэзия любовного соперничества и т. п. Некоторые черты напоминают культуру бантуязычных народов с р. Замбези (в частности, специфическая символика некоторых скульптурных изображений), другие — культуру кушитоязычных народов (обожествленные цари, особая значимость стада, касты и возрастные классы). По правде говоря, большинство этих сравнений нужно еще проверить на строго научной основе.

При отсутствии устных преданий, письменных документов и археологических данных мы пока вынуждены ограничиться гипотезами о происхождении мальгашей. Недостатка в них нет, поэтому приведем лишь основные из них: массовое прибытие индонезийцев с примесью меланезийцев; первоначальный бантоидный субстрат, на который наслоились индонезийцы; первоначальное индонезийское население, которое начало впоследствии охоту за рабами на африканском побережье. Все эти гипотезы обычно подразумевают прямое путешествие через океан и прибытие на восточное побережье. Другая гипотеза предпочитает северный путь с остановкой в Южной Индии и на африканском побережье, где и произошло смешение индонезийцев с африканцами и откуда они добрались до Мадагаскара с северной и западной стороны. Однако ни одна из этих гипотез пока еще не получила достоверного подтверждения.

Новые миграции. *Индонезийцы.* После чистых гипотез мы можем обратиться к арабским источникам, которые, правда, также вызывают вопросы. В 945 г., согласно «Книге чудес Индии», вак-вак с востока после целого года пути на 1 тыс. судов попали на о-в Канбалу у берега зинджей. Вак-вак жаждали слоновой кости, черепаших панцирей, шкур пантер и рабов. Канбалу выстоял, и пришельцы отправились на завоевание побережья Софалы.

Слово «вак-вак» арабы употребляли либо по отношению к сказочным островам, либо к островам, окаймляющим Азию (от Индонезии до Японии), а также по отношению к странам, распо-

ложенным к югу от земель зинджей, т. е., возможно, к Мадагаскару (известному также под именем Кумр — «Лунный остров») и к расположенному напротив побережью. Зинджи — это чернокожие африканцы. Вак-вак (возможно, «люди на пирогах» — «ванкан» на индонезийском языке), вероятно, применялось к индонезийцам и к мальгашам. Предполагают, что Канбалу обозначает о-в Пемба.

Следует ли относить заселение Мадагаскара за счет этого переселения и отвергать все гипотезы о более ранних путешествиях? На этот вопрос ответит археология. Экспедиция 1945 г., должно быть, осуществлялась на основе уже имевшихся сведений; судя по ее размаху и ее задачам, можно предполагать, что за ней стояла какая-то могущественная организация, вероятно государство Шривиджайя на Суматре. Но к тому времени оно было уже в течение нескольких веков индуизировано, а мальгаша были язычниками. Следовательно, они могли прибыть либо с Суматры или Явы до их обращения в индуизм, либо с островов, оставшихся язычскими, например Борнео или Целебес.

Великий географ ал-Идриси (середина XII в.) писал: «У зинджей нет судов, на которых они могли бы совершать морские переходы... Жители островов Забадж приходят к зинджам на больших и малых судах и занимаются торговлей своими товарами, потому что они понимают язык друг друга». Острова Забадж — это Ява и Суматра. Берег зинджей, о котором идет речь, судя по другим отрывкам, — это побережье Софалы, где торговали и люди с Кумра. Итак, если верить Идриси, то в его время индонезийцы уже поселились на Мадагаскаре и на побережье Мозамбика.

Таким образом, индонезийские переселенцы прибывали, очевидно, в течение нескольких веков; наличие антропологических африканских и смешанных типов можно объяснить существованием контактов с побережьем Африки. При этом некоторые группы сохранили свой расовый тип благодаря изолированности или матримонимальным запретам, являя, таким образом, более чистый индонезийский тип; в частности, это относится к хува.

Исламизированное население. В одном из поселений, датированных 1000 г. н. э., были найдены иракские глиняные изделия. Ал-Идриси отмечал существование на Кумре морского мусульманского города Лайрана, поддерживавшего связи с Малайским архипелагом. В развалинах Махилака на северо-западном берегу острова были обнаружены арабские глиняные изделия XIV в. В то время в западной части Индийского океана господствовали арабы и другие исламизированные торговцы, которые основали ряд факторий вдоль африканского побережья, в Индии и на Мадагаскаре.

Именно таким образом Коморские острова получили исламизированное население, говорящее на одном из диалектов банту, смешанном с арабским языком, и носящее имя малайского происхождения: анталаут (на мальгашском языке анталаотра) — «люди моря». Владея парусными судами арабского типа и пирогами с двумя противовесами, они, вероятно, и основывали фактории на

северо-западном берегу острова, более благоприятном для мореходства.

Три группы на восточном побережье, принявшие мусульманство, имеют более загадочное происхождение.

1) На северо-востоке вокруг Вухемара (в древности Ихарана) были обнаружены захоронения мусульман со скелетами азиатского или африканского типа, с погребальным инвентарем китайского или персидского происхождения и огромное число «сосудов» на трех ножках, вытесанных из мягкого камня. Современные предания приписывают эти захоронения исчезнувшему народу разикаи. Инвентарь (тарелки, сосуды, лопатки для сурьмы и т. д.) датируется временем не более четырех веков назад.

2) На юго-востоке антамбахуака из Манандзари и некоторые касты антануси из Форт-Дофина называют себя зафи-раминиа (потомки Раминиа). Согласно их легендам, записанным в XVII в., Раминиа и его спутники пришли из Мекки через Мангалор. На западном берегу Индии действительно существует город с таким названием. Высадившись в Ихарана со своими спутниками, они направились по берегу на юго-восток, оставив на дороге глиняный кувшин и каменного слона. Приняв мальгашский язык, они сохранили рукописи, в которых их диалект был передан арабскими буквами. Их приход, возможно, датируется XIII в.

3) Расположившись между двух групп зафи-раминиа, объединение других исламизированных родов, антаймуру («люди берега»), господствует над долиной в нижнем течении р. Матитанана. Именно среди них сохраняется традиция создания текстов *сурабе*, написанных арабскими буквами на местном диалекте; эти рукописи содержат наряду с магическими формулами исторические предания легендарного характера: о предках, прибывших из Мекки, о борьбе со змеем о семи головах и т. д.

Исламизированное население подверглось мальгашскому влиянию и перестало выполнять предписания ислама. Тем не менее некоторые элементы их культуры привились здесь, например арабский календарь. Наряду с ним на восточном берегу распространен индийский календарь.

Африканцы. Связи с африканским побережьем, должно быть, поддерживались по крайней мере с 1000 г., и много африканцев, вероятно, были привезены на Большой остров переселенцами из Индонезии. Это засвидетельствовано как раскопками в Ихарана, так и преданиями Зафи-раминиа. Постепенно африканцы, должно быть, овладели мореходными навыками и стали приходить на остров сами. Анталаотра, без сомнения, привезли их с собой в качестве рабов; множество из них бежало и образовало независимые общины.

По свидетельству Луиса Мариано, в начале XVII в. часть населения западного берега, в окрестностях нынешнего Майнтирану, еще говорила на «кафрском» языке. Изменение индонезийского языка путем огласовки конечных согласных в других местах еще только зарождалось; в этом можно видеть африканское влияние.

Период с 1500 по 1800 г.: прибрежные районы. *Первые европейцы*. В 1500 г., два года спустя после плавания Васко да Гамы, когда другая португальская эскадра огибала мыс Доброй Надежды, буря разбросала корабли; один из них был занесен далеко на восток. Капитан судна Диегу Диаш, пытаясь вернуться назад, к Африке, увидел берег, вдоль которого он шел на север, пока тот не исчез. Так он открыл Большой остров.

До тех пор Мадагаскар, по-видимому, был неизвестен в Европе. Географ из Александрии Птолемей помещал приблизительно в этих широтах о-в Менутиас, не сообщая о нем больше никаких сведений. Тысячелетие спустя Марко Поло описал в числе стран, рассказы о которых он слышал в Азии, большой остров «Мадейгаскар», или «Могелазию», который, судя по его положению и самому описанию, был, вероятно, сомалийским побережьем (Могадишо). Но в 1492 г. Мартин Бехайм поместил на своем знаменитом глобусе на широте Африки к югу от экватора два больших острова: Мадагаскар и Занзибар.

Положение Занзибара было известно. Поэтому остров, открытый Диегу Диашем, стали называть Мадагаскаром. Это название привилось, хотя впоследствии португальцы называли его островом Святого Лаврентия, а французы — островом Дофина. Для обозначения всех его жителей несколько позднее стали пользоваться словами «мадекасс» или «мальгаш» (малагаси).

До этого времени Мадагаскар оставался в стороне от остального мира. Открытие пути в Индию через мыс Доброй Надежды поставило его в центре этого торгового пути. С тех пор европейцы стали часто посещать его берега.

Португальцы разрушили «арабские» фактории на северо-западе острова, конкурировавшие с ними. Берега острова были обследованы, и в 1517 г. имелась уже довольно хорошая карта. Первые попытки укрепиться на юго-востоке португальцам не удалось. С 1613 по 1619 г. были предприняты новые попытки, сначала среди антануси, затем на западе. Хотя один вождь антануси был доставлен в Гоа и крещен там, все это предприятие потерпело полный провал. Преподобный Луис Мариано, принимавший участие во всех этих событиях, оставил подробный рассказ, снабдив его полезными заметками о стране и о ее жителях.

С конца XVI в. голландцы по пути в Индонезию начали заходить в бухту Святого Августина (на юго-западе), но особенно часто они посещали восточное побережье. В 1595 г. адмирал Корнелиус де Хаутман останавливался на о-ве Сент-Мари и в бухте Антонжиль. Его брат, Фредерик де Хаутман, сопровождавший его в путешествии, спустя несколько лет издал голландско-мальгашский словарь. В 1638 г. голландцы обосновались на о-ве Маврикий и начали часто наведываться на побережье Мадагаскара за продовольствием и рабами. На Антонжиле был даже возведен форт. Однако после основания в 1652 г. Капской колонии этот форт был ликвидирован. На Мадагаскар теперь наведывались лишь время от времени, чтобы привезти в Капскую колонию рабов.

Английские суда Ост-Индской компании посещали Мадагаскар для пополнения запасов продовольствия. Два купца, Хэммонд и Бутби, опубликовали в XVII в. описание острова, в котором он предстал «земным раем». В 1644 г. 140 человек основали колонию в бухте Святого Августина, в самом сухом и самом диком уголке острова. Через год в живых из них осталось 12 человек, которых отправили на родину. Новая колония в 1650 г. на о-ве Ассанда (о-в Нуси-Ве?) исчезла полностью.

С тех пор англичане ограничивались тем, что, соблюдая осторожность, время от времени вели торговлю в различных точках побережья. В 1702 г. судно «Де Грейв» село на мель у южной оконечности острова. Часть экипажа была истреблена местными жителями. Молодой моряк Роберт Друри стал рабом в племени антандруй, затем у сакалава. В 1717 г. ему удалось бежать и попасть на английский корабль; он уже стал забывать родной язык. Его рассказ, изложенный в литературной форме (может быть, это сделал Дефо), содержит полезные указания о местных нравах и войнах между племенами.

Западное побережье, страна сакалава. Остров, особенно засушливые районы на юге и на западе, был очень слабо заселен. Со временем тем не менее в общинно-родовых группах происходил процесс сегментации. Один из вождей отправлялся вместе со своими сородичами на поиски новых земель. Так складывались независимые общинно-родовые группы (*фуку*), разделенные пустынями районами. В некоторых районах такие группы были объединены под властью правителей неместного происхождения. Так, зафираминия из Ануси считаются родоначальниками династий в южных и западных частях острова.

В поросшей кактусами бруссе на крайнем юге существовали две правящие династии — Зафиманара среди антандруй и Марусерана среди махафали. В XVIII в. Зафиманара были изгнаны; антандруй обрели независимость, создав одновременно крупные объединения. Махафали остались разделенными на три политических объединения. На юго-западном побережье распространялись с севера везу, единственным занятием которых было рыболовство.

В районе, расположенном к северу, две политические общности создали масикуру. Тех из них, что занимали сначала южную часть плато, вытеснили к западу бара, имеющие наиболее африканское обличье среди всех мальгашей.

Еще одна династия, Марусерана, обосновалась вблизи устья р. Мангуки. К середине XVII в. правитель Андрианданфутси — «Великий белый господин» — завоевал окрестные племена вплоть до плато. Его сын двинулся на север, основав государство Менабе. Его брат Андрианамписуариву основал на северо-западе государство Буйна.

Завоеваниям сакалава способствовала слабая заселенность западных равнин. Государство Буйна продолжало расти. Во главе его стоял правитель, которого называли *вуламена*, потомок первой жены первого царя; ему подчинялась знать *вулафутси* — по-

томки остальных жен. Некоторые *вулафутси* укрепились в северной части плато, называемой Андрона, установив свою власть над родовыми группами, пришедшими с восточного побережья, — цимихети. Представители знати установили свое господство над антанкара на крайнем севере острова; они сохраняя свою автономию, уплачивая правителю Буйна дань.

В XVIII в. сакалава достигли расцвета своего могущества. В набегах на плато они нередко доходили до Имерины, откуда приводили скот и рабов. В конце века правительница Буйна, Равахини, поддерживала хорошие отношения с властителем Имерины. К этому же времени относятся крупные пиратские операции на Коморах, которые сакалава проводили в союзе с обитателями восточного побережья.

Восточное побережье и французы. В отличие от обширных, покрытых травой равнин запада восточное побережье разделено лесами, бурными реками, утесами и болотами. Поэтому его население в XVII в. не знало других объединений, кроме отдельных общинно-родовых структур и небольших надобщинных объединений, находившихся в низовьях рек, где возделывали рис.

Наиболее крупные объединения располагались на юго-востоке. Антаймуру, некогда принявшие ислам, распространили свою власть на мальгашские общинно-родовые группы в низовьях р. Матитанана, в устье которой заходили европейские суда. В низовьях р. Мананара несколько общинно-родовых групп, сакалава по происхождению, основали царство Антайсака. На крайнем юго-востоке, в Аноси, потомки Зафи-раминиа господствовали над населением различного происхождения; именно в этих образованиях антануси обосновались французы.

Начиная с 1527 г. они, если представлялся случай, торговали на берегах острова. В 1642 г. Ришелье основал «Компанию Восточных Индий и Мадагаскара», один из служащих которой, по имени Прони, организовал небольшую факторию на основе поселения Сент-Люс, а также поселение Форт-Дофин. Прони завязал отношения с антануси и женился на местной уроженке. Французские суда посещали восточное побережье, вывозя во Францию эбеновое дерево, кожи и воск.

В 1648 г. Прони сменил Этьен де Флакур — важный чиновник компании, человек просвещенный и любознательный. Во время Фронды Мадагаскар был забыт. Покинутому метрополией Флакуру с трудом удавалось управлять колонией, но тем не менее в свободные часы он занимался сбором сведений о природе и народах острова. По возвращении во Францию в 1658 г. он опубликовал «Историю Большого острова Мадагаскар», которая в течение двух веков оставалась основным источником для европейцев об этом острове, о его этнографии и истории. Главное место в ней занимали антануси, но встречались важные сведения и о других народах южных и восточных районов, тогда как внутренние районы все еще оставались более или менее неизвестными.

После Флакура жизнь колонии была беспокойной: случались

конфликты с местными жителями, предпринимались неуклюжие попытки обращения их в христианскую веру. В 1664 г. Кольбер основал новую «Компанию Восточных Индий», которая создала ряд факторий вдоль восточного побережья. Чиновник Франсуа Мартен, обосновавшись в Фенериве, к северу от Таматаве, дошел с военной экспедицией до оз. Алаотра. Но в 1671 г. Компания решила сосредоточить свои усилия на Индии, оставив в Форт-Дофине лишь небольшой гарнизон. В 1674 г. часть его перебили антануси, а остальные французы перебравшись на о-в Бурбон (Реюньон).

В это время обстоятельства вынудили французских и английских пиратов покинуть Анtilльские острова. Они нашли себе идеальное пристанище на восточной стороне Большого острова: никаких европейцев; побережье, защищенное рифами от любого военного судна; снабжение, которое обеспечивали местные жители, довольные участием в дележе добычи; великолепный транзитный пункт на морском пути в Индию. С 1687 по 1724 г. пираты жили на побережье в качестве властелинов, вступая в браки с местными женщинами и становясь родоначальниками метисов. Их основными центрами были о-в Сент-Мари, Фенериве и бухта Антон-жилль. Если верить Джонсону, таинственному историку пиратов, они даже основали в бухте Диего-Суарес пиратскую республику Либерталия, которую в конце концов разрушили «добрые дикари». После восстановления в Европе мира удалось ликвидировать это гнездо пиратов, последний из которых был повешен на о-ве Бурбон в 1730 г.

Ввоз на остров европейцами огнестрельного оружия способствовал созданию новых небольших государств. Так, один из вождей в области Ватумандри завоевал Таматаве и Фенериве, монополизировав внешнюю торговлю и подчинив себе соседние образования. Однако метисы, рожденные от пиратов, *зана малата*, тяготились этой зависимостью; они восстали под предводительством некоего Ратсимилаху, получившего образование в Европе. Победив, они основали государство Бедимисарака, царем в котором стал Ратсимилаху.

Восточное побережье все больше испытывало влияние Маскаренских островов, островов Бурбон и Маврикий, которые были заняты французами. Там возделывали кофе, производили пряности и сахар; плантации постоянно требовали подневольной рабочей силы, а растущее население нуждалось в рисе и мясе. Все это имелося на столь близком берегу Мадагаскара. Поэтому вскоре там были созданы новые фактории. В 1750 г. был уступлен Франции о-в Сент-Мари.

В 1768 г. граф Модаве с согласия антануси восстановил стены Форт-Дофина. Но его обширные проекты создания протектората и запрещения работорговли не соответствовали желаниям колонистов Маскаренских островов, и в 1771 г. Модаве был отозван.

В 1774 г. некто Бениовский, польско-венгерский авантюрист, бежавший с сибирской каторги, получил от Версаля поручение создать здесь факторию. В бухте Антон-жилль он возвел пост Луис-

бург, а через шесть месяцев докладывал, что подчинил себе весь остров. Посланные туда в 1776 г. уполномоченные обнаружили лишь жалкое поселение и опустошенные окрестности. Бениовский был отозван, но вернулся частным путем и провозгласил себя «императором Мадагаскара». Вскоре он был убит небольшим французским отрядом, посланным с Маскаренских островов.

Тем не менее этот странный эпизод способствовал дальнейшему знакомству европейцев с островом. Агенты Бениовского прошли по восточному побережью, по крайнему северному району, пересекли остров от бухты Антонжиль до Бойны и дважды проникли в неизвестную дотолу центральную часть плато — Имерину.

Период с 1500 по 1800 г.: центральные районы. Между побережьем и плато располагалась промежуточная влажная лесная область. Ее жители занимались подсечно-огневым земледелием, выращивая горный рис и различные клубнеплоды. Эти, как правило, светлокожие народы располагались с севера на юг в следующем порядке:

сиханака обитали вокруг оз. Алаотра. Это была, по словам Франсуа Мартена, «очень красивая и открытая страна» с орошаемыми рисовыми полями, укрепленными поселениями и тучными стадами. Сиханака были союзниками сакалава и делали набеги за рабами к бецимисарака и мерина;

безанузану — бедные лесные жители — создали небольшие общинные образования, которые позднее объединились в три государства. Они тоже совершали набеги на Имерину, затрудняя ее сношения с побережьем;

танала обитали в лабиринте лесистых холмов. В XVI в. некий член правящей родовой группы по имени Рамбу якобы нашел там убежище, положив начало аристократии танала Зафи-рамбу.

Согласно традиции, на плато к западу от танала обитали какие-то лесные племена, жившие в пещерах, а затем вазимба-рыболовы и скотоводы. Их постепенно вытеснили новые пришельцы, явившиеся с востока, вожди которых носили титул хува. В XVII в. близ побережья было основано их первое государство — Лалангина. Впоследствии образовалось еще три государства в южном, западном и северном районах, либо незаселенных, либо покинутых народом вазимба. Главным из этих четырех государств в XVIII в. было Исандра. Его правитель Андриамалина без большого труда завоевал окрестные земли; при нем создавались рисовые поля и была введена культура шелковичного червя.

Имерина. История Имерины, области плато, расположенной к северу от Бецилеу, нам хорошо известна благодаря великолепному собранию устных преданий, записанных к 1870 г. преподобным отцом Калле и объединенных им под названием «История царей». Происхождение создателей этих преданий неясно. Народ хува, принадлежащий к светлокожему индонезийскому типу, как кажется, пришел с восточного побережья, может быть, через район оз. Алаотра. В XV в. хува жили на крайней восточной оконечности плато, откуда они медленно продвигались в долины верховьев

р. Икупа и ее притоков. В конце XVI в. они уже обосновались в нескольких небольших поселениях, господствующих над рекой, по соседству с огромной заболоченной зоной. Ее занимали рыболовы и скотоводы вазимба, разводившие ямс и не знакомые ни с орошаемым рисоводством, ни с железом. Вожди вновь прибывших стали вступать в браки с женщинами из семей вождей вазимба.

Мирные отношения поддерживались до того дня, когда правитель Андриаманелу напал на ближайших вазимба. Сын Андриаманелу, Раламбу, расширил владения в северном направлении. Именно ему приписывают организацию централизованного государства и распределение земель между членами правящей династии. При нем появилось также имя, данное всему народу и стране: мерина и Имерина.

Его сын Андрианзака, правивший в середине XVII в., основал столицу государства — Тананариву (ныне — Антананариву), представлявшую первоначально обнесенное оградой укрепление. С тех пор он господствовал над областью болот. Сын Андрианзака, Андриамасинавалуна, расширил границы царства; оно, правда, не превышало в ширину 50 км, однако население его росло. Возникали новые поселения, и для управления ими правитель был вынужден назначить своих чиновников, за которыми, в свою очередь, наблюдали сыновья. Их было четверо, и правителю пришлось, подобно Людовику Благочестивому, при своей жизни разделить государство между ними.

С этого момента наступил хаос. Мелкие государственные образования боролись друг с другом; соседние народы — сакалава, сиханака, безанузану — воспользовались этим, угоняя из Имерины скот и рабов.

Кроме Центральной Имерины вожди (*андриана*) основали и другие государства. Главным из них на западе было Иمامу, а на юге, между Имериной и Бецилеу, — Вакинанкаратра.

К 1785 г. в Центральной Имерине существовало три государства. Северо-восточное со столицей в Амбухиманга поглотило своего ближайшего соседа. Именно в этот момент племянник правителя Амбухиманга при поддержке хува изгнал дядю и провозгласил государем себя под именем Андрианампуйнимерина, сокращенно Нампуйна.

Укрепив свое маленькое государство и хорошо подготовившись, Нампуйна выступил против своих соседей. Войны были длительными и жестокими. Два раза Нампуйна овладевал Тананариве и дважды был оттуда изгнан, окончательно он занял город в 1796 г. С еще большим трудом ему удалось подчинить юго-восточную и юго-западную области Имерины, где он натолкнулся на сопротивление потомков вазимба. В конце концов, однако, прежнее царство оказалось восстановленным. Теперь оно было более многочисленным, обладало немалой военной мощью, существенно превосходило все остальные образования своей централизованной организацией, во главе его стоял незаурядный правитель.

Мальгашская цивилизация в конце XVIII в. В этот

период численность населения острова составляла около 1,5 млн. человек, из которых 300 тыс. обитало в Имерине. Народы были разделены огромными необитаемыми пространствами бруссы, которые еще предстояло освоить.

В качестве второстепенных занятий местные жители занимались охотой и собирательством, а также рыболовством — речным и морским. Главным же занятием было земледелие. Здесь возделывали рис, таро, африканское просо, тыкву и различные виды фасоли и гороха. Повсеместно разводили быков зебу, особенно скотоводство процветало в сухих областях запада и юга и на плато. Разводили мелкий рогатый скот: овец, коз, свиней, а также домашнюю птицу, прежде всего кур.

Жилище мальгашей представляло собой дом с остроконечной двускатной крышей, прямоугольной формы, с дверью с западной стороны. На побережье каркас строений делали из бревен, а стены и крышу — из листьев; в местностях с влажным климатом пол, выложенный из коры, лежал на сваях. На возвышенностях строили деревянные или глинобитные хижины.

Несмотря на то что мальгаши жили в основном натуральным хозяйством, существовали торговые отношения между различными областями. На рынках продавали и покупали мясо, изделия ремесла, циновки, дрова, рогатый скот и соль. Преобладал обмен, но постепенно входил в употребление и серебряный пиастр. Мальгаши не знали колеса, и у них не было ни повозок, ни вьючных животных. Люди переносили груз по узким тропинкам на своих плечах, а знатных особ — на носилках.

Через анталаотра, живущих на северо-западе, на остров проносили изделия внешнего мира: ткани, оружие, бусы, украшения. В XVIII в. европейские посредники на Маскаренских островах ввозили через восточное побережье порох, ружья, полотно, водку, скобяные изделия, обменивая их на рогатый скот, рис, рабов. Мальгашские рабы встречались в Капской колонии и даже в Америке. С 1773 по 1810 г. Мадагаскар якобы вывез 13 тыс. рабов на Маврикий и, может быть, половину этого количества на Бурбон.

Основной социальной ячейкой была большая семья. Родовая группа объединяла семьи, ведущие свое происхождение от общего предка, что подразумевало скорее политическое, нежели социальное единство. Родство считалось по мужской линии, но не исключалась и материнская линия. Дядя со стороны матери нередко играл роль покровителя своих племянников, а термины «отец», «мать», «старший» служили формой обращения ко всем, кому полагалось выражать уважение.

Родовые группы составляли несколько каст, образовавших иерархию, в рамках которой существовали брачные запреты, особые приветствия, а иногда повинности. Касты были многочисленны и неодинаковы у разных народов. В целом выделялись знатные люди, состоявшие в родстве с правителем, и простолюдины. Например, у мерина насчитывалось семь знатных каст (*андриана*),

причем каждая носила имя своего предка; простолюдины же именовались по своему клану и распределялись между двумя большими группами: хува (светлые) и майнти (черные).

Рабы и пленники, а также асоциальные элементы не были уже связаны ни с каким кланом, у них был хозяин, который использовал их труд и мог их продать.

Подобное социальное неравенство вовсе не означало возникновения неравенства имущественного. Условия жизни были очень сходными: знатный человек, простолюдин, раб равным образом обрабатывали рисовое поле, жили в более или менее похожих хижинах и употребляли одинаковую пищу.

По религиозным представлениям мальгашей, животворная сила, исходящая от бога-творца, дает жизнь и концентрируется в некоторых местах или некоторых существах: во второстепенных божествах, в духах вод, деревьев, камней; в духах, которые овладевают живыми людьми и заставляют их танцевать, в тотемных животных. Хотя бог-творец и имеет право на старшинство, в действительности он значит меньше, нежели духи предков. Последние наблюдают за живыми, обладая способностью защищать или наказывать их — судя по их заслугам. Несоблюдение обычаев предков является грехом, оскорблением мертвых, гнев которых следует умиловить жертвоприношениями или подношениями. Эта религия, великом слитая с общественным устройством, не знает других священнослужителей, кроме вождей.

Ислам исповедуют лишь анталаотра, некоторые вожди антанкарана и в меньшей степени некоторые антаймуру. Попытки обратить мальгашей в католичество полностью провалились.

Обычно утверждают, что на Мадагаскаре имеется 18 «племен» (впрочем, эта цифра меняется). На деле это крупные подразделения единого мальгашского этноса (мерина, бецилеу, бецимисарака, сакалава, антайсака, антаймуру, антануси, бара, антандруй, цимихети, танала и др.), которые объединяют родовые группы весьма различного происхождения, населяющие либо одно государство (мерина, сакалава), либо одну историческую область (танала, антандруй). Точнее называть их этническими группами. Хотя эти группы были нередко разделены на соперничающие фракции, они часто обладали и чем-то вроде этнического самосознания. Общинно-родовая группа, сплоченная единством происхождения, меньше по размерам, но четче по структуре. У нее есть название, вождь, Совет старейшин, общие запреты и верования, территория, границы. Земля частично находится в общем пользовании (лес, брусса); рисовые поля принадлежат тому, кто их обрабатывает, но родовая группа сохраняет их в своей собственности. Правосудие вершит вождь — выразитель воли старейшин. Таким образом, общинно-родовая группа предстает в качестве основной политической единицы.

В течение веков в некоторых областях сложилась государственная организация. Отдельные общинно-родовые группы подчинили себе другие такие группы, установив своеобразную иерархию.

Иногда возвысившаяся общинно-родовая группа делилась на сегменты, а их вожди образовывали касты благородных.

Правитель (*мпанжака*) избирался из числа сыновей или братьев покойного правителя; при этом часто возникали конфликты, а отстраненный претендент с верными ему людьми пытался основать собственное государственное образование в другом месте. Существовал ритуал коронования правителя; у сакалава ему вручали священные реликвии древних царей; у мерина он поднимался на священный камень и с этого момента становился «видимым богом».

Правитель жил в особом строении (*лана*), размерами немногим больше других, где жили также его жены, советники, телохранители, вольноотпущенники и рабы. Он выходил к народу только под красным зонтом, при огромном стечении людей.

Власть правителя была ограничена священными обычаями предков. Он опирался на советников, старейшин общинно-родовых групп и на одобрение народа, которому сообщал о своих намерениях в публичных речах. Он имел право устанавливать повинности и отработки. Правитель творил суд высшей инстанции.

Глава 3

МАСКАРЕНСКИЕ, СЕЙШЕЛЬСКИЕ И КОМОРСКИЕ ОСТРОВА в XVIII в.

Не имевший гаваней, но наделенный плодородной почвой, остров Бурбон мог стать доходной колонией, производящей какой-либо вид сельскохозяйственной продукции. Попытки акклиматизации здесь гвоздики, предпринятые в 1681 г., и перца — в 1702 г. не удалась. В конце концов развитие о-ва Бурбон определилось возделыванием кофе. После того как первой французской «Компанией Восточных Индий» не удалось завязать прямые отношения с Аравией для получения кофе, это сделала группа судовладельцев из Сен-Мало. Предпринятые ими в 1707 г. экспедиции привели к двойному успеху: прямому ввозу кофе во Францию и введению на Бурбоне культуры кофейного дерева. Первые кофейные деревья мокко привез на Бурбон в 1715 г. Малуэн Дюфрен д'Арсель, снарядивший корабль «Охотник». По пути он зашел на Маврикий, оставленный голландцами в 1710 г., завладел им и назвал его Иль де Франс. Кофе привился на этих островах. В 1727 г. Бурбон отправил его во Францию в количестве 23,8 тыс. фунтов. В рекордный 1744 г. там было произведено 2,5 млн. фунтов кофе. Хотя в это время уже чувствовалась конкуренция Антильских островов, тем не менее в течение почти целого века кофе оставался главной экспортной культурой Бурбона.

В 1735 г. Маэ де ла Бурдоннэ — генерал-губернатор обоих островов — выбрал своей резиденцией гавань на северо-западе Иль де Франса — Порт-Луи. Постепенно этот остров стал специализироваться на торговле, а Бурбон — на сельскохозяйственном

производстве. Со временем де ла Бурдоннэ превратил Порт-Луи в центр кораблестроения. В 1746 г. он на своих судах предпринял экспедицию, пытаясь отнять у англичан Мадрас. Он также организовал торговлю рабами, ввозимыми из португальского Мозамбика; при нем началось исследование Сейшельского архипелага. В 1742 г. капитан Пико разведал эти острова, назвав их островами Маэ, в честь своего шефа. В 1756 г. их вновь обследовал Морфи, который и дал им нынешнее название (по имени Моро де Сешеля, главного инспектора флота). Лишь главный остров, где находится порт, сохранил за собой имя Маэ.

В 1767 г. Маскаренские острова перешли под непосредственное управление королевской колониальной администрации. Это дало заметные результаты. За десять лет острова буквально преобразились. Порт-Луи и Сен-Дени были расширены и похорошили. Строительство судов пошло с новым размахом. Отмена исключительных прав Компании способствовала необычайному развитию торговли. Сельское хозяйство также развивалось успешно. Успехом, особенно на Бурбоне, увенчались попытки ввести культуру пряностей, ввезенных с Молуккских островов. Заметно возросло население. В 1767 г., ко времени передачи Маскаренских островов в королевское управление, Бурбон насчитывал 5300 белых и «свободных» и 22400 рабов, т. е. в целом 27700 душ населения. В 1788 г. там уже насчитывалось 45800 человек. Таким образом, за двадцать лет нового управления население почти удвоилось. В 1766 г. население Иль де Франса составляло 20098 человек, а в 1788 г. оно возросло до 42828 человек.

Обитатели этих двух островов были в основном выходцами из приморских провинций Франции. Прочие «свободные» состояли либо из отпущенных на свободу рабов, либо из малабарцев, привезенных из Индии в качестве рабочей силы. Юридически (но не на практике) они были полноправными с белыми. Королевская власть всегда старалась ограничивать освобождение рабов, так что до французской революции число «свободных» было не слишком высоким. Что касается рабов, то Маскаренские острова черпали подневольную рабочую силу в основном на восточноафриканском побережье (особенно в Мозамбике).

Война за независимость американских колоний Англии побудила королевских администраторов, желавших основательно потеснить англичан в Индии, направить в Индийский океан значительные силы под командованием флотоводца Суффрена.

К 80 тыс. жителей островов (колонистов и рабов) добавилось примерно 15 тыс. солдат и матросов. Бурбону пришлось их кормить, а Иль де Франсу — снабжать судами. Суффрен давал один бой за другим, не щадя ни людей, ни суда.

Однако планам французов не суждено было осуществиться. Оставив Пондишери, Франция отвела свои силы на Маскаренские острова. В 1789 г. Порт-Дуи стал главным городом французских владений, расположенных к востоку от мыса Доброй Надежды, «звездой и ключом Индийского моря».

К этому времени острова уже перестали быть просто промежуточными пунктами по пути в Индию; они стали конечным пунктом большой морской дороги и посещались не только французскими, но и множеством иностранных кораблей — датских, американских и др. С 1786 по 1810 г. на Маскаренских островах был отмечен проход более 600 судов Соединенных Штатов.

Вскоре после отмены «исклнительных прав» буржуа с Иль де Франса начали осваивать торговлю с Индией, организуя большие каботажные плавания между портами Индийского океана. Они снаряжали суда даже в Китай. Купечество в то время было всемогущим на Иль де Франсе. Было там, конечно, и некоторое число плантаторов, но их интересы также были связаны с торговлей. На плантациях возделывались главным образом продовольственные культуры, а также хлопок, индиго и сахарный тростник; основные экспортные продукты (кофе, пряности), однако, по-прежнему поступали с Бурбона.

Наряду с большим каботажным плаванием в Индию существовало и очень интенсивное малое каботажное плавание между островами. С начала XVIII в. Маскаренским островам приходилось вывозить скот, рис и рабов с Мадагаскара. Естественно, что с ростом населения эта торговля стала расширяться. Связи с Коморскими островами были незначительны. Анжуан все еще оставался местом, куда часто заходили за сельскохозяйственными продуктами, однако его жители больше уже не довольствовались обменом продуктов на дешевые предметы и требовали пряности.

Колонисты Маскаренского архипелага считали менее доходным занятием добычу и использование естественных ресурсов (в частности, дерева и панциря черепах), которые можно было обнаружить на маленьких, еще необитаемых островах. Ресурсы Родригеса, которые использовались с 1750 г., начинали истощаться. Тогда вспомнили о Сейшельских островах. Первое поселение основал здесь в 1770 г. предприниматель с Иль де Франса по имени Брейер дю Барре. В 1785 г. на о-ве Маэ находилось всего 28 солдат, 7 колонистов и 123 раба. Рис и кукуруза давали хороший урожай, но они требовали больше рабочих рук. В 1789 г. просвещенный администратор по имени Малавуа пытался развить здесь сельскохозяйственное производство, упорядочить ловлю черепах и т. д. Он разработал также план создания укреплений, но революция помешала его осуществлению. В 1794 г. англичане без труда сумели овладеть островами.

Было бы неточно проводить параллель между такими развитыми плантационными колониями Франции, как Антильские острова и Маскаренские острова. В самом деле, земледелие на последних развито было слабо, «эпоха кофе» на Бурбоне подходила к концу, а на Иль де Франсе так и не сложилась какая-либо определенная сельскохозяйственная специализация.

Интендант Пуавр пытался завести на обоих островах пряности — гвоздику и мускатный орех, но они привились только на Бурбоне. В прибрежных же районах Иль де Франса хорошо при-

вился сахарный тростник. Сок тростника шел главным образом на изготовление рисовой или сахарной водки. Другой культурой, которая, по-видимому, дала хорошие результаты на Иль де Франсе к концу XVIII в., было индиго. Однако по производству индиго остров так и не сумел стать конкурентом Индии.

Социальный и расовый состав населения Маскаренских островов в конце периода королевского режима также невозможно сравнивать с положением на Антильском архипелаге. Если так называемые «малые белые» уже появились на Бурбоне, то «большие белые» не составляли там заметного социального слоя. На Иль де Франсе все белые также образовывали довольно однородную группу, будь то дворяне, буржуа или ремесленники.

«Свободные» азиатского или африканского происхождения были не слишком многочисленны и не проявляли особой враждебности к европейцам. С рабами обращались, по-видимому, сравнительно хорошо, однако на этот счет известия расходятся. Бегство рабов было тем не менее постоянным явлением, для борьбы с которым приходилось содержать специальную конную жандармерию.

Известие о французской революции, дошедшее до Порт-Луи в марте 1790 г., было сначала воспринято французским населением благосклонно, поскольку колонисты рассчитывали освободиться от абсолютной власти королевских чиновников.

В 1790 г. на обоих островах были созданы колониальные ассамблеи и муниципалитеты, которые вскоре сменились исполнительными директориями. Эти органы заменили королевских администраторов, которые остались на своих местах, но уже не располагали большой властью. Республиканские трибуналы и мировые судьи заняли место королевских советов.

Когда гражданские комиссары, посланные Учредительным собранием «революционизировать» восточные колонии, прибыли на Маскаренские острова, они застали там уже хорошо организованные колониальные ассамблеи. Несколько «якобинцев» пытались организовать движение «санкюлотов», но у них не нашлось последователей, так как у большинства колонистов были совершенно четкие взгляды по поводу того, какую свободу и какое равенство можно было терпеть при рабовладельческом хозяйстве. Поэтому, когда Конвент, исходя, разумеется, из противоположных соображений, решил в 1794 г. провозгласить в колониях отмену рабства, Маскаренские острова — учитывая события на Антильских островах — решили не подчиняться властям метрополии. Два комиссара Конвента, посланные в 1796 г. на Иль де Франс, чтобы урезонить колонистов, были изгнаны с острова. Колонисты Бурбона (который Конвент переименовал в 1793 г. в «остров Реюньон») безоговорочно одобрили эти действия. Острова оказались в состоянии открытого мятежа против метрополии.

Война с Англией, начавшаяся в 1793 г., помешала посылке карательной экспедиции, но положение на островах оставалось сложным. Ассамблеи быстро познали горький вкус власти: править островами во времена революции и войн было делом нелегким.

Недовольство различных слоев как на Бурбоне, так и на Иль де Франсе привело к мятежам, которые, впрочем, удалось подавить без кровопролития. Между самими островами также обнаружались серьезные расхождения. В 1800 г. Бурбон был даже на грани отделения. Генералу Маларту, последнему назначенному королем губернатору, стоило больших усилий помешать Бурбону провозгласить «независимость». В 1802 г. два фрегата неожиданно высадили на Сейшельские острова 70 «террористов», от которых хотел избавиться первый консул. Сейшельским колонистам удалось переправить половину из них на Коморы, где большинство изгнанников погибло. Нищета и болезни довольно быстро справились и с остальными.

Наконец, существовала опасность со стороны Англии. Однако корсары и морские части, расквартированные в Порт-Луи, позволили Маскаренским островам отразить эту опасность. Первое нападение англичан было отбито в 1794 г. морским дивизионом в Порт-Луи. Англичане попытались собрать в этом районе более значительные силы, но египетский поход Наполеона (1798) отвлек их внимание и спас острова. Англичанам пришлось удовлетвориться захватом Сейшельского архипелага.

Французские военно-морские силы, находившиеся тогда в Индийском океане, были недостаточны для ведения эскадренной войны. Поэтому снова пришлось прибегнуть, но на этот раз в более широком масштабе, к каперской войне, которую французы с успехом вели против англичан во время войны за независимость североамериканских колоний. С 1793 по 1802 г. корсары и морские флотилии захватили около 200 судов противника, 126 из которых были приведены в порт. Каперство приняло весьма широкие масштабы.

Торговая деятельность на островах привлекла множество иностранцев, главным образом датчан и американцев. Дела в Порт-Луи процветали, и в 1797 г. ассамблея на Иль де Франсе смогла увеличить таможенную пошлину, не слишком отпугнув этим торговцев из других европейских стран. В 1795—1798 гг. общая стоимость американского импорта из Франции и ее колоний составила 992,4 тыс. долл. Из этой суммы 483,2 тыс. долл., т. е. около половины, составляла доля Маскаренского архипелага.

Европейские торговцы доставляли на острова всевозможные продовольственные товары, боеприпасы, мореходное снаряжение и даже французское вино, за которым они заходили в Бордо. С островов они вывозили восточные товары, захваченные у англичан, и колониальные товары, среди которых значительное место занимало «кофе Бурбон».

Хотя каперство и торговля помогли Маскаренским островам выжить, они не обогатили их: в течение всего периода революции их хозяйство страдало от избытка бумажных денег.

В XVIII в. история Коморских островов была отмечена в основном междоусобными войнами и восстаниями рабов. Хотя европейские корабли, ходившие Мозамбикским проливом, посещали

время от времени Коморские острова, их жители находились в стороне от остального мира.

Система правления была здесь аристократической: на верхней ступени ее находилась небольшая группа «знатных людей», а на нижней — множество рабов, вывезенных главным образом из Африки. Что касается хозяйства Коморского архипелага, то оно было развито сравнительно слабо. Это, однако, не остановило уроженцев Мадагаскара, известных под именем зана малата (потомков детей от смешанных браков пиратов с мальгашскими женщинами в начале XVIII в.), от нападений на острова. В 1785 г., а может быть и раньше, зана малата, поселившиеся на северо-восточном берегу Мадагаскара, начали регулярно снаряжать флотилии из больших пирог для набегов на Коморы. Эти небольшие суда, перевозившие примерно до 30 человек, собирались обычно в бухте Вухемар или Антонжиль и нередко брали в помощники сакалава. В некоторых походах собиралось от 300 до 500 пирог. Эти нападения продолжались до 1820 г. и были направлены главным образом против островов Анжуан, Мохели и Майотта. В 1790 г. был разрушен Домони, главный город Анжуана, а в начале XIX в. о-в Майотта оказался практически безлюдным.

Итак, в XVIII в. Франция была вынуждена отказаться от мысли выкроить для себя значительное место в самой Индии. Тем не менее в юго-западном районе Индийского океана ей удалось основать на Маскаренских островах два поселения, которые ни в чем не уступали колониям других европейских стран на пути в Индию. Эти поселения отличались следующими главными особенностями: во-первых, здесь глубоко укоренилась французская цивилизация, хотя на островах и было больше африканских рабов, нежели французов или креолов, а во-вторых, несмотря на прочные связи с востоком, оживленная торговля с Европой и Северной Америкой удерживала их все же в сфере влияния запада.

Динамичность этого островного общества позволила Франции занять важное положение в этой части мира, даже в трудные времена революции.

¹ Ж.-Б. Боссюэ (1627—1704) — французский прелат, духовный писатель, апологет монархического правления при Людовике XIV, автор «Бесед о всеобщей истории» (примеч. пер.).

² Имеется в виду Средиземное море (примеч. пер.).

³ Мыс на французском побережье пролива Ла-Манш между Гавром и Дьеппом (примеч. пер.).

⁴ Один из первых и наиболее известных колониальных деятелей Франции (примеч. пер.).

⁵ Куэста (исп.) — горная гряда с асимметричными склонами (примеч. пер.).

⁶ Автор этого раздела пересказывает мнение французского историка Р. Монни, долгое время работавшего в Дакаре в Институте Черной Африки. Монни хорошо знаком с историей Западного Судана, он — автор многочисленных работ по археологии этого региона, сам производил раскопки в Сенегале и в Мали, в частности на месте столицы древней Ганы, в Кумби-Сале. Изучая климатические условия (направление ветров в разное время года и возможности мореплавания у берегов Западной Африки), он пришел к убеждению в подложности греческого текста, будто бы списанного с отчета Ганнона, возглавлявшего экспедицию в южную часть Атлантического океана. Отчет этот, по словам греческого автора, был помещен в храме Ваал Хаммона в Карфагене. См. дальше примеч. 43, где разбирается этот вопрос (примеч. отв. ред.).

⁷ Ныне — мыс Альмади (примеч. пер.).

⁸ Долгое время предполагали, что техника обработки железа проникла в Африку из Мероэ. Однако детальные исследования находок железных украшений и орудий, найденных в гробницах царей и вельмож в Напате и Мероэ, шлаковых куч в районе Мероэ и следов плавильных печей показали ошибочность этих предположений. Вопрос этот подробно разработан в исследовании Г. Амборна, который показал, что обработка железа и выплавка его из руды в Мероэ появилась много позднее, чем считалось раньше. См.: H. A m b o r n. Die Bedeutung der Kulturen des Niltals für die Eisenproduktion in Subsaharischen Afrika (Studien zur Kulturkunde. Bd 39). Wiesbaden, 1976. См. также примеч. 63 (примеч. отв. ред.).

⁹ Здесь автор этого раздела, очевидно, опирается на мнение африканского этнографа Дж. Мэрдока. Проблема центров происхождения культурных растений живо обсуждалась в среде специалистов — палеоботаников, ботаников, археологов и представителей других наук. Теперь признается ошибочность теории Мэрдока (примеч. отв. ред.).

¹⁰ См.: Ж. Маке. Цивилизации Африки южнее Сахары. История, технические навыки, искусства, общества. М., 1974. Ввиду малозвестного термина «цивилизация росчистей» там употреблен термин «цивилизация леса» (примеч. отв. ред.).

¹¹ Изложенная здесь теория о заселении Африки народами хамитской языковой семьи теперь отвергнута. Она господствовала в науке в начале нашего века, но оспаривалась многими лингвистами. Языки семито-хамитской семьи в советской лингвистике ныне принято называть афразийскими (И. М. Дьяконов); американские лингвисты называют их афроазиатскими (Дж. Гринберг). авг-

лийские языковеды-африканисты предложили назвать их эритрейскими (А. Н. Такер), признавая их родинной районы, прилегающие к Красному морю, прежде называвшемуся по-гречески Эритрейским. См. примеч. 59 (примеч. отв. ред.).

¹² Священные камни, в которых, по поверьям, обитал дух божества или само божество, собственно *бет-эль* (древн. еврейск.) — «дом божий» (примеч. отв. ред.).

¹³ VI тысячелетие дало одновременную датировку появления керамики как для Судана, так и Ближнего Востока (примеч. отв. ред.).

¹⁴ Вопрос об антропологическом типе населения древней Сахары еще очень неясен и оживленно обсуждается в кругах специалистов. Несомненно, однако, что негроиды обитали прежде гораздо севернее нынешнего района Сахеля (примеч. отв. ред.).

¹⁵ См. примеч. 8 (примеч. отв. ред.).

¹⁶ Намибии (примеч. пер.).

¹⁷ Автор этого раздела пишет о единстве языков бушменов и готтентотов, очевидно следуя классификации языков Африки Дж. Гринберга, известной ему еще в первом ее варианте: отсюда «семьи щелкающих языков». Однако объединение языков бушменов и готтентотов в одну группу неверно. Специалисты лингвисты, изучавшие эти языки детально в полевых условиях, разделяют их. Щелкающие звуки встречаются и в языках банту южной группы (зулу, коса, суто и др.), и это не дает оснований причислять их к бушменоготтентотским языкам. Сходство словарного состава, устанавливаемое по спискам слов, также не может признаваться убедительным доказательством, если иметь в виду долгое соседство этих народов. Надо учитывать строй языка в целом, а грамматический строй — морфология и синтаксис, равно как и словарный состав, взятый в целом, не дают никаких оснований для подобного объединения. Вопрос этот достаточно ясен для любого лингвиста, ознакомившегося с записями текстов. Достаточно указать на работы К. Мейнхофа и Д. Вестермана, изучавших готтентотские языки; труды чешского языковеда Р. Стопа — специалиста по этой группе языков (как бушменов, так и готтентотов); знатока языков Южной Африки Вестфала (равно как и первого их исследователя — В. Блика): все они признавали полнейшее различие обеих групп и невозможность их объединения в одну языковую семью. «Справочник африканских языков» дает следующее заключение: «Сходство между готтентотскими и бушменскими языками — поверхностно и не идет далее указания на наличие щелкающих звуков в обеих группах и некоторого сходства словаря. Фонология и грамматика настолько различны, что невозможно рассматривать их как единую группу. Разделение этих двух языковых типов на две различные группы поэтому необходимо». См. Handbook of African Languages. P. III. L., 1956, с. 106—107. Подробные доказательства этого и таблицу местоимений смотри в работе E. O. J. Westphal. On Classifying Bushman and Hottentot Languages. African Language Studies. Vol. III. L., 1960, с. 30—48 и его другие работы. На русском языке см.: Д. А. Ольдерогге. Язык как исторический источник. — Источниковедение африканской истории. М., 1977, с. 8—37. (Надо только иметь в виду ссылку на печатку, отмеченную издательством в списке печаток к с. 15). Там достаточно ясно изложена история досадного смешения обеих групп языков, к сожалению повторяющегося во многих работах по этнографии и истории Африки, преимущественно обзорного характера (примеч. отв. ред.).

¹⁸ Связь языка хадза с бушменскими языками юга Африки по существу остается недоказанной ввиду недостаточной изученности языков этой части Танзании. Щелкающие звуки встречаются и в языке санье (примеч. отв. ред.).

¹⁹ В данном случае Ж. Иерно повторяет старую и давно уже отвергнутую теорию о существовании особой расовой, культурной и языковой общности хамитов. Причислять эфиопов к хамитам ошибочно (примеч. отв. ред.).

²⁰ Упоминая о «полумесце», автор имеет в виду так называемый «плодородный полумесец» — термин, предложенный в начале XX в. американским египтологом, крупным специалистом по истории Древнего Востока — Брестедом. Он назвал так области древних земледельческих культур от Египта до Месопото-

тамии, которые действительно напоминают по своей форме полумесяц (примеч. отв. ред.).

²¹ Все эти названия теперь понемногу устранились их самоназваниями. См. примеч. 78 (примеч. отв. ред.).

²² Вряд ли стоит переносить современное понятие «демографический взрыв» на древность, когда Африка была мало заселена. Передвижение народов в те времена было вызвано иными причинами, скорее всего прогрессирующим высыханием Сахары в V—II тысячелетиях до н. э. (примеч. отв. ред.).

²³ Ныне — провинция Шаба Республики Заир (примеч. пер.).

²⁴ Автор этого раздела упустил из виду, что в Нубии существовала письменность, основанная на применении алфавита, созданного на основе коптского с добавлением нескольких начертаний для обозначения звуков, чуждых языку коптов, представлявшему последнюю стадию развития древнеегипетского языка. Древне nubийские тексты относятся к X в. н. э. (см. ниже первую главу второй части этой книги, где речь идет об истории Нубии) (примеч. отв. ред.).

²⁵ Письменность тифинаг возникла на основе финикийского алфавитного письма, отличающегося некоторыми особенностями, очевидно, под влиянием местных говоров. Само название «тифинаг» указывает на его финикийское происхождение: *ти* (показатель женского рода) + *финаг* (от основы ФНГ) (примеч. отв. ред.).

²⁶ Общепринятой классификации африканских языков еще нет, что объясняется прежде всего неизученностью многих районов континента, где почти ежегодно открывают все новые языки. Наиболее неизученными областями остаются районы Камеруна и прилегающие к нему горные области средней Нигерии, а также южной Эфиопии, где специалисты даже предлагают выделять особую ветвь так называемых омотских языков афразийской семьи по названию р. Омо, впадающей с севера в оз. Рудольф. Вопрос этот еще далеко не решен. Мало изучены также языки центральной части Африки: в Центральноафриканской Республике, в южных районах Республики Чад, в Народной Республике Конго — т. е. в районах вдоль северной границы распространения языков банту.

Спорным остается также объединение языков койсанской семьи — по-видимому, прежнее мнение о различном происхождении языков готтентотов (нама, корана, гриква) и бушменов имеет солидные основания, и объединение их в единую койсанскую семью основано скорее всего на антропологических данных: сходстве их физического типа, что не может служить основанием для лингвистической классификации; см. примеч. 17.

Яснее всего классификация афразийских языков, выделяющая пять групп: семитскую, берберскую, кушитскую, древнеегипетскую с коптским языком и чадскую. К ней, как сказано выше, причисляют шестую — омотскую группу, но существование ее, равно как и состав входящих в нее языков, еще не доказан, и вопрос следует считать открытым (примеч. отв. ред.).

²⁷ В англо-американской литературе очень часто применяется термин «революция», причем «неолитическая революция» — особенно часто. Следует иметь в виду, что эта «революция» длилась сотни (если не тысячи) лет, и по существу речь идет о постоянном совершенствовании орудий труда, постепенном освоении навыков земледелия, введении дикорастущих злаковых растений и корнеплодов в культуру, приручении животных и т. п. Все это длилось веками; некоторые попытки одомашнивания животных (например, антилоп в Египте) оказывались неудачными; то же происходило с культурными растениями, многие виды которых потом переставали возделывать или изменяли их применение (как, например, лен: некогда он служил пищей, позднее стал применяться для изготовления тканей) и т. п. Словом, это был долгий путь удач и ошибок. Все это следует иметь в виду, когда говорят о «неолитической революции»: она не была внезапным переходом от присваивающего хозяйства к производящему — от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству (примеч. отв. ред.).

²⁸ Этнографический атлас, составленный американским ученым Дж. Мэрдоком, — сводка литературных данных, известных по сообщениям путешественников, миссионеров, различных исследователей и т. д. Поэтому нельзя сказать,

что «ему удалось изучить». Ни одно из собранных им сообщений не подвергалось им критическому анализу. Сведения, вошедшие в его сводку, не равноценны; многие сообщения, учтенные Мэрдоком, принадлежат лицам, не знавшим языков изучаемых ими народов или проживших среди этих народов лишь несколько месяцев и т. п. Поэтому, хотя сводка эта несомненно полезна, к ней следует относиться с осторожностью, ибо здесь не соблюдено основное требование — критика источника, то, с чего должна начинаться работа историка, этнографа, историка культуры. Этот недостаток, к сожалению, присущ многим этнографическим работам. Таков же характер аналогичного огромного свода этнографических сведений по Африке, составленный Э. Тордеем по плану, разработанному в свое время известным социологом Г. Спенсером; см.: E. Torday. African Races (Pygmie, Bantu, Equatorial Hybrid Tribes, Sudanic Peoples, Niloties, Nilo-Hamites, Filani, Khoisan)... L., 1930 (примеч. отв. ред.).

²⁹ Применение плуга в условиях Тропической Африки невозможно из-за характера почвы. Этот вопрос достаточно хорошо разъяснен теперь специалистами-почвоведом (примеч. отв. ред.).

³⁰ Данные углеродного анализа показали глубокую древность этих изображений, восходящую к нескольким тысячелетиям до возникновения критской культуры. Подробное об этом на русском языке см. предисловие к книге Элленбергера «Трагический конец бушменов» (М., 1956). После появления этой книги были опубликованы датировки наскальных росписей Южной Африки, причем росписи Брандберга были признаны наиболее древними среди всех наскальных изображений, и возраст их определяется в 10—12 тыс. лет до нашего времени (примеч. отв. ред.).

³¹ Его имя теперь предлагают читать Хуфхор (примеч. отв. ред.).

³² Местонахождение Пунта теперь устанавливается довольно точно. Немецкий египтолог Р. Герцог, долго работавший в Египте, определил его в области слияния р. Атбары с Нилом. Его заключения уточнил и исправил английский ученый К. А. Хитчен, совершенно справедливо отметивший, что путь в страну Пунт шел не по Нилу, как предполагал Герцог, а по Красному морю, и местоположение Пунта находилось в низовьях Атбары и прилегающих областях. Это подтверждается лингвистическими данными. Из Пунта привозили карликов «Денг». Но в современной Эфиопии слово это сохранилось в том же значении в диалектах амхарского языка, в тигринья, в кушитских языках Южной Эфиопии — камбатта и др. См. об этом: Д. А. Ольдерогге. Денг — карлики южных стран. — Африканский этнографический сборник. XI. ТИЭ. Н. сер. Т. 106. Л., 1980 (примеч. отв. ред.).

³³ Особого «хамитского» расового типа не существует. Предположение об особой хамитской расе, пришедшей в Африку и положившей начало египетскому государству, теперь отвергнуто. Речь идет о светлокожем типе, одном из вариантов индо-средиземноморской расы (примеч. отв. ред.).

³⁴ См. очерк современного состояния изучения языка древнего Мероз: Ю. Н. Завадовский, И. С. Кацнельсон. Мероитский язык. М., 1980. (примеч. отв. ред.).

³⁵ Церковный писатель и историк, автор «Историй отшельников» (V в.) (примеч. пер.).

³⁶ Некоторые советские специалисты, в частности С. Б. Чернецов, отрицают наличие этих слов в надписи и сомневаются в ее христианском характере (примеч. отв. ред.).

³⁷ Согласно мусульманской исторической традиции, первые мусульмане, спасаясь от преследований в Мекке, до переселения (хиджры) в Медину искали убежища в Эфиопии (примеч. пер.).

³⁸ Прозвище, означающее «Огонь» (примеч. отв. ред.).

³⁹ Пактол — золотоносная река в Лидии, царстве Креза; в переносном смысле — источник богатства (примеч. отв. ред.).

⁴⁰ Аския — титул, который приняли впоследствии правители Сонгай (примеч. отв. ред.).

⁴¹ На языке сонгай «Тондиби» означает буквально «Черная гора» (примеч. отв. ред.).

⁴² Клавдий Рутилий Наматнан (начало V в.) — римский писатель (примеч. отв. ред.).

⁴⁸ По мнению Р. Мони, дискуссия по поводу подлинности «Перипла» Ганнона окончательно завершена. Однако дело обстоит несколько иначе. Исследователи Перипла уделяли главное внимание его содержанию, забыв о первом требовании к историку, что все должно начинаться с критического изучения самого текста. Основательно этим занялся только недавно шведский филолог Т. Бломквист — специалист по литературе древней Греции. См.: T. Blomquist. The Date and Origin of the Greek Version of Hanno's Periplus: with an Edition of the Text and a Translation. Lund, 1979 (см. обширный список литературы по этому вопросу, с. 66—68).

Бломквист отметил архаичные черты стиля греческого текста, указал на его особенности, характерные для ранней греческой прозы, обратил внимание на употребление аллитерации, специальных оборотов и слов, в том числе довольно редких глаголов, и пришел к выводу, что синтаксис, морфология и фонетические особенности греческого текста доказывают близость текста греческой прозе VI—V вв. до н. э. и что составлен он был не позже V в. до н. э.

Недавно вышла в свет работа Р. Лони (R. L o n i s. Les conditions de la navigation sur la Côte atlantique de l'Afrique dans l'antiquité: le problème de retour.— Afrique Noire et monde méditerranéen dans l'antiquité. Dakar, 1978). На основании литературных и археологических данных автор считает, что для кораблей того времени обратный путь был возможен. Такого же мнения придерживается и Ж. Рамэн (J. R a m é n. The Periplus of Hanno. Ох., 1976). Бломквист разделяет их мнение, указывая на то, что в случае необходимости корабли эпохи античности могли ходить против ветра, хотя судам с квадратным парусом и приходилось тратить немало времени, чтобы держаться нужного направления. Бломквист отмечает, что метеорологические условия в Средиземном море таковы, что летом, т. е. в то время года, когда обычно плавали суда, господствуют северные и северо-западные ветры, в особенности в восточной части Средиземноморья, где ветер с северо-запада дует с не меньшей силой, чем северо-западный пассат в Атлантике. Корабли, выходившие из Египта на Крит или в Эгейское море, не могли бы достичь цели, не прибегая к лавированию. Однако подобные путешествия были регулярными, что видно хотя бы из того, что существование Рима зависело от регулярной поставки хлеба из Египта.

Таким образом считать мнение Р. Мони окончательно решающим вопрос было бы неверным. Между тем он настолько увернулся в подложности «Перипла» Ганнона, что даже не упомянул его в своем исследовании по истории и археологии Западной Африки, что, конечно, было по меньшей мере неосторожно; см.: R. M a u n y. Les navigations médievales sur les côtes sahariennes antérieures à la découverte portugaise (1434). Centro de estudos históricos ultramarinos. Lisboa, 1960, а также R. M a u n y. Tableau géographique de l'Ouest Africain. Dakar, 1961.

Советские историки не сомневаются в подлинности путешествия Ганнона. В частности, следует указать на следующие работы: И. Ш. Шифман. «Перипл» Ганнона и проблема карфагенской колонизации атлантического побережья Марокко.— Палестинский Сборник. Вып. 7(70). М., 1962. См. также: История Африки (Хрестоматия). М., 1979, где приводится перевод текста и обстоятельные примечания. Вообще, Гейдельбергская рукопись Palatinus Graecus 398 всегда вызывала много споров, и в сводке А. Диллера (A. D i l l e r. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Middletown, 1952) приводится перечень более сотни работ (примеч. отв. ред.).

⁴⁴ Рассказ ал-Идриси о плавании восьми мореходов, пытавшихся разведать области Атлантического океана к западу от Португалии (примеч. пер.).

⁴⁵ Средневековые арабские авторы называли Канарские острова «Счастливыми» (примеч. пер.).

⁴⁶ Полное имя этого морехода — Шихаб ад-дин Ахмед ибн Маджид ас-Са'ди ан-Наджи. Этот лоцман, проведший корабли португальцев в Индию, был не только опытным моряком, но и автором многочисленных трудов по морской географии. Часть их была составлена им в стихотворной форме. Академик И. Ю. Крачковский подробно описывает историю открытия его сочинений и значение их для изучения мореходства у арабов на Индийском океане; см. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. Арабская географическая литература. М.—Л., 1957. Некоторые из рукописей Ибн-Мад-

жида находятся в Ленинграде. Издание их см.: Т. А. Шумовский. Три неизвестные лоции Ахмеда ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. М.—Л., 1957.

О сведениях, которыми располагали арабы относительно древней и средневековой Африки см. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки. Арабские источники VII—X вв. Перевод и составление Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.—Л., 1960; Арабские источники X—XII вв. Перевод и составление В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.—Л., 1965 (примеч. отв. ред.).

⁴⁷ Известен, например, случай, когда капитан испанского корабля, захваченного португальцами в водах Гвинейского залива, был сожжен на костре как еретик, потому что он нарушил папскую буллу — волю наместника престола св. Петра (примеч. отв. ред.).

⁴⁸ См. примеч. 1 (примеч. пер.).

⁴⁹ Букв. «дорога племени лемтуна» (араб.) (примеч. пер.).

⁵⁰ Среди которых различаются трарза и бракна (примеч. авт.).

⁵¹ Имам — глава мусульманской общины (примеч. авт.).

⁵² Шериф, мн. ч. шорфа — потомки пророка (примеч. авт.).

⁵³ В этой главе речь идет о южных областях современных БСК, Ганы, Того, Бенина и Нигерии (примеч. отв. ред.).

⁵⁴ Ныне — Республика Бенин (примеч. пер.).

⁵⁵ Автор имеет в виду финикийскую колонию в дельте р. Бетис (совр. Гвадалквивир) (примеч. пер.).

⁵⁶ В восточной части дельты Нигера крупнейшими «государствами» такого типа были Нембе (часто называемое европейцами Брасс), Бонни, Элем Калабар, т. е. Новый Калабар, и Окрика. В западной части дельты это были Варри (в устье реки Форкадос) и другие (примеч. отв. ред.).

⁵⁷ Здесь рассматривается история народов, населяющих современную Северную Нигерию, Республику Нигер, Республику Чад и Демократическую Республику Судан (примеч. отв. ред.).

⁵⁸ Автор имеет в виду работу немецких ученых-африканистов Г. Бауманна и Д. Вестермана «Народы и цивилизации Африки», изданную в Германии в 1942 г. (во время войны) и переведенную на французский язык в 1957 г. Бауманн, представитель культурно-исторической школы, ученик Б. Анкерманна и Л. Фробениуса, предложил разделить все народы Африки на так называемые «культурные круги», основываясь преимущественно на изучении материальной культуры. Другая работа, о которой упоминает автор, — книга американского этнографа Дж. Мэрдока — «Африка и ее народы». В отличие от первых двух названных ученых, Мэрдок не занимался специально этнографией Африки, и его работа основана на литературных данных. Мэрдок представил общую картину истории культуры всех народов, населяющих Африканский материк, и разделил их на области в духе принятой в американской этнографии теории так называемых «культурных ареалов», что не совпадает с концепциями школы «культурных кругов», господствовавшей в различных вариантах в Германии и Австрии в первой четверти XX в. Теории «культурных кругов» многократно подвергались критике, и в наши дни они относятся, скорее всего, уже к истории развития этнографической науки. Их основной недостаток — отсутствие связи с подлинной историей. Они являются, в сущности говоря, некоей абстракцией, не опирающейся ни на этническую историю, ни на данные языкового родства изучаемых народов. Работа Мэрдока сразу же по ее появлению подверглась серьезной критике со стороны африканистов, но справедливость требует отметить, что в ней содержались интересные и новые по существу попытки осветить историю развития культуры народов Африки в целом. Это относится, например, к его предположению о существовании в пределах Западной Африки самостоятельного очага развития земледелия. Вообще работа Мэрдока отличается тем, что он придавал большое значение вопросам распространения культурных растений. Однако, не будучи ботаником, он слишком смело решал сложные вопросы истории происхождения культурных растений, и большинство его предположений было отвергнуто специалистами. Все же, возможно, под его влиянием позднее эти вопросы стали предметом

исследования палеоботаников, археологов, палинологов и других представителей смежных наук.

Американский ученый М. Херсковиц, в отличие от Мэрдока много лет изучавший Африку, в своих работах также основывался на концепции «культурных ареалов», разработанных при классификации народов Северной Америки и на основе изучения индейских племен до XVII в., т. е. до колонизации Американского материка англичанами и французами (примеч. отв. ред.).

⁵⁹ Упомянутая в тексте африканская семья языков в настоящее время подразделяется на пять подсемей — семитскую, кушитскую, берберскую, древнеегипетскую (в которой коптский язык составляет последнюю стадию развития языка Древнего Египта) и чадскую (или, по терминологии немецких лингвистов, чадо-хамитскую), объединяющую языки Центрального Судана. Состав пятой подсемьи пока еще окончательно не определен, и в настоящее время ведется усиленное их исследование, представляющее большое значение для уяснения истории культуры народов всей северной половины Африканского материка (примеч. отв. ред.).

⁶⁰ Предположение автора этого раздела, что прародиной языков группы канури-теда была Нубия, бездоказательно, и его следует считать всего лишь личным мнением автора (примеч. отв. ред.).

⁶¹ История распространения языков банту по всей южной половине Африканского материка в настоящее время является предметом научных дискуссий. Существуют самые различные мнения о путях расселения банту-язычных народов. Наиболее распространенное из них — предположение о продвижении народов банту из области современного Камеруна (района южнее оз. Чад) в обход тропического леса двумя потоками — либо западным через Габон, либо восточным через саванны Восточной Африки (Г. Джонсон, Дж. Гринберг). Другие лингвисты полагают, что сложение языковой общности банту происходило в области саванн к югу от экваториального леса. Такого мнения крупнейшего бантуиста, английского лингвиста М. Гасри. Археолог Филлипсон — сторонник теории двух путей, что, по его мнению, подтверждается находками керамики особого типа и следами употребления железа. Однако археологические свидетельства при отсутствии надписей или каких-нибудь письменных данных не могут доказывать языковую принадлежность людей; неизвестно, на каком языке говорили люди, пользовавшиеся этими орудиями или сосудами. Существуют и другие точки зрения, частично основанные на теориях субстрата. В общем вопрос этот еще далеко не решен (примеч. отв. ред.).

⁶² Имея в виду границы описываемого автором района, следовало бы определять географическое положение пигмеев Итури не на юго-востоке, а скорее просто на востоке данного района (примеч. отв. ред.).

⁶³ Данные радио-углеродного анализа еще в 1959 г. показали, что появление железа в Южной Нигерии, в частности плавильные печи в районе распространения культуры Нок, относятся к III в. до н. э. Однако позднее в том же районе, в поселении Самун Дукийя, были найдены железные орудия: мотыги, обломки ножей, наконечники стрел и копий, а также остатки угля. Анализ этих остатков показал более раннюю дату — 380—320 гг. до н. э. Пока это самая ранняя дата, указывающая на выплавку железа из руды в Западной Африке. Она предшествует древности выплавки его в Мероз. См. H. A m b o g n. Spuren der Eisen verarbeitung auf Fundplätzen der Nok-Kultur. — Kumschätze aus Alt-Nigeria. Mainz am Rhein, 1983 (примеч. отв. ред.).

⁶⁴ По-видимому, присоединяясь к гипотезе, выдвинутой Авело, не подкрепленной, правда, никакими доказательствами, но довольно хорошо согласуемой с лингвистическими и этнографическими данными, а также с вероятной историей государства Конго (примеч. авт.).

⁶⁵ Малави, упоминающееся в этой главе, в другой называется Марави. В языках и диалектах банту этого района звуки Р и Л чередуются. Это один и тот же топоним и этноним (примеч. отв. ред.).

⁶⁶ Как патрилинейные, так и матрилинейные группы относятся к линиям родовых структур и включают только лиц, связанных отношениями по родству. Поэтому они не могут включать лиц иного происхождения, т. е. клиентов или рабов. Автор допускает здесь ошибку, к сожалению встречающуюся не-

редко, смешивая общинные связи и родовые структуры. Очевидно, речь идет в данном случае об общинно-родовых объединениях. См. об этом: Д. А. Ольдерогге. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин. — Социальная организация народов Африки и Азии. М., 1975 (примеч. отв. ред.).

⁶⁷ История государства Конго изложена в книге В. Рэндлза (W. G. L. R a p - d l e s. L'ancien royaume du Congo dès origines à la fin du XIX siècle. Paris. — La Haye, 1968). На русском языке о истории Заира см.: А. С. Орлова, Э. С. Львова. Страницы истории великой саванны. М., 1978; О. С. Томановская. Лоанго, Каконго и Нгойя. Историко-этнографический очерк. М., 1980; Ю. Н. Винокуров, А. С. Орлова, В. А. Субботин. Новая и новейшая история Заира. М., 1982 (примеч. отв. ред.).

⁶⁸ Здесь и дальше автор пользуется данными так называемых этногенетических легенд, которые возводят происхождение династий, народов, государств к различным историческим персонажам — реальным или мифическим. Одной из таких легенд является официальная генеалогия последней эфиопской династии (примеч. пер.).

⁶⁹ История Эфиопии периода средневековья обстоятельно изложена на русском языке в книге С. Б. Чернецова (Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI веках. М., 1982) (примеч. отв. ред.).

⁷⁰ Легендарный рассказ, восходящий к одному арабоязычному источнику XII в. (примеч. пер.).

⁷¹ *Акабэ-саат* — титул настоятеля монастыря св. Стефана на оз. Хайк, который постоянно пребывал при дворе и был одновременно первым сановником государства и царским духовником (примеч. отв. ред.).

⁷² Т. е. против Шихаба ад-дин Ахмеда Бадлая, который правил Адалем с 1433 по 1445 г. (примеч. отв. ред.).

⁷³ Ныне — оз. Мобуту Сесе-Секко (примеч. отв. ред.).

⁷⁴ «Самыми характерными языками банту» автор этой главы называет группу языков, имеющую наиболее высокий процент общего основного словарного состава языков, объединяемых в единую генетически родственную семью языков банту. Подсчеты эти основаны на работах М. Гасри. См. его обстоятельный труд: M. Guthrie. Comparative Bantu. Vol. I—IV. Farnborough (England), 1967—1971 (примеч. отв. ред.).

⁷⁵ Вопрос этот оживленно обсуждается специалистами, и теперь мы располагаем довольно значительной литературой по многим областям Африки. На русском языке см.: Железный век Африки. М., 1982 (пер. с английского) (примеч. отв. ред.).

⁷⁶ Наиболее основательным исследованием китайских источников об Африке является труд В. В. Вельгуса «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранне XI века)» (М., 1978) (примеч. отв. ред.).

⁷⁷ Новейшие исследования показали, что родиной одного из видов банана были предгорья Килиманджаро. Лингвисты, установившие это на основании изучения языков северо-восточных банту, ссылаются на заключения ботаников, также пришедших к подобному выводу. Отсюда следует, с какой осторожностью нужно относиться к прежним предположениям, основанным на недостаточной тщательных исследованиях, и к поспешным заключениям широкого масштаба, допущенным, например, в трудах Дж. Мэрдока. Многие культурные растения, как полагают теперь, были занесены из Африки в Южную Азию, в частности в Индию (примеч. отв. ред.).

⁷⁸ Многие названия народов верховьев Нила, прочно установившиеся в научной литературе, оказались не их самоназваниями, а всего лишь искаженными названиями, данными им соседними народами, а в иных случаях к тому же искаженными в суданском диалекте арабского языка (так как арабы обычно бывали переводчиками при чиновниках и путешественниках). Некоторые из названий оказались даже бранными кличками. Теперь в научной литературе понемногу восстанавливаются точные самоназвания. Так, самоназвание нуэров — наас; динка называют себя дженг, в некоторых диалектах джанг; самоназвание ануак — аньваа; сук называют себя покот; самоназвание шил-

луков — чоло. Название народности, обозначавшейся ранее именем теусо, в действительности — нк, а их язык джайетот, и т. д. (примеч. отв. ред.).

⁷⁹ Т. е. в стране народности чоло. См. предыдущее примечание (примеч. отв. ред.).

⁸⁰ Участок р. Нил между озерами Виктория и Кьога (примеч. пер.).

⁸¹ Европейцы называли страну Мономотапа по титулу ее верховного правителя — *момотапа*, что, по-видимому, означает «владыка рудников» (примеч. отв. ред.).

⁸² Английское название парусного судна этого типа — *dhow* — читается как «дау». На языке суахили *dau* (мн. чис. — *тадау*) — небольшое судно с парусом. Таким образом слово это вошло в английский язык из языка суахили (примеч. отв. ред.).

Предисловие	3
Введение (Ю. Дешан)	12

Часть I. Введение в историю Африки

Глава 1. Африка к югу от Сахары. Географическая среда и природные условия (Ж. Соггер)	16
Глава 2. Доисторический период (Р. Мони)	31
Глава 3. Антропологическая дифференциация населения Африки (Ж. Иерно)	42
Глава 4. Языки Африки (Ф. Лакруа)	59
Глава 5. Негро-африканские общества (Ж. Баландье)	73
Глава 6. Предметы, образы и боги (Ж. Маке)	79
Глава 7. Источники по истории Африки (А. Моньо)	95

Часть II. История Тропической Африки

Глава 1. Нубия и Эфиопия от доисторического периода до XII в. н. э. (Ж. Леклан)	112
Глава 2. Западный Судан в эпоху великих держав (Р. Мони)	138
Глава 3. Плавания древних и Великие географические открытия (Р. Мони)	151
Глава 4. Европейцы на Атлантическом побережье в XVII—XVIII вв. (Ю. Дешан)	165
Глава 5. Сенегал и Мавритания	180
Сенегал и Гамбия (Ж. Ломбар)	180
Мавритания (Дезире-Вюйемен)	192
Глава 6. Западный Судан и Западная Гвинея (И. Персон)	202
Глава 7. Гвинея Центральная и Восточная (П. Мерсье)	226
Глава 8. Центральный Судан (А. Моньо)	246
Глава 9. Западная Экваторная Африка (П. Александр)	261
Глава 10. Цивилизации южных саванн (Я. Вансина)	272
Глава 11. Эфиопия с 1117 по 1800 г. и Африканский Рог с древнейших времен до 1800 г.	292
Эфиопия (Г. Хантингфорд)	292
Африканский Рог (Ю. Дешан)	306
Глава 12. Восточная Африка (Р. Оливер)	308
Глава 13. Южная Африка и бассейн р. Замбези (У. Рэндлз)	329

Часть III. Мадагаскар и архипелаги

Глава 1. Индийский океан и острова (О. Туссен)	340
Глава 2. История Большого острова (Ю. Дешан)	345
Глава 3. Маскаренские, Сейшельские и Коморские острова в XVIII в. (О. Туссен)	358
Примечания	364

ИСТОРИЯ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ (с древнейших времен до 1800 г.)

Редактор Г. С. Киселев
Младший редактор Г. С. Горюнова
Художник Б. Л. Резников
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор М. В. Погоскина
Корректоры Г. П. Каткова и
И. И. Чернышева

ИБ № 14898

Сдано в набор 25.10.83. Подписано к печати 26.03.84. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 23,5. Усл. кр.-отт. 23,5. Уч.-изд. л. 28,03. Тираж 4600 экз. Изд. № 5302. Зак. 622. Цена 3 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано Полиграфическим объединением
«Полиграфист» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома.
Москва, ул. Макаренко, 5/16

Отпечатано в 3-й тип. изд-ва «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию

Дж. Миллер.

Короли и сородичи. Пер. с англ. 20 л.

Книга американского историка Дж. Миллера является исследованием ранних государственных и полугосударственных образований на севере Анголы. Особенно подробно показываются культурные традиции и мировоззрение народа мбунду и окружающих его этнических групп.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книго-торгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

НБ ПНУС

486823

ИБ ПИУС

486823